Материалы

МЕЖДУНАРОДНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ФИЛОСОФИЯ И НАУКА В КУЛЬТУРАХ ЗАПАДА И ВОСТОКА»

Томск, 28–29 сентября 2012

https://philosophy.festival.tsu.ru

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА В КУЛЬТУРАХ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Материалы Международной молодежной конференции
28-29 сентября 2012 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2012

УДК 410/378.147
ББК 81.1
Я41

Редакционная коллегия:
профессор, д-р пед. наук *С.К. Гураль*, канд. пед. наук, доцент *Михалева Л.И.*, канд. фил. наук, доцент *Темникова И.Г.*, канд. фил. наук, доцент *Нагель О.В.*, канд. фил. наук, доцент *Леушина Л.Т.*, канд. фил. наук, доцент *Кильмухаметова Е.Ю.*, канд. фил. наук, доцент *Хоречко У.В.*, канд. фил. наук, доцент *Марусина Н.И.*, канд. филос. Наук, доцент *Мазаева О.Г.*, ст. преподаватель *Минакова Л.Ю.*, ст. преподаватель *Травина И.И.*, аспирант, ст. преподаватель *Тихонова Е.В.*, аспирант, ст. преподаватель *Жукаускене Т.С.*, аспирант, преподаватель *Приворотская Т.В.*

Сборник подготовлен в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы на основании государственного контракта № 14.741.11.0408 от 04 сентября 2012 г.
При содействии Объединенного совета учащихся ТГУ

Философия и наука в культурах Запада и Востока: Сб. статей
Я 41 Международной молодежной конференции / отв. ред. С.К. Гураль. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 578 с.

ISBN 978-5-7511-2118-1

Настоящий сборник составлен на основе докладов участников Международной молодежной конференции «Философия и наука в культурах Запада и Востока», проходившей в Национальном исследовательском Томском государственном университете 28-29 сентября 2012 г. Представленные в издании материалы посвящены актуальным вопросам социально-культурного изучения языковой коммуникации с учетом теоретических и практических аспектов развития современной науки.

Представленная тематика рассматривается сквозь призму философского осмысления культурной идентификации личности. Предлагаются новые решения актуальных вопросов современного лингвистического образования. Особый интерес представляют материалы, посвященные восточным традициям в западной культуре, в частности, современные проблемы перевода восточных и европейских языков.

Для преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и магистрантов, а также молодых ученых, учителей школ, лицеев, гимназий и колледжей.

ISBN 978-5-7511-2118-1 ©Томский государственный университет, 2012

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

ЛЕКСИКА СВАДЕБНОГО ОБРЯДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ. THE RUSSIAN LEXICON OF WEDDING RITUAL: HISTORY AND ETYMOLOGY

Афанасьева Екатерина Николаевна
Afanasyeva Ekaterina Nikolaevna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
glion@vtomske.ru

Ритуалы всегда привлекали внимание людей. В древности ритуалам и обычаям присваивались функции организации бытия, на современном же этапе сакральный смысл обряда воспринимается людьми на подсознательном уровне, даже часто при условном соблюдении многих ритуальных действий, носящих в основном игровой, развлекательный характер (например, обряд выкупа невесты).

В данной статье анализируются некоторые этапы русского свадебного обряда в традиционном понимании, с использованием данных разных групп славянских языков с точки зрения истории, культурной специфики обряда и этимологии слов, его описывающих. Нужно сказать, что в фундаментальном исследовании, частью которого является данная статья, исследуется вся обрядовая лексика русского языка, под которой понимаются наименования обрядов. Выбор лексики свадебного обряда для написания данной статьи можно обосновать его популярностью на современном этапе развития общества, многогранностью семантического содержания и богатым этимологическим наполнением слов данной группы. В структурном соотношении свадебный обряд сложно организован и в нем занято наибольшее количество участников, чем в любом другом обряде. Неоспоримой является и значимость данного обряда для семьи как социального института.

Следует оговорить, что в работе будут рассмотрены далеко не все этапы русского свадебного обряда, а лишь те части, которые представляют наибольший интерес с точки зрения этимологии и истории реалий и слов. В частности, это такие лексемы как *сговор и свадьба.*

Тот вид брака, который наиболее распространен на территории восточных славян, имеет корни договорного брака, тип которого сложился в эпоху патриархата и до 19 века был превалирующим в отношениях моло-

дых людей. В нем же сохранились элементы брака-***завоевания***, или ***воровской свадьбы***, когда невесту крали.

Основу брака составляло похищение девушки из другого рода и ее выкуп. Об обрядах, сопровождавших свадьбу в языческий период нам известно мало. Венчание начиналось сговором (обручением) – церемония, когда невеста вкладывала руку в руку жениха, дарили подарки – яблоко, петуха или курицу. Обычай дарить перстень пришел из Византии. Затем невесту наряжали, отводили в дом жениха. Там ее обсыпали злаками и плодами, обводили вокруг очага. Древний славянский ритуал пустил значительные корни, что видно даже из современного наследия. Христианский брак считался привилегиями бояр и князей, простой народ же вплоть до 17 века пользовался привычным языческим культом [1].

Сговор – один из самых интересных этапов свадебного обряда, который, во-первых, встречался у большинства племен славян (и до сих пор встречается в отдельных областях), и, во-вторых, имеет определенную символику, сохранившуюся и по сей день.

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» под редакцией Толстого говорится, что сговор – это начальный этап свадебного обряда. Он включает в себя сватовство, смотрины (осмотр дома и хозяйства жениха и невесты) и обручение. Сговор отделялся от свадьбы периодом подготовки [2] Он проходил после *пропоев*, и означал завершение «сделки» - договор о будущем браке молодых.

В современном русском языке слово имеет следующую семантику:

Сговор – соглашение между родителями жениха и невесты о браке, а также обряд, которым сопровождается это соглашение, и более общее значение: соглашение о чем-либо, достигнутое в результате переговоров, договоренность.

Диалекты русского языка дают нам серьезное основание полагать, что данный обряд широко используется в современном брачном обряде и существует почти во всех областях с разными вариациями в структуре самого обряда и его наименованиях.

Мы видим высокочастотное употребление данного слова во всех формах с многочисленными фонетическими и морфологическими вариантами в северно-русских говорах (это и Кострома, и Ярославль, и Мурманск, и Сибирь – поскольку говоры Сибири основаны на базе северно-русских говоров).

Слово образовано бессуфиксальным способом от распространенного глагола *сговориться*, который в говорах имеет основное значение «до-

говориться о помолвке». *Ну а как говорили – и сговорились, они уж сговорились.* Омск.[3]

Глагол в этом значении имеет много производных в диалектах. В том числе, *сговорёной* (Костром.), *сговорёнкой (сговорёночкой)* называли просватанную девушку. *Как просватают девку, так сговоренкой называли* (Новосиб, Ордын). *Сговоренкой* могли называть платок, которым повязывали просватанную девушку (Яросл.), во время обряда пели *сговорёнки* – свадебные песни.

На *сгово́рке* (девичнике) девушка прощалась с незамужней жизнью.

Само слово *сговор* также имеет многочисленные варианты:

1. В фольклоре встречается вариант *сговоренье* (помолвка):

У меня, у молоденьки, безвременье – сговоренье (Омск.Мур).

У сибиряков была рукабитья, а у нас сговор (Новосиб.ордын).[3]

2. Более часто, чем литературная форма, встречается вариант с ударением на последнем слоге - говóр (сговорёнка, сговоренье, сговорины, сгóвóрка, говóрочки). [4]

3. В некоторых говорах слово имеет значение «гуляние накануне свадьбы» или «день сговора, помолвки, отмечаемый пирушкой» (Костром.)

Исследовав материал, можно отметить, то значение «договора о браке» это слово имело не всегда, в частности еще в 16 веке такое значение существовало только на периферии у глагола *сговаривати* (сговорити): *Как бывает зговоръ, приедет жених с своими своиственными к тестю на двор в чистом платье, а с ним бывает отец. Дм. (Свад.), 170. 16 век. [5].*

Основным же значением являлось «уговаривать, заключать соглашение».

В 19 веке глагол *сговорити* уже в первую очередь имел значение «помолвить, дать слово, обручить, благословить на брак», и уже во вторую - «убедить кого-нибудь».

Этимологически слово исконное, образовано на базе русского языка и не имеет однокорневых соответствий с указанным значением в других славянских языках. В частности, для выражения данного обряда в украинском используется лексема *зару́чини*.

Словом, обозначающим комплекс праздничных событий, которые следовали за помолвкой, является *свадьба*. В современном русском языке оно имеет основное значение «обряд заключения брака, а также празднество по случаю вступления в брак». В.И. Даль в 19 веке определяет это

понятие как «обручение, совершение брака, женитьба и замужество, повенчание, со всеми брачными обрядами и пирушками»[6].

На современном этапе слово употребляется абсолютно во всех сферах русского языка, в том числе в диалектах всех областей, но со своими фонетическими особенностями, например, в Новгороде произносят *сварьба*, в Перми *свальба*, и т.д. Говоры также дают нам обширное словообразовательное гнездо:

Свадьбиться, свадбичный, свадебельный, свадебжана, свадебляна – участники свадьбы, приехавшие с женихом, *свадебничать, свадебняник* – кто приглашен на свадьбу, *свадебшане* – участники свадебного поезда, гости на свадьбе. *Свадьбать, свадьбить, сварьбить* – гулять на свадьбе [2]. Все это свидетельствует об активнейшем использовании данного слова носителями диалектов.

Слово свадьба (сватьба) достаточно древнее, употребление этого слова в значении «сватовство» относится еще к 10в.: *«Рече им Ольга, яко уже я мстила мужа своего, когда пришли свадбу творити»* (Повесть временных лет, 946г.), в значении «торжество брака» в 11 веке: *И се яве видети в мире семь в двоих сосудех: у сих сватьбу творять, а у других мертвеца плачуться* (Сборник Святослава 1076г.), в значении «брак, заключение брака» - с 14в.: «*Свадбы створите с ними*» (Книга Иисуса Навета – 14-15вв.).[7].

Время фактического появления этого слова в славянских языках очень раннее, задолго до крещения Руси. Общеславянской формой могло быть *svatьba, отражение которого встречается во всех славянских группах:

Чеш – svatba, болг.сватба, свадба, швадзьба, с.-хорв. – свадба, словен.svatba, словац.svadba, белор.свадзьба, з-морав.*svarba, svajba*, с-в-чеш *svarby*.

Значение данного обряда также передается во многих славянских языках словом *веселье* и однокоренными с ним словами.

Некоторые ученые полагают, что слово образовано под влиянием *свариться (*ссориться). Эту точку зрения рассматривает, в частности, М.Фасмер [8]. А.Г.Преображенский возводит глагол *свататься* к слову *сват*, которое выводит из праформы *сво-j-атъ [9]. Однако более вероятным представляется то, что слово этимологически восходит к глаголу *сватать*, непроизводному глаголу с точки зрения русского языка. По Тихонову, слово *сват* образовано бессуффиксальным способом от глагола *сватать* [10].

По-видимому, глагол имел праформу *сво-j-а-та-ти от местоимения *свой*. Внутренней формой *сватать* в таком случае может быть «сделать кого-то своим».

Особые отношения с этим словом имеет польский язык. Из всех славянских языков только в нем нет самого слова *свадьба* в том или ином фонетическом варианте. Понятие «свадьба» в польском языке выражается словами wesele или ślub. При этом из всех славянских языков лишь в польском сохранился, как и в русском, глагол-основа: swatać (сватать), swatanie, swaty – сватанье. Можно ли рассматривать это как заимствование из русского в польский – пока не ясно.

В украинском языке данный корень имеет разветвленную сеть производных. Сохранился как глагол *сватати*, так и множество существительных с идентичными, как в русском, значениями. Видимо, данный глагол действительно является общеславянским, однако вполне возможно, что прочие славяне переняли данные слова из восточнославянских языков, о чем свидетельствует широкое распространение слова и его производных в украинском и белорусском и узкий круг слов в других славянских языках, кроме польского, чьи связи с русским *сватать* еще требуют изучения.

Литература

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка/В.И.Даль. – М.,1955. – Т.1-4.

2. *Нидерле Л.* Славянские древности/ Пер. с чешск. Т.Ковалевой, М. Хазанова, ред. А.Л.Монгайта. – 2-е изд. - М.: Алетейа, 2001. - С. 205-207.

3. *Преображенский А.Г.* / Этимологический словарь русского языка; в 3 т. –М.: Госуд. изд-во иностранных и национальных словарей. – 1959. Т.1-4.

4. *Славянские* древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах/ Под общей ред. Н.И.Толстого. – Т.4. – М.: Международные отношения, 2009. – 656с. – (Институт славяноведения РАН).

5. *Словарь* русских говоров Сибири в 4-х томах./ Под ред. А.И.Федорова; сост. Н.Т.Бухарева, А.И.Федоров. – Новосибирск: Наука. Сиб. Предприятие РАН, 1999-2002. – Т.1-4.

6. *Словарь* русских народных говоров/ Российская Академия Наук Институт лингвистических исследований. – СПб.: Наука, 1980-2005. Вып.1-39.

7. *Словарь* русского языка 11-17вв. в 27 томах/Академия наук СССР Институт русского языка. – М.: Наука, 1975. – Т.1-27.

8. *Срезневский И.И.* Материалы для древнерусского словаря в 3-х томах/ И.И.Срезневский. – М.: Знак, 2003. – Т.1-3.

9. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка в 2-х томах. М.: Рус. яз., 1985. Т.1-2.

10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – М.: Русский язык: MEDIA, 2007. – Т.1-4.

АНГЛИЦИЗМЫ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ. ANGLICISM AS A SOCIAL PROBLEM OF NEW GENERATION

Беккер Елена Валерьевна, Жукаускене Татьяна Сергеевна
Bekker Elena Valer'evna, Zhukauskene Tatyana Sergeevna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
lenaraduga@list.ru, tatyana_zhukauskene@mail.ru

Language is a social thing and, of course, every change in our society is reflected in our language. It is normal, because appearance of new fashion or new things entails appearance of a new word and as people don't like to think over the new word, it is much easier to borrow it.

Nowadays we use a lot of words and very often don't know what one or another word means. Such words are widely used by our politicians, people on TV, these words are used to be in our newspapers and pollute our own language.

This theme is actual nowadays because very often people don't understand the meaning of some foreign words and therefore forget their own language. Our generation lives in the world, where everybody uses English borrowings.

Some people think that the Russian Language began to borrow English words in Peter's the First reign, others think that we began to borrow English words in times of "perestroika". Partly, they are right. First Anglicism entered in the Russian language during 18-19 century. It was a time, when Peter the first began to transform Russian Society and Economy. He, for example, created "Senat", called after English word "Senate". Alexander I took a lot of words such as "ministry", which means "ministerstvo" in Russian from English. As you see, only suffix is changed here. Then it was reign of Catherine the Great - The century of Enlightenment. In those times a lot of foreign books were popular in Russia. As a result, people began to use foreign words more often.

Of course, Soviet Union brought a lot of changes in Russian language, but, excluding old words, they protected language from borrowings. Vladimir Lenin said: "We spoil Russian language. We use foreign words without necessity and use them wrong. Why we say "defecty", while we can say "probely", "nedostatki", "nedocheti"? Shouldn't we unsheathe the sword to foreign useless words?".[8] Soviet Union greatly changed Russian language. There was "Soviet kind of Russian". There was a system, when nobody could see how people live in the West. So, after World War II different teenager subcultures appeared in USSR. It happened because in time of war people could see the bright and very different life of foreigners. This time was changeable for every

country, which was involved in the war. In England there were subcultures of "Teddy Boys" and then "Modes", in USSR there were subcultures of "Stilyagi" and then "Hippy". All these Soviet subcultures used Anglicism as their own Jargon. They said "manushki" from English "money", used such words as "tayok" from English word "tie" with the same meaning of these words. Now we don't use these words, but we use a lot of other Anglicism.

Anglicism appears in all spheres of our life, but there are some spheres, in which we can find more Anglicism then in other. The greatest number of loans occurs in the fields of science, technology and industry. In fact, over a quarter of all loans belong to this semantic group. For instance, "gennaya ingeneriya"= "genetic engineering", "kserokopiya" = "Xerox copy", "ekosfera" = "ecosphere" and others. Another group of loanwords are sport loanwords: "futbol" = "football", "vindsyorfer"="windsurfer" and others.

So, we use Anglicism in all spheres of our life, but the greatest problem is that we use Anglicism in our Mass Media and our politicians use them in their speeches. The other important problem, caused by loanwords, is that we forget Russian language, we not just replace our native words, but very often we change the Russian word or its meaning. Many words are produced in Russian every day; they have English roots and Russian affixes («mastdait» means «critisize» - from «must die», «smailik» from «smile» - as a sign in e-mail, «otfardit» means «send forward», etc). Sometimes we use a common Russian word with a new meaning. For example, «mylo» in Russian means «soap», but we say «mylo» in spoken Russian meaning «e-mail», because «mylo» and «e-mail» are similar in pronunciation. We change our language ourselves with a help of Anglicism. Yes, borrowing is quiet a normal process, but we use thousands of words, borrowed from English, while English just borrowed nearly 200 words from Russian. And, it is interesting enough, that English doesn't have words, borrowed from Russian, while we replace our native words with English.

Among social and psychological causes, influencing the process of borrowing we can name raising amount of English-speaking people in Russia. Great amount of people, living abroad, come back to Russia and become a cause of code-switching, when people of some group begin to speak some English words in their daily life.

Many linguists notice prestige of English word in some situations. For example, if Russian people say "magazin" they mean just a shop, but if they say "shop" they mean that this shop is prestige and there are modern goods in this shop sold.

What is more, using Anglicism is a good way to show that you are modern for teenagers. If teenager uses such words, he is thought to be fashionable and become respected among his friends.

Another cause of borrowing is popularity of Anglicism in speeches of popular and famous people – from singers to politicians. For example, there was a time, when TV presenter said "There was a drive!" and teenagers caught the word "drive". They use it to nowadays.

Philologist Krysin says that another cause of borrowings is actuality of word. For example, if the word describes an important thing, it very fast becomes usual and other words with Russian suffixes are produced. [7]

These facts are really important in our daily life, because statistics of using foreign words are disappointing. Let us look at some of them.

To compare the present day situation and the soviet period, in the time of "Iron Curtain", when people couldn't know a lot of Anglicism, I counted Borrowed words in Soviet Article of N. Tereshina, written in 1960. Of course, there are some borrowings, such as "produktsiya", formed of English "Production", just with another suffix, or "Kombain" from English "Combine", pronounced in the same way , but they take just 8%!

Then I took one tale of Chekhov, called "smart janitor" and found out that borrowings take place of just 0,8%. For example, "klimat" from English "Climate". It shows that reading classical books is very useful in case you won't use such a great number of Anglicism.

We can change the situation to the good and solve this problem as it is really a social problem – problem of our society, our generation. And we should find a ways to make our language clear and prove that it is really all-sufficient, as Pushkin said.

What is more, I explored some interesting facts from Mass Media. I took "Postscriptum" newspaper and counted amount of Anglicism used in it. I took the newspaper and looked through one page. There were 7 articles. Of course, the amount of Anglicism in different articles is different, but in general English borrowings take great part of our speech. They take about 17% of all words. Different words like "camera" or "televidenie" are widely used there.

Analyzing results of exploration we can say that, unfortunately, our speech is really greatly affected by borrowings and, what is more, we can say, and that this process has a tendency of growing with years. And statistics say that more than 20% of our lexicon is borrowed from English. We can see in our daily life how English influence on Russian. As we found out, people have become indifferent to the fate of their language. People don't know the meaning of

new words, but have already forgotten some of their native words. In order to replace borrowings by our native language we should do it right now.

Literature

1. *Belousov V.* Foreign words in Russian language // Science and life. - 1993. - №8.
2. *Chekhov A.P.* Tales Moscow: Soviet Russia,1985.-384pages
3. *Dyakov A.I.* The causes of intensive borrowing of Anglicism in modern Russia-Novosibirsk, 2003
4. *Grunitskaya T.V.* Anglicism in modern Russian language // Russian language and literature. - 1998. - №4, 5.
5. *Krysin L.P.* Foreign words in modern life // Russian language of the XX century. - M., 1996.
6. *Lenin V.I.* Complete set of works. book40 Letter to workers and farmers of Ukraine (about cleaning of Russian language (thoughts of listening of speeches)/ M. 1920
7. *Müller V.K.* Complete English-Russian Dictionary – Yekaterinburg: U-Factoria, 2007.-1536 pages
8. *Nevirko L.I.* Anglicism in modern Russian Language [computer variant]
9. *Tereshina N.Y.* State plan – Novosibirsk: Altay Book,1960.-31 pages
10. *Urynson I.V.* Language picture of the world and lexical // Questions of linguistics. – 1999. - № 6.

http://virtuallinguist.typepad.com/the_virtual_linguist/2011/01/anglicism-in-russian.html
http://www.igorkalinin.com/langs-russian.ru.html

КОНЦЕПТОСФЕРА «ВОСТОЧНОГО» ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ГЁТЕ. ПОЭТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ «CHINESISCH – DEUTSCHE JAHRES- UND TAGESZEITEN» («КИТАЙСКО-НЕМЕЦКИЕ ВРЕМЕНА ГОДА И ДНЯ»). CONCEPTOSPHERE OF GOETHES «EAST» CREATIVE HERITAGE. POETIC CYCLE «CHINESISCH – DEUTSCHE JAHRES- UND TAGESZEITEN» («SINO-GERMAN SEASONS AND TIMES OF DAY»)

Белова Александра Николаевна
Belova Aleksandra Nikolaevna
Национально исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
sascha0470@mail.ru

Связь творческого наследия Гёте с миром Востока была обусловлена не только глубоким интересом поэта и мыслителя к восточной культуре, но и свойственным ему особым «восточным» мировосприятием, которое проявлялось в бессознательном следовании восточной духовной традиции в русле общего «восточного» направления интеллектуальной истории Запада. У Г. Гессе это западноевропейское стремление обозначено метафорой «паломничество в страну Востока», когда Восток выступает

не в качестве конкретного региона, но как неведомая страна Духа и мудрости: «шествие истовых и предавших себя служению братьев на Восток, к истоку света...все наше войско в целом и его великий поход были только волной в вечном потоке душ, в вечном устремлении Духа к своей отчизне, к утру, к началу » [1. С. 273].

Единый «восточный текст» Гёте составляют произведения «Западно-восточный диван», «Израиль в пустыне», «Арабы», «Китайско-немецкие времена года и дня», «Бог и мир». Хронологически цикл «Chinesisch – deutsche Jahres- und Tageszeiten» («Китайско-немецкие времена года и дня») является ключевым звеном «восточной» концептосферы единого «восточного» поэтического текста и вбирает в себя весь духовный поиск поэта. В поэтическом цикле И.В.Гёте «Китайско-немецкие времена года и дня» можно выделить следующие концептуальные универсалии: *Schaffung der Welt (сотворение мира), Liebe (Любовь), Weltseele (Мировая Душа), Einheit von allem (Всеединство), Ewigkeit (Вечность), Natur (Природа), ewige Weiblichkeit (Вечная Женственность), Schönheit (Красота).*

Два стихотворения – «Восходящей Луне», «Дорнбург. Сентябрь 1828 года» составляют единый тематический контекст и примыкают к циклу «Chinesisch-deutsche Jahres- und Tageszeiten» («Китайско-немецких времён года и дня») [2. С. 387-391]. Темой двух стихотворений является восход Луны, а в «Дорнбурге» - восход Солнца. «Лирические образы стихотворений восприняты из китайской поэзии», среди таких выражений: «ветви-волосы стройных ив», «игры подвижных теней», причём «ветви-волосы» соответствуют «бровям ив» в китайской поэзии, под «бровями» подразумеваются вершины ив, а «игры теней» ставятся в связь с китайским театром теней, которой был знаком Гёте с детства» [3. С. 643]. Можно задаться вопросом: был ли Китай и китайская культура для Гёте чем-то изведанным и потому знакомым, чему он мог подражать и следовать, или же иначе, не был ли Китай и китайская культура для него чем-то заведомо незнакомым, с чем он стремился познакомиться и что отпечаталось в его творчестве?

Цикл состоит из четырнадцати стихотворений без названий, которые образуют единое смысловое поле и восстанавливают единую концептосферу универсалий. В данном поэтическом цикле можно выделить следующие концептуальные универсалии: *Schaffung der Welt (Сотворение Мира), Liebe (Любовь), Weltseele (Мировая Душа), Einheit von allem (Всеединство), Freude (Радость), Ewigkeit (Вечность), Natur (Природа), Schönheit (Красота).*

Обратимся к первой концептуальной универсалии *Natur (Природа)*, которая является одной из базовых и образует вместе с универсалиями *Weltseele (Мировая Душа)* и *Einheit von allem (Всеединство)* – ключевыми для всего «восточного» текста Гёте, смысловое ядро цикла.

Концептуальная универсалия *Natur (Природа)* играет значительную роль в произведениях «восточного» текста Гёте и непосредственно в данном цикле образует следующее смысловое поле:

1. Frühlingstagen (весенние дни), т.е. весна природы как обновление души, мира. Ожидание благословения грядущих времен, весны, времени жизни. Корень в слове «Frühling» («весна») -früh- имеет значение «ранний, рано», что наводит на мысль об обновлении, молодости, ранней смене времени года и дня:

Der Kuckuk wie die Nachtigall	Кукушка как и соловей
Sie möchten den Frühling fesseln…	Возвещают о приходе весны…

2. Ewige Bewegung (вечное движение): «Zug in Zügen» («Движение в движении»).

3. Blütezeit (время цветения): цветение лилий и нарциссов как символ обновления «So frühzeitige Narcissen/ Blühen reihenweis' im Garten» («Это ранние нарциссы/ Стройно стебли распрямляют»). Концептуальная универсалия восстанавливается посредством используемого глагола «blühen»:

Sie forscht, wo es im Grünen blüht,	Она ищет, где оно расцветает в зелени,
Im Garten überwölbt vom Blauen;	В саду перекрывает сводом синевы небес…

4. Leben (жизнь), запечатлённая в самой сути *Природы:* «am Wasser und im Grünen». Гёте использует слова «grün», «im Grünen» («зелёный», «в зелени») для обозначения истинного цвета *жизни*, это есть символ земной жизни, преодолевший свою обреченность через растворение в космосе.

Ziehn die Schafe von der Wiese,	Тяни овец с луга,
Liegt sie da, ein reines Grün;	Что лежат там на чистой зелени…

5. Erschaffende Kraft (создающая сила). Эта сила подобна «свету, исходящему из глубины *Души Мира*, из центра»:

Sternen gleich, bescheidner Beugung,	Словно белых лилий свечи,
Leuchtet aus dem Mittelherzen	Словно свет звезды прекрасной,
Roth gesäumt die Gluth der Neigung.	Жжет из глубины сердечной.

Отделившись от природы, презрев «матерь-природу» («Die Mutter Erde»), человек стал беспомощен и одинок. Однако путь воссоединения с природой приводит к воссоединению со Вселенной, с космосом.

Восток противопоставлен Западу, который в одном из стихотворений соотносится с Севером: «Uns des Nordens zu entschlagen» («Нас от Севера избавить»). Истоки *Weltseele (Мировой Души)* по Гёте лежат на Востоке, а стремление на Восток обусловлено попыткой обрести исконные смыслы общечеловеческой культуры.

Als in solchen Frühlingstagen	Когда в такие дни весны
Uns des Nordens zu entschlagen	Нас от Севера избавить
Und am Wasser und im Grünen	И в воде и зелени
Fröhlich trinken, geistig schreiben...	Радостно благоухать, вкушать и истинно духовно мысли излагать позволит...

Одно из самых прелестных стихотворений цикла кажется воспроизведенным в словах древнекитайским рисунком. То, что звучит так «по-гётевски»: мотивы тумана, отражения в озере и луны, - всё это также хорошо известно и в древнекитайской поэзии. В стихах часто фигурирует луна, но свет ее не меняет ландшафта, при луне светло как днем. Когда Гёте в своих стихах употребляет слово «луна», то это является проявлением китайской символики «луна как символ одиночества души». Темы и приемы часто сочетаются с мотивами из мировой поэзии, в виде особой игры он использует здесь также элементы своей ранней лирики. Не менее значимой для данного цикла является концептуальная универсалия *Freude (Радость)*, представленная таким семантическим полем:

1. *Glück (Счастье): Радость* как «Sonnenfeier» / «праздник Солнца», *Радость* через «исполнение желаний» («Wunscherfüllung»).

Wunscherfüllung, Sonnenfeier,	Исполнение желаний, праздник Солнца,
Wolkentheilung bring' uns Glück!	Исцеление облаками приносит нам счастье!

2. *Paradiese (Рай)*. Гёте сопоставляет истинную *Радость* с «райским настроением души», так упоминаются «райские птицы»: «Der Pfau schreit häßlich, aber sein Geschrei / Erinnert mich an's himmlische Gefieder» («Павлин кричит безобразно, но его крик напоминает мне *райских птиц*»)

Aber bald zum Paradiese	Но скоро к раю
Wird sie bunt geblümt erblühn.	Она расцветёт пёстрыми узорами из цветов.

3. *Радость - Lüste* как «золотые лучи», «сияние», «искренний свет», который исходит свыше как благодать неба, сила, заставляющая человека развиваться и совершенствоваться: «Entwickle deiner Lüste Glanz/ Der

Abendsonne goldnen Strahlen…» («Совершенствуй своей радости сияние/ Заходящего солнца золотыми лучами…»). 4. *Радость* – «Becher Wein» («кубок вина»), «Begeisterung» («восторг»):

Die stille Freude wollt ihr stören?	Хотите ли вы прервать тихую радость?
Laßt mich bei meinem Becher Wein.	Оставьте меня с моим кубком вина.

Концептуальная универсалия *Schönheit (Красота)* неразрывно связана с такими универсалиями как *Liebe (Любовь), Schaffung der Welt (Сотворение Мира)* и *Natur (Природа)*.

1. *Красота* и *Любовь* выступают как силы создания – плодородия.

Auch mir hat er das leichte Laub	Она [кукушка] направляет мой
An jenem Baum verdichtet,	взор,
Durch das ich sonst zu schönstem Raub	Полный любви к каждому дереву,
Den Liebesblick gerichtet;	Каждой набухшей почке,
	К прекраснейшему плодородию…

Гёте использует прилагательное «schön» («красивый») в различных степенях сравнения, а также «herrlich» («прекрасный») что восстанавливает присутствие универсалии *Schönheit* в тексте: «zu schönstem Raub» («К прекраснейшему плодородию»), «das Herrlichste zu schauen» («великолепнейшее созерцать»), «War schöner als der schönste Tag» («День был прекраснее чем самый прекрасный день»).

2. *Красота – Königin (Королева)*. Две концептуальных универсалии вытекают одна из другой: *Schönheit (Красота)* и *Ewige Weiblichkeit (Вечная Женственность)*. Die Rose (роза) олицетворение *Женственности* и *Красоты*, её автор называет «Konigin des Blumenreichs» («Королевой цветочного царства»), т.е. *Красота* выступает как синоним *Вечной Женственности:*

Als Allerschönste bist du anerkannt,	Ты признана прекраснейшей всех
Bist Königin des Blumenreichs genannt;	на свете,
Unwidersprechlich allgemeines	Королевой цветочного царства;
Zeugniß…	Неоспоримо всеобщее суждение…

Концептуальная универсалия *Ewigkeit (Вечность)* образует смысловой ряд: das Unvergängliche (постоянное, нескончаемое) – das ewige Gesetz (вечный закон) – das Netz (сеть), ewige Blühte der Rosen und Lilien (вечное цветение роз и лилий).

В одной из строчек *Вечность* символизируют «Rad» («колесо») и «Kranz» («венок»), которые имеют форму круга / «Kreis», что отождествляет жизненный процесс с *бесконечной* цикличностью и повторением, т.е. *Вечность* есть «нечто нескончаемое» - «das Unvergängliche».

Laß deines Schweifes Rad und Kranz Kühnäugelnd ihr entgegen prahlen.	Позволь отважно стрелять глазом, Хвалиться твоими вам наперекор крутящимся колесом и венком.

Символ «die Rosenzeit» («время роз») передаёт концептуальную универсалию *Вечность*, обозначая все времена и дни бытия в их *единстве* и закономерности. И несмотря на то, что в тексте стихотворения говорится о «времени роз» как о прошедшем явлении, оно символизирует *вечное* обновление, «прошедшее время роз» свидетельствует о *вечной* смене в мире:

Nun weiß man erst, was Rosenknospe sei, Jetzt, da die Rosenzeit vorbei;	Ныне знают, что бутоны роз будут, Теперь, прошло время роз…

Вечность в семантике «вечный закон» находится во взаимосвязи с концептуальной универсалией *Einheit von allem (Всеединство)*: «Das graugestrickte Netz./ Getrost! Das Unvergängliche,/Es ist das ewige Gesetz,/ Wonach die Ros' und Lilie blüht» («Сплетённая сеть./ Спокойно! Вечное,/ Это вечный закон,/ По которому розы и лилии цветут»).

Wohin mein Auge spähend brach, Dort ewig bleibt mein Osten.	Куда бы я свой взгляд не бросил, Там навеки останется мой Восток.

Используемое автором прилагательное «ewig» («вечный») служит определением существительному Ost (восток). Универсалия *Einheit von allem (Всеединство)* восстанавливается через семантическое поле: 1. Glaube (вера) и Schauen (созерцание): «In dir trifft Schau'n und Glauben überein» («В тебе совпадает созерцание и вера»). Таким образом, «совпадение веры и созерцания» и есть то самое *Всеединство*; 2. Gesetz (закон), по которому Вселенная объединяет разрозненные части мира, образуя при этом *Единый Дух* или *Мировую Душу*; 3. Forschung (поиск) ответов на такие вопросы бытия, как *«Почему* и *Как»*.

Стихотворения «Dämmerung senkte sich von oben» («Сверху сумерки нисходят») [2. С. 389], «Dem aufgehenden Vollmonde» [2. С. 391] («Восходящей Луне») [3. С.604] и «Dornburg. September 1828» [2. С. 391] («Дорнбург. Сентябрь 1828») [3. С. 606] образуют смысловое единство, проникнуты мотивом полнейшей взаимосогласованности действия природы и человека, единения с природой и полного погружения в неё. В них можно выделить следующие концептуальные универсалии: *Natur (Природа), Liebe (Любовь), Freude (Радость), Ewigkeit (Вечность), Weltseele (Мировая Душа)* и *Einheit von allem (Всеединство)*.

Концептуальная универсалия *Любовь* восстанавливается в значении «силы *Природы*». Гёте употребляет глагол «lieben» («любить»), существительное «Liebchen» («милая, дорогая, возлюбленная»):

Zeugest Mir, Daß Ich Geliebt Bin,	Ты – свидетель, что я влюблён,
Sei Das Liebchen Noch So Fern.	Пусть даже будет моя любимая далеко.

Natur (Природа) – Geheimnis (тайна): Dämmerung (сумерки), Schatten (тени), Schwarzvertiefte Finsternisse (сумрак тёмный), Nebel (туман), Mondenglanz (лунное сияние) символизируют таинственность, которая наталкивает на поиск тайны бытия: «Nebelschleiern Sich Enthüllen» («Пелены туманов свиты»). Человек послушен природе, он является её духовным элементом. Вера в обновление сопоставима с ожиданием раннего утра природой, так «чашечки цветов» покорно ждут этого часа: «Und Dem Sehnlichsten Erwarten/ Blumenkelche Bunt Sich Füllen» («Страстнейшему ожиданью / Чашечки пестро раскрыты»). Луна является образом *Природы* и всего мира, развивается живой диалог. Призыв «So hinan den! Hell und heller…» («Так выше же! Светлее, светлее!») приводит к усилению света, а значит и наполнению человека силой, сердцебиение становится быстрее, это приводит к безмерному блаженству природы и человека в ней. «Schlägt mein Herz auch schmerzlich schneller,/ Überselig ist die Nacht.» («Если сердце моё и бьётся, с болью, всё быстрее, - сверхблаженна эта ночь»). Луна символизирует одновременно природное начало и одиночество (*единство)*. Создаётся гармония между созерцателем и природой. За чёрным цветом ночи скрывается свет, готовящий к обновлению природы и человека. Восход – призыв к возрождению. «Восход»/Восток, таким образом, становится той необходимостью для синтеза с Западом, которая способствует возрождению мировой культуры в целом: «Nun am östlichen Bereiche/ Ahn' ich Mondenglanz und Gluth» («Вот с восточного предела / Ожидается луна»). Луна приходит с Востока, где воспета как символ *одиночества (Einsamkeit),* но корень этого слова «один» («ein-sam») восходит также к другому значению «един», которое становится близким к универсалии *Всеединство.* В одной из строк стихотворения употреблено слово «alles» («всё»): «Alles schwankt in's Ungewisse» («Всё в неверность ускользает»). Стоит обратиться к точному переводу слова «Ungewisse» («неизвестность»), который указывает на универсалию *Ewigkeit (Вечность),* следовательно, «всё ускользает в неизвестность, т.е. в *Вечность*». *Вечность* – круг, постоянная смена. «Der Vollmonde» («полная луна»), Sonne (Солнце), Ring (кольцо) – символы *Вечности.*

Wird die Sonne, rötlich scheidend,	Луч, багряно расставаясь,
Rings den Horizont vergolden.	Круг озолотит безбрежный.

Солнцу, источнику света и жизни следует быть благодарным, оно приводит в порядок ощущение мира, дарует *Freude (Радость)*, когда человек целиком открыт для жизни во всей ее полноте, готов ее принять и вобрать в себя.

Полное отсутствие красок в других отрывках, где лишь ночь темнотой овладевает миром, но «чаемый блеск и пыл» дарят надежду на появление по-настоящему яркого света, который наполнит мир цветом.

Und ein Ostwind, sie verjagend,	И с востока ветр могучий
Blaue Sonnenbahn bereitet,	Солнцу синий путь готовит.
Dankst du dann, am Blick dich weidend,	Благодарность, упиваясь,
Reiner Brust der Großen, Holden...	Коль воздашь Великой, Нежной...

Восток - это свежий ветер «ein Ostwind», который готовит свету новый путь: «Blaue Sonnenbahn bereitet...» («Солнцу синий путь готовит»). Существительное «die Kühle» («прохлада») – это метафора-обозначение Востока, встреча с Востоком – единение с *Weltseele (Мировой Душой)* и обновление души. Восток как свежесть и прохлада («Kühle») мысли. *Всеединство* – объединение Мира – проникновение через сердце:

Und durchs Auge schleicht die Kühle	И прохлада через зренье
Sänftigend in's Herz hinein.	Проникает в сердце к нам.

Этот цикл – одна из вершин лирики Гёте, основу которой составляет символическое изображение собственных представлений о жизни и о мире, включающее то, что он говорил о «чувственно-нравственном воздействии» цветов, о подражании дальневосточной поэзии. Многое насыщенно мотивами древнекитайской лирики, где цветы и их окраска имеют символическое значение, что помогает образовать единое смысловое поле и восстановить единую «восточную» концептосферу универсалий. Язык поэзии Гёте вобрал в себя и сохранил «восточную» мудрость души поэта, древнейшие откровения Культуры в целом. Об этом свидетельствует естественным образом восстановившееся в тексте цикла «Китайско-немецкие времена года и дня» концептуальное *единство* универсалий Всемирной Культуры: *Schaffung der Welt (сотворение мира), Liebe (Любовь), Weltseele (Мировая Душа), Einheit von allem (Всеединство), Ewigkeit (Вечность), Natur (Природа), ewige Weiblichkeit (Вечная Женственность), Schönheit (Красота)*, исток и родина которой есть Душа Востока [5].

Литература

1. *Гессе Г.* Паломничество в Страну Востока // Гессе Г. Собрание сочинений. В 4 т. СПб.: Северо-Запад, 1994. Т.3. 510 с.
2. *Goethe J.W.* Werke / Johann Wolfgang Goethe. München: Verlag Beck, 1989. B.2. – 789 с.
3. *Михайлов А.М.* Языки культуры / Михайлов А.М. М.: Языки русской культуры, 1997. 912с.
4. *Философский* энциклопедический словарь. – М.: Инфа, 2009. – 559 с.
5. *Шубарт В.* «Европа и душа Востока» // Шубарт В. М.: Эксмо Алгоритм-Книга, 2003. 478с.

ОБРАЗЫ ФАНТАСТИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ В КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ. IMAGES OF FANTASTIC CREATURES IN THE CHINESE PROVERBS AND SAYINGS

Богданов Антон Алексеевич
Bogdanov Anton Alekseevich
Национально исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
E-mail:deathrider3@rambler.ru

Один из главных элементов поэтики пословиц и поговорок – образ. В нем проявляется единство формы и содержания художественного произведения. Под образностью пословиц и поговорок обычно подразумевается их насыщенность тропами, поэтическими фигурами. Воспроизведение любого явления, предмета в целостности является одним из вариантов понимания образа в литературоведении.

Исходя из степени абстрактности образов, исследователи выделяют четыре типа образности:

1. Абстрактно-символическую;
2. Предметно-символическую;
3. Растительную и
4. Зооморфную.

Поскольку Китай занимает одно из первых мест в мире по количеству видов животных, целесообразно рассмотреть именно зооморфный тип образности. Хотя образы животных в китайском фольклоре уже рассматривались отечественными учеными, публикации, освещающие своеобразие зооморфной образности немногочисленны. Из них подробно раскрываются образы животных в китайских мифах (Б.Л.Рифтин), в китайских народных сказках (Н.Н.Репнякова). Основные положения этих работ учитываются при исследовании китайских пословиц и поговорок.

В народных речениях фиксируются реалии окружающего мира, а также суждения и выводы, возникающие из жизненных наблюдений, т.е. образы пословиц и поговорок «берутся из действительности». Многочисленность и разнообразие фауны Китая предопределило видовое обилие встречаемых зооморфных образов.

Доминантой китайской культуры является пятичленная космологическая модель, согласно которой выстраиваются пространственно-временные зоны, натурфилософская, цветовая символика, в том числе и зооморфная. Учитывая значимость комбинаций из пяти элементов, из указанных групп животных персонажей анализируются пять самых употребительных. Из них более детально рассматриваются образы-лидеры. Для более точного их раскрытия привлекается материал и о других представителях китайской фауны. В связи с многочисленностью образов животных их классифицировали на домашних и диких и выделили следующих лидеров: *тигр, лошадь/конь, кура/петух, рыба, насекомое, дракон, змея, рак, лягушка, скорпион.*

Характеристика образов животных строится с учетом схемы описания, предложенной А.В.Гурой для славянской народной традиции. Используемые принципы анализа являются общеметодологическими и могут вполне быть применимы и для китайских фольклорных текстов, в частности, для пословиц и поговорок. Принимая во внимание их жанровую специфику, в работе предлагаются следующие критерии рассмотрения образов животных:

- наименование;
- внешний облик, тело и его части;
- жилище, место обитания;
- свойства, характер;
- взаимоотношения с другими животными персонажами и человеком.

Помимо реально существующих представителей фауны в китайском фольклоре активно бытуют мифологические (фантастические) существа. Иногда это обычные животные с какими-то фантастическими чертами; как, например, Белый тигр (白虎) или персонажи, внешний облик которых мало похож на современных животных, к примеру, дракон (龙), единорог (麒麟). И те, и другие, а порой, и реальные звери и птицы в китайской культуре имели «сакральное значение».

Наибольшую трудность для понимания представляют народные афоризмы, содержащие образы мифологических существ. Их внешний об-

лик, характер и поведение остаются вне культурного контекста для непосвященных читателей и слушателей. Паремии согласно жанровым законам строятся на сравнении, аналогии, противопоставлении. Например, исходя из знаний о тигре как о свирепом хищнике, можно предположить, что использование этого образа в пословицах и поговорках носит предостерегающий характер или, наоборот, содержит восхищение его смелостью. Именно наблюдения за природными свойствами образов животных положены в основу многих паремий. Безусловно, представители фауны наделяются чертами, характерными для определенной культуры, которые иногда скрыты за контекстом, являются фоновыми знаниями и их нужно учитывать.

Сложнее дело обстоит с фантастическими существами, придуманными народом. Учитывая специфику таких персонажей, а также особенности паремиологических жанров, а, именно, отсутствие развернутого описания, в работе предварительно освещается «каноническое» изображение мифологического существа, указывается возможный прототип его образа, а также его роль и место в китайской культуре. Затем подробно рассматривается доминирующий образ – дракон. В китайских пословицах и поговорках дракон взаимодействует почти со всеми остальными мифологическими персонажами.

Согласно пятичленной космологической модели мира китайская традиция выделяет «пять священных существ «(улин): цилинь, дракон, феникс, Белый тигр (Байху) и Божественная черепаха (Лингуй)». Поэтому из всего многообразия мифологических существ следует ориентироваться, прежде всего, на эту пятерку.

Существует и другой набор зооморфных персонажей, соответствующий пятичленной космологической символике: Желтый дракон (Хуанлун) –покровитель центра, Бирюзовый дракон (Цанлун) – покровитель востока, Красная птица /Красный воробей – (Чжуняо Чжуцюэ) – покровитель юга, Сокровенный воин (Сюаньу) –

покровитель севера, представляющий собой симбиоз черепахи и змеи. Наблюдается совпадение некоторых персонажей из двух наборов зооморфной символики. Из этой пятерицы фантастических образов в анализируемом сборнике пословиц и поговорок обнаружены уже упоминавшиеся Белый тигр (Байху) и Желтый дракон (Хуанлун). Главным из пяти существ является дракон (лун) – «признанный царь китайского бестиария». Он возглавляет «семейство» дракономорфных созданий, многие из которых имеют собственное терминологическое название, свойства,

функции и внешние приметы. Из всего множества драконов, встречаемых в мифологических и фольклорных текстах, в китайских народных изречениях были обнаружены следующие их разновидности: Желтый дракон (Хуанлун,), Божественный дракон (Шэньлун), олицетворяющий облака и ветры, ниспосылатель дождя, Зеленый / Черный дракон (Цинлун), означающий счастливое предзнаменование, Водяной дракон (Цзяолун), вызывающий наводнения.

В основном в китайских пословицах и поговорках преобладает дракон (лун) – обобщенный образ. Корни этого образа уходят в глубокую древность. Дракон был тотемным животным народностей, населявший в древности ойкумену китайцев. В надписях на гадательных костях эпохи Инь (XIV в. до н.э.) имеются иероглифы лун, представляющие собой «пиктограмму, изображающую животное с длинным телом и головой, увенчанной рогами». Одно из самых ранних книжных упоминаний о драконе относится к «Книге перемен», датируемой примерно VIII-VII вв. до н.э.: «Нырнувший дракон», «Появившийся дракон находится на поле», «Летящий дракон находится в небе».

Уже с древних времен прослеживается связь дракона с водной и воздушной стихиями. Длительная история употребления образа дракона в китайской культуре не решает проблемы его прототипа. Научная полемика ведется в разных направлениях: дракон – собирательный образ тотемных животных, либо образ, восходящий к реально существовавшему ящеру (рептилии). Далее, детально эта дискуссия не рассматривается, так как она не раскрывает жанровой специфики паремиологических текстов. Художественные изображения дракона в разных трактовках выделяют в нем, в одних случаях, змеиные черты, в других – черты хищного зверя с оскаленной пастью, когтями, шипами, крыльями, чешуей и пр. Хотя допускаются вариации образа, все же наблюдается некая «каноничность» его изображений: «с головой верблюда, оленьими рогами, глазами зайца, коровьими (бычьими) ушами, змеиной шеей, животом морского чудовища, телом, покрытым рыбьей (карпа) чешуей, и тигриными лапами, заканчивающими ся когтями ястреба».

В китайских пословицах и поговорках скупо описывается внешний облик животных, он изображается лишь в той мере, насколько это нужно для формирования суждения в поучительной форме. В этом проявляется особенность жанра народных речений с их лаконичной формой и определенным ритмом. Например, чтобы подчеркнуть опасность затеи, исполь-

зуются образы свирепого тигра и Водяного дракона (Цзяолуна), который имел «змеевидную внешность и тело, покрытое чешуей»

• 老虎口利多脆骨蛟龙悲伤节省林 - *Из тигриной пасти вырвать хрящик, со спины водяного дракона сорвать чешую.*

Что касается цветовой гаммы, то она нашла отражение в наименовании драконов: Желтый дракон (Хуанлун), Зеленый/Черный дракон (Цинлун). Обращает внимание своеобразие толкования наименования Цинлуна, связанное с особенностями перевода морфемы «цин». Спектр ее семантических значений необычайно велик: «темно-голубой, яркосиний, ярко-зеленый, черный, темный». Поэтому Цинлун иногда трактуется как «Черный дракон», означающий «счастливое предзнаменование» или «Зеленый дракон», имеющий также «благопожелательный смысл». Примерно со средних веков дракон используется в паре с Белым тигром (Байху), одно из значений семантики которого «злой дух».

Других указаний на параметры и пропорции драконьего образа в народных изречениях нет, наоборот, подчеркивается, как трудно его нарисовать. Ведь его никто не видел, поэтому, изображая дракона, каждый проявляет свою фантазию:

• 一锹挖不成井一笔画不成龙 - *Одной лопатой не выкопать колодец, одной чертой не нарисовать дракона.*

Существуют различные лексические варианты данной паремии. Любопытная деталь: в них образ дракона используется параллельно с образом колодца. И это сочетание неслучайно, так как дракон считается «хранителем водоемов и скрытых в них сокровищ, прежде всего, жемчуга». Также становится вполне понятным и сочетание жемчуга с образом дракона в следующем примере:

• 龙岩市珠峰演示报税牛眼睛是稻草 龙岩市珠峰延迟报税牛眼睛是稻草

Глаз дракона ведает о жемчуге, глаз феникса – о сокровищах, глаз буйвола – о рисовой соломе.

Одно из значений иероглифа «лун» – «выдающаяся личность, знаменитость, гений...» Способности такой личности высоки и соответственно велики ее возможности, поэтому дракон-лун и феникс-фэнхуан ведают о богатстве, а буйвол, с его способностями, может видеть только траву. Связь с сокровищами характерна для разных представителей «драконьего семейства». Жемчуг локализуется и на голове Зеленого дракона (Цинлуна). Попытаться его взять, значит совершать опасное, безрассудное мероприятие:

• 老虎 嘴里拔脱呀，青龙头下 键明珠.

Из пасти тигра выдергивать зуб, с головы Зеленого дракона забирать жемчужину.

Итак, в процессе исследования традиционной китайской культуры выявлено наличие различных представителей зооморфных фантастических существ, одновременно показано, что все они соотносятся с пятичленной космологической моделью мира. Персонажи анализируемого сборника совпадают с образами китайской культуры, характерными для мифологии, изобразительного искусства и разных жанров устного народного творчества. Иерархия образов соответствует их значимости в культуре в целом. Признанным лидером является дракон, ставший в настоящее время символом современного Китая.

Не будет преувеличением отметить, что именно образы мифологических существ подчеркивают национальный колорит китайской культуры в целом и пословиц и поговорок, в частности. Знание внешности и характера персонажей помогает глубже понять дидактическую направленность паремий. В отличие от других фольклорных текстов в них не предлагается развернутого описания облика и поведения этих существ. Согласно законам жанра выделяется самая яркая черта образа, которая затем «солирует» в содержании афоризма, на которой строится ритм и композиция высказывания. Выявленные в пословицах и поговорках образы мифологических существ воплощают взаимосвязь всех сфер китайской культуры и ее единство.

Литература

1. *Ганшин Г.А., Ушаков И.В.* Китай: Экономико-географический очерк. – М., 2004. – С. 25.

2. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997. – С. 31-118.

3. *Каталог* гор морей (Шань хай цзин) /Предисл., пер. и комм. Э.М.Яншиной. – М., 2004. – С. 43.

4. *Кравцова М.Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая. – СПб., 2004.

5. *Кравцова М.Е.* История культуры Китая. – СПб., 1999. – С. 114.

6. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. – М., 2000.

7. *Мифы* народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. – М., 1992.

8. *Терентьев-Катанский А.П.* Иллюстрации к китайскому бестиарию. Мифологические животные древнего Китая. – СПб., 2004.

9. *Тилавов Б.* Поэтика таджикских пословиц и поговорок. – Душанбе, 1967. – С. 50.

10. *Ткаченко Г.А.* Дракон // Ткаченко Г.А. Культура Китая: Словарь-справочник. – М., 1999. – С. 67.

11. *Чернец Л.В.* Виды образа в литературном произведении // Филологические науки. – М., 2003. – № 4.– С. 7.

12. *Щуцкий Ю.К.* Классическая китайская «Книга перемен». – Ростов-на-Д., 1998. – С. 208.

13. *Большой* китайско-русский словарь по русской графической системе в четырех томах / Под рук. и ред. И.М.Ошанина. – М., 1983.

14. *Китайская* философия: Энциклопедический словарь. – М., 1994.

15. *Zhongguo* suyu yanyu ku (shang, xia) (Сборник китайских народных речений, пословиц и поговорок. Т. I, II). Zhengzhou (Чжэнчжоу), 2001.

16. *Вестник* Омского государственного педагогического университета. Выпуск 2006 [Электронный ресурс]: Электронный научный журнал. URL: • www.omsk.edu

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОГО И БРИТАНСКОГО ЮМОРА
COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND BRITISH HUMOR

Васильева Мария Евгеньевна, Жукаускене Татьяна Сергеевна
Vasil'eva Maria Evgen'evna, Zhukauskene Tatyana Sergeevna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
knopka.ru95@yandex.ru, tatyana_zhukauskene@mail.ru

Русские шутки – это наиболее популярная форма русского юмора. Короткие истории или рассказы с кульминационным моментом.[4]

Культура русских шуток включает серию категорий с определенными хорошо знакомыми героями. Неожиданный эффект достигается бесконечным обилием сюжетов. Русские анекдоты касаются разнообразных тем, будь это политика, семейные отношения или спорт.

Рассмотрим несколько примеров героев и их характеристик, которые фигурируют в русских шутках и анекдотах. Прежде всего, следует отметить «Вовочку» – главного героя русских шуток. Это русский эквивалент героя «Little Johnny», встречающегося в англоязычных шутках и анекдотах. Однако, в отличие от «Little Johnny», «Вовочка» характеризуется как типичный русский школьник-хулиган с нестандартным мышлением и порой неприличными действиями или разговорами. Чаще всего он вступает в разговор со своей школьной учительницей Мариванной (кратко от «Мария Ивановна»). Стереотипное русское имя «Вовочка» – это уменьшительное от «Владимир», что создает эффект «маленького» мальчика. Одноклассники «Вовочки» имеют похожие уменьшительно-ласкательные имена. Все разговоры «Вовочки» сводятся к определенным тематикам, которые волнуют русский народ: семейные отношения, детское половое созревание, проблемы образования, иногда политика и экономика.

Достаточно большое количество анекдотов включают в себя героев из известного романа Артура Конана Дойля о частном детективе Шер-

локе Холмсе и его друге Докторе Ватсоне. Анекдоты появились и стали популярными вскоре после выхода фильма о Шерлоке Холмсе в 1970-80е года. Типичный сюжет шутки заключается в небольшом диалоге, где Ватсон интересуется чем-то, а Шерлок Холмс находит логическое объяснение рассматриваемого явления:

Шерлок Холмс и Доктор Ватсон отправились в поход. Посреди ночи, когда они уже легли спать, Холмс будит своего друга и спрашивает: «Скажите мне, Ватсон, что же значит это звездное небо над нами?» -«Хм, я думаю, что погода будет прекрасной завтра!» -«А я думаю, что просто кто-то украл нашу палатку».

Русский юмор острый и резкий, часто грубый и неприличный. Шутка, на которую англичанин отзовется легкой снисходительной улыбкой, русского заставит разразиться хохотом. Например, очень специфичным является медицинский юмор. Обычно медицинские шутки состоят из короткого диалога между доктором или медсестрой и пациентом:

-Медсестра, куда вы меня везете?

-В морг.

-Но я же еще не умер?

-Ну а мы еще и не приехали.

Сотни лет притеснений и цензуры в России породили особый народный жанр политического анекдота, который, будучи жанром устным, мог развиваться бесцензурно. Политический анекдот процветал все семьдесят с лишним лет советской власти; однако те, кого могли застать за рассказом такого рода анекдотов могли получить несколько лет лагерей. Постепенно политический анекдот претерпел некоторую девальвацию и анекдоты становились более добродушными.

Далее рассмотрим характерные черты британского юмора. Британский юмор вполне необычен и достаточно распространен не только в самой Великобритании, но и в её колониях. Многие комедийные шоу Великобритании уже обрели международную популярность и были показаны во многих странах. Английский юмор отличается своей неограниченностью. Англичане смеются над всем, что может вызвать улыбку, в том числе и над тем, что у русского народа, например, испокон веков считалось священным: над сильными мира сего, правительством и даже членами королевской семьи.

Хорошая английская шутка часто является спонтанной. Вы заходите в центральный магазин на Оксфорд-стрит, и слышите, как продавец, с энтузиазмом рекламирующий свой товар, вынужден несколько раз обратиться к покупателям с просьбой не толпиться у входа. Видя, что на его

призывы никто не реагирует, он прерывает свою речь и говорит очень деловым тоном: 'Excuse me, are you stupid or are you not English?'- «Простите, вы идиоты или вы не англичане?»

Рассмотрим еще несколько примеров. Ситуация: Вы идете с мужчиной под зонтиком по слишком узкому тротуару, и зонтик стучит о железную ограду. Ваш, спутник вопрошает: 'Is it the umbrella? I thought it was your head' – «*Это зонтик стучит? А я думал, это ваша голова*». Еще один пример: Ваш серьезный партнер оставляет вас на некоторое время в машине, припаркованной в неположенном месте, и дает инструкцию: 'Sit still and if the policeman turns up punch him in his nose'- «*Сидите спокойно, а если появится полицейский, двиньте ему в нос*».

На шутку обижаться не принято, а умение посмеяться над собой считается достоинством. Ваша реакция на юмор является своего рода проверкой на возможность дальнейшего партнерства. Считается, что англичанина можно узнать по трем признакам: чопорности, высокомерию и по чувству юмора, которое никогда не будет понятно иностранцам, плохо владеющим английским языком. Когда английские юмористические шоу транслировались по телевидению стран СНГ, многие разочаровались в так называемом тонком английском юморе. Из-за кадра доносится дикий смех, в то время как шутки с экрана звучали совсем «плоско».

Еще одна отличительная черта типичного английского анекдота – невозмутимость при неправдоподобных происшествиях и удивление мелким деталям на фоне общей абсурдности. Один из самых распространенных приемов, на которых строятся английские анекдоты – это прием обыгрывания многозначности слов, что часто создает взаимонепонимание и комический эффект. Приведем пример,

Passenger: *Guard! How long will the next train be?*

Guard: *About six carriages, sir.*

Пассажир: *Проводник! Какой будет следующий поезд? (имеется в виду время прибытия)*

Проводник: *Вагонов шесть, сэр. (имеется в виду длина поезда)*

В английском языке слово "long" используется в двух своих значениях, сначала – времени, затем – длины. В приведенном анекдоте вопрос «How long?» можно понять двумя способами 1) «Насколько длинный»? 2) «Как скоро»? На этом и основывается непонимание, вызывающее комический эффект в приведенном анекдоте.

В некоторых других свойственных для английской культуры анекдотах достижение комического эффекта основывается на знании слушателями предварительной информации. Нам труднее всего воспринимать

юмор в политических телевизионных программах, где вся соль шутки или анекдота содержится в так называемых "фоновых знаниях", т.е. предварительной информации, которая известна жителям Британии, но не всегда известна иностранцам. Например, анекдот – стихотворение, которое все англичане воспринимают как остроумное высмеивание самих себя, может оказаться совсем не смешным для людей с другим историческим прошлым:

I was playing golf
The day the Germans landed,
All our troops had run away,
All our ships were stranded,
And the thought of England's shame
Nearly put me off the game.

Я играл в гольф,
в тот день, когда высадились немцы.
Все наши войска бежали,
все наши корабли были захвачены,
а мысль о позоре Англии
чуть не выбила меня из игры.

Юмор этого стихотворения основан на заранее ложном утверждении: «*в тот день, когда высадились немцы*», «*все наши корабли были захвачены*», поскольку остров Великобританию никто не захватывал в течение тысячи лет. Но в странах, где людям пришлось действительно проливать кровь за свою независимость, соль шутки заключалась бы, возможно, в попытке англичан посмеяться над своим лжепатриотизмом и приверженности устоям: даже угроза отечеству не заставит их оторваться от любимой игры в гольф.

Тайна английского юмора привлекательна в первую очередь потому, что жители Великобритании считаются во всем мире глубоко серьезными, демократичными людьми, чья сдержанность и вежливость граничат с чопорностью и надменностью. Само существование английского юмора озадачивает представителей других наций.

У русской нации очень популярны короткие юмористические рассказы – анекдоты. Характер анекдотов чаще всего социальный, зачастую он обусловлен внутригосударственными причинами: если нельзя сказать что-то открыто, русский народ связывает это с забавным сюжетом и рас-

сказывает как анекдот. В отличие от других стран, русский юмор обладает ироничным свойством, юмор других стран всегда более прямой.

В заключении хотелось бы отметить, что чувство юмора является национальной особенностью каждой нации, которое культивировало веками, считалось важнейшим достоинством человека. Иносказания, игра словами, парадоксальные высказывания, острые шутки – все это составляет славу народа и языка. И, хотя, между русским народом и англичанами существует разная градация табуированности шуток, почти всегда люди смеются над одним и тем же.

Литература:

1. *Брауниг Г.* Английский юмор, или Не толкай, когда написано «Тяни!». М., АСТ Москва, 2008, 320 с.

2. *Голозубов А.В.* Теология смеха как феномен западной культуры. М.: Эксклюзив, 2009, 468 с.

3. *Пропп В.Я.* Проблемы комизма и смеха, СПб., 2009. 120 с.

4. *Шейнов В.П.* Манипуляции и юмор. М., Харвест, 2010. 50 с.

5. *Английский* юмор. [Электронный ресурс]. URL: http://londonmania.ru/humor

6. *Вудхаус П.* (P.G.Wodehouse). Несколько слов о юморе. [Электронный ресурс]. URL: http: lib.ru INPROZ/WUDHAUS humnt.txt_with-big-pictures.html

7. *Русский* юмор. [Электронный ресурс]. URL: http://www.langust.ru/review/xenorus9.shtml

СЕМАНТИКА СЛОВА «ЛЮБОВЬ» ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ГРЕЧЕСКОГО НА РУССКИЙ / АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ
SEMANTICS OF THE WORD 'LOVE' WHEN TRANSLATED FROM GREEK INTO RUSSIAN / ENGLISH

Власова Елена Михайловна, Тян Е.В.
Vlasova Elena Mihailovna, Tyan E.V.
Тувинский государственный университет
Tuvan State University
vlasova_ln@yahoo.com

Любовь. Достаточно интересная тема на сегодняшний день, хоть и стара как мир, на первый взгляд. Как известно о любви написано множество хвалебных гимнов, песен, стихов, поэм и разного рода литературных произведений. Люди неспроста так любят возносить данную свыше привилегию, мечтать о ней постоянно, искать ее буквально везде, желать ее всем вокруг, даже стараться испытывать ее в разном проявлении сегодняшней современности. Однако у всех нас прослеживается разное представление о любви и ее значении в жизни. Можно сказать, что любовь

любви – рознь, и каждый из нас может трактовать данное понятие, сегодня, по-разному.

Среди всех произведений литературы, воспевающих столь высокое чувство, как любовь, мы выбрали именно духовно-нравственное и морально – этическое собрание писаний (Библию, Новый Завет), а именно книгу 1 послание Иоанна богослова, которое многократно использует слово «любовь» в разных контекстах употребления и объяснения данного слова. Мы намеревались проследить и сравнить варианты перевода на русский и английский языки с классического (греческого – нареч. КОЙНЕ (разговорный вариант, понятный всем в то время)), с целью определения соответствия значений слова «любовь» при переводе и правильной трактовке при объяснении и даже при чтении Писаний на тему любви. Проследить учение книги 1Иоанна о любви и ее истинном значении, как повелевает всем Бог. Увидеть разницу в современном понимании слова «любовь» и в том, как описывает ее Священное Писание, сделать определенные выводы и написать пожелания по исследованию.

В английском и русском языках есть лишь одно слово, описывающее любовь. Санскрит (древнеиндийский язык) имеет 96 слов, определяющих любовь, а древнеперсидский – 80. В Греческом языке, (на котором писался Новый Завет, 1 Иоанна в том числе), есть несколько слов, которые могут быть переведены словом «любовь». Вот они: Эрос (eros), сторге (storge), филио (phileo), мания (mania) и агапе (agape). Пять разных слов и пять разных значений.

Рассмотрим их подробнее.

ЛЮБОВЬ-МАНИЯ

Манию трудно назвать любовью в полном смысле этого слова. Это – маниакальное влечение к кому-либо или чему-либо. С библейской точки зрения, такая любовь является идолослужением, поскольку обожествляет человека или же вещи, привязанность к которым испытывает человек, одержимый любовью-манией. Греки расценивали такой вид любви, как прикосновение капризных греческих богов, потому что после этого прикосновения люди начинали себя вести нерационально. Библия называет этих языческих богов демонами. Современное слово «маньяк» происходит от греческого «мания» и как нельзя лучше описывает человека, одержимого любовью-манией.

ЛЮБОВЬ-ФИЛИО

Филио – это любовь, основанная на взаимных интересах и симпатиях. Это – разновидность условной любви, поскольку она базируется

на каких-то определённых условиях. Если они выполняются, то любовь есть. Если они перестают выполняться, то и любовь прекращается.

Большинство браков основано именно на этой любви, потому они и заканчиваются разводами: общие интересы у мужа и жены заканчиваются, чувства и симпатии охладевают, и супругов больше ничто не держит в семье.

ЛЮБОВЬ-СТОРГЕ

Этот вид любви больше напоминает привязанность, будь то привязанность к человеку, вещи или животному.

- Так, например, любовь-сторге как нельзя лучше описывает любовь к домашним питомцам – собакам, кошкам или попугайчикам.
- Это также может быть любовь к определённому окружению, в котором вы выросли и к которому очень сильно привыкли.
- Это также может быть привязанность к старой квартире или работе.
- Также вы можете сказать, что любите мороженое. В данном случае слово «люблю» – это сторге.
- Некоторые родители испытывают по отношению к детям именно этот вид любви – Любовь-привязанность.

ЛЮБОВЬ-ЭРОС

Это физическое, сексуальное влечение. Некоторые в просторечье называют его «химией». Если взаимоотношения между людьми базируются лишь на любви-эрос, то через некоторое время, когда физическое чувство проходит или ослабевает, пара распадается. Сравнить это можно с тем же эффектом, какой производит на ребёнка новая игрушка. Пока она новая, ребёнок с нею не расстаётся ни на минуту. Со временем (а у детей это происходит в течение нескольких дней) новая игрушка становится старой и надоедает. А когда появляется новая, она полностью вытесняет память о прежней любимой игрушке. То же самое происходит и с парами, строящими свои взаимоотношения на любви-эрос.

ЛЮБОВЬ-АГАПЕ

Это такой вид любви, который описывает сущность и характер Бога. Библия провозглашает: «*Бог есть любовь*» (**1-е Иоанна 4:8**). В оригинале используется греческое слово «агапе». Оно означает преданную, бескорыстную, безусловную и самоотверженную, жертвенную любовь. В Новом Завете встречается 320 раз.

Сам Господь Иисус Христос описывает эту любовь следующим образом: «*Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей*

своих» **(Ев. от Иоанна 15:13)**. Именно такую любовь Бог продемонстрировал Своей смертью на кресте за наши грехи.

Исследуя 1 Иоанна, можно многократно встречать существительное АГАПЕ и соответствующий глагол АГАПАО, в ряде стихов со 2 по 5 главы послания: 1Иоан.2:5,1Иоан.3:1, 1Иоан.3:16,1Иоан.3:17, 1Иоан.4:7,1Иоан.4:8, 1Иоан.4:9, 1Иоан.4:10, 1Иоан.4:12, 1Иоан.4:16, 1Иоан.4:17, 1Иоан.4:18, 1Иоан.5:3.

Во всех случаях употребления в выше перечисленных стихах послания, идет употребление слова «любовь» при переводе с греческого, как русский вариант выражения любви, очень важно знать именно значение греческого слова «любовь» - агапе- при чтении и его интерпретации в обществе.

В английском же варианте 1Иоанна, прослеживается слово «love», во всех случаях употребления перечисленных стихов, соответствующих – агапе- греческому выражению. Ниже представлены только некоторые места употребления «love» 1 Иоанна с 1-3 главы.

1. 1Jn.2:5 but whoever keeps His word, in him the love of God has truly been perfected. By this we know that we are in Him:
2. 1Jn.2:10 The one who loves his brother abides in the Light and there is no cause for stumbling in him.
3. 1Jn.2:15 Do Not Love the World ¶ Do not love the world nor the things in the world. If anyone loves the world, the love of the Father is not in him.
4. 1Jn.3:1 Children of God Love One Another See how great a love the Father has bestowed on us, that we would be called children of God; and {such} we are. For this reason the world does not know us, because it did not know Him.
5. 1Jn.3:10 By this the children of God and the children of the devil are obvious: anyone who does not practice righteousness is not of God, nor the one who does not love his brother.
6. 1Jn.3:11 ¶ For this is the message which you have heard from the beginning, that we should love one another;
7. 1Jn.3:14 We know that we have passed out of death into life, because we love the brethren. He who does not love abides in death.

Сегодня очень часто, когда люди слышат, что мы говорим о любви, они понимают наши слова превратно, потому что можно сказать: "Я люблю кататься на лошади", или "Я люблю ходить на футбол", или "Я люблю мороженое", а затем повернуться к своей жене и произнести: "Я люблю тебя". Существует любовь, признательность, привязанность и на-

слаждение, которые мы можем получить, пользуясь совершенно разными вещами, но трудность в том, что мы используем одно и тоже слово для всех этих чувств (ровно как это может быть выражено и в английском языке, смысл доносится по контексту говорящего, и ситуации). Итак, если мы придем к кому-нибудь и скажем: "Я люблю тебя", то во многих случаях эти слова не будут содержать того, что они должны нести в себе, потому что у нас нет должного понимания, что такое любовь.

Слово «любить» потеряло свой исконный смысл и не имеет уже того значения, которое оно должно нести людям. Необходимо знать первоисточник появления и употребления данного слова, что бы, используя слово «любовь», и произнося его, не лишить того значения и силы, которые вкладывал в него Бог.

Литература

1. *Болонь Ж.-К.* История любовных побед от античности до наших дней. М., Текст, 2010

2. *Вышеславцев Б.П.* «Этика преображенного Эроса. Проблемы Закона и Благодати». М. Республика 1994 368 с.

3. *Дроздов. В.* Мистическая любовь в иранском суфизме // Востоковедение: Филологические исследования] Вып. 26: Сб. статей. — СПб.: 2005. С. 129—138

4. *Википедиа.* [Электронный ресурс]: энциклопедия. URL: www.wikipedia.com

5. *Священное* Писание (различные версии)

6. *Большой* толковый психологический словарь / Ребер Артур. Пер. с англ. — М.: Вече, АСТ, 2000.

БУКВЕННЫЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ
LETTER WORDS IN MODERN CHINESE

Воронков Илья Игоревич
Voronkov Ilya Igorevich
Научно-исследовательский Томский Государственный Университет
National Research Tomsk State University
leefanyi@gmail.com

Развитие информационных технологий, стремительное распространение сети Интернет, увеличение пользователей сетевых ресурсов, интенсификация международного взаимодействия повлекла за собой необходимость заимствовать международную терминологию, обрабатывать и создавать огромное количество новой лексики. Повсеместное использование иностранных слов в средствах массовой информации и в речи носителей китайского языка стало неотъемлемым признаком современного мышления и образа жизни. На современном этапе Китай является одним

из наиболее активных участников мировых экономических, политических и культурных процессов. Тесное взаимодействие с международными организациями, иностранными компаниями, научно-технический, культурный обмен с зарубежным миром порождают в Китае необходимость говорить на иностранных языках, принимать международные стандарты коммуникацию и терминологию. Актуальность данной темы обусловлена тем, что процесс массового проникновения буквенных заимствований в китайский язык и образования словосочетаний, включающих как иероглифы, так и буквы латинского алфавита в китайском языке происходит впервые в его истории, что приводит к необходимости научного анализа и оценки последствий этого проникновения для китайской языковой системы в целом.

Прежде всего, надо знать, что так называемые буквенные слова – это заимствования, которые составляют особый пласт лексики. Существует 2 причины заимствования:

1) Необходимость в выражении новых значений
2) Необходимость в обновлении старых значений

Заимствование - это копирование слова или выражения одного языка в другой; полное или частичное использование лексических единиц других языков. В последнее время в китайском языке появляется все больше заимствованных слов, большинство из которых из английского языка. В число этих заимствований входят и сокращенные слова, среди которых появилась особая группа сокращений, являющихся необычным для китайского языка явлением. При такой схеме заимствования копируется не только фонетическая сторона слова, но также его буквенное графическое выражение.

Буквенные слова - это лексические единицы, имеющие в своем составе заимствованные буквы иностранного языка (главным образом латинские буквы) или слова, полностью состоящие из букв алфавита другого языка.

Главным источником образования буквенных слов в китайском языке являются материалы сети Интернет. Это новости, СМИ в Интернете, развлекательные издания, огромное количество форумов и блогов. Также необходимо отметить и то, что изначально основным языком для общения в интернете являлся английский, поэтому китайцам, после того, как они стали полноправными пользователями всемирной паутины, пришлось играть по уже принятым правилам. В свою очередь ставшие со временем привычными англоязычные сокращения перешли в постоянное пользова-

ние в «китайском Интернете», а также стали употребляться и в повседневной речи китайцев.

Причинами использования различных видов буквенных заимствования являются лаконичность, высокая языковая экономия, привлекательность выражения, сохранение высокого темпа речи, характерного для китайского языка.

Например:

三G手机 – мобильные телефоны с поддержкой сетей 3-го поколения 3G

卡拉 OK – караоке

IP 电话 – интернет телефония

TV 族 – поколение, «выращенное» телевидением

T-恤 – футболка (от английского «T-Shirt»)

V发动机 – V-образный двигатель

N次 – N раз

Данные примеры уже глубоко вжились в язык и употребляются во всех сферах общественной жизни Китая, причем не только молодежью, но и старшими поколениями.

Также много примеров буквенных слов можно встретить и в медицинской сфере, так как западная медицина в Китае становится все более и более популярной и вместе с инновационными препаратами и методами лечения приходит и новая терминология.

X光 – рентгеновские лучи (от английского «X-Ray»)

B型血 – группа крови B

B超 – ультразвук

LBX药店 – аптека для «народа» (LBX - 老百姓 - lǎobǎixìng)

В компьютерной сфере и сфере IT-технологий наблюдается больше всего заимствований и буквенных слов. Причем немалая часть буквенных слов родом из компьютерных игр.

PK – игрок, убивший другого игрока (от английского «player killer»)

PS – обработать в Photoshop (от аббревиатуры Photoshop – PS)

U盘 – флэш-карта

Интересным примером использования буквенных слов в современном китайском языке и наглядной иллюстрацией того, как используются не только фонетические свойства букв латинского алфавита, но и их графические проявления служит слово «阿Q». Речь идет о произведении великого китайского писателя Лу Синя «Подлинная история *А-Кью*». «Хвостик» в букве Q символизирует косы на головах у подданных импе-

раторской династии, это своеобразное изображение китайского общества того времени.

Интеграция буквенных слов в китайскую языковую систему происходит в 2х направлениях. С одной стороны, буквенные слова влияют на китайскую языковую систему, делая её более новой и разнообразной, с другой же, китайский язык сам влияет на заимствования, адаптируя и изменяя их таким образом, чтобы они ощущались частью именно китайского языка:

1) Адаптационные процессы на фонетическом уровне выражаются в наделении тонами всех слогов заимствуемых слов, а так же в проявлениях различной степени фонетического освоения буквенных слов в речи китайских носителей.

2) При употреблении в сочетании с китайскими классификаторами заимствованные буквенные слова распределяются по лексико-семантическим классам, получая своеобразное положение в системе китайской лексики, определяющую их функциональные возможности и дистрибуцию.

3) На морфологическом уровне: образование новых форм буквенных слов, а также сложных и производных буквенных слов с использованием основных формообразовательных и словообразовательных способов китайского языка: аффиксация и полуаффиксация.

Интерференционное воздействие буквенных единиц на китайскую языковую систему проявляется в следующем:

1) Вследствие проникновения буквенных элементов и образования буквенных слов в китайском языке сегодня формируется синтез иероглифической и буквенной письменной систем;

2) Вследствие проникновения буквенных слов в китайском языке сегодня функционируют новые по фонетической структуре слоги;

3) Интерференционное воздействие буквенных элементов на морфологическом уровне проявляется в следующем:

a. Формирование нового словообразовательного способа в китайском языке – буквенной аббревиации;

b. Образование сложных и производных слов нового типа с участием буквенных компонентов;

c. Интеграция в китайский язык заимствованных морфологических показателей (суффиксов английского языка).

Существует также проблема омонимии, так как односложные аббревиатуры способствуют увеличению числа омонимов. Формируется новый пласт лексики - в сознании носителей не связно со зрительным образом

понятия, выраженным на письме алфавитной записью. Так же определена способность ряда звуков в составе заимствуемых слогов занимать позицию, не свойственную в китайской слоговой структуре. Вместе с заимствуемыми буквенными единицами в китайский язык проникают новые слоги и звуки. В качестве одного из основных проявлений является то, что носители китайского языка читают пиньинь- аббревиатуры слогами английского языка в соответствии с английскими названиями букв латинского алфавита.

Проникновение и активное употребление в китайском языке слогов с несвойственной ему структурной организацией можно считать показателем новых фонетических процессов в языке. Сообразуясь с новым языковым материалом, который дают нам буквенные образования, необходимо признать, что вместе с новыми понятиями, которые эти единицы обозначают, в китайском языке появляются новые звуки и их возможные комбинации.

Следствием интеграции буквенных слов в китайскую языковую систему является расширение словообразовательных, фонетических и графических возможностей китайского языка. В статье были показаны преобразования, возникшие в результате интеграции буквенных единиц, воздействия китайского языка на буквенные слова, воздействия буквенных слов на китайский язык, а также различные преобразования в фонетической системе и на морфологическом уровне. Однако немаловажным является вопрос о том, какова общественная оценка заимствований. С одной стороны, буквенные заимствования обогащают китайский язык, делая его многообразным; появляются новые слова и значения. Многие заимствования общеприняты во всем мире, и это, в свою очередь, выводит Китай на международный уровень общения. С другой стороны, язык страны – это культура. В Китае – китайский язык с его иероглифической письменностью. При проникновении буквенных слов в китайский язык, он теряет свою самобытность, и в какой-то степени теряется культура. Однако, несмотря на различия систем английского и китайского языков, буквенные слова активно воспринимаются носителями китайского языка, широко употребляются в речи молодежи, в публицистических текстах и рекламе. Интенсивность процесса аббревиации определяет актуальность данной проблемы и необходимость ее дальнейшего изучения.

Литература

1. 现代汉语常见字母词 (www. hi.baidu.com).
2. *English* invades the Chinese language (www.chinatownconnection.com).
3. *Аналитики.* Чистота языка - средство внешнеполитической борьбы (www.study.ru).

4. *Англо*-русский словарь - Екатеринбург: «Урал-Советы» Д991.-988с.

5. *Горелов В.И.* Лексикология китайского языка: Учеб. Пособие для студентов пед. институтов по спец. №2103 «Иностран. Яз.».- М.:Просвещение, 1984. -216с.

6. *Китайско*-русский словарь - Пекин, 2004.

7. *Маркина К.А.* Новые тенденции в развитии китайской лексики: буквенные слова китайского языка как проявление его интеграции с элементами иной типологии: автореф. Дис. К.А. Маркина. Москва, 2008. - 22с.

8. *Мастов Ю.С.* Введение в языкознание. Учебник.-М. Высшая школа,1987.- 272с.

9. *Семенас А.Л.* Лексика китайского языка - 3-е изд., стер.-М.: АСТ: Восток- Запад, 2007.-284 с.

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
SPECIFIC FEATURES OF CHINESE PHRASEOLOGY

Дядякина Наталья Андреевна, Корнева Евгения Дмитриевна
Dyadyakina Natalya Andreevna, Korneva Evgeniya Dmitrievna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
tasha.d@mail.ru, kornevayevgenia@mail.ru

Целью данной работы является рассмотрение этимологических и культурных аспектов китайской фразеологии и выявлении наиболее важных ее отличительных особенностей и принципов. Именно фразеологизмы и их переводы наиболее часто вызывают непонимание и заблуждение у студентов, изучающих китайский язык.

Тем не менее, изучение фразеологии является неотъемлемой частью учебного процесса языкового ВУЗа, так как именно она наиболее полно отражает связь языка и культуры народа, и является объектом различных лингвистических исследований. В ходе ее изучения, появляется возможность проследить развитие национальной культуры и закрепление ее в языке семантически. Фразеология содержит в себе все культурное и этническое богатство народа, его историю, видение мира. Именно поэтому этот раздел лексикологии требует очень тщательного изучения. Применительно к китайскому языку, фразеология очень четко отражает особенность менталитета, верований и символизмов в культуре народа.

В настоящее время в китайской фразеологии наиболее распространённой является классификация, предложенная китайским лингвистом Ма Гофанем (马国凡), состоящая из пяти разрядов:

Чэнъюй (成语, буквально «готовое выражение») — идиома.

Яньюй 谚语 — пословица

Сехоуюй 歇后语 — недоговорка-иносказание

Гуаньюнъюй 惯用语 —фразеологическое сочетание

Суюй 俗语 — поговорка

Наиболее распространенным и наглядным примером китайской фразеологии является чэнъюй 成语.

Чэнъюй, или «готовое выражение», это устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырёхсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщённо переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения.

С точки зрения лексики и грамматики к классу чэнъюев относятся выражения, состоящие из четырёх равноправных слого-морфем (слов), состоящих из двух частей с идентичным способом связи в каждой паре, а также чэнъюи непараллельной конструкции. Пример: – 字 – 板 (yī zì yī bǎn), означающий «отмерять каждое слово, делать все по порядку». Так же примером может послужить 一笔一笔 (yi bi yi bi) пер. «черта за чертой, по порядку, шаг за шагом, неспешно, соблюдая последовательность».

Ко второй группе также относят единицы, включающие пять и более слогоморфем. В целом, для чэнъюев характерны грамматические, лексические или семантические архаизмы. На письме они обособляются запятыми, в речи выделяются интонационно. Утверждение, что чэнъюй является синтаксически непроницаемым, также не всегда соответствует действительности. Для них в большей мере характерно употребление в художественной литературе, однако они столь же широко используются и в разговорной речи.

Источником подавляющего большинства чэнъюев является китайская классическая литература: классические каноны, философские трактаты, исторические хроники, художественная литература, а также исторические и философские притчи, легенды и мифы, крылатые слова и афоризмы, пословицы, заимствования из других языков и т.д. Он довольно компактен, имеет неизменяемую структуру, благодаря чему широко используется как в устной, так и в письменной речи.

Например, источником чэнъюя 图穷匕见 (1)tu2 qiong2 bi3 xian4 – «планы раскрыты»; «невозможно скрыть»; «тайное стало явным»; «шила в мешке не утаишь» (досл. «карта раскрыта, кинжал обнаружен») – называют письменный памятник эпохи Чжаньго (453 – 221 гг. до н.э.)

Не менее богатым источником чэнъюев являются мифы и легенды. Китайский миф о сотворении мира (миф о Паньгу) получил своё отображение в чэнъюе 开天辟地 (6) kai1tian1 pi4 di4 «сотворить небо, сотворить землю».

Также свою лепту в создание чэнъюев внесли философские и религиозные учения (буддизм, даосизм и пр.). Например, чэнъюй 三生有幸 (7) san1sheng1 you3 xing4 (досл. «три жизни имеют счастье») – «прекрасный, но труднодостижимый шанс». В буддийском учении «три жизни» означают прошлую, настоящую и грядущую жизни человечества. Если человеку судьбой определено в трёх жизнях прийти к учению Будды и познать его, то он должен воспринимать это как высшее благо и счастье и дорожить им. Счастливый случай приведёт человека к учению Будды, но в то же время потребует от него преодоления многих трудностей на пути к истинному познанию.

Так, например, "Пририсовать змее ноги" (画蛇添足 huà shé tiān zú), означающий бесполезную, напрасную работу, которая не приносит ничего кроме вреда, и «Тянуть всходы, помогая им расти» (拔苗助长 bá miáo zhù zhǎng), русский аналог которого звучит, как «поспешишь – людей насмешишь». Оба эти чэнъюя пришли из одноименных рассказов.

Очень часто чэнъюйи содержат в себе различные факты, явления, события, относящиеся исключительно к истории, культуре, быту, традициям, обычаям данного народа. Такие фразеологизмы часто содержат в себе топонимы (географические названия), антропонимы (имена реально существующих людей), образы животных, растений. Поэтому для их понимания необходимо обладать достаточно глубокими знаниями истории и культуры страны.

Так, например:

活阎王 huo yan wang – «злодей, изверг» (букв. Бог подземного царства Янь – ванн во плоти)

班门弄斧 (ban men nong fu) – яйца курицу не учат(букв. «перед дверью дома Баня демонстрировать искусство владения топором»).

得陇望蜀 (de long wang shu) – не знать предела своим желаниям(букв. «заполучив Лун, поглядывать на Шу»).

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть важность изучения фразеологии китайского языка, то, какое место она в нем занимает. Ввиду ее широкого употребления в художественной литературе и устной речи, а также отражения культурного прошлого Китая, нельзя игнорировать ее ценность в структуре языка и, в особенности, пренебрегать ее правильным и точным использованием и переводом на другие языки.

Литература

1. *Бао Хун, Баженов Г.А.* Фразеология и национальный менталитет: некоторые аспекты национальнокультурной специфики в китайском и русском языках Бао Хун, Г.А. Баженов // Мир китайского языка. –М.: Изд-во «Муравей». – 1999. - №1.- С. 3 – 12.

2. *Баранова З.И.* Моделируемые фразеологизмы в китайском языке / З.И. Баранова // Исследования по китайскому языку. - М.: Наука, 1973- С.79-83.

3. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи/Общая психолингвистика: Хрестоматия. Учебное пособие/Составление К.Ф. Седова / Н.И. Жинкин. - М.: Изд-во: «Лабиринт», 2004.- 320 с.

4. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. - М.: ИТДГК «Гнозис»,

2003.- 375с.

5. *Мясников В.А.* Национально-культурная особенность китайской фразеологии / В.А. Мясников // Сб. тезисов 2-й конференции по китайскому языкознанию. - М., 1984. -С.53-57.

6. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Изд-во «Воронежский гос. ун-т», «Истоки» / З.Д. Попова, И.А. Стернин. - 2002.- 191 с.

7. *Тань Аошуан.* Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность.- М.: Изд-во: «Языки славянской культуры» / Тань Аошуан. - 2004. - 240 с.

8. *Энциклопедический* словарь символов/Авт.-сост. И.А. Истомина.- М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.-1056 с.

CHINGLISH: A CULTURAL PHENOMENON
ЧИНГЛИШ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Zarubin Alexey
Зарубин Алексей Николаевич
National Research Tomsk State University
Национальный исследовательский Томский государственный университет
zarkaman@mail.ru

Chinglish is defined by Radtke [1] as referring to the spoken or written English language that is influenced by the Chinese language. This term commonly refers to a mixture of English with Modern Standard Mandarin, but it can also occasionally refer to mixtures with Cantonese, Shanghainese and Taiwanese.

According to Li [2] English first arrived in China in 1637 when British traders reached Macao and Guangzhou (or Canton). In the 17th century, Chinese Pidgin English originated as a lingua franca for trade between British people and mostly Cantonese-speaking Chinese people. This proto-Chinglish term "pidgin" originated as a Chinese mispronunciation of the English word "business". Following the First and Second Opium Wars between 1839–1842, Pidgin English spread north to Shanghai and other treaty ports (Ibid.). Pidgin usage began to decline in the late 19th century when Chinese and missionary schools began teaching Standard English. In 1982, the People's Republic of China made English the main foreign language in education. Current estimates for the number English learners in China range from 300 to 500 million.

Li writes that Chinglish may have influenced some English expressions that are "calques" or "loan translations" from Chinese Pidgin English, for instance, "lose face" derives from 丢脸 (diulian) "lose face; be humiliated". Chinglish is pervasive in present-day China "on public notices in parks and at tourist sites, on shop names and in their slogans, in product advertisements and on packages, in hotel names and literature, in restaurant names and on menus, at airports, railway stations and in taxis, on street and highway signs – even in official tourist literature" [2].

The future of Chinglish is uncertain. The Global Language Monitor predicts it will thrive, and estimates that roughly 20 percent of new English words derive from Chinglish, for instance, (山寨 (shanzhai); literally "mountain stronghold; mountain village") meaning "counterfeit consumer goods; things done in parody" [3]. Moore writes that Huang Youyi, president of the China Internet Information Center, predicts that linguistic purism could be damaged by popular Chinese words of English origin (such as OK and LOL). "If we do not pay attention and we do not take measures to stop Chinese mingling with English, Chinese will no longer be a pure language in a couple of years" [4].

Chinglish has various causes, most commonly erroneous Chinese dictionaries and translation software. Linguists usually differentiate root and ancillary causes of Chinglish. The root causes are outdated Chinese-English dictionaries and incorrect English in foreign language textbooks. Ancillary causes include misspelling, mediocre English-language teaching, sloppy translation, and reliance on outdated translation technology. Moore warns that, "Today's English-language publishers and teachers in China are passing on obsolete translations and incorrect rules of language to students. In turn, Chinglish gets duplicated across society, particularly now during today's period of rapid opening to the outside world and the widespread use of English. The resultant flood of Chinglish will perpetuate unless it is corrected now" [4].

Common causes of Chinglish listed by Radtke [1] include:

1. Lack of inclusion of native speakers of English in the translation or editing process

2. Dictionary translation: translating Chinese to English word for word. Chinese people usually use their Chinese lexical system to speak English. And as we know, the basic difference between languages lies in the different use of words in terms of denotation and connotation.

3. Use of machine translation with no post-editing

4. Competently translated text which has been subsequently edited by non-native speakers

5. Inappropriate translation and lack of pragmatic knowledge is also a decisive factor. Inappropriate translation is caused by the differences between the target language and the source language (Chinese).

6. Difference between Chinese and western culture.

7. English teaching in China which responds the principle of learning something in China which is: "Your teacher is your God, be like your teacher", but in terms of Chinglish it creates a linguistic tradition, which makes everybody speak English like previous generation did without correcting any common mistakes, without an attempts to perfect the language. That is what the inviolacy of Chinglish is based on.

Linguists and language teachers such as Li [2] usually point out the following main aspects of Chinglish:

1. Cultural aspect. Example: the English idiom "work like a horse" means "work hard", but in China horses are rarely used as draft animals and the equivalent Chinese expression uses 水牛 (shuiniu) "water buffalo".

2. Problems of direct translation. Example - some Chinglish menus translate 豆腐 (doufu) as "bean curd", which "sounds very unappetizing" to English speakers, instead of "tofu".

3. Wordiness. Unnecessary words and convoluted sentences are hallmarks of Chinglish translation. For example, the Civil Aviation Administration of China announced, "CAAC has decided to start the business of advance booking and ticketing", which could simply say "CAAC now accepts advance booking and ticketing" [5].

4. Chinglish reflects the influence of Chinese syntax and grammar. For instance, Chinese verbs are not necessarily conjugated and there is no equivalent article for English "the", both of which can create awkward translations. We also must not forget about incorrect word order. A host in Shenyang toasted a group of foreign investors with "Up your bottoms!" instead of "Bottoms up!" [6].

As we can see most of these features refer to the difference between the language structures of English and Chinese. If we add cultural influence and more than 350 years of historical changes, we shall get the modern Chinglish, which is now in the process of becoming the China-wide means of communication with laowai (foreigners).

Linguists often accede to a submission that language is formed and shaped by the culture which it aims to express [7]. Language and culture are closely related to each other. That is why when we study some foreign

language or foreign culture, it is quite a difficult task to feel the language and the way of thinking of its native speakers. At the same time it is the only way to understand those people whose language you study, and avoid some certain misunderstandings which are the natural result of the studying of a foreign culture. This happens because we are the representatives of some particular culture and, whatever we do, our language and our culture makes us think in a certain way, it determines our thoughts, even when we are in the process of getting knowledge and understanding of some another culture. This of course cannot help but have consequences.

Chinese people are not exceptional. When they learn English, and when they try to copy some men on television or their foreign friend, or when they just try to speak proper English, they always do it in their own unique way. Due to the fact that the history of Chinese culture and traditions covers over 5000 years of development and changes, no cultural penetration will ever break this enormous concentration of cultural peculiarities, precisely because this concentration is absolutely self-sufficient. As a result Chinese people are not able to get rid of the Chinese way of thinking and of the Chinese world outlook when learning English, or speaking English, or even using English everyday being in an English verbal environment. English continues to be for them not more than the object of their studying or the way of expressing their thoughts. Yet English is not a reflection of culture for them, just because it is an alien culture. It leads to the phenomenon when Chinese people speak English while trying to express Chinese thoughts. And when they are simultaneously trying to copy the manner of some native speaker, this looks completely ridiculous.

Now let us take a look at the comparison of the basic differences between China and the western world in terms of people's attitude towards different aspects of life.

	Chinese	American and British
Conception of the Self	*Collectivist*: Higher value placed on group cooperation and individual modesty [8]	*Individualist*: Higher value placed on self-reliance. Self-promotion is more accepted. High value placed on "freedom" from externally imposed constraints [8]

	Chinese	American and British
Social Relationships	Formal, hierarchical. People most comfortable in the presence of a hierarchy in which they know their position and the customs/ rules for behavior in the situation [8]	Informal, egalitarian. People most comfortable with their social equals; importance of social rankings minimized [8]
Friendship	Small number of close, lifelong friends who feel deeply obligated to give each other whatever help might seem required [9]	Large collection of "friends" and acquaintances which changes over time and involves only limited mutual obligations [10]
Obligation	Relationships with other people involve reciprocal obligations [8]	People avoid interdependent relationships and situations that might entail long-term obligations [10]
Task vs. Relationship Orientation	Relationship-oriented: Maintaining a harmonious relationship has priority over accomplishing tasks [8]	Task-oriented. Relationships are less important than getting the work done [10]
Harmony vs. «Truth»	Avoid direct confrontation, open criticism, and controversial topics. Concerned with maintaining harmony and about "losing face" [9]	Willing to confront directly, criticize, discuss controversial topics, press personal opinions about what they consider "the truth". Little concern about "losing face" [10]

	Chinese	American and British
Role of laws, rules, and regulations	More faith in personal relationships than in written rules and procedures for structuring interactions [9]	Written rules presumably apply to everyone and are assumed to produce fair, reasonable procedures and decisions [9]
Time Consciousness	Relatively more attention to the past and to the longer-term future [8]	Less interested in the past; eye on near-term future [8]
Ascribed vs. Achieved Status	Traditionally, a person's status in the society was based importantly on inherited characteristics such as age, gender, and family. This is changing [9]	People's status is based mainly on their own achievements, including education obtained and level of success realized in their line of work [9]

It is evident that comments here are unnecessary; everything can be understood from the description. And now imagine that the people described in the first column will try to speak the language of the people described in the second column and try to look like them and to understand their way of thinking, their values and their lifestyle in general. Let us not even take into consideration the second option, and pitch upon the language. Do you think that their English would in fact sound like "real" English? And an even more important question: would they be able to understand the English spoken by native speakers, the way it should be understood?

It is not surprising that for the most part the attitude towards Chinglish is negative among both Chinese people and foreigners. However if foreigners look at Chinglish as some common and usual thing which is hard to be avoided, the majority of Chinese people who study English consider it ugly and unacceptable. Henry writes that Ge Chuanggui was the first scholar who proposed the terms "Chinglish" and "China English" in his essay On Chinese to English Translation (1984), in which he makes a distinction between Chinglish and China English [11]. According to his work, China English

belongs to normative English whose composition and scope of use are far richer and wider than Chinglish. In contrast, Chinglish is a deformed language phenomenon. Its composition and scope of use are both unstable and limited, and it causes barriers in international communication and cultural exchanges.

In recent years many linguists in China believe that Chinglish is the result of the negative transfer of learners whose first language is Chinese, and it is a kind of inter-language, which is unavoidable in the process of foreign language learning. It cannot be regarded as a linguistic error, but as a kind of developmental error when the foreign language learners are forming their self-contained linguistic systems in an attempt to produce meaningful performance.

The main result of the Chinglish influence is the penetration of Chinglish in all spheres of the society which are somehow directly connected with English (mass media, research works, the Internet, schools, universities, international trade, and so on) and, in fact, the replacement of English in the whole country. Also, due to all the historical and cultural facts we can see the uprising of the tradition of teaching and learning some "special sort" of English in China, which can lead to the complete loss of English there. This is the main paradox: on the one hand there is a great necessity of knowing English in China, because of its becoming more integrated in the global system right now, and, on the other hand we see that English is being lost in China, because of its own language, its own culture, and the most important thing – because of its tradition of translating (interpreting) from Chinese into English. And that is the situation which really needs some solution to be found. And the main thing which must be fixed is the way of translating. The way they translate from Chinese into English actually determines the way they speak English. It is doubtful whether China will ever be able to get rid of Chinglish and the main reason is the role of Chinglish in China, as one of those things which does not allow China to become a "standardized" state. It maintains the Chinese language and culture even in English, but geographically limited to China. As China integrates the global world, however, it has to make itself understandable. So even if Chinese people do not want to speak some standardized international English, they at least have to speak the English that foreigners are able to understand without any difficulties, as does any foreigner [14]. To achieve this goal first of all they have to understand English and not just learn it by rote.

Chinglish and other hybrid versions of English are undoubtedly cultural phenomena, which make English closer to the language of the given country.

In a globalized world, however, such variants of English hinder rather than help cross-cultural communication. Perhaps the solution is to relieve English of a cultural base, making it a truly international language. But would it then be English? And what would we call it? And can a language exist without a culture of its own?

Sources

1. *Radtke O.L.* (2007). Chinglish: Found in Translation. China: Gibbs-Smith.

2. *Li W.* (1993). China English and Chinglish. Foreign Language Teaching and Research Journal, 4

3. *Mair V.* (2010). Zhonglish: a high-impact ride? Language Log, June 13, 2010.

4. *Moore M.* (2010). Chinese language 'damaged by invasion of English words'. The Telegraph, March 15, 2010.

5. *Mair V.* (2009). Xinhua English and Zhonglish. Language Log, February 4, 2009.

6. BBC News. (2006). Beijing stamps out poor English. BBC News, October 10, 2006.

7. *Han Y., Ginsberg H.P.* (2001). Chinese and English Mathematics Language: The Relation Between Linguistic Clarity and Mathematics Performance. *Mathematical Thinking and Learning* 3, pp. 201-220.

8. *Triandis H.C., Bristin, R., Hui C.H.* (1988). Cross-Cultural Training Across the Individualism-Collectivism Divide. International Journal of Intercultural Relations, 12, 3.

9. *Hofstede G.* (1986). Cultural Differences in Teaching and Learning. International Journal of Intercultural Relations, 10.

10. *Althen G.* (2002). *American Ways* (2nd ed.). Yarmouth, Maine: Intercultural Press, Inc.

11. *Henry E.S.* (2010). Interpretations of "Chinglish": Native Speakers, Language Learners and the Enregisterment of a Stigmatized Code. Language & Society 39(5).

12. *Vittachi N.* (2000). From Yinglish to sado-mastication. World Englishes, 19 (3), pp. 405–414.

13. *Mair V.* (2007). The Etiology and Elaboration of a Flagrant Mistranslation. Language Log, December 9, 2007.

14. *Mitchell P.J.* (2011). English for Innovators: The Importance of ELT Provision in an Innovation Economy. Innovatika – 2011. Tomsk: Tomskoe universitetskoye izdatel'stvo, pp. 36–40.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ «РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. THE STUDY OF THE PROBLEM OF SPEECH PORTRAIT IN RUSSIAN LINGUISTICS

Игнатов Артем Андреевич
Ignatov Artyom Andreevich
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
ignatooov@mail.ru

В конце XX веке ведущим принципом описания языкового материала стал принцип антропоцентризма, основанием для которого послужило стремление изучать язык в тесной связи с человеком. Ключевым

понятием современной лингвистики становится «языковая личность». По мнению Т.Г. Винокур, антропоцентрическая ориентация современной лингвистики определяет ее пристальное внимание к языковой личности. При этом интерес представляет как речевое своеобразие отдельной личности, так и характеристики носителя определенной социальной группы [Винокур 1989: 11].

Цель настоящей работы – осветить разработанность проблемы языкового своеобразия, или «речевого портрета», представителей различных социальных групп.

Понятие речевого портрета группы носителей языка в лингвистике не ново. Подобие социально-речевых портретов, пишет Л.П. Крысин, можно найти в диалектологии, например, при описании говора группы деревень или одной деревни [Крысин 2003].

Непосредственным толчком к разработке понятия «социально-речевой портрет» явилась идея фонетического портрета, выдвинутая в середина 60-х годов XX в. М.В. Пановым. Он создал ряд фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых XVIII-XX вв., таких как Петр I, М.В. Ломоносов, А.А. Вознесенский и др.) [Панов 1990]. Выбирая «модель» для создания фонетического портрета, М.В. Панов обосновывает свой выбор именно социальными и социокультурными соображениями: принадлежность к тому или иному поколению, социальному слою, следование в речи определенной культурной традиции (театральной, поэтической, бытовой и т.п.), наличие в речи локальных особенностей – противопоставление Москвы и Петербурга – и др. [Панов 1990].

Идея фонетического и, шире, речевого портрета была позже подхвачена другими исследователями. Е.А. Земская обратилась к изучению речевого портрета ребенка возраста 2-6 лет. Очевидно, что детская речь является объектом, представляющим интерес для ученых разных специальностей: лингвистов, психологов, педагогов, социологов. Автор ставит перед собой вопрос: в чем состоит своеобразие строения некодифицированных сфер речи, и обладают ли они свойством системности. Исследования автора основываются на наблюдениях над речью ребенка-мальчика, родившегося в Москве в мае 1986 г. в семье москвичей-филологов с высшим образованием. Е.А. Земская преимущественно сосредотачивает свое внимание на явлениях морфологии, лексической семантики, словоупотребления, словообразованиях и лишь отчасти других уровней язык. Прежде всего, внимание уделяется явлениям, отличающим детскую речь от норм литературного языка. По мнению автора, актуальность исследо-

вания заключается в том, что данные детской речи имеют большое значение для целого ряда научных дисциплин, таких как общее языкознание, психология, педагогика и др. [Земская 2004: 387].

В работе Е.А. Земской, в качестве портретируемого выступает ребенок, живущий среди филологов, которые говорят с ним, пользуясь обычным разговорным языком, не употребляя специальных «детских» форм типа *бяка* (плохой) или *бобо* (больно). Следует отметить, что Е.А. Земская обратилась к более широкому принципу описания речевого портрета, чем просто фонетический анализ речи говорящего. Автор проводит исследования уже на следующем языковом уровне – морфологическом. Рассматривается ненормативное использование имен существительных (форм склонения, числа и рода, категории одушевленности), имен прилагательных (форм сравнительной степени), наречий, местоимений, имен числительных, глаголов (форм несовершенного вида, страдательных и действительных причастий) и т.д. Автор также уделяет внимание детской способности создавать несуществующие слова разных частей речи, используя действующие в языке модели. Так, в книге рассматриваются ненормативные способы словообразования существительных, глаголов и прилагательных. Более того, Е.А. Земская затрагивает семантический аспект (конкретные и абстрактные семантические категории), прагматику и языковую игру в речи говорящего [Земская 2004: 387-402]. Автор делает вывод, что ребенок усваивает грамматическую систему разговорного языка, в которой нет деепричастий, действительных причастий, страдательных причастий настоящего времени, причастных оборотов. По ее мнению, к четырем годам активно усвоены основные грамматические категории, за исключением категории одушевленности, употребления вежливой формы *вы*, склонения местоимений-прилагательных и числительных, а также семантики местоимений *себя* и *свой*.

Позже Е.А. Земская совместно с М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой воспользовались более широким методом описания речевого портрета группы носителей языка, рассматривая особенности мужской и женской речи [Земская 2004]. На момент начала их исследований важнейшее разделение людей на мужчин и женщин не привлекало к себе специального внимания лингвистов. Социолингвистика, психолингвистика и этнолингвистика изучали различия в языке и его употреблении, связанные с различиями между разными группами людей, не обращая внимания при этом на различия по полу [Земская 2004: 428]. По мнению авторов, выявление типичных особенностей мужской и женской речи, затруднено тем обстоятельством, что между мужской и женской речью в

русском языке нет резких, непроходимых границ. Отмечаемые авторами особенности мужской и женской речи являются не непреложными законами, но тенденциями употребления. Также авторы подчеркивают, что на дифференциацию мужской и женской речи, накладывают отпечаток и другие виды различий – по возрасту, образованию, профессии, месту жительства. Поэтому в каждом примере приводятся данные о говорящих (возрастные, профессиональные и др.) [Земская 2004: 488].

Материалом для исследований Е.А. Земской, М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой послужила, главным образом, устная непринужденная речь образованных мужчин и женщин (то есть носителей литературного языка), и лишь в отдельных случаях авторы прибегали к другим видам устной речи (например, просторечиям или публичной речи). В данной работе изучению подверглись как явления из сферы фонетики (вокализм, консонантизм, особенности экспрессивной фонетики), так и лексики (активный запас слов мужчин и женщин, различия в осмыслении слов, средств экспрессии и оценки, употребление «пустой» лексики и др.). Также были выявлены особенности речевого поведения мужчин и женщин в смешанных и однородных речевых группах, а именно такие моменты, как способность к переключению и сконцентрированность на определенной теме, вставки, самоперебивы, одновременное развитие нескольких тематических линий. В области стилистики, рассматриваются средства экспрессивизации речи, средства образности (метафора, сравнение), а также средства оценки. Исследование проводилось методом наблюдения над речью мужчин и женщин в однородных по полу и смешанных группах. Его задачей явилось объективное изучение и выявление особенностей современно мужской и женской речи (в обеих устных разновидностях русского литературного языка – кодифицированном и разговорном) [Земская 2004: 446-488]. Было выявлено, что в сфере грамматики отсутствуют существенные различия между мужской и женской речью, в то время как область словообразования дает некоторые различия (например, была установлена склонность женщин к употреблению диминутивов). Более резко и отчетливо специфические черты мужчин и женщин в употреблении языка проявляются в характере их речевого поведения, в стратегии ведения разговора. Так, женщины более вежливы в обращении, меньше употребляют грубую и бранную лексику, чаще используют косвенные просьбы, чем приказы и т.д. [Земская 2004: 489-490].

Кроме того, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова исследовали языковой портрет современного горожанина [Китайгородская, Розанова 2010]. Авторы изучали речевой мир современного города и повседневные

речевые практики горожан на примере города Москвы. В исследовании описывается типичный горожанин в типичных обстоятельствах. По их мнению, город является в настоящее время доминирующей социально-пространственной формой существования общества. В работе показано, что с социологической точки зрения важной характеристикой города, в отличие от сельского поселения, является то, что в нем отсутствуют специфические для общества соседей личной знакомство друг с другом [Китайгородская, Розанова 2010: 18-19]. Внимание исследователей привлекло изучение языкового поведения современного горожанина в различных ситуациях и жанрах. Многие ситуации городского общения рассматриваются как последовательность микроситуаций, участники которых совершают определенные действия, при этом часть их действий получает вербальное воплощение в виде устойчивых речевых клише и формул. Одной из важных идей является то, что городской стереотип нельзя рассматривать как обособленное самостоятельное высказывание, поскольку он вписан в контекст коммуникативного акта и отражает определенную микроситуацию. По мнению авторов, важно исследовать жизнь клишированных реплик в структуре естественного диалога [Китайгородская, Розанова 2010: 278]. М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова рассматривают речевое поведение современного горожанина на примере таких типовых ситуаций как транспорт, улица, магазин, аптека, рынок. Они выявляют примеры тактик и стратегий, которые преследуются участниками дискурса, а также их речевые клише для конкретной микроситуации. При этом подчеркивают, что стереотипы городской коммуникации достаточно «хрупки» и в значительной степени зависят от изменений в социально-экономической жизни общества. [Китайгородская, Розанова 2010: 281].

Л. П. Крысин исследовал речевой портрет представителя интеллигенции на примере русского языка. Во-первых, автор подчеркивает разногласия в интерпретации терминов «интеллигент» и «интеллигенция» и их соотнесенности между собой. Л.П. Крысин выделяет несколько признаков, по которым следует различать интеллигенцию как определенный социальный слой в структуре современного русского общества: гуманитарное или техническое образование, возраст, а также территориальная принадлежность представителя интеллигенции. Автор описывает речевой портрет, рассматривая два аспекта: во-первых, особенности в наборе языковых единиц, главным образом, фонетических и лексико-семантических, и во-вторых, особенности в речевом поведении представителей интеллигенции [Крысин 2003: 483].

В качестве результатов исследования, автором отмечают некоторые различия на фонетическом уровне, а именно в вокализме (например, сохранение звука [о] в неударной позиции в некоторых заимствованных словах: [во]кал, [со]нет и т.д.) и в консонантизме (например, различия в качестве звука, произносимом на месте буквы «щ» и звукосочетания «сч»: преобладающим является произношение долгого мягкого [ш']: [ш'] астье, [ш']едрый и т.д.) [Крысин 2003: 484].

Наблюдение Л.П. Крысина над лексическими особенностями речи той или иной социальной группы в области лексики и словоупотребления показало, что они почти всегда содержат элементы случайности, что не является исключением и для примеров, приведенных в его работе. В то же время, их вполне можно рассматривать в качестве штрихов к речевому портрету представителя интеллигенции. Например, такие слова как *волнительный, волнительно, отнюдь,* по мнению автора, несомненно, являются интеллигентскими, то есть свойственные словоупотреблению части этого социального слоя – актерам, искусствоведам, филологам, театральным критикам и, возможно, некоторым другим группам преимущественно гуманитарной интеллигенции [Крысин 2003: 488].

Что касается особенностей речевого поведения представителей интеллигенции, то здесь автор выделяет одну из характерных особенностей речевого поведения интеллигентных носителей языка – умения переключаться в процессе коммуникации с одних разновидностей языка на другие в зависимости от условий общения. Эта диглоссность (или полиглоссность) отличает интеллигенцию, например, от носителей просторечия, которые моноглоссны и не умеют варьировать свою речь в зависимости от ситуации [Крысин 2003: 490]. Л.П. Крысин отмечает, что для интеллигентской среды, в особенности для «гуманитариев», характерны такие явления, как рефлексия над словом, намеренное его искажение, обыгрывание его звукового состава, внутренней формы, связей с другими словами, словесные каламбуры и т.п. – иначе говоря, языковая игра во всех ее обличиях [Крысин 2003: 494].

Б.Я. Шарифуллин в рамках проблемы языковой личности рассматривает речевой портрет современного студента. По его мнению, данный объект исследования наиболее четко отражает нынешнюю языковую картину и особенности речевой коммуникации не только в сугубо молодежной сфере общения, но и коммуникативного пространства современного города в целом. Б.Я. Шарифуллин рассматривает языковую личность студента в различных социальных общностях, в которых она себя проявляет: учебная группа, курс, факультет, институт. В то же время он подчеркивает,

что как правило, человек состоит в нескольких социогруппах (например, студент является членом своей семьи, у него есть своя компания друзей и подруг, участвует в какой-либо секции, и наконец, выступает членом своей учебной группы в институте). Из этого следует вывод, что студент использует разный набор речевых форм в соответствии с требованиями конкретных малых групп, а также и разные типы речи - литературный язык, разговорную, официально-деловую речь, жаргон, сленг и т.д. Кроме того студент является одновременно носителем индивидуальной формы речи, отражающей его территориальное (этническое происхождение), уровень его образования, культуры и т.д. Но главной характерной особенностью речевого портрета современного студента, по мнению Б.Я. Шарифуллина, является владение им студенческим (молодежным) сленгом [Шарифуллин 2002].

Также следует упомянуть исследования Т.А. Милёхиной, в которых она рассматривает речевой портрет бизнесмена. По ее мнению, бизнесмены – это не только сравнительно новая для России профессия, но также и новая социальная группа, представителей которой объединяют высокие доходы, более или менее однотипный образ жизни, новая мораль, особая психология. Поскольку эта группа только формируется, то довольно трудно очертить ее границы. В работе Т.А. Милёхиной представлен речевой портрет бизнесменов в виде описания их устной речи. Для устной речи этой социальной группы говорящих характерны черты, вообще отличающие устно-разговорную литературную речь от речи книжно-письменной: неполный стиль произношения, разговорные синтаксические структуры и т.п. В фонетике наблюдается полное соответствие литературной норме, в то время как произношения является литературно-разговорным (например: *што, ничё, щас, сёдня* и т.п.). Автор подчеркивает, что, несмотря на все вышеперечисленное, социально-профессиональная среда откладывает отпечаток на речь данной социальной группы говорящих. Параметры речи бизнесмена определяются рядом социальных и ситуативных факторов, важнейшими среди которых являются образование, возраст, пол говорящего, условия общения и сфера деятельности [Милёхина 2003: 517].

По мнению Т.М.Николаевой, нет необходимости представлять эксплицитно все уровни и факты языковой системы при описании речевого портрета, так как многие языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, вполне соответствуют общенормативным параметрам и поэтому интереса не представляют. По ее мнению, напротив, важно фиксировать яркие «диагносцирующие пятна» [Николаева

1991: 73]. В качестве таких пятен могут выступать манера произношения отдельных звуков, выбор определенных лексических единиц, предпочтение тех или иных синтаксических конструкций.

Итак, проблема речевого портрета в современной лингвистике является достаточно актуальной. На настоящий момент лингвистами были рассмотрены речевые портреты современного горожанина, представителей интеллигенции, бизнесменов, а также были проведены исследования, в которых выявлены основные различия между мужской и женской речью. Изначально речевой портрет носителя языка описывался только с точки зрения фонетики, в дальнейшем идея речевого портрета стала охватывать и другие уровни языка, такие как морфология и синтаксис. Основным принципом описания речевого портрета является метод рассмотрения особенностей речевого поведения и употребления языковых средств. К языковым средствам, в первую очередь, следует отнести выбор лексико-семантических единиц в речи говорящего, поскольку идея фонетического портрета уже не имеет особой актуальности. Более актуальным является описание речевого портрета по принципу выделения в речевом поведении говорящего, так называемых, диагносцирующих пятен в более крупных языковых единицах, таких как словосочетание, предложение и текст.

Литература

1. *Винокур Т.Г.* Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук / Ред. И.Т. Фролов. – Москва : Наука , 1989. – 361-369 с.

2. *Земская Е.А.* – Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с. – (Studia philologica).

3. *Китайгородская М.В , Розанова Н.Н.* – Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 496с. – (Studia philologica).

4. *Крысин Л.П.* Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. - М.: Языки славянской культуры, 2003. - 568 с., вклейка после с. 192. - (Studia philologica).

5. *Милёхина Т.А.* Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. - М.: Языки славянской культуры, 2003. - 568 с., вклейка после с. 192. - (Studia philologica).

6. *Николаева Т.М.* «Социолингвистический портрет» и методы его описания / Т.М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. – М., 1991.

7. *Панов М.В.* История русского литературного произношения XVIII—XX вв. / Отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1990. 453 с.

8. *Шарифуллин Б.Я.* Формы речевой субкультуры в городском ойколекте (на материале речи г. Лесосибирска) // Русский язык в Красноярском крае. Вып. 1. Красноярск, 2002а.

大学生活

Кан Вэньзин
Kang Wenjing
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
kvenczin@mail.ru

耶夫盖妮亚让我说一说：在中国，大学生活是怎样的？说实话，我毕业已经一年了，回想大学的时光，觉得既遥远又亲切。向大家说说自己的大学生活，以此纪念一下自己的青春。

我就读于新疆师范大学，我的大学位于中国的西北边陲新疆省会乌鲁木齐市。他虽然不大，但学风浓郁。因此吸引来很多国家的留学生，其中仅自中亚的留学生就有一千余人。

在中国，新生进入大学后首先要进行为期半个月的军训，这是我们进入学校的第一课。军训让我们尝尽苦头，尽管时间很短，但也让我在锻炼中磨练了意志、学会了坚强、加深了对祖国的热爱。

然后紧接着就是，每天天还没亮，永远准时播放的广播把我们从睡梦中惊醒，提醒我们该做早操了，大学时代我最憎恨这个声音。学校规定，除大四学生，其余学生一定要到规定的时间和规定的地点做早操。于是从大一起，我就在想，我要是大四的学生该多好呀。现在我回想起每天做早操的时候站在我们不远处外班的一个男生，他无论穿什么服装都配一双皮鞋，并且认真地做运动，我们笑称他为“皮鞋王子”。他使我们在每天漫长的半小时的早操时间里不至于那么无聊。

现在说说学习，这个话题说出来，我会觉得很惭愧。前面我说过，我们学校是一个不大但学风浓郁的学校。所以每天十点上课前，学校校园里站着很多学生读书，一路走下来都是学生的朗朗的读书声。白天上完课后，晚上每个教学楼都灯火通明，学生们都在上自习，到学校统一熄灯后才回宿舍。这好像成为中国每个大学的一个习惯，也是一种传统。我们的外教不会讲中文，一星期只有两节外教课。刚开始学俄语的时候，往往不知道外教在讲台上讲的什么？有时外教讲着讲着就大声笑了，我们坐在教室里一直在想，他到底在讲到什么笑得这么开心？所以我觉得：掌握一门语言很重要，当然学好是要付出很大的努力的！

下面终于可以说我最喜欢的娱乐休闲生活了，我最喜欢徒步旅行。一周我们有两天的休息时间，新疆是个徒步旅行的好地方，新疆没有春秋，只有夏天和冬天，而且冬天时间特别长，大概有 6、7 个

月之久,这有点像新西伯利亚的气候。我往往会花一天的时间爬山，在山上的时候可以感受大自然的无穷的魅力，远离都市的繁华，放空思想。然而，第二天我就躺在床上全身疼得不能动弹。学校每个星期六广场上都会有各个学院举办的晚会，节目繁多，不乏唱歌、跳舞、走秀等，令人眼花缭乱。大家都知道，中国的饮食博大精深，而我这一生最大的爱好就是吃东西了。因为我时时刻刻都感觉到，自己很饿。我很自豪的是，我无论怎么吃，都不是很胖，不用担心减肥。当然人生不只是吃喝玩，我们还要积攒生活经验和能力，空闲的时候，还可以去当家教，在超市，饭馆里打工，在公司里积攒工作经验等等，总之不要让大学时光虚度过去就行了。

总结了一下，我的大学不是很成功，但是回想过去，我认为，大学，是一个完全靠自觉的社会。我有几点小建议供大家参考：

1. 尽量不逃课。如果按你一年 50000 卢布的学费来算的话,一节课意味着你丢了 90 卢布.

2.好好谈一场恋爱。让你能够在这样物欲横流的社会理解什么叫做纯洁。

3.培养爱好。人可以有很多自己不喜欢做的事，但你喜欢做的事，就在空闲的时间把它做好。

4. 给自己的学习在心中定个目标。这是你一生中最后一次有机会可以在学校里学习。这五年就为一个目标奋斗，如果做不到的话，你都会看不起自己。

5.交几个好朋友。人不需要很多朋友，但好朋友一定要有，至少，在你没钱，没男（女）朋友的时候，可以在他家蹭吃蹭喝。

到最后，我只想说，人生就像一条路，重要的只有几步，特别是人年轻的时候。所以，大家加油，再不疯狂我们就老了。

КОНФЛИКТ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМА. A CONFLICT IS A COMPONENT OF SOCIAL AND CULTURAL INTERNET-FORUM DIMENSION

Кандинская Мария Вадимовна
Kandinskaya Maria Vadimovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
marycandysky@gmail.com

В настоящее время актуальным является изучение электронной коммуникации и особенности коммуникативного Интéрнет-пространства. Проблема конфликта как жизненного феномена стоит на оси пересечения интересов ученых разных научных областей: юриспруденции, социологи, психологии, педогогики. В данной работе мы будем рассматривать конфликт как неотъемлемую составляющую интернет-общения, проявленного на форуме как особой текстовой среде.

В настоящее время существует целый ряд исследований конфликтной коммуникации – как с точки зрения социологии и психологии (см. работы – В.И. Сафьянова,, Н.В.Гришиной, В.И.Сперанского, А.К.Зайцева, А.П. Капустиной), так и с точки зрения собственно лингвистической (см. работы – В.С.Третьяковой, Н.Д. Голева, О.Ю.Учасевой, Л.А. Белоконенко, Н.Г Шаповаловой и др.).

О.Ю. Усачева («Конфликтный диалог в Интернете») дает определение Интернет-форума, использование которого актуально для данного исследования: «Форум (виртуальная конференция) - это особый коммуникативный жанр сетевого общения, для которого характерно, как правило, неограниченное, но более или менее постоянное количество участников, вступающих в диалог между собой по той или иной проблеме (теме)» (Усачева, 2006, 2).

Для данного исследования важным является понятие конфликта, которое определяется нами как столкновение сторон (а именно пользователей, представленных напрямую и косвенно), вызванное с противоречиями между их мнениями, ценностями, идеями, интересами, вкусами, привычками, которое носит агрессивный характер. В результате конфликта производятся речевые действия, реализующие разные этапы конфликта и как следствие преследующие разные коммуникативные цели.

Конфликт на Интернет-форуме носит особый динамический, процессуальный характер, так как в большинстве случаев в текстовом воплощении проявляются не все стадии его протекания. Чаще всего в текстах форума можно увидеть конфликты, вербализующие: предконфликтную стадию или инцидент; эскалацию конфликта. Нехарактерным для форум-коммуникации является вербализация стадии завершения конфликта: вопрос часто остается не разрешенным, так как пользователи используют тактику ухода от конфликта по средством удаления комментариев или прекращения посещения данной темы. В свою очередь следует отметить, что именно количеством конфликтов определяется популярность тем форума, можно выявить взаимообратную закономерность, чем больше конфликтов, тем больше посетителей, так как активное обсуждение привлекает интерес пользователей к теме.

Конфликтность как один из способов реализации общения на форуме небезразличен к тематике разделов форумов. Конфликты возникают на форумах, тематика которых не предполагает столь широкого спектра взаимодействий и где преобладает фатическое или информационное общение. Главной экстралингвистической предпосылкой конфликта является докоммуникативная ситуация внутренние противоречия между пользователя компьютера, а именно: на тематический форум участники приходят уже со своими сложившимися взглядами, с мнением по данной теме, отсюда конфликт на таких форумах имеет предпосылки еще в пресуппозиции, а не возникает по ходу общения, как на нетематических форумах.

В данной работе мы будем рассматривать рассматриваем Интернет-форум как дискурс обладающий определенными особенностями, такими как специфический тип общности участников, особая тематика; особый хронотоп; ролевая иерархическая структура; интердискурсивность; ценности дискурса; коммуникативные цели; коммуникативные тактики и стратегии.

Конфликт играет важную роль в рамках дискурса Интернет-форума, специфические особенности дискурса Интернет-форума оказывают влияние на модели построения конфликтов. В результате исследования на основании данной ролевой структуры и классификации В.И. Сперанского были выделены значимые для данного исследования типологии конфликтов, проявленных в разделах форума о кино, искусстве и здоровье: 1) по ролевой структуре конфликта (вертикальный и горизонтальный); 2) по содержанию конфликта (по поводу качества представ-

ленного объекта обсуждения, по поводу интерпретации восприятия обсуждаемого объекта/ события, по поводу субъективных мнений/ поступков/ способов решения проблем, по тематике, заданной в заголовке обсуждения, выходящий за рамки тематики, заданной именем раздела и заголовком обсуждения (например, связанный с «переходом на личности»). Важным является иерархическая связь элементов между собой, влияние, оказываемое тематикой раздела трансформирует все характеристики дискурса Интернет-форума.

Материалом для нашего исследования послужили тексты разделов форумов «Форум умных людей»; «Forum For All: думающий форум»; «Главный городской портал Томска», раздел «Кино», «Искусство. Живопись», «Здоровье» (http://forum.nov.ru/ - 30, 20, 20 тем; http://forum4all.ru/ - 20, 30, 25 тем; http://www.tomsk.ru/forum/ - 15, 20, 30 тем).

Основным параметром является тематика раздела. В данной работе мы посмотрим более подробно влияние тематики раздела на ролевую структуру. Тематика вырабатывается в соотношении со временем действия, актуализирует общественные потребности. В исследовании были рассмотрены социально-популярные темы, востребованные разными слоями общества в разной степени. Рассмотрим подробнее данные каждого раздела. В разделе «Кино» ведется обсуждение тем, связанных с выходом на экраны нового кино, игры популярных актеров и качества работы режиссеров. В разделе «Искусство» рассматриваются темы, касающиеся направлений искусства, техник рисования, творчества конкретных художников, скульпторов и т.п, определенных работ. В разделе «Здоровье» внимание отводится вопросом здоровья, методам народной и традиционной медицины, обсуждению заболеваний, способов их профилактики и предотвращения.

Ролевая иерархическая структура претерпевает изменения в связи с тематикой раздела, в рамках которого вернется обсуждение. Помимо таких ролей, как модераторы, администраторы, новички, постоянные пользователи и т.п., которые действительно участвуют в обсуждениях, описываемых в работах О.В. Лутовиновой, Л.Ф. Компанцевой и А.Н. Ахреновой. В дискурсе форума появляются косвенные участники, реально не существующие как пользователи данной виртуальной сети, но выражающими ту или иную точку зрения, представленную в обсуждении. Характер направленности на адресата массовый, принцип взаимодействия - многие-многим.

Рассмотрим примеры конфликтов различные по ролевой структуре.

1. Вертикальный конфликт - скрытый конфликт пользователей с косвенно представленной на форуме личностью: 1) режиссер фильма, композитор, актеры (**Пример:** *Темный мир. Natusia: Первый наш фильм в 3D . Премьера 07.10.2010 Frequency: Уже привычно не ожидаю чуда! Свирь: ешьте сами с волосами Severina: помесь сериала Ефросинья и Ночной дозор? оригинально).* Анализ: пользователь Natusia на кануне выхода на экраны фильма «Темный мир» создает на форуме тему с одноименным названием, в этот же вечер появляется несколько комментариев, которые выражают явное отрицательное отношение к теме (используются иронические выражения, слова и словосочетания с отрицательным значением). Пользователи вступают в конфликт с создателями фильма, критикую саму задумку кино. 2) художники, критики, фотографы (**Пример:** *Очень Оригинальный художник Дино Валлс. Гильермо: разместил изображения. BotsmanV: Ндаа... Действительно, оригинал... Blondi*: олые мальчики, голые девочки... а в чем смысл-то картин?да уж оригинал... картины из серии «удивленно взглянул и забыл». Rainycomp: А помоему художник - извращенец. ИМХО конечно).* Анализ: Пользователь Гильермо выкладывает на форуме изображения самых неодназначных картин художника, представителя авангардно-фигуративного направления в изобразительном искусстве и создает тему-провокацию «Очень Оригинальный художник Дино Валлс», тем самым подчеркивая свое отношение к его произведениям. В ответ появляются комментарии, выражающие негативное отношение к творчеству этого художника и к картинам (используя иронические высказывания, риторические вопросы, прямые негативные конструкции, включающие оскорбления, графические средства выражения). 3) представители власти, руководители организаций (**Пример:** *хочу родить ДЕТЕЙ—ИНДИГО, есть люди с подобными желаниями?? Ira_edkaya: :ага. Предпочитаю, чтоб у меня ребёнок родился ЗДОРОВЫМ! но вот, что происходит : акушеры у нас - «коновязы», конечно эт относится к единичным случаям, но.... об них трещат СМИ. В итоге складывается впечатление, что .... а, впрочем это - правда цинизм и бездушие акушерок - вышло на общественеое обсуждение, ведь только «благодаря» этим принимателям родов у нас рождается столько инвалидов и детей с детским церибральным параличём*). Анализ: Пользователь создав данную тему, настаивает на том, что хочет только ребенка индиго,

т.е со сверхспособностями, в результате бурного обсуждения, одна из пользователей уходит от прямой темы разговора и выражает свое недовольство органами медицинского обслуживания в России (прямые негативные конструкции, включающие оскорбления, графические средства выражения, противопоставительные и причинно-следственные союзы).

Данный тип конфликта представляет особый интерес, так как он является потенциально незаконченным следствие того, что косвенно представленная личность выражен имплицитно и не имеет возможности участвовать в обсуждении. Независимо от этого, пользователи Интернет-форума чаще всего участвуют именно в таком одностороннем конфликте, пользователи высказывают собственное мнение, тем самым самоутверждаясь/приравнивая свое мнение по значимости к мнению критиков, представителей власти, актеров и тд.

2. Горизонтальный конфликт - конфликт между пользователями. **Пример 1**: *Авторское кино и артхаус. Alex McGal: Greka, у тебя есть список признаков, по которым определяется принадлежность кино к авторскому ??? Greka: Мог бы и сам поискать ответ на такой простой вопрос. QUOTE (выдержка об авторском кино из википедии) Alex McGal: «Мог бы и сам поискать ответ на такой простой вопрос» я, как человек не являющийся специалистом в этой области, не смогу отличить бред сивой кобылы, от выше процитированного тобой текста, поэтому обращаюсь за советом к человеку, суждениям которого доверяюGreka: «не являющийся специалистом в этой области» Простите, в области чего? Русского языка?+) Захожу torrents.ru - арт хаус и авторское кино =))Alex McGal: значит ты тоже не эксперт, можешь свое мнение при себе держать, а не строить из себя всезнающего*). Анализ: конфликт возникает между пользователями, имеющими одинаковое статусное положение в сети (постоянный пользователь) и являющимися кинолюбителями, а не экспертами в рамках данной тематики. Оппоненты не выходят за рамки темы, используют прецедентные тексты (т.е. могут комментировать друг друга по средствам цитирования, используют выдержки из Интернет-энциклопедий, тексты песен, популярные анекдоты, которые имеют особое оформление в рамках форума и т.д.), громоздкие конструкции, которые подчеркивают ироническую вежливость и образованность участников конфликта. **Пример 2:** *Неудержимые Урок: И так лысых хватает) а Шварц где?) Гетто: Интересно, Арнольдюшко снимался в перерывах между правлением в*

Калифорнии, или правил в перерывах между съемками?) Урок: Рэнди Кутюр? Это не тот ли, который в ММА? Почему Емельяненко тогда нет, или тот занят другим фильмом «Пятая казнь».Toni: еще бы Ван Дама добавили)))) Гетто: круто что всех собрали, давно бойчков таких не снимали. Skeptic: кто все эти люди?. Анализ: пользователь *Урок* является «старичком» данного раздела и поклонником боевиков, он ведет беседу с постоянными пользователями *Гетто* и *Toni*, обсуждение темы ведется в ироническом ключе, пользователи говорят о боевике, в съемках которого принимали участие самые известные голливудские актеры, при этом некоторые пользователи используют иронические прозвища, уменьшительно-ласкательные имена, известные только поклонникам жанра боевик. Вследствие этого на форуме возникает горизонтальный конфликт между пользователями на почве недопонимания, так как вновь вступающим в обсуждение участникам остается непонятой тематика разговора, из-за чего возникают вопросы, мешающие оценить фильм так, как этого требует формат форума.

Без горизонтального конфликта существование форума было бы невозможно. Популярность тем на форуме обозначается активностью пользователей, ведущих обсуждение интересующей темы по средствам диалога, в результате чего между пользователями неизбежно возникают противоречия. Среди пользователей на форумах любой тематики есть администраторы, модераторы, новички и постоянные пользователи. Среди постоянных пользователей можно выделить группу пользователей - «старички» или «знатоки», как правило, люди, которые давно являются посетителями форума, хорошо знают тему данного раздела и имеют определенные взгляды и компетентностью в обсуждаемом вопросе темы. Результаты анализа конфликтов позволили сделать вывод о том, что инициаторами конфликта и создателями тем-провокаций чаще всего являются постоянные пользователями со статусом «старичок», они не только постоянно находятся в Сети онлайн, вступают в беседы со всеми пользователями, высказывающими какое-либо мнение по тематике, но и используют сокращения и названия, создавая сленг тематического раздела, что ограничивает круг лиц, которые могут участвовать в дискуссии.

Литература

1. *Усачева О.Ю.* Конфликтный диалог в Интернете (на материале политических форумов) [Электронный ресурс]. URL: http://www.dialog21.ru/Archive/2005/UsachevaO/UsachevaO.htm (дата обращения: 27.11.2010).

2. *Сперанский В.И.* Конфликтная ситуация и инцидент. // Социально-политический журнал. 1995. № 5. С. 129-143.

3. *Компанцева Л.Ф.* Специфика нормы и узуса в Интернет-дискурсе. [электронный ресурс]. URL: http://www.textology.ru/article.aspx?aid=151 (дата обращения: 19.12.2011)

4. *Ахренова И.А.* Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление [Электронный ресурс]. URL: http://dibase.ru/article/24082009_akhrenova_na/2 (дата обращения: 09.12.2010).

5. *Лутовинова О.В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса / монография. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2009. – 478 с.

Θῡμός у Гомера и в Новом Завете: проблемы семантики
Gomer's Θῡμός and in the New Testament: semantics problems

Коренькова Евгения Олеговна
Koren'kova Evgeniya Olegovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
Nirmanakaya888@sibmail.com

Данная статья является продолжением исследования синонимического ряда "душа" в древнегреческом и латинском языках. Для исследуемого слова значение «душа» является первым по частоте фиксации в текстах. В докладе представлены результаты исследования эволюции семантики слова θυμός, через контекстный анализ употреблений его у Гомера и в Новом Завете. Теоретической базой исследования стали работы: Мейе, Кречмера, Тронского, Шантрена (реконструкция индоевропейской падежной системы).

Первые фиксации θυμός . У Гомера слово является многозначным (по Дворецкому [1]):

1. дыхание жизни, жизненное начало, жизнь, душа, дух;
2. воля, (горячее) желание, стремление;
3. потребность, голод, жажда, аппетит;
4. душа, сознание;
5. душа, чувства, мысли, образ мыслей, настроение;
6. смелость, отвага, мужество;
7. реже Pl. гнев, злоба.

В большинстве значений слово фиксируется только у Гомера: 6 из восьми, фиксируемых Дворецким. Значение «гнев, злоба» сохраниться до Нового Завета, а восьмое значение «страсть» фиксируется только у философов. В данном случае в списке приведены только значения, зафиксированные у Гомера. По данным других словарей древнегреческого

языка (Лиддель-Скотта [2], Аутенриета [3], Слейтера [3]) принципиальных отличий в фиксации значений не обнаружено.

Для того, чтобы более детально разобрать специфику древнейшего из зафиксированных в письменных источниках значения θυμός, мы провели контекстный анализ и составили блок статистических данных по употреблениям θυμός в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. Общее количество употреблений: 423 случая в «Илиаде» и 319 случаев в «Одиссее». Самым распространённым падежом в «Илиаде» оказался аккузатив, на втором месте номинатив, датив, меньше всего случаев употребления генитива – 8. В «Одиссее» номинатив, аккузатив и датив имеют примерно равное количество употреблений: 100, 101, 111, генитив - 7 случаев. Все употребления данных падежей были проанализированы.

Nominativus

Употребления номинатива зафиксированы в следующих контекстах (дано в порядке убывания): воля - 47 случаев, смерть/обморок - 12, волнение - 11, характеристика - 7, мыслительные процессы - 8, на долю каждого из остальных приходится не более 6 употреблений. Под обозначением «воля» имеются ввиду такие фразы при которых θυμός является побуждающей к немедленному действию субстанцией, например:

ἦ νυ καὶ αὐτῶν θυμὸς ἐποτρύνει καὶ ἀνώγει (сейчас и дух их побуждает и управляет, VI.439)

ὄφρ᾽ εἴπω τά με θυμὸς ἐνὶ στήθεσσι κελεύει (я скажу, что мне душа в груди велит, VII.68).

Таким образом θυμός, согласно номинативным употреблениям, является центром воли и желания, которые управляют человеком. В выражениях о смерти употребляется глагол λείπω «уходить, оставлять», или «истощаться, исчезать», и глагол οἴχομαι «уходить, отправляться», так же имеет значение «исчезать».

Genitivus

С помощью генитива реализуются следующие высказывания: смерть - 3 случая, неприязнь - 2, любовь - 2, принадлежность - 1. Например:

θυμοῦ καὶ ψυχῆς κεκαδὼν κλυτὰ τεύχε᾽ ἀπηύρα (души и жизни лишивший, славное оружие забирал, XI.334).

Нет ни одного выражения с семантикой чувства или мысли. Упомянутые значения генитивных выражений совпали с типами генитива: например, смерть реализована через Genitivus inopiae, неприязнь - Partitivus,

и т.д. Согласно этим данным, смерть, условно говоря, есть "недостаток θυμός», а неприязнь - это стремление θυμός от чего-то отдалиться.

Dativus

В дательном падеже слились собственно дательный, местный и орудийный. Этому способствовали факты индоевропейской языковой общности: индоевропейский праязык обладал окончаниями bh и m [4]. Местный и орудийный слились настолько тесно, что не представляется возможным точно определить, в каком случае мы имеем дело с рефлексом местного, а в каком – инструментального (см. например, ἄμφω ὁμῶς θυμῷ φιλέουσά – обоих душой/в душе любя, I.196, 209). Кроме того, имеются синонимичные выражения с предлогом и без: σεβάσσατο γὰρ τό γε θυμῷ (он побоялся этого душой, VI.167) и δεῖσε δ' ὅ γ' ἐν θυμῷ, Διομήδεα δὲ προσέειπε (он устрашился в сердце, Диомеду сказал, VIII.138). В «Илиаде» у Гомера с θυμός в дативе употребляется только один предлог ἐν(ι), который используется для обозначения места. При составлении статистики в графе «Locativus» мы поместили все случаи употребления исследуемой единицы с предлогом ἐνὶ или глаголом, имеющим приставку ἐν. В графе «Другие» помещены такие типы дательного, как modi, commodi, possesivus, и др, так как фиксированные употребления каждого из них не превышают одного-двух раз. В графу инструментальный/местный мы поместили все спорные случаи употребления, они доминируют в дативе, локатив на втором месте, собственно объект, которому предназначено действие, - всего 17 случаев.

По семантике практически все употребления дательного падежа являются выражениями, передающими чувства, эмоции, душевные волнения. Спектр человеческих чувств у Гомера крайне широк.

Accusativus

Аккузатив - самый распространённый падеж. Для аккузатива характерно огромное разнообразие значений, которые могут быть разделены на группы: фразы, когда речь идёт о чём-то происходящем внутри души (преимущественно чувства и ментальные действия) и когда θυμός является объектом действия. Объектные употребления представляют собой действие, совершённое извне над θυμός, которые повлекли изменение состояния. В таких употреблениях наиболее часто встречаются примеры влияния одного человека или бога на душу другого. Таким образом, существует две сферы: вне θυμός и внутри θυμός. В последней совершаются мыслительные процессы и появляются чувства, желания. Половина употреблений - предложные (предлоги κατὰ и ἀνὰ). В употреблениях в роли

места встречается несколько фраз, где речь идёт о том, что в душу извне вкладывают чувства или мысли. Действующим лицом в таких оборотах является бог или богиня. Согласно анализу текста Гомера, размышления, решения, молитва имеют свои истоки в θυμός, или непосредственно в человеке. Тогда как чувства могут быть навеяны извне или быть собственными. Несколько употреблений раскрывают любопытный аспект значения θυμός, например:

Ἕκτορι δὲ πρωτίστῳ ἀνάλκιδα θυμὸν ἐνῆκεν (Гектору самому первому слабую душу послал он - о Зевсе, XVI.656),

и другие, подобные, где прослеживается семантика смены, поворота души кем-либо. «Замена души» обыкновенно осуществляется богом или с его помощью. Исключение составляют фразы из речи Ахиллеса о прекращении гнева:

θυμὸν ἐνὶ στήθεσσι φίλον δαμάσαντες ἀνάγκῃ (душу в груди укротивший силой, *ныне я оканчиваю гнев*, - XVIII.113). Где использовано причастие от глагола δάμάζω «подчинять, одолевать, смирять». Здесь мы видим пример волевого решения человека, силой смирившего свои чувства. Примечательно, что смиряет он их не разумом, так как разум и чувства не являются антагонистами в «Илиаде» Гомера, а другими чувствами.

Фразы, несущие семантику гибели и смерти наиболее часто зафиксированы с аккузативом. Это две небольших группы употреблений:

κάππεσεν ἄμφω χεῖρε φίλοις ἑτάροισι πετάσσας//θυμὸν ἀποπνείων (упал, обе руки милым друзьям простирая, дух испускающий, IV.524),

τῷ ὅ γε γαστέρα τύψε μέσην, ἐκ δ' αἴνυτο θυμόν (ударил в живот посредине, забирал душу, т.е. убил, IV.531).

Разница между ними состоит в том, что в первом случае θυμός выдыхается, выталкивается из тела: употребляются глаголы ἀΐσθω (выдыхать, испускать), ἀποπνέω (выдыхать, извергать).

А во втором случае речь идёт об утрате θυμός самим человеком, или её отнимает убийца. При этом используется узкий круг глаголов: αἴνῦμαι (брать, забирать с собой), ὄλλῦμι (губить, уничтожать или утрачивать), αἱρέω (брать, хватать, завладевать) и приставочные глаголы от данных. Возможно, через эти глаголы (со значением «брать, забирать», «вынимать») отразилось древнейшее представление о некой силе духа, которую получал убийца от поверженного врага. Значения глагола ὄλλῦμι свидетельствуют о том, что θυμός разрушается, когда человек умирает, или

«иссякает». Так же это подтверждается тем, что душа уже умершего человека называется в «Илиаде» словом ψυχή.

Рассмотрение всех падежных употреблений повлекло за собой следующие выводы. Слово θυμός наиболее часто употребляется в таких конструкциях, где оно остаётся пассивным: на него влияют, образовывая чувства, настроения, намерения, его меняют. Оно может быть местом действия: наиболее часто - огромного спектра чувств от любви до ненависти и ярости. Греки локализовали θυμός в груди, там же, где по древним представлениям помещался рассудок и чувственная душа. Очевидно, что эта часть человеческого естества уничтожалась вместе со смертью существа, имелась как у людей, так и у животных, и не представляла собой собственно человеческую личность. Порождение желаний в θυμός очень часто является внешним. Вероятно, θυμός олицетворяло собой животные страсти человеческого естества и часть страстей, связанных непосредственно с эго: это витальный принцип, управляющий желаниями питья, еды, сна, а так же то в человеке, что реагирует на внешнее воздействие появлением чувств, особенно обиды, боли, ярости. Когда нарушены границы человеческого эго, θυμός реагирует первым, так как является центром стихийных чувств и низшей природы. Эта душа обезличена: в «Илиаде» единичны случаи характеристики души, при этом то, что они личностные, может подвергаться сомнению. Так, например, если говорится, что Одиссей имеет твёрдую душу, то это, вполне вероятно, не его заслуга, так как θυμός может быть изменён богами, как это было в случае с Гектором, которому Зевс послал «трусливую душу». Таким образом, θυμός - это буфер, открытый, с одной стороны, во внешний мир и реагирующий на него мгновенными желаниями и страстями, а с другой - внутрь человеческого естества, в сторону личностной души, которая остаётся после смерти.

Литература

1. *Древнегреческо*-русский словарь: в 2 т. / составитель И.Х. Дворецкий, под ред. С.И. Соболевского.- М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.- Т. 1-2.

2. *Шантрен П.* Историческая морфология греческого языка. / П. Шантрен, пер. со 2-го фр. изд-я, придож. и предисл. Я.М. Боровского.- М.: Издательство иностранной литературы, 1953.- 338 с.

3. *Liddell A., Scott R.* Greek-English Lexicon / A. Liddell, R. Scott; rev. and aug. by H.S.Jones, R.McKenzie.- Oxford: Clarendon Press.- 1996.

4. *Perseus* Digital Library [Электронный ресурс] URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/

СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД «НАРОД» В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЭМЕ «ИСХОД» SYNONYMS MEANING "A PEOPLE" IN THE ANGLO – SAXON POEM "EXODUS"

Крупенкова Маргарита Владимировна
Krupenkova Margarita Vladimirovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
rituzko@mail.ru

Между явлениями культуры и фактами структуры языка нет прямой причинной зависимости и прямого соответствия, но изменения в культуре могут находить косвенное, опосредствованное отражение в языке; это признает и Э. Сепир, когда пишет, что «история языка и история культуры развиваются параллельно». Наличие теснейшей связи и взаимозависимости между языком и его носителями очевидно и не вызывает сомнений.

Лингвистика XXI века активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания. Язык есть путь, по которому мы проникаем не только в современную ментальность нации, но и воззрения древних людей на мир, общество и самих себя. [2]

Язык того или иного народа является источником бесценной информации о мышлении, ценностях и развитии определенного народа и помогает определить его языковую картину мира. Языковая картина мира может рассматриваться через призму развития лексикона того или иного языкового коллектива. Каждый язык на определенном этапе своего развития формирует набор лексических единиц, которые входят в словарный запас человека. Словарный состав языка зависят от характера и развитости хозяйственной, общественной, культурной жизни носителей языка. Некоторые языковые единицы отражают более важные реалии жизни определенного общества, и, соответственно, являются для него особо значимыми. Следовательно, происходит некое разграничение значений, и слова, на первый взгляд с одинаковым значением, употребляются лишь в определенном смысле и контексте. Такое сужение оттенков значений ведет к появлению синонимических рядов, которые олицетворяют значимость тех или иных явлений в жизни конкретного языкового коллектива. Посредством изучения синонимических рядов можно определить развитие взглядов людей на мир, их ценности и культурные реалии. Анализ синонимов и синонимических

рядов в текстах, написанных много веков назад, позволяет проследить специфику становления языковой картины мира определенного этноса.

В настоящее время всё больший интерес для проведения подобного анализа представляют собой памятники англосаксонской поэзии, датируемые V - XI веками. Поэзия англосаксов насчитывает несколько десятков памятников, содержание которых варьируется от исторических сюжетов до библейской тематики. Язык древнеанглийской поэзии своеобразен и труден для современного читателя. Вместо привычной рифмы использовалась аллитерация; широко применялись кеннинги и синонимы. Синонимы использовались в основном для обозначения таких понятий как «народ», «войско», «Бог». Во многих произведениях той эпохи можно проследить использование одного или сразу нескольких синонимических рядов, что говорит о том, что употребление синонимов в поэзии являлось характерной чертой поэтической традиции англосаксов. В частности, подобное явление четко прослеживается в древнеанглийской поэме «Исход» - одном из ранних переложений Библии. Одним из ярких примеров использования синонимии в поэме является синонимический ряд «народ». Слова со значением «народ» относятся к древнему слою германской лексики и являются отражением истории становления этнического самосознания. [1] В поэме «Исход» данная лексико – семантическая группа представлена тремя единицами: folc, cyn, leod.

Лексема folc является наиболее употребляемой в данном синонимическом гнезде, она повторяется 15 раз. В англо – саксонском словаре зафиксированы следующие значения этого слова: "people" (люди), "common people" (обычные люди), "multitude" (множество), "a people" (народ), "tribe" (племя), "family" (семья). Единица folc является синонимической доминантой в данном ряде, так как имеет наиболее нейтральное и общее значение в тексте поэмы. Относительно происхождения слова folc единодушного мнения не имеется. Многие языковеды считают, что это слово восходит к протогерманскому *fulka- («войско, отряд»). В родственных индоевропейских языках также существуют слова, которые восходят к протогерманскому (рус. полк; др.-в.-нем. Folc (совр.нем. Volk) «войско, народ»). Но следует сказать, что у существительного folc на протяжении всего развития английского языка значения «войско» не было отмечено. [3] Слово folc употребляется в тексте либо самостоятельно, либо с определением. Автор использует с данным словом следующие прилагательные и причастия: Egypta «египет-

ский» (50), ferende «напуганный» (45), gescylde «защищенный» (72), selost «хороший, процветающий» (445). Также данная лексема входит в состав таких слов как folc-getæl «количество людей» (229), folc-sweót «множество людей», driht folc «самые великие среди людей» (322). С точки зрения грамматических характеристик слово folc является собирательным существительным, то есть обозначает группу людей, но употребляется с глаголами в единственном числе. Например, folc wæs on lande «народ добрался до суши» (566). Таким образом, лексема folc употребляется для обозначения слова «народ» в широком смысле, не имея каких – либо определенных добавочных оттенков значения.

Лексема cyn (cynn) употребляется в тексте поэмы 12 раз. Этимологически слово восходит к протогерманскому слову *kunjan (род, семейство), образовавшееся от индо – европейского корня *gen- (порождать). В толковом словаре зафиксированы следующие значения данного слова: "a kindred" (родня), "race" (раса), "nation" (нация), "people" (люди), "tribe" (племя), "family" (семья), "lineage" (потомки, клан), "generation" (поколение), "progeny" (потомок). В связи с этим можно сделать вывод, что слово cyn обладает более узким, специализированным значением, чем слово folc. В значениях данного слова народ является не просто множеством людей, а некой общностью людей, которые тесно связаны между собой, являются чем – то единым. Более того, данная лексема практически всегда сопровождается прилагательными, такими как Faraones cyn «народ фараона» (14), Egypta cyn «египетский народ» (145), Israhela cyn «израильский народ» (265). Данные прилагательные указывают на принадлежность группы людей к определенной нации и иллюстрируют специфику употребления существительного cyn в речи англосаксов. Также данная лексема используется с прилагательным æþel «благородный, славный, доблестный» (226) что является эпитетом и придает слову cynn дополнительную положительную коннотацию. Употребление слова в сочетании fædera cyn «народ Отца небесного» (29) указывает на религиозное мировоззрение англосаксов, что люди произошли от Бога, и являются его детьми.

Разница между существительными folc и cyn прослеживается в предложении "...folc æfter folcum on forth wegas cynn æfter cynn;...". В переводе Джона Толкиена данный отрывок звучит следующим образом: "...one people after another upon their forward way, tribe on tribe..." (народ за народом, племя за племенем продвигались они вперед). Здесь мы наблюдаем сужение значения слова cyn до значения «племя, клан».

Таким образом, существительное cyn используется в поэме «Исход» в трех значениях: народ как нация, народ как клан или племя и народ как поколение, потомки.

Существительное leod употребляется в поэме шесть раз. Этимологически слово произошло от прото – индо – европейского слова "(e) lewədh-" «человек, люди». В англосаксонском словаре существительное leod обозначает "a people" (народ), "nation" (нация), "district occupied by a people" (территория, занимаемая определенной нацией). Значение данного слова имеет еще более узкую специфику значений, чем существительные folc и cyn. В тексте поэмы leod употребляется со следующими словами: leoda aldor«принц своего народа» (12), Moyses leode «народ Моисея» (152), leoda dugeþe «почтенный, благородный народ», leode þine «твой народ». Из приведенных выше примеров видно, что существительное leod употребляется для обозначения слова народ как определенная нация и имеет узкую специфику употребления.

В поэме «Исход» также используется выражение Abrahames sunum «сыны Авраама». Согласно книге Бытие, Авраам является первым евреем и родоначальником всего еврейского народа. Данное выражение используется в переносном смысле и обозначает «еврейская нация».

Таким образом, анализ синонимического ряда с обозначением «народ» показал, что его различные составляющие обозначают различные аспекты восприятия этого понятия англосаксами. Очень часто данные слова используются с прилагательными и причастиями, формируя словосочетания. Данные словосочетания помогают определить более точно специфику значений и употреблений составляющих данного синонимического ряда. В целом же, употребление синонимов в поэме дает четкое представление о частных случаях употребления того или иного слова в определенном контексте и указывает на важность различий оттенков значений данного понятия в мировоззрении англосаксов.

Литература

1. *Амосова Н.Н.* Этимологические основы словарного состава современного английского языка.- М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1956.- 218 с.

2. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 208 с.

3. *Муратова Е.Н.* Выражение концепта «народ» в английскойлингвокультуре. - Молодой ученый. - 2011. №10. Т.2. - С. 35-37.

4. *ABBYYLingvo* 11 Шесть языков, электронный словарь [Электронный ресурс].ABBYYSoftware, 2005.Вып. 11.0.0.291 CD-ROM.

5. *Anglo-Saxon* dictionary (An). Ed. T. Northcote Toller, Joseph Bosworth. Oxford, New York. Oxford University Press, 1998.

АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ НА ПРИМЕРЕ ОТРЫВКА ИЗ РАССКАЗА «TO KILL A MOCKING BIRD»
THE ANALYSIS OF THE USE OF ESTIMATED LEXICON ON A FRAGMENT EXAMPLE FROM THE NOVEL «TO KILL A MOCKING BIRD»

Макарова Юлия Ивановна
Makarova Yulia Ivanovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
riehcu@mail.ru

Сложно представить нашу речь без применения оценочной лексики и особенно сложно представить художественный текст без нее. Широко известно, что оценочные и модальные слова придают речи необходимую яркость и насыщенность, помогают выразить чувства и эмоции говорящего, передать суть мысли. Предметом анализа в данной работе является использование оценочной и модальной лексике. Основой послужил рассказ 'To Kill a Mocking Bird'.

Рассмотрим некоторые термины. Оценка, согласно исследованиям ученых, это суждение говорящего, его отношение такое, как одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т. п. Часто оценка рассматривается как одна из основных частей стилистических коннотаций.

Оценка не может существовать без объекта, субъекта и контекста. Включаясь в него, оценка характеризуется особой структурой, содержащей ряд обязательных и ряд факультативных элементов [1].

Существует множество видов классификаций оценки. В данной работе за основу взята классификация, приведенная Бондарко:

1. Оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности/нереальности, выражаемая при помощи форм наклонения и времени глагола, некоторых союзов, частиц и других элементов структуры предложения.

2. Оценка, выражаемая модальными глаголами и другими модальными словами, обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости или желательности.

3. Оценка говорящим степени уверенности в достоверности сообщаемого, которое может выражаться модальными наречиями, вводными словами, сложноподчиненными предложениями с придаточными изъяснительными, где главное предложение содержит модальную оценку того, что выражено в придаточном.

4. Целевая установка говорящего или коммуникативная функция высказывания. По этому признаку все предложения подразделяются на повествовательные, вопросительные, побудительные и оптативные. Средства выражения этих значений различны: морфологические (наклонение глагола), синтаксические (конструкции предложения), просодические (интонация).

5. Значения утверждения/отрицания, отражающее наличие/отсутствие объективных связей между предметами, признаками, событиями, о которых идет речь в предложении. Первый член оппозиции (утверждение) не маркируется, второй – маркируется грамматическими, словообразовательными и лексическими средствами.

6. Эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания, выражаемая лексически (ср.: хорошо, плохо, стыд, ужас), просодически (восклицательными предложениями), а так же с помощью междометий. Кроме того, это значение может быть представлено либо сложноподчиненными предложениями, содержащими в их главной части оценочный модус, либо конструкциями с вводными словами и оборотами (к счастью, к несчастью). [2, с 67 - 68].

В большинстве случаев оценка неразрывно связана с модальностью и ее разновидностями. Так же оценка весьма тесно связана с оценочностью, что порой становится причиной разных взглядов на отношения между этими категориями.

Оценочность целесообразно рассматривать как особую семантико-прагматическую сферу, взаимодействующую с модальностью. Качественную и эмоциональную оценку можно отнести к модальности, где специфические признаки этих категорий «размываются» [2, с 121].

Говоря о связи оценки с модальность, нельзя не раскрыть понятие этого термина. Согласно Словарю лингвистических терминов, «модальностью является понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности, выражаемая различными грамматическими и лексическими средствами, такими как формы наклонения, модальные глаголы, интонация»[3, с 303].

Модальность рассматривается как функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а так же разные виды субъективной квалификации сообщаемого. Модальность является языковой универсалией, она принадлежит к числу основных категорий естественного языка. К сфере модальности относят: противопоставление высказываний по характеру

их коммуникативной целеустановки (утверждение – вопрос – побуждение), противопоставление по признаку «утверждение – отрицание»; градации значений в диапазоне «реальность-нереальность» (реальность – гипотетичность – ирреальность), разную степень уверенности говорящего в достоверности формирующейся у него мысли о действительности; различные видоизменения связи между подлежащим и сказуемым, выраженные лексическими средствами. (Лингвистический энциклопедический словарь)

Рассмотрим применение оценочной лексики на примерах из рассказа 'To Kill a Mocking Bird'.

"Hey yourself "said Jem **pleasantly** [4, с 7]
"you're still scared", murmured Dill **patiently** [4, с 15]
"He was **patiently** awaiting an opportunity to reward me" [4, с 43]
"Jem … began digging **quickly**" [4, с75]
"That's **nice**" [4, с 92]
"Gramdma's a **wonderful** cook" [4, с 94]
"Zeebo… **gingerly** lifted Tim" [4, с 112]
"The O.K. Café was a **dim** organization" [4, с 116]
"She looked **almost friendly**" [4, с 121]
"That spring was a **good** one" [4, с 126]
"This is **not enough**, we must have ten dollars" [4, с 137]
"The swing was **empty**" [4, с 142]
"She was an **incurable** gossip" [4, с 145]
"Business was **excellent**…" [4, с 146]
"I mean it's **all right**" [4, с 158]
"Atticus's voice was **even**" [4, с 164]
"He's a **good** boy", I added, "a **real nice** boy." [4, с 173]
"Entailments are **bad**" [4, с 173]
"It **ain't right**, Atticus" [4, с 240]
"Dill sighted **patiently**" [4, с 242]

По примерам, приведённым выше, мы видим, что наиболее часто используемый вид оценки - эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания, выражаемая лексически, просодически, а так же с помощью междометий. Кроме того, это значение может быть представлено либо сложноподчиненными предложениями, содержащими в их главной части оценочный модус, либо конструкциями с вводными словами и оборотами.

В основном количестве примеров оценка была представлена через определение, выраженное с помощью прилагательного, или через обстоятельство, выраженное с помощью наречия.

Следующие примеры относятся третьему виду оценки - оценка говорящим степени уверенности в достоверности сообщаемого, которое может выражаться модальными наречиями, вводными словами, сложноподчиненными предложениями с придаточными изъяснительными, где главное предложение содержит модальную оценку того, что выражено в придаточном.

"I **doubt** if there'll be enough snow for snowball" [4, с 74]

"**Probably** the flue in the kitchen" [4, с 83]

"It was **impossible** to go to town without passing her house" [4, с 113]

"Jem had **probably** stood as much guff about Atticus lawing for niggers as had I" [4, с 117]

"Calpurnia **evidently** remembered a rainy Sunday" [4, с 131]

"Well, **I'm sure** Cal knows it" [4, с 176]

"**Certainly**." [4, с 188]

"I did not, I **certainly** did not" [4, с 208]

"I **certainly** was" [4, с 211]

"**Sure** is, Scout" [4, с 237]

В большинстве случаев оценка была выражена посредством наречия, используемого в функции обстоятельства.

Таким образом, мы можем сравнить частотность употребления двух видов оценки. Явно превалирует эмоциональная и качественная оценка, тогда как некоторые виды оценок не были представлены совсем. Следовательно, можно сделать вывод о том, что художественный рассказ приобретает свой колорит в основном за счет качественной и эмоциональной оценки.

Литература

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1990. 686 с.

2. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 263 с.

3. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

4. *Harper* Lee. To Kill A Mocking Bird. СПб : Anthology Publishers, 2008. 318 с.

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ДИСКУРСЕ СЕМЕЙНОГО КОНФЛИКТА
SPEECH STRATEGIES AND TACTICS IN THE FAMILY CONFLICT DISCOURSE

Марущак Светлана Сергеевна
Svetlana Sergeevna Marushchak
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
svetlana-marushchak@yandex.ru

Темой данной работы является языковая репрезентация дискурса семейного конфликта. Актуальность изучаемой проблемы обусловлена рядом причин теоретического и практического характера. Конфликт является неотъемлемой частью жизни общества и может проявляться в самых разных формах - от дебатов, споров, дискуссий до таких крайних форм, как революция, война, терроризм. Таким образом, сложно переоценить важность построения эффективных систем взаимодействия как внутри небольшой социальной группы, так и на уровне общества в целом. Кроме того, семейный конфликт, который мы рассматриваем особенно подробно, отражает процессы, происходящие внутри семьи как ячейки общества. Исследование речевых стратегий и тактик в дискурсе семейного конфликта позволяет не только проанализировать речевое поведение личности во время конфликта и используемые ею речевые приемы, но и выявить факторы, порождающие конфликтное поведение.

Определением «конфликт» оперируют многие области науки, так или иначе связанные с изучением природы человека – социология, психология, педагогика, юриспруденция, лингвистика и пр. Кроме того, стремительно возникают новые научные области в исследовании конфликта, например, юрислингвистика, юридическая и педагогическая конфликтология. Причиной такой междисциплинарности, как заметила В. С. Третьякова, является тот факт, что мы сталкиваемся с различного рода противоречиями практически во всех областях нашей жизни: личной, бытовой, профессиональной и т.д. Изучение конфликтов происходит многоаспектно, т.е. с одной стороны, разрабатываются общетеоретические проблемы описания конфликта, с другой - предлагаются практические методы анализа, предупреждения и разрешения конфликтов различного рода.

Существует несколько определений конфликта, от бытовых до узкоспециальных, в зависимости от того, с позиций какой науки он рассматривается. В. С. Третьякова, отталкиваясь от позиций лингвистического подхода к данному явлению, дает следующее определение конфликта: «Под конфликтом мы понимаем ситуацию, в которой происходит столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу разногласия интересов, целей, взглядов, в результате которого одна из сторон сознательно и активно действует в ущерб другой (физически или вербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против его интересов, предпринимает ответные действия против первого участника» [3. С. 127]. В своей работе мы будем опираться именно на данное определение, наиболее подходящее при изучении языковой стороны конфликта.

В качестве материала для анализа языковой репрезентации семейного конфликта мы использовали кинотекст фильма «Столкновение» (США, 2004). Фильм состоит из нескольких коротких историй, объединенных через серию автомобильных аварий, перестрелок и ограблений машин. Практически все персонажи, показанные в фильме, вовлекаются в различные конфликты, в ходе которых пересматривают свои убеждения. Фильм очень ярко показывает реальность жизни и взаимоотношений, зачастую в довольно неприглядных красках.

Как правило, конфликт возникает, когда у одной из сторон возникает желание с выгодой для себя изменить поведение другой стороны (проявляющей противоположные интересы, цели или взгляды), в результате чего первый субъект начинает действовать против другого, в ущерб ему. Развитие конфликта происходит, когда вторая сторона предпринимает ответные действия, выраженные физически (позой, действием) или вербально (речевые средствами). В ходе конфликта участники выбирают речевые стратегии и речевые тактики, стремясь добиться изменения точки зрения партнера (например, приказы: «*Don't talk to me unless you speak American!*» или обвинения: «*It's not my fault! It's her fault!*»). Под стратегией понимается «выраженное в принципиальной форме намерение относительно долгосрочной цели» [2. С. 386]. Выбор конкретной стратегии определяется индивидуально-личностными характеристиками говорящих, которые обусловлены их темпераментом, социальной принадлежностью и т.п. [4. С. 210].

Кроме того, выделяются два параметра, характеризующие причины и характер конфликта. Первый – участники конфликта, действую-

щие согласно определенным внешним (социальным) и внутренним (психологическим) факторам. К внешним факторам, регулирующим речевое поведение, относятся традиции и нормы данной этнокультурной общности; схемы речевого поведения, ставшие социально значимыми и усвоенные личностью; выполнение коммуникантами социальных ролей, определяемых социальным статусом, профессией и др. К внутренним относятся те факторы, которые обусловлены качествами самих субъектов: типом личности, интересами, мотивами, взглядами участников конфликта и др.

Вторым параметром являются язык и речь, причем язык рассматривается не только как код, единый для всех говорящих на данном языке, но и как средство установления контакта при речевом общении [3. С. 167]. Выделение данных параметров крайне важно для нас, т.к. при изучении языкового аспекта конфликтов необходимо понимать, как и из чего вытекает конкретная конфликтная ситуация и какие факторы влияют на выбор той или иной речевой стратегии или тактики.

Главной отличительной особенностью конфликтного поведения является наличие конфликтогенов, провоцирующих собеседника к столкновению. Конфликтогенами называют «слова, действия (или бездействие), которые приводят к конфликту» [4. С. 211]. К основным видам конфликтогенов относятся оскорбление, чтение нотаций, насмешки, агрессия, отрицание, несогласие, раздражение, неблагодарность, угроза, замечание, критика, обвинение, издевка, сарказм, категоричность, безапелляционность, перебивание собеседника, повышение голоса, приказы, «навешивание ярлыков» и т.п. (например: «*Do not patronize me*», «*You think I'm stupid?*»).

В связи с исследованием проблемы языковой стороны конфликта мы считаем необходимым ввести понятие дискурса как неотъемлемой лингвистической составляющей любой (не обязательно конфликтной) ситуации. Изучение проблемы дискурса получило широкое распространение в целом ряду гуманитарных наук, чей предмет прямо или косвенно предполагает изучение функционирования языка: лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, антропологии.

Наиболее часто при работе с дискурсом для его характеристики используют следующие определения: дискурс – это «речь, погруженная в жизнь», либо «текст, взятый в событийном аспекте» [1. С. 136]. Данные

определения кратко, но емко дают представление о том, чем является дискурс. Однако многие ученые предпочитают расширять их, указывая на дополнительные характеристики и свойства, присущие дискурсу.

Развитие дискурса происходит по одному из двух возможных вариантов. Первый вариант называется «конгруэнция» и представляет собой нарастающее подтверждение взаимных ролевых ожиданий партнеров и быстрое формирование у них общей картины ситуаций. Второй – «конфронтация» - есть, напротив, одностороннее или обоюдное неподтверждение ролевых ожиданий, расхождение партнеров в понимании или оценке ситуации и возникновение известной антипатии друг к другу. Иными словами, этот вид дискурса можно назвать *дискурсом конфликта*. Источником конфронтации являются внутренние, неречевые факторы (индивидуальная предрасположенность к агрессии и насилию, складывающаяся из особенностей нервной системы, черт характера, специфики темперамента), внешнее же выражение данная конфронтация получает в языковой форме – в форме несоблюдения общающимися норм, конвенций, правил речевого поведения [3. С. 132], например, в перебивании собеседника: «*Ma'am... - It's not Ma'am, it's Detective!*». Третьякова утверждает, что именно социальные и индивидуальные свойства личности формируют характерный для нее стиль поведения в конфликтных ситуациях и именно такие компоненты конфликтного общения, как неречевые факторы, установки, цели, определяют выбор тактик речевого поведения [3. С. 139].

В. С. Третьякова описывает конфликтную ситуацию следующим образом. Во-первых, есть намерение адресата применить ответное вербализованное действие на действие субъекта, которое задевает его честь и достоинство. Далее, у адресата возникает желание реализовать это намерение. С этой целью он предпринимает неадекватные оборонительные действия («сверхзащиту»), соотносимые с языковыми и речевыми механизмами порождения конфликта [3. С. 137]. Такой «сверхзащитой» могут быть, например, оскорбления или приказы: «*You lower your voice!*», «*Get out!*», «*You're an ignorant man!*»

В. Шейнов трактует эту ситуацию как желание личности ответить на конфликтоген в свой адрес более сильным конфликтогеном, «часто максимально сильным среди всех возможных». Получив в свой адрес конфликтоген, пострадавший намерен компенсировать свой психологический «проигрыш» и «отвечает обидой на обиду, причем делает это,

как правило, с «запасом». В результате сила конфликтогенов стремительно растет [5. С. 12].

Семейный конфликт, как становится ясно из названия, возникает между членами семьи – мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами. Причины семейного конфликта могут быть самые разнообразные – от немытой посуды до обид и предательства. По степени напряженности конфликты также различаются, так как члены семьи, являясь близкими людьми, обычно не придерживаются официального тона во время конфликта и зачастую позволяют себе резкие слова и выражения. С другой стороны, погасить семейный конфликт намного проще, чем какой-либо другой, ведь родные люди намного быстрее прощают друг другу обиды и понимают необходимость мирного сосуществования рядом друг с другом даже при наличии разногласий и несходства во взглядах.

Рассмотрим один из примеров. У семейной пары, мужа (Рика) и жены (Джин) угнали машину два афроамериканца. Жена, пребывая в панике и злясь на «черных», требует немедленно сменить замки в доме. Муж пытается ее успокоить.

Rick: Yes, honey?

Jean: I want the locks changed again in the morning.

Rick: You want... Why don't you just go lie down? Have you checked on James?

Jean: Of course. I've checked on him every five minutes since we've been home. Do not patronize me. I want the locks changed again in the morning.

Rick: It's okay. Just go to bed.

Jean: You know, didn't I just ask you not to treat me like a child? I would like the locks changed again in the morning. And you might mention that we'd appreciate it if next time they didn't send a gang member.

Rick: A gang member? You mean that kid in there?

Jean: Yes, yes. Yes. The guy with the shaved head, the pants around his ass, the prison tattoo.

Rick: Those are not prison tattoos.

Jean: Oh, really? And he's not gonna sell our key to one of his gang-banger friends the moment he is out our door?

Rick: We've had a tough night. It'd be best if you went upstairs...

Jean: And wait for them to break in? I just had a gun pointed in my face.

Rick: You lower your voice!

Jean: And it was my fault because I knew it was gonna happen. But if a white person sees two black men walking towards her, and she turns and walks in the other direction, she's a racist, right? Well, I got scared and I didn't say anything. And ten seconds later I had a gun in my face! I am telling you. Your amigo in there is gonna sell our key to one of his homies.

Предметом данного семейно-бытового конфликта является процесс смены замков в результате шока семейной пары от пережитого нападения. Мы видим, что на женщину оно произвело намного более сильное впечатление, а потому она является инициатором конфликта, ей свойственно активное речевое воздействие на партнера по коммуникации. В ее речи мы можем выделить такие конфликтогены, как категоричность и безапелляционность. Например, некоторые из ее высказываний сделаны в крайне решительном, даже командном тоне: «*I want the locks changed again in the morning*» (причем эта фраза повторяется), «*Do not patronize me*», «*I am telling you*», «*...didn't I just ask you not to treat me like a child?*». Кроме того, в словах Джин присутствуют сарказм и скрытая издевка, например: «*I've checked on him every five minutes since we've been home*», «*...that we'd appreciate it if next time they didn't send a gang member*», «*Oh, really?*», «*And wait for them to break in?*».

Что касается Рика, то его поведение во время конфликтного дискурса меняется. В начале диалога он играет роль примирителя, используя такие стратегии, как смена темы («*You want... Why don't you just go lie down? Have you checked on James?*») и мягкое, но настойчивое повторение просьбы: «*It's okay. Just go to bed*», «*It'd be best if you went upstairs...*». Однако в конце концов он не выдерживает и, понимая, что успокоить жену не удастся, прибегает к приему приказа: «*You lower your voice!*».

Кроме того, проведенный нами анализ показал, что для дискурса семейного конфликта характерно частое употребление такого приема, как обвинение. Это мы можем наблюдать в ссоре другой семейной пары, Кристины и Камерона. Супруги были задержаны полицейскими за нарушение правил дорожного движения, и во время разговора один из полицейских приставал к Кристине. Ее муж, не желая ввязываться в конфликт с властями и быть арестованным, не предпринял никаких действий в ее защиту. Кристина оскорблена и возмущена его поведением, а потому обвиняет его в бездействии и неумении постоять за любимую женщину:

Christine: ***Do you have any idea how that felt? To have that pig's hands all over me? And you just stood there! And then you apologized to him?***

Cameron: What did you want me to do? Get us both shot?

Christine: They were gonna shoot us on Ventura Boulevard? Pathetic.

Cameron: Well, maybe you would've been satisfied with just being arrested.

Christine: Oh, I get it. ***Much better to let him shove his hand up my crotch than get your name in the paper.***

Cameron: You finally got me figured out, 'cause see, that's exactly what I was worried about right there.

Christine: Oh? You weren't afraid that all your good friends at the studio were gonna read about you in the morning and realize he's actually black?

Cameron: You need to calm down right now.

Christine: ***What I need is a husband who will not just stand there while I am being molested!***

Cameron: They were cops for God sakes! They had guns! Maybe I should've let them arrest your ass. Sooner or later you gotta find out what it is really like to be black.

Кроме обвинения, Кристина использует прием сарказма с целью указать, насколько неправ был ее муж: «*They were gonna* ***shoot us on Ventura Boulevard? Pathetic***». Несколько более слабый, однако сходный по своей природе конфликтоген, ирония, используется как средство защиты и Камероном: «*...maybe* ***you would've been satisfied*** *with just* ***being arrested***», «*You finally got me figured out, 'cause see,* ***that's exactly what I was worried about right there***». Надеясь успокоить жену, он прибегает и к тактике убеждения, причем как в мягкой форме («*You* ***need to calm down*** *right now*»), так и в более эмоциональной («*They were cops* ***for God sakes****! They had guns! Maybe I should've let them arrest* ***your ass***»).

Проведя подробный анализ дискурса героев в ситуациях семейного конфликта, мы выявили стратегии и тактики, наиболее характерные для данного типа конфликта. Несмотря на то, что репертуар речевых приемов очень богат и поведение личности в конфликтной ситуации обусловлено многими, в том числе неречевыми, факторами, благодаря анализу стало возможно выделить доминирующие приемы для данного вида конфликта.

Семейный конфликт характеризуется в первую очередь такими конфликтогенами и тактиками, как категоричность и безапелляционность, приказы, сарказм, скрытая издевка, обвинение, ирония. Как было ска-

зано выше, члены семьи в разговоре между собой зачастую позволяют себе использование более грубых и резких приемов, чем, например, при общении с коллегами по работе или малознакомыми людьми. Это объясняет использование героями фильма сильных конфликтогенов и агрессивных, доминирующих стратегий. Во время конфликтного дискурса они используют данные речевые приемы с целью добиться принятия своей точки зрения, вынудив партнера по коммуникации сделать все по-своему (например, категоричность и безапелляционность, приказы). Обвинение используется участниками семейного конфликта, чтобы показать свое недовольство и заставить партнера осознать свою неправоту. С этой же целью герои прибегают к сарказму, иронии и издевкам, таким образом увеличивая силу конфликтогенов и ярко показывая свое отношения к действиям и поступкам партнера.

Кроме того, мы выделили речевые стратегии участников-примирителей в дискурсе семейного конфликта. Стремясь загладить конфликт и добиться если не понимания, то хотя бы успокоения партнера по коммуникации, герои-примирители использовали такие речевые тактики, как смена темы, мягкое, но настойчивое повторение просьбы, убеждения и уступки («*You want... Why don't you just go lie down?*», «*It's okay. Just go to bed*», «*Fine. Don't pay*»). Данные речевые приемы, как правило, помогают снизить остроту конфликта и «притормозить» его дальнейшее развитие. Использование этих приемов характерно для спокойных, уравновешенных, миролюбивых людей, характер или воспитание которых не позволяет им выступать инициаторами конфликтов и прибегать к агрессивной манере речевого поведения.

Таким образом, анализ используемых героями слов-конфликтогенов, речевых стратегий и речевых тактик позволил нам выделить и охарактеризовать средства языковой репрезентации семейного конфликта, а также выявить факторы, порождающие конфликтное поведение. Выбор конкретного приема определяется не только причиной возникновения конфликта, но и индивидуально-личностными характеристиками участников. Также становится очевидна роль культурных, психических и социальных факторов в определении речевого поведения личности во время конфликта. Развитие же дискурса семейного конфликта происходит согласно определенному механизму и характеризуется использованием слов-конфликтогенов и речевых приемов, сила которых, как правило, растет по мере развития конфликта.

Литература

1. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136–137.
2. *Синельникова Л.Н.* Жизнь текста, или Текст жизни. – Луганск, 2005.
3. *Третьякова В.С.* Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. С. 127-140
4. *Фролова В.В.* Языковая личность в коммуникативном конфликте // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского // Серия «Филология». Том 20 (59). 2007 г. №4. С. 210-213.
5. *Шейнов В.П.* Конфликты в нашей жизни и их разрешение. - Минск, 1997. - С. 11-70.

АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ДРЕВНЕЙ ИЕРОГЛИФИКИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ
THE ANALYSIS OF EVOLUTIONARY CHANGES OF ANCIENT HIEROGLYPHIC IN CHINESE

Махнева Дарина Владимировна
Mahneva Darina Vladimirovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
rinka-91@mail.ru

Изобретение письменности является одним из наиболее важных процессов, которые стимулируют процесс развития человеческого общества. Изобретение и создание китайской иероглифики стоит в истоках этой древнейшей истории, а развитие ее тянется долгие годы. Китайская иероглифическая письменность, созданная именно только китайцами, без каких-либо вспомогательных источников и начальной базы, является одним из самых невероятных и важнейших достижений человечества в культуре искусства и образования.

Китайское письмо — одно из древнейших на Земле. История его насчитывает не менее 4-х тысяч лет. Археологические находки, сделанные в Китае в XX в., показывают, что древнейшими китайскими иероглифическими текстами были иньские гадательные надписи Цзягувэнь - (甲骨文) , которые наносились (чаще всего на специально отполированных пластинах, изготовленных из черепашьих панцирей) с помощью острого предмета. Эти самые первые китайские иероглифы по виду значительно отличались от современных. Однако графическая структура и значения некоторых иньских иероглифов вполне сопоставимы со знаками современной китайской письменности.

Позднее, в эпоху Чжоу, активно расширяются сфера применения и круг людей, владеющих письменностью. Создаются новые знаки. Увеличивается запас знаков, которым активно пользуются грамотные люди. Значительные изменения претерпевают материалы и орудия письма. Использование бамбуковых пластинок (бирок), означало появление того, что сейчас называется документом или книгой. Усовершенствование и затем утверждение в качестве общепринятого орудия письма мягкой конусообразной кисти в итоге привели к появлению новой иероглифической графики. Постепенно складываются стандартные правила написания, появляются новые образцовые графические стили.

Наконец, к концу династии Цзинь, т.е. в IV в., наиболее широко применявшимся и ставшим к тому времени официальным стал стиль «Лишу» (кит. трад. 隸書, упр. 隶书), официальное письмо — стиль китайского письма, отличающийся квадратной конфигурацией иероглифов. Возник в период династий Цинь-Хань в ответ на потребность в более быстром способе письма в связи с неуклонно возраставшим объёмом официальной документации. Стиль Лишу сыграл важную роль в развитии образования и науки в Китае. На смену Лишу приходит новый более совершенный стиль «Кайшу» и его функциональные варианты — курсив «Синшу» и скоропись «Цаошу». Появление «Кайшу» фактически завершает эволюцию основных графических стилей китайской иероглифической письменности.

Рассмотрим несколько примеров того, как происходила эволюция древнекитайских иероглифов.

Иероглиф «人» эпохи древнего письма на костях (甲骨文), имеет зигзагообразную форму и напоминает силуэт человека, склонившегося в знак уважения к старшим, и из его позы можно увидеть только его тело и одну руку. К эпохе древнего письма на бронзе (金文) иероглиф «人», уже достаточно сильно отличается от иероглифа эпохи древнего письма на костях. «人», относящийся к эпохе Лишу, утратил весь символизм, так как канцелярское письмо этой эпохи имеет горизонтальный тип, поэтому изображение стоящего человека видоизменилось в изображение прилегшего человека. Однако в иероглифе все же виднеется голова, рука и треть туловища.

Иероглиф «比» обозначает «сравнить», «совместить», «расставить по порядку ради сравнения». Иероглиф «比» эпохи Цзягувэнь, изображает двух людей, стоящих бок о бок друг к другу. В древности иероглиф «比» изображал двух стоящих людей с лицевой стороны, однако на изо-

бражении иероглифа, относящего к эпохе писания на костях, можно увидеть две человеческие фигуры, которые повернулись лицом друг к другу в дань уважения. Также нужно отметить, что для увеличения разницы между иероглифами «比» и «从», второй иероглиф повернули в другую сторону.

Нижняя часть иероглифа «大» эпохи Цзягувэнь представляет собой вид человека, а то, что находится над его головой, является иероглифом «上», и несет под собой смысл неба, находящегося над человеком. В эпоху письма на бронзовых табличках этот иероглиф все также имеет вид человека, но голова его теперь сильно увеличилась в размерах. В действительности, иероглиф видоизменили так для того, чтобы показать, что человек является носителем в себе неба, как высшей истины. В эпоху Лишу «человеку» придали вид иероглифа «大», сверху добавив одну горизонтальную черту, обозначающую «небо».

Таким образом, проанализировав данные изменения в древнекитайской иероглифике, можно сделать вывод, что видовые изменения, приближенные к временной эпохе писания на бронзовых табличках, имели лишь символический, но не смысловой характер, иероглифы оставались одинаковыми, лишь слегка менялись их очертания. Самые большие изменения иероглифы претерпели в эпоху Лишу – эпоху расцвета письменности в качестве официальной документации. Иероглифы эпохи Лишу наиболее напоминают современную китайскую иероглифику, благодаря чему мы можем заключить, что эпоха Лишу и развитие документационной скорописи сыграли важнейшую роль в развитии китайской иероглифики.

Точную цифру количества китайских иероглифов до сих пор никто не может сказать, но всем доподлинно известно, что китайская письменность насчитывает в себе великое множество символов, и охватить их всех для изучения в данном контексте вряд ли возможно. Китайская культура – огромное поле неизведанных знаний, произведений и событий. Пройдя уже долгий путь, китайские иероглифы и по сей день, претерпевают изменения, сама иероглифика живет и развивается. Тем более, стоит отметить, что современное общество выделяет этому вопросу действительно много внимания, интересуется этими изменениями и заботится о чистоте языка.

Зная историю создания иероглифа, и почему тот или иной иероглиф имеет в себе определенные графемы, мы, как результат, получаем не простое «зазубривание», а полное понятие сути и смысла символа, что

является важнейшим аспектом в изучении китайского языка. Эта работа – лишь маленькая зацепка в попытке вникнуть в суть одной из самых древнейших на земле культуры – культуры Китая.

Литература

1. http://perevodika.ru/articles/18303.html
2. http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/818882
3. http://teacherhelp.ru/ru/chinalang.html
4. http://hanbalik.narod.ru/chinese_calligrahy/characters/liu_shu.htm
5. http://www.rbardal.narod.ru/4/ki/kit.html
6. http://www.skyren-art.com/en.html
7. http://www.zhongwen.com/
8. http://www.omniglot.com/chinese/evolution.htm
9. http://china.tan.poetry.hotbox.ru/m2/History_Arts_hieroglyphs.html
10. http://if.russ.ru/issue/13/20030706_lan.html
11. http://www.china.tan.poetry.hotbox.ru/m2/China_written.html
12. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B8%D1%88%D1%83
13. http://www.china-shufa.narod.ru/2History/history/history_1.htm
14. http://feb-web.ru/feb/kle/Kle-abc/ke8/ke8-A311.htm
15. 图解汉字起源 / 王祥之著. - 北京 : 北京大学出版社, 2009. 10., 521 стр.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ПОНЯТИЕ «ГЕНДЕРНОГО СТЕРЕОТИПА» GENDER STUDIES. THE «GENDER STEREOTYPE» DEFINITION

Михальцова Ирина Викторовна
Mikhaltsova Irina Victorovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
mikhaltsova@sibmail.com

В центре нашего внимания находится понятие «гендер» – социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола. Что же касается исследований, в фокусе которых находится гендер, то это относительно новая отрасль гуманитарного знания, становление и развитие которой приходится на последние десятилетия XX века. А. В. Кирилина в своей статье, посвященной лингвистическим гендерным исследованиям, говорит о том, что интерес отечественных ученых к гендерной проблематике часто связывают с наступившей открытостью российского общества в постсоветский период, с влиянием идей феминизма и со сменой научной парадигмы в гуманитарных науках под влиянием постмодернистской философии. «Новое понимание процес-

сов категоризации, отказ от признания объективной истины, интерес к субъективному, к частной жизни человека, развитие новых теорий личности, привели к пересмотру научных принципов изучения категорий *этничность, возраст* и *пол*, интерпретировавшихся ранее как биологически детерминированные». [1. С.110]. Новый подход потребовал и применения новой терминологии, более точно соответствующей методологическим установкам исследователей, что и стало причиной введения в научное описание термина гендер. Этот подход и стимулировал изучение механизмов проявления гендера в языке и коммуникации.

Сегодня можно говорить о существовании нескольких лингвистических направлений гендерных исследований, различающихся по концептуальным установкам, методам исследования и характеру изучаемого материала. Однако эти направления имеют много точек соприкосновения, поэтому их разграничение носит в известной мере условный характер:

1. Социолингвистические гендерные исследования.
2. Феминистская лингвистика.
3. Собственно гендерные исследования, изучающие оба пола.
4. Исследования маскулинности (men's studies) – наиболее новое направление, возникшее в начале 90-х гг.
5. Психолингвистическое изучение пола, смыкающееся в последнее время с нейролингвистикой. Сюда же относится биодетерминистское направление, исходящее из природной заданности когнитивных различий мужчин и женщин, обусловленной неодинаковым гормональным балансом, а также исследование детской речи.
6. Кросскультурные, лингвокультурологические исследования, включая гипотезу гендерных субкультур.

Многие из направлений, как отмечает А. В. Кирилина [2. С.26], развиваются в междисциплинарной парадигме, что вообще является отличительной чертой гендерных исследований. Названные направления под разным углом зрения изучают такие проблемы как: язык и отражение в нем пола: номинативную систему, лексикон, синтаксис, категорию рода, специфический выбор лексикона, способы достижения успеха в коммуникации.

Неудивительно, что гендер считается одним из параметров социальной идентичности индивида. Общественные институты (армия, школа, церковь и т. д.) поддерживают различия, придают им статус нормы и интерпретируют как природно обусловленные. Общественные ритуа-

лы также создают гендерную асимметрию – в одежде, повседневном обиходе и символике. Гендер как продукт культуры отражает представления народа о женственности и мужественности, зафиксированные в фольклоре, сказках, традициях и, разумеется, в языке.

В коллективном сознании присутствуют так называемые гендерные стереотипы – «нормативные, обощенные представления о мужских и женских ролях, образах мужественности и женственности согласно общественным ожиданиям». [3. С.107]. Появление гендерных стереотипов обусловлено исторически. В частности тем, что модель гендерных отношений выстраивалась с незапамятных времен таким образом, что половые различия располагались над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины. Уже у Платона, как упоминает в своей книге «Природа женщины» Галина Брандт, можно встретить убеждение об отличии всех женщин от мужчин: «... по своей природе как женщина, так и мужчина могут принимать участие во всех делах, однако женщина во всем немощнее мужчины». [4. С.160].

В философских, психологических, культурологических текстах прослеживается наличие гендерных стереотипов. Так, Аристотель в работе «О рождении животных» утверждал: «Женское и мужское начала принципиально различны по своему предназначению: если первое отождествляется с телесным, с материей, то второе – с духовным, с формой». Подобный взгляд встречается у Н. А. Бердяева, В. Ф. Эрна, В. И. Иванова. Мужское начало у многих авторов трактуется как зачинающее, женское – восприемлющее; первое – инициативно, второе – рецептивно, первое – деятельное, второе – страдательное, первое – динамическое, второе – статическое. [4. С.5].

Неудивительно, что и сам язык, основное орудие передачи мысли, и организм, хранящий в себе важнейшую информацию о культуре и народе, также вносит свой вклад в стереотипное восприятие мужчин и женщин. Например, отчего в английском языке для замужней женщины существует специальное название – миссис, а для женатого мужчины аналогичного названия нет? Это может говорить о том, что семейное положение женщины, в отличие от мужчины, влияет на то, какой нам следует ее воспринимать и как с ней общаться.

Будучи видом социальных стереотипов, гендерные стереотипы обладают рядом характерных для социальных стереотипов свойств. Среди наиболее важных свойств А. В. Кирилина выделяет слудующие. [2. С.75]. Во-первых, гендерные стереотипы устойчивы. Вместе с тем они

эволюционируют вместе с изменением прочих социальных представлений и норм (например, ушли в прошлое представления о мужчине как единственном кормильце и защитнике семьи и о женщине как слабом и беспомощном создании, что во многом обусловлено возрастанием роли женщины в производстве общественных благ и в социальной жизни в новейшее время).

Во-вторых, гендерные стереотипы оценочны. Оценочными являются суждения о женской слабости или мужской отваге, женской чувствительности или мужском самообладании. При этом имеет место андроцентризм восприятия: качества, определяемые как мужские, оцениваются как более позитивные по сравнению с теми, которые определяются как женские. В то же время образ женщины амбивалентен: он содержит не только негативную, но и позитивную оценку. Так, отличия женских когнитивных способностей от мужских могут расцениваться и как недостаток (женская нелогичность), и как достоинство (женская интуиция).

В-третьих, гендерные стереотипы схематичны: фиксируются лишь важнейшие черты представителей группы.

В-четвертых, гендерные стереотипы разделяемы внутри стереотипизирующих групп. Какое-либо представление считается стереотипным тогда, когда его разделяют не менее 75 % членов группы.

В-пятых, гендерные стереотипы полярны, поскольку отражают взаимодействие лишь двух групп – мужчин и женщин.

Гендерные стереотипы касаются и той роли, которое общество навязывает лицам мужского и женского пола в различных сферах жизнедеятельности. Это, прежде всего, стереотипы, касающиеся распределения семейных ролей: для женщины более значимой является роль домохозяйки, матери. Частная жизнь для нее важнее, чем профессиональная или политическая карьера. Мужчинам предписывается материальное обеспечение семьи, но при этом для них важным является включенность в общественную жизнь, профессиональная успешность.

Другие гендерные стереотипы касаются профессиональной сферы: женщинам предписывается исполнительская и обслуживающая деятельность (образование, здравоохранение, торговля, социально-бытовая сфера), для мужчин более подходит инструментальная сфера деятельности, техника, творческая и руководящая работа, а также тяжелая физическая работа.

Одним из положений гендерных исследований, как пишет Т. Б. Рябова в своей статье «Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований» стал тезис о том, что культура андроцентрична. Символическая женщина конструируется как отклонение от нормы. В европоцентрическом дискурсе подлинно человеческими считаются качества, ассоциируемые с мужским началом; женщину характеризуют при помощи тех свойств, от которых человек в своей эволюции якобы отталкивается. Эмоциональное и рациональное, духовное и телесное, природа и культура – эти феномены, непосредственно с полом не связанные, отождествляются с мужским или женским таким образом, что внутри этих пар создается своеобразная иерархия – «гендерная асимметрия». Определяемое как мужское помещается в центр и рассматривается в качестве позитивного и доминирующего; определяемое как женское – в качестве периферийного и неполноценного. В то же время следует учитывать, однако, что в различных дискурсивных стратегиях и в различных контекстах эти оценки могут оцениваться как со знаком «плюс», так и со знаком «минус» (например, мужчины ориентированы на достижение цели – мужчины амбициозны; женщины эмоциональны и чувствительны – женщины капризны и т.д.). Женственность может служить символом не только отсталости, но и возможности достижения светлого будущего, с чем связана, например, идея женственности России.

Таким образом, гендер принимает участие в упорядочивании картины мира в целом и организации всей системы социальных отношений – не только между мужчинами и женщинами, но и между группами, а также между человечеством и природой. Гендерный дискурс как система репрезентаций, переплетаясь с другими видами дискурса (национальным, военным, политическим и др.), испытывает их влияние и, в свою очередь, определяет их. Это обусловлено способностью гендера исполнять роль маркера, механизма включения/исключения, конструирующего символические границы между сообществами, отделяя Своих от Чужих и определяя первое как норму и второе – как девиацию. Подобная «всепроницаемость» гендера возможна также благодаря гендерной метафоризации. Именно гендерная дихотомия дает основание считать оппозиции, заложенные в гендерных стереотипах, «природными», «натуральными» – а потому, во-первых, легитимными, и во-вторых, вечными.

Гендерные стереотипы способствуют защите и объяснению социальных отношений, сохранению и трансляции культурно-исторического опыта. Роль их в коммуникационных процессах крайне велика: они закрепляют информацию об однородных явлениях, фактах, предметах, процессах, людях и т.д.; позволяют людям обмениваться информацией, понимать друг друга, участвовать в совместной деятельности, вырабатывать общие взгляды, одинаковую ценностную ориентацию, единое мировоззрение; ускоряют возникновение поведенческой реакции на основе прежде всего эмоционального принятия или непринятия информации.

Литература:

1. *Кирилина А.В.* Лингвистические гендерные исследования как проявление смены эпистемы в гуманитарном знании // Вестник Военного университета. – 2010. – №4 (24). – С. 110 – 114.

2. *Кирилина А.В.* Гендер: Лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. М. : Изд-во МГУ, 1999. – 155 с.

3. *Шумкова М.А.* Методологические подходы к исследованию гендерных стереотипов // Вестник Удмуртского ун-та. – Философия. Психология. Педагогика, 2009. – Вып. 1. – С. 107 – С. 116.

4. *Брандт Г.* Природа женщины // Г. Брандт. – СПб : Алетейя, 2006. – 160 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА «ЖИЗНЬ-БОРЬБА» В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ. CONCEPTUAL MATAPHOR "LIFE IS A STRUGGLE" IN PSYCHOLOGICAL DISCOURSE

Набиуллина Александра Суфуатовна
Nabiullina Aleksandra Sufuatovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
barbazjushka@rambler.ru

Среди огромного количества языковых средств, наиболее популярной, с научной точки зрения, уже на протяжении нескольких лет остается метафора. Интерес к ней за последнее время возрос настолько, что изучение данного тропа привело к образованию относительно самостоятельного направления – метафорологии. Разнообразие метафоры в языке сопровождается различными её определениями, что зачастую связано с тем, что на феномене метафоры сосредоточили свое внимание психологи и психолингвисты.

В нашем сознании метафора прочно ассоциируется с художественным образом и поэтическим восприятием мира. Именно метафора позволяет вскрыть, обнажить как предметы и явления окружающего мира, так и собственные переживания. Использование метафоры в психологии имеет свои характерные особенности. Метафора в текстах по психологии обладает ярко выраженной антропометричностью, под которой понимается соизмеримость сопоставляемых в метафоризации объектов именно в человеческом сознании, безотносительно к реальным сходствам и различиям этих сущностей (той, которая обозначается посредством метафоры, и той, которая используется как вспомогательный образ). [Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – 176 с. 4 с.].

Предметом специальных психологических исследований выступает *понимание метафоры*. В качестве примера можно привести разработанную Б.В. Зейгарник методику соотношения метафор и фраз. Эта методика (она предназначалась, прежде всего, для исследования патологических изменений мышления больных) направлена на выявление у человека понимания переносного смысла метафоры и умения вычленить главную мысль как самой метафоры, так и соответствующей ей фразы. Перед испытуемым ставится задача подобрать к метафоре соответствующую ей по смыслу фразу. Например, среди фраз, которые подбираются к метафоре *каменное сердце*, предлагаются следующие: *человек высек на скале сердце; черствое сердце; он всегда с камнем за пазухой*. [http://psy.1september.ru]

Данное исследование основывается на работе М. Джонсона и Дж. Лакоффа «Метафоры, которыми мы живем» [G. Lakoff, M. Johnson. Metaphors We Live By. Chicago, 1980]. При изучении концептов, которые были предложены авторами, был проведен анализ метафор, употребляемых в текстах по психологии. На основе данного анализа был выделен ряд наиболее часто используемых концептов, среди которых «МЕТАФОРА КАНАЛА СВЯЗИ», **«ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ – ЭТО ФИЗИЧЕСКИЙ КОНТАКТ (ДЕЙСТВИЕ)»**, «ОРИЕНТАЦИОННЫЕ МЕТАФОРЫ», а также новые концепты, такие как «ВОПРОСЫ – УГРОЗА, ОПАСНОСТЬ» и «ЖИЗНЬ – БОРЬБА».

Данная работа посвящена исследованию концептуальной метафоры «ЖИЗНЬ-БОРЬБА», как одной из наиболее часто употребляемых в текстах по психологии. Одной из причин столь частого использования является то, что метафора позволяет вскрыть, обнажить как предметы и

явления окружающего мира, так и собственные переживания, в результате чего, жизнь становится и «спортивным барьером», который нужно преодолеть, и «беговой дорожкой», и «соперником», и «врагом», для защиты от которого необходимо строить «баррикады».

Говоря о спортивных состязаниях, мы можем прийти к выводу, что жизнь, в целом, является спортивной игрой, в которой существуют свои правила, штрафы и очки.

"It is one reason child separation from the parents is the ideal – get her alone for a while and build up her self-confidence to the point ***she can resist her MSP parent*** *from harming her psychologically."* [http://www.freepsychologicalarticles.com/articles/].

Глагол *to resist* показывает противостояние тем или иным условиям. Предложение можно перевести как «Это единственная причина, по которой разлучить родителей и ребенка является идеальным решением проблемы. Остаться в покое на некоторое время, укрепить уверенность в себе, чтобы дочь могла противостоять своим «Мюнхаузенам» и не позволять им приносить вред психическому состоянию».

В этом же примере можно выделить и другую метафору, такую как *build up self-confidence*, буквально: **«построить уверенность»**. В рамках концепта «Жизнь – борьба», можно рассматривать данную метафору, как постройку оборонительного сооружения (*self-confidence)* для противостояния врагу *(MSP parent).*

Дж. Лакофф и М. Джонсон предлагают в своей работе такую метафору, как «Спор есть война» (Argument is war) и «Жизнь – азартная игра» (Life is a gambling game). При анализе статей мы свели воедино оба концепта, и тем самым получили концептуальную сферу более широкого круга.

Например, *"At home, we have* ***declared war on our bodies.*** *"* Объявляя войну собственному телу, мы, на наш взгляд, боремся за право быть красивыми, за красоту непосредственно, за внимание и т.д. *"Using methods from face-lifts to miracle diets to liposuction, women in increasing numbers are* ***striving*** *– with a degree of panic and, more often than not, to their own detriment – to match the ultimate template of beauty."* [http://www.psychologytoday.com/articles/]

Каждый имеет собственную причину, по которой он вступает в схватку, но даже выражение «Борьба с лишним весом» свидетельствует о присутствии данного концепта, что можно доказать ещё одним примером: *"People today are far more critical of themselves for not*

*attaining the **fight weight and look.**"* [http://www.psychologytoday.com/articles/]

Всякая борьба имеет ставки. Порой они высоки, порой нет. Всё зависит от типа соревнований, награды, сложности, количества участников и т.д. Делая ставки на что-то, мы мотивируем себя к достижению цели.

Рассмотрим следующий пример: *"You've got a **high stakes situation**, an interaction between strangers, and a general inability to verify what candidates say," says Huffcutt, who has spent his career parsing job candidates."* [http://www.psychologytoday.com/articles/]. Мы предлагаем следующий перевод: «Ставки высоки, взаимодействие между незнакомыми людьми и неспособность подтвердить сказанное собеседником...». Ставки высоки, потому что от решения зависит будущее минимум двух людей (коммуникантов).

*"It gives you a sense of agency, the ability **to pursue your goals** without obstruction."* [http://www.psychologytoday.com/articles/]. В данном примере, буквально: **«преследовать цели»**, в концепт «Жизнь – борьба» можно включить такую подтему, как «погоня». Погоня является неотъемлемой частью борьбы: тот, кто впереди, убегает от погони соперников, соперники же находятся в постоянной погоне за впередидущим или лидером.

Метафора «ЖИЗНЬ-БОРЬБА», представленная на различных примерам, доказывает широкую применимость данного концепта в текстах как общей, так и специальной психологической направленности. Данный концепт можно проследить как в отношениях или общении коммуникантов *(to resist someone)*, так и в терапевтической практике или методе лечения непосредственно *(to build up one's confidence)*. Характерной чертой является использование слов, употребляемых в описании сражений, войн и т.д.: *fight, to declare war, to pursue, to strive.*

Благодаря комбинации нескольких концептов, таких как «ЖИЗНЬ-ВОЙНА», «ЖИЗНЬ-АЗАРТНАЯ ИГРА» или «ЖИЗНЬ-СПРОТИВНОЕ СОРЕВНОВАНИЕ», данный концепт охватывает более широкий спектр метафор, используемы в психологических текстах.

Таким образом, нами были проанализированы различные статьи на предмет выявления метафоры. Данный анализ показал, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии.

Литература

1. *Метафора* в языке и тексте: Сборник статей. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
2. *Первое* сентября [Электронный ресурс]: URL: http://psy.1september.ru/view_article (дата обращения: 19.05.2012)
3. *Искусство* метафоры [Электронный ресурс]: URL: http://www.metaphor.nsu.ru/lacoff_4.htm (дата обращения: 16.05.2012).
4. *Myler S.* Anorexia and Munchausen Syndrome by Proxy [Электронный ресурс] // Psychology today URL: http://www.freepsychologicalarticles.com.anorexia-and-munchausen-syndrome-by-proxy.html (дата обращения: 9.12.2011)
5. *Rodin J.* Body Mania [Электронный ресурс] // Psychology today URL: http://www.psychologytoday.com/articles/199201/body-mania (дата обращения: 9.12.2011)
6. *Paul A.M.* The Uses and Abuses of Optimism and Pessimism [Электронный ресурс] // Psychology today URL: http://www.psyhologytoday.com.articles.201110/the-uses-and-abuses-optimism-and-pessimism?page=4 (дата обращения: 9.12.2011)
7. *Perina K., Flora C., Marano H.E.* Who Are You? (And What do You Think of Me?) [Электронный ресурс] // Psychology today URL: http://www.psychologytoday.com/articles/201012/who-are-you-and-what-do-you-think-me (дата обращения: 9.12.2011)

РАЗВИТИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА, ОБУСЛОВЛЕННОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ БИБЛИИ В ПЕРЕВОДЕ М. ЛЮТЕРА.

THE DEVELOPMENT OF THE LEXICAL COMPONENT OF THE GERMAN LANGUAGE CAUSED BY THE DISTRIBUTION OF THE BIBLE IN M. LUTHER'S TRANSLATION

Нагорная Татьяна Алексеевна
Nagornaya Tatiana Alekseevna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
stanya@list.ru

Работа подготовлена при поддержке Гранта РГНФ 12-34-01221

В предлагаемой статье рассматриваются особенности развития словарного состава немецкого языка, обусловленные распространением по Германии Библии в переводе М. Лютера. Как известно, эта книга появляется в XVI в., ознаменованном сложной социально культурной обстановкой, характеризующейся нестабильностью всех сфер жизни общества, в том числе языковой. В это время немецкий язык существует в виде совокупности диалектов, прикреплённым к разным территориям Германии и соперничающих за доминантную роль в развитии

единого немецкого языка. Помимо конкуренции вариантов немецкого языка между собой, немецкий язык вынужден соперничать с латынью. Известно, что в эпоху до Реформации основная масса документальной и научной литературы издаётся на латинском языке. Латынь является языком римско-католической церкви, духовенство опирается на Библию в переводе на латинский язык.

До Реформации уже существовало немало версий перевода Библии на немецкий язык. Со времени издания Иоганном Ментелем в 1461 г. в Страсбурге первой полной немецкой Библии до 1520 г. было напечатано 14 верхненемецких и 4 нижненемецких перевода Библии [1: 169]. Все они опираются на латинскую Вульгату, первоначальный смысл текста которой, по мнению Лютера, был искажён толкованиями католического духовенства. К тому же полное понимание текстов существовавших немецких переводов было возможно только при соотнесении их с латинским вариантом.

Одной из задач перевода Библии Лютер считает создание текста, содержащего смысл аутентичной Библии. Он хотел приблизить верующих к пониманию сущности раннего христианства. Огромная заслуга Лютера состоит в том, что для перевода он обращается к оригинальному тексту Библии: Ветхий завет он переводит с древнееврейского, а Новый – с древнегреческого языков.

Рассмотрим особенности лексико-семантической составляющей библейских текстов в переводе М. Лютера и с позиций современного читателя попытаемся оправдать их появление в Библии.

Ввиду отсутствия единых лексических средств немецкого языка XVI в. Лютер находится в постоянном поиске номинативных единиц, способных донести до немецкоязычных читателей глубокий смысл Священного Писания. В результате поиска возникают вариативные единицы, одни из которых получают дальнейшую «жизнь», а другие «угасают». Приведём примеры тех и других единиц, демонстрирующие непосредственное участие общества в языковом развитии.

В изданиях Библии на латинском языке ангел приветствует Деву Марию словами: "*Ave Maria, gratia plena*". Лютер решает, что при переводе данного приветствия на немецкий язык нужно подумать «о кружке пива или о кошельке с деньгами»[1], поэтому он вкладывает в уста архангела Гавриила следующую приветственную форму, типичную для

[1] „... dabei müsse man im Deutschen an ein Faß voll Bier oder einen Beutel voller Geld denken" (в тексте дан перевод Т.А. Нагорной).

немецкого языка эпохи XVI в.: *„Gegrüsset seist du holdselige"*. Такое решение расценивается как дерзкое, поскольку выражение *"Ave Maria ..."* было для многих немцев ежедневной молитвой. В связи с этим, например, в 1527 г. Н. Емзер, католический теолог и противник Лютера, назвал данный переводческий подход Лютера «мужицким» [2: 76]. Однако в переводе Библии на современный немецкий язык мы встречаем слова, опирающиеся на лютеровский текст: *„Sei gegrüßt, Begnadete! ..."* (Lk 1, 28). Кроме того, известная повседневная молитва на современном немецком языке, обращённая к Деве Марии, начинается со слов: *„Gegrüsset seist Du, Maria ..."*.

Следующий пример отражает развитие переводческой мысли М. Лютера, поддержанное обществом. Здесь мы обратимся к первоначальному тексту перевода Нового Завета, созданному Лютером в сентябре 1522 г. и называемому Сентябрьским Заветом (*Septembertestament*), сопоставив его с последней авторской редакцией 1545 г., а также с версией перевода Библии, изданной в 1981 г.

Будучи знатоком латинского языка, в переводе Библии, выполненном в 1522 г., Лютер неоднократно следует авторитету этого языка. Так, например, во многих библейских контекстах он употребляет восходящий к латинскому языку немецкий глагол *benedeien* (лат.: *benedicere*):

„... *gebenedyt* sey / der do kompt ym namen des herren ..." (Mt. 21);

„... kompt her yhr *gebenedete* meynis vatters ..." (Mt. 25);

„... vnd er *benedeyet* / vnnd hies das sie die auch fur trugen ..." (Mk. 8).

В тексте перевода Библии 1545 г. в параллельных местах мы обнаруживаем факты победы немецкого языка над латынью. Ср.:

„*Gelobet* sey der da kompt in dem namen des HERRN ..." (Mt. 21, 9);

„... Kompt her jr *gesegneten* meines Vaters ..." (Mt. 25, 34);

„... vnd er *danckt* / vnd hies die selbigen auch furtragen ..." (Mk. 8, 7).

Примеры показывают, что Лютер находит в немецком языке более узкие в семантическом плане единицы, соответствующие значению, первоначально придаваемому автором глаголу *benedeien*. С точки зрения современного немецкого языка, выбранные Лютером слова *loben, segnen* и *danken* едва ли могут считаться синонимами, поскольку их семантика существенно различается. В переводе на русский язык *loben* означает «хвалить», *segnen* – «благословлять», *danken* – «благодарить» [3]. Что касается глагола *benedeien*, то в современном немецком языке он употребляется в возвышенном стиле и уже может рассматриваться в качестве синонима глагола *segnen*.

В тексте Библии 1981 г. в параллельных местах используются глаголы *preisen* (хвалить, восхвалять) и *segnen* (благословлять). Таким образом, идея М. Лютера о замене латинских слов на немецкие получает поддержку общества.

В противовес ситуации с латинским языком, в тексте перевода Нового Завета 1545 г. Лютер порой отдаёт предпочтение еврейскому языку. Рассмотрим это на примерах:

1545 г.: „... Bin ichs *Rabbi*? Er sprach zu jm ..." (Mt. 26, 25);

1545 г.: „... vnd sprach zu jm / *Rabbi* / *Rabbi* / vnd kuesset jn." (Mk. 14, 45).

Лютер опирается на еврейское слово רַב (*rav*) для обозначения учителя, придав ему немецкий орфографический облик. В тексте 1522 г. автор, однако, пытается найти немецкий аналог данному слову. Ср.:

„... Bynn ichs *meister*? Er sprach zu yhm ..." (Mt. 26);

„... vn sprach zu yhm / *lieber meister* / *lieber meister*/ vnd kusset yhn." (Mk. 14).

В первом примере обращением к еврейскому учителю выступает *meister*. Второй пример показывает, что, очевидно, Лютер не полностью доволен выбранной единицей. Будучи знатоком древнееврейского и древнегреческого языков, Лютер чувствует, что немецкое *meister* не является полностью адекватным переводом еврейского רַב (*rav*), и добавляет к обращению прилагательное *lieber*. Однако и в этом случае автор не остался довольным переводом. В издании 1545 г. Лютер возвращается к еврейскому слову, который используется и по сегодняшний день для обращения к еврейскому учителю.

Таким образом, немецкое слово *meister* по отношению к библейскому учителю не находит закрепления. В тексте Библии на современном немецком языке встречается еврейское слово *Rabbi*.

Интересным примером в плане «угасания» языковых единиц является слово *Mennin* из Ветхого Завета, синонимичное современному немецкому слову *Frau*:

"Da sprach der Mensch: Das ist doch Bein von meinem Bein und Fleisch von meinem Fleisch; man wird sie *Mennin* heissen, darumb das sie vom *Manne* genomen ist" (Gen. 2, 23).

В качестве обозначения женщины Лютер использует *Mennin*, и тогда становится понятным следующее за этим объяснение *darumb das sie vom Manne genomen ist*. Корень существительного *Mann* берётся за основу, к нему присоединяется суффикс, служащий для обозначения

существительных женского рода, добавляется умлаут корневой гласной и получается новое существительное – *die Mennin*. Языковая креативность автора-переводчика способствует выражению смысла библейского стиха.

В переводе Библии на современный немецкий язык мы встречаем следующую версию:

"Und der Mensch sprach: Das endlich ist Bein von meinem Bein und Fleisch von meinem Fleisch; *Frau* soll sie heißen, denn vom *Manne* ist sie genommen" (Gen. 2, 23).

В последнем случае слово – результат неомотивации Лютера – отсутствует, и объяснение, следующее во второй части стиха, кажется нелогичным.

В Библии Лютера не встречается привычное, с точки зрения современного немецкого языка, слово *die Frau*, для обозначения женщины используется слово *das Weib*. Например:

"...Wer *ein Weib* ansihet ..." (Mt. 5, 28);

Употреблением существительного *die Mennin*, наряду с *der Mann*, в книге Бытия Лютер, вероятно, хотел показать генетическое родство мужчины и женщины. Скорее всего, в еврейском языке эквиваленты этих слов имеют один общий корень. Однако на радость современного феминистического сообщества лютеровское *die Mennin* не нашло закрепления в немецком языке, даже в дальнейшем тексте перевода мы его не встречаем.

В статье был произведён диахронический анализ, преследующий цель: интерпретировать выбор автором-переводчиком иноязычной или исконной лексической единицы, отметить факты нововведения и закрепления лексических единиц, оправданных практикой развития немецкого языка и сфер его применения.

Сопоставление текстов 1522 г., 1545 г. и 1981 г. показывает, что некоторые лексические единицы, использованные Лютером, обретают дальнейшую жизнь, а некоторые исчезают. Факт распространения Библии в переводе М. Лютера и в связи с этим продолжение христианства в Германии говорит о том, что слово имеет силу.

Учёные отмечают: благодаря тому, что поздние католические и протестантские переводы Библии XVI в. основываются на лютеровском переводе, удалось избежать конфессионального разделения немецкого языка [4: 108].

Лютер вносит существенный вклад в развитие немецкого литературного языка. Его деятельность включается в уже начавшийся интеграционный процесс языкового развития, ускоряя языковое выравнивание.

Литература

1. *Бах А.* История немецкого языка / А. Бах. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1956. – 344 с.

2. *Krauß J.* Luthers Sprache // Wartburgland und Wittenberg als Wiege des Neuhechdeutschen / J. Krauß // Dies Buch in aller Zunge : 475 Jahre Lutherbibel. – Regensburg : Verlag Schnell & Steiner GmbH, 2009. – S.76–85.

3. *Большой* немецко-русский словарь / сост. К. Лейн, Д.Г. Мальцева и др. – 8-е изд-е стереотип. – М. : Рус. яз., 2001. – 1040 с.

4. *Schmidt W.* Geschichte der deutschen Sprache : ein Lehrbuch für das germanische Studium / W. Schmidt. – 7. Aufl. – Stuttgart / Leipzig : S. Hirzel Verlag, 1996. – 384 S.

Источники исследования

1. Das Neue Testament in der deutschen Übersetzung von Martin Luther. Studienausgabe in 2 Bd. – Stuttgart : Philipp Reclam jun. GmbH, 1989. – Bd.1. – 736 S., – Bd.2. – 384 S.

2. Das Neue Testament. Немецко-русский Новый Завет. – 10. Aufl. – Wuppertal, Zürich : R. Brockhaus Verlag, 2002. – 572 S.

3. Das Newe Testament Deutzsch Wittemberg : Neudruck der Originalausgabe 1522 – Leipzig : Edition Leipzig in der Seemann Henschel GmbH & Co. KG, 2005.

4. Die ganze Heilige Schrift des alten und neuen Testaments nach der deutschen Übersetzung von dem Dr. Martin Luther. – Berlin : Ewangelischer Verlagsanstalt GmbH, 1950. – 1276 S.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ АРТУРА КОНАНА ДОЙЛА «ЗАПИСКИ ШЕРЛОКА ХОЛМСА»
FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE STORY-BOOK OF DOYLE ARTHUR CONAN "THE CASEBOOK OF SHERLOCK HOLMES"

Паршина Мария Валерьевна
Parshina Mariya Valerievna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
toughcookie19@mail.ru

На сегодняшний день фразеология является весьма многогранным и актуальным вопросом в современной лингвистике. Об этом свидетельствует как использование фразеологических единиц в повседневной речи, художественной и публицистической литературе, так и множество исследований, посвященных изучению проблем фразеологии.

Изучение английского языка широко распространено не только в нашей стране, но и по всему миру. Овладение иностранным языком, в свою очередь, невозможно без изучения его фразеологических единиц. Знание фразеологии значительно облегчает чтение иностранной литературы, межъязыковое общение и понимание национальной культуры в целом. Рациональное использование фразеологизмов в устной и письменной речи делает ее более эмоционально и стилистически окрашенной, экспрессивной и эстетичной.

Множество ученых в области лингвистики посвящали свои труды проблемам фразеологии. Среди самых широко известных теоретиков можно назвать следующие имена: А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, А.В. Кунин, Н.Н. Амосова, А.И. Смирницкий, А.Н. Баранов, Л.П. Смит, М.Л. Ковшова, Т.Н. Федуленкова, Л.Ф. Свиридова, М.Д. Городникова, С.Б. Берлизон, А.И. Алехина, В.П. Жуков, П.П. Литвинов, В.М. Савицкий, Попов Р.Н. и многие другие.

Фразеология – относительно молодая лингвистическая дисциплина, изучающая устойчивые идиоматические (в широком смысле) словосочетания – фразеологизмы. Фразеологией также называют множество самих фразеологизмов того или иного языка [Баранов 2008: 9].

Фразеологизмы – это почти всегда яркие, образные выражения. В качестве готовых средств выражения эти единицы эквивалентны отдельным словам, свободным словосочетаниям и предложениям и выполняют в языке коммуникативную функцию. Более того, они являются важным и весьма эффективным средством образной, художественной и эмоционально-экспрессивной характеристики. Отсюда вытекает актуальность исследования, которая определяется тем, что фразеологические единицы выполняют в тексте многообразные смысловые и стилистические функции, полноценное воспроизведение которых средствами другого языка служит одним из немаловажных условий обеспечивающих общую адекватность перевода.

Перевод фразеологических единиц всегда представлял особую трудность для переводчиков. Он требует особых знаний и переводческого таланта, так как возникает необходимость в подборе эквивалента аналогичного по смыслу и стилистической окраске. Безусловно, сложно говорить о полных эквивалентах, так как каждый фразеологизм

представляет собой не только единицу языка, но и выражает культурные особенности данного языка.

Целью данной статьи является исследование фразеологических единиц современного английского языка на основе разных аспектов и подходов и рассмотрение функционирования фразеологизмов в произведении британского писателя Артура Конана Дойла «Записки Шерлока Холмса» (Arthur Conan Doyle "The casebook of Sherlock Holmes").

Фразеология одна из наиболее эмоционально окрашенных частей лексического состава языка. Она дает представление о видении окружающего мира носителями определенного языка, отражает историю нации, традиции и обычаи ее народа. *Фразеология* (греч. phrasis – "выражение", logos – "учение") – раздел языкознания, изучающий устойчивые сочетания в языке. Фразеологией называется также совокупность устойчивых сочетаний в языке в целом, в языке того или иного писателя, в языке отдельного художественного произведения и т.д.

Предметом фразеологии является фразеологическая единица. По определению А.В. Кунина, фразеологизм – это устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением. Также слова и словосочетания, специфичные для речи разных групп населения, по классовому или профессиональному признаку, для литературного направления или отдельного автора можно назвать фразеологическими единицами [Кунин 1972: 8].

Значение любого свободного словосочетания складывается из значений составляющих его слов, которые можно поменять местами или заменить другими близкими по значению лексическими единицами. Значение фразеологизма не складывается из значений составляющих его слов, компоненты фразеологизма обычно нельзя поменять местами или заменить на другие. Фразеологизмы воспроизводятся как уже готовые единицы. Каждая фразеологическая единица представляет собой уникальную устойчивую комбинацию слов, которая, в свою очередь, выражает определенное специфическое значение всего целого выражения.

Итак, общее значение фразеологизма не является суммой буквальных значений его компонентов. Фразеологизм отличается от свободного сочетания слов постоянством состава и единым значением, является одним членом предложения, воспроизводится «в готовом виде», а не создается в речи.

Типичная фразеологическая единица уподобляется одному слову тем, что отношение между ее частями идиоматично, благодаря чему она обладает значительной семантической цельностью и включается в речь именно как одна единица [Смирницкий 1956: 203].

Существует множество различных подходов ученых и теоретиков к такому чрезвычайно сложному явлению как фразеология. Мнения лингвистов по ряду проблем фразеологии расходятся, и это вполне естественно. На основе их классификаций можно отчетливо представить, насколько сложна и многогранна структура фразеологических единиц.

Рассмотрим структурное деление фразеологических единиц на примере классификации А.И. Смирницкого. Он делит фразеологизмы на *одновершинные*, *двухвершинные* и *многовершинные* в зависимости от числа знаменательных слов. По его мнению, одновершинные фразеологические единицы – обороты, подобные производным словам, в которых имеется один полнозначный элемент. Двухвершинные и многовершинные фразеологизмы – обороты, подобные сложным словам, где таких полнозначных компонентов два или более. Можно выделить следующие типы одновершинных фразеологических единиц:

Глагольно-адвербиальные одновершинные фразеологические единицы с совпадением семантического и грамматического центров в первом компоненте словосочетания, выступающие в качестве эквивалентов глаголов, такие, как (to) give up оставить, отказаться, (to) make out разбирать, понимать и т.д.

Одновершинные фразеологические единицы типа be tired быть усталым, be surprised быть удивленным с семантическим центром во втором компоненте, а грамматическим центром в первом компоненте словосочетания, выступающие также в качестве эквивалентов глаголов.

Предложно-именные одновершинные фразеологические единицы с семантическим центром в именном компоненте словосочетания и с отсутствием грамматического центра вообще, выступающие либо в качестве эквивалентов наречий (by heart наизусть, for good навсегда), либо в качестве связующих слов (in order that, be means of) [Смирницкий 1956: 216].

К двухвершинным и одновершинным фразеологическим единицам можно отнести:

Аттрибутивно-именные двухвершинные фразеологические единицы, выступающие в качестве эквивалентов существительных и распадающиеся на два подтипа: адъективно-субстантивный (black art черная магия, first night премьера) и субстантивно-субстантивный (son-in-law зять, man-of-war военный корабль).

Глагольно-субстантивные двухвершинные фразеологические единицы, выступающие в качестве эквивалентов глаголов ((to) take the floor выступать, брать слово, (to) go to bed ложиться спать).

Фразеологические повторы, выступающие в качестве эквивалентов наречий – now or never теперь или никогда, with might and main изо всей силы.

Адвербиальные многовершинные фразеологические единицы – every other day через день [Смирницкий 1956: 223].

В ходе исследований данной статьи было рассмотрено сто фразеологизмов из произведения Артура Конана Дойла «Записки Шерлока Холмса» (Arthur Conan Doyle "The casebook of Sherlock Holmes") и классифицировано согласно структурному подходу А.И. Смирницкого.

Таким образом, можно привести следующие примеры:

Одновершинные фразеологические единицы с разными семантическим и грамматическим центрами: *to be in the way, to be in the wind, to be of age, to be in smooth water, to be beside oneself, to be on hand, to be at stake, to be in deep water, to be at one's wit's end;*

Предложно-именные одновершинные фразеологические единицы с семантическим центром в именном компоненте словосочетания и с отсутствием грамматического центра вообще, выступающие либо в качестве эквивалентов наречий, либо в качестве связующих слов: *by your leave, in a nutshell, in a sense, in thunder, By the Lord (Harry), no mean, up to date, By cripes!, in one's senses, to hand, By heaven!, By God's light, on the alert, By Jove!, to the full, out of doors, in a flash, in one's cups, on the turf, up to the neck, in the name of, to the letter;*

Аттрибутивно-именные двухвершинные фразеологические единицы, выступающие в качестве эквивалентов существительных: адъективно-субстантивный: *rogues' gallery, blue water, strong language, old chap, Good God, agony column, hot air, a king's ransom, broken reed, Man alive!, plain sailing, hard cash, good fortune;* субстантивно-субстантивный: *kith and kin;*

Глагольно-субстантивные двухвершинные фразеологические единицы, выступающие в качестве эквивалентов глаголов: *to rise to the occasion, to lay by the heels, to grasp the nettle, to give a start, to go out of one's way, to throw down one's arms, to get a move on, to come to light, to go to the wall, to go into harness, to bring to a head, to make a long arm, to make a clean breast of something, to turn heads, to have the heart to, to have the goodness, to possess one's soul in patience, to beat it, to come to close grips with something, to do a good turn, to give a word, to commit to memory, to mean business, to bring something to somebody's notice, to have a care, to take sides with, to come to a head, to come to the front, to go downhill, to lose one's nerve, to drink like a fish, to keep company, to tell tales out of school, to keep clear of, to stand a chance, to keep a roof under one's head, to take advantage, to harden one's heart, to give notice, to drop a line;*

Фразеологические повторы, выступающие в качестве эквивалентов наречий: *one and all, half and half;*

Адвербиальные многовершинные фразеологические единицы: *as a matter of fact, past one's prime, not for the world, once for all, on the face of it, to all appearance, by all means, every time, lock, stock and barrel, in Indian file, at the mercy of somebody, on the down grade, as far as it goes;*

В результате можно сделать выводы о том, что глагольно-субстантивные двухвершинные фразеологические единицы преобладают в списке выбранных нами фразеологизмов (40%).

Тема фразеологии остается актуальной на сегодняшний день, так как ресурсы исследования все еще не исчерпаны до конца.

Литература

1. *Баранов А.М.* Аспекты теории фразеологии. М., 2008. 656 с.
2. *Кунин А.В.* Фразеология современного английского языка. М.; Издательство «Международные отношения», 1972. 278 с.
3. *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. М.; Издательство литературы на иностранных языках, 1956. 260 с.

ЗНАК КАК ОСНОВА ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ
SIGH AS A BASIS FOR COMMUNICATION

Пивоваров Вячеслав Олегович
Pivovarov Vyacheslav
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
vya4eslav-1991@yandex.ru

На каждом этапе своего развития человечество задавалось вопросом о языке: его происхождении, роли, функциях в обществе. И всегда данный вопрос оставался открытым, даже сейчас на него нет однозначного ответа. Существует множество теорий, объясняющих поставленные вопросы. Ясно одно, что язык – это одно из средств коммуникации в обществе. А вот что является основой языковой коммуникации человека? На этот вопрос мы и постараемся найти ответ.

Как говорит нам «Новая философская энциклопедия», язык – это первичная, наиболее естественная и общедоступная репрезентация мира. Естественность языка, дающая о себе знать в его наличии у любого общества (живое существо без того или иного языка науке неизвестно), обеспечена способностью организма ориентироваться в своей среде. Для его интенции мир изначально значим, отсюда онтологические корни языка. Знаками-указаниями могут быть любые ее образы («язык природы»).

У человека символический (жестикуляционный, звуковой, графический, цветовой и др.) язык возникает на почве онтологической значимости любого сущего или его отсутствия за счет многостепенного осмысления и имитирующей организации телесных и звуковых жестов, начертаний, артикуляций, тонов, красок, пауз, молчаний. Базовая черта языкового знака – указание (стрелка была ранней шумерской идеограммой слова). Конкретные связи знака с означаемым закрепляются и изменяются исторически [4, с. 00].

Как говорит В.Н. Костюк, язык – это система знаков, обладающих непосредственно, либо во взаимной связи друг с другом значениями, отличными от самих этих знаков. Язык есть система легко воспринимаемых знаков, способных иметь сложные значения. Это характеристическое свойство языка, благодаря которому язык способен быть: 1) средством выражения, 2) средством общения, 3) частью социальной организации и культуры; 4) неявным «образом мира» [4, с. 00].

Знаки стали предметом изучения многих наук, но особенным объектом исследования они стали благодаря науке семиотике. Любой материальный объект может выступать в качестве знака, становясь материально-идеальным образованием. Это происходит благодаря особому процессу, названному Ч. Морисом, семиозисом. Ч. Морис дает следующее определение семиозиса: «Этот процесс, в традиции восходящей к грекам, обычно рассматривался как включающий три (или четыре) фактора: то, что выступает как знак; то, на что указывает знак (referto); воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком. Эти три компонента семиозиса могут быть названы соответственно знаковым средством (или знаконосителем) (signvehicle), десигнатом (designatum) и интерпретантой (interpretant), а в качестве четвертого фактора может быть введен интерпретатор (interpretor)» [1, с. 37]. На практике данный процесс можно представить в виде треугольника, вершины которого представляют собой цепочку: знак-значение-интерпретатор или знак-значение-смысл. Все четыре компонента семиозиса могут быть заданы в тетраэдре, каждая грань которого, являясь треугольником, выражает свой аспект семиозиса, а шесть ребер, соединяющие вершины и четыре луча, проходящие через вершины, задают десятимерность пространства семиозиса (понятие тетраэдра семиозиса разработано в работах С.А. Павлова) [4].

Чарлз Сандерс Пирс выделял три основных вида знаков: первый вид – вид подобия или иконы, второй вид – указатели или индексы и третий вид – символы (symbol) или общие знаки.

Иконы выполняют функцию передачи идей и репрезентируют вещи, просто имитируя их. Индекс – это знак, который говорит о вещи, так как он с ней связан. Индекс является следствием по отношению к некоторой причине и потому может выступать в качестве «естественного» знака этой причины (дым – знак огня, повышенная температура – знак болезни и т.п.). Символы, это условные знаки, которые ассоциируются с их значениями благодаря привычке [1, с. 45].

Все множество знаков можно разделить на языковые и неязыковые. В процессе человеческого познания важную роль играют знаки, которые организованы в язык. Их особенность состоит в том, что они включаются в систему знаков и функционируют в качестве знаков только в ней, в соответствии с имеющимися в ней правилами – как явными, так и не явными. О языковых знаках можно говорить как о материаль-

ных объектах, предназначенных для использования в качестве знаков. Человек использует знаки в знаковых системах (языках) основываясь на абстракции отождествления, благодаря которой отождествляются однотипные знаки, произведенные в самых различных условиях, в различное время, различными средствами, имеющие различную природу и т.п. В этом смысле, мы можем представить букву записанную или напечатанную различными шрифтами, но при она останется той же самой буквой, а разные варианты ее записи понимаются как различные примеры или экземпляры одного и того же знака.

Продолжая говорить о концепции Пирса, можно привести его слова: «В трех группах знаков – Подобии, Индексе и Символе – можно видеть прогрессию 1 – 2 – 3. У подобия отсутствует динамическая связь с объектом, который оно репрезентирует; просто так случилось, что качества подобия похожи на качества его объекта, и это производит аналогичные ощущения в том сознании, для которого подобие имеет место. Но реально оно не связано с объектом. Индекс физически связан со своим объектом, вместе с ним он образует органическую пару. Но интерпретирующий разум может только заметить эту связь, если она уже существует. Символ же связан со своим объектом благодаря идее использующего символы разума, без которого такая связь не существовала бы» [3, с. 93].

Во всех рассуждениях мы употребляем смесь подобий, индексов и символов. Мы не можем обойтись без каждого из этих видов. Весь комплекс целиком может быть также назван символом, поскольку в рассуждении превалирует символический, живой характер. Иногда метафора бывает полезной: хотя человека, можно сказать, образуют живые ткани, все же фрагменты его ногтей, зубов, волос и костей, в высшей степени необходимые для него, не включены в жизненно важные метаболические процессы, и есть жидкости в его организме, которые не являются живыми. Так вот, мы можем сравнить индексы, которые употребляем в рассуждении, с твердыми частями человеческого тела, а подобия – с кровью: первые приковывают наше внимание к реальным объектам, последние, благодаря своим быстрым изменениям, снабжают питательными веществами главное тело мысли [3, с. 94].

Но в свою очередь существует теория, которая говорит нам о том, что текст является базовой характеристикой коммуникации и в свою очередь он обуславливает социально-культурное измерение жизни. Примером такому ходу мыслей могут служить представители Тартуско-

Московской семиотической школы. В общем и целом их позицию можно свести к нижеследующему: семиотика и культура находятся в тесной связи, в основе культуры лежат семиотические механизмы, которые связаны с хранением текстов и знаков, их преобразованием и порождением новых. В связи с этим, здесь уделяется повышенное внимание тексту как базису языка и культуры. Во многом представители данного направления продолжают линию Соссюра, но в важнейших аспектах понимания основ коммуникации и культуры они расходятся. Соссюр разделял язык на две сферы - собственно язык как знаковую систему и речь как репрезентант знака, поскольку звуки и фразы сами по себе не являются знаками. Представители же Тартуско – Московской школы во главу угла ставят текст. Отсюда и появляется такой термин как семиотика культуры, поскольку мы все можем представить в качестве текста, даже саму культуру. Для представителей данного направления текст есть замкнутая структура, текст принципиально не сводим к языку в силу того, что язык как таковой не имеет смысла, а текст, в свою очередь, несет смысловую нагрузку. В этом ключе текст и является основой коммуникации для представителей этого направления в семиотике [1, 215]. Акт коммуникации представляет собой акт перевода текста, его трансформацией. Логика рассуждения представителей Тартуско – Московской школы проста: знак порождает текст, текст порождает культуру. Но, как мне кажется, для понимания феномена культуры и феномена коммуникации упор в изучении следует сделать именно на знаке, а не на тексте, поскольку текст несколько похож на знак: текст не может существовать сам по себе, для его понимания необходимо нечто другое (текст, автор, читатель), точно так же как и для знака. Точно как текст не может быть извлечен из культуры, также и знак нельзя рассматривать вне ее диапазона. По моему мнению, все, что нас окружает - речь, письменность - все является знакоморфным образованием. Рассудок человека все воспринимает в качестве знака и только потом его интерпретирует. Знак есть некоторая идея, которая в совокупности с другими идеями и позволяет нам нечто понимать, усваивать и передавать в качестве сообщения адресату

Знаки играют важнейшую роль в формировании и развитии человеческого сознания. «Человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков – а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков»[1, с. 66].

Литература

1. *Лотман М.Ю.* За текстом: Заметки о философском фоне тартуской семиотики (Статья первая) // Лотмановский сборник 1. М., 1995. С. 214-222.
2. *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков. – В кн.: Семиотика. М., 1983. С.37-89
3. *Павлов С.Л.* Аксиоматический подход к теории обозначения. – В кн.: Труды научно-исследовательского семинара логического центра Института философии РАН, 1997. М., 1998. С. 92-106.
4. *Пирс Ч.С.* Что такое знак? // Вестник Томского Государственного Университета. Философия. Социология. Политология. — 2009. № 3(7). — С. 88-95.
5. *Новая* философская энциклопедия: в 4 т. [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. — М.: Мысль, 2000 — 2001 URL: http://iph.ras.ru/enc.htm

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КУЛЬТУРЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ: К ВОПРОСУ О ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ. IDEAS OF EVOLUTION OF CULTURE AND HUMAN CONSCIOUSNESS IN MODERN ANGLO-AMERICAN PHILOSOPHY: TO A QUESTION OF RELATIONSHIP OF CAUSE AND EFFECT

Поляков Евгений Михайлович
Polyakov Evgeny Mikhaylovich
Воронежский государственный университет
Voronezh State University
irshakhchan@mail.ru

Проблема происхождения культуры человека, ее назначения и постепенного изменения интересует научный мир достаточно давно. Первые попытки объяснить, для чего возникает культура, были предприняты в рамках антропологии, в рамках которой изучались по-преимуществу, орудия труда и лишь по касательной – искусство и религия, то есть те элементы культуры, которые тесным образом связаны с сознанием (а не просто сознательной деятельностью). До сих пор в антропологии принято именовать культуры наших предков по особенностям изготовления орудий, а их эволюцию сводить к совершенствованию орудий и способов их изготовления [1, 30-35].

Разумеется, подобное «сужение» концепта культура было вызвано ориентиром антропологии на изучение быта древних людей, нежели форм их поведения, мышления, верований и т.п. Собственно, и в наше время попытки определить место человека в природе представлены

двумя направлениями, которые условно можно обозначить как антропологическое и философское.

Первое исходит из своеобразия человека по сравнению со всем органическим миром, как существа социального, принесшего в мир мысль, язык, общественные отношения, осуществившего активное воздействие на природу, словом, как создателя цивилизации со всеми ее атрибутами.

Второе сопоставляет сознательную деятельность человека и инстинктивные действия животных. Только в этом случае можно показать принципиальную разницу между ними, правомерно сравнивать анатомическое строение человека и животных с целью выявить морфологическое сходство и от него перейти к установлению генетического родства.

Антропологический и философский подходы к оценке своеобразия принципиально различны. При философском подходе предметом рассмотрения является преимущественно общество, его социальные функции, его планетное и космическое место, при антропологическом – преимущественно человек, его биологическое своеобразие [2, 84-87].

Нас будет интересовать именно философский подход, в частности, когнитивизм. Это направление в современной англо-американской философии тесно связано с именем Д. Деннета. Свой метод, заключающийся в подходе к сознанию извне и итерсубъективно, он называет *гетерофеноменология*. Она переориентирует анализ с феноменальных аспектов опыта на его когнитивные, лингвистические и поведенческие аспекты [3, 108].

Опираясь на гетерофеноменологию, Деннет создает теоретическую «модель множественных набросков». Согласно ей, в рамках сознания можно выделить три уровня: hard ware, т.е. нейронная структура мозга; soft ware, т.е. содержательность в виде функционирования информационной программы; и собственно наброски, которые составляют нашу реальную речь и поведение. Именно речь, язык является доминантным фактором сознания, влияющим на все виды мышления [3, 110-111].

Более того, для человека, как самости, наделенной интенциональной установкой, характерно стремление осуществлять и контролировать свою (а по возможности и чужую) нарративную деятельность. Это позволяет сохранить и понять самого себя: «Вы есть то, над чем вы

осуществляете контроль», - пишет Деннет [4, 145], а простейшая форма контроля над собой – «рассказать» себя.

Итак, сознание человека, очевидно, связано с изменениями в культуре, по крайней мере, духовной, ведь древнейшая ее часть – эпосы и мифы, - ничто иное как «рассказывание себя». Но возможно ли говорить об *эволюции* культуры, ведь эволюция предполагает изменчивость отбор и конкуренцию, а что может отбираться в культуре? Что именно «запускает» эволюцию культуры и «обслуживающее» ее сознание? Существуют ли модели, объясняющие эволюцию культуры с «сознательноцентричной» точки зрения? На первый вопрос Деннет отвечает, безусловно, положительно. Культура эволюционирует. Но традиционный подход историков и антропологов к объяснению эволюции культуры, состоящей из различных благ, которыми владеют люди, его не устраивает. При таком подходе, новшества будут распространяться в культуре, только если люди увидят их эволюционные преимущества. Таким образом, людям придается «автономная рациональность» и они сами определяют направление эволюции культуры, т.е. последняя перестает быть объективным процессом [5].

Cui bono? Если биологическая эволюция происходит в интересах выживания и размножения организмов, то в чьих интересах осуществляется эволюция культуры? Деннет полагает, что ответ на этот вопрос может дать теория мемов Р.Докинза. В ряде своих работ он изложил концепцию «эгоистичного гена». Суть ее такова: объектами, на которые действует естественный отбор, являются не организмы или их группы, а гены, - точнее, особые структуры, способные к самокопированию, сохранению и распространению – репликаторы. Тела – лишь «транспортные средства», с помощью которых «путешествуют» репликаторы [6, 556-573]. Также Р.Докинз постулирует наличие иных, негенетических репликаторов, которые «управляют» эволюцией человека и его культуры – мемов (memes). Репликаторы создают не только «классический» фенотип организма (его тело), но и «расширенный» – все те феномены реальности, которые напрямую с телом не связаны, но повышают его приспособленность и, тем самым, способствуют репродуктивному успеху репликаторов. К их числу автор относит «артефакты животных» (термитники, бобровые плотины и т.п.) [7, 61-76]. Р.Докинз признает, что есть опасность спутать мем (негенетический репликатор) и его фенотипическое воздействие (определенный элемент культуры) [8, 172-

205], но, тем не менее, теория мемов может быть базой для переосмысления ряда социальных феноменов. Он осторожно обходит вопрос о том, можно ли счесть культуру (или какой-то ее элемент) частью «расширенного фенотипа» человека, но сама возможность такой постановки вопроса была революционной.

Здесь необходимо сделать три отступления. Первое. Главной проблемой теории мемов является определение того, чем же именно является мемом, так как уже существует несколько определений [9, 162-163]. Деннет для себя определил его как «информацию, которая может быть перенесена любым физическим посредником» [5]. Данное определение неполно, т.к. не включает в себя способ копирования, сохранения и изменения, - фундаментальные характеристики мемов по Докинзу, что делает его почти бессмысленным: любая информация (для «перенесения») нуждается в физическом носителе.

Второе. Спор о единицах отбора (значит, и о единицах эволюции), ведется с 1960-х гг. как биологами, так и философами. Есть два подхода – один рассматривает в качестве единиц отбора надиндивидуальные сущности, другой – субиндивидуальные. При этом ответом на вопрос «Cui bono?» будет в первом случае – вид или популяция, а во втором - «эгоистичный ген или ДНК». Кроме того, сторонники второго подхода рассматривают живые организмы как «транспортные средства», в которых путешествуют гены и мемы [10, 45-64]. Критический обзор обоих подходов можно найти в [11, 2091-2094].

Третье. Есть опасность спутать термины «meme» и «memetics» биолога Р.Докинза с «mimesis» и «mimetic» философа М.Дональда. У Докинза «meme» значит «то, что копируется», у Дональда термин «mimetic» включает в себя «жесты, язык телодвижений, мимику, с помощью которых можно общаться без слов» [12, 263]. То есть «mimetic» включает в себя внутренние репрезентации и исключает язык и письменность, в то время как большинство современных мемеов есть как раз слова и их комбинации, как произнесенные, так и написанные. Для Дональда «mimesis» покоится на «способности порождать сознательные, самоинициированные (self-initiated), репрезентативные действия, которые интенциональны» [13, 168]. Это значит, что «mimesis» является, фактически, символическим или репрезентативным актом. Мемы же являются действиями, образцами поведения или предметами мате-

риальной культуры. Подробное рассмотрение отличий двух подходов приведено в [14, 396-398].

Бенефициаром отбора в культуре являются именно мемы, а не их носители – люди. Для эволюции культуры критическими являются две способности у ее носителей: во-первых, к безошибочному воспроизводству изобретений или открытий других людей (в противном случае существующие характерные черты были бы потеряны); во-вторых, к сочетанию данных черт новыми способами (иначе культура оставалась бы статичной). Но почему у людей развилась культура и творчество?

Большинство теорий начинают с простого допущения: ранние гоминиды с большей способностью к воображению и творчеству имели репродуктивное преимущество и, таким образом, передали нам гены такой способности. Такое допущение означает, что гены, кодирующие способность к воображению, будут распространяться, пока не породят человеческий разум – подобные аргументы являются общим местом в эволюционной психологии [см. 15, 236].

Теория генно-культурной коэволюции трактует предметы материальной культуры людей как часть их фенотипа и рассматривают их адаптивную ценность в рамках их влияния на частоту генов, что демонстрируют Кавалли-Сфорца и Фельдман, определяя «культурную активность как расширение дарвиновской приспособленности» [16, 362] и Уилсон с помощью своего «принципа поводка»: «Генетический естественный отбор действует таким образом, что держит культуру на коротком поводке» [17, 13].

Есть даже доводы в пользу того, что человеческий разум был сформирован в результате полового отбора, причем такие продукты культуры, как наука, искусство или музыка связаны с демонстративным половым поведением и эволюционируют подобно павлиньим хвостам [18, 243]. Есть и другое объяснение – все эти продукты культуры являются частью новой эволюционной системы, которая «путешествует на спине» старой: люди являются продуктами двух репликаторов (генов и мемов). При таком подходе культура эволюционирует для своей собственной, а не нашей с вами выгоды: «Первое правило мемов (как и генов) в том, что репликация не является необходимой для блага чего бы то ни было; процветание репликаторов есть благо для…репликации!» [19, 203].

С. Блекмор, развивая идеи Деннета и Докинза, приходит к выводу, что единственное, что делает нас людьми, является не разум per se, не способность к символизации, не изготовление и использование орудий, но наша способность к имитации. Имитация - сложный, когнитивно затратный процесс, следствием которого является творчество. Ее возникновение было поворотным пунктом в эволюции человека. Весь эволюционный процесс зависит от точности механизма копирования, и этот механизм, по закону положительной обратной связи, стремится ко все большей точности. Только когда человеческая имитация стала достаточно точной, началась эволюция мемов, которая сделала неизбежной возникновение творчества [20, 65-66].

Тысячи мемов, в основном, рожденных словом, но также и «безъязыкие картинки» и другие пласты информации, вселяются в разумы людей, оформляя их наклонности и тем самым, формируя сознание [19, 254]. Однако С.Блекмор идет дальше Д.Деннета и провозглашает сознание огромным комплексом мемов, фактически иллюзией, по-крайней мере, в его классическом понимании. Для Блекмор сознание есть психологическое прикрытие для эгоистичных мемов, стремящихся к экспансии, которое должно давать человеку иллюзию выбора и ощущение собственного «Я» (тоже иллюзорного) [21, 20-26].

К слову сказать, подобное отношение к сознанию как иллюзии, чему-то нематериальному и даже противостоящему материальному (реальному) миру, направленное на сокрытие его от познающего субъекта, является типичным для англо-американской философии, на что указывает Славой Жижек. Для когнитивистов реальность порой понимается как набор символов [22]. Продукты культуры могут быть поняты как паразиты или симбионты, живущие и эволюционирующие параллельно с человеческим разумом, который их копирует, и понуждают этот разум все лучше адаптироваться к их присутствию. Деннет описывает важность различных репликаторов с помощью метафоры о Башне Творчества и Проверки (Tower of Generate-and-Test).

На нижнем этаже расположены дарвиновские создания, отбор которых происходит по критерию смертности. На втором – скиннеровские (очевидно, речь идет о Ф. Скиннере и его опытах на голубях, обезьянах и крысах), чье поведение отбирается по критерию обучения. На третьем – попперовские, чьи идеи отбираются с помощью воображения. Наконец, на последнем – григорианские (Gregorian), чьи мемы отбира-

ются в рамках культуры. На каждом этаже башни есть свой репликатор и свой процесс отбора, в результате которого возникает эволюция, но наиболее драматична она на последнем уровне: там репликатор «уходит» в социальный мир [23, 64].

Коэволюция двусторонний процесс. Гены влияют на отбор элементов культуры, потому что они влияют на постройку «копировальной машины» - человеческого тела и разума. И наоборот, все возрастающая сложность паттернов культуры требует более сложного мозга [24, 227-235]. Связующим элементом между эволюцией и культурой выступает язык как средство общения и знаковая система [25, 70-72].

Сознание, в рамках которого происходит отбор тех или иных элементов культуры, по Деннету, является специфической функцией разума: «Сознание не есть процесс, что-то из себя творящий, это *состояние* быть информированным – или дезинформированным, о том, что происходит в действительности» [26, 83]. Таким образом, сознание действует в рамках своеобразного бинарного кода («знаю - не знаю»), когда направлено на поиск истины. Если же оно занято творчеством (придумыванием несуществующих вещей), то часто сталкивается с противоречиями. Неопределенность является фундаментальным свойством воображаемых объектов, поэтому на них не распространяется «принцип двузначности» [27, 123]. Более того, Деннет полагает, что сознание выполняет особую творческую функцию «генератора интуиции», которая отвечает за изобретательность и креативность: «Даже если вы думаете, что повышение дарвиновской приспособленности есть принцип, движущий эволюцию культуры, вы должны постулировать более прямой механизм сохранения и передачи информации» [28].

Делая выводы, отметим, что процессы эволюции сознания и культуры, шедшие в истории человека параллельно, являются взаимообусловленными. Они развиваются в соответствии с «эффектом черной королевы», когда изменения в одной части динамической системы порождают комплиментарные изменения в другой ее части [29, 1-30]. Таким образом, биологическая и социокультурная эволюции есть составные части общего процесса развития, направляющим фактором которого является способность к имитации и творчеству, а необходимым (но не достаточным) условием – развитые психика и сознание.

Литература:

1. *Харитонов В.М., Ожигова А.П., Година Е.З.* и др. Антропология: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003.

2. *Алексеев В.П.* Становление человечества. – М. : Политиздат, 1984.

3. *Юлина Н.С.* Д. Деннет: самость как «центр нарративной гравитации» или почему возможны самостные компьютеры / Н.С. Юлина // Вопросы философии. – 2003. №2.

4. *Dennet D.C.* Consciousness Explained. Symposium // Inquiry, vol. 36, №1/2, 1993.

5. *Dennet D.C.* The Evolution of Culture [Электронный ресурс]. - URL : http://www.edge.org/3rd_culture/dennett/dennett_p2.html

6. *Dawkins R.* In defense of selfish genes. Philosophy, No. 56 (218), 1981.

7. *Dawkins R.* Replicator selection and the extended phenotype. Zeitschrift fuer Tierpsychologie, No.47, 1978.

8. *Докинз Р.* Расширенный фенотип: длинная рука гена / Р. Докинз; пер. с англ. - М. : Астрель, 2010.

9. *Поляков Е.М.* Меметика: наука или парадигама? / Е.М. Поляков // Вестник ВГУ. Серия: Философия, 2010. - №2.

10. *Dawkins R.* Replicators and Vehicles. In: Current Problems of Sociobiology (ed. King's College Sociobiology Group), Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1982.

11. *Mayr E.* The objects of selection // Proceedings of National Academy of Science of USA, Vol. 94, 1997.

12. *Donald M.* A Mind So Rare: The Evolution of Human Consciousness, New York, Norton, 2001.

13. *Donald M.* Origins of the Modern Mind: Three Stages in the Evolution of Culture and Cognition. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1991.

14. *Blackmore S.* A possible confusion between mimetic and memetic. In: Perspectives on Imitation: From Mirror Neurons to Memes. Ed. S. Hurley and N. Chater, MIT Press, Vol 2, 2005.

15. *Wilson E.* Consilience: The Unity of Knowledge. New York, Knopf. 1998

16. *Cavalli-Sforza L.L. and Feldman M.W.* Cultural Transmission and Evolution: A quantitative approach. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1981.

17. *Lumsden C.J. and Wilson E.O.* Genes, Mind and Culture. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1981.

18. *Mille, G. The Mating Mind:* How Sexual Choice Shaped the Evolution of Human Nature, London, Heinemann, 2000.

19. *Dennet D.C.* Consciousness Explained. Boston, Little, Brown, 1991.

20. *Blackmore S.* Memes, minds and imagination. In: Imaginative Minds (Proceedings of the British Academy). Ed Ilona Roth, Oxford University Press, 2007.

21. *Blackmore S.* Consciousness in meme machines // Journal of Consciousness Studies, Vol 10, No 4-5, 2003.

22. *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню Реального !!: [Электронный ресурс]. - URL: http://anthropology.ru/ru/texts/zizek/reflections.html

23. *Dennet D.C.* Darwin's Dangerous Idea, London, Penguin, 1995.

24. *Bull L., Holland O. and Blackmore S.* On meme-gene coevolution // Artificial Life, Vol 6, 2000.

25. *Allott R.* Evolution and Culture: Missing Link. In: J.M.G. van der Dennen, D. Smillie and D.R. Wilson eds. The Darwinian Heritage and Sociobiology, Westport, CT: Praeger, 1999.

26. *Юлина Н.С.* Деннет о вирусе постмодернизма. Полемика с Р.Рорти о сознании и реализме / Н.С. Юлина // Вопросы философии. – 2001. – №8.

27. *Деннет Д.* Почему каждый из нас является новеллистом // Д. Деннет // Вопросы философии. – 2003. - №2.

28. *Dennet D.C.* Intuition Pumps [Электронный ресурс]. - URL : http://www.edge.org/documents/ThirdCulture/r-Ch.10.html

29. *Van Valen L.* A new evolutionary law // Evol. Theory. – 1973. – Vol. 1.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ТЕКСТАХ СМИ. CONCEPTUAL METAPHOR IN MASS MEDIA TEXTS

Постернак Инна Станиславовна
Posternak Inna Stanislavovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
radistochka2_91@mail.ru

Исследование метафоры началось еще несколько тысячелетий назад, когда Аристотель впервые дал ей толкование переносного использования термина, в действительности принадлежащего чему-то другому. С тех пор метафора изучалась с точки зрения различных подходов и не только в лингвистике, но и в смежных дисциплинах. В последние годы стремительно растет количество публикаций, посвященных метафоре, которая сейчас рассматривается как ведущий способ мышления и инструмент аргументации, обладающий сильным прагматическим эффектом. Изучением данного вопроса занимались исследователи – представители различных разделов лингвистики: Лакофф Дж., Джонсон М., Чудинов А.П., Будаев Э.В., Арутюнова Н.Д., Скляревская Г.Н., Харченко В.К., Гак В.Г. и другие.

Кроме того именно концептуальная метафора является одним из языковых средств, используемых в текстах СМИ, которые имеют большое прагматическое значение. Это доказывает, что на сегодняшний день вопрос изучения метафоры является очень актуальным, порождает появление различных подходов к ее изучению, является интересной темой для анализа.

Исторически рассмотрение метафоры происходило зачастую в ключе стилистики, то есть она рассматривалась как стилистическое средство или художественный прием, реже – как средство номинации или способ создания языковой картины мира. [Гак 1988, 3] Эту же мысль в своей работе «Метафора и фразеологические единицы» отмечает Илюхина И.А. Она говорит о том, что традиционная точка зрения на метафору выделяла только несколько способов ее образования, тем самым ограничивая ее применение, что заставляло рассматривать метафору только как языковое средство. [Илюхина, 2010]

Однако с возникновением когнитивной науки в истории исследования метафоры начался новый период, связанный с переосмыслением ее

роли практически во всех сферах. В исследовании метафоры современная когнитивная лингвистика полностью отказалась от традиционного (идущего еще от Аристотеля) взгляда на метафору как на сравнение, один из способов украшения речи и от характерной для структурализма ориентации на изучение «собственно языковых» закономерностей метафоризации. [Чудинов, 2001]

Основной теорией рассмотрения метафоры с точки зрения когнитивного подхода является теория концептуальной метафоры, которая возникла в США как направление когнитивной лингвистики и прежде всего, связана с именами Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, так как их работа «Метафоры, которыми мы живем» послужила импульсом для развития когнитивного подхода к изучению метафоры. В России данная теория успешно развивается в работах А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой, Е.В. Рахилиной, Т.Г. Скребцовой и др. [Чудинов, 2001]

Метафору в современной когнитивистике принято определять как «*(основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира*». [Чудинов, 2001] Метафоры принадлежат к числу важнейших средств понимания и играют центральную роль в конструировании социальной и политической реальности. До начала развития когнитивного подхода философские дискуссии по метафоре не сосредотачивались на их понятийной природе, на их вкладе в понимание и на их функциях в культурной реальности, которые позже были выявлены и изучены многими исследователями. [Лакофф, Джонсон 2004,188] Главное отличие концептуальной метафоры от других ее разновидностей заключается в конечном результате. Она проходит через стадию образа, так как стремится освободиться от образности. [Гак 1988, 65-67] «Метафора проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и в мышление и действие. Наша обыденная понятийная система, на языке которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична». [Илюхина, 2010]

Изучение метафоры не только дает огромный лингвистический материал, но и позволяет заглянуть в закономерности человеческого мышления и попытаться выявить универсалии. [Гак 1988, 13] При чем закономерности мышления не только любого отдельно взятого индивида, но и целых культур. Исследователи Лакофф и Джонсон под-

черкивают, что наш физический и культурный опыт предоставляет множество различных оснований для пространственных метафор и то, какие из этих оснований будут выбраны и станут базовыми, варьируется от одной культуры к другой. «Материальное основание метафоры неотделимо от культурного, так как выбор материального основания из множества возможностей регулируется культурными факторами.» [Лакофф, Джонсон, 2004, 42-44]

Средства массовой информации – это тот источник информации, в котором включены все сферы употребления метафор: обиходная, научная социальная. Они играют огромную роль и в жизни современного общества. Формирование общественного мнения, создание определенного идеологического фона, пропаганда той или иной системы ценностей, движение языковой нормы, состояние национальной культуры — все эти процессы тесно связаны с деятельностью масс медиа. Средства массовой информации моментально фиксируют стремительно меняющуюся картину окружающего мира подобно гигантскому зеркалу, которое отражает все вокруг, и отражение это меняется в зависимости от освещения. В связи с этим большинство современных ученых, как российских так и зарубежных, считают, что СМИ прямо или опосредованно, в открытой или скрытой форме влияют на все социально-политические процессы в обществе. [Добросклонская 2005, 17-20]

Информируя человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня. СМИ создают определенную текстуально-идеологизированную «аудиоиконосферу», в которой живет современный человек и которая служит концептуализации действительности. Именно сфера массовой коммуникации способствует тому, что общество выступает как «генератор социального гипноза», попадая под влияние которого мы становимся согласованно живущей ассоциацией, именно в СМИ наиболее отчетливо проявляется воздействующая функция языка. [Володина, 2003]

Когнитивный подход позволяет рассматривать медиа тексты не только как отдельные произведения речи, но и как результат совокупной деятельности людей и организаций, занятых в производстве и распространении информации. В центре внимания когнитивной лингвистики оказываются такие важные для понимания информационных процес-

сов вопросы, как интерпретационные свойства медиа текстов, их роль в построении информационной картины мира, культурноспецифичные и идеологические факторы, влияющие на производство и восприятие текстов массовой информации. [Добросклонская 2005,179-180]

На сегодняшний день тексты средств массовой информации выполняют не только непосредственно функцию информирования, но и являются важными источниками лингвистического материала. Сегодня особенно остро встает вопрос о формировании высокой информационно-языковой культуры в обществе, о сохранении национальных языковых традиций и культуры речи. Изучение языка массовой коммуникации – актуальная задача для филологов, которые призваны рассматривать СМИ в широком контексте, позволяющем понять и объяснить влияние социально-психологических, политических и культурных факторов на функционирование языка в обществе. [Володина, 2003]

Среди приемов, наиболее активно используемых в современных средствах массовой информации, одно из главных мест, безусловно, занимает концептуальная метафора. Концептуальные метафоры принадлежат к числу важнейших средств понимания и играют центральную роль в конструировании социальной и политической реальности. Большинство метафор прошли долгий путь развития в нашей культуре, но многие навязываются нам политическими и религиозными лидерами, финансовыми воротилами, рекламой, средствами массовой информации и т. д. В культуре, которой присущ миф объективизма и в которой истина всегда абсолютна, определение того, что считать абсолютно или относительно истинным, зависит от людей, навязывающих свои метафоры культуре. [Лакофф, Джонсон 2004, 187-188] Политическая и экономическая идеология формируются на основе метафор. Метафоры могут иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Метафоры не только упрощают сложную информацию для лучшего понимания, но в то же время они могут скрывать важные части информации. Как и любые другие метафоры, политические и экономические метафоры могут скрывать определенные аспекты реальности. Когда метафора используется с целью некоторым образом очертить рамки политической проблемы или события, то она, вероятно, привлечет внимание к тем аспектам темы, которые могут благоприятно сказаться на той или иной группе. Вследствие этого выбор метафор, используемых

для передачи политической информации, может иметь мощный воздействующий эффект на новостную аудиторию. Но в области политики и экономики метафоры значат больше, так как они ограничивают рамки нашего существования. [Лакофф, Джонсон 2004, 253] Вероятно, сила метафорического убеждения зависит от индивидуальных особенностей каждого человека. Люди также могут по-разному реагировать на метафору в зависимости от личностного отношения к средству ее выражения. [Белт, 2007]

В заключении необходимо отметить, что на современном этапе жизни способ мышления человека, его поведение, его эмоциональный фон тесно связаны с влиянием средств массовой коммуникации. Информируя человека о положении дел в мире, выполняя образовательную, развлекательную и другие функции, СМИ оказывают влияние на всего человека, на его мировоззрение, мышление и поведение, а следовательно, и на культуру всего поколения в целом. Одним из инструментов такого воздействия является концептуальная метафора, использование которой является основой формирования современной языковой концептуальной картины мира человека. Именно этим обусловлена необходимость изучения инструментов языка, используемых в медиа сфере, которое может дать ответы на вопросы, касающиеся не только языка, но и мировосприятия, поведения, культуры и даже различных наук.

Литература

1. *Метафора* в языке и тексте. / В.Г Гак [и др.] – М.: Наука, 1988. – 176с.
2. *Илюхина И.А.* Метафора и фразеологические единицы // Грамота. - 2010. - № 1 (5). -Ч. I. - С. 139-142.
3. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 - 2000) (Екатеринбург, 2001, – 328 с.) // Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm.- 2012.
4. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
5. *Язык* СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие / Отв. ред.М. Н. Володина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 460 с.
6. *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). - Изд. 2-е. — М.: Едиториал УРСС, 2005. — 288 с.
7. *Белт Т.* Газетные метафоры и политическое убеждение: экспериментальное исследование // Политическая лингвистика. – 2007. - Вып. 3(23). - С. 10-19
8. *Белт Т.* Политическое убеждение путем метафорического моделирования Политическая лингвистика. – 2007. - Вып. 2 (22). - С. 18-25

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЗЕТНЫХ И ЖУРНАЛЬНЫХ ОТЗЫВОВ НА КНИГИ
LEXICAL AND GRAMMATICAL CHARACTERISTICS OF NEWSPAPER AND MAGAZINE REVIEWS ON BOOKS

Разова Анастасия Сергеевна
Razova Anastasija Sergeevna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
razova.anastasiya@yandex.ru

В рамках данного исследования мы обращаемся к лингвистическому анализу специфического жанра рецензии на книгу, который, как нам представляется, является нововведением в современном русском книгоиздании. Материалом для работы послужили выдержки из критических статей на издаваемые книги художественной литературы. Причём, данные выдержки составляют обязательный компонент книги, располагаясь либо в ее начале, либо в конце.

Дело в том, что данная традиция уже давно существует в зарубежном издательском деле и является неким рекламным ходом, так как информация, написанная в рецензии, несёт исключительно положительный заряд. Как уже было отмечено, данные рецензии характеризуются некой структурной особенностью, они представляют только часть оригинального отзыва. Представляется интересным выявление закономерностей выбора той части, которая публикуется на обложке книге.

Эта работа является продолжением исследования, выполненного на материале английского языка, результаты которого опубликованы в статье.[1] При работе с английскими рецензиями было выявлено, что они обладают некоторыми лексико-грамматическими особенностями, а именно: структурные (грамматические) особенности предложений, коммуникативные особенности предложений, лексические особенности. После проведённого исследования иностранных изданий также был сделан вывод о том, что отзыв на зарубежную книгу на английском языке характеризуется краткостью текста, а именно содержит в себе от 1 до 4 предложений. По структуре предложения отзывов являются как простыми, так и сложными (сложносочиненные и сложноподчиненные), которые распространены второстепенными членами предложения такими как, определение, дополнение, обстоятельства. Характерным для языка отзыва на английском языке является использование

имен главных героев книги, на которую написан отзыв, и имени автора книги. Мы отметили, что в отзывах предложения насыщенны конструкциями, содержащими: превосходную степень прилагательных, неопределенные местоимения, простые и производные прилагательные. Для передачи эмоциональности в предложениях отзыва обычно используются знаки препинания – тире, многоточие, восклицательный знак, запятая.

Целью данного исследования является выявление лингвистических особенностей отзывов на книги русских авторов при их сравнении с лингвистическими особенностями отзывов зарубежных авторов.

В результате анализа 48 выдержек из критических статей было выявлено, что из структурных особенностей предложений также можно выделить использование как простых, так и сложных, а именно сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. В количественном соотношение это выглядит следующим образом: 76 - простых, 14 – сложносочиненных, 12 – сложноподчиненных, 11 – бессоюзных предложений).

В отличие от отзывов на зарубежные книги, для стиля отзывов на русскую литературу характерным является частое употребление именно простых предложений. Например,

«Игорь Клех – один из самых эстетически рискованных писателей последнего десятилетия...» - Павел Басинский, Новый мир.

«Самое фантастическое у Дивова- это запредельная крутизна персонажа по имени Олег Дивов» - «Литературная газета».

Простые предложения распространены второстепенными членами предложения такими как, определение, дополнение, обстоятельства.

По коммуникативной направленности предложения чаще всего являются повествовательными и побудительными. При этом, данные предложения также являются эмоционально-окрашеными посредством знаков препинания, а именно: *тире, восклицательных знаков, многоточия.*

Так, в результате анализа было выявлено:

- 34 предложения со знаком тире «-». Например:

«Подобно своему герою, припадающему к истоку жизни – черному золоту полуострова Апшерон, Иличевский устремляется к началам языка. Роман «Перс» – языковая утопия поэта, и вера в творящую силу

слова держит повествование лучше иных перипетий». – Валерия Пустовая;

«Краткость – не только сестра таланта, сколько его мать. Замечательные по своей краткости рассказы Дениса Драгунского складываются в особую мозайку. Всего 396 знаков – и вот Вам «Мужчина и женщина».С веселым? Нет, скорее с грустным концом. Однако – мудрая, живая проза». – Наталья Иванова, критик

- 6 предложений с восклицательным знаком «!». Например:

«Эта щемящая, талантливо написанная книга тронула меня до слёз. Какие потрясающие женские образы! Какие поразительные и сильные характеры рождает наша российская земля!» - Ирина Алфёрова;

«Мой друг – писатель и кинорежиссер Владимир Алеников – Не перестает удивлять меня. Казалось бы, какое он имеет отношение к войне?! А вот создал замечательную, пронзительную, вещь! Буду с нетерпением ждать фильма на основе этой прекрасной книги» – Армен Джигарханян

- в 9 предложениях используется многоточие. Например,

«Что касается последнего романа Крусанова, то тут просто нет слов...» – Журнал «Слово»;

«...нахальная убежденность автора в праве писать именно так и быть прочитанным поражает. Гений, однако...» – «Настоящая литература»

В отзывах на русском языке часто встречаются образные выражения. Например: *впадают в крайности; не стоит, господа; держат в неведении; нежданно-негаданно.*

Так, для передачи яркого впечатления на книгу, авторы отзывов используют лексико-стилистические особенности языка, такие как метафора, например: *редкая температура мысли, измерение смысла, интонация входит в состав крови, не жанр, а чистое вещество литературы и т.д.*

Авторы отзывов также используют фразеологизмы, которые позволяют выразить чувства и яркое впечатление на книгу. Например, *событие пускает корни; мимолетная картинка; прошла по натянутой*

струне; рог изобилия; не лыко в строку; краткость – не столько сестра таланта, сколько его мать.

При анализе английского материала мы отмечали [1], что для данного жанра характерно использование разнообразных прилагательных. Для русского материала эта характеристика также является значимой. Так, было выявлено активное применение следующих прилагательных: *напряженный, пристальный, глубокий, прекрасный, совершенный, радостный, тревожащий, провокационное, фантастическое, щемящая, талантливо написанная, пронзительная, умная, увлекательная, замечательная, мудрая, живая, долгая, емкая, широкая, тягучая.*

Кроме этого, необходимо отметить еще одну особенность лексического наполнения отзывов на русском языке, не отмеченную в отзыве на английском языке. Было выявлено использования устаревших литературных слов и терминов. Например:

«Дивовские тексты лишены дидактики, они никого не сажают за парту и не назидают «разумное, доброе, вечное», «не учат доброте», не ваяют идеал для подражания...» – «Русский УдодЪ»;

«Левкин есть профессиональный толкователь жизненных (и политических) явлений посредством собственной камертонной психосоматики...» – Лев Данилкин, «Парфянская стрела».

Таким образом, результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что языковое наполнение исследуемых отзывов на русском языке характеризуется рядом лингвистических особенностей, которые не наблюдаются в английских отзывах.

В заключении необходимо отметить, что исследование нового жанра представляется актуальным и интересным с точки зрения влияния этого жанра на взаимодействие и взаимопроникновение культур посредством литературы. Зачастую читатели действительно ориентируются на рекламные заметки на книге, и правильный выбор цитаты из рецензии может способствовать активному распространению литературного наследия каждой из стран.

Литература

1. *Лексико*-грамматические особенности газетных и журнальных отзывов на зарубежные книги. Язык и культура: Материалы XXI Международной научной конференции 25-27 мая 2010 г. в ТГУ. – Томск: изд-во ТГУ, 2010.

ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА. ONOMATOPOETICK LEXICON OF CHINESE

Рогалева Олеся Константиновна
Rogaleva Olesya Konstantinovna
Национальный Исследовательский Томский Политехнический Университет, Институт
National Research Tomsk Politechnic University
zvezda_ro@mail.ru

В конце XX – начале XXI века, несмотря на появление и развитие множества новых приоритетных направлений в лингвистике, исследование лексико-семантических систем

по-прежнему остается актуальным. Одной из таких систем является звукоподражательная (ономатопоэтическая) лексика.

Звукоподражание (ономатопея) - слово, которое служит для имитации звуков окружающей действительности средствами языка. Звукоподражания представляют особый интерес для философии языка и семиотики. В отличие от большинства языковых единиц, звукоподражания представляют собой иконические знаки (т.е. знаки, непосредственно воспроизводящие существенные признаки объекта, отражающие своим языковым составом те или иные его особенности).

Прежде всего, звукоподражания необычны уже тем, что обладают прямым сходством со звуками внешнего мира. Для некоторых из них характерна нестандартность звукового облика, наличие множества фонетических вариантов. С другой стороны, звукоподражания являются единицами языка и используют его звуковой состав, поэтому они не могут быть полностью идентичными естественным звукам. Интерпретация звуков внешней среды напрямую зависит от языковой картины мира того или иного языка, поэтому звукоподражания разных языков не совпадают друг с другом, хотя нередко обладают сходством.

В большинстве языков ономатопоэтические слова по совокупности признаков должны объединяться в отдельную лексико-грамматическую категорию, так как не могут быть однозначно подведены ни под одну из существующих на настоящий момент частей речи. В процессе изучения ономатопоэтической лексики неизбежно приходится сталкиваться с проблемой определения звукоподражаний как частей речи. Существует тенденция к объединению междометий и звукоподражаний в одну часть речи, однако в отечественной лингвистике этот вопрос не получил однозначного решения. Так, в толковых словарях звукоподражания строго не отграничиваются от междометий: или снабжаются помет-

кой «*междом.*», или объединяются с ними в одной словарной статье. Несмотря на то, что и междометия, и звукоподражательные слова морфологически аморфны, синтаксически достаточно самостоятельны и находятся как бы на периферии лексико-семантической системы, имеются заметные функциональные расхождения, а именно: и междометия, и звукоподражания используются с совершенно разными синтаксическими целями.

Широко распространено мнение о том, что звукоподражания не обладают лексическим значением, однако существует и другая точка зрения. Согласно ей звукоподражания, хотя и не имеют номинативной функции, все же обладают лексическим значением и являются полноценными словами. Будучи носителями звуковой информации, они используются как средства общения.

В китайском языке присутствует огромное количество звукоподражательных слов - 象声词. Они активно используются как в устной речи, так и в письменном языке. По своему составу ономатопоэтические слова китайского языка обычно двухсложные, трехсложные и четырехсложные. По мнению О.П. Фроловой, звукоподражания китайского языка схожи с ономатопами других языков и характеризуются следующими признаками:

- Тяготение к звукам «первичного» образования
- Повторяющаяся основа
- Высокая продуктивность
- Основная функция – придание образного характера речи

Некоторые китайские лингвисты – Ли Цзинси, Чжан Чжигун – рассматривают звукоподражания как разновидность междометий. Другие же (напр. Дин Шэншу) полагают, что не все ономатопоэтические слова можно отнести к междометиям. Существует и третья точка зрения: ономатопоэтические слова занимают промежуточное положение между знаменательными и служебными словами китайского языка. В пользу знаменательных слов говорит то, что они могут выступать в функции членов предложения (подлежащего, сказуемого, определения и различных обстоятельств). К служебным словам их причисляют потому, что они передают лишь связанное лексическое значение.

Звукоподражания китайского языка отличаются невероятной разнообразностью, что объясняет наличие нескольких видов их классификации. О.П Фролова в свей работе делит ономатопы по качеству воспроизводимого звука на две большие группы:

1. Чисто звукоподражательные слова, имитирующие звуки, издаваемые человеком, животными, насекомыми и прочими живыми существами

2. Имитация различных звуков природы, окружающей обстановки и различных шумовых эффектов

В свою очередь, В.Ю. Вашкявичус подразделяет ономатопы на три группы:

1. Ономатопы группы живой природы (звуки издаваемые млекопитающими, птицами и насекомыми)

2. Ономатопы группы неживой природы и артефактов

3. Ономатопы группы звуков, издаваемых человеком

Однако, Вашкявичус отмечает, что многие звукоподражания являются многозначными, поэтому они могут встречаться сразу в нескольких группах.

Существует и более сложная классификация ономатопов китайского языка. Согласно «汉语拼音和正词法» – «Фонетика и орфография китайского языка» Инь Бин Юн, звукоподражания в китайском прежде всего делятся в зависимости от их происхождения.

Первая группа представляет собой ономатопы, возникшие еще в классической литературе китайского языка и сохранившиеся в письменном виде до наших дней. Например:

流水潺潺 *liúshuǐ chánchán - журчание воды*

书声琅琅*shūshēng lángláng - звук при чтении книги вслух*

Форма таких звукоподражаний неизменна. Они чаще всего используются в письменной речи и всегда обозначены тонами при написании пиньина.

Вторая группа – ономатопы, возникшие в современном китайском языке. По мнению Инь Бин Юна, эти звукоподражания не имеют конкретных тонов, закрепленных за их иероглифами, поэтому в пиньине они записываются без тонов. Возможно, именно поэтому большинство звукоподражаний в современном китайском языке произносится первым тоном.

Кроме того, Инь Бин Юн также делит все ономатопы китайского языка на три большие группы, в зависимости от их структуры:

1. **Простые звукоподражания**. Сюда входят *односложные* ономатопы:

嘟 *dū – свист, гудок*

喔 *ō, wō – кукареканье петуха*

А также *двусложные*, которые в свою очередь подразделяются на ономатопы с тождественной инициалью:

叮咚 *dingdong – динь-дон (звон, звяканье)*

乒乓 *pingpang – звук ударяющихся друг о друга объектов*

滴答 *dida – тик-так (звук тикающих часов)*

И ономатопы с тождественной финалью:

呼噜 *hulu – храп, свист*

哐啷 *kuanglang – дребезжание, например гонга*

轰隆 *honglong – гул, грохот*

喀嚓 *kacha – хруст, треск*

2. **Ономатопы с удвоением**. Форм таких звукоподражаний весьма много:

- AA: 呼呼 *huhu – звук ветра;* 哇哇*wawa – плач ребенка;* 咚咚 *dongdong – там-там (звук барабанов);* 汪汪*wangwang – лай собаки;* 嗡嗡 *wengweng – жужжание летающих насекомых.* Ономатопы такой структуры активно участвуют в словообразовании, например: 嘣嘣 *bengbeng* + 车 *che=* 嘣嘣车 *bengbengche – маленький трехколесный автомобиль*
- ABB: 哗啦啦*hualala – звук ветра или журчания воды;* 轰隆隆*honglonglong – звук барабанов.* Эта форма ономатопа представляет собой двусложное звукоподражание с удвоением второй части.
- AAB: 叮叮当 *dingdingdang – звук металлических предметов, ударяющихся друг о друга;* 乒乒乓*pingpingpang - звук ударяющихся друг о друга объектов.* В ономатопах этой формы удваивается первый слог.
- AABB: 噼噼啪啪 *pipi-papa – звук хлопков, трескотня;* 滴滴答答*didi-dada – звук тикающих часов;* 唧唧咕咕*jijigugu – шепот.* Две части ономатопа такой структуры разделены дефисом.
- ABAB: 哗啦哗啦 *huala huala – звук дождя или ветра;* 嘀嗒嘀嗒 *dida dida – звук тикающих часов.* Здесь две части отделены пробелом.

3. **Ономатопы, образованные с помощью аффиксов**. Такая форма звукоподражаний представляет собой двусложный ономатоп, первый слог которого оформлен аффиксом 里li, а второй сочетается со слогом на l, имеющим ту же финаль, например:

噼里啪啦*pili-pala – звук разрывающихся хлопушек*

乒里乓啷*pingli-panglang - звук ударяющихся друг о друга объектов*

В китайском языке (как и во многих других), ономатопы, интерпретирующие звуки природного мира, являются наиболее распространенными. Несмотря на явные различия в восприятии действительности

и языковой картине мира китайского языка и, например, европейских языков, эта категория звукоподражаний обнаруживает явное сходство с множеством вариантов интерпретации других языков. Например: 喵喵*miāomiāo*, 嘎嘎gāgā, 哞哞mōumōu в китайском имеют схожее звучание и, соответственно, одинаковое значение с русскими *мяу-мяу, га-га-га, му-у-у*.

Как уже говорилось ранее, с фонетической точки зрения, ономатопы китайского языка в основном произносятся первым тоном и имеют сходную структуру. Многие из них оканчиваются на заднеязычный носовой *–ng*:

丁当 *dīngdāng - динь-дон*

哼哼*hēnghēng - хрю-хрю*

Для обозначения шумов с длительным звучанием в китайском используются прежде всего полные повторы, а также повторы с чередованием гласных или согласных:

哇哇*wāwā -подражание плачу ребенку, уа-уа*

当当*dāngdāng - подражание стуку металла*

Интересно, что многие звукоподражания с инициалью *p* описывают громкие звуки:

劈里啪啦*pīlipālā - звукоподражание треску хлопушек*

劈啪*pīpā – звук разрыва веревки*

嘭嘭 *pēngpēng – звук падения большого предмета на землю*

Аналогичное употребление отмечается и с инициалью *h*:

哗啦啦*huālālā – подражание плеску, гулу, шуму воды*

轰隆*hōnglóng – подражание грохоту, громыханию*

С семантической точки зрения, китайские ономатопы отличаются многозначностью, что еще более затрудняет процесс перевода. К примеру, звукоподражание吧儿吧儿*bārbār* имеет значения: 1. *звук болтовни*, 2. *звук сигнала машины, нечто похожее на «би-би»*, 3. *лай собаки*. Очевидно, что в этом случае смысл высказывания можно понять лишь исходя из контекста.

Однако, основной особенностью китайских звукоподражаний является то, что порой практически невозможно подобрать верный эквивалент при их переводе. Это объясняется тем фактом, что многие ономатопы китайского языка имеют либо слишком конкретное, либо чересчур размытое значение, например:

咕咚*gūdōng – звук падения тяжелого предмета в воду*

嗖啾*zhōujiū – тихий, тонкий звук*

В таких случаях невозможно не только найти близкий эквивалент, но и подобрать близкое понятие. При переводе ономатопов такого рода приходится прибегать к описательному переводу.

Таким образом, на основе проанализированного материала, можно дать следующую характеристику звукоподражаниям в китайском языке:

1. Ономатопоэтическая лексика отличается большим разнообразием и активно используется как в устной, так и в письменной речи.
2. В основном, звукоподражания китайского языка по своему составу бывают двух-, трех, и четырехсложные
3. На сегодняшний день пока нет однозначной точки зрения на вопрос о выделении звукоподражаний в отдельную часть речи. Многие китайские исследователи до сих пор причисляют ономатопоэтическую лексику к разряду междометий.
4. Ономатопы китайского языка можно классифицировать по различным признакам.
5. Большинство ономатопов произносится первым тоном и имеет сходную структуру.
6. Некоторые звукоподражательные слова отличаются многозначностью, что немало затрудняет процесс перевода.
7. Зачастую, при переводе ономатопов китайского языка, приходится прибегать к описательному переводу, так как значение их слишком конкретно, или напротив, весьма размыто.

Несомненно, китайский язык довольно сильно отличается от языков других стран не только благодаря своему необычному фонетическому и грамматическому строю, но и вследствие глобальных различий в историческом, экономическом, географическом и культурном аспекте. Однако, несмотря на все это, можно сделать вывод, что большинство звукоподражаний являются общими для разных языков, и для китайского в том числе. Словесная форма ономатопов мотивирована их значением, так как данные единицы языка обладают акустическим денотатом и, значит, являются иконичными языковыми знаками, что должно говорить об их универсальном характере в системе языка.

Литература

1. *Вашкявичус В.Ю.* Экспериментально-теоретическое исследование восприятия и вербализации шумов (на материале кодифицированных и окказиональных звукоподражаний русского и китайского языков). [Автореферат]/ В.Я. Вашкявичус/ – 2011. – с. 12-13.

2. *Фролова О.П.* Ономатопоэтические слова в китайском языке. [Текст]/ О.П. Фролова - Китайское языкознание: Изолирующие языки: IX международная конференция: Материалы. - М., 1998. - С. 183-185

3. *Тихонов А.Н.* Междометия и звукоподражания – слова? [Текст] / А. Н. Тихонов // Русская речь. – 1981. – № 5. – С. 72-76.

4. *Yin Binyǒng.* 汉语拼音和正词法 - Chinese Romanization: Pronunciation and Orthography, translated and edited by Marry Felley. – Sinolingua. – 1990.- c. 451-456.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА. SEMANTIC CLASSIFICATION OF ENGLISH SLANG

Седип Дарима Андреевна
Sedip Darijma Andreevna
Тувинский государственный университет
Tuvan State University
melody_of_city@yahoo.com

Интерес исследователей к разным видам ненормативной лексики, особенно к такому специфическому, как сленг, существовал всегда. Сленг – это разговорный или фамильярный тип речи в определенной области. Термином «сленг» обычно обозначают то, что не совпадает с нормой литературного языка [6, с. 19]. Под это понятие нередко подводятся самые разнородные явления лексического и стилистического плана. Трудность заключается в критериях отделения сленга от жаргонизмов, коллоквиализмов, кэнта, арго, диалектизмов и т.д.

Изучение английского сленга представляет теоретический интерес для нахождения путей и способов взаимодействия английского языка с социальными диалектами, профессиональными говорами и арго, выявления специфики литературно-разговорной речи, а также заимствований и контаминаций в художественных произведениях.

В современной лингвистической науке понятие «сленг» до сих пор не имеет своего однозначного определения. Существуют различные взгляды и точки зрения на эту проблему. В целом, анализ трудов отечественных и зарубежных лингвистов таких, как Э. Партридж, Х. Фаулер, П. Манро, О. Есперсон, Дж. Хоттен, В.А. Хомяков, И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, А.И. Смирницкий, В.М. Жирмунский, В.Г. Вилюман, М.М. Маковский, позволяет сформулировать обобщенное понимание этого лингвистического феномена.

Сленг – это особый слой общепонятной и общераспространенной сниженной экспрессивной лексики, находящейся в состоянии непре-

рывного изменения, характеризующейся эмоциональной окраской, маркированностью и подвижными семантическими границами, внутри которых происходят два противоположных по своей природе процесса: полное исчезновение лексической единицы либо ее переход на более высокую языковую ступень, то есть в литературную норму языка [2, с. 47].

При рассмотрении данного неоднозначного понятия следует обратиться к его этимологии. Как известно, до сих пор в современной лингвистике существуют сомнения относительно происхождения слова «сленг». В английской лексикографии этимология термина «сленг» является одним из самых сложных и спорных вопросов. Трудность раскрытия происхождения этого термина усугубляется его многозначностью и различной трактовкой авторами словарей и специальных исследований за последние двести лет.

Этимология сленга стала предметом изучения в работах английских учёных (Э. Партридж, Х.Л. Менкен), трудах немецких исследователей (Г. Бауманн) и французских писателей (В. Гюго, А. Бирс). Лингвистические поиски сущности изучаемого понятия содержатся в исследованиях «низкого» языка Ф. Гроуса, Дж. Хоттена, Вебстера, Чемберса.

Одной из первых работ, в которых используется термин «сленг», является словарь Дж. Эндррьюса (1809). В первом стандартном словаре Н.Уэбстера, изданном в Америке в 1828 году, термин «сленг» приведён с пояснением low, vulgar, unmeaning language [3, с. 2].

Существует несколько подходов к определению термина «сленг». Первый (наиболее распространенный) представлен в трудах А.В. Кунина, И.В. Арнольда, М.М. Маковского, а также в ЛЭС, и рассматривает его как набор слов, маркированных противопоставлением стандартному литературному языку. Подход А.И. Смирницкого расширяет понятие сленга до стиля речи. Отличие от первого подхода в том, что здесь сленг противопоставлен стандартному языку не только лексически, но и грамматически и фонетически. Точка зрения И.Р. Гальперина является синтезом двух подходов – сленг он рассматривает, как "distorted forms of vocabulary", следуя первому подходу, но упоминает о противопоставлении по морфологии и фонетике, таким образом, приближаясь к теории А.И. Смирницкого. Т.е. сленг может пониматься как специфический лексический слой языка или как отдельный стиль, включающий в себя как лексику, так и синтаксис, грамматику и фонетику [5, с. 11].

Крупнейший современный английский исследователь сленга Э. Партридж и его последователи (например, Дж. Гринок и К.И. Киттридж) определяют сленг как бытующие в разговорной сфере весьма непрочные, неустойчивые, никак не кодифицированные, а часто и вовсе беспорядочные и случайные совокупности лексем, отражающие общественное сознание людей, принадлежащих к определенной социальной или профессиональной среде [7, с. 9].

Проведем краткий обзор семантической классификации английского сленга, рассмотренной в работах отечественных и зарубежных лингвистов.

И.В Арнольд предлагает, придерживаясь определения, предложенного в советской литературе, английский сленг подразделить на [1, с. 265]:

1) общий сленг, т.е. находящиеся за пределами литературного английского языка, но общепонятные и широкораспространенные в разговорной речи образные слова и устойчивые словосочетания с ярко выраженной эмоционально-оценочной окраской, претендующие на новизну и оригинальность и являющиеся стилистическими синонимами слов литературного языка;

2) специальный сленг, т.е. слова и словосочетания, входящие в ту или иную специальную или профессиональную лексику: сленг моряков, солдат, спортсменов, актеров, юристов, студентов и т.д. и сленг различных социальных группировок, например: кокни, т.е. диалект простых людей Лондона, светский жаргон, слова и выражения, принятые в закрытых учебных заведениях для детей английской аристократии, воровской жаргон и т.д.

Важным является различение общего и специального сленга и у В.А. Хомякова. По мнению В.А. Хомякова, общий сленг – это широко распространенная и общепонятная эмоционально-экспрессивная лексика и фразеология нелитературной речи, специальный же – это слой специфической лексики и фразеологии профессиональных говоров, социальных жаргонов и арго преступного мира. Таким образом, понятие специального сленга по В.А. Хомякову коррелирует с понятием slang у К. Эбл и других современных зарубежных исследователей. То есть, лексика общего сленга понятна всем носителям языка (хоть и является субстандартной), а значение специальных сленгизмов неясно для всех, кроме тех, кто принадлежит к определенной социальной или профессиональной группе [5, с. 12].

В качестве объектов функционирования английского сленга в исследовании рассмотрены художественное произведение Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и газетные статьи из СМИ США. Далее рассмотрим некоторые структурные и семантические аспекты, выявленные при исследовании данных объектов.

Сленговые лексемы в повести Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» образуются по лексико-семантической и словообразовательной моделям. Наиболее продуктивным способом образования сленговой лексики является *переосмысление значения*. Среди сленгизмов, образованных в результате переосмысления значения литературных слов, отмечены существительные, прилагательные, глаголы и фразеологизмы.

К самой продуктивной модели переноса относится *перенос наименования с неодушевленного предмета на одушевленный*. По такой модели было образовано ненормативное значение лексемы *bag* «непривлекательная или старая женщина». В литературном языке данное слово имеет значение «сумка, мешок». Словообразовательный способ формирования сленговой лексики в повести «Над пропастью во ржи» является менее продуктивным. Самой продуктивной моделью является *сложение основ* (*screwball* «сумасшедший человек» от *screw(y)* «сумасшедший» и *ball* «мяч», *hotshot* «важная шишка» от hot «очень хороший, популярный» и shot «то, что нужно» и др.), менее продуктивными – *аффиксация* (*buddyroo* «дружище» от *buddy* «друг» + *-roo* – суффикс, заимствованный из испанского языка со значением «деятеля»).

В произведении «Над пропастью во ржи» реализуются все функции, присущие сленговой лексике. Доминирующими функциями являются идентификационная, экспрессивная и эмоционально-оценочная.

Исследование функций сленговой лексики, употребляемой в повести «Над пропастью во ржи», ее тематики, определение источников ненормативности, оценочности, эмоциональности, интенсивности и экспрессивности сленгизмов позволяет сделать вывод о том, что употребление сленгизмов в тексте способствует стилизации текста, отражению мировоззрения литературных персонажей, деавтоматизации читательского восприятия и созданию экспрессивности текста [4, с. 7].

Анализ тематики сленговой лексики в рассматриваемом произведении позволил выявить следующие группы сленгизмов:

1) наименование лиц (обозначения психического и физического состояния человека, особенностей его поведения, оценки лиц, обращений): *lousy* – «плохой, подлый» (*He was lousy at writing compositions*, ch.

4 p. 28), *phony* – «фальшивый, обманщик» (*a phony bastard*, ch. 3 p. 17); *moron* – «болван, идиот» (*he was a goddam dirty moron*, ch. 14p. 103);

2) наименование предметов или явлений (одежды и ее деталей, частей тела, жилья и предметов быта, оценки предметов и явлений): *lousy* – «плохой, мерзкий» (*a lousy book*, ch. 13 p. 93), *crumby* – «отвратительный» (*a crumby hand*, ch. 14 p. 101), *swanky* – «шикарный, завидный» (*a very swanky apartment*, ch. 23 p. 180;

3) отношения между людьми (слова со значением «бить», «обманывать», «производить впечатление»): *to sock* – «ударить, бить» (*I ought to sock the guy*, ch. 13 p. 89) *to neck* – «целоваться и обниматься» (*every girl you neck with and all*, ch. 19 p. 147), *slam* – «разнести» (в пух и прах) (*if you don't shut up,I'm gonna slam ya*, ch. 6 p. 44);

4) деньги (наименования денег и соответствующие операции): *dough* – «деньги» (*all the dough in the world*, ch. 8 p. 58), *racket* – «вымогательство, грабеж» (*What a racket*, ch. 5 p. 35);

5) студенческая жизнь (сленгизмы с преобладающим значением «быть исключенным»): *flunk* – «провалить» (экзамен) (*I was flunking four subjects*, ch. 1 p. 4), *horse around* – «болтаться без дела, развлекаться» (*we just horse around in the house*, ch. 23 p. 175), *dorm* – «общежитие» (*we got back to the* dorm, ch. 5 p. 36);

6) алкоголь: *blind* – «пьяный» (*Boy, was I blind*, ch. 20 p. 150).

К наиболее продуктивным тематическим группам слов относятся «наименование лиц» и «наименование предметов», так как для литературного героя являются весьма актуальными наименования лиц, предметов и явлений окружающей действительности.

Анализируя причины возникновения сленга в английском языке, Э. Партридж считает, что он появился в разговорной речи. Поэтому он говорит о существовании стандартного (общего) сленга, который понятен большинству англоговорящих людей и может быть противопоставлен профессиональным или специальным видам сленга, понятным исключительно их носителям. К примеру, к ним будет относиться сленг моряков, сленг конного спорта, театральный, медицинский сленг и другие.

Таким образом, сленг из рассмотренных групп сленгизмов в произведении Д. Селинджера «Над пропастью во ржи» входит в состав общего английского сленга, за исключением сленга *flunk* «провалить» (экзамен) из группы 5 (студенческая жизнь), который можно отнести к специальному сленгу (студенческий сленг).

2) Для формирования требуемой оценки в общественном сознании американские печатные СМИ часто прибегают к разнообразным экспрессивным средствам, к числу которых относится сленговая лексика. Придавая оценочную, экспрессивную и эмоциональную тональность сообщению, американский сленг создает в газетном тексте фон, второй план, подтекст, которые помогают понять действительные намерения автора.

Из рейтинговых американских газетных изданий можно выделить The Washington Times, New York Post, New York Daily News, Philadelphia Daily News, Palo Alto Daily News, San Francisco Chronicle, USA Today, The Press of Atlantic City, The Stanford Weekly, San Jose Mercury News, Port Richmond Star, Palo Alto Weekly, Cape May County Herald, The San Francisco Examiner и др.

Словообразовательные особенности сленговой лексики в языке американской прессы широко представлены семантической деривацией и морфологической деривацией.

В американских газетных изданиях можно выделить следующие тематические группы сленга: 1) пол и социальноролевые отношения (14% от общего числа сленгизмов данной выборки); 2) внешность и характер (21%); 3) эмоциональная сфера и поведение человека (22%); 4) род деятельности и место проживания (24%); 5) финансовые отношения (5%); 6) сфера развлечений (7%); 7) сфера питания (4%); 8) сфера спорта (3%) [2, с. 48].

В американском газетном тексте сленг функционирует в диапазоне рубрик с самыми серьезными заголовками (такими, как "Nation and World", "Business", "The Daily Views") до разделов развлекательного характера ("Movies", "Names and Faces", "Sport"). В целом выделено пятнадцать газетных рубрик, которые условно объединены в три следующие группы:

1) Отдых, спорт и развлечения.

На эту группу приходится максимальное количество сленгизмов (66,4%). В этой группе 37,1% сленгизмов соответствует сфере спорта и туризма, 48,6% сленгизмов приходится на сферу кино и 14,3% сленгизмов связаны с посещением театра, музыкальных мероприятий, выставок и экскурсий:

E.g. "The Banger sisters" knocked me out – A rowdy, smart, rattling good comedy (PDN, Oct. 12, 2010, p. 17). (*To knock somebody out* – сводить с ума, поражать, изумлять.);

2) Политика и бизнес.

По количеству употребляемых в газетном тексте сленгизмов данная группа занимает второе место (17,5%):

E.g. One day two years ago, when a tiny FBI camera hidden in the door of his city vehicle captured him on film taking a pay-off, he'd made only two inspection stops, followed by about 40 minutes driving around Roosevelt Park "to get his mileage up" and then spent time at a bar in the afternoon... (NYDN, Now. 14, 2010, p. 18). (*Pay-off* – взятка, откупные.);

3) Группа «повседневная жизнь» является не менее важной и интересной в газетном тексте американских СМИ, несмотря на то, что она составляет лишь 16,1%. Сленговая лексика здесь может употребляться при описании жизни известных американских деятелей (политиков, бизнесменов, музыкантов, актеров):

E.g. Celebs in Doyle's auctioned oldies include Demi Moore at the Emmys in blue sequin Norell and Renee Zellweger at the Oscars in strapless yellow Jean Desses ... (NYP, Dec. 8, 2010, p. 14). (*Oldie* – «старье», старая вещь.);

Таким образом, американский сленг в газетном тексте – это одно из эффективных средств создания оценки в публицистике. Входя в состав оценочной лексики, сленг способствует постоянному обновлению газетного языка и тем самым помогает осуществлять одну из наиболее значимых функций газетно-публицистического стиля – функцию воздействия, а, следовательно, прагматическую функцию языка.

В соответствии с разделением английского сленга Э. Партриджем на стандартный (общий) и специальный, сленг, употребляемый в газетных статьях, можно выделить в отдельную группу сленга – «газетный» сленг и отнести его к специальному сленгу. Но поскольку потребители продуктов СМИ (газеты, журналы) не ограничиваются узким кругом, то часть сленгизмов из «газетного» сленга можно отнести к общему сленгу, в частности, рассмотренные сленгизмы, употребляемые газетном тексте американских СМИ.

Литература:

1. *Арнольд И.В.* Лексикология современного английского языка. М: Изд. лит. на иностр. языках, 1959. 351 с.

2. *Гуслякова А.В.* Прагматические особенности американского сленга в газетном тексте средств массовой информации США // Вестник ун-та рос. акад. образования. 2008. №2. С. 47-49.

3. *Денежная С.А.* Изучение этимологии сленга в курсе лексикологии // Севастоп. нац. тех. ун-т. 2007. 4 с.

4. *Колесниченко А.Н.* Сленг в английском и русском языках: структурно-семантический, этимологический, функциональный и стилистический аспекты: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. фил. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 28 с.

5. *Кутузов А.Б.* Модель функционирования терминологического сленгизма в дискурсе сетевых форумов: Диссер. на соиск. уч. ст. канд. фил. наук. Тюмень, 2006. 170 с.

6. *Маковский М.М.* Взаимодействие ареальных вариантов «слэнга» и их соотношение с языковым стандартом // Вопросы языкознания. 1963. №5. С. 21-30.

7. *Маковский М.М.* Современный английский сленг: Онтология, структура, этимология. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 168 с.

8. *Salinger J.D.* The catcher in the rye. NY: Little, Brown and Company Hachette Book Group USA, 1991. 214 p.

ПРОБЛЕМА МНОГОЗНАЧНОСТИ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
THE PROBLEM OF POLYSEMY IN ENGLISH

Тарбастаева Наталья Григорьевна
Tarbastaeva Natalya Grigorievna
Тувинский государственный университет
Tuvan State University
veramaneeva@yandex.ru

Многозначность слова или полисемия (< греч. *poly* 'много' и *sema* 'знак') - это наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений. Потенциально любое слово языка может приобрести новое значение, когда в этом возникнет потребность, поэтому многозначных слов в языке, как правило, больше, чем однозначных [3, с. 46]. С точки зрения лексики английский язык очень запутан. Зачастую определить значение слова можно только по его месту в предложении и контексту. Одно и то же слово может без каких-либо изменений играть роль существительного, глагола, прилагательного или наречия. Только жесткая структура английских предложений может определить, в каком качестве выступает это слово. Выхваченные из контекста знакомые слова далеко не всегда дают правильный результат [7, с. 29].

В нашей работе мы исследовали значение многозначности английского языка на примере существительного *hand* и глагола *go* с помощью контекстологического метода. Поскольку для многозначного слова в том или ином его значении контекст оказывается достаточно специфичным и индивидуальным, он начинает выполнять функцию разграничителя значений как таковой, используется в целях их дифференциации, становясь универсальным методическим приемом и на-

ходя широкое применение в анализе и лексикографическом описании многозначного слова [4, с. 56].

Метод контекстуального описания значений требует уточнения понятия контекста, который служит для описания. Естественно, что это должен быть по возможности минимальный и наиболее «выгодный контекст» [2, с. 78].

Все следующие примеры были взяты с сайта The Corpus of Contemporary American English (COCA).[8]

Перед рассмотрением конкретных примеров отметим что глагол *to go* без употребления предлогов и наречий, согласно словарю Мюллера В.К. имеет 12 значений.

Итак, если глагол ***to go*** употребляется без обстоятельств, то он обозначает уходить, покидать: *It is already late and I must go— Мне уже пора идти/ уходить*. В следующих двух предложениях мы можем наблюдать тот же случай:

1) *... forward . " Lordy , there 's really no need* ***to go*** *and fire this young man from the outfit . What he did ...* (NewYorker, FICTION, 2001)

2) *... view of college was . It was a place* ***to go*** *and lift yourself out of the working class . to go and ...* (NPR_Saturday, SPOKEN, 2003)

В первой паре предложений не будет сложности при переводе в связи с отсутствием обстоятельства, и тогда глагол используется в прямом его третьем значении *пойти*.

Многие английские глаголы употребляются в сочетании с наречием или предлогом, и при этом их значения ясны окружающим, и они легки в употреблении [3, с. 58]. Приведём примеры: *Глагол + наречие - It will go hard with him* - ему трудно/плохо придется; ему не поздоровится. Мы рассмотрим примеры сочетания глагола ***to go*** с наречием ***around.***

Следующее сочетание *go around* представлено только в словаре Апресяна (в словаре Мюллера, данное значение отсутствует).

1) быть распространённым *There is a lot of cold going around.*

2) разг.

а) бывать повсюду; путешествовать *He goes around quite a lot. I spent a day going around and seeing museums.*

б) общаться *Why do you go around with such strange people?*

В первом предложении глагол в сочетании с наречием имеет значение *быть распространённым*, так как речь идет о урагане, что указывает нам на значение глагола.

1) ... *You're at the heart . The eye . The hurricane* ***goes around*** *and round , and after a while , it seemed like* ... (SouthernRev, FIC, 1991)

Здесь используется идиома, которую можно перевести на русский как *«Как аукнется, так и откликнется».*

2) ... *chrome adversary with the heel of her hand . "* ***What goes ar ound , comes around*** *, you big garou , " she would* ... (SouthernRev, FIC, 2004)

Примером многозначности будет являться, в частности, современное английское слово ***"hand"***, расщепленное на несколько лексико-семантических вариантов. Сравним такие значения этого слова как: кисть руки (*he had a book in his hand*), почерк (*I know his hand*), работник, исполнитель (*a factory hand*), стрелка часов (*the hand is loose*) и др.

Итак, рассмотрим значения слова *hand* в узком контексте, на примере следующих предложений: Слово «hand» так же может выступать в качестве глагола:

В первом и втором случаях глагол употребляется в значении *передавать, вручать (по Мюллеру)*

1) ... *he might not make forty-two , that the universe* ***didn't hand*** *anyone a guarantee of any sort , not even for tomorrow* ... (NewEnglandRev, FIC, 2006)

2) .... *n't know when the thought occurred to me that I* ***should hand*** *her a mirror . (Voiceover) And I think it was fairly early* ... (NBC, Dateline, SPOK)

В третьем предложении слово ***hand*** употребляется в структуре фразового глагола ***get out of hand*** выйти из повиновения; отбиться от рук .

3) ... *it more unlikely for things* ***to get*** *as far out of* ***hand*** *as they d id in this recent crisis . And we do it* ... (Time, MAG, 2009)

В четвертом примере аналогичный с предыдущим случаем, многозначное слово во фразовом глаголе со значением *попытаться перевести* (роман). ***try hand at*** попробовать (свои) силы (в чём-л.); попытаться впервые сделать (что-л.)

4) ... *my newly acquired linguistic confidence , I decided to try my* ***hand*** *at translating a Polish novel , Annihilation by Piotr Szewc . It* ... (AmerScholar, ACAD, 2010)

В пятом случае фразовый глагол со словом *hand* переводится, как принимал участие, (имеется в виду, *выступал на сцене, пел*). ***to have/ take a hand in smth*** - участвовать в чем-л.; вмешиваться во что-л.

В общей сложности мы рассмотрели такие фразовые глаголы как: *to go, go around, go through, go with, go out, go into, go down, go back, go after,* в узком контексте, на примере 22 предложений. Отметим, что глагол ***to go*** без употребления предлогов и наречий имеет 23 значения (согласно словарю Апресяна и Мюллера). Мы выявили, что слово ***hand*** может употребляться и в качестве глагола, определения и существительного. В качестве существительного всего 34 значения, прилагательного 6 значений, как наречие 2 значения, а в качестве глагола 9 значений (согласно обоим словарям). Мы убедились, что при определении точного значения английских многозначных слов ***hand*** и ***to go,*** необходимо обращать тщательное внимание на их лексико-грамматическое окружение. Рассмотрев данные примеры, нужно отметить, что в рамках узкого контекста не всегда возможно выделить одно значение слова из множества возможных.

Под широким же контекстом понимается языковое окружение данной единицы, выходящее за рамки предложения или так называемый текстовый контекст, т.е. совокупность языковых единиц, окружающих данную единицу в пределах, лежащих вне данного предложения, в смежных с ним предложениях. Точные рамки широкого контекста указать нельзя - это может быть контекст группы предложений, абзаца, главы или даже всего произведения в целом [4, с.79].

Мы рассмотрели глагол ***to go*** и существительное ***hand*** в контексте группы предложений, исключая все произведение. Мы определим состав контекстуальных наборов, в котором реализуется то или иное значение многозначного слова. Посмотрим, поможет ли нам широкий контекст установить значение слова, когда узкого контекста недостаточно. Следующие примеры были взяты с корпуса The Corpus of Contemporary American English (COCA) [8]. Все выдержки взяты из литературных произведений или книг.

Рассмотрим глагол *to go* в широком контексте.

Author: Sean Price;The Russian revolution;Vol. 105, Iss. 14; pg. 20, 4 pgs; Expanded context:

...NEW LONDON, CONNECTICUT - SUBMARINE BASE - DAY WE SUPER THE WORDS: " NOVEMBER, 1986 " Ramirez pulls up in a car with his wife and two children. He is wearing his khaki uniform and carries

a sea bag. He embraces Maura. # RAMIREZ # You'll see... it'll go by fast. # MAURA # Not fast enough. Ramirez bends down to hug Joey. # RAMIREZ # You take care of Mommy, okay? # JOEY # But why do you have to go? # RAMIREZ # Well they're finally giving me my chance ***to go*** *into subs... that's what I've always wanted you know... JOEY New color subs... RAMIREZ Nuclear... JOEY Is there going to be a war, Poppi? # RAMIREZ # Not if I can help it ....*

Мы переведем *to go into subs*, как *служить на подводной лодке*, здесь *subs* употребляется в сокращенном, разговорном стиле. Только из широкого контекста мы понимаем, что речь в данном отрезке предложения идет об отце маленького мальчика, который уходит служить своей стране, и отправляется на субмарину именно по этой причине.

Рассмотрим многозначное существительное *hand:*

Author: Dorris, Michael; Fall93, Vol. 19 Issue 2/3, p87, 18p; Expanded context:

...» Right Hand apologized. « My brother will be angry when he returns. « # « He will not return, « Shining Agate said. « You are not harsh enough. « And with that she plunged her arm into the icy water, her face bright in pain. # « Shining Agate, stop this, « Right Hand cried, and pulled her up. He tucked her dripping arm inside his parka, hugged it against his chest to keep it warm. This touch was lightning in a summer sky, and soon it happened that every night Right ***Hand*** *slept in his brother's house, and Shining Agate never turned away from his embrace. # Even then the people of the village found nothing to criticize...*

Из контекста всего отрывка сразу становится ясно, что *Right Hand* является человеком, скорее всего это прозвище мужчины. Прилагательное *Right* так же определяет значение слова *Hand.* Существительное пишется с большой буквы, что указывает на имя собственное. В отрывке ведется диалог между мужчиной, братом (Правой Рукой) мужа вдовы (Сияющей Агатой). Конечно, в узком контексте можно было предположить, что речь идет о собаке, т.е. не человеке, тогда как из широкого контекста становится понятно – речь идет о человеке.

Используя контекстологический метод, мы выявили из широкого контекста а, т.е. в текстах, взятых из корпуса (COCA) такие значения глагола *to go* как: *вступать, служить на подводной лодке, идти-двигаться, подняться на (балкон).* Существительное *hand* в приведенных нами примерах имеет следующие значения: *Правая Рука (прозвище человека), рука об руку (идти), с одной стороны, Рука (абстрактное.*

образное понятие). Но также бывают случаи, когда необходимо обратиться к экстралингвистическому контексту. В рассмотренных нами случаях широкий контекст позволил нам определить точное значение данных лексических единиц.

Как уже было сказано ранее, в английском языке существует много слов, значение которых зависит от контекста. Конечно, большинство слов имеют зафиксированные в словарях значения, но иногда контекст может настолько повлиять на значение слова, что приходится искать уникальное, окказиональное решение переводческой задачи. Контекст всегда подсказывает, какое значение подходит.

Делая выводы, становится, очевидно, что далеко не всегда из содержания отдельных частей текста или даже всего переводимого целого может быть ясна идейная направленность произведения, идейная позиция автора. В подобных случаях идейную направленность текста приходится устанавливать при помощи экстралингвистического контекста или экстралингвистической ситуации.

Таким образом становиться ясным, что полисемия или многозначность слова не всегда мешает говорящим понимать друг друга. В речевом акте каждый раз реализуется какое-то одно из значений многозначного слова, используется один из его семантических вариантов. Полисемия не только снимается контекстом, но и выявляется во всем своем многообразии с помощью постановки слова в разные контексты в большинстве случаев.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.; Медникова Э.М.; Петрова А.В* : Новый большой англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1999.

2. *Арсеньева М.Г.* Многозначность и омонимия, Изд-во Ленин.ун-та, 1966. 143с.

3. *Вендина Т.И.* Введение в языкознание. Учеб. пособие для педагогических вузов, М.: Высш. шк., 2003. 288 с.

4. *Левицкая Т.Р., Фитерман А.М.* Теория и практика перевода с английского языка на русский. М.,1963.

5. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание [Электронный ресурс], с.39 URL: http://www.Classes.ru

6. *Мюллер В.К.* Англо-русский словарь. Издание 24, исправленное. М., «Русский язык», 1995. Электронная версия «Палех», 1998.

7. *Харитончик З.А.* Лексикология английского языка. - Мн.: Вышэйшая школа, 1992. 148с.

8. *The Corpus* of Contemporary American English (COCA). URL: http://corpus.byu.edu/coca/

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ.
WAYS OF CULTURALLY SIGNIFICANT INFORMATION COMMUNICATION IN ENGLISH FINANCE SERVICES ADVERTISEMENT TEXTS

Терентьева Елена Борисовна
Terentyeva Elena Borisovna
Волгоградский государственный университет
Volgograd State University
helenterentyeva@gmail.com

Большая лингвистическая литература посвящена изучению национально-культурных параметров рекламного дискурса [Карасик 1992; 2002; Кочетова 1999]. В рекламных текстах ценности культуры находят отражение в виде базовых культурных концептов, образующих ценностную картину мира, которые объективно могут быть выделены при помощи анализа тематики текста и стратегий рекламного дискурса [Кочетова 1999]. Вместе с тем специального изучения рекламы финансовых услуг в лингвокультурологическом аспекте еще не осуществлялось.

Источниками для отбора материалы послужили англоязычные газеты – The Times за 2008 – 2010 годы и Metro за 2011 год. Обращение к названным источникам объясняется стремлением рассмотреть рекламные тексты, адресованные максимально широкой аудитории потребителей рекламы финансовых услуг: от традиционно консервативных британцев, читающих The Times – наиболее влиятельную в стране ежедневную газету, относящуюся к категории «качественных», до нового поколения молодых, активных образованных читателей, ориентированных на общедоступную газету Metro, продажи рекламы в которой ежегодно растут с средней скоростью 47%. Выбор газеты Metro обусловлен также тем, что она является самым популярным в Британии бесплатным изданием, чья читательская аудитория на 70% состоит из лиц моложе 45 лет. Формат Metro в Великобритании – это самые важные национальные, местные, международные новости, большой объем рекламы с использованием уникального дизайна и элементов подачи [Электронный ресурс: http://www.business-gazeta.ru/text/49935/].

Материал исследования составил массив фактов из 550 текстов (300 из The Times и 250 из Metro), посвященных рекламе кредитных карт, ипотеки, банковских кредитов, инвестиционных услуг, накопительных вкладов и др. финансовых инструментов.

Содержащаяся в рекламном тексте культурно значимая информация может быть передана при помощи ключевых слов; аргументативных стратегий; метафор [Кочетова 1999]. Как показал анализ, рекламные тексты финансовых услуг демонстрируют наличие нескольких культурных концептов, которые репрезентируются ключевыми словами, например: успех (*bigger home*), выгода (*low payments, tax-relief, fixed rates, discount, reward savings, bonuses, exclusive offers, fee-free, flexibility, high savings rates*), комфорт (*simple application process, free withdrawals, easy account management, a hassle free mortgage*)

В анализируемых текстах для передачи идеи финансовой *выгоды* широко используются метафоры, в том числе фитоморфные (растительные): дерево (быстро растет), цветок в горшке – денежное дерево (быстро растет) *Whether you're looking to grow your money* [на рисунке изображен помещенный в цветочный горшок для комнатного растения небольшой саженец дерева, который в проекции многократно увеличивается, превращаясь в огромное дерево с могучей кроной, каждый лист которой вызывает ассоциации с купюрами] (The Times, Friday, March, 19, 2010, № 69899, с.12 – реклама банка HSBC).

Так, изображение, которое сопровождает текст рекламы, отсылает потенциального клиента к культурным фоновым знаниям (к легендам о денежном дереве, на котором вместо листьев вырастают монеты, к распространенной моде выращивать в декоративном горшке толстянку древовидную, называемую чаще «денежным деревом», которая, как считается, приносит в дом достаток, и, наконец, к известной поговорке *money doesn't grow on trees* (деньги не растут на деревьях), однако в рекламном тексте утверждается обратное, что должно подчеркнуть легкость накопления, роста денежных средств. Комфорт включает не только физическое удобство, но и отсутствие неприятных переживаний, забот и тревог, а также материальных трудностей.

В рекламе финансовых услуг для реализации концепта *защита* используются метафоры, связанные с домом и его элементами и содержащие идею строительства – *фундамент, стены, крыша*, функции ко-

торых переосмысляются. Таким образом, в рекламе банковских услуг получает реализацию метафорическое соответствие *сбережения – строительство*. Создание концептуальной метафоры по этой модели основывается на усматриваемых аналогиях между наличием сбережений и надежностью жизненного обустройства, что вербально отражено в тексте рекламного слогана: *Build your savings with Santander* [на рисунке изображены безмятежные отдыхающие люди, среди которых есть дети, а в центре помещается стена, выстроенная из огромных, стилизованных под кирпичи, деталей детского конструктора Lego, на которых написаны преимущества рекламируемого банковского предложения: *cashISAs, instant access savings, reward savings, fixedrate savings, investments*. На эту стену с интересом смотрят молодая женщина и ребенок] (The Times, Friday, March, 19, 2010, № 69899, с.21 – реклама банка Santander).На наш взгляд, именно кирпичи из детского конструктора должны вызывать у потенциальных клиентов ощущение легкости и комфорта «строительства» своих сбережений. Идея детства, игры, реализованная невербальными средствами, выделяет эту рекламу из ряда подобных, актуализирует идею комфорта и нейтрализует возможный отрицательный смысл, поскольку строительство часто ассоциируется с напряжением сил, трудностями, неудобством и т.д.

Как показал проведенный анализ, понятие успеха в английском социуме зависит от дальновидности, предусмотрительности. Комфорт включает не только физическое удобство, но и отсутствие неприятных переживаний, забот и тревог, что отражено в рекламном слогане: *Take one small step*. Идеи предусмотрительности, а следовательно, спокойствия и комфорта поддерживаются в рекламе следующим текстом: *Sleep easier when you remortgage with Barclays* [на рисунке изображены с разноцветными окнами, за которыми безмятежно спят спокойный люди, успевшие воспользоваться предложением банка] (Metro, 29.07.2011, с.4 – реклама банка Barclays). В приведенном рекламном тексте положительные смыслы, выделяющие эту рекламу на фоне других, также выражены вербальными и невербальными средствами, однако его особенность состоит в том, что в нем скорее реализуется метонимическое соответствие *ипотека – дом*.

Рассмотрим еще пример, в основном тексте которого имеется лексема *mortgage* (ипотека): *We offer a wide range of financial products and services including award-winning mortgages which are only available di-*

rectly from HSBC, а идея дома выражена невербальными средствами [на рисунке изображены две керамические плитки и несколько кирпичей, сложенные в виде маленького домика, а в проекции – двухэтажный особняк, дом мечты] (TheTimes, Thursday, March, 18, 2010, № 69898, с.15 – реклама банка HSBC). В изобразительном компоненте акцент сделан на соотношении *часть* (имеете сейчас) и *целое* (будете иметь в будущем, если воспользуетесь финансовыми продуктами рекламируемого банка), что усиливает положительный оценочный смысл всей рекламы, на который не влияет предупреждение, помещенное в нижней части рекламы: *Your home may be repossessed if you do not keep up repayments on your mortgage* (Ваш дом может быть изъят за неплатежи по ипотечному кредиту).

В рекламе финансовых услуг для реализации концепта *безопасность* используются метафоры, связанные с сейфом и его элементами – *фундамент, стены, крыша*, функции которых переосмысляются. Реализация стратегии привлечения внимания осуществляется преимущественно метафорически. В нашем материале эта тенденция представлена несколькими моделями концептуальных метафор (Lakoff, Johnson 1980): *деньги – дерево, сбережения – строительство, ипотека – дом, безопасность – сейф.*

В содержательном плане наиболее значимым в рекламных текстах финансовых услуг является обращение к логосу, т. е. рациональным фактам и доводам, что выражается в указании на преимущества услуги, ее отличия от аналогичных услуг на рынке. Категория пафоса реализуется через тактику специального предложения, бонусов и указания на ограниченное время действия предложения, что призвано оказать воздействие на адресата и побудить его к немедленному действию.

Таким образом, тенденция к унификации рекламных сообщений представлена в рассмотренном материале преимущественно в виде стратегии к побуждению за счет собственно языковых средств, а тенденция к индивидуализации реализуется с помощью различных моделей концептуальных метафор, поддержанных невербальными, изобразительными компонентами рекламного текста.

Литература

1. *Бобырева Е.В.* Выделяющие стратегии религиозного дискурса // Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков : Сб. тр. междунар. науч. конф. Таганрог, 2007. С. 221–225.

2. *Карасик В.И.* Язык социального статуса Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. пед. ун-та, 1992. 330 с.
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
4. *Кочетова Л.А.* Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Волгоград: [б.и.], 1999. 22 с.
5. *Lakoff G.* Metaphors We Live By Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

Источники

1. The Times, Friday March 19 2010. – №69899
2. The Times, Monday March 15 2010. – №69895
3. The Times, Thursday March 18 2010. –№69898
4. The Times, Tuesday February 23 2010. –№69878
5. The Times, Tuesday March 16 2010. –№69896
6. Metro, 28.07.2011
7. Metro, 29.07.2011
8. Metro, 02.08.2011
9. Metro, 03.08.2011
10. Metro, 04.08.2011
11. Metro, 05.08.2011

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОТОГРАФИИ КАК МЕДИА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВОСТОКА. INTERPRETATION OF PHOTOGRAPHY AS A MEDIA THROUGH THE PRISM OF THE EAST

Чубарь Полина Ивановна
Chubar Polina Ivanovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
plitka7000@mail.ru

Средства передачи информации появлялись, развивались и совершенствовались вместе с развитием человечества. Этот сложный процесс берёт своё начало от примитивных жестов и звуков в первобытном обществе и на сегодняшний день достигает таких форм передачи информации на расстоянии и в кротчайшее время как медиа средства.

В культурологическом знании существует уникальная систематизация медиа средств, разработанная Маршаллом Маклюэном. На основе джазовой терминологии он разделил все средства на 2 группы: «холодные» и «горячие» медиа.

1. Холодное медиа – это медиа, которое предает только форму и предполагает больший личный вклад, так как оно не имеет четко вы-

раженной точки зрения. Примером холодного медиа являются книги, которые требуют максимальной сосредоточенности от читателя и дополнительного включения воображения. Также холодные средства – это речь, телефон, и др.

2. Горячее медиа – это медиа, которое расширяет одно чувство до предела, то есть его содержание полностью заполнено информацией; это медиа выражает авторскую точку зрения и предполагает низкую степень участия перципиента. Примеры горячих медиа – радио или кино.

Основным критерием данной систематизации является уровень вовлечения потребителя информации в процесс коммуникации.

Фотографию канадский учёный причислял как раз к «горячим» средствам. Он писал, что «шаг из эпохи Книгопечатного Человека в эпоху Графического Человека был сделан с изобретением фотографии» [1], которая была первым искусством, представляющим технический образ. Но, мы вправе выдвинуть иной тезис: фотография сегодня не соответствует критериям, данным Маклюэном практически полвека назад, и, следственно, она более не является горячим медиа средством. Таким образом, можно выделить проблему принадлежности современной фотографии к группе «горячих» средств.

До второй половины XX века принадлежность фотографии к горячим медиа не вызывает сомнений в силу следующих обстоятельств:

1. Через фотографию максимально объективно передавалась реальность со всеми её деталями, что не требовало включения фантазии зрителя.

2. Зритель получал изображение, максимально заполненное информацией, с высоким разрешением информации.

3. Это средство коммуникации воздействовало только на один орган восприятия, на глаз («одно-единственное чувство» [1]), развивая его до предела. «Фотография, с визуальной точки зрения, обладает "высокой определенностью"» [1], – так писал Маклюэн.

Всё это, по мнению канадского учёного, ставит фотографию в один ряд с другими горячими медиа средствами.

Но, если критично рассмотреть принадлежность фотографии XIX – первой половины XX в. к горячим средствам, то, во-первых, весьма спорен тезис о максимальной объективности и о высоком разрешении фотографии. Примером чему является пикториальное (от англ. pictorial – живописный) направление в фотоискусстве. Во-вторых, воздействие

фотографии даже в те времена осуществлялось не только через визуальные образы. Так фотографиям, как и картинам, давались подписи и названия, что привносило текстовую информационную составляющую.

С другой стороны, когда сегодня фотография выходит из рамок исключительно визуального, она обращается к опыту устной и письменной культуры. Теперь воздействие оказывается не на «одно-единственное чувство», а на несколько, что увеличивает степень вовлеченность зрителя. Более того, сегодня репрезентация фотографий стремится к динамике: создаются слайд-шоу, подкреплённые аудио рядом. Вместо выставок фотографий в рамках устраиваются инсталляции и хепенинги, «нечто среднее между художественной выставкой и театральной постановкой» [2]. Очень активно используется фотография для социальных задач, такая фотография примыкает к концептуальному направлению в искусстве и сопровождается текстом, который вносит большой смысловой вклад в понимание замысла работы.

Если обратить внимание на современное фотоискусство, то нельзя сказать что-либо о «высокой определенности», поскольку искусство тяготеет к эфемерности, неопределённости, что происходит от сомнения в рациональности. «...Фотография реально выходит за пределы изобразительного, создавая благодаря схватыванию внутренних жестов и поз тела и души новые миры эндокринологии и психопатологии» [1], – так предугадывал сам Маклюэн будущее для светописи.

По нашему мнению, современная фотография более не содержит в себе признаки горячего медиа средства, о чём свидетельствует ниже перечисленное:

1. Фотография уходит от реальности.
2. Фотография сегодня не обладает высоким разрешением, она не максимально заполнена информацией.
3. Происходит расширение поля воздействия фотографии: зритель превращается в слушающего, читающего и участвующего субъекта.

Нужно отметить, что в данном вопросе существуют трудности обобщения тезиса о фотографии, в силу разнообразности и многогранности самой фотографии, поскольку она имеет огромный диапазон применения, начиная от семейных фотоальбомов и заканчивая сложными работами современных фотохудожников. Есть репортажный жанр фотографии, который тяготеет к жизни, объективности и инфор-

мационной наполненности, есть искусство, которое работает с образами и абстракциями.

Несмотря на это, теперь можно с уверенностью утверждать, что современная фотография более не является «горячим» медиа, она вышла за границы системы медиа средств, разработанной Маклюэном в XX в.

Однако, фотография, зародившись в Европе как «горячее» медиа, постепенно распространилась по всему миру, в том числе и в восточных культурах. Тенденции ориентализма во многом обогатили западную культуру, при чём речь здесь не о сюжетных заимствованиях или стилизациях, а о более глубокой передаче и усвоении опыта Востока. Восток с его интровертной установкой, с его стремлением к целостности и гармонии не мог не оказать влияния на такую визуальную практику, как фотография.

Во-первых, фотография с определённого момента (рубеж XIX – XX вв.) начала интересоваться не только миром явлений, передачей формы и фиксацией реальности, но и миром сущностей и идей, начала стремиться к цельности образа и целостности информации. Это говорит о смещении парадигмы фотографии в сторону восточного опыта.

Во-вторых, прочтение фотографии напоминает практику толкования Священного писания на Востоке, когда человек домысливает и вкладывает собственные смыслы. Зрителю передаётся только форма, на основании которой он совершает интерпретацию изображения.

Такое изменение характеристик фотографии делает её более «холодным» медиа, чем «горячим», ведь она, во-первых, даёт только форму, а во-вторых, предполагает большую степень участия перципиента в процессе прочтения изображения.

Таким образом, фотография, появившаяся на Западе, изначально могла быть отнесена к «горячим» медиа средствам по системе Маклюэна. Но являясь феноменом исключительно европейской культуры, как и предложенная систематизация медиа, фотография должна быть оценена и вне рамкой западного мира. Так, именно в результате восточного влияния на Запад и взаимодействия западных и ориентальных культур фотография «охладилась» и перешла в группу «холодных» медиа средств.

Можно встретить неоднократные упоминания о «разогревании средств коммуникации» [1], о перегретых медиа у Маклюэна, но фотография показала обратное – их можно и охладить.

Литература

1. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. С. 34–36, 386–389.

2. *Зонтаг С.* Мысль как страсть. Избранные эссе 1960–70-х годов // Сост., общая редакция Б. Дубина. Пер. с англ. В. Голышева и др. – М. : Русское феноменологическое общество, 1997. С. 37–45.

3. *Флюссер В.* За философию Фотографии / Пер. с нем. Г. Хайдаровой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 146 с.

4. *Рерих Н.К.* Восток-Запад. – М.: Международный Центр Рерихов, 1994. – 104 с.

ТИПОЛОГИЯ ЗАДАНИЙ ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
TYPOLOGY OF TASKS ON FORMATION OF SOCIOCULTURAL COMPETENCE

Безносова Екатерина Дмитриевна
Beznosova Ekaterina Dmitrievna
Национальный Исследовательский Томский Государственный Университет
National Research Tomsk State University
katia_goldens@mail.ru

В настоящее время современное общество сталкивается с проблемами взаимовлияния различных культур и сохранения культурного многообразия мира. Все больше осознается необходимость развития диалога культур, в связи с этим обучение иностранному языку должно стать подготовкой к межкультурной коммуникации, так как в процессе изучения языка обучающемуся предстоит проникнуть в иную систему ценностей и жизненных ориентиров и интегрировать ее в собственную картину мира. В этом нам видится актуальность данной проблемы.

Современная методическая наука активно развивается, используя данные о связях между языком и явлениями общественной жизни.В связи с увеличением количества международных контактов становится очевидным тот факт, что языковой барьер, то есть фонетические, лексические и грамматические ошибки, нарушение логики высказывания, неверное восприятие речи на слух, неправильная интерпретация семантики языковых единиц, непонимание грамматических структур не является единственным препятствием, которое приходится преодолевать в процессе коммуникации представителям разных культур. Эффективное общение затрудняют также различные помехи и барьеры как на уровне иноязычной культуры (незнание культурных особенностей иноязычного общества), так и на социальном уровне (незнание характерных особенностей взаимодействия различных социальных групп внутри общества). Таким образом, формирование межкультурной компетенции в значительной мере зависит от наличия у коммуникантов не только устойчивых языковых навыков и речевых умений, но и достаточных социокультурных фоновых знаний, использования данных знаний в речи, а также адекватного представления о культуре и мире тех людей,

где данный язык функционирует. В связи с этим в курсе изучения иностранных языков необходимо уделять особое внимание формированию социокультурной компетенции, которая предполагает формирование комплекса знаний о ценностях, поведении, обычаях, традициях, языке, свойственных определенному обществу и характеризующих его, а также социокультурных навыков, умений и способностей.

Согласно Т.В. Починок, существуют следующие принципы по формированию социокультурной компетенции – это 1) принцип взаимосвязанного коммуникативного и социокультурного развития личности; 2) контрастивности; 3) поэтапного формирования социокультурных умений. [1.С.21]

Принцип взаимосвязанного коммуникативного и социокультурного развития личности предусматривает овладение обучаемым социокультурными знаниями, умениями осуществлять межкультурное общение с представителями иноязычной культуры, а также формирование психологической готовности к взаимодействию, развитие определенных морально-этических качеств, которые обогащают и развивают духовную, нравственную культуру личности, способность видения национально-специфического в межкультурном общении.

Принцип контрастивности предполагает обучение студентов видеть, то, что может объединять и разделять культуры в процессе общения

Принцип поэтапного формирования социокультурной компетенции предусматривает формирование у студентов социокультурной компетенции в соответствии с двумя этапами: ориентировочным и исполнительским.

Целью исполнительного этапа является формирование у обучаемых способности реализовывать эффективное межкультурное общение с носителем изучаемого языка.

Ориентировочный этап процесса формирования социокультурной компетенции предполагает ориентировку коммуниканта в своем собеседнике, в условиях коммуникативной ситуации, в прогнозирование способов эффективного взаимодействия, планирование коммуникативных действий

По мнению Т.В. Починок существует следующая типология заданий по формированию социокультурной компетенции, на примере ориентировочных заданий[1.С.22]:

Ориентировочные задания предполагают формирование у обучаемых умений ориентироваться в этнопсихологических особенностях собеседника и условиях взаимодействия. Ориентировочные задания нацелены на:

а) овладение знаниями этнопсихологических особенностей носителя изучаемого языка

планирование речевого поведения, прогнозирование реакции собеседника;

б) развитие социокультурной восприимчивости и непредвзятости.

Существует три вида ориентировочных заданий: сопоставительные, оценочные, планирующие.

Цель сопоставительных заданий формирование умений определять, анализировать и сопоставлять этнопсихологические особенности носителей изучаемого и родного языков.

Оценочные задания предполагают формирование умений оценивать условия взаимодействия коммуникантов, прогнозировать условия взаимодействия с целью выбора адекватного варианта речевого поведения.

Планирующие задания предполагают формирование у студентов умений планировать речевое поведение, учитывая условия взаимодействия.

По мнению М. Г. Аствацатрян, упражнения этапа подготовки коммуникантов к речевой практике должны предусматривать[2.С.28]:

– формирование эталонов языковых единиц – создание правильных звукомоторных образов языковых единиц в результате овладения значением, формой и их накоплением в долговременной памяти;

– умение мгновенно извлекать языковые единицы из долговременной памяти (усвоение слова на уровне оперативной готовности);

– выполнение рецептивных упражнений, способствующих формированию слухомоторного и зрительного образа языковых единиц и их запоминанию. [2.С.30]

Согласно Д.М. Грицкову можно выделить следующие 3 типа заданий [3.С.96]:

1. Задания на развитие лингвострановедческой наблюдательности. Данный тип заданий направлен на распознавание культуроведческих языковых реалий в тексте. При выполнении данных заданий используются аудиозаписи и тексты аутентичного содержания (литературные произведения, газеты, журналы и т. д.). Так, например, студентам

предоставляются путеводители по городам или меню из ресторана для выявления страноведчески маркированной лексики и ее последующей интерпретации.

2. Задания на развитие социолингвистической наблюдательности. Задания данного типа направлены на то, как используется этот язык представителями страны изучаемого языка. Студентам предлагаются задания на выявление особенностей социальной стратификации общества, выраженной в языке посредством прослушивания форм приветствия представителей разных социальных классов. Для выполнения заданий подобного типа используется просмотр видеофильмов.

3. Задания на развитие культуроведческой наблюдательности. В рамках данного типа выделяются задания на выявление сходств и различий между представителями стран родного и изучаемого языков. Так, студентам предлагается видеосюжет (сцена обед) с целью выявления правил поведения за столом (что и когда приемлемо делать) в стране изучаемого языка в сравнении с правилами страны родного языка. Культуроведческий тип наблюдательности также развивается посредством заданий на определение норм в различных сферах жизнедеятельности.

Процесс формирования социокультурной компетенции представляет собой сложную систему воздействия на личность обучающегося как субъекта учебной деятельности и межкультурной коммуникации. По моему мнению, наиболее полная классификация была представлена Д.М. Грицковым. Его классификация содержит разнообразные задания, направленные на различные типы наблюдательности. Результатом выполнения таких заданий будет являться умение коммуниканта использовать знания об этнопсихологических особенностях носителя изучаемого языка в процессе общения.

Литература

1. *Починок Т.В.* «Особенности заданий по формированию социокультурной компетенции». Иностранные языки в школе. 2011. № 7. С. 18-24.

2. *Аствацатрян М.Г.* «Теоретические основы системы упражнений для формирования мультилингвальной компетенции» Иностранные языки в высшей школе. 2010. №2. С. 25-33.

3. *Грицков Д.М.* «Типология заданий, направленных на развитие социокультурной наблюдательности в теории и практике преподавания иностранных языков» Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2008. № 8. С. 94-98.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОГРАММИРОВАННОГО МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. THE HISTORY OF THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE PROGRAMMED METHOD OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Булычова Мария Анатольевна
Bulychova Maria Anatol'evna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
mariabull@mail.ru

Идея программированного обучения была выдвинута профессором Б.Ф. Скиннером в 1954г. Она заключается в призыве повысить эффективность управления учебным процессом путем построения его в полном соответствии с психологическими знаниями о нем. В разработке отдельных положений концепции участвовали Н.Ф. Талызина, П.Я. Гальперин, Л.Н. Ланда, И.И. Тихонов, А.Г. Молибога, А.М. Матюшкин, В.И. Чепелев и другие. В то же время считается, что элементы программированного обучения встречались уже в древние времена. Их использовали Сократ и Платон, их обнаруживают в работах И.Ф. Гербарта и даже Дж. Дьюи. В содержании программированного метода обучения находится кибернетика, так как общие законы эффективного управления любым процессом изучает кибернетика. Развитие и внедрение программированного обучения могут быть успешными при двух условиях: при последовательной реализации требований, выдвигаемых общей теорией управления; при учете специфических закономерностей учебного процесса, известных современной психологии и педагогике обучения. Те, кто видит сущность идеи программированного обучения в применении машин, указывают, что она берет свое начало в 19 в., так как в 1866 г. Г. Скиннер получил первый в истории педагогики патент на машину, обучающую правописанию. Другие, кто главное в программированном обучении видят в приспособлении процесса учения к индивидуальным особенностям учащихся, его историю ведут от Древнего Рима и Древней Греции, где сложились первые формы индивидуального обучения. Некоторые понимают программированное обучение как самообучение, рассматривают его как один из видов самостоятельной работы учащихся. Новизна программированного обучения заключается именно в применении кибернетики к учебному процессу:

общая теория управления определяет схему учебного процесса, выдвигает систему требований к организации управления им.

Цель концепции заключается в стремлении повысить эффективность управления процессом обучения на базе кибернетического подхода. В своей основе программированное обучение подразумевает работу слушателя по некой программе, в процессе выполнения которой, он овладевает знаниями. Роль преподавателя сводится к отслеживанию психологического состояния слушателя и эффективности поэтапного освоения им учебного материала, а, в случае необходимости, регулированию программных действий. В соответствии с этим были разработаны различные схемы, алгоритмы программированного обучения – прямолинейная, разветвлённая, смешанная и другие, которые могут быть реализованы с использованием компьютеров, программированных учебников, методических материалов. К дидактическим принципам программированного обучения относятся: последовательность, доступность, систематичность, самостоятельность.

Для проведения действия по этапам усвоения, необходимо: разработать алгоритмы по применению формируемых действий и знаний к решению задач; обеспечить обратную связь и предусмотреть соответствующие коррекции. При алгоритмизации деятельности учащихся важно, прежде всего, установить, адекватна ли выбранная деятельность цели обучения.

Рассмотрим пример линейного алгоритма (алгоритм Скиннера)

Б. Ф. Скиннер, разработав собственную концепцию программированного обучения, заложил в неё следующие принципы:

малых шагов – учебный материал делится на малые части (порции), чтобы ученикам не нужно было затрачивать много усилий для их овладения

низкого уровня трудности порций – уровень трудности каждой порции учебного материала должен быть достаточно низким, чтобы обеспечить правильность ответов учащегося на большинство вопросов. Благодаря этому учащийся постоянно получает положительное подкрепление при работе с обучающей программой. По Скиннеру доля ошибочных ответов учащегося не должна превышать 5 %.

открытых вопросов – Скиннер рекомендовал использовать для проверки усвоения порций вопросы открытого типа (ввод текста), а не выбор из множества готовых вариантов ответа, утверждая при этом,

что «даже энергичное исправление ошибочного ответа и подкрепление правильного не предотвращают возникновение словесных и предметных ассоциаций, рождающихся при чтении ошибочных ответов».

немедленного подтверждения правильности ответа — после ответа на поставленный вопрос учащийся имеет возможность проверить правильность ответа; если ответ все же окажется неверным, учащийся принимает этот факт к сведению и переходит к следующей порции, как и в случае верного ответа.

индивидуализации темпа учения – учащийся работает в оптимальном для себя темпе;

дифференцированного закрепления знаний – каждое обобщение повторяется в различных контекстах несколько раз и иллюстрируется тщательно подобранными примерами;

единообразного хода инструментального учения – не делается никаких попыток дифференцированного подхода в зависимости от способностей и наклонностей учащихся. Вся разница между учениками будет выражаться лишь продолжительностью прохождения программ. К концу программы они придут одним и тем же путём.

Другим примером алгоритма является разветвлённый алгоритм (алгоритм Кроудера)

Основным отличием подхода, разработанного Норманом Кроудером в 1960 году, является введение индивидуальных путей прохождения по учебному материалу. Путь для каждого учащегося определяет сама программа в процессе обучения, основываясь на ответах учащихся. Н. А. Кроудер заложил следующие принципы в свою концепцию:

сложность порций поверхностного уровня и их упрощение при углублении – учебный материал выдается обучаемому сравнительно большими порциями и ставятся достаточно трудные вопросы. Если учащийся неспособен справиться с такой подачей материала (что определяется по неправильному ответу), то учащийся переходит к порции более глубокого уровня, которая проще.

использование закрытых вопросов – в каждой порции учащемуся предлагается ответить на вопрос, выбрав один из вариантов ответа. Только один вариант ответа является правильным и ведёт к следующей порции того же уровня. Неправильные ответы пересылают ученика в порции более глубокого уровня, в которых подробнее объясняется («разжёвывается») тот же материал.

наличие разъяснений по каждому варианту ответа – если учащийся выбирает ответ, программа объясняет ему, в чём он ошибся, перед тем, как перейти к следующей порции. Если ученик выбрал правильный ответ, программа поясняет правильность этого ответа, перед тем, как перейти к следующей порции. дифференцированный ход инструментального учения – разные учащиеся пройдут обучение различными путями.

Еще один пример алгоритма – это адаптивный алгоритм

Обучающая программа поддерживает оптимальный уровень трудности изучаемого материала индивидуально для каждого обучаемого, тем самым автоматически адаптируясь к человеку. Идеи адаптивного программированного обучения были заложены Гордоном Паском в 1950-х годах.

Программа управления определяется целью управления – целью обучения (система новых познавательных действий восприятия, памяти, мышления, воображения; наметить систему показателей, которым должны удовлетворять эти действия; указать систему представления, в которых будет отражено содержание данного учебного предмета; наметить, какие изменения и по каким характеристикам будут внесены в имеющиеся умения и знания).

Для того чтобы добиться обязательного выполнения обучаемыми запрограммированных действий в полном соответствии с предписанием, требуется постоянно действующая обратная связь. Рассматриваемая теория дает возможность осуществлять контроль за ходом процесса, следить те ли действия выполняет обучаемый, которые ему были предписаны. В соответствии с целью управления обратная связь должна нести следующую информацию: а) выполняется ли обучаемым именно то действие, которое запрограммировано; б) правильно ли оно выполняется; в) соответствует ли форма выполняемого действия заданной; г) формируется ли действие с должной мерой обобщения, свернутости, освоения. Направление вносимых коррекций прямым образом определяется характером сведений, получаемых с помощью обратной связи, и внутренней логикой процесса усвоения. В зависимости от характера отклонения действия от заданного хода оно по одному или нескольким параметрам возвращается на предыдущий этап. Весьма полезным и своевременным считается привлечение внимания исследователей в области программированного обучения к психолого-педагогическим

теориям обучения, так как успех дальнейшего развития идеи программированного обучения в значительной степени зависит от качества теории, на основе которой оно будет строиться, и от последовательности ее реализации.

В целом программированное обучение можно рассматривать как попытку формализации процесса обучения с максимально возможным устранением субъективного фактора непосредственного общения между преподавателем и обучающимся. В настоящее время считается, что этот подход не оправдал себя. Его использование показало, что процесс обучения не может быть полностью автоматизирован, а роль преподавателя и общение с ним учащегося в процессе обучения остаются приоритетными. Тем не менее, развитие компьютерных технологий и дистанционного обучения повышает роль теории программированного обучения в образовательной практике.

Литература:

1. *Талызина Н.Ф.* Теоретические проблемы программированного обучения
2. *Леонтьева А.Н., Гальперин П.Я.* Теория усвоения знаний и программированного обучения.

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА МАТЕРИАЛА КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ДЛЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ. PRINCIPLES OF SELECTING CULTURAL CONTENT FOR FOREIGN LANGUAGE TEXT BOOKS

Врублевская Мария Васильевна
Vrublevskaya Maria Vasil'evna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
mariy90@mail.ru

Носителями содержания обучения являются учебные планы и программы, учебники, разнообразные учебные пособия и информационные технологии. Эти документы содержат описание содержания обучения предмету, в нашем случае иностранному языку, с учетом последовательности его усвоения, систематичности, преемственности между этапами. Проблемой отбора содержания занимается преподаватель.

Именно он принимает решение о выборе учебника [Рогова 1991, Щепилова 2005]. Иногда это решение оказывается неверным, поскольку пособие может не соответствовать возрасту, в котором учащиеся начинают обучаться языку, целям обучения, результатам, планируемым учебным заведением. Возникает проблема адаптации содержания обучения, представленного в учебнике. Содержание образования иностранному языку характеризуется «уровневым» соответствием, которое прописано в программных документах и ФГОС-3, следовательно используемый в учебном процессе иноязычный материал должен отвечать возрастным особенностям, когнитивным и коммуникативным возможностям обучающихся на каждой ступени обучения иностранным языкам.

В соответствии с принятым Государственным образовательным стандартом третьего поколения обучение иностранным языкам должно рассматриваться в рамках межкультурной парадигмы с учетом целей, поставленных современными условиями существования общества. В данных условиях процесс обучения ИЯ должен не только снабжать обучающихся знаниями и формировать их речевые умения, но оказывать такое воздействие на личность, в результате которого она преобразуется в саморазвивающийся эмоционально зрелый интеллектуально-познавательный организм, способный справляться с непредвиденными культурно-обусловленными ситуациями общения посредством определения, обработки и практического применения информации, другими словами обучение направлено на формирование у обучающегося межкультурной коммуникативной компетенции. Помимо этого, в ходе процесса обучения у учащегося должны формироваться терпимость к негативным проявлениям иноязычной культуры, иммунитет к ксенофобии, бережное отношение к родной культуре, а также способности обучающегося строить поведение в соответствии с нормами и культурой страны изучаемого языка и одновременно выступать посредником между своей и иноязычной культурой с целью создания общего знаменателя происходящего.

По мнению ученых, приобщение обучающихся к культуре страны изучаемого языка является необходимым условием для успешного изучения иностранного языка и развития межкульутрной компетенции. На базе культурологического компонента формируются знания о реалиях, нравах, обычаях, традициях страны изучаемого языка; знания и навыки коммуникативного поведения в актах речевой коммуникации;

навыки и умения вербального и невербального поведения [Сафонова 2001, Сысоев 2008]. Общению в межкультурных ситуациях, даже в случае, если его участники владеют общим языковым кодом, всегда присущи конфликты между знанием и незнанием, между чужим и своим. Следовательно, основной вектор современных лингводидактических и методических изысканий должен быть направлен на разрешение этих конфликтов, то есть на теоретическое обоснование наиболее оптимальных путей развития у обучающихся способности реализовать и понимать лексико-грамматические конструкции, соответствующие нормам коммуникативной деятельности индивида иной лингвоэтнокультурной общности и иной национальной языковой картины мира [Гальскова 2004: 4]. В таком случае культурное разнообразие тематического наполнения учебно-методических комплексов (УМК) по иностранным языкам и языковым курсам должно быть по каждому типу культуры (этническому, социальному, религиозному, профессиональному, территориальному и т.п.), тем самым создавая благоприятные условия для культурного самоопределения учащихся [Сысоев, 2008].

Среди основных принципов отбора языкового материала можно выделить:

1. Отбор лексики должен быть ситуативным и тематическим, основанным на ее частотности (употребительности) и коммуникативной ценности. Лексика должна обладать ситуативной аутентичностью.

2. Коммуникативная ценность текстового материала, критерий его отбора - аутентичность и разнообразие.

3. Интеркультурная направленность тем, ситуаций, содержания текстов. Основным мотивирующим фактором при изучении иностранного языка выступает возможность приобщения к культурным достижениям социума, к новым культурным реалиям, поэтому языковой материал должен стимулировать рефлексию, интеркультурные сравнения, аффективную оценку и способствовать решению воспитательных и развивающих задач.

4. Функциональный принцип реализуется через избирательность тем для общения, соответствие тематики вероятным сферам использования языка.

5. Наличие различных упражнений: упражнения подготовительные, направленные на воспроизведение языкового материала, упражнения на тренировку в его употреблении, на развитие речевых умений,

на поиск творческих решений для выполнения коммуникативных задач и т.д. [Щепилова 2005].

Необходимо отметить, что тексты не должны являться единственным источником культурологического материала. Большой объем информации о культурном разнообразии страны ИЯ по изучаемому аспекту может быть представлен в виде схем, таблиц, рисунков, диаграмм и т.п., в форме обобщения данных, окружающих каждого из нас в реальной жизни [Сысоев 2008]. Помимо этого, в учебные программы и УМК по ИЯ необходимо включать информацию о культуре родного языка, поскольку ее наличие поможет учащемуся конструктивно выстроить диалог с носителем языка.

Уделяя особое внимание социализирующему и воспитательному потенциалу иностранного языка, Сысоев П.В. выделяет следующее [Сысоев 2008]:

1. Принцип диалога культур – предполагает анализ культуроведческого материала в целях использования его в качестве дидактического наполнения при разработке учебных программ; контрастивно-сопоставительное соизучение родной и изучаемой культур в контексте их непосредственного и опосредованного историко-культурного взаимовлияния; создание дидактических условий для подготовки студентов к выполнению роли субъектов диалога культур.

2. Принцип культуросообразности, который касается вопроса ознакомления учащихся с палитрой культур стран ИЯ с целью формирования относительно целостного представления об изучаемой действительности и избегания построения ложных стереотипов и обобщений. Согласно этому принципу которому в отборе культуроведческого материала лежат следующие положения: определение культурной и ценностной значимости отбираемых материалов; определение значимости понятий «культурное наследие», « культурное многообразие», «диалог культур», « культурная дискриминация», «культурная агрессия», «культурное и этическое самоопределение», «картина мира»; целесообразное использование культуроведческого материала в конкретной группе обучающихся с учетом их возрастных и интеллектуальных возможностей.

3. Принцип доминирования проблемных культуроведческих заданий, согласно которому студенты учатся собирать, систематизировать, обобщать и интерпретировать культуроведческую информацию; овладевать

стратегиями культуроведческого поиска и способами интерпретации культур; использовать стратегии культурного самообразования; участвовать в творческих работах культуроведческого и коммуникативно-познавательного характера.

4. Принцип интегративности – ориентирован на восприятие культуроведческого содержания на основе междисциплинарных связей и зависимостей, предполагает интеграцию философско-культурологических, регионоведческих, лингвистических знаний.

5. Принцип культурной вариативности и рефлексии – обнаруживается при разработке комплекса дидактических средств в рамках учебной дисциплины и при отборе культуроведческого материала для учебных целей. Данный принцип может служить основой разработки проблемных культуроведческих заданий, которые направлены на межкультурное развитие студентов. При изучении поликультурности страны ИЯ обучающиеся также должны получить возможность ознакомиться и с аналогичной информацией о культурном разнообразии родной страны по каждому изучаемому аспекту. Это позволит им увидеть не только различия, но и, главное, сходства между собственной культурой (индивидуально характерной каждому обучающемуся) и изучаемой культурой, что, в свою очередь, будет способствовать расширению социокультурного пространства за пределы политических границ родной страны. Видя объединение людей по всему миру на основе общей культуры (по каждому аспекту самоопределения личности: этническому, социальному, профессиональному, религиозному и т.п.), а также осознавая свою роль, значимость и ответственность в глобальных общечеловеческих процессах, обучающиеся будут развивать собственное общепланетарное мышление.

Исходя из целей и задач обучения иностранному языку и опираясь на данные современных методик и технологий обучения иностранному языку, можно выделить следующие критерии отбора культуроведческого материала:

1. Соответствие материалов определенной установленной тематике.
2. Наличие национально-культурного компонента.
3. Способность имеющихся материалов помогать в решении общеобразовательных и воспитательных целей.
4. Соответствие возрасту и интересам учащихся.

5. Значимость материала для учащихся.
6. Доступность языка.
7. Эмоциональность.
8. Новизна и актуальность.
9. Реализация межпредметных связей.

Таковы основные принципы отбора содержания культурологического характера, на которых базируется методика преподавания иностранных языков, а также критерии отбора материала, которые варьируются и дополняются в зависимости от конкретной ситуации, целей учителя, условий использования и т.д.

Литература

1. *Рогова Г.В.* Методика обучения иностранным языкам в средней школе./ Г.В. Рогова, Ф.М. Рабинович, Т.Е. Сахарова. - М.: Просвещение, 1991. -287 с.

2. *Щепилова А.П.* Теория и методика обучения французскому языкук как второму иномтранному: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 033200. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. - 245 с.

3. *Сафонова В.В.* Культуроведение в системе современного языкового образования // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 6. – С. 17–24.

4. *Сысоев П.В.* Языковое поликультурное образование: теория и практика (на материале культуроведения США): Монография. - Москва: ГЛОССА-ПРЕСС, 2008. - 385 с.

5. *Гальскова Н.Д.* Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам./ Иностранные языки в школе № 1, 2004.- С.3-8

КОММУНИКАТИВНО-ИНТЕРАКТИВНАЯ МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
COMMUNICATIVE AND INTERACTIVE METHOD OF TEACHING CHINESE

Дудникова Наталья Викторовна
Dudnikova Natalia Viktorovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
nataliadudnikova*at* yandex.ru

В настоящее время актуальность изучения китайского языка становится все очевиднее, в силу быстро развивающейся экономики Китая. С каждым днем число людей желающих изучать китайский язык непрерывно растет, в связи с этим возникает потребность в разработке новых, более эффективных методик преподавания китайского языка.

Китайский язык отличается от западноевропейской группы языков. Наличие тонов, от правильности овладения которыми зависит резуль-

тат обучения и эффективность коммуникативной концепции, предполагает уделять фонетике особое внимание на всем этапе обучения, так как навыки владения артикуляционной базой формируются, только при систематической работе над произношением.[1]

Формированию фонематического и интонационного слуха способствует прослушивание звукозаписей с рифмовками, песнями, диалогами, текстами.

Как показывает опыт изучения иностранного языка, в условиях внеязыкового окружения, наиболее эффективным способом изучения языка, является коммуникативная форма обучения. Коммуникативная методика дает возможность овладеть языковыми умениями и навыками посредством моделирования игровых ситуации приближенных к реальным жизненным ситуациям. Игровая деятельность стимулирует коммуникативную потребность на иностранном языке и выполняет главную задачу преподавателя – выработать умения учащихся уже на начальном этапе говорить и думать на иностранном языке. [2] Коммуникативные формы обучения, как никакие другие, учитывают психологические особенности учащихся ВУЗа: эмоциональность, преобладание наглядно-образного мышления, непроизвольного внимания, а также создает возможность лично-ориентированного обучения, так как создается возможность участия в различных игровых ситуациях, где студенты применяют свои уникальный жизненный опыт, раскрывают свой индивидуальный творческий потенциал.[3]

Основной целью обучения становится развитие у учащихся необходимого для межкультурного общения уровня коммуникативной концепции. Коммуникативную концепцию следует рассматривать как цель обучения. В коммуникативном методе акцент делается на необходимости подготовки обучающихся к живому общению на иностранном языке.

Реализация коммуникативной концепции обучения происходит посредствам следующих видов речевой деятельности:

- аудирование
- говорение
- чтение
- письмо.

Следовательно, речевая деятельность включает в себя три стороны: фонетическую, лексическую и грамматическую.

Существует три 3 уровня обучения аудированию:

1. Элементарный уровень – становление артикуляционной базы. На тот момент времени, пока словарный запас у учащихся небольшой, следует обратить особое внимание именно уровню становления произносительных норм: восприятию, распознанию, воспроизведению звуков, слогов и слов китайского языка.

2. Продвинутый уровень – студентами предъявляется речь, продолжительность 2-3 минуты (описательного или повествовательного характера).

3. Уровень общения – верное восприятие речи китайца, при собственном правильно произношении, что побуждает студента к дальнейшему активному говорению на языке.

Грамматика осваивается в процессе общения на языке: студент сначала запоминает слова, выражения, языковые формулы и только потом начинает разбираться, что они собой представляют в грамматическом смысле. Цель - научить студента говорить на китайском языке не только свободно, но и правильно.

Правила, значения новых слов объясняются учителем при помощи знакомой студенту лексики, грамматических конструкций и выражений, при помощи жестов и мимики, рисунков и прочих наглядных пособий. Могут использоваться также компьютеры с CD, Интернет, ТВ-программы, газеты, журналы и т.д. Все это способствует пробуждению у студентов интереса к истории, культуре, традициям Китая.

На уроках преподаватель должен создавать ситуации, в которых студенты общаются в парах друг с другом, в группах. Это делает урок более разнообразным. Работая в группе, учащиеся проявляют речевую самостоятельность. Они могут помогать друг другу, успешно корректировать высказывания собеседников.

Преподаватель на занятиях берет на себя функции организатора общения, задает наводящие вопросы, обращает внимание на оригинальные мнения участников, выступает арбитром в обсуждении спорных проблем.

Отличие коммуникативной методики в том, что вместо специально подгоняемых под активную лексику и изучаемую грамматику учебных текстов и диалогов в нем в качестве основного приема используется имитация ситуаций из реальной жизни, которые обыгрываются в классе так, чтобы вызвать у учеников максимальную мотивацию к говорению. Так, вместо того чтобы бесконечно пережевывать типовые фразы из учебника: «你好！ 我叫玛莎。我是俄罗斯人。 我是外语系的学生» и

т.п., студенты, изучающие тему «Знакомство», начинают на самом деле активно знакомиться и обсуждать интересующие их вопросы.

Обсуждаются в основном темы, с которыми студенты хорошо знакомы на родном языке: это дает возможность сосредоточиться именно на развитии коммуникативных способностей, то есть умения пользоваться языком спонтанно. Предпочтительно, чтобы темы были "животрепещущими" - связанными либо с жизнью самих студентов, либо с интересующими всех аспектами современности жизни (экология, политика, музыка, образование и т.п.). Большую часть времени на уроках занимает устная речь (хотя чтению и письму также уделяется внимание). При этом преподаватель меньше говорит и больше слушает, лишь направляя деятельность студентов. Он задает упражнение, а потом, «разговорив» студентов, отходит на задний план и выступает в роли наблюдателя и арбитра. Предпочтительно, чтобы он пользовался исключительно китайским языком. При этом ученики должны научиться решать коммуникативные задачи, которые возникают на уроке в процессе реального общения: «студент – преподаватель», «студент - студент», «студенты - студент». [4]

Следовательно, можно выделить три принципа создания ситуации говорения на уроке:

1) Создание языкового окружения
2) Постоянный мониторинг
3) Ситуация успеха

Исходя из выше сказанного, можно выделить следующие положительные стороны коммуникативного метода обучения китайскому языку:

- лишь в коммуникативном методе обучения мы находим основные признаки деятельностного типа обучения, особенность которого заключается в том, что он по своему назначению и по своей сущности связан, прежде всего, с отдельным видом речевой деятельности, поэтому мы встречаем его широкое использование, когда речь идет об обучении чтению иероглифов, аудированию, переводу.

- практическая речевая направленность есть не только цель, но и средство, где и то, и другое диалектически взаимообусловлено.

- использование коммуникативного метода обучения совместно с игровой деятельностью снимает языковой барьер и эмоциональное напряжение учащихся.

- грамматика осваивается в процессе общения на языке: студент сначала запоминает слова, выражения, языковые формулы и только потом начинает разбираться, что они собой представляют в грамматическом смысле.

В отличие от аудиолингвального и других методов, основанных на повторении и запоминании, коммуникативный метод задает упражнения «с открытым финалом»: студенты сами не знают, во что выльется их деятельность в классе, все будет зависеть от реакций и ответов. Ситуации используются каждый день новые. Так поддерживается интерес и мотивация студентов к занятиям: ведь каждому хочется осмысленно общаться на осмысленные темы.

Литература

1. *Басрамова Н.В.* Коммуникативно-интерактивный подход как способ повышения овладения иностранным языком// Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. – Вып 18. – с. 3-6.
2. *Задоенко Т.П., Хуан Шуин* Основы китайского языка. Вводный курс- М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука".1983
3. *Колкер Я.М.* Практическая методика обучения иностранному языку - М., 2000.
4. *Обухова Л.Ф.* Возрастная психология. Учебник– М.: Педагогическое общество России. 2001.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ
USE OF THE PROJECT TECHNOLOGIES ON THE FOREIGN LANGUAGE LESSONS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Желтикова Анастасия Анатольевна
Zheltikova Anastasiya Anatol'evna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University

На современном этапе развития российского высшего профессионального образования наметились устойчивые тенденции в установке новых требований к профессиональной подготовке выпускников. Подписание Россией Болонской конвенции и вхождение страны в единое Европейское образовательное пространство делают языковое образование неотъемлемым и существенным компонентом будущей профессиональной деятельности специалиста. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (2010) требует учета профессиональной специфики при изучении ино-

странного языка, его нацеленности на реализацию задач будущей профессиональной деятельности выпускников. В современных условиях при подготовке высококвалифицированного специалиста большое внимание уделяется новейшим технологиям обучения и воспитания. Одной из таких является проектная технология.

Метод проектов - способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы, которая должна завершиться вполне реальным, осязаемым практическим результатом, оформленным тем или иным образом. [Полат Е.С., Метод проектов на уроках иностранного языка, 2000].

Основное предназначение метода проектов состоит в предоставлении учащимся возможности самостоятельного приобретения знаний в процессе решения практических задач или проблем, требующего интеграции знаний из различных предметных областей. Таким образом, метод проектов всегда ориентирован на самостоятельную деятельность учащихся - индивидуальную, парную, групповую, которую учащиеся выполняют в течение определенного отрезка времени. Если говорить о методе проектов как о педагогической технологии, то эта технология предполагает совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по своей сути. Преподавателю в рамках проекта отводится роль разработчика, координатора, эксперта, консультанта. [ru.wikipedia.org/wiki/Метод проектов].

В основу метода проектов положена идея, составляющая суть понятия "проект", его прагматическая направленность на результат, который можно получить при решении той или иной практически или теоретически значимой проблемы. Этот результат можно увидеть, осмыслить, применить в реальной практической деятельности. Чтобы добиться такого результата, учащихся необходимо научить самостоятельно мыслить, находить и решать проблемы, привлекая для этой цели знания из разных областей, уметь прогнозировать результаты и возможные последствия разных вариантов решения. Метод проектов предполагает по сути своей использование широкого спектра проблемных, исследовательских, поисковых методов, ориентированных четко на реальный практический результат, значимый для учащихся, с одной стороны, а с другой, разработку проблемы целостно, учитывая различные факторы и условия ее решения и реализации результатов. [Полат Е.С., Метод проектов на уроках иностранного языка, 2000].

В основе проекта лежит какая-то проблема. Чтобы ее решить, учащимся требуется не только знание языка, но и владение большим объемом разнообразных предметных знаний, необходимых и достаточных для решения данной проблемы. Кроме того, учащиеся должны владеть определенными интеллектуальными, творческими, коммуникативными умениями. К интеллектуальным умениям можно отнести умение работать с информацией, с текстом (выделять главную мысль, вести поиск нужной информации в иноязычном тексте), анализировать информацию, делать обобщения, выводы, пр., умение работать с разнообразным справочным материалом. Формирование многих из указанных умений является целью обучения различным видам речевой деятельности. К творческим умениям психологи относят, прежде всего, умение генерировать идеи, для чего требуются знания в разных областях, умение находить не одно, а много вариантов решения проблемы, умение прогнозировать последствия того или иного решения. К коммуникативным умениям относятся умение вести дискуссию, слушать и слышать собеседника, отстаивать свою точку зрения, подкрепленную аргументами, умение находить компромисс с собеседником, умение лаконично излагать свою мысль.

На занятиях по английскому языку преподавателями Национального Исследовательского Томского Государственного университета активно используются современные инновационные исследовательские и проектные технологии, способствующие развитию познавательных интересов учащихся.

В методике преподавания иностранных языков выделяют множество видов проектов, однако наиболее эффективными являются смешанные или творческие проекты, так как они предусматривают различные виды деятельности, сочетая, например, исследовательский и информационные аспекты.

Для реализации проектной методики была выбрана группа второго курса 01017, уровень владения английским языком - промежуточный (pre-inlermediatc), специальность - экология и природопользование. Количество участников -К) студентов, количество групп - 2. Одна группа создавала проект на тему «Как сохранить воду» (How to save water by Conservation), вторая группа на тему «Что может быть сделано для снижения загрязнение окружающей среды и экономии энергии» (What can be done to reduce Pollution and conserve energy).

Работа над проектом проходила в несколько этапов. На первом этапе, подготовительном, обсуждались цели, задачи, содержание и формы презентации проекта. Студенты составили план проекта и план действия группы.

На втором этапе поисковой и исследовательской работы, студенты самостоятельно, распределив обязанности, осуществляли поиск и сбор необходимой информации (включая письменную, видео- и аудио информацию), в основном используя Интернет.

На этапе обработки и оформления результатов исследования, происходило обсуждение способов организации и представления информации, обсуждение дизайна, рассмотрение вариантов проведения презентации проекта в рамках предоставленного времени.

Защита проекта проходила на занятии, где студенты презентовали свои проекты, причём практический каждый студент отвечал за определённую устную часть доклада. После каждого выступления студенты задавали вопросы по содержанию проектов.

Работа над проектом осуществлялась в течение месяца, т.е. по окончании изучения темы «Water» («Вода») и «Industrial pollution*) («Промышленные загрязнения»), когда студенты представляли свои проекты на завершающем занятии. Проектная работа выступала определённым видом контроля усвоения лексического материала и одновременно творческим заданием. Консультации по проекту проводились каждую неделю, студенты показывали материал, тексты, интересную информацию, задавали вопрос. По ходу всей работы над проектом, преподаватели как организаторы и координаторы, оказывали помощь студентам в подборе материала.

Проведённый проект позволил создать творческую атмосферу, где каждый студент был вовлечён в активный творческий познавательный процесс на основе сотрудничества. В ходе проекта студенты совершенствуют навыки во всех четырёх видах речевой деятельности. Проектная деятельность помогает студентам овладеть современными наиболее эффективными технологиями, новыми информационно-коммуникативными средствами, обрести личностный социально значимый смысл своей учебной и профессиональной деятельности.

Проектные технологии позволяют охватить большое количество учащихся; обучать их самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве; формировать умения увидеть проблему, сформулировать её и определить пути решения.

Наблюдения преподавателей за работой студентов, анализ их докладов и отчётов показывают активную, заинтересованную, познавательную деятельность учащихся.

В заключении следует отметить, что на современном этапе развития преподавания иностранных языков, учебный проект — это эффективная форма работы, стимулирующая интерес студентов к изучаемому предмету, помогающая самостоятельно добывать знания, самостоятельно ставить цели, планировать содержание намеченной деятельности, анализировать свою работу, прогнозировать результаты своих действий; формирующая развитие социальных, информационных, коммуникативных компетенций необходимых для успешной работы в команде, например, распределять обязанности, ответственность, самостоятельно решать выход из сложных ситуаций.

Литература

1. Полат Е.С., Метод проектов на уроках иностранного языка, 2000
2. fu.wikipedia.org/wiki/Метод проектов
3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М., 2000.
4. Interactive Language Teaching / ed. By Wilga M. Rivers; Harvard University Cambridge University Press, 2002.

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК ПО ПРИОРИТЕТНЫМ ОТРАСЛЯМ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ. SPECIALIZATION OF THE STUDENTS STUDYING CHINESE ON PRIORITY BRANCHES OF COOPERATION OF RUSSIA AND CHINA

Загайнов Семен Вячеславович
Zagainov Semen Vyacheslavovich
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
semen.zagainov@mail.ru

На сегодняшний день КНР является не только одним из самых значимых деловых партнеров России, но и основным инвестором в российский бизнес. Главной причиной сотрудничества стало наличие большого потенциала российской экономики. Так, например, 2010 году объем иностранных инвестиций в российскую экономику составил 114,7 млрд долл., что на 40,1% больше, чем в предыдущем году. При этом сумма прямых инвестиций снизилась до 13,8 млрд долл., или на

13% по отношению к показателю 2009 года. Между тем в инвестиционном сотрудничестве России и Китая тенденции также были неоднозначными. В 2010 году Китай инвестировал в российскую экономику более 7,6 млрд долл., что в 1,3 раза меньше, чем за 2009 год. Из этой суммы 121 млн долл. являются прямыми инвестициями, годовой рост составил 4%. Общий объем торгового оборота между странами увеличился в прошлом году на 50% и составил более 59 млрд долл. Россия занимает 13-е месте среди внешнеторговых партнеров Китая. КНР же находится на 1-ом месте в аналогичном списке России. Согласно статистическим данным, в первом квартале 2011 года товарооборот между странами вырос до 10,41 млрд долл., или на 44,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Сумма экспорта товаров из России в Китай за первые три месяца 2011 года достигла 4,4 млрд долл. (рост на 47%), а сумма импорта из Китая в Россию – 6 млрд долл. (рост на 42,7%). [1]

Такой поток инвестиций говорит о том, что сотрудничество между Россией и Китаем будет не только продолжать координировать, но и успешно развиваться.

В связи с этим в России настоящий бум изучения китайского языка. Сейчас знать китайский язык - это престижно. Если 20 лет назад во всей стране было лишь 20 высших и средних учебных заведений, где учили китайскому языку, то сейчас их около 100. Причем в 40 из них китайский язык изучается как первый иностранный язык, а число постигающих его студентов и аспирантов превысило 10 тысяч человек. Кроме того, уже и в школах начинают преподавать китайский язык. [2] Китайские ВУЗы каждый год пополняются все большим и большим количеством иностранных студентов из России.

Но стоит обратить внимание на систему преподавания китайского языка в российских ВУЗах. Здесь не говорится о качестве преподавания, а говорится о самой системе обучения. В июле 2012 года группа выпускников, которая работала переводчиками китайского языка у представителей компании «南京华宁阀门有限公司» в городе Новокузнецке, Мыски и Новосибирске, столкнулась с проблемой перевода. Представители данной компании, а в частности господин 邓柏峰 приехали для того, чтобы заключить контракт на поставку антрацита в Китай. Во время экскурсий по шахтам или во время переговоров, выпускники понимали, что самостоятельно не могут перевести многие слова и выражения. Поэтому часто приходилось пользоваться элек-

тронными словарями. Но откуда бы они знали все термины и выражения шахтеров? Но как бы сделать так, чтобы в будущем переводчики не допускали ошибок при переводах на производстве? Если рассмотреть данную проблему более детально, то можно разглядеть, что студенты после окончания университета, не готовы профессионально переводить тексты на производстве. В данной ситуации все дело кроется в системе образования.

Если рассмотреть путь студентов первого курса, которые пришли учиться в ВУЗ по специальности «китайский язык». На первом курсе преподаются основы китайского языка, а именно грамматика, фонетика, лексика. Все это очень ново для студентов, все студенты заинтересованы в образовательном процессе. Почти никто из студентов не прогуливает занятия, выбиваются только те, кто понимают, что языки – это не их специальность. Зачастую они понимают это к концу первого курса и переводятся на другие факультеты. После первого года обучения многие студенты стараются поехать в Китай и попробовать свои знания на практике. У кого-то Китай вызывает приятные ощущения, у кого-то нет, но все понимают, что за Китаем будущее, и учить китайский язык нужно. И так вплоть до третьего курса, до того момента, пока еще преподается, грамматика и фонетика. Затем идет перевод множества текстов на бытовые темы. Есть еще, конечно, курсы технического, экономического, делового и юридического переводов, но проблема этих курсов в том, что они преподаются только один семестр и все. Таким образом, через полгода большинство слов и выражений забывается, так как не идет никакой дальнейшей практики. Все это приводит к тому, что у большинства студентов исчезает желание в дальнейшем изучении китайского языка. Причинами данного нежелания является то, что не создается никаких мотивирующих условий. Типичной является следующая ситуация: побывав в Китае, студент решает жить в России, так как культуры Китая и России отличны друг от друга, и не всякий может приспособиться жить в чужой среде. Тогда студент начинает анализировать свои дальнейшие перспективы, искать потенциальное место работы в России, но и тут его ждет разочарование. Многим фирмам нужен переводчик с опытом работы, как минимум, года два, да и к тому же знающий аспекты менеджмента или особенности перевода в том направлении, в котором работает их фирма. Студент понимает, что к концу обучения данная вакансия уже может быть занята, да и не факт,

что его возьмут на работу сразу же после окончания университета. Остается один выход – пытаться устроиться преподавателям, но зная то, какую зарплату получают бюджетные работник, все мечты о высокооплачиваемой работе переводчика в сфере бизнес между Китаем и Россией начинают угасать. Как быть в такой ситуации? Как студенту не терять желание продолжать изучение языка и не бросать учебу? Ответом на данный вопрос должна послужить реформа в образовании.

Для начала нужно выделить те направления, по которым будут развиваться отношения между Россией и Китаем. В 2010 году премьер-министр России Владимир Путин и заместитель председателя КНР Си Цзиньпин открыли в Москве Год китайского языка в России. В рамках данного мероприятия было сказано, что приоритетные сферы сотрудничества – лесопереработка, производство товаров народного потребления, высокотехнологичные отрасли, переработка сырья, нефтегазовое направление, атомная энергетика.

После того, как мы узнали приоритетные направления сотрудничества, нужно внедрять дисциплины, связанные с выбранным направлением. Данная система имеет следующий вид: студент учится два года как и все переводчики, получает базовые знания о языке. На третьем курсе он выбирает направление, в котором хотел изучать китайский язык. После того, как выбор сделан, студенту выделяется один день на то, чтобы он изучал только то, что связано с его будущей профессией. Таким образом, пять из шести дней он обучается по тому плану, который сейчас существует, а шестой день изучает выбранную сферу. Студент изучает не только язык, но и все аспекты выбранного направления. К примеру, если студент выбрал нефтегазовое направление, то ему придется также прослушать базовую геологию и другие дисциплины, связанные с выбранным направлением.

Преимущества данной реформы образования переводчиков в том, что, во-первых, студент будет мотивирован изучать язык, так как теперь только от него будет зависеть то, куда он устроится на работу. Во-вторых, у компаний пропадет надобность в поиске переводчиков с опытом работы, так как все выпускники будут знакомы со своей ролью в компании. В-третьих, за счёт специализации студентов, поднимется профессиональный уровень выпускников. По окончании университета больше не будет человека, который может переводить только литературные произведения, а будет профессионалом своего дела. В-четвертых,

данная система ориентирована на два курса, таким образом, приобретенные знания не будут забываться.

Литература:

1. [Электронный ресурс]. URL: http://www. http://scsgroup-consult.com (Дата обращения: 24.09.2012)
2. [Электронный ресурс]. URL: http://www. http://old.redstar.ru (Дата обращения: 24.09.2012)

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ (МЕТОД ПРОЕКТОВ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ). INNOVATIVE TECHNIQUES OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES (PROJECT METHOD, THE USE OF THE INTERNET – TECHNOLOGIES)

Иванова Юлия Анатольевна
Ivanova Yulia Anatol'evna
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Северский физико-математический лицей»
Municipal budget educational institution «Seversk Physics and Mathematics Lyceum»
valan@sibmail.ru

В последние годы всё чаще поднимается вопрос о применении новых информационных технологий в средней школе. Это не только новые технические средства, но и новые формы и методы преподавания, новый подход к процессу обучения. Основной целью обучения иностранным языкам является формирование и развитие коммуникативной культуры школьников, обучение практическому овладению иностранным языком.

Задача учителя состоит в том, чтобы создать условия практического овладения языком для каждого учащегося, выбрать такие методы обучения, которые позволили бы каждому ученику проявить свою активность, своё творчество. Задача учителя - активизировать познавательную деятельность учащегося в процессе обучения иностранным языкам. Современные педагогические технологии такие, как обучение в сотрудничестве, проектная методика, использование новых информационных технологий, Интернет - ресурсов помогают реализовать личностно - ориентированный подход в обучении, обеспечивают индивидуализацию и дифференциацию обучения с учётом способностей детей, их уровня обученности, склонностей и т.д.

Возможности использования Интернет - ресурсов огромны. Глобальная сеть Интернет создаёт условия для получения любой необходимой учащимся и учителям информации, находящейся в любой точке земного шара: страноведческий материал, новости из жизни молодёжи , статьи из газет и журналов, необходимую литературу и т.д. Учащиеся могут принимать участие в тестировании, в викторинах, конкурсах, олимпиадах, проводимых по сети Интернет, переписываться со сверстниками из других стран, участвовать в чатах, видеоконференциях и т.д. Учащиеся могут получать информацию по проблеме, над которой работают в данный момент в рамках проекта. Это может быть совместная работа российских школьников и их зарубежных сверстников из одной или нескольких стран.

В последние годы многие учителя все чаще применяют в своей практике методику обучения в сотрудничестве, частью которой является метод проектов. Метод проектов - это способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы (технологию). В основе проекта лежит какая-либо проблема, задача, требующая исследовательского поиска для её решения, самостоятельной деятельности учащихся на уроке и во внеурочное время. Особый интерес представляют международные телекоммуникационные проекты. Это совместная учебно - познавательная творческая деятельность учащихся - партнёров, организованная на основе компьютерных телекоммуникаций, имеющих общую проблему, цель, согласованные методы, способы деятельности, направленные на достижение общего результата совместной деятельности. По предмету Иностранный язык метод проектов может использоваться в рамках программного материала практически по любой теме. Главное - это сформулировать проблему, над которой учащиеся будут трудиться в процессе работы над темой программы. Методика проектов предусматривает соблюдение основных требований к их проведению, знание типологии проектов и т.д.

Одним из способов активизации учащихся в процессе обучения иностранным языкам является проектирование (метод проектов), когда ученик самостоятельно планирует, создаёт, защищает свой проект, т.е. активно включается в процесс коммуникативной деятельности. Учебный проект – это комплекс поисковых, исследовательских, расчетных, графических и других видов работы, выполняемых учащимися само-

стоятельно с целью практического или теоретического решения значимой проблемы.

Основными целями проектной методики являются:

1) самовыражение и самосовершенствование учащихся, повышение мотивации обучения, формирование познавательного интереса;

2) реализация на практике приобретённых умений и навыков, развитие речи, умение грамотно и аргументировано преподнести исследуемый материал, вести дискуссионную полемику;

3) продемонстрировать уровень культуры, образованности, социальной зрелости.

Виды проектов:

1) ролевые игры, драматизации, инсценировки (сказки, телешоу, праздники, музыкальные представления и т.д.)

2) исследовательские (страноведение, обобщение научных знаний, исторические, экологические и т.д.)

3) творческие (сочинения, перевод, сценарии, стенгазеты и т.д.)

4) мультимедийные презентации.

Какими источниками информации обычно пользуются при подготовке проекта?

а) Книги; б) Периодическая печать; в) Интернет; г) Учитель; д) Другие

Проектный метод помогает развивать языковые и интеллектуальные способности, устойчивый интерес к изучению языка, потребность в самообразовании. В конечном итоге предполагается достижение коммуникативной компетенции, т. е., определенного уровня языковых, страноведческих, социокультурных знаний, коммуникативных умений и речевых навыков, позволяющих осуществлять иноязычное общение.

Реализация проектного и исследовательского методов на практике ведет к изменению позиции учителя. Из носителя готовых знаний он превращается в организатора познавательной деятельности. Из авторитетного источника информации преподаватель становится соучастником исследовательского, творческого познавательного процесса, наставником, консультантом, организатором самостоятельной деятельности учащихся. Анализируя применение метода проектов в современной школе, я считаю, что это один из самых мощных стимулов мотивации изучения иностранных языков, самый творческий вид деятельности, так как в работу над проектом вовлечены все учащиеся, независимо

от способностей и уровня языковой подготовки. Они применяют на практике приобретённые знания и сформированные речевые навыки и умения, творчески переосмысливая и приумножая. Кроме того, проблемность и разнообразие форм и видов данной технологии предполагает наличие межпредметных связей, что позволяет дать ученику яркое представление о мире, в котором он живёт, о взаимосвязи явлений и предметов, о взаимопомощи, о многообразии материальной и художественной культуры. Основной акцент делается на развитие образного мышления, на понимание причинно-следственных связей и логики событий, на самореализацию и самовыражение не только учеников, но и учителя. Проектная методика требует от учителя тщательной подготовки, профессионального мастерства, эрудиции. Одно из главных условий эффективности учебной деятельности – атмосфера доброжелательности, взаимопонимания, доверия, творчества, поощрения познавательной активности школьников.

В современном понимании учебный проект-это интегрированное дидактическое средство развития, обучения и воспитания, которое позволяет вырабатывать и развивать специфические умения и навыки:

1) проблематизации,
2) планирования,
3) самоанализа и рефлексии,
4) презентации,
5) исследовательской работы.

Использование проектной методики является одной из составляющих гуманизации образовательного процесса, так как учащиеся с разным уровнем языковой подготовки участвуют в работе в соответствии со своими возможностями. По моему мнению, наравне с групповыми проектами необходимо применять индивидуальные задания, особенно при подготовке итоговых уроков – это уникальная возможность для действительно коммуникативного обучения иностранному языку. Такие уроки снимают перенапряжение и утомляемость учащихся, резко повышают познавательный интерес, развивают у школьников воображение, мышление, речь, память и могут быть проведены практически по любой теме в рамках программного материала.

С помощью проектной методики решаются следующие задачи:

-расширяется кругозор учеников,

-закрепляется лексико-грамматический материал,

- а учитель создаёт методическую копилку по различным темам с презентациями и видеопроектами.

Таким образом, метод проектов позволяет реализовать не только образовательные задачи, но и социокультурные, воспитательные, задачи гуманизации и гуманитаризации образовательного процесса.

Результаты очевидны: данная методика даёт возможность глубже изучить тему, развить творческие способности учащихся, учит общению, умению пользоваться грамматическими структурами, исчезает страх ведения беседы на иностранном языке. Кроме того, проектная технология эффективна и увлекательна для преподавателей, так как помогает раскрыться как творческая личность, участвующая в исследовательской работе наравне со своими учениками. Конечно, проект, это не панацея от всех проблем, но это шаг вперёд в преподавании иностранного языка.

Преподавание иностранного языка с использованием сети Internet.

Внедрение информационно-коммуникационных технологий в процесс обучения начался не так давно.

Однако темпы его распространения невероятно стремительны. Применение Интернет-технологий на занятиях по иностранному языку является эффективным фактором для развития мотивации обучаемых. В большинстве случаев ребятам нравится работать с компьютером. Так как занятия проходят в неформальной обстановке, школьникам предоставлены свобода действий, и некоторые из них могут "блеснуть" своими познаниями в сфере ИКТ. Перспективы использования Интернет-технологий на сегодняшний день достаточно широки. Это может быть:

Переписка с жителями англо-говорящих стран посредством электронной почты;

Участие в международных Интернет-конференциях, семинарах и других сетевых проектах подобного рода;

Создание и размещение в сети сайтов и презентаций – они могут создаваться совместно преподавателем и обучаемым. Кроме того, возможен обмен презентациями между преподавателями из разных стран.

Информационно-коммуникационные технологии являются мощным средством обучения, контроля и управления учебным процессом, так как - это важнейший параметр современной социокультурной системы. Интернет-ресурсы – привычное и удобное средство знакомства

с культурой других стран и народов, общения, получения информации, неистощимый источник образовательного процесса. Именно поэтому, в основе системного подхода к реформированию методов обучения иностранному языку с использованием новых информационных технологий лежит концепция информационно- обучающей среды, которая рассматривается в тесной связи с системой развивающего обучения. Информационно – обучающая среда представляет собой совокупность условий, которые не только позволяют формировать и развивать языковые знания, умения и навыки, но и способствуют развитию личности учащегося. Учебная ситуация проектируется в такой среде, как динамический, опосредованный компьютерными технологиями процесс субъективно - субъективного взаимодействия всех участников учебного процесса. Обучаемый, по мере все более активного, глубокого и всестороннего участия в процессе самостоятельной учебной деятельности по усвоению иностранного языка, превращается из пассивного объекта воздействия учителя в полноправного соучастника учебного процесса. Педагогическая актуальность, формируемой в информационно – обучающей среде системы языковых знаний и умений состоит в том, что обучаемому должна быть предложена для усвоения именно такая система знаний, которая ему необходима на данном этапе своего развития, впоследствии дающая возможность решать задачи возрастающего уровня сложности.

Задачи ИОС по изучению иностранного языка:

- обеспечение условий для творческого освоения письма, а также речевых умений и навыков;

- интеграция различных форм и стратегий, направленных на развитие самостоятельной познавательной учебной деятельности в процессе индивидуальной и групповой работы обучаемых;

- повышение мотивационной насыщенности учебного процесса

- организация познавательной коммуникационной деятельности с носителями языка и членами сетевого сообщества, изучающего иностранный язык;

- формирование на базе языковых знаний современной информационной культуры, позволяющей работать в компьютерной и телекоммуникационной среде.

В основе данной инновационной технологии лежат принципы, отражающие специфику изучаемого предмета и самой среды обучения: открытость, интегративность, системность и последовательность, ин-

терактивность, наглядность представления материала, многоаспектность и избыточность всех компонентов среды.

Эффективное функционирование ИОС зависит: от уровня развития информационно- телекоммуникационной инфраструктуры образования и взаимодействия данной инфраструктуры с обучаемыми; от целого комплекса психолого – педагогических условий; от контроля мотивационного фона и его развития; учета индивидуальных особенностей обучаемых; от языкового сотворчества всех участников учебного процесса.

Структурно ИОС организуется в виде модели, представляющей собой совокупность участвующих в процессе обучения субъектов, связи между которыми реализуются с помощью информационных потоков, организованных, в соответствии с целями и задачами учебного процесса в функциональные блоки. Каждый из блоков (программно – тренажерный, информационно - методический, коммуникационный, инструментальный, социокультурный, мотивационный и идентификационно – контролирующий) направлен на реализацию стратегий освоения иностранного языка, а также контроль за ходом учебного процесса. Среда находится в постоянном развитии, которое обусловлено динамикой включения новых форм и педагогических технологий обучения иностранному языку, а также развитием самих участников процесса.

Участие в информационно - коммуникационной педагогической деятельности способствует комплексному формированию всех аспектов коммуникативной компетенции: языкового, социокультурного, познавательного, лингвострановедческого; а также смежных коммуникативно-когнитивных умений учащихся(поиск и отбор релевантной информации, её анализ, обобщение и классификация). Моделирование реальной аутентичной среды посредством привлечения Интернет – ресурсов служит не только более успешному освоению языка, но и позволяет постичь глубинный закон единства и многообразия культуры.

Таким образом, инновационные технологии, которые мы сегодня рассмотрели, существенно обогащают и разнообразят преподавание иностранных языков. На смену монотонной работе приходит интеллектуальный творческий поиск, в процессе которого формируется личность нового типа, активная и целеустремленная, ориентированная на постоянное самообразование и развитие.

Как показывает педагогический опыт, работа по созданию Интернет-ресурсов интересна учащимся своей новизной, актуальностью, креативностью. Организация познавательной деятельности учеников в малых группах дает возможность проявлять свою активность каждому ребенку.

Однако надо отметить, что информационные технологии, Интернет-технологии – это отнюдь не панацея на пути повышения мотивации и самостоятельности обучаемых в процессе изучения иностранного языка в познавательном процессе. Для достижения максимального эффекта необходимо использование широкого спектра инновационных, в том числе, безусловно, разнообразных медиаобразовательных технологий в обучающем процессе.

Литература

1. festival.1september.ru/articles/566297/
2. nsportal.ru/... doklad-po-teme-sovremennye-obrazovatelnye-tekhnol...
3. anginfo.ru › ... › Методики обучения английскому языку

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. COGNITIVE ASPECTS OF THE PROJECT ACTIVITY IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Кащенко Наталья Владимировна, Минакова Людмила Юрьевна
Kashchenko Natalya Vladimirovna, Minakova Lyudmila Yur'evna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University

Использование активных методов обучения прочно вошло в практику иноязычного образования как наиболее эффективный путь овладения коммуникативной компетенцией. Деловые игры, проблемные задания, проектная деятельность способствуют активизации творческих способностей обучающихся, позволяют максимально приблизить учебные задания и упражнения к ситуациям реального общения. Кроме того, активные методы обучения направлены на развитие когнитивных способностей участников иноязычной коммуникации.

В последние годы развитие когнитивной лингвистики показало необходимость синтеза идей, разработанных в языкознании, социологии, психологии философии и культурологии. Повсеместно рассматриваются вопросы о синтезе теории коммуникации и когнитивного взгляда на

речемыслительные процессы, происходящие в ходе иноязычного общения. Подтверждение связанности процессов когниции и коммуникации прослеживается в ряде исследований отечественных лингвистов. Согласно работ Е.С.Кубряковой, В.И.Карасика, факторы, которые определяют эффективность осуществления общения, отражены в синтезе когнитивного и коммуникативного начал, поскольку формирование и хранение информации осуществляется по законам когнитивной лингвистики, а ее передача по законам коммуникации [5]. Таким образом, поведение коммуникантов, их речевые высказывания можно моделировать в виде фреймов или когнитивно-семантических структур, которые лежат в основе осуществления акта общения. По теории фреймов, разработанных американским ученым М.Минским, сами фреймы выполняют функцию иерархически организованной структуры данных, аккумулирующих знания об определенной стереотипной ситуации или классе ситуаций [3].

Для коммуникативно-прагматического языкознания недостаточно знаний о языке, оно стремится к пониманию и исследованию коммуникативных процессов, где учитываются такие факторы, как время и место протекания коммуникативного акта, возраст и социальный статус его участников, намерения и мотивы языковых действий и др. В фокус лингвистических исследований выдвигается диалог как способ языкового общения людей, обязательным признаком которого является смена коммуникативных ролей. Такой подход к анализу речевого общения выводит лингвистику за рамки изучения языковых и речевых проблем к проблемам общения как «коммуникативно-социальной деятельности по обмену разного рода информацией, т.е. как сообщение адресанта адресату некоего (информативного и фактического) содержания для воздействия на его интеллектуальную и/или эмоциональную сферу, регулирования практических и ментальных действий, согласования речевых (и неречевых) поступков, деятельности и отношений – ради достижения желаемого результата» [8].

Говоря о сознании участников коммуникации (адресанта и адресата) следует выделить понятие языкового сознания как формы индивидуального, когнитивного сознания личности, которая связана с речевой деятельностью. Оно участвует в создании языковой картины мира, запечатленной в лексике, фразеологии, грамматике [4]. В процессе общения коммуниканты создают ментальное представление ситуации, поль-

зуясь своими личностными знаниями, аккумулирующими предшествующий опыт, оценки, установки, эмоциональный фон.

Использование проектной деятельности на занятиях иностранным языком создают условия для эффективного обучения студентов иноязычному общению на различные темы, в том числе и на профессиональные, если имеется в виду лингвистическое образование студентов неязыковых факультетов. Согласно точке зрения Л.С. Выготского по поводу влияния возрастных особенностей при изучении иностранных языков, при переходе от возраста к возрасту изменяется соотношение и структура таких психических функций как память, мышление, восприятие, внимание [2]. Именно в студенческом возрасте отмечается наивысшая скорость переключения внимания в решении логических задач, наивысшая активность памяти. Студенты владеют сложными мыслительными операциями, такими как анализ, синтез, сравнение, обобщение, систематизация, абстракция, конкретизация, а также имеют довольно богатый понятийный аппарат [1]. Это позволяет использовать в обучении проектную деятельность с опорой на самостоятельную деятельность студентов в овладении навыками иноязычного общения, автономную работу по извлечению и анализу информации на иностранном языке. Кроме того, можно говорить о сознательном когнитивном аспекте при овладении иностранным языком, без которого немыслима профессиональная самореализация в современных условиях глобализации и становления английского языка как языка межкультурного общения.

Спецификой метода проектов является этапность, связанная с когнитивными процессами овладения иностранным языком для реализации его в профессиональной коммуникации. Этапы работы над проектом можно выделить следующим образом:

- работа с текстами профессиональной направленности и осмысление информативности представленного материала на иностранном языке;
- формирование профессионального тезауруса;
- организация вокабуляра по различным фреймам на основе развития компетенций (лингвистической, социолингвистической, дискурсивной, стратегической, социальной и т.д.);
- создание условий для проработки новых знаний правил коммуникации при формулировании и производстве речевого высказывания.

Обучение иноязычному профессиональному общению в рамках профессионально ориентированной проектной методики проходит в условиях учебного сотрудничества. При этом более успешно можно решать мыслительные задачи, эффективнее усваивается новый материал. В целом, проектная методика может рассматриваться как проявление общегруппового сотрудничества, которое наиболее эффективно подготавливает будущих специалистов к профессиональному взаимодействию для равнопартнерского сотрудничества, где строится коллективная коммуникативность.

Кроме того, проектная методика создает условия для осмысления полученной информации, поскольку она ориентирована на самостоятельную работу студента, ее критическую оценку как со стороны обучающегося, так и коллективное обсуждение вопросов и восприятие других точек зрения коммуникантов. Студент работает в удобном для себя режиме, за ним остается право выбора материала, темы, партнера для коммуникации. В ходе проектной деятельности снимаются психологические барьеры трудности восприятия иноязычного текста, поскольку основная задача студента не дословной перевод, а получение необходимой информации из выбранного материала. С другой стороны, коллективное обсуждение представленных результатов заставляет студентов более детально подходить к процессу работы с информацией, в связи с тем, что представление результатов работы должно быть понятно для слушателей и требует изучение подробностей и специфических характеристик, что ведет к более серьезному отношению к процессу работы и овладения необходимыми знаниями терминологии профессии для адекватного объяснения и аргументированного доказательства правильности выводов.

При организации образовательного процесса на основе профессионально ориентированной проектной деятельности принимается во внимание не логика построения учебного материала, а логика деятельности, имеющей личностный и профессиональный интерес для студента, что существенно повышает его мотивацию к овладению иностранным языком как средством профессиональной самореализации. Использование метода проектов не только повышает уровень владения иностранным языком, но и способствует сбалансированному развитию основных познавательных функций обучающихся, освоению необходимых типов деятельности, направленных на формирование и развитие навыков самостоятельной и коллективной исследовательской ра-

боты. Использование приобретаемых знаний в различных ситуациях общения, анализ поставленных проблем, презентации решения вопросов обеспечивает глубокое и осознанное освоение базовых знаний по иностранному языку со стороны обучающихся.

Основными требованиями к организации образовательного процесса с использованием метод проектов, является:

- наличие значимой в исследовательском и творческом плане проблемы, требующей интегрированного знания;
- практическая и теоретическая значимость исследования;
- самостоятельность деятельности студентов;
- использование исследовательских методов, т.е. определение проблемы, выдвижение гипотезы и способов ее решения, оформление результатов, анализ данных [7].

Говоря о сущностных характеристиках метода проектов, Е.С.Полат подчеркивала, что проектная деятельность направлена на то, чтобы «научить детей или взрослых студентов самостоятельно мыслить, находить и решать проблемы, привлекая для этой цели знания из разных областей, умения прогнозировать результаты и возможные последствия разных вариантов решения, умения устанавливать причинно-следственные связи» [6]. Проектная деятельность способствует развитию познавательного интереса, являются основанием для самостоятельного изучения предмета, активизирует мыслительную деятельность обучающегося. Психологические исследования показывают, что система познавательных интересов человека имеет единую интегральную структуру, ядром которой является поисковая деятельность. Система познавательных процессов вовлекается в интеллектуальное развитие, при этом интеллектуальная активность обеспечивает взаимосвязанное развитие всех познавательных процессов.

Исходя из вышеизложенного, мы можем говорить о развитии познавательных навыков обучающихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, умений ориентироваться в информационном пространстве, формировании критического и творческого мышления. Следовательно, именно использование профессионально ориентированной проектной деятельности способствует реализации когнитивных аспектов в процессе иноязычного образования.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПБ.: Питер, 2000.-288 с.
2. *Выготский Л.С.* Язык и мышление. – М.: Лабиринт, 1999. – 350 с.

3. *Карасик В.И.* Язык социального статуса/В.И.Карасик. – М., Ин-т языкознания РАН, Волгоградский государственный пед. ин-т, 1992. – 330 с.

4. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М., 2001. – 230 с.

5. *Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В.* Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности//Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть 2, МГУ, 2004. – 340 с.

6. *Полат Е.С.* [и др.] Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учеб. пособие для пед. вузов и системы повышения квалификации пед. кадров./под ред. Е.С. Полат. - Москва, 2000. - 220 с.

7. *Полат Е.С.* Метод проектов на уроках иностранного языка/ Иностранные языки в школе - № 2, 3 – 2000. – С. 15-19

8. *Формановская Н.И.* Размышления о един. общения Н.И.Формановская Русский язык за рубежом. 2000. - №1. С.56-53

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. AUDIO-VISUAL METHOD IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Кутузова Юлия Геннадьевна
Kutuzova Yulia Gennadievna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
ykutuzova(a yandex.ru

Аудиовизуальный метод (АВМО) – это «метод обучения языку в сжатые сроки на ограниченном лексико-грамматическом материале, характерном для разговорного стиля речи, при интенсивном использовании средств зрительной и слуховой наглядности» [5, с. 65]. Технические средства, обеспечивающие зрительно-слуховой синтез при обучении иностранным языкам, значительно интенсифицируют учебный процесс.

Данный метод обучения иностранным языкам возник в 50-е годы во Франции, в связи с растущей потребностью овладения иноязычной разговорной речью (французским языком как иностранным) в довольно короткие сроки [5]. В те года французские колонии в Африке уже отстояли свою независимость, но оставили французский язык в качестве государственного, и ЮНЕСКО призывала международные державы поддержать распространение французского языка как иностранного во всем мире. Французская организация по обмену техническими специалистами с заграницей охотно поддержала предложение ЮНЕСКО о разработке эффективного метода преподавания французского как

иностранного, а французским правительством были созданы несколько центров прикладной лингвистики [3]. Самым известным из организованных центров являлся Научно-исследовательский центр по изучению и распространению французского языка за рубежом (КРЕДИФ – Centre de Recherche et d'etude pour la Diffusion de francais) при Педагогическом институте в Сен-Клу, возглавляемого Ж. Гугенеймом, в котором и были разработаны теоретические основы аудиовизуального метода.

В данном методе нашли отражение принципы структурной лингвистики, изучающей язык с точки зрения формального строения и его организации в целом, язык как совокупность структур, а также идея, что в основе человеческого поведения лежит формула «стимул – реакция – подкрепление», основное положение бихевиоризма, направления в психологии, широко распространенного на западе в первой половине XX века. Аудиовизуальный (или зрительно-слуховой) метод более полно и правильно было бы называть аудиовизуальным структурно-глобальным методом. Ведь «новый материал предназначен для восприятия преимущественно на слух, а его значение раскрывается с помощью средств зрительной наглядности. Обучение же языку происходит путем усвоения глобально (целостно) воспринимаемых структур (моделей предложения, речевых образцов)» [5, с. 66].

Опора на органы чувств способствует успешной передаче значения и обеспечивает восприятие смысла на подсознательном и досознательном уровнях. В действительной ситуации общения у собеседников бывают так или иначе задействованы все пять информационных каналов – слух и зрение в первую очередь и в меньшей степени осязание, обоняние и вкус [1 ; 4]. Воздействие на несколько каналов одновременно, обеспечивает более качественное усвоение информации. Данные исследований Симидзу Ясутака, проведенные в 1983 г., показывают, что информация, полученная через зрительный и слуховой каналы вместе, остается в памяти по прошествии трех дней в более полном объеме, чем если бы она была получена только через слуховой или только через зрительный каналы (65%, 10% и 20% соответственно) [4].

Любой метод обучения, при котором учащихся побуждают смотреть и слушать, опирается на зрительно-слуховое восприятие. Специфика АВМО проявляется в научном отборе, градуировании и особой организации материала, подлежащего изучению, а также интенсивным использованием технических средств обучения [2].

Одним из первых аудиовизуальных курсов отразившим основные идеи аудиовизуального метода стал курс П. Губерины и П. Ривана «Голоса и образы Франции», выпущенный в 1964 году [Guberina P. et Rivenc P. Voix et images de France. Cours premier degree. Didier, Paris. 1964]. Опыт французских коллег затем переняли преподаватели иностранных языков других стран. А.Н. Щукин в своем пособии «Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам» [5] называет следующие принципы, на которых базируется концепция аудиовизуального метода: принцип глобальности, принцип опоры на устную речь, принцип устной основы и устного опережения, принцип беспереводности, принцип ситуативности, принцип функциональности и принцип зрительно-слухового синтеза. Рассмотрим каждый из них подробнее:

1. принцип глобальности гласит, что единицей обучения является предложение, а его восприятие и воспроизведение носят целостный (глобальный) характер;

2. согласно принципу опоры на устную речь, в качестве материала для обучения привлекается разговорная речь в диалогической форме, а не литературные тексты;

3. по принципу устной основы и устного опережения обучение организуется в последовательности слушание – говорение – чтение – письмо при значительной продолжительности устного курса (от нескольких недель до 1,5-2 месяцев);

4. принцип беспереводности подразумевает полное исключение родного языка или его использование в ограниченном объеме преимущественно в качестве средства контроля;

5. принцип ситуативности обеспечивает подачу отобранного материала в виде живых, непринужденных диалогов с использованием типичных ситуаций повседневного общения (что повышает интерес к занятиям и мотивацию обучения);

6. как следует из принципа функциональности, отбор и характер подачи лексико-грамматического материала определяются содержанием высказывания и интенциями (намерениями осуществить речевой акт);

7. по принципу зрительно-слухового синтеза использование зрительной и слуховой наглядности выступает в качестве основного средства семантизации, обеспечивает закрепление и активизацию учебного материала.

Следование данным принципам позволяет создать в классной комнате специальные условия, в известной мере близкие к естественным условиям, в которых существуют естественные речевые ситуации. Такая организация учебного процесса, и на этом акцентирует внимание М.В. Ляховицкий в своей статье «Зрительно-слуховой метод и вопросы обучения иноязычной спонтанной речи» [2], подводит к более или менее свободному пользованию иностранным языком как средством общения и характеризуется наличием большого числа элементов спонтанной речи в высказываниях учащихся. Спонтанность речи и речевые полуавтоматизмы вырабатываются за счет преодоления основных трудностей, с которыми сталкиваются все, изучающие иностранные языки: о чем и как говорить? Первая проблема при использовании АВМО снимается полностью за счет опоры на рисунки и фотографии, выводимые на экран и дающие таким образом определенную сюжетную линию. Вторая проблема снимается не сразу, а только после многократного повторения звучащих языковых структур и их активного употребления в специально подготовленных упражнениях.

Однако зрительно-слуховой метод имеет и некоторые недостатки, главными среди которых являются отсутствие у учащихся точного представления об изучаемых языковых фактах и вытекающие из этого затруднения в оперировании ими, непрочность механических ассоциаций и разрушение стереотипов при недостаточной практике и перерывах в работе, недооценка чтения и письма и, при значительной продолжительности устного курса, выработка у учащихся привычки использовать русскую транскрипцию иностранных слов, которая не точно передает фонетические особенности изучаемого языка и в дальнейшем является помехой для совершенствования навыков овладения иноязычной речью.

Несмотря на упомянутые выше недостатки, АВМО является одним из самых распространенных методов обучения иностранным языкам. По данным ЮНЕСКО, за рубежом по этому методу занимается около 50% изучающих иностранный язык [5]. В основном АВМО применяется на краткосрочных курсах по обучению иностранным языкам взрослых, а также на начальных этапах обучения иностранному языку.

Литература

1. *Жирий Т.В.* Обучение произношению в истории отечественной и зарубежной методики преподавания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 73-2. – С. 54-59.

2. *Ляховицкий М.В.* Зрительно-слуховой метод и вопросы обучения иноязычной спонтанной речи // Иностранные языки в школе. – 2011. – № 8. С. 33-39.

3. *Надчина Л.И.* Лингвистические основы аудиовизуального структурно-глобального метода [Электронный ресурс] / Наука и образование / Каталог статей. – Электрон. дан. – Global-katalog, 2007-2010. URL: http://global-katalog.ru/item10128.html (дата обращения 23.09 2012).

4. *Синсэ Накая.* Применение аудиовизуальных методов в обучение аудированию // Известия Восточного института. 1997ю № S. С. 85-88.

5. *Щукин А.Н.* Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам: Учебное пособие. 2-е изд. — М.: Филоматис, 2010. — 188 с.

ПРЯМОЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: АКТУАЛЬНОСТЬ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ. THE DIRECT METHOD OF STUDYING FOREIGN LANGUAGES: THE URGENCY OF ITS USAGE

Куликова Елизавета Александровна
Kulikova Elizaveta Alexandrovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
belka1991rocky@mail.ru

Прежде всего, обратимся к определению «прямой метод обучения» и охарактеризуем его. Данный метод основан на использовании грамматических текстов и длинных списков слов, причем особое внимание уделяется произношению. Прямой метод получил широкое распространение в 60-е годы XIX века. Его развитие представлено несколькими стадиями:

1) Прямой метод периода реформы (1882-1914 гг.), прерогативой приверженцев которого является постановка правильного произношения и обучение устной речи. Родной язык используется лишь в крайних случаях;

2) Прямой метод межвоенного периода (1918-1939 гг.), основанный на принципах бихевиоризма и использующий данные этнолингвистики;

3) Современный период развития прямого метода, синтезирующий достижения предыдущих двух этапов развития данного метода.

«За основу прямого метода взят процесс освоения детьми родного языка, поэтому при обучении взрослых с использованием прямого метода предусматривается абсолютное исключение родного языка учащихся» [1. С. 119]. В процессе обучения создаются условия естественной адаптации к языку, то есть используется только целевой язык без перевода на родной язык. Так как ребенок, обучаясь языку, не имеет возможности опираться на какой-либо другой язык. Вышеуказанный

метод основан на устном общении, обучаемые должны научиться в первую очередь говорить и мыслить на иностранном языке. Обучение чтению производится тогда, когда обучаемый уже ориентируется в речи. В дальнейшем это ведет к хорошим результатам в письме и орфографии.

Прямой метод обозначают как «пошаговый». Первым этапом обучения служит изучение элементарной лексики языка посредством выполнения простых заданий, таких как перечисление предметов вокруг себя. Затем учатся глаголы с последующим использованием более сложных лексических и грамматических конструкций в речи. [2.]

Создателем терминологии прямого метода считается П. Пасси наряду с В. Фиестером, Г. Суитом, О. Есперсеном [3.]. К сторонникам данного метода относят американского лингвиста М. Берлица. Он открыл свою первую школу для взрослых в Америке в 1878 г. М. Д. Берлиц строил обучение преимущественно в диалоге (разговоре). Иностранный язык должен усваиваться так же, как ребенок овладевает родным языком, путем имитации, повторения и непосредственной ассоциации слова с предметом [5]. Американского лингвиста характеризуют как неопрямиста, основные положения методики которого состоят в следующем: необходима прямая ассоциация и мысли с иностранной речью и звуками; на занятиях постоянно используется только иностранный язык. Для получения более детального представления об описываемом методе обучения обратимся к основным особенностям метода М. Берлица: [1.]

1) занятия проводятся исключительно на изучаемом языке;

2) изучается только та лексика, которая наиболее частотна в повседневной жизни;

3) говорению и слушанию обучают с помощью последовательных речевых моделей и обмена вопросами и ответами между преподавателем и учащимися;

4) грамматика не объясняется отдельно, а подается исключительно индуктивно;

5) новые слова объясняются с помощью демонстрации наглядных пособий, мимики и жестов, но никогда – с помощью перевода;

М. Берлиц полностью исключил родной язык из учебного процесса, предполагая, что невольные сравнения лексических значений слов и их грамматических форм, а также перевод с одного язык на другой служат источником дополнительных трудностей для учащихся. [1.]

Необходимо упомянуть, что прямой метод обучения не является свободным от недостатков. Наряду с положительными сторонами вышеупомянутого метода существуют и значительные упущения. Например, зачастую элементарное заучивание общеупотребляемой лексики изучаемого языка становится недостаточным для овладения и в дальнейшем правильного использования данного иностранного языка. На этом этапе хочется привести в пример случай, произошедший с лингвистом Франсуа Гуэном. [2.]

Гуэн был учителем латинского языка, он переехал в Гамбург, с целью выучить немецкий, и в процессе изучения он пользовался грамматико-переводным и прямым методами. Фактически даже не вступая в сам разговор, он выучил около 250 неправильных глаголов и более 30000 немецких слов. Нужно отметить, что значительных результатов данные старание не принесли, ведь Гуэн даже не смог поддержать разговор с носителями языка. Таким образом, мы видим, что прямой метод обучения как минимум не лишен изъянов.

Говоря о практической значимости прямого метода обучения, следует обозначить, что в настоящее время данный метод в «первозданном» виде уже нигде не используются в силу отсутствия высокой продуктивности и результативности. Однако его основные положения могут быть с определенными оговорками использованы в отечественных вузах и на курсах иностранных языков. А именно, данный метод может быть использован на начальном этапе изучения иностранного языка, в так называемых начинающих группах, где первичной целью служит усвоение определенного количества элементарных лексических единиц и их грамматических форм.

Сегодня существуют методы, позволяющие добиться усвоения материала значительно более эффективно, с меньшими затратами времени, чем старое доброе языковое погружение в группе, подобранной по уровню знания языка, а не по особенностям восприятия учащихся.

Литература

1. *Найденова Н.С.* Прямой метод обучения иностранным языкам // Вестник РУДН, серия «Вопросы образования: языки и специальность», 2008. Вып. III. С. 119-122.

2. *Прямой* метод обучения иностранным языкам — Lingwin Blog. [Электронный ресурс]. URL: http://lingwin.ru/61619697 (дата обращения: 23.09.2012)

3. *Есперсен О.* Философия грамматики. – М.: КомКнига, 2006. – 408.

4. *Бертиц М.* Учебник немецкого языка. Lehrbuch der deutschen Sprache. СПб., 1892.

5. *Методика* преподавания иностранных языков: общий курс [учеб. пособие] отв. ред. А.Н. Шамов. — М.: АСТ: АСТ-Москва: Восток — Запад, 2008.

КРИТЕРИИ ПОСТРОЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ
CRITERIA OF COMPILING LEXICAL EXERCISES FOR TEACHING READING SKILLS

Макарова Наталья Павловна
Makarova Natalya Pavlovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
hynamory@mail.ru

Развитие современной науки происходит в эпоху глобализации, когда возникают тенденции интеграции культур, интеллектуальных потенциалов, технологий. В связи с этими процессами появляется потребность в специалистах со знанием иностранных языков. Обучение иностранным языкам, как и любым другим предметам, осуществляется в несколько этапов: от наиболее простого к наиболее сложному. Почти все звенья обучающего процесса по иностранному языку подвержены работе с текстом, в частности, чтению. Чтение - немаловажный вид работы при обучении иностранным языкам, так как при выполнении данного вида деятельности происходит запоминание нового языкового материала. Материал для чтения обеспечивает многократное повторение одних и тех же лексических единиц, что дает наиболее широкое представление об их использовании и функциях.

Для начала постараемся дать определение такому виду работы, как чтение. «Чтение – акт коммуникации между автором письменного текста и его читателями. Понимание текста предполагает идентичность выводов, сделанных читателем – получателем информации, с замыслом автора – отправителем информации…» [2; 8]. Для того, чтобы понять текст, выбрать из него необходимую информацию, а также усвоить новый языковой материал, представленный в нём, необходима серия эффективных лексических упражнений. Над составлением таких упражнений работали многие исследователи: Аликина О. В., Бочарова Т. В., Лежава Л. В., Черевко Ю. А., Миронова В. Е.

Для того чтобы иметь наиболее точное представление о том, что такое упражнение, мы определим его значение. «Упражнение - занятие для приобретения, усовершенствования каких-нибудь навыков; задание, выполняемое тем, кто упражняется в чём-нибудь» [5; 612]. Следуя данному определению, мы можем сказать, что лексические упражнения направлены на усовершенствование лексических навыков. Подобные

лексические задания составляли вышеперечисленные исследователи, опираясь на собственные критерии их построения.

Аликина О. В. в своей статье выделяет 3 типа лексических упражнений:

1. Предтекстовые упражнения, целью которых является формирование интереса к прочтению текста, актуализация фоновых знаний учащихся и ранее полученных лексических навыков.

2. Текстовые упражнения служат для выработки установки у учащихся на самостоятельную работу, например: отбор незнакомых лексических единиц и поиск их значений; а также совершенствование технических навыков чтения и произношения.

3. Послетекстовые упражнения, необходимые для развития аналитических и коммуникативных способностей учащихся, для переработки информации текста с целью создания высказываний по образцу, для расширения лексики и продуктивного овладения ею [1; 30].

Выполнение данных заданий на каждом этапе работы с текстом обеспечивает последовательное формирование рецептивного и продуктивного лексического навыка. Это повышает качество устных и письменных высказываний в форме диалога или монолога, а также развивает умение чтения при изучении иностранного языка.

Подобные типы лексических упражнений выделяют такие исследователи, как Черевко Ю. А. и Миронова В. Е. Критерии, по которым они разбивали упражнения на группы, имеют отличия от вышепредставленных критериев исследователя Аликиной О. В. Черевко Ю. А. и Миронова В. Е. считают, что предтекстовые упражнения направлены на устранение смысловых, языковых трудностей понимания текста и одновременно на формирование навыков умений чтения, выработку стратегии понимания текста. В текстовых заданиях обучаемым предлагаются коммуникативные установки, в которых содержатся указания на вид чтения, скорость и необходимость решение определённых познавательно-коммуникативных задач в процессе чтения. Послетекстовые задания предназначены для контроля над степенью сформированности умений чтения и возможного использования полученной информации в будущей профессиональной деятельности [4; 163].

Систематическое выполнение таких упражнений, совмещающих в себе все значимые компоненты, которые обеспечивают восприятие и переработку текстовой информации, помогает расширить средствами

иностранного языка эрудицию учащегося. Кроме того, данная практика поможет обучаемым в их научной деятельности, в процессе поиска и переработки необходимой информации.

В свою очередь исследователь Лежава Л. В. предлагает следующую систему лексических упражнений для обучения чтению:

1. Подсистема упражнений для формирования / актуализации навыков техники чтения. Упражнения этой группы решают проблемы актуализации социокультурной информации (географические названия), навыков восприятия, узнавания графем, рецептивных навыков, формирования орфографических навыков письма, получение социокультурной информации, актуализации навыков установления графемно-фонемных соответствий и орфографических навыков.

2. Подсистема упражнений для формирования / актуализации языковых навыков чтения. Целью этой группы упражнений является формирование навыков распознавания графических образов лексических единиц и их непосредственного понимания, формирование навыков догадки о значении иностранных сложных слов по их компонентам, словообразовательным элементам. Кроме того, подобные упражнения необходимы для ознакомления обучаемого со сложными лексическими единицами, которые отличаются от своих когнантов в других изучаемых языках по объему значения

3. Подсистема упражнений для развития умений чтения, содержащая условно-коммуникативные аналитические упражнения для межъязыкового сопоставления. Например: сопоставления способов написания адреса на родном языке учащегося и на изучаемом иностранном языке, упражнения на игнорирование отдельных незнакомых слов в тексте [3; 34].

Таким образом, специфика системы упражнений для обучения чтению, как и другим видам языковой деятельности, направлена на актуализацию и активное привлечение предыдущего опыта учащихся в родном языке, а также на предотвращение и преодоление негативного влияния такого опыта путем последующего развития специфических умений.

Исходя из всего вышеизложенного, мы видим, что существует множество способов и критериев составления лексических упражнений при обучении чтению. Все эти упражнения направлены на развитие определенных лексических навыков. Безусловно, исследователи по-

старались составить систему упражнений, удобную в первую очередь для них самих; и каждый обучающий какому-либо иностранному языку может придерживаться одной из трех представленных систем, вырабатывая у учащихся те или иные лексический навыки. Но во многих образовательных учреждениях существует некоторая разница в программах обучения и количестве часов, отводимых для реализации этой программы. В процессе обучения чтению преподавателю следует учитывать данную разницу и, выбрав из представленных комплексов упражнений несколько наиболее подходящих заданий, самостоятельно смоделировать систему лексических упражнений для более продуктивного обучения.

Литература

1. Аликина О. В. Формирование лексических навыков при обучении французскому языку как второму иностранному в процессе чтения // Иностранные языки в школе. М.: ООО Методическая мозаика, 2008. №4. С. 28-36.

2. Зильберман Л. Н. Лингвистика текста и обучение чтению английской научной литературы. М.: Наука, 1988. 156 с.

3. Лежава Л. В. Комплекс упражнений при обучении чтению на немецком языке как втором иностранном // Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. Харьков, 2007. №37. С. 33-38.

4. Миронова В. Е., Черевко Ю. А. Система послетекстовых упражнений, используемых при обучении чтению про специальности (на примере текста из нефтегазовой сферы) Филологические науки. Вопросы теории и практики. Томск: Грамота. 2011. №3. С. 162-165.

5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2008. 736 с.

ФУНКЦИИ РОЛЕВОГО ОБЩЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
FUNCTIONS OF ROLE COMMUNICATION IN LEARNING A FOREIGN LANGUAGE

Маркова Анастасия Дмитриевна
Markova Anastasia Dmitrievna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
cofein@sibmail.com

Современное управление любым образовательным учреждением в качестве одной из своих задач рассматривает повышение эффективности учебного процесса. К основным ее составляющим относятся: повышение целенаправленности обучения, усиление его мотивации, информационной емкости содержания образования, применение современных методов обучения, активизация темпов учебных действий,

развитие рефлексивных навыков труда, использование компьютеров и других новейших информационных технических средств обучения.

Процессы обновления в сфере обучения иностранным языкам в образовательных учреждениях России создают условия, в которых педагогам предоставлено право и возможность самостоятельного выбора методов и приемов обучения. В связи с этим целью данного исследования являлось доказать, что ролевое общение на уроках иностранного языка является одним из наиболее эффективных методов обучения, позволяющий учащемуся не только глубоко и с интересом овладевать иностранным языком и формировать коммуникативную компетенцию, но и развивать свою социально-личностную индивидуальность.

Как подчеркивает И.А. Зимняя, «используемые в практике обучения иностранному языку приемы организации речевого общения, игровых ситуаций непосредственно направлены на приведение в действие механизмов мотивации и тем самым на повышение эффективности обучения иноязычному говорению». [3] Одним из приемов обучения является ролевое общение.

Ролевое общение используется для решения комплексных задач усвоения нового материала, закрепления и развития творческих способностей, а также для формирования общеучебных умений. Оно дает возможность учащимся понять и изучить учебный материал с различных позиций. Социальная значимость ролевого общения в том, что в процессе решения определенных задач активизируются не только знания, но и развиваются коллективные формы общения, в том числе и коммуникативная компетенция.

По мнению Диомидовой Г. С., эффективность ролевого общения зависит от того, в какой мере корректно будут отобраны и распределены среди участников общения учебно-ситуативные роли. [2] Важную роль играет учет социально-психологических характеристик учащихся, под которым понимается статус учащегося в группе. Поэтому учитель должен сознательно управлять этим статусом, выдвигая то одного, то другого ученика на ведущие (лидерские) позиции в ходе организации игры. Целесообразно время от времени давать ученикам, занимающим в жизненной практике положение ведомых, роли главных героев, а лидерам коллектива поручать роли персонажей, находящимся в зависимом положении (младший брат, сестра и т.п.). Особенно тщательно отбираются роли для учащихся, не пользующихся авторитетом в клас-

се (т.е. социально «изолированные» личности). Такие ученики должны получать роли положительных персонажей, имеющих влияние и популярность по ходу игры.

С точки зрения учащихся, ролевое общение – это игровая деятельность, в процессе которой они выступают в определенных ролях. Игровая деятельность выполняет определенные функции. Рассмотрим эти функции поподробнее. Целью ролевого общения является осуществляемая деятельность, так как именно игра, мотив, лежат в содержании деятельности, а не вне ее. Являясь моделью межличностного общения, ролевое общение вызывает потребность во взаимодействии с другими на иностранном языке. Именно в этой позиции оно выполняет *мотивационно-побудительную функцию*.

Ролевое общение обеспечивает *обучающую функцию*, поскольку она в значительной степени определяет выбор языковых средств, способствует развитию речевых навыков и умений, позволяет моделировать общение учащихся в различных ситуациях.

Воспитательная функция ролевого общения заключается в том, что именно при ролевом общении воспитывается дисциплина, взаимопомощь, активность, готовность включаться в разные виды деятельности, самостоятельность, умение отстоять свою точку зрения, проявить инициативу, найти оптимальное решение в определенных условиях.

Ролевое общение формирует у школьников способность играть роль другого человека, увидеть себя с позиции партнера по общению. Оно ориентирует учащихся на планирование собственного речевого поведения и поведения собеседника, развивает умение контролировать свои поступки, давать объективную оценку поступкам других. Таким образом, ролевое общение выполняет *ориентирующую функцию*.

Компенсаторная функция ролевого общения, проявляется в том, что именно при общении разрешаются противоречия между потребностью действия у ребенка и невозможностью осуществить требуемые действием операции. Дети стремятся к общению, и ролевое общение дает им возможность реализовать свое стремление.

С точки зрения Ариян М.А., ролевые функции – это только некоторый потенциал, заложенный в роли, актуализация которого возможна лишь в определенных условиях. [1] Ариян М.А. выделяет широкий диапазон функций, выполняемых ролью в учебном процессе:

мотивационно-стимулирующая, программирующая, защитная, воспитательная, развивающая.

Соотнесение названных функций с теми условиями, которые обеспечивают их актуализацию, позволило выявить критерии отбора учебно-ситуативных ролей:

- соответствие речевого продукта, ожидаемого от учащегося в ходе проигрывания роли, школьному языковому минимуму и учебным задачам – при отборе ролей учитывается: для какого года обучения они предназначены, для какого параграфа, а внутри параграфа – для прохождения какого языкового материала, разговорной темы, речевых ситуаций;
- соответствие роли опыту учащихся – оценивая роль, учащиеся ориентируются не только на необходимые для наполнения роли языковые единицы, но и на то, понятна ли им логика речевого (неречевого) поведения героя, то есть представляют ли они, как может вести себя носитель данной роли, какие цели он будет ставить. Поэтому содержание роли должно соответствовать жизненному опыту учащихся;
- закрепленность за ролью определенных текстовых характеристик – описывая ролевые функции, можно отметить что чаще всего проигрывание роли «обязывает» к определенному речевому поведению. Проанализировав ситуативные роли, можно сделать вывод, что целесообразно различать роли персонажей: связанных, например, с информированием других в устной форме (преподаватель, гид, родители, лектор) с персонажами, связанных с оценкой происходящих событий (болельщик, зритель, учитель, критик);
- наличие у роли нравственного потенциала – опыт проигрывания ролей людей добрых, справедливых, смелых обогащает жизненную практику учащихся, способствует формированию личности подростков. Воспитательная функция роли может быть актуализирована лишь при условии, что тексты роли носят воспитательный характер. Воспитывающее воздействие оказывает не сам факт принятия роли, а то поведение, к которому эта роль обязывает;
- наличие социокультурного наполнения у ролевых текстов – основную цель преподавания иностранному языку современные исследователи и учителя-практики видят в необходимости формирования коммуникативной компетенции как готовности и способности к межкультурному общению. В качестве потенциального речевого партнера видится носитель изучаемого языка;

- привлекательность роли для учащегося – предложив обучающемуся роль того человека (реально существующего или воображаемого), которому он стремится подражать, мы даем школьнику возможность вместе с героем решать проблемы справедливости, верности, благородства, товарищества, что имеет большое воспитательное, личностно созидательное значение;
- потенциал роли, связанный с развитием социально-психологических особенностей личности.

С позиции учителя ролевое общение выступает как форма организации учебного процесса, цель которого заключается в формировании и развитии речевых навыков и умений у учащихся. В ролевой игре учитель может занимать позицию: «руководителя», «участника», «наблюдателя» или «отсутствующего». Таким образом, на уроке учителю приходится проигрывать многочисленные ситуационные роли, которые не задаются однозначно социальными отношениями, а устанавливаются в ситуациях педагогического общения и в большей степени зависят от типа и формы организации урока.

Таким образом, ролевое общение является важным механизмом социального развития подростков при условии правильно отобранных и педагогически точно распределенных ролей. Как и любой метод, ролевое общение имеет как преимущества, так и недостатки. Но теория и практика показывают, что в ролевом общении больше положительного, чем отрицательного, так как оно является эффективным средством формирования коммуникативных навыков.

Обобщая сказанное выше, мы можем сделать вывод о том, что существует несколько подходов к выявлению функций ролевого общения. Название функций немного отличаются, но включают они в себя похожую информацию с разных точек зрения.

Литература

1. *Арият М.А.* Ролевое общение на иностранном языке как фактор социального развития личности подростка//Иностранные языки в школе. – М., 2011. – №7

2. *Диомидова Г.С.* Ролевая игра на уроках иностранного языка. URL: http://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/library/rolevaya-igra-na-urokakh-inostrannogo-yazyka

3. *Зимняя И.А.* Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.

4. *Ливингстон К.* Ролевые игры в обучении иностранным языкам. – М.: Высшая школа, 1988. – 169 с.

5. *Рыжкова Е.Д.* Эффективность применения ролевых игр на уроках английского языка в дошкольной группе. URL: http://festival.1september.ru/articles/599389/

«STORYLINE» КАК ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ТОМСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА
"STORYLINE" AS AN APPROACH TO TEACHING LANGUAGES AT THE FACULTY OF PHYSICS AND ENGINEERING, TOMSK STATE UNIVERSITY

Митчелл Людмила Александровна
Mitchell, Liudmila Alexandrovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
lucy2306@mail.ru

Globalization leads to considerable changes in people's lives, the role of science, innovative technologies and culture. Today innovation is a key aspect in many spheres of life. Language itself in this context has also become a key aspect because it helps to establish all necessary connections between people in our modern world: people have the opportunity to build businesses, share cultural experience, etc. Knowing languages gives us big opportunities for the future. In our country languages are studied at schools, universities, lyceums, and private schools – that is why it is necessary for us, teachers, to find and use some new methods of teaching, which motivate students to work hard and improve their language, which leads to them doing individual work and enables the students to understand the culture of the language they learn.

"Storyline" is such a method in teaching languages. This method was developed by Prof. Steve Bell and Sallie Harkness in 1967 in Scotland. There are lots of successors from different countries who also made a contribution into the developing of the method. Jeff Creswell and Rebecca Plaskitt continued developing this method in the United States, where they still actively use this method. Doris Kocher made a big contribution developing "Storyline" in Germany, Cecilie Falkenberg in Denmark and many others. A great number of teachers around the world (England, the USA, Germany, Norway, Denmark, Japan, Brazil, Turkey, Thailand, etc.) teach using "Storyline".

According to the educational standards students at the Faculty of Physics and Engineering have to know how to use not only basic English for everyday usage but also their professional language to some extent. Yet we can learn professional language not just by translating or retelling texts about the

theory of relativity or the atomic bomb. We can do it in a more creative and motivating way with the help of "Storyline". The method enables students to work in teamgroups and individually in a new, more productive way. The Storyline topic always has a new challenge for the students. One of our topics was "Space Adventure" In every storyline we have "key questions" [1]. In our case they were the following:

Why do people move, migrate and explore?

What do you think it would be like to spend a day in space?

What recommendations about space exploring do we want to share with NASA?

What do people need to survive in space?

Having discussed all the questions, the teacher gives the students the following home task: to find an interesting topic for them, to read about it on the Internet or in the library and prepare a plan of their project. A positive thing here is that students choose those topics which are interesting for them and the teacher performs a role of consultant, who always can help and direct his students. The main thing here is to work according to the educational standards of the university. The teacher is also responsible for the student learning all the material he has to know according to the educational standards. The students can choose how and with whom they want to do the task. One more important task for the teacher is to impose a deadline. While preparing the reports students find lots of additional information, they spend sufficient time doing independent work outside of the classroom, because they experience their personal interest doing the task. The project can be concluded with a presentation, a short clip or film, a book or an academic journal. The headings of students' reports might be the following:

How to take a shower in a space bubble?

Lives of outstanding physicists?

How do astronauts dispose of the waste?

"Storyline" demands quite a lot of time, and sometimes it is not easy for students and teachers to perform such creative tasks with just one class a week. But the method itself is very productive because:

"Storyline" motivates the students to work hard because they explore a topic which is interesting for them and they experience personal interest

"Storyline" develops creativity (while working students create different slogans, propose some new ideas how to make their project better)

"Storyline" helps to enrich the students' vocabulary

Students find lots of new information for themselves

Students use modern technologies in their work

Students learn and implement all kinds of learning strategies and presentation skills that are relevant for their future life as well. Students can evaluate themselves objectively, they are able to see how good their presentation is and how they use the language and what they need to improve. According to the work of a student or a group of students the teacher can easily understand how the student worked and what they have learnt.

Doris Kocher writes that "Storyline" "provides a frame work for authentic communication" and also that "as the students mostly work in groups or pairs, they can train various social skills, such as tolerance, cooperation, support, mutual respect, or democratic behaviour."[2]

In conclusion, we can say that "Storyline" is not a form of entertaining but it is a way of learning languages. Storyline is not only learner-centred but also learning-centred. When we take students as real people with their individual needs, wishes, opinions, talents, skills experiences and interests, we help them learn and experience many new issues in order to achieve intercultural communicative competence and be competitive in the global community.

Literature

1. *Creswell J.* Creating worlds, constructing meaning // HEINEMANN, Portsmouth, NH. 1997. Vol. 124. P. 39-51.

2. *Kocher D.* 'Why Storyline is a powerful tool in the foreign language classroom' in Bell S., Harkness S., White G. (eds.) Storyline: past, present and future // Enterprising Careers. 2007. Vol.256. P.122-124.

АУДИОЛИНГВАЛЬНЫЙ МЕТОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ. AUDIOLINGUAL METHOD IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Михальцова Ирина Викторовна
Mikhaltsova Irina Victorovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
mikhaltsova@sibmail.com

В современном обществе изучение иностранных языков становится всё более и более популярным в связи с так называемым процессом

глобализации и все более интенсивным интересом к культурам и народам других стран. Таким образом, одним из важнейших и приоритетных вопросов становится вопрос об эффективной методике преподавания иностранных языков.

В настоящее время существует огромное количество методов изучения иностранных языков, включая традиционные и инновационные. Очевидно, что каждый из методов имеет свои положительные и отрицательные стороны.

В данной статье мы подробно рассмотрим один из методов обучения иностранным языкам, а именно аудиолингвальный метод.

Создателями аудиолингвального метода считаются лингвист-структуралист Роберт Ладо и Чарльз Фриз, также значительное влияние на создание этого метода оказали труды крупного американского лингвиста XX столетия Леонарда Блумфилда. Метод получил теоретическое обоснование и первоначальную практическую реализацию в США. Его возникновение было вызвано особенностями политической и экономической обстановки в этой стране во время Второй мировой войны, и таким образом, было непосредственно связано с наличием крайней потребности в специалистах различных профессий, владеющих иностранными языками.

Аудиолингвальный метод представляет собой обновленную модификацию прямого метода, имеет с ним ряд сходных черт, таких как: приоритет устной речи, полный отказ от использования родного языка учащихся, в роли преподавателей выступают исключительно носители иностранного языка.

В основе метода лежит бихевиористский подход к овладению языком. Это значит, что развитие речевых умений, что является основной целью данного метода, сводится к выработке нужных автоматических реакций на соответствующие стимулы.

Основной целью обучения Ч. Фриз и Р. Ладо считали, что всестороннее овладение языком неразрывно связано с изучением культуры народа, изучением специфической системы понятий, характерной для каждого народа [2]. Стоит отметить, что в основу в основу овладения культурой была положена гипотеза Сепира-Уорфа [3] о несопоставимости систем понятий разных народов.

Ниже приведем основные принципы аудиолингвального метода, выдвинутые Ч. Фризом и Р. Ладо:

1. Основой обучения языку является обучение устной речи, так как язык по своей природе звуковой. А следовательно, обучение разговорным навыкам предшествует обучению письменной речи.

2. Овладение языком происходит не на основе теории языка, а строится на подражании, аналогии, многократном повторении. Л. Блумфилд четко выразил данную мысль: «Между знаниями о языке, и владением им нет никакой связи ...Владение языком – это не вопрос знания... Владение языком – это вопрос практики». [4]

3. Поскольку речь идет об изучении языка в ускоренном темпе, словарный запас и набор грамматических структур ограничивается самым необходимым, тщательно отбирается, причем необходимая лексика и грамматика изучаются только в контексте, прежде всего в диалогах и других речевых примерах.

4. Родной язык и перевод исключаются из процесса обучения из-за несовпадения, как слов, так и понятий в разных языках. Реализуется так называемый принцип «культурного острова» - для имитации звуковой среды на уроке.

Что касается других особенностей данного методического направления, то здесь нужно отметить, что Ч. Фриз и Р. Ладо утверждали, что основу языка составляют его звуковая система и структуры. В соответствии с этим положением в курс обучения языку должно войти все, что относится к звуковой системе языка (звуки, интонация, ритм, ударение, распределение пауз). Авторы отмечают, что обучение фонетике основывается на данных дескриптивной лингвистики и тщательном описании и сравнении звуковых систем иностранного и родного языков.

В период реализации аудиолингвальнього метода, отношения преподавателя и учащихся осуществляются по авторитарной схеме. Преподаватель играет доминирующую роль, он задает образцы и как дирижер направляет всю деятельность учащегося, используя соответствующие вербальные и невербальные стимулы. При применении аудиолингвального метода учащиеся лишены инициативы. Это является одним из недостатков данного метода, так как главная задача обучающихся сводится к тому, чтобы они давали правильные ответы, четко и

быстро повторяли за преподавателем языковые образцы, адекватно реагировали на команды. Поскольку при аудиолингвальном методе главная цель состоит в формировании речевых автоматизмов в короткий срок, для избежания выработки неправильных реакций на стимулы, ошибки учащихся сразу же исправляются преподавателем.

В аудиолингвальном методе словарный запас на начальном этапе рассматривается как иллюстративный материал к овладению звуковой стороной языка и структурами и состоит из 4 групп:

1. Слова, выполняющие грамматические функции
2. Слова-заменители (личные, неопределенные местоимения)
3. Слова с положительной или отрицательной дистрибуцией (some, any)
4. Знаменательные слова

В конце курса предполагается, что учащийся должен владеть 1000-1200 слов для говорения, 3000-4000 слов для понимания на слух и 7000 для чтения.

В заключение необходимо отметить как положительные, так и отрицательные стороны аудиолингвального метода. В некоторых отношениях данный метод является крайне полезным, поскольку позволяет быстро овладеть значительным объемом звукового материала, необходимого для общения. С другой же стороны, огромным минусом данного метода являются абсолютная пассивность учащихся, отсутствие возможности применения своих творческих способностей для изучения иностранного языка, а также тот факт, что в живом общении зачастую невозможно вспомнить заученную фразу и своевременно ее употребить, кроме того, существует недооценка роли письменной речи. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что многочисленные недостатки аудиолингвального метода делают его маловостребованным в сфере изучения иностранных языков, однако отдельные элементы (отведение большой роли диалогам, отказ от родного языка на уроке и т.д.), присущие данному методу, применяются на практике и в настоящее время.

Литература

1. *Традиции* и инновации в методике преподавания иностранного языка : учеб. пособие для студентов филологических факультетов университетов / Е.Г. Кашина. – Самара : Изд-во «Универс-групп», 2006. – С.18

2. *Щукин А.Н.* Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам [Электронный ресурс] // Учебное пособие. – URL : http://english-by-phone.ru/Аудиолингвальный_метод/ (дата обращения 19.09.2012)

3. *Методы* изучения иностранного языка [Электронный ресурс] // URL : http://inyazservice.narod.ru/metody_izucheniya_in_yazyka.html (дата обращения 19.09.2012)

4. *Аудио-лингвальный* метод [Электронный источник] // URL : http://Domyenglish.ru/p70aa1.html (дата обращения 19.01.2012)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОБЛЕМНОГО МЕТОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ. THE USAGE OF PROBLEM METHOD IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE

Постернак Инна Станиславовна
Posternak Inna Stanislavovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
radistochka2_91@mail.ru

Современный темп жизни, стремительное развитие множества различных наук и их взаимодействие предъявляют новые требования к уровню подготовки специалистов всех сфер, в том числе и в обучении иностранным языкам. Если раньше при обучении иностранным языкам говорили о возможности передачи знаний, то сегодня очевидно, что знания не передаются, а формируются в процессе личностно-значимой деятельности [1, 5]. Сами знания, вне определенных навыков и умений их использовать, не решают проблему образования человека и его подготовки к реальной деятельности вне стен учебного заведения. Для успешного овладения иностранным языком должна быть создана благоприятная обучающая и воспитывающая среда, что предполагает значительную гибкость в определении целей, учет личностных интересов и индивидуальных особенностей изучающего языки и создание предпосылок для большей самостоятельности и активности обучения. При обучении языку используется апелляция к личному опыту, чувствам и эмоциям, что побуждает к выражению собственного мнения и оценки, заставляет самостоятельно мыслить и делать выводы. [6]

Современная методическая наука знает немало концепций обучения иностранным языкам и совершенно невозможно выбрать какой-то один самый лучший. Каждый из методов обучения имеет свои преимущества и недостатки. Судить об эффективности метода, как отмечает Н.В. Калашников, вообще нельзя, т.к. каждый метод предназначен для определенных целей и условий обучения. [5]

Опираясь на цель актуализации процесса обучения иностранному языку, остановимся на рассмотрении проблематизации учебного процесса с использованием информационных источников. Речь идет об использовании целого ряда проблемных по своему характеру методов.

Сюда относятся исследовательские, поисковые, дискуссионные методы, метод проектов, который включает в себя все перечисленные выше методы. Формирование специалиста нового уровня, обладающего творческими способностями, критическим мышлением, профессиональной компетентностью, способным вырабатывать и принимать решения в неустойчивой быстроменяющейся ситуации, предполагает применение методов активизации и проблематизации языкового образования. Эти методы позволяют будущим специалистам сформировать некие модели научного исследования, модели принятия решений, которые они смогут применить в будущей деятельности и не только в ней. [2]

Под проблемным обучением понимается такая организация учебных занятий, которая предполагает создание проблемных ситуаций под руководством преподавателя и активную самостоятельную деятельность обучаемых по их разрешению, в результате чего и происходит творческое овладение знаниями, умениями и навыками и развитие мыслительных способностей. Сущность проблемного обучения заключается в том, что обучаемым предлагаются задачи проблемного характера, способы выполнения которых им известны. Нельзя выдвигать задачи и задания, которые непосильны студентам, так как они требуют специальных знаний и подготовки. Студент, опираясь на знания и умения, которыми он владел раньше, сам должен найти способ решения задач. [6]

Обратясь к истории, отметим, что проблемный метод обучения не является новым в методике обучения иностранным языкам и основывается на теоретических положениях американского философа, педагога и психолога Дж. Дьюри. В 80-е годы XX века в педагогической литературе появился целый ряд работ и статей, посвященных проблемному методу обучения. Так, например, профессор Т.А.Ильина на страницах журнала «Вестник высшей школы» подчеркивает, что в отличие от традиционного метода в проблемном методе – «иная мотивация, акцент делается на актуальное побуждение, при этом его нельзя абсолютизировать, но надо применять достаточно широко с целью развития умственных способностей обучаемых». [4, 25-29]

В советской и зарубежной школе технология проблемного обучения получила распространение в 20-30-х годах Возникновение дидактической системы проблемного обучения в советской педагогике связывают с исследованиями Л.В. Занкова (организация содержания и построение процесса обучения), М.А. Данилова (построение про-

цесса обучения), М.Н. Скаткина, И.Я. Лернера (содержание и методы обучения), Н.А. Менчинской и Е.Н. Кабановой-Меллер (построение системы приёмов познавательной деятельности), Т.В. Кудрявцева и А.М. Матюшкина (построение процесса научения), В. В. Давыдова и Д. Брунера (организация содержания) и М.И. Махмутова (построение процесса обучения).

В современной системе развивающегося обучения, включающей содержание учебных курсов, разные типы обучения и способы организации учебно-воспитательного процесса проблемное обучение является ведущим элементом. Проблемное обучение характеризуется системой не любых методов, а именно, методов построенных с учетом целеполагания и принципа проблемности. «Проблемная ситуация» и «учебная проблема» являются основными понятиями проблемного обучения, которое рассматривается не как механическое сложение деятельностей преподавания и учения, а как диалектическое взаимодействие и взаимосвязь этих двух деятельностей, каждая из которых имеет свою самостоятельную функциональную структуру. [7]

Проблемное обучение ориентировано на формирование мировоззрения учащихся, познавательной самостоятельности устойчивых мотивов учения и мыслительных способностей (анализировать, сравнивать, обобщать). Современная педагогика уделяет проблемному обучению важную роль. Именно проблемная ситуация помогает вызвать определенную познавательную потребность у учащихся, дать необходимую направленность их мысли и тем самым создать внутренние условия для усвоения нового материала.

Проблемность в обучении иностранному языку проявляется, как при отборе информационного обеспечения учебного процесса, так и в процессе контакта с носителями языка, при сопоставлении культур родного и иностранного языка, что позволяет формировать наряду с коммуникативной и прагматической, социокультурную компетенцию. [2]

Важно отметить, что проблемное обучение не может быть одинаково эффективным в любых условиях. Процесс проблемного обучения порождает различные уровни как интеллектуальных затруднений учащихся, так и их познавательной активности: познавательная самостоятельность ученика может быть или очень высокой, или почти полностью отсутствовать.

В связи с этим существуют различные виды проблемного обучения, различающиеся по соответствующим видам творчества.

1. «Научное» творчество - это теоретическое исследование, т. е. поиск и открытие учеником нового правила, закона, и т. д. В основе этого вида проблемного обучения лежит постановка и решение теоретических учебных проблем.

2. Практическое творчество - поиск практического решения, т. е. поиск способа применения известного знания в новой ситуации, конструирование, изобретение. В основе этого вида проблемного обучения лежит постановка и решение практических учебных проблем.

3. Художественное творчество - это художественное отображение действительности на основе творческого воображения, включающее литературные сочинения, рисование, написание музыкального произведения, игру и т.д.

Все виды проблемного обучения характеризуются наличием репродуктивной, продуктивной и творческой деятельности ученика, наличием поиска и решения проблемы. Они могут осуществляться при различных формах организации педагогического процесса. Однако первый вид чаще всего встречается на уроке, где наблюдается индивидуальное, групповое или фронтальное решение проблем. Второй - на практических занятиях на уроке, предметном кружке, факультативе. Третий вид - на уроке и внеурочных занятиях. Последние два вида проблемного обучения характеризуются решением главным образом индивидуальных или групповых учебных проблем. Вполне понятно, что каждый вид проблемного обучения как внутренне дифференцированная деятельность имеет сложную структуру, дающую в зависимости от множества факторов различную результативность обучения.

Эффективным может считаться такой процесс обучения, который результатом имеет:

- увеличение объема знаний, умений и навыков учащихся;
- углубление и упрочение знаний,
- новый уровень обучаемости и воспитанности;
- новый уровень познавательных потребностей учения;
- новый уровень сформированных познавательной самостоятельности и творческих способностей.

Каждый из перечисленных видов проблемного обучения может протекать с различной степенью познавательной активности ученика. Определение этой степени имеет важное значение для управления процессом формирования познавательной самостоятельности школьников [3].

На сегодняшний день все большее применение на занятиях по иностранному языку, в том числе при профессионально-ориентированном обучении находит метод дискуссий как один из методов проблемного обучения, главным образом потому, что он позволяет органично интегрировать знания студентов из разных областей при решении какой-то проблемы, дает возможность применить языковые знания и навыки на практике, генерируя при этом новые идеи.

Обучение иностранному языку в целом, включающее в себя самые разные виды речевой и мыслительной деятельности, способствует формированию у студента способности ясно мыслить, критически воспринимать информацию, выделять в ней главную мысль и находить средства и аргументы для ее подтверждения и обоснования, а следовательно, способствует пониманию любого теоретического материала. Сознательное освоение учащимся соответствующего дидактического материала, излагаемого преподавателем, предполагает владение навыками аргументационного восприятия речи. Кроме того, освоение норм рационального речевого общения, правил ведения дискуссий способствует формированию самостоятельного критического мышления и ответственного отношения к речи, что является одним из важнейших требований, предъявляемых к современному специалисту в любой области деятельности. [8]

Использование проблемного метода на занятиях по иностранному языку позволяет развивать наряду с творческой активностью и творческие умения обучаемых, такие как:

1) вести дискуссию по заданной теме;
2) слышать и слушать собеседника;
3) отстаивать свою точку зрения, подкрепленную аргументами;
4) находить компромисс с собеседником;
5) лаконично излагать свою мысль;
6) находить варианты решения проблемы.

Использование проблемного метода способствует не только развитию самостоятельности у обучаемых, включению их в поисковую

и исследовательскую деятельность, но также открывают возможности творческого сотрудничества педагога и обучаемого.

Таким образом, преимуществами проблемного метода при обучении иностранному языку выступают:

1) самостоятельное добывание знаний путем собственной творческой деятельности;

2) интерес к учебному труду;

3) развитие продуктивного мышления;

4) прочные и действенные результаты обучения.

Конечно, также следует сказать и о недостатках, к которым относят недостаточный уровень языковой подготовки студентов; нехватку времени на изучение той или иной темы; трудность вовлечения студентов со слабой языковой подготовкой; непривычность подобной формы работы; слабую управляемость познавательной деятельностью студентов; большие затраты времени на достижение поставленных целей. [6]

В заключении хочется отметить, что проблемный метод, несмотря на эффективность, нельзя универсализировать, так как эффективность обучения зависит от умелого сочетания различных методов, однако на сегодняшний день именно проблемный метод является одним из самых эффективных в развитии творческих способностей учащихся и желания изучать иностранные языки.

Литература

1. *Бим И.Л.* Некоторые актуальные проблемы современного обучения иностранным языкам. // Иностранные языки в школе. – Москва, 2001. №4. – С. 5-8.

2. *Виноградова О.С.* Проблемные методы в обучении иностранным языкам.- М., 2000 .

3. *Ермаков Д.С., Петрова Г.Д.* Обучение решению проблем Народное образование. 2004. № 9. С. 38–43.

4. *Ильина Т.А.* Проблемное обучение.// Вестник высшей школы. – М., 1976. - №2. с. 25-29.

5. *Козлова В.М.* Применение проблемного метода в обучении иностранному языку [Электронный ресурс] / В. М. Козлова // Режим доступа: http:// www.fan-nauka.narod.ru/2007-2.html, свободный. (0,3 п.л.).

6. *Круглякова Н.Н.* Использование проблемного метода в обучении иностранному языку на примере работы над иноязычным текстом [Электронный ресурс] / Н. Н. Круглякова Режим доступа: http://www.rusnauka.com/7._DN_2007/Philologia/19816.doc.htm.

7. *Махмутов М.И.* Проблемное обучение. Основные вопросы теории. – М.: Педагогика, 1975. – 368 с.

8. *Морозова И.Г.* Место дискуссии среди методов проблемного обучения на занятиях иностранного языка// Филология - XXI. – Караганда, 2010.

ИНТЕНСИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ
INTENSIVE TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Прочан Галина Васильевна
Prochan Galina Vasil'evna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
galinaprochan@mail.ru

Согласно с одним из требований к преподаванию иностранных языков – овладение языком как средством межкультурного общения, учебный процесс не может обойтись без интенсивных методов обучения, активизирующих творческий потенциал обучаемых. Интенсивное обучение направленно на достижение реального и все возрастающего образовательного эффекта, чему способствует ряд присущих ему факторов: широкое привлечение страноведческого и лингвострановедческого материала, заинтересованное обсуждение актуальных тем и речевых ситуаций, расширение кругозора учащихся и их эстетическое воспитание при проведении ролевых игр и чтении информативных текстов, стремление пробудить живой интерес и личное отношение к обсуждаемой проблематике. [*Бухбиндер, 2003*]

Термин «интенсивный» появился в русском словаре в первой половине XIX века. Данный термин означает «усиленный, напряженный; дающий наибольшую производительность; яркий, густой, насыщенный». [Ожегов, 2008] Козлова В. И. пишет, что с появлением в понятийном аппарате педагогики термина «интенсивный», спектр его значений предопределили основные направления становления и развития интенсивного обучения.

Первое, на что обращает внимание значение термина, это напряжение, усиление, энергичность процессов (в нашем случае, процесса обучения), другими словами активизация механизмов педагогического взаимодействия.

Второе – акцент на качественных и количественных изменениях, которые претерпевает в процессе напряженной активной деятельности ее субъект. [Козлова, 2011]

Возникновение «интенсивного обучения» связывают с суггестологией, наукой созданной болгарским ученым, врачом-психотерапевтом Лозановым Г.К. Он является основоположником суггестологии «как на-

уки об освобождении скрытых возможностей». [Китайгородская Г.А., 1992]

Суггестология – это наука об ускорении гармонического развития личности и раскрытия его разносторонних резервных возможностей - памяти, интеллектуальной активности, творческих способностей и т.п. Суггестология была положена в основу суггестопедичного направления в обучении, в частности обучении иностранным языкам. Основная идея суггестопедичного направления в обучении заключается в раскрытии и развитии всесторонних резервных возможностей личности. [Шувалава, 1991] Система Лозанова Г. К. основывалась на принципах психологии. Чтобы лучше понять суть суггестологии рассмотрим вкратце основополагающее понятие этой науки: «неосознаваемая психическая активность». Суггестология исходила из того, что в любой человеческой деятельности и на любом «уровне ясности сознания» (термин К. К. Платонова) имеет место некоторая «неосознаваемая психическая активность». Картина психической активности личности в ее взаимодействии с внешним миром вырисовывается, по Лозанову, в следующем виде: информация извне может проникать во внутренний мир личности по двум каналам - сознательному и неосознаваемому. Неосознаваемое рассматривалось как основной источник так называемых «резервных возможностей психики». По мнению Лозанова, активизация этих резервов личности и снятие психологических барьеров должны осуществляться в рамках суггестопедического направления в педагогике.

Г.К.Лозанов выделял три вида суггестии, которые используются в учебном процессе для снятия всякого рода психологических барьеров у обучаемых.

Психологическая суггестия. Учитель проводит урок с учетом психотеапевтических, психологических и психогигиенических факторов, а также с учетом эмоционального воздействия, используя логические формы подачи материала.

Дидактическая суггестия. На занятиях применяются особые приемы, активизирущие обучение.

Художественная суггестия. Учитель использует на занятиях различные виды искусства (музыку, живопись, элементы театра) с целью эмоционального воздействия на школьника и гармонизацию урока [Лозанов Г.К.,1973].

Стоит отметить, что Г.К. Лозанов внес огромный вклад в идею интенсивного обучения, и в рамках его суггестопедической системы она получила свою первую реализацию. Система Г.К. Лозанова была нацелена на комплексное развитие личности учащихся, активизации его эмоциональных, интеллектуальных возможностей. Г.К.Лозанов использовал в рамках своей программы внутренние ресурсы учащихся, активизация психической деятельности учащихся позволила повысить эффективность учебного процесса. Также в его системе были разработаны основные способы воздействия на неосознаваемую психическую активность учащихся. Система Г.К.Лозанова легла в основу дальнейших разработок курса интенсивного обучения.

Последователями метода Г.К.Лозанова в нашей стране стали Г.А.Китайгородская, Л.Ш.Гегечкори, В.В.Петрусинский и др. Наиболее известным в настоящее время является метод активизации резервных возможностей личности и коллектива Г.А. Китайгородской. [Денисова,1993]

Начало методу интенсивного обучению было положено в СССР в 60-е и 70-е годы. Метод интенсивного обучения приобрел популярность с СССР в связи с расширением границ международного сотрудничества и появившейся потребностью в овладении в сжатые сроки иностранным языком как средством общения. Сначала в СССР появились десятимесячные курсы иностранных языков, специально ориентированных на подготовку специалистов высшей школы для работы в так называемых странах «третьего мира». Это положило начало курсовому обучению иностранным языкам в нашей стране. Трудности, с которыми сталкивались слушатели десятимесячных курсов, привели необходимости создания метода обучения, который позволил бы сократить сроки обучения и уменьшить психофизические затраты слушателей и при этом был бы более эффективным в достижении целей обучения. Результатом стала разработка авторской концепции Г.А. Китайгородской - *метода активизации возможностей личности и коллектива и, на ее основе, системы краткосрочного обучения взрослых иностранным языкам*, что привело к появлению первых интенсивных методик обучения иностранным языкам. В 1980-90-е годы во всех странах система краткосрочного курсового обучения приобретает все большую популярность и служит не только в обучении иностранным языкам, она внедряется в сферу промышленности и производства, используется для переподготовки кадров любого профиля, способствует получению второй, тре-

тьей профессии. Однако в течение длительного времени наша страна была искусственно изолирована от мирового сообщества, в связи с чем, острая потребность в изучении иностранных языков (особенно английского) возникла только в середине 1980-х годов - с началом перестройки. Появились реальные возможности использования иностранного языка как средства общения. Они и определи необходимость нового метода языкового образования, а именно - *дополнительного краткосрочного курсового обучения*. Надо отметить, что методическая система краткосрочного обучения, разработанная на основе метода активизации, уже к 1980-м годам была научно обоснована многочисленными исследованиями. В настоящее время это система *многоуровневого* обучения с детально разработанной технологией, оснащенная специально разработанными авторскими базовыми и целевыми учебно-методическими комплексами.

Многочисленные положительные примеры интенсивных методик обучения показали, что их правильное применение позволяет достичь впечатляющих результатов в кратчайшие сроки. В дальнейшем, отталкиваясь от этой методики, используя ее принципы и приемы, российские специалисты усовершенствовали и создали ряд своих методических систем.

В настоящее время под активизацией учебно-познавательной деятельности или под интенсивным обучением понимается процесс, направленный на усиленную деятельность преподавателя и учащегося, на побуждение к её энергичному целенаправленному осуществлению, на преодоление инерции, пассивных и стереотипных форм преподавания и обучения [Колмакова М.Н., 1984].

Г.А. Китайгородская выделяет ряд характерных особенностей интенсивного обучения:

- овладение иностранным языком за короткое время за счет мобилизации ресурсов личности и его скрытых резервов;
- иностранный язык не изучается, в него вживаются через общение;
- овладение иностранным языком подобно овладению ребенком родным языком
- занятия начинаются с общенения, а не с усвоения грамматических правил;

• обучение иноязычному общению проходит в форме ролевой игры [Китайгородская Г.А.., 1992]

Особое значение в курсе интенсивного обучения приобретает вопрос распределения учебного материала во времени. Оно определяется и регулируется целым рядом факторов различной природы: дидактическими, методическими, психологическими, социо-психологическими. Все эти факторы одинаково важны, взаимосвязаны и подчинены целям и задачам обучения. При правильном выборе и распределении материала, построении урока в курсе интенсивного обучения учащиеся смогут:· усвоить очень большой информационный материал, гибко варьировать свое общение, активно использовать знания в профессиональном и повседневном общении. Интенсивное обучение повышает мотивацию к общению на иностранном языке.

Далее обозначим цели и задачи интенсивного метода обучения. Главная цель интенсивного обучения иностранному языку заключается в овладении в ограниченные сроки иностранным языком как средством общения, что включает в себя, в первую очередь, выработку или усовершенствование умений и навыков понимания устной речи на иностранном языке и построения высказывания в бытовой, общественно-политической и общенаучной сферах жизни. Исходя из этого, можно выделить следующие задачи интенсивного обучения в соответствии с его этапами: На начальном этапе: создание устойчивого коммуникативного ядра и организация активного речевого взаимодействия. На среднем этапе совершенствование умений речевого взаимодействия и практическое освоение лингвострановедческих и социокультурных факторов путем создания коммуникативных условий, близких к естественным. На старшем этапе: расширение тематики, сфер и ситуаций общения для активного пользования изучаемым иностранным языком; расширение коммуникативного словаря учащихся, активизация употребление коммуникативно значимых грамматических конструкций.

Таким образом, интенсивное обучение это относительно новая, но очень эффективная методика обучения иноязычному общению, в рамках которой можно обучить «живому» разговорному языку, дать возможность учащемуся заговорить, начиная с первого занятия, познакомить с культурой и традициями страны изучаемого языка, учитывать индивидуальные потребности каждого, помочь преодолеть языковой барьер. В то же время курс интенсивного обучения предусматривает

максимизацию объемов учебного материала и проходит в дружеской, неформальной атмосфере. [Китайгородская, 1987].

Литература

1. *Бухбиндер В.А., Китайгородская Г.А.* Методика интенсивного обучения иностранным языкам. - Киев: Высшая школа, 2003. – 344 с.
2. *Денисова Л.Г.* Место интенсивной методики в системе обучения иностранным языкам в средней школе.- В жур.: ИЯ в школе. 4,1995.
3. *Китайгородская Г.А.* Система интенсивного краткосрочного обучения иностранным языкам : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Г.А. Китайгородская. – М., 1987. – 32с.
4. *Коджакова М.Н.* Краткий педагогический словарь. – М.: Изд-во политической литературы, 1984 – 367 с.
5. *Лозанов Г.К.* Основы суггестологии. - В кн.: "Проблеми на суггестологията". София , 1973, с.55-70.
6. *Ожегов С.В.* Толковый словарь русского языка. – М: Технология, 2008. - 944с.
7. *Шувалова И.В.* Психологические факторы эффективности суггестопедии Г. Лозанова. - В жур.: Иностранные языки в школе, №4,1991.

ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. IMPROVING MOTIVATION FOR LEARNING ENGLISH

Ракова Анастасия Владимировна
Rakova Anastasia Vladimirovna
«Северский физико-математический лицей»
«Seversk physical and mathematical lyceum»
nastra2000@mail.ru

Ситуации, когда приходится общаться на английском языке, что-то объяснять и понимать на иностранном языке, часто ставят в тупик, приводят в трепет большинство наших учеников и выпускников. Прошедшим летом, в самолете вылетающим международным рейсом, я наблюдала следующую картину: перед вылетом молодые люди, лет 18-20 достали камеру и хотели сфотографировать друг друга, проходящий мимо молодой бортпроводник, заметил это и вежливо с улыбкой попросил на английском языке у них фотоаппарат. Видели бы вы их лица: и страх, и смятение, и негодование, и непонимание. Молодые люди подумали, что стюард собирается забрать их камеру. А он всего-то хотел оказать им услугу, сфотографировать их вместе на память в самолете. Видя их замешательство, я объяснила, что к чему и молодая пара весело посмеялась над своими страхами. Конечно же, никто не собирался у них отбирать их драгоценный фотоаппарат! Я не зря назвала возраст этих молодых людей - 18-20 лет. Не так много лет прошло с момента

окончания школы, а тут такая вроде бы элементарная коммуникативная проблема, но ведь они без посторонней помощи не смогли разрешить ее. Вопрос: почему? Неуверенность в своих знаниях? Неразвитые коммуникативные навыки? Страх перед носителем языка? Неумение схватить основную мысль сказанного на иностранном языке? Почему при затрате большого количества времени (английский язык является обязательным для изучения, начиная со 2-го класса), при заучивании огромного числа английских слов, при делении класса на 2 подгруппы большинство наших учащихся испытывают проблемы в ситуациях реального общения. Где найти ответ на эти вопросы? Только ли отсутствие носителей языка является решением этих проблем?

Мы провели опрос среди учащихся нашего лицея и попросили их ответить на следующие вопросы: 1) Зачем тебе нужен иностранный язык? 2) Смотришь ли ты передачи на английском языке? 3) Переводишь ли ты песни, исполняемые на английском языке? 4) Как ты оцениваешь уровень своего старания овладеть языком? (высокий, средний, низкий)? Результаты анкетирования показали значительное и устойчивое снижение мотивации к изучению английского языка, начиная с 8 - го класса.

Может быть, повышение внутренней мотивации, рост внутренней потребности к изучению иностранного языка, понимание необходимости знания английского языка и есть важное условие овладения иностранным языком? Но как же этого добиться? Как заставить ученика верить в себя и в свой успех? Как помочь преодолеть страх перед носителями языка и убедить в том, что, если он может говорить на русском языке, то значит, может говорить и на английском?

На каждом уроке учитель должен найти, чем заинтересовать, удивить, заинтриговать. Современные информационные технологии могут оказать огромную помощь в этом. Компьютер стал неотъемлемой частью жизни каждого ребенка, фактически в каждой семье есть это современное техническое средство, используемое детьми в большинстве случаев для игр, для просмотра фильмов и прослушивания музыки, для общения в глобальной или локальной сети, иногда для написания докладов. Но всем известно, что технические возможности компьютера гораздо шире и почему бы не использовать эти возможности с пользой для дела, а конкретнее, для того, чтобы сделать изучение иностранного языка более простым и увлекательным для ученика и более эффективным и результативным для учителя.

1. Презентации в Power Point стали чем-то привычным на моих уроках, я использую их для речевой разминки в начальной школе, для демонстрации нового материала, для повторения и закрепления изученного. Постепенно отпадает необходимость наглядного материала на бумаге, если раньше мне приходилось выискивать где-то в журналах различные картинки, что-то рисовать самой, что-то клеить, то сейчас все намного проще: показываю на экране все что мне необходимо и это просто замечательно. Не только я делаю презентации, но и активно вовлекаю учащихся в этот процесс, для них это все достаточно просто, интересно, современно. Так, в прошлом годе ученики 9-х классов сдавали экзамен по английскому языку в форме рефератов, каждый из них должен был подготовить реферат в обычной печатной форме, приготовить устное сообщение по своей теме и сделать презентацию не менее 10 слайдов по своей теме.

Эффективность использования слайд - презентаций на уроках очевидна: наглядность, нет необходимости создавать бесчисленные карточки, печатные материалы, повышение мотивации в изучении иностранного языка (уроки проходят «на одном дыхании), повышение авторитета учителя («идет в ногу со временем), эстетичность презентации учебных материалов.

2. Создание и использование аудиофайлов.

Аудирование или понимание английской речи на слух всегда вызывает много затруднений у ребят. Для развития этого навыка я использую аудиофайлы, которые легко копируются на флеш-карту ученика и таким образом, ребята имеют дополнительную возможность прослушивать тексты дома, отчитывать, повторять их за диктором, развивая при этом навык чтения и аудирования. Такие задания я рассылаю ученикам по электронной почте, прошу прослушать и заучить текст или отчитать, записать свое чтение и отправить этот аудиофайл на мой электронный адрес, так я получаю возможность прослушать всех учеников своей группы и выставить всем оценки за задание. За счет этого я экономлю время на уроке, уже нет необходимости проверять чтение домашнего текста. У ребенка есть возможность получить отличную оценку при экономии времени и сил, так как печатный текст имеет голосовое сопровождение.

Таким образом, преимущества использования аудиофайлов следующие: доступность, экономия времени на уроке, всегда есть речевой образец, возможность прослушивания файла многократно, совер-

шенствование навыков владения компьютером, повышение языкового уровня.

3. Использование программ - тренажеров.

Особенностью нашего лицея является создание и использование по различным предметам программ-тренажеров. Всем известно, что многократное повторение материала способствует прочному усвоению и запоминанию. Программы-тренажеры помогают обеспечить многократность повторений при минимальных временных затратах. На выполнение одного теста у ученика в среднем уходит 1-1,5 минуты, результат выполненного теста он видит сразу на экране, на полосе ответов неправильно выполненное задание выделяется другим цветом.

Тренажеры помогают моим ученикам более качественно самостоятельно в домашних условиях подготовиться к выполнению итоговых тестов. За один урок мы можем повторить и выполнить тренировочные тесты по нескольким темам благодаря нашим программам. Конечно, такую работу учитель может организовать в традиционной форме, раздать ученикам тесты, дать время на их выполнение, проверить и на следующем уроке сообщить результат, но зачем тратить драгоценное время, силы, если все это может сделать компьютер намного быстрее.

В среднем, на изучение одной темы в пятом классе уходит 6 уроков, на седьмом уроке проводится итоговый тест по теме. Перед тем как выполнить тест, мои ученики получают новую программу тренажер с подобными заданиями и дома имеют возможность потренироваться по данной теме. Мы не используем на уроках существующие программы по английскому языку, так как во-первых, не совпадает лексика, во-вторых, диски нужно покупать всему классу, в-третьих, нет привязки к учебникам по которым мы занимаемся. Программы, которые мы создаем в нашем лицее, просты и удобны в использовании, легко копируются, занимают немного места на флеш картах, их можно проделать, зайдя на сайт нашего учебного заведения http://sfml.tom.ru/, в разделе «ученику», а самое главное эти программы соответствуют изучаемым темам. Если мне надо проверить, как учащиеся усвоили Present Simple или Present Perfect, я подбираю задания, а ребята нашего лицея с помощью преподавателя по информатике перекладывают этот материал из текстовой формы в программу-тренажер. За этот учебный год мы создали тренажеры по следующим темам: настоящее простое время (утвердительный, отрицательный тип предложений), настоящее совершенное время, глагол to be, глагол can, глагол must, три формы

неправильных глаголов, структура there is/ there are. Работа с тренажером позволяет проконтролировать полученные знания по грамматике и лексике английского языка быстро и своевременно, упрощается контроль над выполнением домашнего задания родителями, так как количество правильных ответов показывается на экране компьютера и от них не требуется знания английского языка. Кроме этого, ученик может самостоятельно работать с программой и подготовиться к зачету по теме.

С помощью компьютера урок можно сделать не только более живым и ярким, но и более эффективным, материал более простым и запоминающимся, а знания более прочными. Благодаря этому, дети с большим интересом занимаются изучением английского языка и, я надеюсь, что они перестанут бояться непонимания и сами разберутся, зачем бортпроводник просит их фотоаппарат!

Литература

1. *Аникин Э.Г.* «Материалы Интернета на уроках англ. языка» Иностранные языки в школе 2001 №1

2. *Каспин И.В., Сегаль М.М.* Новые технологии в обучении иностранным языкам linguact.hyperlink/articles/kaspinandsegal.html

3. *Полат Е.С.* «Интернет на уроках иностранного языка». »Иностранные языки в школе» № 2 2001 г.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА НАГЛЯДНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
USE OF VISUAL METHODS FOR THE FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Терехина Наталья Михайловна
Terekhina Natalia Mikhailovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
tereshich@mail.ru

В процессе познания окружающей действительности, как и в процессе учения, участвуют все органы чувств человека. Поэтому принцип наглядности выражает необходимость формирования у учащихся представлений и понятий на основе всех чувственных восприятий предметов и явлений.

Под наглядностью следует понимать такое средство познавательных процессов, когда при взаимодействии субъекта со знаковыми системами в его сознании генерируются наглядные образы, т.е. формируется зрительное представление излагаемого материала. Обучающая модель, по возможности, должна быть зримой. На практике могут существовать разные виды наглядных пособий по одной и той же теме учебного курса [Ланг, 1974].

Наглядность можно определить как специально организованный показ языкового материала и его употребление в речи с целью помочь обучающемуся в его понимании, усвоении, использовании [Мухина, 2000].

Обозначим основные характеристики присущие наглядности при обучении иностранному языку. Наглядность служит исходным моментом, источником и основой приобретения

знаний, а также критерием их достоверности. Она является средством обучения, обеспечивающим оптимальное усвоение учебного материала и его закрепление в памяти. Наглядность образует фундамент развития творческого воображения и мышления, содержит подсказки для раскрытия законов языка при его чувственно-наглядном восприятии.

Основная задача наглядности – базировать развитие мышления учащихся на чувственно-наглядных впечатлениях, связать учебные занятия с жизнью. И в то же время обучение происходит не в реальной жизни, а в вузе.

Наглядность, как средство активизации речевой деятельности, способствует тому, что у обучающихся, благодаря восприятию предметов и процессов окружающего мира, формируются представления, правильно отображающие объективную действительность, и вместе с тем воспринимаемые явления анализируются и обобщаются в связи с учебными задачами.

Произведения живописи могут служить средством наглядности на занятиях по иностранному языку. Изобразительное искусство в соединении с искусством слова учит познавать через картину окружающий мир, развивает воображение. Можно сказать, что искусство является учебником жизни. Умелый анализ картины – одно из активных средств, позволяющих понять образную природу искусства, найти правильную оценку произведения, овладеть умением образно мыслить и образно говорить, развить навыки творческой интерпретации впечатлений. Анализ живописного произведения играет немаловажную роль для реализации практической цели обучения иностранному языку, для развития и совершенствования иностранной речи. Влияя на эмоциональную сферу, картина вызывает у обучающихся спонтанные высказывания по ее содержанию. Ученики учатся последовательно излагать, обосновывать, обобщать свои наблюдения и выражать свое отношение к изображенному. Переводя язык живописи на язык словесный, ученики вынуждены найти не только нужное, но и наиболее точное и яркое слово, что приучает их вдумчиво относиться к явлениям жизни и слову. Ученики уточняют значение слов, обогащая словарный состав речи, учатся строить связное высказывание. При комментировании содержания картины учащиеся вынуждены спрягать глаголы, употреблять предлоги, разнообразить синтаксические конструкции, то есть повторяют грамматику и лексику самым естественным образом. Благодаря содержанию произведений живописи, учитель имеет возможность реализовать на уроке межпредметные связи, активизировать знания по другим предметам, повторить межтематическую лексику учащихся. Из всех видов живописи (монументальной, станковой, декоративной и декорационной) на занятии учащиеся имеют дело в основном со станковой живописью. Выбор содержания картины зависит от цели и содержания урока. Довольно широко используются жанры пейзажа, портрета, натюрморта, значительно реже исторический и батальный жанр. [Винайкина, 2006].

Одним из наиболее современных средств обучения является использование франкофонных блогов в учебных целях. Появившись в самом начале третьего тысячелетия, блоги быстро завоевали популярность среди молодежи. В настоящее время преподаватели иностранных языков используют новое явление киберпространства как эффективное средство обучения иностранным языкам. Как утверждает автор статьи, использование блогов на уроках французского языка, интеграция ИКТ (информационно-коммуникативных технологий) в процесс обучения существенно расширяет возможности общения учащихся со своими сверстниками из стран изучаемого языка. Таким образом формируется основная цель обучения иностранным языкам – формирование коммуникативной компетенции. Кроме того, у учащихся формируется не только коммуникативная, но и мультимедийная языковая компетенция, то есть возможность свободного использования различных способов и средств представления, восприятия и передачи информации с помощью современных мультимедиа технологий для решения любых коммуникативных задач на иностранном языке.

Блог является не чем иным, как электронный дневник. В блогах выкладывают фотографии, пытаются описать свои эмоции, сравнить себя со сверстниками: «Lâche tes comm's» («commentaries»). Каждый блог имеет счетчик посещений и комментариев, что позволяет определить популярность виртуального дневника. Во Франции блоги стали настоящим феноменом современного общества. В России этот процесс также быстро развивается, поэтому использование блогов на занятии может не только повысить мотивацию учащихся, но и существенно поднять престиж преподавателя французского языка в глазах учащихся. Однако при использовании блогов неконтролируемого виртуального пространства необходимо проводить тщательный отбор во избежание появления нежелательной информации на экранах мониторов. Кроме того, в текстах могут быть представлены вольные сокращения и орфографические ошибки, а заглавные буквы и знаки препинания часто попросту отсутствуют. Стоит отметить, что во Франции и Бельгии существуют организации, которые решили взять под контроль растущее увлечение молодежи блогами, чтобы направить его в нужное русло и показать учащимся, не только преимущества этого средства коммуникации, но и его недостатки. Во Франции данной проблемой занялась организация «Le Clemi » («Centre de Liaison de l'enseignement et des moyens d'information») под руководством Министерства образования Франции,

а в Бельгии – «Média Animation asbl» («Centre de ressources en éducation aux médias et au multimédia»). В результате сотрудничества этих двух организаций была разработана программа Educaunet, предназначенная для обучения вхождению в виртуальный мир Интернета учащихся. Так, были разработаны основные правила этикета в Интернете. Как известно, молодые виртуальные коммуниканты – носители языка с легкостью понимают друг друга и прекрасно общаются на языке Интернета. Поэтому преподавателям иностранных языков не стоит полностью игнорировать появление языка интернета, несмотря на то, что отступления от норм грамматики и орфографии являются очень серьезными. Так, после изучения блога в классе, учащимся можно предложить исправить «неточности» языка Интернета и «перевести» данный текст на стандартный французский язык в соответствии с с правилами грамматики и орфографии. Таким образом, использование блогов виртуального франкоязычного пространства в российских средних и высших учебных заведениях существенно повышает интерес учащихся к изучению французского языка [Кащук, 2010].

Использование компьютерных технологий на занятиях по иностранному языку повышает интерес учащихся к уроку, мотивирует их и нацеливает на успешные результаты. Одной из самых распространенных и эффективных компьютерных программ используемых преподавателем на уроке, является программа PowerPoint. PowerPoint – это программа для подготовки презентаций, которая может вмещать в себя одновременно слайды с текстом, картинки, анимации, графики, диаграммы, аудио и видео файлы. Как утверждает Л.А. Беляева, презентация обладает рядом преимуществ, которые заключаются в сочетании разнообразной текстовой аудио и видео наглядности, возможности использования презентации в качестве интерактивной, мультимедийной доски, возможности использования отдельных слайдов в качестве раздаточного материала, возможности управления вниманием учащихся за счет эффектов анимации и гиперссылок, активизации внимания всех учащихся в группе, сохранении познавательного интереса обучающихся, усиление мотивации учения, а также эффективность восприятия и запоминания нового учебного материала. Программа PowerPoint позволяет осуществлять контроль за усвоением новых знаний и систематизаций изученного материала, сочетать аудиторную и внеаудиторную самостоятельную работу обучающихся; экономить учебное время, и в

целом формировать информационную и мультимедийную компетенции [Беляева, 2008: 36].

Использование средств наглядности на уроках иностранного языка позволяет разнообразить процесс обучения, повышает мотивацию учащихся и способствует эффективному изучению языка.

Литература:

1. *Лакс А.П.* О понятии наглядности и её роли в процессе познания и обучения. – Таллинн, 1974.

2. *Мухина В.С.* Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. - М., 2000.

3. *Винайкина Н.П., Рогозина Л.Д.* Использование произведений живописи на уроках французского языка//Иностранные языки в школе». – 2006. - №1.

4. *Кащук С.М.* Использование франкофонных блогов в старших классах в учебных целях. Иностранные языки в школе». - 2010. - №3.

5. *Беляева Л.А.* Презентация PowerPoint и и её возможности при обучении иностранным языкам. Иностранные языки в школе». – 2008. - №4. - с. 36.

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ФОНЕТИЧЕСКОМУ СТРОЮ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ОДНОМУ ИЗ АСПЕКТОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. TEACHING STUDENTS OF A PHONETIC SYSTEM OF CHINESE AS ONE OF THE ASPECTS OF SPEECH ACTIVITY

Тихонова Евгения Владимировна, Жукаускене Татьяна Сергеевна
Tikhonova Evgeniya Vladimirovna, Zhukauskene Tatyana Sergeevna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
kulmanakova@rambler.ru, tatyana_zhukauskene@mail.ru

Формирование и развитие коммуникативно-речевой компетенции студентов, изучающих китайский язык – объективная необходимость, продиктованная закономерностями развития и расширения международных контактов между Россией и Китаем в рамках экономической, политической и культурной глобализации. В связи с этим возникла необходимость изучения как самого строя китайского языка, так и методов его преподавания. Изучением синологии занимались многие научные коллективы и методисты: Н.Я. Бичурин, В.М. Алексеев, П.С. Попов, А.И. Иванов, Е.Д. Поливанов, А.А. Драгунов, Ю.К. Шуцкой, Б.К. Пашков, В.И. Горелов и многие другие. Все эти китаеведы внесли в теорию и практику много ценного. Но в настоящее время требования, предъявляемые к выпускникам вузов, занимающихся изучением китайско-

го языка, претерпели большие изменения. Ученые-методисты чаще делают упор на необходимость обладать знаниями теории коммуникации, достаточным объемом тезауруса для установления и поддержания контактов в различных сферах общения и ситуациях взаимодействия, а также сформированными навыками речевой деятельности, что представляется как база коммуникативно-речевой компетенции.

Одной из главных задач начальной ступени обучения китайскому языку, как и любому другому является развитие способностей к усвоению речи: фонематический слух, объем слуховой памяти, эмоциональность, скоростное произношение, эмоциональность и т.д.

Язык как средство общения возник и существует прежде всего как звуковой язык, и владение его звуковым строем (наличие произносительных навыков) является обязательным условием общения в любой его форме. Речь будет понята слушающим с трудом, искаженно или вообще не понята, если говорящий нарушает фонетические нормы языка. [2.С.156] Е.И.Пассов [3.] в своей работе «Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению» пишет также о том, что произносительные характеристики говорения считаются сущностными характеристиками, нарушение произносительных норм которых часто препятствует самому общению. Поэтому овладение фонетическим строем, в частности китайского языка, - первоначальная и приоритетная проблема, стоящая перед студентами языкового вуза. Основной задачей фонетического курса китайского языка является формирование и развитие первичных навыков и умений устной речи, а также владение фонетическим строем языка (знание тоновой системы, сочетания тонов, ударения, видов интонации).

Основными критериями оценки качества произношения являются беглость, то есть степень автоматизированности произносительных навыков, которое обеспечивает скорость и плавность речевого действия, и фонематичность, то есть степень правильности фонетического оформления материала.

Китайский язык – это язык тоновой фонетической системы, который обладает специфическими особенностями, поэтому при его изучении у студентов появляется ряд сложностей, таких как трудности в произнесении тонов, а также наличие различного рода диалектных отклонений и неполного (разговорного) стиля произношения, что затрудняет языковую коммуникацию. Фонетический строй китайского языка представлен комбинацией согласных и гласных звуков, организованных

в ограниченное количество тонированных слогов фиксированного состава. В официальном языке КНР, Тайваня и Сингапура - путунхуа насчитывается, примерно,1324 слога с учетом тоновых вариантов. Каждый слог является либо звуковой оболочкой морфемы, либо простым словом, поэтому слогоделение морфологически значимо. В путунхуа выделяют четыре смыслоразличительных тона, в отличии от других диалектных групп, где их количество может достигать двенадцати, что также приводит к нарушению акта коммуникации.

В связи с огромным объемом фонетического материала достаточно трудно добиться безупречного произношения учащихся, поэтому требования определяют исходя из принципа аппроксимации - приближения к правильному варианту, то есть к произношению путунхуа. Поэтому происходит ограничение фонетического материала, которым должны овладеть студенты, а также допускается снижение качества произнесения отдельных звуков. Но все это должно происходить в определенных пределах, не нарушающих процесса языковой коммуникации.

Другая проблема, с которой сталкиваются при обучении произношению китайского языка, - интерференция, то есть перенос звуков родного языка в изучаемый. Это проблема связана с твердо установившимися слухо-произносительными навыками, которые уже автоматизированы у студентов и не поддаются управлению со стороны говорящего. Поэтому необходимо предусмотреть случаи интерферирующего влияния родного языка и выявить факторы, нарушающие формирование, развитие и устойчивость навыка. Для преодоления этого барьера и нейтрализации отрицательного действия родного языка необходимо не только постоянное совершенствование навыков и их подкрепление в процессе формирования, но и правильно подобрать коммуникативно - ценный речевой материал, в котором дается сопоставительный анализ фонологических систем двух языков. Примером такого учебника может быть учебник Т.П. Задоенко, Хуан Шуин «Начальный курс китайского языка», где дается не только описание уклада органов речи, но и прилагаются аудиозаписи, которые играют немаловажную роль при обучении артикуляции тех звуков, которые трудно описать. В этом случае студентам помогает использование такого приема, как имитация или подражание, то есть воспроизведение звука на основе услышанного звукового образа.

Таким образом, для обучения студентов фонетическому строю китайского языка, как одному из основных видов речевой деятельности,

необходимо принимать во внимание специфику данного языка: наличие тонов фонетической системы, разнообразие диалектов; индивидуальные особенности обучаемых: сформированный речевой аппарат студентов, степень овладения отдельными звуками и их комплексами (значимыми отрезками речи); а также цель обучение: овладение произносительными характеристиками речи китайского языка и формирование коммуникативно-речевой компетенции студента в условиях современного образовательного процесса. Поэтому при постановке произношения рекомендуется развитие интонационного и фонематического слуха студентов, знание наиболее важных общих закономерностей произношения в китайском языке, а также использование аналитико-имитативного способа обучения, включающего в себя сочетание разных способов создания звукового образа (описание артикуляции, имитация).

Литература

1. *Китайгородская Г.А.* Методика интенсивного обучения иностранным языкам.М.:Высшая школа, 1982.

2. *Миролюбов А.А.* Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М.: Высшая школа, 1982.

3. *Пассов Е.И* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению.- М.: Просвещение, 1991.

РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У УЧАЩИХСЯ В ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА. ROLE OF GRAMMATICAL SKILLS IN FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE AT PUPILS AT SCHOOLS OF THE REPUBLIC OF TYVA

Хертек Аржаана Орлан-ооловна
Khertek Arzhaana Orlan-oolovna
Тувинский Государственный Университет
Tuvan State University
xarzhaana@mail.ru

Вопрос обучения грамматическому компоненту иноязычного общения является одним из наиболее обсуждаемых в методике преподавания иностранных языков. Знание грамматической стороны устной и письменной речи является необходимым условием овладения иностранным языком как средством межкультурного общения.

Проблема коммуникативной компетенции на современном этапе развития теории и практики преподавания иностранных языков в отечественной школе относится к наиболее актуальным и все еще недостаточно исследованным областям.

В настоящее время в Республике Тыва наблюдаются такие проблемы:

- отсутствие теоретических основ обучения английскому языку в условиях тувинско-русского двуязычия;
- не разработанность научно-обоснованной методики обучения двуязычных школьников – тувинцев грамматической стороне устной английской речи;
- необходимость изучения данной проблемы в связи с низким уровнем сформированности речевых грамматических навыков устной иноязычной речи у школьников тувинцев;

Между тем, применительно к тувинским учащимся аналогичных исследований не существует, вопросы обучения грамматической стороне устной иноязычной речи еще не получили освещения в научной методической литературе, отсутствует специальная научно-методическая литература, учитывающая специфику тувинского языка. В действующих программах не сформулированы конкретные требования к формированию фонетических, лексических и, в особенности, грамматических навыков, с учетом взаимодействия трех языков (тувинского, русского и английского). Научно не разработаны рациональные пути предупреждения и преодоления ошибок в иноязычной речи учащихся, обусловленных интерферирующим влиянием как родного (тувинского), так и русского языков.

Актуальность статьи обусловлена тем, что в настоящее время все более четко проявляются трудности в обучении английскому языку в национальных школах Республики Тыва.

Таким образом, нам предстоит определить роль грамматических навыков в формировании коммуникативной компетенции у тувинских учащихся, так как английский язык является вторым иностранным языком после русского, и им очень трудно общаться, не имея навыков.

Для этого нам следует решить следующие задачи:

- рассмотреть виды грамматических навыков;
- рассмотреть виды компетенций.

Изучение русского языка, как отмечают многие методисты, является фактором, способствующим процессу овладения третьим языком.

На сегодняшний день учащиеся школ Республики Тыва изучают русский язык как один из основных и обязательных предметов.

Следует признать, что определение роли и места русского языка при обучении иностранному языку в условиях двуязычия – проблема недостаточно исследованная. Она обусловлена тем, что русский язык является не только универсальным средством общения, но и основным средством познания наук и опорой при изучении иностранного языка.

Следует отметить, что для населения Республики Тыва русский язык продолжает оставаться средством широкого межнационального общения на всей территории республики, языком обучения и науки. Однако, родной (тувинский) язык преобладает над русским языком.

Коммуникативная компетенция – способность средствами изучаемого языка осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями, задачами, ситуацией общения в рамках определенной сферы деятельности. В основе коммуникативной деятельности лежит комплекс умений, которые позволяют коммуниканту участвовать в речевом общении (в его продуктивных и рецептивных видах) (Булкин А.П. Изучение иностранных языков в России. Социокультурный аспект ИЯШ - 1998 - №6).

Коммуникативная компетенция считается ведущей и стержневой, поскольку именно она лежит в основе всех других компетенций. Коммуникативную компетенцию сегодня необходимо последовательно формировать и развивать в тесной связи с учебными и информационными умениями. Развитие коммуникативных умений в устной и письменной речи должно рассматриваться не просто как цель, но и как средство успешности овладения любыми предметными знаниями и умениями. Обучение коммуникативной деятельности, как известно, является непосредственной задачей обучения иностранным языкам.

Коммуникативная компетенция не рассматривается как личностная характеристика того или иного человека; ее сформированность проявляется в процессе общения (Булкин А.П. Изучение иностранных языков в России. Социокультурный аспект // ИЯШ - 1998 - №6).

Выделяются следующие компоненты коммуникативной компетенции: лингвистическая, социолингвистическая, дискурсивная, социокультурная, социальная, стратегическая.

Лингвистическая компетенция является основным компонентом коммуникативной компетенции. Без знания слов и правил образования грамматических форм, структурирования осмысленных фраз невоз-

можна никакая вербальная коммуникация (Булкин А.П. Изучение иностранных языков в России. Социокультурный аспект // ИЯШ - 1998 - №6).

Социолингвистичекая компетенция означает умение грамотно и корректно использовать лексический, грамматический, фонетический материал, которым учащийся овладел в процессе изучения иностранного языка, в устной и письменной формах речевой деятельности (Булкин А.П. Изучение иностранных языков в России. Социокультурный аспект // ИЯШ - 1998 - №6).

Дискурсивная сторона коммуникативной компетенции означает качество использования языковых умений и навыков в речевой деятельности, корректность и правильность говорения и письма на иностранном языке, логичность и информационную насыщенность высказываний, что также означает уважение и понимание чужой культуры (Булкин А.П. Изучение иностранных языков в России. Социокультурный аспект // ИЯШ - 1998 - №6).

Социокультурная компетенция подразумевает знакомство с национально культурной спецификой речевого поведения носителей языка, с теми элементами социокультурного контекста, которые релевантны для порождения и восприятия речи с точки зрения: обычаи, правила, нормы, социальные условности, ритуалы, страноведческие знания и т.д. (Булкин А.П. Изучение иностранных языков в России. Социокультурный аспект // ИЯШ - 1998 - №6).

Социальная компетенция проявляется в желании и умении вступать в коммуникативный контакт с другими людьми. Умение же вступать в коммуникативный контакт требует от человека способности ориентироваться в социальной ситуации управлять ею (Булкин А.П. Изучение иностранных языков в России. Социокультурный аспект // ИЯШ - 1998 - №6).

Стратегическая компетенция позволяет компенсировать особыми средствами недостаточность знания языка, а также речевого и социального опыта общения в иноязычной среде (Булкин А.П. Изучение иностранных языков в России. Социокультурный аспект // ИЯШ - 1998 - №6).

Обучение школьников английскому языку в свете указанных выше направлений в ходе продвижения к конечной цели обучения – формированию коммуникативной компетенции – осложняется объективными трудностями, связанными со специфическими особенностями

английской грамматической системы. Грамматика английского языка, являющегося флективным языком с устойчивым порядком слов, представляет большие трудности при ее усвоении учащимися. Необходимо тщательно продумывать технологию формирования у школьников коммуникативной компетенции на английском языке, которая могла бы помочь учащимся справляться с грамматическими трудностями в ходе построения ими коммуникативно ценных высказываний.

Коммуникативную деятельность на английском языке, возможно, осуществлять лишь после знакомства учащихся с необходимым для коммуникации грамматическим материалом, после получении ими инструкции к речевой деятельности в виде правила употребления и формообразования каждого нового для них грамматического явления английского языка. Коммуникативную деятельность должна предварять целенаправленная отработка грамматического материала в некоммуникативных упражнениях с целью лучшего понимания и запоминания учащимися грамматического правила. по мере выполнения таких заданий следует нацеливать учащихся на осуществление конкретных умственных действий грамматического характера, приучая их постепенно самостоятельно и за меньшее количество времени производить грамматическое оформление словосочетаний и предложений на английском языке. Такая технология формирования у школьников грамматических навыков может способствовать более эффективному обучению коммуникативной деятельности (Гез Н. И., Ляховицкий М. В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М., 1982).

Грамматический навык – это способность автоматизировано извлекать из долговременной памяти грамматические средства речи (Бим И.Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе. Проблемы и перспективы. – М.: Просвещение, 1988. – 264 с.).

Грамматические навыки являются компонентами разных видов речевой деятельности и отличаются друг от друга настолько, насколько различны сами эти виды речевой коммуникации. Поэтому определим сначала основные виды грамматических навыков в говорении и письме.

Грамматические навыки говорения обеспечивают правильное и автоматизированное, коммуникативно-мотивированное использование грамматических явлений в устной речи (Шатилов С.Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе. М.: Просвещение, 1986.- 224 с.).

Речевые морфологические навыки обеспечивают правильное и автоматизированное формообразование и формоупотребление слов в устной речи (Бим И.Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе. Проблемы и перспективы. – М.: Просвещение, 1988. – 264 с.).

Синтаксические речевые навыки обеспечивают правильное и автоматизированное расположение слов во всех типах предложений (Цетлин В.С. Как обучать грамматически правильной речи// Иностранные языки в школе. – М.: Просвещение, 1998.- № 1.- 18–21с.).

Рецептивно-активные грамматические навыки обеспечивают автоматизированное соотнесение слухо-речемоторных (при аудировании) и зрительно-графических (при чтении) образов с их значениями (Гез Н.И., Ляховицкий М.В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М., 1982).

Пассивно-рецептивные навыки обеспечивают узнавание и понимание грамматических явлений в тексте, и способность к аналитическому декодированию грамматической информации текста (Пассов Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам. – М.: Русский язык, 1977. – 216 с.).

Под языковыми грамматическими навыками понимаются дискурсивно-аналитические навыки оперирования грамматическим материалом. Формирование этого вида навыков необходимо при обучении иностранному языку, так как языковой навык обеспечивает сознательную ориентировочную основу при формировании речевых грамматических навыков (Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. – 425 с.).

В настоящее время, в связи с утверждением ведущей позиции грамматики в формировании коммуникативной компетенции, проблема формирования грамматических навыков является одной из наиболее актуальных. Грамматический навык по своей природе неоднороден и таким образом требует к себе комплексного подхода, затрагивающего все основные его стороны.

Основным путем формирования грамматических навыков В.С. Цетлин считает автоматизацию дискурсивно-грамматических операций (Цетлин В.С. Как обучать грамматически правильной речи// Иностранные языки в школе. – М.: Просвещение, 1998.- № 1.- 18-21 с.).

Процесс овладения грамматическими явлениями иностранного языка состоит в том, что учащиеся, упражняясь в сознательном вы-

полнении действий, на которые распадается грамматическое умение, постепенно переходят к автоматизированному мгновенному выполнению их, а умозаключения и дискурсивно-грамматические операции производят во все более свернутом виде, и таким образом достигается автоматизированный уровень применения правил (Пассов Е. И. Колова Т. И. Беседы об уроке иностранного языка. – Л., 1975, - 45-69, 148-149 с.).

Различают три этапа формирования навыка: ознакомительно-аналитический (ознакомление обучающихся с новым грамматическим материалом), стереотипизирующий (выработка грамматического материала), варирующий (овладение речевыми грамматическими умениями) (Бим И.Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе. Проблемы и перспективы. – М.: Просвещение, 1988. – 264 с.).

Обучать школьников английскому языку следует, обеспечивая на уроках всестороннюю коммуникацию учащихся на интересующие их темы и ситуации речевого общения, вызывающие у них желание говорить на английском языке, преодолевая трудности грамматического характера (Зимняя И.А. Педагогическая психология: Учебник для вузов. Изд. второе, доп., испр. и перераб. – М.: «Логос», 2001.- 384 с.).

Коммуникативную деятельность на английском языке, возможно, осуществлять после знакомства учащихся с необходимым для коммуникации грамматическим материалом, после получения ими инструкции к речевой деятельности в виде правила употребления и формообразования каждого нового для них грамматического явления английского языка (Гез Н. И., Ляховицкий М. В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М., 1982). Коммуникативную деятельность должна предварять целенаправленная отработка грамматического материала в некоммуникативных упражнениях с целью лучшего понимания и запоминания учащимися грамматического правила. По мере выполнения таких заданий следует нацеливать учащихся на осуществление конкретных умственных действий грамматического характера, приучая их постепенно самостоятельно и за меньшее количество времени производить грамматическое оформление словосочетаний и предложений на английском языке. Такая технология формирования у школьников грамматических навыков может способствовать более эффективному обучению коммуникативной деятельности (Пассов Е.И., Колова Т.И. Беседы об уроке иностранного языка. – Л., 1975, - 45-69, 148-149 с.).

Итак, процесс формирования у школьников коммуникативной компетенции на английском языке должен осуществляться с учетом неизбежно возникающих для учащихся трудностей грамматического оформления (Пассов Е.И. Колова Т.И. Беседы об уроке иностранного языка. – Л., 1975, - 45-69, 148-149 с.). В связи с этим следует: 1) формировать грамматические навыки английского языка, учитывая специфические особенности английской грамматической системы; 2) обеспечивать учащимся обильную речевую практику на английском языке, помогая им справляться с возникающими грамматическими трудностями путем использования различных опор и подсказов как до, так и в процессе воспроизведения ими иноязычных высказываний; 3) обеспечивать создание учащимися коммуникативно ценных высказываний на английском язык в ходе обучения их иноязычному общению с учетом необходимости формирования у школьников лингвистической, социолингвистической, социокультурной, социальной, дискурсивной, стратегической компетенций в рамках коммуникативной компетенции; 4) обеспечивать подлинно мотивированные высказывания учащихся, способствуя, таким образом, появлению у них желания общаться на английском языке (Пассов Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам. – М.: Русский язык, 1977. – 216 с.).

Литература:

1. *Бим И.Л.* Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе. Проблемы и перспективы. – М.: Просвещение, 1988. – 264с.

2. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология: Учебник для вузов. Изд. второе, доп., испр. и перераб. – М.: «Логос», 2001.- 384с.

3. *Крутецкий В.А.* Психология обучения и воспитания школьников. М., 1976. – 216с.

4. *Цетлин В.С.* Как обучать грамматически правильной речи// Иностранные языки в школе. – М.. Просвещение, 1998.- № 1.- С.18–21.

5. *Шатилов С.Ф.* Методика обучения немецкому языку в средней школе. М.: Просвещение, 1986.- 224с.

6. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. – 425с.

7. *Пассов Е.И.* Основы методики обучения иностранным языкам. – М.: Русский язык, 1977. – 216 с.

8. *Пассов Е.И.* Условно-речевые упражнения для формирования грамматических навыков. – М.: Просвещение, 1978. – 128 с.

9. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – Сп.: Питер Ком, 1999. – 120 с.

10. *Гез Н.И., Ляховицкий М.В.* Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М., 1982

11. *Пассов Е.И., Колова Т.И.* Беседы об уроке иностранного языка. Л., 1975, С. 45-69, 148-149

12. *Булкин А.П.* Изучение иностранных языков в России. Социокультурный аспект // ИЯШ - 1998 - №6.

ОСОБЕННОСТИ ПЕСЕННОГО ПЕРЕВОДА
TRANSLATION OF LYRICS AND ITS SPECIAL FEATURES

Азарова Ксения Владимировна
Azarova Ksenia Vladimirovna
Томский государственный университет
Tomsk state university
cheshireshark@gmail.com

В настоящее время, с бурным развитием технологий и, прежде всего, интернета, производство и распространение информации не представляет особого труда. Интернет дает возможность безвозмездно скачивать фотографии, фильмы, электронные книги, музыкальные композиции, а также программы, позволяющие компоновать и записывать музыку даже тем, кто не имел ранее опыта в данной сфере.

Всё это можно считать одной из причин бесчисленного количества аудиозаписей, висящих в сети, и, увы, лишь малый процент этих композиций может представлять какую-либо художественную ценность.

Ранее, акцент в песнях ставился, прежде всего, на тексты. Сегодня же ритм доминирует, слова в песнях – лишь дополнение к цепляющему ритму, в большинстве текстов нет ни капли смысла, а современные исполнители подстраиваются под нужды общества и одновременно диктуют их.

Все же встречаются музыканты, желающие вложить в свои произведения смысл, создать определенную атмосферу, перемещающую слушателя на несколько минут в другую реальность. Некоторые исполнители используют стихи русских классиков и накладывают их на музыку, что несомненно способствует оживлению классической литературы, ибо песня может быть донесена до большего количества людей, а текст в песне воспринимается легко за счет мелодичности и напевности.

Прежде чем перейти к рассмотрению особых черт песенного перевода, стоит ознакомиться с основными положениями перевода поэтического. Для чего переводятся поэтические тексты?

Целью переводных поэтических текстов является осуществление сложного коммуникативного процесса между автором произведения и

читателем, который был воспитан в рамках другой культуры, иных традиций. Поэтому поэтический перевод должен рассматриваться именно как явление межкультурной коммуникации.

Одной из проблем поэтического перевода является невозможность идеально точно передать смысл оригинала со всеми его деталями и при этом сохранить стихотворную форму.

Форму стихотворения составляет комплекс взаимосвязанных элементов, таких, как ритм, мелодия, смысловое, образное, эмоциональное содержание слов и словосочетаний. Формальная структура стихотворного произведения (размер, тип рифмы) создает его ритм.

Информация же поэтического текста подразделяется на два различных подвида: смысловую и эстетическую. Смысловая информация в свою очередь делится на фактуальную и концептуальную.

Фактуальная информация – это сообщение некоторых фактов, событий реального или вымышленного мира. Такая информация может быть найдена в любом, в том числе и нехудожественном тексте.

Как бы то ни было, помимо поверхностной фактуальной информации в художественном тексте также сообщается и концептуальная глубинная смысловая информация. Эта информация не имеет собственных вербальных носителей – мы понимаем ее с помощью фактуального содержания.

Однако в поэтическом тексте есть еще эстетическая информация. В поэзии, и особенно в лирической поэзии, эстетическая информация часто доминирует не только над фактуальной, но и над концептуальной информацией.

В зависимости от того, какой вид информации наиболее важен, возможны три разных метода перевода.

1. Поэтический перевод. При поэтическом переводе осуществляется одновременная передача смысловой (фактуальной и концептуальной) и эстетической информации.

При поэтическом переводе переводчик должен создать новый поэтический текст, равный оригиналу по его концептуальной и эстетической информации. При необходимости возможно изменение формальной структуры текста.

2. Стихотворный перевод - это такой метод перевода поэзии, при котором фактуальная информация оригинала передается только стихотворной речью. Этот вид перевода очень близок к оригиналу в отноше-

нии слов и выражений, в стилистическом отношении, но, к сожалению, этот вид перевода искажает концептуальную информацию.

Данный вид перевода полезен и пригоден для специальных целей: например, для цитирования в научно-филологических работах, для литературных изданий.

3. Филологический перевод поэтического текста выполняется прозой и нацелен на максимально полную передачу фактуальной информации. Это вспомогательный вид перевода, как правило, сопровождающийся обширными комментариями.

В отличие от перевода стихов, переводу песенному посвящено немного работ. Каковы же особенности песенного перевода и как он связан с переводом поэтическим?

Перевод текста песни для исполнения её на другом языке есть не что иное, как одна из разновидностей перевода стихов.

Чтобы понять, в чём заключаются особенности перевода песен, нужно просто вспомнить, что эти стихи не читаются, а поются. Соответственно, главная особенность перевода песенных текстов заключается в том, что переводчик во время своей работы должен постоянно «примерять» получающийся текст на музыку. Он должен иметь не только высокую квалификацию в области перевода текстов, не только поэтический дар, но ещё и музыкальный слух.

Главной целью перевода песни является выполнение некоторых условий:

1. Смысловое условие (максимально точная передача содержания текста);

2. Ритмическое условие (количество строк и слогов песни не должно меняться);

3. Фонетическое условие (количество гласных в оригинале и переводе должно по возможности совпадать).

Однако стоит отметить, что соблюсти все три условия при переводе удается редко.

Перевод песни может преследовать две разных цели: перевод для ознакомления читателя со смыслом текста и перевод для исполнения песни на другом языке.

Перевод текста для ознакомления читателя со смысловым наполнением песни предъявляет к способностям переводчика меньше требований. Этот вид перевода также можно разделить на два подхода: подстрочный перевод и перевод для отдельного прочтения. Первый

подход синхронен, читатель может отслеживать его во время прослушивания песни. Перевод для отдельного прочтения не относится непосредственно к прослушиванию песни и более точно воспроизводит впечатление, которое оригинал должен оказывать на слушателя.

Перевод песни для исполнения её на другом языке задействует метод поэтического перевода стихотворений. Такой перевод невероятно сложен, ибо требует соблюдения формальной структуры текста и наиболее полного воспроизведения фактуальной и концептуальной информации.

В качестве примера песенного перевода, я прилагаю свой вариант перевода песни Аллы Пугачевой «Реквием» на стихи Марины Цветаевой «Уж сколько их упало в эту бездну...».

Стихотворение было написано в 1913 году и спустя почти век было исполнено Примадонной русской эстрады под музыку Марка Минкова.

Очень точно передано настроение всего произведения в названии песни и альбома Пугачевой - «Реквием», альбом «Размышления у камина».

На протяжении всего стихотворения встречаются противопоставления, контрасты, подчеркивающие и усиливающие эмоциональное напряжение. Стихотворение преисполнено скорбной гордостью поэтессы. Это тихий крик её души, сожаление о скоротечности жизни, размышления о забвении. Нежелание жить, чтобы исчезнуть, несогласие с круговоротом жизни, желание остаться в памяти людей такой, какая есть, златовласая, зеленоглазая, порой слишком гордая, но чувствующая всё на грани.

Уж сколько их упало в эту бездну, Разверстую вдали! Настанет день, когда и я исчезну С поверхности земли.	There's myriad of those whose names have perished, As if they'd never lived. The day will come when I will also vanish, It's hard though to believe.
Застынет все, что пело и боролось, Сияло и рвалось: И зелень глаз моих, и нежный голос, И золото волос.	My inner world that sang, that struggled Will slowly die away, - Dim fire of my eyes that were of emerald, My golden hair 'll turn grey.
И будет жизнь с ее насущным хлебом, С забывчивостью дня. И будет все – как будто бы под небом И не было меня!	The life will be an endless time wheel, Oblivion of days. The world will be as if I've never seen there The brightness of sunrays.

Изменчивой, как дети, в каждой мине И так недолго злой, Любившей час, когда дрова в камине Становятся золой,	So different, eccentric, so ambitious, And angry not for long. As time will turn us into silver ashes, I know, I'll soon be gone.
Виолончель и кавалькады в чаще, И колокол в селе... Меня, такой живой и настоящей На ласковой земле!	The violin crying wildly in the forest, Bell ringing on and on. I am so vivid and I am so honest On Earth where I belong.
К вам всем, – что мне, ни в чем не знавшей меры, Чужие и свои?! Я обращаюсь с требованьем веры И с просьбой о любви.	An address to those who were, who will be, To God who reigns above, I do demand that you respect me, I'm asking for some love.
За то, что мне – прямая неизбежность – Прощение обид, За всю мою безудержную нежность И слишком гордый вид,	Please, love me for my being tender, for standing from the crowd, for mercy to those who offend me, My look that seems too proud.
За быстроту стремительных событий, За правду, за игру... – Послушайте! – Еще меня любите За то, что я умру.	For truth, for lies and for pretending, Life sweeping in one breath. Just listen to me in the ending, Please, love me for my death...
– К вам всем, – что мне, ни в чем не знавшей меры, Чужие и свои?! Я обращаюсь с требованьем веры И с просьбой о любви.	An address to those who were, who will be, To God who reigns above, I do demand that you respect me, I'm asking for some love.

В завершение, хотелось бы отметить, что перевод песен — это одна из сложнейших задач для переводчика: она требует от него всестороннего творческого подхода, литературного таланта и музыкального чутья, ведь нужно уловить ту уникальную атмосферу произведения, воплощенную в деталях, и передать её средствами другого языка.

Литература:

1. О фонетическом переводе песенных текстов [Электронный ресурс]: URL: http: www.vsepesenki.ru/stati/5312-o-foneticheskom-perevode-pesennyx-tekstov-chast-1.html (дата обращения: 19.04.2012)

2. Поэтические переводы. Особенности жанра. Какова судьба жанра в 21 веке. [Электронный ресурс]: URL: http: /pishi-stihi.ru/detail.php?id=119 (дата обращения: 16.04.2012).

3. Поэтический перевод [Электронный ресурс]: URL: http: /www.timskorenko.ru poezia6-2.html (дата обращения: 16.04.2012).

4. Искусство перевода и его проблемы [Электронный ресурс]: URL: http: rh.1963. ru/art.htm (дата обращения: 29.04.2012)

5. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность [Электронный ресурс]: URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/poetic-transl.shtml (дата обращения: 29.04.2012)

6. How many have already fallen there [Электронный ресурс]: URL: http://www.stihi.ru/2009/07/19/2547 (дата обращения: 10.05.2012)

7. The Best of Marina Tsvetayeva [Электронный ресурс]: URL: http://cvetaeva.ouc.ru/the-best-of-marina-tsvetayeva-translated-by-ilya-shambat.html (дата обращения: 17.09.2012)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КИТАЙСКИХ МИФОЛОГИЗМОВ
PECULIARITIES OF TRANSLATING CHINESE MYTHOLOGEMS

Атаманова Елена Александровна, Тихонова Евгения Владимировна
Atamanova Elena Alexandrovna, Tikhonova Evgeniya Vladimirovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
elena_chuk@inbox.ru, kulmanakova@rambler.ru

Мифологизмы представляют большой интерес для современного языкознания. Изучение мифологических терминов является особо важным аспектом в филологии, так как мифология лежит в основе всех культур и наук. Активный интерес к мифу вызван следующими причинами: во-первых, актуальность мифа осознается в русле интереса к архаическим традициям, миф рассматривается как материал, позволяющий вскрыть специфику древнего мышления - своего рода «первоосновы» ментальности современного человека; во-вторых, с помощью мифа представляется возможным решение глобальных проблем бытия - неисторическое прошлое мифа трактуется как символический первообраз терминов, значимых во все времена.

Мифологизмы являются ценнейшим компонентом в системе средств художественной выразительности. Слова, фразы и сочетания их в художественном тексте, образуя подобие сообщения, обладают при этом определенной полифункциональностью. Изображая вымышленные события и вымышленные миры по сходству с реальными, они выстраивают как взаимосвязи внутри мира, так и аналогии с миром действительным. А поскольку процессы в реальности многомерны и многовалентны, то само человеческое сознание достраивает эти отношения и в мире вымышленном. Такая особенность мышления позволяет, например, истолковывать поведение персонажа, исходя из собственного опыта и существующих теорий, так же, как и поведение реального индивидуума, сведения о котором имеются в распоряжении читателя. В то же время человеку свойственно проецировать свои представления, ощущения,

переживания как на объекты, окружающие его в действительности, так и на художественные образы. Благодаря этому, герои, эпизоды, детали текста могут по ассоциации связываться с целым кругом понятий, а также наполняться символическим, мифологическим, идеологическим или психологическим смыслом.

Среди основных проблем и специфических трудностей, которые возникают в процессе перевода произведений жанра "фэнтези", исследователи выделяют:

1) лакуны и частичные несоответствия в национальных системах фантастических образов;

2) реалии и реалии-неологизмы, основанные на аллюзиях и ассоциациях в этих системах;

3) квазисобственные имена, то есть имена значимые, выдуманные автором для обозначения несуществующих реально объектов.

Особый интерес в семантической структуре фантастического текста представляют имена собственные, которые служат своеобразным ключом в раскрытии художественного замысла писателя. На первый взгляд может показаться, что перевод имен собственных не представляет особенных трудностей для переводчика. Имя собственное всегда является реалией. В речи оно называет действительно существующий или выдуманный объект мысли, единственный в своем роде и неповторимый. В каждом таком имени обычно содержится информация о локальной и национальной принадлежности обозначаемого им объекта. Трудности перевода в значительной степени связаны именно с передачей национального характера того или иного произведения: чем ярче оно отражает национальный колорит, тем труднее переводчику найти соответствующие, адекватные функциональные изобразительные средства.

Естественно, что каждый писатель при выборе имен обращает внимание на их фонемику, морфемику, которые способствуют передаче экспрессивных оттенков. Подбирая имена, автор ориентируется на словарь имён, общепринятую формулу, с помощью которой можно передать информацию о социальном, национальном, возрастном положении именуемого лица. Кроме того, состав и сочетание антропонимов зависит и от социальной и эстетической позиции автора художественного текста, от общей культуры писателя и культуры той среды, в которой живет персонаж.

Функционирование имен собственных в тексте имеет свою специфику, так имена и названия являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемым стиля писателя, одним

из средств, создающих художественный образ. Онимы могут нести на себе заметно выраженную смысловую нагрузку, иметь необычный звуковой облик, обладать скрытым ассоциативным фоном [2, с.347]. Имена собственные должны быть стилистически верными и точными, должны соответствовать всему духу, идее, целям произведения, должны нести характерный колорит, а иногда и какой-то специальный смысл, особое значение, в котором сконцентрированно выражена авторская идея.

В процессе перевода часто возникает вопрос: переводить ли осмысленные, многозначительные, хоть и выдуманные, имена или следует оставить все имена и фамилии в транскрипционном варианте написания. Вместо звучных имен, за которыми неизбежно проступает весь пласт культуры со всеми ее отголосками, существует риск получить висящие в воздухе прозвища и клички, не имеющие корней ни в культуре оригинала, ни в той, под которую их пытались приспособить переводчики. Переводчик может решить, что имена или прозвища персонажей исходного текста стоит перевести или, по крайней мере, дать их перевод в выносных комментариях. Но при этом он должен обладать чувством меры и осознанием ответственности. Строго говоря, эта задача трудно выполнима: почти невозможно точно передать на другом языке, понятия и реалии, в этом языке не существующие. И все же переводчикам стремятся как можно ближе приблизиться к оригиналу, передать если не органическую слитность буквы и духа, то хотя бы дух подлинника.

Учёные создали классификацию имён собственных, согласно которой первую группу вымышленных имен собственных составляют имена, лексический фон которых в русском и китайском языках идентичен. Во второй группе аллюзивных имен собственных лексический фон в китайском и русском имени собственном не совпадает, что требует отдельного переводческого решения. Третья группа имен - это имена, в которых лексический фон присутствует только в исходном языке и которые неизвестны реципиентам перевода. К числу таковых относятся имена собственные - антропонимы, топонимы и так далее, представляющие собой реалии страны и составляющие её специфическую историю. Такие имена собственные не могут быть просто транслитерированы: необходимо давать к ним сноску, содержащую толкование лексического фона, актуализированного в данном контексте.

Особый интерес представляет вопрос о способах передачи слов как названий реалий. При этом речь идет именно о переводе названий реалий, а отнюдь не о самих реалиях, так как реалия – понятие экстра-

лингвистическое и не может переводиться, как не может переводиться с одного языка на другой любая существующая в природе вещь.

Перевод названий реалий фактически сводится к четырем основным методам:

Во-первых, транскрипция либо транслитерация – непосредственное использование переводимого слова, обозначающего реалию, либо его корня в написании буквами своего языка или в сочетании с суффиксами своего языка.

При первом упоминании географического названия обычно после русского обозначения в скобках приводится название на языке оригинала. Тем не менее, этот способ следует применять после тщательной проверки, так как, возможно, имеется совсем другое написание географического названия, которое используется на протяжении уже довольно длительного времени.

Во-вторых, создание нового слова или сложного слова, или словосочетания для обозначения соответствующего предмета на основе элементов и морфологических отношений, уже реально существующих в языке. В основе своей этот перевод является описательным перифрастическим.

В-третьих, использование слова, обозначающего нечто близкое (хотя и не тождественное) по функции к иноязычной реалии, иначе – уподобляющий перевод, уточняемый в условиях контекста, а иногда граничащий с приблизительным обозначением.

И, наконец, четвертый метод: если названия объектов культуры, имеющие аналоги в культуре народов, говорящих на русском языке, не вызывают особых трудностей, то для их перевода используется метод калькирования.

В практике с подобными трудностями перевода сталкиваются многие переводчики. Перевод китайских произведений, в которых встречаются вымышленные персонажи и миры, имеет свои особенности. Например, при переводе книги Юань Кэ «Мифы древнего Китая» переводчики и редакция столкнулись со многими трудностями. В китайском языке отсутствует грамматическое понятие рода, в связи с этим было крайне сложно дать перевод в тех случаях, когда неизвестно, какого пола тот или иной мифический персонаж. В таких случаях пришлось основываться на более поздней интерпретации пола героя. Большую сложность представляло и транскрибирование имён мифологических героев. В книге приводится огромное количество источников. Для удобства читателей большинство названий переведено на русский язык и лишь

незначительное число их дано в транскрипции. Сказанное относится и к многочисленным географическим названиям, тем более что речь идёт по большей части не о реальных названиях современной географии, а о чисто фантастических, условных названиях гор и рек. При этом рядом оставлена и транскрипция.

Система мифологизмов образует особый пласт языка. В ряде языковых ситуаций поведение собственных имен, например, настолько отлично от соответствующего поведения слов других языковых категорий, что можно утверждать, что это некоторый другой, иначе устроенный язык, который поддается переводу при помощи переводческих трансформаций и соответствующих языковых преобразований [1, с.530]. Таким образом, каждый переводчик, руководствуясь различными справочными пособиями, комментариями, фоновыми знаниями и глоссариями, индивидуально подходит к проблеме передачи текста и решает проблему перевода выдуманных имен, названий, вымышленных реалий [3, с.211-212].

С полной уверенностью можно сказать, что залогом успеха перевода любой сказки, легенды, мифа является точное воссоздание реального и нереального мира произведения, творческий талант переводчика, его мастерство и языковое чутье. Таким образом, одной из основных задач переводчика остается не только умение произвести необходимые трансформации, но и совершенствование знаний, прежде всего, русского языка, мировой культуры и традиций.

Литература

1. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство, 2001. 703 с.
2. *Лукин В.А.* Художественный текст. М.: Ось-89, 1999. 192 с.
3. *Пропп В.Я.* Проблемы комизма и смеха. М.: Лабиринт, 1999. 288 с.

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ РЕАЛИЙ. REALIA NOTION AND CLASSIFICATION

Золотарев Станислав Викторович
Stanislav Victorovich Zolotarev
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
e-mail: 7elect@mail.ru

Термин ***реалии*** получил широкое распространение в различных областях лингвистических исследований – лексикологии, лексикографии, теории и практике перевода, межкультурной коммуникации, лингвострановедении.

Интерес к языку как явлению социальному - одна из отличительных черт современного языкознания. На протяжении более полувека реалии были предметом подробного рассмотрения в рамках переводоведческих исследований. Переводом является некоторое языковое посредничество, которое всецело ориентировано на иноязычный оригинал. В этой связи перевод рассматривается как иноязычная форма существования сообщения, содержащегося в оригинале. Межъязыковая коммуникация, осуществляемая посредством перевода, в наибольшей степени моделирует непосредственное речевое общение, при котором ее участники пользуются одним и тем же языком.

Эквивалентность содержания оригинала и перевода выступает в качестве основы их коммуникативной равноценности, предполагаемое наличие которой делает данный текст переводом. Норма эквивалентности перевода не является неизменным параметром. Она означает необходимость возможно большей общности содержания оригинала и перевода, но лишь в пределах, совместимых с другими нормативными требованиями, обеспечивающими адекватность перевода.

В переводоведении понятие «реалии» трактуется как национально-специфические элементы национально-культурного аспекта текста и вызывают наибольшие затруднения в процессе перевода как акта межъязыковой и межкультурной коммуникации. Очевидно, что полное осмысление и тщательное исследование языковых явлений возможно лишь с учетом как языковых, так и внеязыковых факторов в их полном объеме и разнообразии.

Непосредственно само слово «реалия» происходит от латинского прилагательного realia – «вещественный», «действительный». Реалия в качестве отражения особенностей национальной культуры стала рассматриваться в лингвистической литературе с 50-х годов XX века. На основе анализа можно выделить два основных аспекта в определении сущности языковых реалий: лингвистический и экстралингвистический (переводческий и лингвострановедческий).

Представитель страноведческой позиции М. Л. Вайсбурд дает следующее толкование реалии: «Это события общественной и культурной жизни страны, общественные организации и учреждения, обычаи и традиции, предметы обихода, имена исторических личностей и т.д., а также множество разрозненных фактов, не поддающихся класси-

фикации». Если придерживаться такого определения, - комментирует С.Флорин, то «такое понимание исследуемого явления слишком сильно расширяет границы реалий и делает данный пласт лексики необъятным». [1, 43]

В свою очередь В. М. Росселье, на наш взгляд, дает более точное определение реалии: это «иноязычные слова, которые обозначают понятия, предметы, явления..., не бытующие в обиходе того народа, на язык которого произведение переводится». [2, 68]

Энциклопедические издания, такие как «Словарь лингвистических терминов» Д.Э. Розенталь и «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой представляют очень емко понятие:

1) «реалии - предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова»;

2) «Реалии лат. reália.

Следует отметить, что в подавляющем большинстве своем реалии - имена существительные. Среди реалий почти не встречаются отглагольные существительные, что объясняется отсутствием содержания реалий определённого действия. Но существуют производные от реалий. Особую группу таких производных составляют отыменные прилагательные. Например: вершковый, аршинный, саженный, копеечный, рублевый. Значение их связано со значением реалии, от которой они произошли. В прямом значении - это относительные прилагательные, большей частью не имеющие эквивалентов-прилагательных в других языках. Прилагательное может приобретать как прямое, так и переносное значение.

Попытки классификации реалий предпринимались многими известными лингвистами, при этом критерии предлагались самые разные: временные, семантические, грамматические, местные, фонетические и многие другие.

Один из первых по семантическому принципу предлагал типизировать реалии А.Е. Супрун, то есть выделять семантические группы реалий.

Классификация А.Е. Супруна основывается также на предметной области и представляется таким образом:

1. общественно-бытовые реалии: жилище, предметы быта, одежда, украшения, пища, напитки, родственные отношения, традиции и

обычаи, народные игры, фольклорные песни, названия народных музыкальных инструментов.

2. этнографические реалии: названия родов и племён.

3. мифологические реалии: а) злые духи; б)сказочные персонажи.

4. религиозные реалии.

5. ономастика: имена и фамилии, географические названия.[3, 52—53]

Для практического анализа социально-бытовых реалий мы использовали роман М.Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевод на французский язык [4,5]. Рассмотрим, как социально-бытовые реалии переданы на французском языке, донесен ли полностью смысл и замысел автора до французского читателя.

1) будочка с надписью «Пиво и воды» - une baraque dont le fronton portait l'inscription : «Bière, Eaux minérales» – при переводе используется лексико-семантическая трансформация.

2) Нарзану! - de l'eau de Narzan! – прием лексических добавлений - компенсация.

3) «Литературная газета» - la Gazette littéraire – прием перевода - калька.

4) звякну по телефону - donner un coup de téléphone

5) подъезд - l'entrée de l'immeuble – русизм переведен способом экспликации;

6) сугроб - un tas de neige (куча снега) – экспликация.

Слова-реалии представляют особенный интерес в межкультурной коммуникации, поскольку являются носителем лингвокультурологического компонента.

Одним из условий для достоверной передачи информации, содержащейся в подлиннике, является способность переводчика проникнуть в реальность, описанную в подлиннике, он должен понять жизнь, изображенную автором, иметь верное представление о вещах, обозначаемых языковыми реалиями.

Основные трудности для переводчика вызывают два обстоятельства при переводе реалий: отсутствие в языке перевода эквивалента, аналога, соответствия и необходимость, наряду с семантическим значением реалии, передать и коннотацию, то есть колорит, ее национальную и историческую окраску.

Таким образом, можно сделать вывод, что для того, чтобы понять контекст определенного речевого события, его коммуникативную роль в составе общего повествования, говорящий и слушающий, пишущий и читающий должны обладать общими фоновыми знаниями, которые включают не только собственно языковые знания, но и сведения исторического, культурного, социального характера. Это особенно важно для понимания именно текстов художественной литературы, поскольку для понимания характеров, событий, отношений читающий должен представлять себе достаточно хорошо весь историко-культурный и социальный фон того, что описывается в данном конкретном произведении речи.

Литература

1. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. Монография. - М.: Высшая школа, 1986 - REPRINT: 2003

2. *Казакова Т.А.* Практические основы перевода. – СПб.: Союз, 2002.

3. *Супрун А.Е.* Указ. соч., Реформатский А. А. Введение в языковедение, с. 139.

4. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. Театральный роман. Собачье сердце.- Томское книжное издательство, 1989.- 640 с.

5. *LE MAÎTRE* ET MARGUERITE / Ebooks libres et gratuits – URL: http://www.ebooksgratuits.com/html/boulgakov_maitre_et_marguerite.html

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДЕЛОВЫХ ПИСЕМ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ
TRANSLATION FEATURES OF BUSINESS LETTERS IN CHINESE

Иванникова Алёна Геннадьевна
Ivannikova Alena Gennadievna
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
National Research Tomsk Polytechnic University
alyona.ivannikova@yandex.ru

На сегодняшний день Китай является наиболее бурно развивающейся страной, количество его деловых связей с другими странами непрерывно возрастает. Это, несомненно, влечёт за собой необходимость в деловой переписке, основная часть которой – правильное составление делового письма , что требует знания не только особых устойчивых норм, или клише, которые используются во всём мире, но и специфических особенностей языка и культуры страны. Объектом данного исследования является деловая переписка на китайском языке. Предмет –

исследование церемониаль-ности китайского языка, или формулы вежливости в деловых письмах. Целью данной работы стало рассмотрение основных способов выражения вежливости в китайских деловых письмах.

Высокая степень унификации, стандартизация как ведущая черта синтаксиса, высокая степень терминированности лексики, логичность, безэмоциональность, информационная нагрузка каждого элемента текста, внимание к деталям характерны для языка документов и отличают его от устной спонтанной деловой диалогической речи. Наиболее часто в деловой сфере используются следующие виды деловых писем: резюме и письмо с просьбой о приеме на работу, письмо-заявление об уходе, рекомендательное письмо, письмо-отказ, письмо-запрос о ходе исполнения дела (договоренности, сделки и т.п.), письмо-напоминание, письмо-уведомление, письмо-благодарность. Любое деловое письмо принято делить на следующие части: вступительное обращение, текст письма, заключительная формула вежливости, подпись – как завершающая часть.

При составлении делового письма необходимо соблюдать следующие требования:

1) Отправитель должен точно знать, как представить своё сообщение в понятной, сжатой и доступной форме;

2) Письмо должно быть простым, логичным, конкретным и не допускать двусмысленностей. Лаконичные письма характеризуют адресантов как хороших собеседников, владеющих искусством общения. Фразы должны легко читаться, нежелательно использование большого количества причастных и деепричастных оборотов;

3) Письмо должно составляться только по одному вопросу, при этом его текст надо разбить на абзацы, в каждом из которых затрагивается лишь один аспект данного вопроса;

4) Письмо должно быть убедительным и достаточно аргументированным;

5) Письмо должно быть написано в нейтральном тоне, нежелательно употребление метафор и эмоциональноэкспрессивных фраз;

6) Объем делового письма не должен превышать двух страниц печатного текста;

7) Недопустимы орфографические, синтаксические и стилистические ошибки;

8) Деловое письмо должно быть корректным, написано вежливым тоном.

Язык официально-деловых документов по определению должен быть вежливым и тактичным, однако такие особенности китайской культуры, как глубокое уважение к деловому партнёру и высокая ценность коммерческого сотрудничества проявляются в официальной документации на китайском языке как повышенная учтивость к адресату и сравнительно частое употребление вежливых формулировок. В письмах делового характера это может выражаться частыми употреблениями разнообразных форм вежливости, которые приняты в Китае повсеместно и которые необходимо знать для того, чтобы вести бизнес с китайскими партнёрами.

Рассмотрим некоторые примеры деловых писем, чтобы ознакомиться с наиболее часто встречающимися из них. Для начала остановимся на тех формулах вежливости, которые обычно используются во вступлении. Во-первых, это обращение к адресату: 尊敬的XX先生; 尊敬的先生/女士; 尊敬的领导; 尊敬的河南电器公司. В приведённых обращениях используется одинаковый, самый распространённый способ начала официального письма – это определение 尊敬的, что означает «уважаемый». Далее в зависимости от того, к кому мы обращаемся, мы используем разные виды обращений. Если мы пишем конкретному человеку, то мы должны сочетать его\её фамилию с обращением господин\госпожа, причём фамилия всегда пишется перед словами господин\госпожа: 尊敬的王先生 Уважаемый господин Ван; 尊敬的白女士 Уважаемая госпожа Бай. Если мы не знаем фамилии адресата, то мы можем просто указать его должность, к примеру: 尊敬的领导 Уважаемый директор.

Если мы пишем не к конкретному человеку, а к нескольким людям, например, при написании письма рабочему коллективу, то мы обращаемся к ним как «уважаемые господа\дамы»: 尊敬的先生 Уважаемые господа; 尊敬的女士 Уважаемые дамы. Если мы не знаем ни фамилии, ни должности получателя письма или мы отправляем его всей компании в целом, то после слова «уважаемая» мы можем написать название компании: 尊敬的河南电器公司 Уважаемая Хэнаньская фирма по производству электроприборов. При написании письма одному человеку, после обращения обязательно используется приветствие в вежливой форме, например: 尊敬的领导，Уважаемый директор, 您好！ Здравствуйте!

Следующая часть делового письма – это объяснение причины его написания, постановка цели. Часто в данном разделе даётся указание на существование определенных отношений между адресантом и адресатом письма. К примеру, если составитель письма пишет к организации в целом, то при её упоминании используется не имя организации, но специальная формулировка 贵公司, что буквально означает – «дорогая (драгоценная) компания». Это также является одной из наиболее часто употребляемых форм вежливости в деловой переписке. Например, при написании ответа на письмо из другой компании, обычное вступление выглядит так: 贵公司的来函收悉 Мы получили Ваше письмо; 针对贵公司的来函... В ответ на Ваше письмо....

При написании письма какому-то конкретному человеку, слово «дорогая фирма» (贵公司) заменяется местоимением «Вы» (您): 您的来函收悉 Мы получили Ваше письмо; 针对您的来函 В ответ на Ваше письмо.... Также если данное деловое письмо является ответом на ваше предыдущее послание, то представитель китайской стороны обязательно выразит вам за него благодарность. При этом обычно используются следующие формулировки: 很高兴收到您的来信 Очень рад получить от Вас письмо; 能收到您的传真我们深表荣幸，谢谢您！ Получить Ваш факс для нас большая честь, спасибо. Помимо этого, часто в деловой переписке между компаниями – партнёрами адресат обозначается как 贵方 (дорогая сторона), например: 贵方于2010年7月10日与我方签订了合同 ваша сторона заключила договор от 10 июля 2010 года с нашей стороной.

Если в начале письма была использована формулировка 贵公司 (дорогая фирма) , 贵方 (дорогая фирма) или просто 您 (Вы), то она, как правило, сохраняется на протяжении всего послания и при необходимости повторяется несколько раз в одном предложении. Использованное в начальной части предложении обращение не заменяется синонимами или местоимениями для избегания неправильного толкования смысла.

Следует помнить, что официальное письмо – это строго стандартизованный вид письма, который не может содержать в себе просторечных фраз или ругательств. Поэтому даже при составлении жалобы необходимо придерживаться определённых правил вежливости и излагать претензии в наиболее лояльной форме. Любое официальное письмо должно содержать в себе принятые формы вежливости. К примеру, в письме-претензии можно увидеть следующую формулировку: 贵公司

对于我公司的协助工作存在以下的问题 существуют нижеследующие проблемы по оказанию нам содействия вашей фирмой; 我公司至今仍然未得到贵公司所承诺提供的服务 наша фирма до сих пор не получила услуг, обещанных вашей фирмой; 希望贵公司能尽快解决以上问题，确保我方工作能够顺利进行。Надеемся на скорейшее разрешение вышеперечисленных проблем Вашей фирмой, что обеспечит успешнуюработу нашей стороны; 我方保留要求贵方赔偿我方经济损失的权利 наша сторона сохраняет требование к Вашейстороне о выплате компенсации за ущерб; 由于贵方行为违背了双方签定的合同，我方特向贵方提出以下要求 так как Ваша сторона нарушила договор, заключённый обеими сторонами, то наша сторона выдвигает Вам нижеследующие требования.

При рассмотрении письма-извинения, конечно, нельзя не отметить большего количества вежливых формулировок, извинений: 很抱歉我司的服务不能让您满意，对于贵方的流标，我们更感到万分惋惜！Приносим глубокие извинения за то, что услуги, предоставленные нашей фирмы, оставили Вас неудовлетворёнными, мы также ужасно сожалеем, что испортили репутацию Вашей фирмы; 雷院长，谢谢您垂读我们的解释，希望与您成为朋友。Управляющий Лэй, спасибо, что вы рассмотрели наши объяснения, надеюсь, что сможем статьдрузьями; 由于我司的市场人员行为莽撞，触犯和打扰您及贵司，我们已做出相关处罚。Мы уже применили санкции к тем работникам нашей фирмы, которые мешали, а также поступали необдуманно по отношению к Вам и Вашей фирме.

Заключительная часть делового письма на китайском языке тоже значительно отличается от его русского аналога. Несомненно, деловые письма в большинстве своёмне обходятся без выражения желания дальнейшего сотрудничества и поддержания связи с партнёром. Этообычно выражается с помощью следующих устойчивых фраз: 等您的回信！Ждем Вашего ответа; 期待着您的复音 Надеемся, на Ваш быстрый ответ; 请尽快回复 Пожалуйста, ответьте как можно быстрее; 如蒙早日复函，不胜感激 Мы будем признательны за быстрый ответ; 我们希望不久将收到贵答复 Надеемся получить Ваш ответ в ближайшем будущем; 预致谢意 заранее благодарим Вас...; 请保持联络！Держите связь с нами; 多谢合作！ Спасибо за сотрудничество!

Частым атрибутом делового письма является просьба обращаться за разъяснениями к адресату в случае возникновения вопроса у получа-

теля письма. Составители письма на китайском языке используют для этого следующие формы вежливости: 未提到的或不详之处，请随时提出宝贵意见。Если остались какие-либо вопросы и предложения, прошу незамедлительно сообщить; 有任何问题，请及时联系。Прошу как можно скорее обращаться к нам, если у Вас есть вопросы; 烦请联络! Обращайтесь ко мне, если что-то неясно; 若贵方需要什么帮助，我们愿意效劳 Просьба обращаться к нам, если Вам потребуется помощь.

При желании продолжать сотрудничать с вами, китаец напишет: 希望我们合作愉快 надеюсь на благоприятное сотрудничество!; 希望我们能建立良好的合作关系надеюсь, мы сможем установить хорошие партнёрские отношения; 我们很乐意同您进行合作 Очень рады сотрудничать с Вами. При прощании китайцы используют устойчивые формы вежливости, выражающие пожелания адресату, такие как: 祝工作顺利，生活幸福！ Желаю успехов в работе и счастья в жизни!; 祝贵司生意兴旺发达！Желаю процветания Вашей фирме!; 祝您身体健康，工作快乐，全家幸福！Желаю Вам здоровья, получать радость от работы, счастья всей семье!; 祝贵公司猴年大吉，生意兴隆，蒸蒸日上！Желаю в год Обезьяны процветания Вашей фирме и Вашему бизнесу!; 请代我向贵公司总经理问候！ Передайте, пожалуйста, мои наилучшие пожелания Вашему генеральному директору! Наконец, конечная часть делового письма – подпись. Аналогом русского «С уважением» или английского «Yours faithfully» в китайском языке служит фраза 此致敬礼 или её краткий вариант 此致, что дословно означает «с наилучшими пожеланиями», после которой следуют подпись адресанта и дата написания письма.

В данной статье мы лишь вкратце рассмотрели особо часто встречающиеся формулы вежливости в официальных письмах на китайском языке. Для успешного сотрудничества с китайскими партнёрами необходимо владеть знаниями не только языка, но и обширными фонологическими знаниями о культуре и обычаях Китая. Необходимо также отметить, что все примеры, приведённые в статье, сопровождаются не дословным, а эквивалентным переводом на русский язык. Таким образом, одной из задач данной статьи было показать, что формулы вежливости в китайском языке имеют клишированный характер и являются устойчивыми, замена их на другие сходные по смыслу нежелательна.

Литература:

1. *Оскокевич Е.Д.* Учебное пособие по деловому китайскому языку. Внешнеторговые контракты. Восток-Запад, АСТ, 2006 г.

2. *Готлиб О.М.* Коммерческое письмо. Китайско-русские соответствия. Учебное пособие по переводу. Муравей, 2003 г.

3. *Кондрашевский А.Ф., Демина Г.Я.* Китайский язык для делового общения. АСТ Восток-Запад, 2009 г.

4. *Китайско-русский* словарь под редакцией Ся Чжуньи, Шанхайский институт иностранных языков. Издание Шаньу Иньшугуань, 2004 г.

КУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В АСПЕКТЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ СИММЕТРИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ
CULTURAL INFORMATION IN LITERAL TRANSLATION: INTERLINGUAL ASPECT

Капитонова Марина Андреевна
Marina A. Kapitonova
Сибирский федеральный университет
Siberian Federal University
marina.kapitonova@bk.ru

Получившее в наши дни широкое развитие межкультурное взаимодействие определяет необходимость и важность не только знания иностранных языков, но и целых культур. Одним из основных источников сведений о той или иной культуре является ее язык. Не секретом является тот факт, что информация об элементах как материального (например, предметах быта), так и об элементах духовного мира отражена (или «закодирована») в его языке. Язык, иными словами, – это не только система знаков, используемых для коммуникации внутри/вне культуры, но, в более широком смысле, хранилище запасов информации и знаний о культуре. Не случайно знания о многих культурах, прежде всего, базируются на восстановлении и последующем изучении созданных данными культурами текстов. Таким образом, именно созданный народом художественный текст может служить тем важным «связным» элементом в рамках современного процесса межкультурного взаимодействия.

Являясь результатом высокой организации разных языковых уровней, художественный текст состоит из различных типов информации, основными из которых являются культурная, эстетическая и когнитивная. В одной из своих работ И.С. Алексеева отмечает, что всякая информация, закодированная языком, представляет собой текст, у которого есть своя функция [Алексеева, 2004: 135]. В рамках рассматриваемой нами темы можно сказать, что сочетание культурной и эстети-

ческой типов информации позволяет тексту выполнять эстетическую функцию – главную функцию любого типа художественного текста. В свою очередь, культурная информация неразрывно связана с понятием культурной памяти, т.е. информацией, уже прошедшей стадию понимания и сохранения народом. Оба эти понятия являются коллективными и объединяющими, и потому находят свое непосредственное воплощение в рамках национальных текстов. Культурная информация и память являются движущей силой в создании новых текстов и сохранении уже созданных. Этот факт находит свое подтверждение в словах Ю. Лотмана, утверждающего, что «культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т.е. надындивидуальный характер механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. [...] Общая для пространства данной культуры память обеспечивается, во-первых, наличием некоторых константных текстов и, во-вторых, или единством кодов, или их инвариантностью, или их непрерывностью и закономерным характером трансформации» [Лотман, 1992].

Любой созданный текст потенциально является объектом перевода. В рамках вышеупомянутого процесса сближения и взаимодействия культур перевод художественных текстов, впрочем, как и перевод в принципе, является незаменимым механизмом успешного осуществления данных процессов. Если поэтапно представить процесс перевода любого художественного текста, то можно сказать, что он состоит из процессов расшифровки оригинального текста и его записи на языке перевода. При этом полученный текст зачастую можно считать относительной копией оригинала. Данную относительность проще всего рассматривать в рамках универсальной переводческой категории симметрии.

К началу XX столетия ученые накопили достаточно много знаний о природе симметрии. Одной из наиболее известных исследовательских работ в области изучения симметрии является работа Г. Вейля «Симметрия», изданная в 1968 году. В 1972 году была опубликована работа А.В. Шубникова и В.А. Копцика «Симметрия в науке и искусстве», которая уже через два года выходит в английском варианте. Ученые дополняют существующую теорию симметрии и рассматривают ее через понятие относительного равенства. Они считают, что «два предмета могут быть равными в отношении определенных характеристик, если

оба объекта этими характеристиками обладают». В контексте современной науки симметрия представляется как общенаучная категория, характеризующая структуру системы. Значимым свойством симметрии является стремление к сохранению тех или иных свойств системы по отношению к определенным преобразованиям. Симметрия определяется как «закон строения структурных объектов или, точнее, как группа допустимых преобразований, сохраняющих структурную целостность рассматриваемых систем» [Шубников, Копцик, 1972: 261].

В науку и искусство понятие симметрии вводится через понятие структуры. Произведения искусства обладают достаточно сложной художественной структурой, представляют собой органическое переплетение и взаимопроникновение различных подструктур – отдельных компонентов художественной выразительности [Белозерова, 2000: 31]. Универсальность категории симметрии позволяет применять ее и в гуманитарных сферах науки, в том числе и в лингвистике и в переводоведении. Учитывая тот факт, что текст характеризуется высокой организацией разных языковых уровней, то и симметрия здесь будет разноуровневой. С учетом универсальной категории симметрии можно утверждать, что оригинальный (первичный) текст симметричен тексту переводному (вторичному) в случае успешности перевода [Разумовская, 2010: 35]. Взяв во внимание тот факт, что при переводе мы имеем дело с языковыми объектами (текстами), то будет правильным утверждать, что установление отношений симметрии между текстом исходным и текстом переводным предполагает, прежде всего, рассмотрение симметричных языковых элементов. Другими словами, мы рассматриваем составляющие элементы текста как структуры согласно их принадлежности к языковым ярусам (фонетическая, грамматическая, лексическая и т.д.).

В той же работе А.В. Шубников и В.А. Копцик рассматривают симметрию как метод изучения структурных регулярностей. «Между симметрическими пространствами существует изоморфизм [Shubnikov, Koptsik, 1974: 307]. Создание симметрических объектов является результатом симметрических трансформаций - процессов, приводящих к соответствию фигур при их отражении» [Shubnikov, Koptsik, 1974: 13]. Следовательно, основополагающими категориями в теории симметрии будут являться категории изоморфизма и трансформации.

Термин «изоморфизм» появился еще в античные времена и перешел в сферу переводоведения из точных и естественных наук. Его переход связан с именем польского лингвиста Е. Куриловича, который употреблял его для обозначения структурных аналогий между звуковыми и семантическими единицами, например слогом и предложением: «обе единицы представляют собой иерархическую структуру с центральным, обязательным компонентом: гласной для слога, сказуемым для предложения, и факультативными компонентами: согласными для первой единицы, прочими членами для второй» [Курилович, 1962: 24]. Однако наиболее полное определение понятия изоморфизма можно найти в философском словаре: «Изоморфизм (греч. isos - одинаковый и morphe - форма) - понятия, характеризующие соответствие между структурами объектов. Две системы, рассматриваемые отвлеченно от природы составляющих их элементов, являются изоморфными друг другу, если каждому элементу первой системы соответствует лишь один элемент второй и каждой операции (связи) в одной системе соответствует операция (связь) в др., и обратно» [31].

В сфере переводоведения понятие и категория изоморфизма не является новым, поскольку зачастую передача изоморфного комплекса на разных языковых уровнях оригинального текста в тексте перевода считается критерием успешности перевода. Переводоведы выделяют, в основном, три типа текстового изоморфизма:

-внутритекстовой изоморфизм текста-оригинала (или примарная симметрия текста-оригинала)

-внутритекстовой изоморфизм текста-перевода (или секундарная симметрия текста-оригинала)

-межтектовый изоморфизм (межъязыковая симметрия текста-оригинала и текста-перевода) [Разумовская, 2010:144].

В отличие от первых двух типов изоморфизма, изоморфизм межтекстовый имеет динамический характер, поскольку он ориентирован именно на процесс перевода с опорой на симметричный конечный результат, поиск изоморфных соответствий между текстом -оригиналом и текстом-продуктом и призван описывать поиск установленных закономерных соответствий в целях создания оптимального перевода. Межъязыковая симметрия базируется на расшифровке в тексте-оригинале, передаче и создании в тексте-переводе симметричных языковых элементов, которые напрямую несут в себе культурную информацию. К таковым элементам можно отнести перевод разных типов реалий, ал-

людей, имен собственных, так называемых, «говорящих фамилий» в текстах прозы и поэзии. Изучение комплексного культурологического понятия межъязыковой симметрии, которую можно также назвать межкультурной симметрией, является новым направлением в переводоведении, включающим рассмотрение лингвистических и когнитологических вопросов.

В связи с новизной рассматриваемой нами проблемой, интересно было бы рассмотреть ее в рамках перевода поэтического текста. Оригинальные поэтические тексты существуют для того, чтобы «обеспечить духовное общение между автором и его соплеменниками – пусть они даже разделены толщей столетий». Следовательно, переводные поэтические тексты существуют для того, чтобы «осуществить еще более сложный коммуникативный процесс – духовное общение между автором и его читателями, которые воспитаны в лоне другого языка и другой культуры» [Гончаренко, 2011]. Справедлив тот факт, что перевод поэтического текста - наложение духовного содержания одной культуры на духовное содержание другой культуры, посредством принятия во внимание временных, психологических и этнических факторов переводной культуры. Поэтому поэтический перевод рассматривается как «интер-лингво-этно-психо-социо-культурной коммуникацией» [Гончаренко, 2011]. Перевод поэтического текста - всегда вызов для переводчика. Автор поэтического оригинала укладывает свое вдохновение, мысли, идеи в особую, уникальную форму, которая отличается жесткими рамками ограничений. В поэзии симметрия играет важнейшую роль, так как выделяет кульминационный момент стихотворения. «Четкий ритм, закономерное чередование ударных и безударных слогов, упорядоченная размерность обеспечивают экспрессивную и эмоциональную насыщенность, эстетический потенциал поэтической ткани. Комбинация проявления симметрии/асимметрии (на разных языковых уровнях) является инструментом для создания стихотворной формы» [Мандель, 2010]. Выбор текста для перевода определяется, прежде всего, значимостью текста для той или иной культуры, литературной модой, лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Многие тексты, таким образом, подвергаются неоднократному переводу на разные языки. По словам Ю.Д. Левина «существование в данной национальной литературе нескольких переводов одного

и того же иноязычного литературного произведения, которое в оригинале имеет, как правило, одно текстовое воплощение называется переводной множественностью» [Левин 1992: 213]. Тенденцию к появлению переводной множественности текстов можно объяснить субъективно и объективно. С одной стороны это объясняется личными характеристиками переводчика, особенностями его характера. С другой стороны условием возникновения переводной множественности является сама природа художественного текста, которая содержит больший «интерпретационный диапазон», т.е. неограниченное количество интерпретаций [Левин 1992: 213].

Безусловно, русская культура и литература у большинства иностранцев ассоциируется, прежде всего, с именем А.С. Пушкина. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин», который создавался на протяжении восьми лет (1823 – 1831), является тому примером. В.Г. Белинский назвал произведение «энциклопедией русской жизни» XIX века, так как широта романа показывает читателям всю действительность русской жизни, а также описание той эпохи. Несмотря на то, что многие переводчики говорят о принципиальной непереводимости романа, существуют многочисленные переводы «Евгения Онегина» на различные языки мира.

Материалом для анализа будут служить переводы сцены святочного гадания V главы романа «Евгений Онегин» на английский и французский языки, выполненные переводчиками А.С. Клайном (2009 год) и Жаном – Луи Бакесом (1996 год) соответственно. Взятые нами единицы перевода включают в себя национально-бытовые реалии, имена собственные, а также аллюзию: *кибитка* (крытая дорожная повозка), *святки* (праздничные дни – промежуток времени от рождества до крещения), *жучка* (дворовая собака, обычно маленького роста), *Агафон* (старинное русское мужское имя) и *Светлана* (имя главной героини поэмы В.А. Жуковского «Светлана»). В английском, также как и во французском варианте можно наблюдать использование переводчиками различных приемов перевода. К примеру, при помощи транслитерации оба переводчика перевели русское старинное мужское имя Агафон (*His rustic answer: "Agafon"/La regarde et dit: "Agafon"*). Интересен также перевод слова *кибитка*, которое, по сути дела, является заимствованным из тюркской культуры (ср. тат. *kibit* -«лавка, будка», уйг. *kabit*), однако, если учесть тот факт, что русская культура находи-

лась в непосредственной связи с тюркской на протяжении нескольких веков, то эту реалию можно отнести и к русской культуре. Ж.-Л. Бакес перевел единицу *кибитка* как *traineau* – «сани, салазки» - *Le traineau hardiment s'elance* [...], сделав тем самым замену одного транспортного средства на другое – сани, чаще всего, были открытыми, в то время как у кибитки предполагалось наличие крытого верха для перевозки людей из высших слоев населения. А.С. Клайн, в свою очередь, использовал уже прижившееся в английской культуре слово *kibitka* - *The swift kibitkas' runners trace* [...]. Однако, учитывая специфичность использования данного слова, вполне возможен тот факт, что многие представители англоязычной культуры не знакомы с данной реалией, а потому, в данном контексте не хватает переводческого комментария или сноски, где было бы объяснено ее значение. Подобную ситуацию можно проследить и с переводом имени героини поэмы *Светлана* на французский язык – *Et moi, je pense a Svetlana/ Et j'ai peur aussi* [...]. Переводчик использует лишь прием транслитерации, в то время как образ Светланы в одноименной поэме В.А. Жуковского – это попытка создать «русский образ», показать «русскую душу», это символ кротости, покорности и верности в русской культуре. В английском варианте переводчик сделал ссылку на автора произведения, т.е. *While Zhukovsky's Svetlana/ I too recall* [...], тем не менее, данная аллюзия требует более подробного комментария, чтобы объяснить включение образа Светланы в выбранное нами произведение. Слово *святки* А.С. Клайн перевел как *Christmas comes, joys unfold* [...], т.е. частично использовал прием адаптирующей транспозиции: переводчик попытался максимально передать временные особенности лексического элемента, использованного в тексте-оригинале, а также отметить, что *святки*, будучи периодом праздничных дней, связан, прежде всего, с Рождеством. В противоположность ему, французский переводчик указал лишь на то, что *святки* = *праздники* (*fetes*) – *Voici les fetes! Quelle joie!* Также стоит сказать о переводе лексического элемента *жучка*, поскольку этот элемент интересен, прежде всего, тем, что в тексте-оригинале он использован не как имя собственное (кличка собаки), а как имя нарицательное. В данном контексте *Вот бегает дворовый мальчик/ В салазки жучку посадив* [...] под *жучкой* подразумеваются «собачонка», «дворняжка». В английском варианте данная строка звучит как *On his sledge the yard-boy seats/ The best dog, Dasher* [...], хотя в тексте-оригинале не было сказано о

том, какая это собака, к тому же, *dog* в английском языке обозначает собаку средних размеров и зачастую не живущую во дворе хозяина. Подобный вариант перевода присутствует и во французском языке, где *жучка* переводится как *chien* (фр. «собака»).

Из всего вышесказанного следует, что перевод выбранных нами реалий и аллюзий можно назвать относительно симметричным. При переводе поэтического текста с учетом категории межъязыковой симметрии задачей переводчика является стремление к максимальной передаче культурной информации (культурного изоморфного комплекса) текста-перевода в тексте-оригинале. Принимая во внимание тот факт, что в мире нет абсолютно идентичных культур, степень приближения к симметричному переводу в данном случае будет определяться уровнем межкультурной асимметрии.

Литература:

1. *Alexander* Pushkin, Eugene Onegin [Online resource]: Translated by A. S. Kline . 2009. URL: http://www.poetryintranslation.com/klineaspushkin.htm

2. *Cambridge* Dictionaries Online [online resource]: Cambridge University Press. 2012. URL: http://dictionary.cambridge.org

3. *Longman*: Dictionary of English Language and Culture Della Summers, 2006. 1620 p.

4. *Pushkin* Aleksandr. Eugène Onéguine: translation by Jean-Louis Backès. Paris, 1996. 334 p.

5. *Shubnikov A.V., Koptsik V.A.* Symmetry in Science and Art. New York and London: Plenum Press; 1974. 380 p.

6. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: Учеб.пособие. М.; 2004. 352 с.

7. *Белозерова Н.Н.* Законы симметрии и перевод // Университетское переводоведение. Материалы 1 Всероссийской научной конференции «Федоровские чтения». СПб.; 2000. С. 29-34.

8. *Гончаренко С.Ф.* Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность [электронный ресурс]: Художественный перевод как межкультурная коммуникация. 2011. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/poetic-transl.shtml

9. *Куриович Е.* Понятие изоморфизма // Очерки по лингвистике. М.; 1962. С.21-36.

10. *Левин Ю.Д.* Проблема переводной множественности // Литература и перевод: проблемы теории. М.; 1992. С. 213-224.

11. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200-202.

12. *Мандель Е.Л.* О Сочетании симметрии и асимметрии как инструменте стихотворной формы [электронный ресурс]. 2010. URL: http://base.ijc.ru/sredapoeta/almanah2/mandell.htm

13. *Понятин Э., Понятина Т.* Большой французско-русский и русско-французский словарь. М.; 2008. 563 с.

14. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. М.; 1979. 347 с.

15. *Разумовская В.А.* Русский поэтический текст в переводах: звуковая симметрия и асимметрия // Вестник Иркутского государственного ун-та. Иркутск, 2010. № 4. С. 142-149.

16. *Разумовская В.А.* Симметрия художественных текстов и переводов // Язык и культура, Томск, 2010. № 4. С. 30-43.

17. *Семенов А.В.* Этимологический словарь русского языка. М.; 2003.
18. *Цифровая* библиотека по философии [электронный ресурс]: Философский словарь. М.; 1981. 445 с. URL: http://filosof.historic.ru/enc/item/f00/s03/a000397.shtml
19. *Шубников А.В., Копцик В.А.* Симметрия в науке и искусстве. М.; 1972. 380 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЧЭНЪЮЙ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ. THE SPECIAL FEATURES OF CHENGYU TRANSLATION FROM CHINESE INTO RUSSIAN LANGUAGE

Рагимова Л.Б., Кибякова П.И.
Ragimova L.B., Kibyakova P.I.
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
National Research Tomsk Polytechnic University
kibastos@sibmail.com

В теории перевода, лексикологии китайского языка проблеме изучения способов перевода фразеологизмов посвящены исследования В.Ф. Щичко, А.Л. Семенас и др. [1, 2].

В данной работе мы ставим цель выявить особенности перевода китайских фразеологизмов на русский язык.

Фразеологизмы (или фразеологический оборот) - это особые единицы языка, состоящие из нескольких компонентов и имеющие цельное значение, способные воспроизводиться в речи и обладающие устойчивостью состава и синтаксической конструкции [2, С. 101 - 102].

Согласно В.Ф. Щичко, 成语 [chéngyǔ] можно разделить на непараллельные и параллельные конструкции. Компоненты второй группы связаны попарно в смысловом и грамматическом отношении. Семантическая парность строиться на антитезе, тождестве и аналогии. Антитеза достигается с помощью антонимов, тождество - с помощью синонимов, а аналогия - аналогами [2, С. 103 - 106].

Для адекватной передачи смысла 成语 на русский язык переводчику необходимо не только уметь выделять его в тексте, но и разбираться во внутренней структуре фразеологического оборота.

Согласно В.Ф. Щичко [2], существуют следующие виды 成语:

1. *Совпадение образной основы и переносного значения.*

如鱼得水 [rú yú dé shuǐ] – рус. «как рыба в воде» (кит. «как рыба в воде», где 如 "как", 鱼 "рыба", 得 "мочь что-либо сделать", 水 "вода"). В данном примере мы видим, что значение иероглифов полностью соответствует значению русских слов, то есть совпадает

не только образная основа, но и переносное значение. Таким образом, семантическая парность в этом примере строиться на аналогии понятий. Данный 成语 означает гармоничное сочетание кого-то/чего-то с чем-то/кем-то.

2. *Сохранение переносного значения при изменении образной основы (функциональный аналог).*

对牛弹琴 [duì niú tán qín] - рус. «метать бисер перед свиньями» (кит. «играть на цитре для коровы», где 对 «предлог «к», «для»», 牛 «корова, бык», 弹 «играть на каком-либо музыкальном инструменте», 琴 «цитра, древний китайский струнный музыкальный инструмент»). Данный 成语 означает, что человек занимается бесполезным делом, или, когда говорящий переоценивает аудиторию, перед которой выступает. Заметим, что использование этого 成语 больше оскорбляет аудиторию, чем автора. Анализируя структуру фразеологизма, мы видим, что образная основа русского и китайского вариантов различна (ср. свинья и корова, бисер и цитра), однако, переносное значение данного оборота идентично в обоих языках. Таким образом, семантическая парность в этом примере строиться на тождестве понятий и их значений.

3. *Перевод 成语 без образной основы фразеологизмом с образной основой в русском языке.*

小题大作 [xiǎotídà zuò] - рус. «делать из мухи слона» (кит. «превратить маленький вопрос в большое дело», где 小 «маленький», 题 «вопрос, проблема», 大 «большой», 作 «делать»). Как мы видим, в данном 成语 образная основа отсутствует, однако, в русском эквиваленте она, наоборот, присутствует (ср. маленькая проблема и муха, большое дело и слон). Переносное значение обоих фразеологических оборотов свидетельствует о преувеличении человеком существующей проблемы/вопроса. Говоря о семантической парности, отметим, что она строиться на антитезе понятий и значений.

4.*Описательный перевод при отсутствии аналога чэнъюя в русском языке*

井底之蛙 [jǐng dǐ zhī wā] - рус. «иметь узкий кругозор или ограниченный круг общения» (кит. «лягушка на дне колодца», где 井 «колодец», 底 «дно», 之 «служебное слово книжного китайского языка, отделяющее предшествующее определение от последующего определяемого слова», 蛙 «лягушка»). Данный 成语 употребляется тогда, когда кто-то желает указать кому-то на ограниченность сферы знаний этого

человека, на его психологическую замкнутость. Анализируя пример, мы видим, что китайский вариант отличается от русского, во-первых, наличием образной основы (лягушка и колодец), во-вторых, отсутствием перевода-аналога в русском языке. В данном примере семантическая парность строиться на основе аналога значений лексических единиц.

Итак, при переводе фразеологизмов переводчику необходимо уметь выделять данные обороты в письменной и устной речи, понимать их значение и адекватно переводить их с одного языка на другой. Для верного восприятия и передачи 成语 переводчик должен знать особенности семантической парности лексических единиц, участвующих в создании того или иного фразеологического оборота. Осведомленность переводчика о семантических отношениях лексических единиц, которые, заметим, строятся на антитезе, тождестве или аналогии, повлияет на качество перевода фразеологизма с китайского языка на русский и наоборот. Таким образом, не зная классификацию видов 成语, переводчик не сможет эквивалентно передать значение китайского фразеологизма на родной язык.

Литература

1. *Семенас А.Л.* Лексика китайского языка. - М.:Восток-Запад, 2005. - 288 с.
2. *Щичко В.Ф.* Теория и практика перевода. - М.: Восток-Запад, 2004. – 224 с.

ПРОБЛЕМЫ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА. THE PROBLEMS OF TRANSLATION IN THE CHINESE LANGUAGE

Кожа Даниил Николаевич
Kozha Daniil Nikolaevich
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
dan-kozha@ya.ru

Вступление человечества в новый 21 век ознаменовалась переходом в новую стадию своего развития - информационную. Вместе с глобализацией процесса производства и добычи сырьевых ресурсов, появилась потребность в установлении новых интернациональных контактов. Государства начали объединяться для создания максимально эффективных экономических союзов и промышленных альянсов. Министерства

многих развитых стран пошли навстречу притоку иностранных инвестиций, открывая пути зарубежным компаниям для основания производственных центров на своей территории. Многократно выросли мировые объемы импорта и экспорта. Многие предприятия из разных стран начали объединяться для создания наиболее выгодных промышленных инфраструктур покрывающих площади сразу нескольких государств.

Эти условия способствовали повышению уровня востребованности такой профессии как переводчик, а также процесса перевода в целом. Однако здесь возникли некоторые трудности. При сравнительно небольшом количестве качественных переводчиков, общий объем нуждавшейся в переводе информации, как письменной информации, так и устной, превышал все разумные пределы. Вдобавок к этому, большинство переводчиков не могло обеспечить высокую скорость ведения переговоров, между двумя представителями из разных государств.

Поэтому огромные средства были вложены в создание совершенной системы машинного перевода, которая могла бы в полной мере заменить человека, сделав перевод максимально быстрым и точным. Сначала эта задача казалась вполне осуществимой, учитывая высокий уровень развитости компьютерной сферы. Однако вскоре исследователи осознали, что создание совершенной системы машинного перевода было равносильно созданию искусственного интеллекта, поскольку в переводе зачастую отсутствуют те или иные закономерности, по которым он должен осуществляться. Это делает невозможным создание определенных компьютерных алгоритмов для процесса перевода. Дело в том, что его конечный результат зависит от контекста, в котором осуществляется перевод и от так называемого уровня «переводческого чутья» переводчика. «Переводческое чутье» – это способность, которая позволяет переводчику грамотно распознавать подводные камни, необъективности перевода, культурные несоответствия, а также быстро и качественно уметь отобразить социокультурный эквивалент переводимого элемента на языке перевода.

Несмотря на все эти проблемы, в течение нескольких лет был разработан ряд программ, способных осуществлять перевод письменного текста. Безусловно, все эти программы, были очень далеки от совершенства, и так и не нашли себе практического применения в сфере международных коммуникаций. Однако их разработка стала началь-

ным шагом к созданию системы машинного перевода, которая могла бы значительно снизить расходы предприятий на услуги переводчиков, сохраняя при этом высокие темпы и качество переводимого материала.

Рассмотрим некоторые трудности, которые возникают при использовании машинного перевода на примере такого сложного и своеобразного языка как китайский. Хотелось бы так же отметить, что именно китайский язык в настоящее время является самым распространенным языком в мире (1 200 000 000 носителей), а также, ввиду роста китайской торгово-производственной сфера, занимает первое место в мире по темпам развития. Именно поэтому в настоящее время проблема создания автоматизированной системы перевода с китайского языка является наиболее актуальной.

Для начала рассмотрим общие проблемы перевода с китайского языка. Ввиду своеобразности языка и ними сталкивается как изучающий китайский язык, так и переводчик китайского язык на протяжении всей своей деятельности.

Проблема, во-первых, в самой "китайской грамоте", содержащей непривычные европейскому глазу иероглифы. Иероглиф - это знак, записывающий слог китайского языка, который обозначает предмет или понятие. Перевод китайского незнакомого слова можно осуществить путём перевода его составных частей – иероглифов, но его прочтение необходимо запомнить отдельно.

Ещё одна иероглифическая трудность китайского языка заключается в том, что есть так называемые традиционные иероглифы и есть упрощенные, которые были приняты в КНР в результате реформы иероглифики в 1960-е гг. В таких иероглифах количество черт значительно сократилось, это коснулось практически всех иероглифических знаков.

Набор иероглифического текста на компьютере значительно проще того, что было во времена печатной машинки, что на современном этапе значительно ускоряет ввод информации. Сейчас существуют две основополагающие системы компьютерного набора иероглифического текста на китайском языке. Первая основывается на том, что количество черт, из которых состоят иероглифы китайского языка, резко ограничено, а порядок написания черт и их число в каждом иероглифе строго фиксированы. На клавиатуре нанесены просто черты, а при наборе

одного иероглифа приходится нажимать клавиши в порядке написания черт для конкретного знака, а затем выбирать необходимый иероглиф из предложенных в специальном окошечке на экране.

Для другой системы используется латинская клавиатура. Существует фонетическая транскрипция латиницей для китайского языка – "пиньинь", составленная по определенным правилам. Произношение набирается на латинской клавиатуре, затем из поля на экране выбирается искомый иероглиф. Трудность для переводчика китайского языка состоит в том, что одному чтению могут соответствовать несколько десятков иероглифов, но варианты набора иероглифов по этой системе самые распространенные. Однако оба этих способа, требуют от человека некоторой сноровки и высокого уровня знания языка. В противном случае скорость ввода китайских иероглифов на компьютере будет крайне низкой.

Учитывая особенность структурирования китайского текста, также следует отметить еще одну проблему восприятия компьютером письменной информации. Проблема заключается в том, что в предложении отсутствует четкое разделение синтаксических единиц. То есть, простое предложение в китайском языке пишется слитно, без каких-либо пробелов между словами или лексическими единицами. Поэтому компьютерным программам практически невозможно адекватно разделить и проанализировать каждый из фрагментов текста по отдельности и затем выполнить семантически верный перевод. Здесь не обойтись без грамотной оценки материала человеком, для разбивания его на структурные части, для дальнейшей обработки.

В настоящее время компьютеры все больше применяются для обработки устной информации, для её последующего перевода. Однако и здесь китайский язык сталкивается с рядом проблем. Китайский язык – язык, фонетическая система которого имеет особую тональную мелодику, то есть важнейшую роль играет интонация, а не звуки. Получается, что каждый слог китайского языка можно произнести четырьмя разными тонами и смысл будет меняться, в некоторых случаях на противоположный. Так, например, слово «покупать» на китайском языке будет звучать как mǎi – третьим тоном, а слово «продавать» - точно также mǎi, но только резким четвертым.

В китайском языке не так много слогов – всего около 400. Это приводит к огромному количеству омонимов, одинаково звучащих слов.

Поэтому зачастую машины просто не в состоянии уловить ту хрупкую грань между различными тонами вследствие чего на выходе мы получаем огромное количество ошибок.

При таком количестве омонимов основным определяющим фактором перевода становится контекст. Вне контекста понять и сделать перевод китайской фразы правильно оказывается практически невозможно. Необходимо также принять во внимание тот факт , что китайский язык обладает делением на многочисленные диалекты. Некоторые из них - шанхайский, гуандунский (кантонский) - настолько кардинально отличаются от северных диалектов, что китайцы, говорящие на этих диалектах, не в состоянии понять друг друга. Поэтому переводчику китайского языка часто приходится дополнительно запоминать особенности произношения жителей разных регионов Китая, различные варианты слов в диалектах. А для машины эта задача является практически неосуществимой.

Дополнительную сложность для перевода с китайского языка представляют собой многочисленные поговорки, фразеологизмы, основанные, зачастую, на использовании имен исторических, легендарных, литературных персонажей. Ими изобилует любой стилистически богатый текст, определяя уровень грамотности и образованности его автора. Однако если переводить их дословно, то полученный материал будет бессвязным, нелогичным, лишенным той самой стилистической окраски, присущей исходному тексту. Поэтому для каждого переводчика с китайского языка очень важно, не только знать все эти устойчивые выражения, но и уметь грамотно осуществить его перевод, учитывая культурологические и семантические особенности языка, сохраняя при этом его изначальный стиль и моральный смысл.

Все эти факторы делают создание системы машинного перевода китайского языка практически невозможным. Однако прогресс не стоит на месте, и возможно в скором будущем мы станем свидетелями совершенного компьютерного переводчика, который сможет в полной мере взять на себя обязанности своего разумного коллеги. Ведь уже на данном этапе развития науки наиболее широкое распространение получил так называемый «метод автоматизированного перевода». От машинного перевода он отличается тем, что весь процесс перевода осуществляется человеком, компьютер лишь помогает ему произвести готовый

текст либо за меньшее время, либо с лучшим качеством. Это можно назвать синтезом человеческого разума и компьютерного быстродействия, с целью достичь максимальных качественных и количественных результатов при переводе. К этим программам относятся программы управления памятью переводов, состоящие из базы данных сегментов текста на исходном языке и их переводов на один или более целевых языков, программы для проверки правописания, и грамматики, почти полностью автоматические системы, но позволяющие пользователю вносить определенные изменения в сомнительных случаях и т.д. И всё же во всех этих случаях человек представляет собой основную фигуру перевода. А эти программы призваны лишь упростить его, и не будут делать ничего без одобрения человека.

Таким образом, мы видим, что китайский язык представляет собой действительно крайне сложный и своеобразный язык, не похожий ни на один из других знакомых нам языков европейской группы. Поэтому мы можем прийти к выводу, что на сегодняшний день перед исследователями не стоит задача изучить отдельно принципы построения китайского языка. В первую очередь им необходимо выявить общие закономерности в структуре восточных и европейских языков, все их общие стороны и черты. Только после этого можно заострять свое внимание на более частных случаях, создавая определенные системы перевода для двух конкретных языков. В противном случае, уровень машинного перевода так и не поднимется выше нынешней отметки, а мы – переводчики - сумеем сохранить за собой места в крупных интернациональных компаниях.

Литература

1. *Марчук Ю.Н.* Проблемы машинного перевода М.: Наука, 1983. 105-110 с.
2. *Попович А.* Проблемы художественного перевода. М.: 1980. 34с
3. *Особенности* перевода китайского языка [Электронный ресурс]: Бюро переводов «Мой перевод.ру» URL: http://moiperevod.ru/info/articles/article_detail.php?id=40
4. *Автоматизированный* перевод [Электронный ресурс]: онлайн энциклопедия «Википедия» URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Computer-assisted_translation

КУЛЬТУРНАЯ АККОМОДАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ. CULTURAL ACCOMMODATION IN TRANSLATION

Кузнецова Елена Владимировна
Kuznecova Elena Vladimirovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
ezhikelya@sibmail.com

Перевод имеет долгую историю, в которой Е.В. Бреус отмечает ряд этапов: «Начав с установления языковых соответствий между исходным языком и языком переводящим, Теория перевода шла по пути осмысления переводческого процесса как явления многоаспектного, при котором сопоставляются не только языковые формы, но также языковое видение мира и ситуации общения наряду с широким кругом неязыковых факторов, определяемых общим понятием культуры» [1:3]. Культурный поворот в переводоведении означает, что его сторонники считают переводы, прежде всего, продуктами культуры. Культурологический подход и в теории, и в практике предполагает знание социокультурного контекста. Интерес к культурологическим феноменам неуклонно возрастает по мере развития цивилизации и усложнения межкультурных диалогов [1].

Автор статьи «Осмысление переводческого процесса как многоаспектного явления на рубеже XX-XXI веков» Ф.А. Аутлева отмечает, что процесс перевода включает в себя фазу интерпретации оригинального текста в его культуре и фазу передачи его смыслов в языке принимающей культуры. Поясняя свою мысль, она цитирует А.Г. Баранова, утверждающего, что «развитие теории дискурса, герменевтики и др. указало на зависимость результатов интерпретации от экстралингвистического контекста, прежде всего интерпретатора-человека, его картины мира – индивидуальной когнитивной системы, отражающей горизонты погруженности интертекста (объективно существующей реальности, являющейся продуктом творческой деятельности Человека) в культуру, как глобального контекста текстовой деятельности» [1:1]. Таким образом, Ф.А. Аутлева делает следующий вывод: чем больше прототекстов (оригиналов) устанавливает переводчик для переводимого произведения, тем более он ощущает его вписанность в интертекст, в национальную культуру, тем большую имплицитную энергию текста он воспринимает. Именно эту энергию (дух, замысел, идею, смысл)

стремится передать переводчик читателю, ибо эксплицитная часть стабильна, относительно невариативна и сохраняется на любом языке. Однако насыщение перевода имплицитной энергией должно происходить в рамках принимающей культуры и иного времени, более или менее удаленного от времени оригинала [1]. По словам Айвей Ши, автора статьи «Аккомодация в переводе» для этого необходима культурная аккомодация.

Являясь синонимом адаптации, аккомодация в переводе представляет собой набор переводческих трансформаций, при которых переводной текст создается в соответствии с духом оригинала. Таким образом, создается текст, который является не просто переводом в традиционном значении этого слова. Перевод текста здесь представляет собой передачу на языке перевода самого близкого, естественного эквивалента оригинального сообщения, принимающего во внимание его смысл и стиль оформления [6]. Айвей Ши приводит интересное западное высказывание: «Перевод словно женщина: если он верен, то он некрасив; если он красив, он не верен». Верность оригиналу всегда считалась железным правилом для переводчика, однако отход от оригинала представляется неизбежным в тех случаях, когда при переводе затрагиваются культурные, идеологические и эстетические аспекты.

В своей статье Айвей Ши приводит следующий пример культурных различий: то, что значимо в одной культуре, может полностью утрачивать значимость в другой. Например, цвет. Красный цвет в китайской культуре всегда ассоциируется с счастьем и преобладает на таких торжествах, как свадьба. Белый цвет ассоциируется с похоронами, хотя сегодня в некоторых регионах на юге Китая приглашенные на похороны облачаются в черные одежды в некрупный белый цветок; влияние запада. Таким образом, слово Hongbaishiyin (дословно красные и черные мероприятия) должно переводиться как «свадьбы и похороны», иначе представителя запада это выражение просто собьет с толку. Это, по словам Айвей Ши, как раз тот случай, когда переводчику необходимо прибегать к культурной аккомодации [6].

Можно привести и другие подобные случаи культурных расхождений на примере русского и английского языков. Так слово «Горько!» может вызвать у русского мысль о свадьбе, но может быть понято англоговорящим лишь в прямом значении. Это пример ассоциаций, но-

сящих социально-культурный характер. Подобные ассоциации могут также вызываться и такими социально-культурными экстралингвистическими факторами, как известность, создаваемая отдельными словами, рекламой и прессой. Во всех случаях понятия, вызывающие подобные ассоциации, отражая явления национального быта, имеют яркую национальную окраску и большую значимость в данной цивилизации. Напротив, в другой цивилизации эти же понятия (если они лексически закреплены в данном языке) такой значимости не имеют, они «рядовые среди множества других» [3]. Так, к примеру, русское слово «баня» - это не только «специальное помещение, где моются», но очень «жаркое место», в то время как английское «bath» (баня) лишено подобной характеристики.

А.С. Пушкин писал о подобных национально и культурно обусловленных реалиях: «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [4]. Действительно, факты непосредственно окружающей реальности создают у носителя языка неповторимые ассоциации, участвуя в создании так называемого национального образа мышления, создавая неповторимость того или иного языка.

Различное членение общей внеязыковой действительности, окружающей русского и англичанина (американца), также можно проиллюстрировать на примере ассоциаций, вызываемых у носителей двух языков одними и теми же словосочетаниями, обозначающими возраст человека. В английском языке, например, словосочетание «twenty one years old» имеет гораздо большую значимость, чем в русском «двадцать один год»; в Англии (и США) это возраст совершеннолетия, в русском языке – рядовое словосочетание, также как и «двадцать два года», «двадцать три года» и так далее. «Двадцать лет» для англоговорящего символ молодости, в русском языке таким символом является словосочетание «семнадцать (восемнадцать) лет». Таким образом, вышеуказанные словосочетания в двух языках способны вызвать различные специфические ассоциации у носителей данных языков.

Интересно отметить различное использование вымышленных образов английским и русским языками. В то время как английский язык чаще использует мифологические образы, в русском языке популярнее образы народных сказок. В английском фольклоре нет домового, водяного, лешего, кощея, бабы-яги, вообще такого обилия «нечистых», как

в русском. Все перечисленные слова являются абсолютными ассоциативными и вместе с тем культурными лакунами в английском языке. Навряд ли также носитель английского языка адекватно воспримет сравнение девушки со стрекозой. Если в сознании русскоговорящего этот образ воспринимается как символ беззаботности, некоторой легкомысленности (придя из народной сказки), то в сознании англоговорящего это не что иное, как дефиниция насекомого. Следовательно, подобные образы-лакуны прямо переводить на другой язык нельзя. Английское слово "dragonfly" не вызовет у носителей этого языка соответствующих ассоциаций и адекватного понимания, в ином случае даже введет в полное замешательство, либо создаст противоположное восприятие описываемого явления. Задача переводчика в данной ситуации заключается в подыскивании такого образа в английском языке, который бы смог вызвать у носителя английского языка подобную цепочку ассоциаций, либо в переводе этого слова с дальнейшим развитием, т.е. создавая микроконтекст, в котором это слово «стрекоза» и для англоговорящего зазвучит в ноте легкомысленной беззаботности. Так, например, можно сказать: «She was frisking around carelessly as if a small dragonfly flying from one flower to another, with no touch of anxiety feeling in her heart. And this our dragonfly didn't know yet...» Создавая образ «беззаботной девушки, словно беззаботной стрекозки», переводчик вводит англоговорящего читателя в мир образов автора оригинального произведения, в мир образов русской культуры. Такой перевод вызовет адекватное восприятие описываемого явления в сознании англоговорящего читателя, вызвав у него соответствующую ассоциативную цепочку.

Несомненно, адаптация оригинального текста к условиям переводящей языковой системы с использованием переводческих трансформаций зачастую отвечает замыслу автора оригинального текста и, следовательно, цели общения между этим автором и читателем его творения, переведенного на язык читателя. Однако при переводе текстов, пропитанных образной лексикой и нацеленных уводить читателя в мир нереальности, в мир образов и ассоциаций, такие трансформации оказываются неполными, а порой даже пустыми и беспомощными. Писателю и переводчику должны быть одинаково дороги исходные языковые образы, и если не отказываться от них в переводческой деятельности, то содержание этих единиц следует донести до читателя. Поэтому «переводчику следует не тотчас отправляться на поиски достойной замены

оригинального слова или выражения, но стремиться ввести реципиента в мир образов исходного языка», ибо «погружаясь слишком поспешно в знакомую языковую стихию, и реципиент, и переводчик совершают глубочайшую ошибку. При переводе переводчик должен уметь хотя бы на миг задержаться в магическом круге образов исходного языка и постараться вникнуть не в способы употребления конкретного слова, а в его истинную концептуальную сущность, интуитивно представленную в сознании носителей исходного языка» [2], а затем суметь передать эти образы через призму культуры реципиента, войдя в мир образов его языка.

Итак, перевод является сложной задачей на пути переводчика и требует от него, помимо отличного знания родного и иностранного языков, знания культурных особенностей их представителей, а также огромных интеллектуальных и творческих затрат. Несомненно, при любом переводе какая-то доля его оригинальности, его самобытности теряется, однако основываясь на том, что мы все все-таки живем в одной внеязыковой реальности и способны связывать ее объекты с какими-то другими объектами и явлениями при помощи ассоциаций, прибегая, таким образом, к культурной аккомодации, мы можем обоснованно утверждать, что проблема невозможности введения представителя другой культуры в мир образов национального и культурного наследия родной культуры рассеивается. Переводчик выступает в роли посредника между двумя «говорящими друг с другом» культурами, в роли создателя единого для них мира образов, «нахождении единой точки миросозерцания автора и реципиента, точки «слияния горизонтов» [5]. В этом понимании переводчик – творец, переводчик – посредник «общения» двух миров.

Литература

1. *Аутлева Ф.А.* Статья. Осмысление переводческого процесса как многоаспектного явления на рубеже XX-XXI веков.

2. *Медведев В.Б.* Проблемы интерпретации в переводе // Экспрессивность текста и перевод / под ред. Р.Э. Кульшариповой. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1991.

3. *Муравьев В.Л.* Лексические лакуны В.Л. Муравьев. – Владимир, 1975.

4. *Пушкин А.С.* О народности в литературе // Собрание сочинений: в 10 т. / гл. ред. И. Парина, С. Чулков. – М.: Изд-во худож. лит-ры, 1962. – Т.6.

5. *Пэпке Ф.* В мире перевода: перевод как сопоставление текстов. пер. с нем. / Н.К. Гарбовский; под ред. Н.К. Гарбовского. – М., 1989.

6. *Aiwei Shi.* Article. Accommodation in Translation. Xinzhou Teachers University Shanxi, China.

ПЕРЕВОД ИНОСТРАННЫХ НАЗВАНИЙ БРЕНДОВ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК. TRANSLATION OF FOREIGN NAMES OF BRANDS INTO CHINESE

Лысцова Татьяна Николаевна
Lyscova Tatyana Nikolaevna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
tatyana.lystsova@gmail.com

Словом «бренд» определяют торговую марку, которая в глазах потребителя вбирает в себя четкий и значимый набор ценностей и атрибутов. Бренд — это все, что приходит в голову человеку относительно продукта, когда он видит его логотип или слышит название. [5]

Китайская народная республика с вхождением в ВТО усиливает свои позиции в мировой торговле и инвестициях. Иностранные бренды становятся все более популярными в Китае, а китайские бренды завоевывают популярность за рубежом. На пути продвижения торговых марок в Китае перед западными фирмами встает ряд трудностей. Лингвистические нюансы китайского языка влияют на звучание бренда и его значение, которые, в свою очередь, напрямую повлияют на предпочтения покупателей и на тождественность бренда с оригиналом. Маркетологи должны до выхода на рынок Китая помнить о культурных особенностях страны и необходимости адаптации бренда. В процессе создания легко запоминающихся и несущих позитивный смысл названий брендов необходимо отработать лингвистические аспекты, как звуковое оформление и произношение. Только с их учетом можно наладить положительный обмен информации между производителем, продавцом и покупателем.

В процессе перевода бренда на китайский язык, в первую очередь, необходимо представить его в идеографической форме письма – на китайских иероглифах. Это нужно для того, чтобы китайские потребители полностью приняли название бренда. Хотя существуют примеры использования некоторых английских слов в речи китайцев в неизменном виде, что является проявлением лингвистической универсальности ("email", "cool" and "Internet"). Однако, бренд все равно на каком-то этапе будет рассматриваться с точки зрения контекста китайской культуры, поэтому его воспроизведение на китайском языке неизбежно.

Ведь даже международное английское слово "cool", которое популярно среди китайской молодежи и во всем мире, на китайский язык транслитерировано как 酷 kù и обладает несколькими значениями, как положительными, так и отрицательными, но ассоциируемыми, в первую очередь, с европейскими ценностями. [4]

В Китае наблюдается четыре основных метода перевода иностранных брендов:

Транслитерация без сохранения смысла – бренд звучит схоже на китайском и на исконном языке, однако выбранные иероглифыя являются произвольными и не несут конкретного смысла.

Транслитерация с сохранением смысла или с добавлением новой положительной коннотации – бренд звучит схоже на китайском и на исконном языке, а выбранные иероглифы несут определенную семантическую нагрузку.

Интерпретативный – произношение на китайском и исконном языке будет не совпадать, но значение названия бренда останется приблизительно одинаковым.

Транслитерация с интерпретативным компонентом – частично произношение будет совпадать, но также будут использованы дополнительные иероглифы для придания смысла. [1]

В исследовании профессора из Гонконга Аллана Чань на основе 122 случайно выбранных международных брендов, доступных в Шанхае, было установлено, что в 62 % случаев использована транслитерация без сохранения смысла, в 22% случаев - транслитерация с сохранением смысла, в 15% - интерпретативный перевод, а 2% слычаев была использована транслитерация в совокупности с интерпретативным переводом. Ясно, что совместить схожее звучание и при этом передать определенный смысл - труднейшая задача. В то время как транслитерация без учета значения является самым распространенным методом перевода, для продуктов питания, автомобилей, косметики и других продуктов потребления чаще был использован интерпретативный метод или транслитерация с сохранением значения. На такой выбор маркетинговой стратегии предположительно влияет отрасль промышленности. В сфере услуг и высоких технологий чаще была использована прямая транслитерация. В контексте киатйского языка и культуры становится ясно, почему так происходит, ведь тот образ, который Запад несет за собой в глазах китайского народа, не имеет прямого отношения

к многовековой истории Китая, и, таким образом, нацелен на передачу идеи о модернизме и зарубежном качестве товара. [2]

Транслитерация без сохранения смысла оригинального названия бренда. Virgin Air (维珍航空) – британские авиалинии, например, использовали китайское название wéi zhēn háng kōng. Wéi zhēn – транслитерация Virgin, а háng kōng означает «авиалинии» (этим словом заканчиваются большинство названий брендов авиакомпаний). Другие примеры: Chrysler, kè lái sīlè, 克莱斯勒; Adidas, ā dí dá sī, 阿迪达斯; KFC, kěndé jī, 肯德基; McDonald's, mài dāng láo, 麦当劳; Walmart, wò ěr mǎ, 沃尔玛, Камаз, kǎ mǎ sī, 卡玛斯. В случае с Kodak, то этот американский бренд был переведен, как kē dá, 柯达, что оказалось большим успехом. Хоть переведенный на китайский язык вариант не несет особого смысла, однако форма произнесения напоминает звук от вспышки фотоаппарата, что невольно наводит потребителя на нужные ассоциации. Транслитерация без сохранения смысла порой оказывается неизбежной, в особенности, если исконный язык имеет мало общего с китайским.

Транслитерация с сохранением смысла или с добавлением новой положительной коннотации. Прекрасный пример - перевод бренда ведущего производителя авто Mercedes Benz звучит как 奔驰 bēnchí («мчаться, нестись»). Звучание все еще напоминает оригинальное название бренда, а сочетание двух иероглифов достаточно распространено в обиходной речи китайцев в разговорах о силе и скорости движущегося объекта, поэтому такой бренд легко запомнить и произнести. Левая графема 马 во втором иероглифе означает «лошадь», животное, напрямую ассоциируемое со скоростью и силой движения. Это животное также высоко ценится в китайской культуре, долго являлось предметом живописи, и воспринимается как друг человека. Таким образом, звуковые и визуальные образы, полученные от восприятия нового названия 奔驰 bēnchí, наводят на ассоциации скорости, превосходного исполнения и высокого класса автомобиля, в точности все то, что и преследовали маркетологи.

Другие примеры - Ford (福特 Fútè «счастье и исключительность»), Nike (耐克Nài kè «терпение и победа»), Johnson&Johnson (强生Qiángshēng «сильный и энергичный»).

Интерпретативный вариант перевода можно продемонстрировать на примере известного автомобиля BMW – 宝马 Bǎomǎ («драгоценная лошадь»). Такое название повторяет начальные буквы оригинального

бренда BMW. Оно очень ловко манипулирует чувствами китайских потребителей, для которых необязательно важно качество работы автомобиля с точки зрения техники, на что делается ставка на Западе. Если самый известный слоган BMW "The Ultimate Driving Machine" («Полный драйв») в первую очередь демонстрирует высокую маневренность автомобиля, то на рынке Китая упор был сделан на иные достоинства. Китайцам нравится образ лошади, и такая симпатия играет решающую роль, в то время как технические возможности различных автомобилей в их видении оказываются приблизительно равными. В то время, как на Западе информационное послание обычно направлено на человека и его личные достижения, то в Китае такое послание обычно подчеркивает атмосферу гармонии и счастливой жизни человека. Выбор иероглифа 马 mǎ дает бренду новое имя и налаживает контакт с китайским покупателем. Несмотря на то, что метод перевода для BMW отличается от того, что был использован для Mercedes-Benz, и вариант 宝马 Bǎomǎ имеет мало фонетического сходства с оригинальным BMW, он все же признан одним из самых успешных иностранных брендов на китайском рынке.

Другие примеры использования интерпретативного метода перевода, без соотнесения со звучанием и с учетом сохранения прямого смысла: Apple (苹果píngguǒ «яблоко»), Times (时代 shídài), American Standard (美标Měi biāo «Американский Стандарт»), Shell (壳牌Képái "скорлупа; оболочка"), Red Bull (红牛Hóngniú), Nestle (雀巢Quècháo «Воробьиное гнездо»), Sprite (雪碧 Xuěbì «снежно-зеленый»).

Транслитерация с интерпретативным компонентом. Герой мультфильма Микки Маус (Mickey Mouse) прекрасный пример перевода с учетом значения и звучания. Первое слово Mickey является именем собственным, а второе Mouse попросту означает «мышь». На китайский язык этот бренд был переведен как Mi Laoshu 米老鼠, где Mi взят от Mickey, а Laoshu китайское слово «мышь». Таким образом, бренд получается адаптированным на китайский язык, но сохраняет иностранный компонент. Схожий пример с Дональдом Даком (Donald Duck). Это название было переведено как 唐老鸭 Tang Laoya. Tang подобран с учетом первой буквы «D» оригинального названия, а Laoya буквально означает «старина утка».

Игнорирование необходимости выбора китайских иероглифов при переводе бренда приведет к тому, что за маркетологов это сделают

другие. Китайские распространители товара и потребители все равно придумают иероглифы для обозначения, что отразится на подлинности бренда и его образе. Поэтому редко когда маркетологи оставляют названия брендов в непереведенном виде, например, на алфавите романских языков. Существуют лишь немногие исключения, такие как M&M или IBM. [3].

Литература

1. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). - М.: Междунар. Отношения. – 1975. – 240с

2. *Chan A.K.K. & Huang Y.Y.* Chinese brand naming: A linguistic analysis of the names of ten product categories // Journal of Product and Brand Management, 10(2), - 2001.

3. *Lee R.* Globalization, Language, and Culture. Philadelphia: Chelsea House Publishers, - 2006.

4. *Li F. & Shooshtari N.H.* Brand naming in China: Sociolinguistic implications. // The Multinational Business Review, 11(3), - 2003.

5. *Moore R.* Generation KU: individualism and China's millennial youth. // Ethnology, - 2005.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ. FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS TRANSLATION FROM CHINESE LANGUAGE TO RUSSIAN

Маланханова Антонина Енжиевна
Malankhanova Antonina
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
Tonya422*(a)* mail.ru

Общеизвестно, что фразеология любого языка – это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего на нем народа. Применительно к китайскому языку фразеологическое богатство является особенно значимым с позиций коммуникативного, социокультурного и межкультурного аспектов.

Фразеология продолжает оставаться объектом многочисленных разноаспектных исследований. В последнее время усилился интерес к ее рассмотрению с точки зрения перевода, так как она представляет исключительную важность для науки перевода, поскольку в «шкале непереводимости» или «труднопереводимости» фразеологизмы занимают едва ли не первое место. «Непереводимость» фразеологии отмечается

всеми специалистами в числе характерных признаков устойчивых единиц, на нее неизменно ссылаются сторонники «теории непереводимости». С трудностью перевода фразеологических единиц на каждом шагу сталкивается переводчик-практик, на ней почтительно останавливается теоретик перевода.

Как говорил Р.К. Миньяр-Белоручев, «перевод будет полноценным, если переводчику удалось познать глубины культуры того народа, на знание языка которого он претендует» [Миньяр-Белоручев 1999: 11]. Если говорить о культуре Китая, то переводчику полезно знать как можно больше о его истории, традициях, литературе, искусстве, нравах и обычаях народа, особенностях восприятия китайцами окружающего мира. Например, некоторые фразеологизмы в китайском языке сохранили имена известных исторических деятелей, такого как Чжугэ Лян: 事后诸葛亮 *shi hou Zhuge Liang (ши хоу Чжугэ Лян)* «крепок задним умом». Чжугэ Лян был известным полководцем в эпоху Троецарствия, отличавшимся мудростью и умением выходить из трудных положений, поэтому в приведённом выше фразеологизме «быть Чжугэ Ляном после события», это всё равно, что «махать кулаками после драки» [Прядохин 2001: 109].

Фразеологическая система любого языка представляет собой самобытное, сложное, комплексное явление, относящиеся не только непосредственно к языку как таковому, но и зарождающееся, существующее и развивающееся в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, опытом его духовной и практической деятельности.

Национально-культурная специфика фразеологизмов непосредственно связана с проблемами исследования человеческого сознания, соотношения языка и мышления, языка и культуры. У каждого народа своё восприятие мира, опирающееся на его исторический опыт, культуру, традиции, стереотипы, эталоны. Каждый народ обладает своей «ментальной картой», с помощью которой проходит его психолингвистическая и психосемантическая ориентация в окружающем мире и реализуется его креативная функция в организации и совершенствовании этого мира.

Фразеология – это та область, в которой наиболее ярко проявляется национально-культурное своеобразие и особенности семантики языка.

Анализируя фразеологической единицы китайского языка, невозможно не заметить их ярко выраженную национальную самобытность, своеобразие, а иногда и сходство с фразеологическими единицами других языков и русского языка, в частности.

Незнание тех или иных страноведческих реалий, составляющих образную основу фразеологизма, приводит к неправильному пониманию его целостного переносно-образного значения, что влечёт за собой неточное или ошибочное понимание всего высказывания в процессе речевого общения. Речь идёт о фразеологизмах, в основе которых лежат факты, явления, события, относящиеся исключительно к истории, культуре, быту, традициям, обычаям данного народа и не имеющие универсального значения. Такие фразеологизмы часто содержат в себе ономастические компоненты – топонимы (географические названия), антропонимы (имена собственные людей), к которым относятся как имена реально существующих людей, так и названия фантастических, мифических существ, богов, демонов, а также имена литературных героев [Войцехович 2007: 301]. Национально-культурный компонент семантики таких фразеологизмов отличается богатством культурных коннотаций, исторических, социальных, литературных ассоциаций. Такого рода имена собственные становятся символами и практически превращаются в имена нарицательные.

Например, чэньюи: 得隆望蜀 *de long wang shu* «не знать предела своим желаниям» (*букв. «заполучив Лун, поглядывать на Шу»*); 四面楚歌 *si mian Chu ge* «быть окружённым врагами со всех сторон; безвыходное положение» *(букв. «с четырёх сторон песни княжества Чу»)*; 洛阳纸贵 *Luo yang zhi gui* «Пользоваться огромной популярностью (о литературном произведении)» *(букв. «бумага в Лояне стоит дорого»)*.

Гуаньюнъюи: 鸿门宴 *hong men yan* «ловушка; западня» *(букв. «Хунъмэньская трапеза»)*; 南柯一梦 *nan ke yi meng* «несбыточные мечты» *(букв. «сон о Нанькэ»*; 南郭先生 *Nanguo xiansheng* «обманщик; плут» *(букв. «Господин Наньго»)*; 事后诸葛亮 *shi hou Zhuge Liang* «крепок задним умом; не способен вовремя сообразить» *(букв. «после дела Чжуге Лян»)*.

Сехоуюи: 七里铺家进秀才, 没想 *qilipu jia jin xiucai, mei xiang* «небывалое дело; быть такого не может!» *(букв. «семья из Цилипу выбилась в сюцаи – невозможно себе представить!»)*; 福兴邦的和尚 – 没有化(话) *Fuxing bangde heshang – meiyou hua (hua)* «нет слов!; ничего не скажешь!» (букв. «монахи храма Фусин-бан – не ходили за подаянием»).

Картина мира в разных национальных культурах складывается из разных образов, пишется разными красками. Менталитет представителей восточных культур отличается от западного. Люди на востоке и на

западе по-разному воспринимают и выражают средствами родного языка одни и те же универсальные понятия.

Например, лицемерие, притворство: в русском языке «кривит душой; на языке медок, а в сердце ледок», в китайском – 佛口蛇心 *fo kou she xin* «речи Будды, мысли змеи», 口是心非 *kou shi xin fei* «рот говорит, да, сердце – нет».

Старость, смерть: в русском языке «смерть близка; стоять одной ногой в могиле; на ладан дышать», в китайском – 风中之烛 *feng zhong zhi zhu* «свеча на ветру».

Жизненный опыт: в русском языке «тёртый калач; стреляный воробей; бывалый человек», в китайском – 老门槛 *lao menkan* «старый дверной порог».

«Отношения реальной действительности в совокупности с многообразием возможностей преломления связей её в сознании говорящих создают особые, в большинстве случаев неповторимые условия для возникновения фразеологических единиц в каждом языке, у каждого народа» [Войцехович 2007: 326].

Вместе с тем, следует отметить, что национальная специфика фразеологических единиц проявляется в способах и формах образного переосмысления того или иного факта действительности, в характерных особенностях лексико-семантической и грамматической системы конкретного языка. Суждения же или понятия, выраженные во фразеологизмах, их обобщённые, абстрактные значения чаще всего являются общими для разных народов. Поэтому и непереводимость фразеологических единиц на иностранные языки следует понимать лишь как непереводимость буквальную, при которой утрачиваются те характерные черты и признаки, которые присущи фразеологизмам. Разумеется, в типологически разных языках не может быть абсолютных эквивалентов фразеологических единиц. Речь может идти в лучшем случае о частичных эквивалентах (совпадают семантические, стилистические и лексические параметры). Чаще разноязычные фразеологические единицы представляют собой аналоги, совпадающие по смыслу. В некоторых случаях невозможно подобрать аналог в другом языке, и тогда приходится прибегать к толкованию фразеологизма.

Таковы, например, гуаньюнъюи: 炒鱿鱼 chao youyu (чао юую) «быть уволенным; увольнение» (букв. «поджаривать кальмара»), 爬墙头 pa

qiangtou (па цянтун) «подглядывать; списывать» (букв. «ползти взглядом вверх по стене»).

Фразеологические аналоги в разных языках обычно обладают различной предметной отнесённостью и образной основой. Рассмотрим следующие примеры:

кит. 打入冷宫 *daru leng gong (дажу лэн гун)*

букв. «войти в холодный дворец» (помещение, где жили опальные жёны императора)

русск. «попасть в опалу; быть в немилости; сдать в архив; сбрасывать со счетов»

кит. 对牛弹琴 *dui niu tan qin (дуй ниу тан цинь)*

букв. «играть на лютне для коровы»

русск. «метать бисер перед свиньями»

Переводу фразеологизмов уделено немало внимания в теоретических работах, в каждом пособии по переводу, в особенности по переводу художественной, публицистической, общественно-политической литературы, во многих публикациях по теории фразеологии и сопоставительной лингвистике. Связанные с этим проблемы рассматриваются по-разному, рекомендуются различные методы перевода, встречаются несовпадающие мнения. И это, пожалуй, в порядке вещей: однозначного, стандартного, одного на все случаи жизни решения здесь быть не может. В различных ситуациях может потребоваться разный подход. Именно поэтому практически невозможно заменить переводчика-человека машиной, компьютером. Компьютер не сможет ощутить себя частью той культуры, на языке представителей которой написан тот или иной текст, не сможет вжиться в него, выдать единственно возможный и в то же время неповторимый вариант. Человек и только человек способен интегрировать в свое мышление всю громадную совокупность норм, правил, обычаев чужой культуры, одним словом, реалий, и изложить чужие мысли так же ясно и свежо, как они были высказаны, используя при этом все могущество и богатство языка, на котором говорит он сам.

Литература

1. *Войцехович И.В.* Практическая фразеология современного китайского языка. – М.: Восток-Запад, 2007. – 509 с.

2. *Войцехович И.В.* Четырёхзначность китайских идиом как стилистический приём // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 13. Востоковедение. – 1985. - №2. – с.16-22

3. *Вопросы* китайской филологии // Сборник статей. – М.: Московский университет, 1963. – 297 с.
4. *Миньяр – Белоручев Р.К.* Теория и методы перевода. – М.: Московский Лицей, 1996. – 208 с.
5. *Прядохин М.Г.* Краткий словарь недоговорок-иносказаний современного китайского языка. – М.: Муравей, 2001. – 454 с.
6. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 192 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА СЛУЖЕБНОГО ДОКУМЕНТА. THE FUNCTIONAL DETERMINATION FOR THE ADEQUATE TRANSLATION OF THE OFFICIAL DOCUMENTS

Морозова Ирина Витальевна
Morozova Irina Vitalyevna
Хакасский Государственный Университет имени Н.Ф. Катанова
Katanov State University of Khakassia
irene240489/*a* yandex.ru

Существует большое количество документов физических и юридических лиц, но все они обладают сходством текстовых признаков, и, соответственно, требуют при переводе практически одинакового подхода. Документы можно разделить на две категории. Первая категория: документы физических лиц паспорт, водительские права, свидетельство о рождении, трудовая книжка, пенсионное удостоверение, аттестат зрелости, зачетная книжка, диплом об окончании учебного заведения, документы, удостоверяющие ученую степень и ученое звание, доверенность на какие-либо права, наградные документы и многие другие. Вторая категория: документы юридических лиц уставы и договора (поставки, оказания услуг, купли-продажи, аренды и прочее, к последним можно добавить и договора между юридическими и физическими лицами).

В соответствии с жанрово-стилистической классификацией Комиссарова В. Н. перевод документов является информативным переводом. В информативном переводе подвиды перевода различаются на основе принадлежности переводимых текстов и относятся к различным функциональным стилям исходного языка. При этом необходимо, чтобы функционально-стилистические особенности оригиналов определяли и специфические черты перевода таких текстов. Одним из критериев

на выбор варианта перевода текста является жанрово-стилистическая принадлежность переводимого текста. Перевод официально-деловых текстов – полностью ориентирован на передачу содержания, т.е. носит информативный характер. Форма текстов в большинстве случаев стереотипна. В европейских языках высока культура и стандартизация письменной речи. В современном русском языке гораздо меньше устоявшихся речевых штампов. Поэтому при переводе иногда приходится прибегать к дословному изложению. Прием дословного перевода нередко используется при переводе нормативно-правовых документов, где каждое слово значимо и недопустимо вольное толкование (например, при переводе международных законодательных актов, договоров). Для информативного перевода, как в английском, так и в русском языках характерно стремление к четкости и строгости изложения, отказу от косвенных, описательных обозначений объектов, широкому использованию штампов и стереотипов специальной лексики. Однако более детальный анализ показывает, что строгость в употреблении терминов и привычных формулировок, в целом, более свойственна русским специальным текстам, чем английским. Поэтому переводчик нередко чувствует себя обязанным осуществлять «стилистическую правку» оригинала, вводить вместо перифразы точный термин, разъяснять, что конкретно имеется в виду, заменять авторский оборот более привычным штампом. При переводе английского текста переводчик должен полно и точно передать мысль автора, облекая ее в форму, присущую русскому специальному тексту и отнюдь не перенося в русский текст специфических черт английского подлинника.

Все документы, обладающие юридической силой, имеют клишированную форму, и когнитивная информация, содержащаяся в них, должна оформляться раз и навсегда установленным образом, согласно строгим конвенциям. Использование клише в деловых документах является одним из проявлений постоянно действующих логико-стилистических правил. Соблюдение нужной формы для передачи сообщения в рамках определенного типа документа выражается, в том числе, закреплением речевого оборота, его воспроизводством с одинаковым значением и даже с определенной композиционной закрепленностью. Структурная и смысловая устойчивость клише, даже с учетом их вариантности, имеющей ограниченный характер, служит одним из факторов,

способствующих созданию унифицированных и стандартизированных текстов. Формальный характер речевых клише способствует экономии времени, однородности однотипных документов и упрощает обработку и восприятие информации. И источник, и реципиент этих текстов – фактически административные органы, которым документы нужны для подтверждения прав и полномочий соответствующих лиц.

Вторым видом информации, которая может присутствовать в текстах документов, является оперативная информация. Она встречается в документах юридических лиц (уставы и договора), и средства ее оформления совпадают с соответствующими языковыми средствами в законодательных текстах: это глаголы, глагольные конструкции и модальные слова с предписывающей семантикой («имеет право», «обязаны соблюдать»). Эмоциональная информация в текстах документов отсутствует. Языковые средства, оформляющие эти тексты, относятся к канцелярской разновидности письменной литературной нормы. Ведущие черты канцелярского стиля — это обилие канцелярских клише; некоторая архаичность (консервативность) лексики; сложный, громоздкий синтаксис, который, однако, как и в юридическом тексте, ориентирован на максимальную точность и однозначность формулировок; номинативность стиля; преобладание глагольных форм настоящего времени. Коммуникативное задание таких текстов — сообщить реципиенту объективную достоверную информацию и (иногда) предписать некие действия. Поэтому документы можно причислить к примарно-когнитивным текстам с факультативным оперативным компонентом.

Тексты документов, как правило, переводятся по готовой модели, поскольку при переводе преобладают однозначные эквиваленты и однозначные трансформации. Следовательно, их мера переводимости, как правило, позволяет причислить их к I группе.

Нами был рассмотрен текст апостиля, как один из видов служебного документа. Целью данного документа является подтверждение подлинности официально подписанного документа, и качество в котором подписавший документ выступает, и при необходимости подтверждение подлинности печати или штампа. Перевод данного документа должен соответствовать образцу перевода «Гаагская Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов, от 5 декабря 1961». Как правило, Конвенция и не предъявляет

жёстких требований к форме апостиля, но следует иметь в виду, что в некоторых случаях отступления от установленной формы в одном государстве могут повлечь непризнание документа, удостоверенного таким апостилем, в другом государстве. Следовательно, перевод апостиля имеет свои особенности.

Апостиль может быть составлен как на одном из официальных языков Конвенции (французский либо английский), так и на национальном языке государства, проставившего апостиль. Фактически, надписи на апостиле часто дублируются на двух языках (одном из языков Конвенции и национальном). Поэтому заголовок *«Apostille (Convention de la Haye du 5 octobre 1961)»* как правило, не переводится и должен быть дан на французском языке, но в отдельных случаях если необходимо нотариальное заверение документа, то заголовок переводится как *Гаагская конвенция от 5 октября 1961*.

В проанализированном нами документе к форме апостиля относятся пронумерованные пункты, которые и отражают требования Конвенции.

1. country…
This public document
2. has been signed by…
3. acting in the capacity of…
4. bears the seal/stamp of…
certified
5. place…
6. date…
7. notary…
8. No…
9. Seal/stamp…
10. Signature…

Существует типовой вид перевода данных пунктов апостиля с английского языка на русский, которому стоит строго придерживаться.

1. страна…
Настоящий официальный документ
2. был подписан…
3. выступающем в качестве…
4. скреплен печатью/штампом…
удостоверено
5. в…
6. (дата)…
7. (название удостоверяющего органа)…
8. за №…
9. печать/штамп
10. подпись

При переводе информации данной под подзаголовком апостиля не возникло необходимости смыслового добавления, опущения или перестановки членов предложения, чтобы достигнуть адекватного перевода соответствующего нормам русского языка.

При переводе информации, отображающей данную ситуацию, (*Olga Gerez, State of California, Secretary of State*) использовали приёмы калькирования, транслитерации, и транскрипции (*Ольга Герез, штат Калифорния, Государственный секретарь штата*), так как фактически она представлена прецизионной лексикой (имена собственные, даты, нумерация).

Для того, чтобы продемонстрировать, что переводы текстов апостиля соответствуют образцу Гаагской Конвенции, мы сопоставили данный текст апостиля с другим документом. Единственными различиями в данных документах является пункт 3 – *занимающий должность* и *выступающий в качестве*, но данное различие не является ошибкой, так как данные фразы синонимичны, как и в случае с переводом слова *certified* – в одном документы переведено как *Удостоверено*, в другом как *Засвидетельствован*.

Таким образом, адекватность перевода апостиля достигается за счёт сохранения строго клишированной формы, с учётом требований переводящего языка, в виду строгого регламентирования характера самого документа. Адекватность перевода данного документа оценивается также соответствием переданной «ситуативной информацией», придающей данному документу конкретное ситуативное применение,

эксплицируя дату, время и задействованных субъектов, зарегистрированного действия.

Литература

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений [Текст] / И. С. Алексеева. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

2. *Бреус Е.В.* Основы теории и практики перевода с русского языка на английский [Текст] / Е. Бреус. – М. : Изд-во УРАО, 2000. – 208 с.

3. *Зражевская Т.А.* Трудности перевода общественно-политического текста с английского языка на русский [Текст] / Т. А. Зражевская, Т. И. Гуськова. – М. : Высшая школа, 1986. – 240 с.

4. *Комиссаров В.Н.* Слово о переводе [Текст] / В. Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1973. – 75 с.

5. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода [Текст] / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.

6. *Кушнерук С.П.* Документальная лингвистика: учебное пособие [Текст] / С. П. Кушнерук. – Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2009. – 96 с.

7. *Паршин А.Н.* Теория и практика перевода [Текст] / А. Паршин. – М.: Русский язык, 2000. – 161 с.

СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И АДЕКВАТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ВОЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ.
WAYS TO ACHIEVE THE EQUIVALENCE AND ADEQUACY OF THE TRANSLATION OF MILITARY DOCUMENTS

Назаров Р.В, Дон Е.Ф.
Nazarov R.V., Don E.F.
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
nazarovro@yandex.ru

Перевод военных документов это неотъемлемая часть военной переводческой деятельности. Военный перевод является обособленной лингвистической дисциплиной, которая охватывает все виды и способы перевода, от письменного перевода уставов и документов до устного перевода при радиообмене, не исключая и двусторонний перевод при беседе с военными специалистами, и синхронный перевод.

Военные документы – это такие текстовые и графические акты, письменные свидетельства, изображения, нормативно-правовые и официальные руководящие документы, которые содержат сведения по широкому кругу вопросов, относящихся к военнослужащим, армии и обслуживанию её нужд, а также предназначенные для управления военными орга-

нами в мирное и военное время. Характерной чертой текстов этого жанра является их совершенно однозначная ориентированность на получателя, побуждение его к определенным действиям. В этих текстах органически сочетаются все три рассмотренных параметра: деловая характеристика, т. е. изложение определенных фактов, побудительная характеристика, т. е. побуждение получателя к физическим или интеллектуальным действиям, и личностная характеристика, которая выражается в способности этих текстов передавать волю отправителя сообщения. Военные документы подразделяются:

- на боевые документы: боевой приказ, боевое распоряжение и т.п.;
- на служебные документы: приказ, предписание, рапорт и т.п.;
- на уставные документы: уставы, наставления, руководства и инструкции.

Если обращаться к языковой и лексической стороне военных документов и военных текстов, то можно сказать, что они, в силу своей коммуникативной направленности, находится на стыке двух стилей языка – официально-делового и научно-технического, приоритет одного из них меняется в зависимости от темы конкретного документа или его предназначения, например рапорт военнослужащего об успешном выполнении работ и инструкция к принятой на вооружение радиостанции.

О принадлежности военных текстов к официально-деловому стилю можно судить по некоторым стилевым чертам, свойственных военным документам, а именно: предписывающе долженствующий характер речи, ее неличный характер, точность, недопускающая двойного толкования, логичность, объективность, ясность, официальность, стереотипность, конкретность, обобщенность, строгость, лаконичность. Яркой, но не основной характеристикой, так же является особая система клишированных выражений и терминов, а также широкое использование сокращений и аббревиатур, которые, можно сказать, используются не только для достижения краткости, но и являются неким кодом, служащим для хранения и быстрой передачи информации. Важнейшей особенностью текстов военно-делового жанра является, прежде всего, побудительное и экспрессивно-эмоциональное содержание, что отличает этот жанр от всех остальных военных жанров. Ещё одной особенностью является строго регламентированная структура большинства военно-деловых текстов, а именно членение их на параграфы, пункты и подпункты, наглядная форма внешнего построения и чёткое выделение абзацев.

Поэтому учитывая все особенности и характерные черты военных документов, военный переводчик наряду с уверенным знанием как исходного языка, так и языка перевода должен иметь глубокие фоновые знания, а также знания страноведческого характера, так как подход к военному делу в разных странах имеет существенные отличия, что проявляется как в организационно-штатной структуре самих вооружённых сил, так и в их тактике ведения боевых действий. Также стоит заметить, что военный перевод требует от переводчика достижения высокого уровня эквивалентности, адекватности и точности текста перевода, ошибки в котором в лучшем случае приведут к произвольному и субъективному толкованию текста или повлекут за собой серьезные материальные затраты. Отсюда возникает проблема определения способов достижения высокой переводческой эквивалентности и адекватности текста перевода. Решение данной проблемы имеет теоретическое и практическое значение в современном военном переводе. Чёткое определение этих способов будет способствовать созданию более точных, эквивалентных переводов.

После проведённого предпереводческого анализа военных материалов и непосредственного перевода документов можно сделать вывод, что в данной деятельности широко используются как дословный перевод, так и денотативный и трансформационный переводы для достижения высокого уровня эквивалентности и адекватности перевода.

Дословный перевод используется, например, при переводе ориентиров, тактико-технических характеристик материальной части или выступает в качестве грубого предварительного перевода. Например: «CAESAR (**C**amion **é**quipé d'un **s**ystème d'**a**rtillerie) est doté d'un pointage automatique, d'un cinémomètrie, de terminaux ATLAS(L'**a**utomatisation des **t**irs et **l**iaisons de l'**a**rtillerie **s**ol/sol)». Перевод может быть следующим: Самоходная артиллеристская установка CAESAR оснащена прибором автоматической наводки, измерителем скорости снаряда интегрированных в систему ATLAS. Как видно из примера перевод был осуществлён посредством слово к слову через подбор правильных эквивалентов. При анализе боевого приказа можно заметить, что дословный перевод используется при переводе названий населённых пунктов, подразделений, а также односложных предложений для постановки задач подразделениям.

Однако нередко приходится отказываться от дословного перевода (механической подстановки слов языка перевода, аналогичных словам исходного языка) из-за различных факторов. Дословное воспроизведение форм подлинника может привести к искажению смысла или нарушению

норм языка перевода привести к буквализму. Помимо этого, в целом в ряде ситуаций дословный перевод неприменим, поскольку он противоречит смыслу, нормам или узусу языка перевода. В этих случаях используются семантический или ситуативный (коммуникативно-прагматический) перевод.

Денотативная или ситуативная модель перевода – модель, которая исходит из того несомненного факта, что содержание всех единиц языка отражает в конечном счете какие-то предметы, явления, отношения реальной действительности, которые обычно называются денотатами. При переводе с использованием эквивалентной и ситуативной моделей перевода, переводчик сопоставляет реалии страны языка оригинала и перевода, и выдаёт адекватный и эквивалентный перевод. Действия переводчика при переводе текста с использованием денотативной или ситуационной модели перевода представляются следующим образом:

- воспринимая текст оригинала, переводчик отождествляет составляющие этот текст единицы с известными ему языковыми единицами исходного языка;

- интерпретируя их значение в контексте, выясняет, какую ситуацию реальной действительности описывает оригинал;

- описывает эту ситуацию на языке перевода.

Иначе говоря, процесс перевода осуществляется в два этапа: от текста оригинала к действительности и от действительности к тексту перевода.

Наиболее четко ситуативная модель «работает» в следующих трех случаях:

1. при переводе безэквивалентной лексики;

Например: «Successeur du bac Gillois est l'engin de franchissement de l'avant.». Перевод может быть следующим: «Наследником парома системы «Жилуа» является самоходный штурмовой мост". Ситуативная модель нам помогает подобрать правильный эквивалент к словосочетанию «bac Gillois», который в данной ситуации может переводиться только, как паром системы «Жилуа», а не, например, «ванна Жилуа».

2. когда описываемая в оригинале ситуация однозначно определяет выбор варианта перевода; Например: «Avant de jeter le pont, le personnel de l'ensemble du pont mécanise lourd doit reconnaitre l'obstacle à franchir». Перевод может быть следующим: «Перед тем как навести мост, личный состав самоходного тяжёлого моста должен произвести разведку препятствия, которое нужно преодолеть». Примером ситуативного перевода в данном предложении служит, например словосочетание «jeter le pont»,

которое переводится исходя из ситуации «наводить мост», другие варианты, такие как: бросать, выбрасывать или класть мост являются некорректными.

3. когда понимание и перевод оригинала или какой-либо его части невозможно без выяснения тех сторон описываемой ситуации, которые не входят в значения языковых единиц, использованных в сообщении. Примером может служить перевод строевых команд: «Tête droite!» - Равнение направо! «Fixe!» - Смирно!

Использование денотативной и ситуационной модели перевода крайне важно при переводе военных текстов, так как нормы документов иностранных государств не совпадают с нормами, правилами написания и использования подходящей лексики на русском языке.

Например, при переводе боевого приказа важно заметить широкое использование повелительного наклонения у глаголов в тексте приказа на русском языке, это нужно учитывать и при переводе, так как в тексте оригинала, такого не наблюдается. А также нужно учитывать, что наиболее употребительным временем во французских боевых документах является будущее время изъявительного наклонения, в то время как в русских боевых документах в основном используется инфинитив, либо настоящее время повелительного наклонения, что также должно учитываться для достижения максимальной адекватности и эквивалентности перевода.

В связи с этим основными способами достижения адекватности и эквивалентности текста перевода является правильное и необходимое использование при переводе не только дословного способа перевода, но и эквивалентного и ситуативного, то есть переводы должны выполняться на формальном и смысловом уровнях перевода.

В качестве примера применения полученных знаний на практике может послужить вариант перевода боевого приказа. После проведенной работы выделить способы достижения адекватности и эквивалентности в этом переводе, прежде всего надо обратиться к его структуре. После проведения сравнительного анализа боевых приказов на французском и русском языках, можно сказать, что их структура примерно одинаковая, поэтому можно проводить аналогии в использовании лексики в разных подпунктах. Так, например, в пункте, где непосредственно ставятся боевые задачи в тексте приказа оригинала нет слова «приказываю», что является требованием при составлении приказа на русском языке, поэтому для достижения большей эквивалентности при переводе необходимо до-

бавлять это слово и соответственно все остальные связанные с ним слова и грамматические единицы. Поэтому в этом случае можно явно отследить использование денотативной или ситуативной модели перевода, а именно использование языковой ситуации в языке перевода для перевода такой же языковой ситуации в языке оригинала. В силу использования во французских боевых документах слов, называющих стороны света вместо слов «слева», «справа», в данном переводе, для достижения большей адекватности были использованы слова «правый фланг», «Левый фланг», что также является примером использования денотативной модели перевода. Использование дословного перевода прослеживается при переводе названий населённых пунктов, подразделений и односложных предложений постановки задач или группировки подразделений. В целом адекватность и эквивалентность при переводе данного военного документа можно достичь с помощью глубоких знаний военной терминологии, штабной культуры и самих приказов. Нужно указать на широкое использование повелительного наклонения у глаголов в тексте приказа на русском языке, это нужно учитывать и при переводе, так как в тексте оригинала, такого не наблюдается. Например: « Mon intention est d'organiser la défense contre les engins blindés qui comprendra», если не учитывать повелительного наклонения, то можно перевести, так « Мой замысел заключается в том, чтобы организовать оборону против бронетанковых подразделений, которая включает в себя:», этот перевод, вырванный из текста, является адекватным, но он не является эквивалентным переводу боевого документа, поэтому эквивалентным вариантом перевода может являться следующий перевод: «Решил организовать оборону против бронетанковых подразделений, которая включает в себя». Так как французские боевые приказы характеризуются предельной ясностью изложения, краткостью и чёткостью формулировок, не допускающих различных толкований, то это всё, для достижения большей адекватности и эквивалентности, должно учитываться при переводе, данные стилистические и грамматические особенности должны сохраниться и в тексте перевода. А так как этим же характеризуются и русские боевые документы, то в этом случае можно использовать денотативную модель перевода.

Если обращаться к уровням эквивалентности перевода, то в некоторые случаи перевода выполнены на формальном уровне эквивалентности. Например, при переводе пунктов, где указываются ориентиры расположения дивизии в обороне структура и семантика предложений в тексте перевода остаётся неизменной. Также при переводе использовал-

ся смысловой уровень перевода. Примером может служить предложение «entre les deux barrages les groupements tactiques des brigades constitueront avec leurs moyens antichars les centres de défense antichar» эквивалентным переводом может служить: «Тактическим группам из состава бригад, имеющим в своём составе только собственные противотанковые средства, занять оборону в центре между двумя другими опорными пунктами противотанковой обороны». В этом отрывке нужно отметить изменение формы, структуры предложения, что включает использование различных лексических средств и замен. Так, например фразу в тексте оригинала «... entre les barrages...» можно перевести различными способами, например «между заграждениями или препятствиями» или «Между двумя предполагаемыми направлениями действия противника», что также является эквивалентным переводом, но в этом случае, чтобы избежать повторений и излишней перегруженности предложения, лучше это перевести, как « между двумя другими опорными пунктами противотанковой обороны». Поэтому можно судить о наличии смыслового уровня эквивалентности. Также яркий пример ситуационного уровня эквивалентности является добавление слова «Приказываю» в пункте реализации, что соответствует приказу ВС РФ.

Таким образом, огромная роль при переводе боевых документах основывается на правильном знании и употреблении военной терминологии. В виду высоких требований к точности перевода боевых документов, знание терминов и различий между ними занимает важное место, также как и знание военного дела в целом.

Литература

1. *Гак В.Г., Львин Ю.И.* Курс перевода. Французский язык (общественно-политическая лексика). В.Г. Гак, Ю.И. Львин. – М. Международные отношения. 1970г. 400 с.

2. *Дон Е.Ф.* Учебник военного перевода. Французский язык. Часть 1. Е.Ф. Дон. – Томск, 2011. 480с.

3. *Ермолович Д.И.* Основы профессионального перевода [Текст] : Д.И. Ермолович. – М.: 2004, с.

4. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Учебник военного перевода: Французский язык. Специальный курс Р.К. Миньяр-Белоручев, В.П. Остапенко, А.Ф. Ширяев. – М.: 1984–397 с.

5. *Нелюбин Л.Л.* Перевод боевых документов армии США. – 2е изд., перераб. И доп. Л.Л. Нелюбин. – М.: Воениздат, 1989, 270с.

6. *Нелюбин Л.Л.* Учебник военного перевода. Английский язык: Л.Л. Нелюбин, А.А. Дормидонтов, А.А. Васильченко. – М. : Воениздат, 1981. - 379 с

7. *Стрелковский Г.М.* Теория и практика военного перевода немецкого языка. Г.М. Стрелковский. – М.: Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство 1979. 272 с.

КОРЕЙСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ СИДЖО КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА. KOREAN CLASSICAL POETRY SIDZHO AS AN OBJECT OF TRANSLATION

Николаева Александра Сергеевна
Nikolaeva Alexandra Sergeevna
Сибирский Федеральный Университет
Siberian Federal University
shadow.alexandra@gmail.com

Язык является ключевым элементом человеческой культуры, отражающим национальное самосознание, духовное богатство и историческую память народа. Литература, в свою очередь, бережно хранит богатство национального языка и выступает в роли источника основополагающих ценностей, возникших на базе нравственных, этических и других особенностей общества.

1443 год стал переломным в истории корейской культуры, в частности корейской поэзии. Именно тогда была создана национальная письменность, позволившая корейским поэтам записать стихи на родном языке [3; 5]. И именно тогда зародился новый поэтический жанр, впоследствии ставший классическим. Он получил название *сиджо* (시조). Сиджо стал вершиной средневековой корейской поэзии на родном языке. Впервые наименование этого жанра появляется в антологиях XVIII века, а наибольшей популярности он достигает уже в XV–XVIII веках. Большое влияние на формирование сиджо оказали конфуцианские монахи XI века, однако его корни также лежат и в более ранних формах корейской поэзии. Точный смысл названия этого поэтического жанра неясен. Одни исследователи переводят его как «песни времён года», другие – как «современные напевы» [Там же].

Стихи, написанные в форме сиджо, были чрезвычайно популярны при королевском дворе как средства выражения религиозных и философских идей. Однако они были распространены и в крестьянской среде. Так, в начале правления династии Ли (1392) основными поэтами сиджо были выходцы из высших классов – *янбаны* (양반), дворяне, и *кисэн* (기생), артистки развлекательного жанра. В конце эпохи династии Ли стали появляться новые формы сиджо, авторами которых были крестьяне. Сюжеты были достаточно реалистичными: люди писали о торговле, коррупции и всём остальном, что могло волновать их повседневную жизнь. Не обошли поэты и традиционную тему любви.

Как правило, сиджо не читались, а исполнялись в сопровождении музыкального инструмента. Стандартной мелодией строки считается 3-4-3-4 лада. Изначально сам текст стихотворения носил название *танга* (단가), «сиджо» называлась музыка к нему. Со временем термин «сиджо» стал обозначать и то, и другое.

При создании поэзии на ханмуне (한문, кореизированный стиль китайского языка), развивавшейся под влиянием творчества китайских поэтов эпохи Тан, корейцы строго придерживались правил китайской версификации, в основе которой лежал закон чередования ровных и неровных (ломаных) четырёх тонов китайского языка. Пожалуй, единственным отклонением от норм китайского стиха в корейской поэзии на ханмуне было написание в две строки двух стоящих рядом полустиший, которые образовывали ритмико-мелодическую фразу, или метрический член, – *ку* (китайский цзюй) [2]. Корейское стихосложение на родном языке отличается от стихосложения на ханмуне. Отличительной особенностью стихотворений этого жанра является чёткая метрическая организация. Форма сиджо представляет собой трёхстишие размеров в 44-46 слогов, каждая строка которого делится цезурой на два относительно самостоятельных полустишия. Полустишие состоит из двух чередующихся неравносложных (как правило, трех- и четырехсложных) стоп, но иногда число слогов в стопе колеблется от двух до шести. Начальная стопа чаще всего бывает трехсложной. Для начальной стопы третьей строки это условие является непременным, во вторую стопу в этой же строке входит не менее пяти слогов.

В сиджо нашёл полное воплощение композиционный принцип трёхчленного распределения материала, применявшийся в поздних хянга. Первые две строки тематически взаимосвязаны: первая строка вводит тему стихотворения или некую проблему, часто в форме вопроса, во второй строке идёт развитие ситуации. Третья же строка, удельный вес которой велик в сиджо, стоит несколько обособленно, что подтверждается своеобразием ее ритмико-мелодической организации, особым грамматическим оформлением и употреблением обращений и междометий в её начале. Данная строка, как правило, представляет собой развязку, здесь выражается лейтмотив всего стихотворения, обеспечивая запоминающийся конец. Благодаря параллелизму образов в первой и во второй строках, а также в результате повторов на концах полустиший и начальных стоп могут возникать созвучия окончаний (соответственно – цезурные и внутренние), в большинстве случаев грамматические. Но

имеется немало сиджо, в которых цезурные созвучия не являются следствием параллелизма или повтора. Считается, что для этой разновидности жанра применим термин «эмбриональная рифма», то есть непроизвольное следствие ритмико-синтаксического параллелизма соседних строк или полустиший. Стоит отметить, что рифма в сиджо может и отсутствовать, но наличие мелодики обязательно.

Существует несколько разновидностей в стиховой организации сиджо [Там же]. Основной является *пхёнсиджо*, то есть стихотворение, состоящее из трёхстрочной строфы, средний размер которой – 44-46 слогов. Идеальная формула пхён-сиджо выглядит следующим образом:

3 4 ‖ 3 (4) 4
3 4 | 3 (4) 4
3 5 ‖ 4 3

Пхён-сиджо также называют классической формой этого поэтического жанра. Другими композиционными разновидностями являются *ос-сиджо* (엇시조) и *сасоль-сиджо* (사설시조), которые зачастую называют одним термином *джан-сиджо* (장시조). Их форма более свободна: увеличение длины строки, вызванное произвольным чередованием двух- и трехстопных полустиший, приводит к ломке трехчленной структуры. Джан-сиджо могли содержать несколько трёхстрочных строф. Однако колебания в стопах джан-сиджо в основном такие же, как и в пхён-сиджо. В этой разновидности жанра намечается появление свободных стоп, типичных для современного стиха. Ещё одной композиционной разновидностью является *ён-сиджо* (연시조). Это группа из нескольких пхён-сиджо, объединённых в циклы по тематическому принципу. Во введении народно-разговорной речи в поздние сиджо, в замене традиционной образности конкретной, реальной отразилась тенденция к демократизации этого жанра.

Стихотворения также классифицировались по декламационной манере – они либо выкрикивались, либо пелись. Кроме того, сиджо различались по мелодике и темпу музыки. Пхён-сиджо пелись в среднем регистре (I октава). Исполнитель ос-сиджо начинал пение в верхнем регистре (II октава), переходя во второй части к среднему регистру. Сасоль-сиджо пелись в разных регистрах, что было обусловлено боль-

шим объёмом произведения. Также существовало множество производных от основных трёх разновидностей.

Тематика сиджо была довольно обширна, так как многие стихотворения слагались экспромтом. Однако для каждого периода времени существовала своя характерная тематика, которая накладывала на сиджо отпечаток эпохи [3; 6]. Основные темы в корейской поэзии конца XV – начала XVI веков – защита рубежей родины, утверждение мира в стране, поддержка новой династии и осуждение прежней. Многие поэты, писавшие в жанре сиджо – Ким Чон Со, Чон То Чжон, Ли Чи Ван – были крупными гражданскими и военными деятелями. Разочарование поэтов в правительстве в XVI веке – начале XVII века отразилось в их переходе к пейзажной лирике. Поэты так называемой «озёрной школы» отвергали власть, знатность, чины, богатства, призывали к простой жизни на лоне природы. Особенную известность приобрели такие классики этого направления, как Юн Сон До и Ли Хван [5].

Немаловажное место в творчестве поэтов того времени занимал мотив одиночества. «Индивидуалистические» тенденции в корейской поэзии были навеяны китайской традицией и подсказаны опытом своей собственной культуры. Философской базой стали даосизм и буддизм, получившие распространение в Корее в XV-XVII веках. Подобно китайцам и японцам, корейцы верили, что истинной духовной гармонии можно достичь лишь путём отшельничества. Размышления по поводу того или иного элемента природы – чаще всего луны, гор и воды – дают мгновенное постижение законов бытия. Поэтому корейская пейзажная лирика нередко сочетала в себе мотивы природы и одиночества.

В поэзии XV века пробивает себе дорогу любовная тематика. Эта тема, запретная с точки зрения конфуцианской морали, была богато представлена в поэтическом творчестве актёров-певцов *кванде* (광대). В стихах этих поэтов и поэтесс из народа главное внимание уделялось человеческим чувствам, простому человеку с его горестями и радостями. Ввела и утвердила в сиджо любовную тему Хван Джин И, кисэн, прославившаяся своей красотой, умом и остроумием. Также особое место в поэзии сиджо занимала тема патриотизма. Патриотические мотивы звучали в поэзии Ким Сан Хона (1570-1652), Ли Сун Сина (1544-1598) и многих других [6].

Сиджо впитали лучшие традиции устного поэтического творчества и предшествующей иероглифической поэзии. Элементы народных пе-

сен проступают в широком использовании стилистических фигур образной речи и в композиции (обращения и повторы в первой строке, восклицательные частицы в начале третьей строки, параллелизм двух первых строк и т.п.). Влияние иероглифической поэзии чувствуется в строгом отборе сюжетов, мотивов и поэтических образов из китайской классической литературы. Сиджо часто сравнивают с жанром японской поэзии хайку или хокку. Произведения обоих жанров символичны, уделяется особое внимание природе, однако, в отличие от хайку, сиджо характеризуется широким использованием тропов: метафоры, игра слов, аллюзии и т.д.

В отношении перевода китайского поэтического текста существуют два основных пути, разработанных М.Л. Лозинским: сохранение формальных особенностей подлинника и поиск формальных компенсаторных в языке перевода. Лозинский выделяет перестраивающий тип, затрагивающий как форму и содержание, и воссоздающий тип, воспроизводящий с возможной полнотой и точностью содержание и форму [4]. В.М. Алексеев считает, что перевод китайской поэзии предполагает: 1) стремление к передаче звуковых форм китайской поэтики; 2) визуализацию слов до степени иероглифов; 3) использование развернутых комментариев [1]. Подобные переводческие решения нередко применяются при переводе японского поэтического текста, чего нельзя сказать о корейской поэзии сиджо. На сегодняшний день стратегии перевода этого поэтического жанра почти не разработаны. Как бы то ни было, нельзя не отметить, что данный жанр корейской поэзии активно переводится на английский и русский языки.

Несмотря на тот факт, что первые переводы сиджо на английском языке появились в конце XX века, они быстро сыскали популярность в западном мире. В 1986 году был опубликован выпуск американского журнала «Poet», полностью посвящённый этому поэтическому жанру. Переводы на английский язык были выполнены американским поэтом корейского происхождения Уильямом Кимом. В последующие годы он опубликовал «Sijo By Korean Poets in China» (1987) и «Poems of Modern Sijo» (середина 1990-х годов). В 1996 году канадская поэтесса Элизабет Сент Жак выпустила сборник англоязычных сиджо «Around the Tree of Light». Сейчас она занимается литературным проектом «Sijo in the Light» на своём веб-сайте «Poetry in the Light», где публикует стихи,

написанные поэтами на английском языке. В США большую работу в области анализа и перевода сиджо проводят поэт Ларри Гросс и профессор Гарвардского университета Дэвид Маккейн.

Наиболее известным русским переводчиком поэзии сиджо является А.А. Ахматова. Поскольку поэтесса не владела корейским языком, переводы осуществлялись с подстрочников, которые Ахматова делала с помощью А.А. Холодовича [3]. Кроме того, при сотрудничестве с учёными-кореесведами П.А. Пак Иром, М.И. Никитиной и Л.Р. Концевичем с подстрочников переводил и А.Л. Жовтис. Он осуществлял перевод не только на русский, но и на украинский языки. В 1977 году под научной редакцией Л.Р. Концевича вышел сборник «Бамбук в снегу», куда вошло около четырехсот стихотворных переводов Жовтиса. Помимо этого, упомянутые выше учёные являются авторами целого ряда исследований, посвящённых анализу корейской поэзии. Сегодня переводом сиджо на русский язык занимаются М.В. Леонов и Р. Хе. И, пожалуй, это первые русские переводчики, которые делают попытки сохранить оригинальный размер произведения.

Поэзия сиджо представляет собой самобытное явление корейской литературы. Отражая национальное самосознание и духовное богатство народа, она по праву может называться ценнейшим памятником корейской культуры. Ввиду своего смыслового и формального своеобразия сиджо не имеет аналогов ни в одной другой культуре. Всё это свидетельствует не только об уникальности корейской классической средневековой поэзии, но и о наличии вполне закономерных трудностей, возникающих при переводе сиджо на иностранный язык. На современном этапе перевод корейской классической поэзии представляет собой недостаточно исследованное явление. Одним из проявлений этой тенденции является недостаток научных работ, посвящённых этой проблеме. Мы надеемся, что неразработанность данной темы привлечёт внимание исследователей и подтолкнёт их к новым открытиям как в области перевода поэзии сиджо, так и в сфере поэтического перевода в целом.

Литература

1. *Алексеев В.М.* Китайская литература. М.: Наука, 1978. 596 с.
2. *Концевич Л.Р.* Кореесведение. Избранные работы. М., 2001. 637 с.
3. *Корейская* классическая поэзия. Пер. А. А. Ахматовой. М., 1956. 260 с.
4. *Лозинский М.Л.* Искусство стихотворного перевода // Перевод – средство взаимного сближения народов: сб. науч. ст. М.: Прогресс, 1987. С. 91–106.

5. *Никитина М.И., Троцевич А.Ф.* Поэзия на корейском языке // История всемирной литературы. В 9 т. Т. 5. М.: Наука, 1988. С. 609–614.

6. *Никитина М.И., Троцевич А.Ф.* Поэзия: [Корейская литература XIII-XVI вв.] // История всемирной литературы. В 9 т. Т. 3. М., 1985. С. 649–652.

ПЕРЕВОД С СУБТИТРАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА ЦЗИНЬ МА «МУЛАН», КНР, 2009 Г.). TRANSLATION WITH SUBTITLES (BASED ON "MULAN" BY JIN MA, CHINA, 2009)

Приворотская Татьяна Викторовна
Privorotskaya Tatyana Victorovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
Kutikova_t@mail.ru

Помимо дублирования, самым распространенным видом перевода кинофильмом является перевод с субтитрами. В общих чертах разница между переводом с субтитрами и дублированием состоит в том, что первый представляет собой письменный перевод устного текста, а второй – устный перевод устного же текста. Поскольку текст не произносится, а воспроизводится письменно, эта дополнительная условность меняет задачи перевода и требования к нему. К основным изменениям относится, в первую очередь то, что при переводе с субтитрами нет необходимости ориентироваться как на движения губ актёров, так и на приблизительную длину того или иного слова.

Проблема перевода с субтитрами особенно актуальна на настоящем этапе развития китайской кинематографии и телевидения по ряду причин. Во-первых, из-за сложной лингвистической ситуации в стране, неравномерного распространения общепринятого языка *путунхуа*, широкого распространения диалектизмов и некоторых особенностей фонетического строя языка, субтитры повсеместно используются как в фильмах и сериалах, так и на телевидении. Более того, даже музыкальные клипы всегда содержат письменную форму текстов песен, которая появляется в виде субтитров. Во-вторых, при переводе иноязычных фильмов для местных телеканалов и выпуска лицензионной версии на DVD, дублирование применяется крайне редко, в большинстве случаев используются субтитры. Следует также разграничивать перевод с субтитрами, осуществляемый с китайского языка на русский и с русского языка на китайский. Дело в том, что даже дублирование китай-

ских фильмов требует максимального сжатия информации и умения грамотно использовать речевую компрессию. При переводе же китайской реплики субтитрами, при установленном ограничении в 32 символа на строку, возможность «уместить» всю значимую информацию, заложенную в китайском тексте, в две строки русскоязычного текста практически сводится к нулю. Рассматривая перевод кинодиалога русскоязычного фильма на китайский, можно, напротив, выделить положительную тенденцию, так как в несколько иероглифов мы можем уместить целое предложение .

Мнения исследователей по поводу перевода фильмов с субтитрами расходятся. Некоторые из них относят их к элите кинематографа, так как такой перевод позволяет слышать естественное звучание голосов актеров. Если дублирование упрекают в искажении оригинала, унификации ценностей двух разных культур, создании у зрителя иллюзии того, что они смотрят оригинальную версию фильма, то перевод с субтитрами лишен этих недостатков. Однако с технической точки зрения, при переводе с субтитрами вступают в противоречия письменная и устная форма представления вербальной информации, так как перевод с субтитрами не является полным и законченным переводом диалогов, а передает информацию сжато и обеспечивает лишь семантическую эквивалентность. Именно поэтому само понятие «перевод с субтитрами» ставится иногда под сомнение. Тем не менее, в наиболее общем виде цель любого перевода состоит в том, чтобы сделать смысл сообщение понятным для реципиента, поэтому «перевод с субтитрами» не может не рассматриваться, как отдельный вид перевода.

Под субтитром понимается «надпись на нижней части кадра кинофильма, являющаяся обычно *кратким* переводом иноязычного диалога (или вообще текста) на понятный зрителям язык»[1]. Исходя их этого, перевод с субтитрами можно определить как «сокращенный перевод диалогов фильма, отражающий их основное содержание и сопровождающий в виде печатного текста визуальный ряд фильма в его оригинальной версии, располагаясь, как правило, в нижней части кинокадра»[2].

Как видно из определения, данная техника перевода требует «уплотнения» оригинального звучащего текста для предоставления его в виде

---

[1] *Современный* словарь иностранных слов. СПб.:Дуэт, 1994 С. 435.

[2] *Горшкова В.Е.* Особенности перевода фильмов с субтитрами / Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. акад. М.Ф. Решетникова, 2006. №3. С.141-144.

субтитров. При этом перевод с субтитрами полностью сохраняет оригинальный звучащий текст (голос, интонацию, ритм), занимая, однако часть видеоряда. Отсюда одно из основных технических ограничений – сведение к минимуму числа строк субтитров, появляющихся на экране, чтобы не превратить просмотр фильма в его «чтение».

Что касается временных критериев, то до недавнего времени считалось, что среднее время нахождения на экране двухсрочного субтитра должно составлять 6 секунд. В настоящее время этот временной интервал считают чрезмерным и сокращают его до 4.5…5 секунд. Указанные нормы соответствуют скорости чтения среднестатистического зрителя и зависят от количества знаков в строке субтитра (в среднем от 28 до 32). Разумеется, количество знаков может незначительно варьироваться в ту или иную сторону с учётом читаемости субтитра, что в значительной мере зависит от скорости произнесения текста: чем выше скорость, тем более схематичным становится перевод с субтитрами. Диалоги на китайском языке всегда отличаются необычайно быстрым темпом речи, что заставляет переводчика делать субтитры информационно насыщенными, отбирая при этом только семантически релевантную информацию. Более того, при переводе китайских фильмов переводчик сталкивается с проблемой того, что количество знаков, умещающихся в одном китайском субтитре, будь то двухстрочный или однострочный субтитр, значительно превышает аналогичные показатели в русском языке. Соответственно, при переводе какого-либо субтитра с китайского языка на русский может возникнуть ситуация, когда последний по своему объему не может быть умещен в один кадр. В связи с невозможностью переноса одного и того же субтитра из одной сцены в другую при «уплотнении текста», каждый субтитр получает коэффициент на размещения определенного количества знаков, в зависимости от характера диалога. Необходимо следить за тем, чтобы субтитры точно соответствовали изображению на экране, кинематографическим планам, не нарушая зрительского восприятия.

Обычно операция по созданию субтитра делится на два этапа. Сначала из высказывания удаляются все избыточные элементы, которые не мешают пониманию текста и ситуации. Затем для перевода оставшегося материала подбираются наиболее ёмкие формы выражения, не противоречащие грамматическому оформлению и стилю реплик кинодиалога. Важно помнить, что переводимый текст несет в себе толь-

ко часть общего смысла, в то время как видеоряд принимает на себя основную смысловую нагрузку. На этом этапе есть опасность впасть в крайность, так как при чрезмерной компрессии высказывания создается впечатление возможности передачи значительного объема информации несколькими словами, что часто является причиной определенных расхождений оригинального текста и текста перевода.

Художественный фильм «Мулан» (花木兰), снятый Цзинь Ма в 2009 году по всеми известной легенде о китайской девушке-воительнице с самого начала демонстрирует необходимость особого подхода к переводу. Текст кинодиалогов данной картины сосредоточил большое количество архаизмов, историзмов, образных выражений, специальной лексики и географических названий.

Рассмотрим водный диалог правителя чжурчженей и его военного совета, который вводит зрителя в курс происходящего и передает общий стилистический окрас текста всего кинофильма.

№	Оригинальный текст:	Субтитры:
1.	单于(chán yú)	Высочайший!
2.	草原上好久没有这么热闹了，这次大掠中原(cǎoyuán shàng hǎojiǔ méiyǒu zhème rènao, zhèci dà lüè zhōng yuán)	Давно в нашей степи не было так людно, скоро мы захватим китайские земли.
3.	能够和九大部族一起同进退 (nénggòu hé jiǔ dà bùzú yīqǐ tóng jintui)	Мы выступим вместе с девятью племенами.
4.	哥哥说，他在放生(gēge shuō, tā zài fàngshēng)	Брат сказал, что он отпустит пленников
5.	阿使那。(āshǐnà) 是！杀！(shì! shā)	Ашна… Есть! Давай!
6.	哥哥，杀这些手寸铁的战俘来取乐(gēge, shā zhèxiē shǒu cùn tiě de zhànfú lái qǔlè)	Развлекаешься, убивая безоружных пленных?
7.	父王，年年对中原的掳掠…不是长久之计 (fù wáng, niánnián duì zhōng yuán de lǔlüè… bùshì chángjiǔ zhī jì)	Отец, каждый год мы нападали на китайские земли …, но так не может больше продолжаться!

8.	与其让他们抢劫被魏军分割消灭，不如趁这次结合这么多的兵力。(yǔ qí ràng tāmen qiǎngjié bèi wèi jūn fēngē xiāomiè，bùrú chèn zhècì jiéhé zhème duō de bīnglì)	Будем продолжать враждовать – Вэйская армия уничтожит племена по одному, сейчас мы должны объединить их
9.	现在我要喝酒！(wǒ yào hē jiǔ)	Хочу выпить!
№	Оригинальный текст:	Субтитры:
10.	避实而击虚，因敌而制敌 (bì shí ér jī xū, yīn dí ér zhì dí)	Слабость противника можно использовать против него!
11.	柔然犯境，大军压境(róurán fàn jìng, dà jūn yā jìng)	Жужане нарушили границы!
12.	特封，文泰为镇北将军花木兰为平北将军(tè fēng, wéntài wèi zhèn běi jiānjūn huāmùlán wèi píng běi jiānjūn)	Вэнтай отныне генерал покоривший север, Хуа Мулань – генерал усмиряющий север!

Из данной таблицы мы видим, что компрессия оказывается возможной благодаря упразднению или перефразированию определенного ряда фрагментов исходного звучащего текста. К числу таковых можно отнести:

1) вводные слова и конструкции (能够);

2) избыточные высказывания, частично дублтрующте уже имеющуюся информацию. (大军压境);

3) обращения, ритуальные формулы вежливости (哥哥);

4) пространственно-временные маркеры, эксплицитно отражаемые видеорядом, маркеры модальности (现在);

5) образные средства (сравнения, метафоры) (为平北将军).

Таким образом, основным способам перевода с субтитрами является упразднение избыточных элементов благодаря опоре на видеоряд. При этом наибольшую трудность для переводчика представляет принятие решения о важности-второстепенности информации, содержащейся в исходном звучащем тексте. Переводчик должен сконструировать смысл оригинального сообщения на языке перевода, сохранив при этом неизменной общую тональность кинотекста, что и является самой трудной задачей при переводе с субтитрами.

Литература

1. *Горшкова В.Е.* Особенности перевода фильмов с субтитрами// Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. акад. М.Ф. Решетникова, 2006. №3, С.141-144

2. *Горшкова В.Е.* Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога (на материале современного французского кино): автореф. дис.... д-ра филол наук. Иркутск, 2006. 32 с.

3. *Муха И.П.* К вопросу об информативности кинодиалога // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010. №2. - С. 292-297.

4. *Слышкин Г.Г.* Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова М.: Водолей Publishers, 2004. - 153 с.

5. *Современный* словарь иностранных слов. СПб.:Дуэт, 1994 С. 435.

ЯПОНСКАЯ ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ. JAPANESE TRANSLATION TRADITION

Родионенко Татьяна Олеговна
Rodionenko Tatyana Olegovna
Томский государственный университет, Факультет иностранных языков
Tomsk State University, Department of foreign languages
tatylan@mail.ru

Японский язык – один из наиболее сложных языков как для восприятия его носителями и иностранцами, так и для перевода на другие языки. Сложность перевода заключается в смешанной системе письменности и специфических особенностях правописания.

Традиционно на японском языке пишут вертикально, начиная строчку с верхнего правого угла страницы и ведя ее вниз. Помимо этого используют также и другой стиль - текст записывают слева-направо, как в русском и других европейских языках.

Японский язык не имел системы письменности до введения кандзи – китайских иероглифов – в конце 5 столетия. С тех пор японское письмо использовало две основных системы письменности: кандзи (китайские иероглифы) и систему слоговых букв (систему, в которой каждый написанный иероглиф обозначает слог), которая называется канна [7].

Учитывая всю сложность японского языка, перевод для жителей разных частей Японии, а также перевод на другие языки был просто необходим. Вплоть до 18 века очаги японского перевода на территории современной Японии внезапно вспыхивали, и так же внезапно тухли, не оставив после себя и следа. Проникновение китайской письмен-

ности в Японию относится к 5 -6– веку н.э., но с ремеслом перевода местные жители были знакомы значительно раньше. Многое о древней Японии рассказали нам ее западные соседи [5].

Сущность и специфика японского и китайского переводов

Еще в первом тысячелетии японцам было знакомо ремесло переводчика. Оказывается, уже в 3 веке японцы просто не могли обойтись без услуг перевода с/на японский. III век для жителей Японии был характерен тем, что люди, населяющие разные уголки страны, не могли общаться между собой из-за языковых различий. Каждое, отдельно взятое, владение имело свою неповторимую культуру, а, соответственно, и свой язык. Приходилось прибегать к услугам переводчиков.

Одной из специфических особенностей китайского и японского перевода на западные языки были их фразеологичекие обороты. «Ёдзидзюкуго» 四字熟語 – вид японских фразеологизмов, большей частью заимствованных из китайского языка и состоящих из четырех иероглифов. Ёдзидзюкуго часто вызывают большие трудности при переводе [4]. Письменному переводчику, который видит перед собой иероглифическое сочетание, в какой-то степени легче найти соответствие в языке перевода, поскольку можно догадаться о значении всего сочетания, основываясь на значении его частей – слов или отдельных иероглифов, и подобрать эквивалент в русском языке или дать толкование.

Еще одной из особенностей перевода является фонетическая система. Японский язык, как и китайский, принадлежит к тоновой фонетической системе – в нем присутствует мелодично-напевная система ударения. В данной системе определяющей является интонация, а не звуки. При этом слоги произносятся с разной высотой тона. Это значительно усложняет перевод японского языка. Переводчику необходимо владеть знаниями и нюансов фонетической техники.

Большую сложность, как в устном, так и в письменном переводе японского языка, представляют характерные особенности словоизменений, не имеющих аналогов в европейских языках. Сложные спряжения, склонения, наклонения зачастую не имеют соответствий в русском языке.

Также при переводе необходимо учитывать стилистику японской речи. В японском языке различают несколько стилей – официальный, просторечный и вежливый стиль, который в свою очередь имеет не-

сколько градаций. Для того, чтобы профессионально владеть японским языком, кроме лингвистических навыков и знаний, необходимо владеть знаниями культуры и истории Японии.

Бюро переводов и толкование дипломатических посланий

Первая организация, занимающаяся переводами, имела название «Атики — но фумбито». В ее функции входили перевод и толкование корейских и китайских дипломатических писем, а в свободное время «сотрудники фирмы» переводили научные трактаты западных соседей на свой родной язык. Переводчиками в основном становились переселенцы из Кореи и Китая, много лет проживающие в Японии. При императорском дворе также был штат из придворных переводчиков, без которых не обходилась ни одна расшифровка зарубежных посланий [8].

Японские переводы Библии (XVI–XX вв.)

В середине 19 века завершился более чем двухсотлетний период самоизоляции Японии и начались активные контакты с западными странами. В конце 19 века в городе Такасаки неподалеку от Токио возникла православная община. Один из прихожан – усердный христианин старик Иов Суто – в силу малограмотности не знал многих иероглифов и не мог читать Священное Писание. Поэтому он взялся за труд переписать весь Новый Завет крупными иероглифами и подписать их чтение слоговой азбукой. За несколько лет он полностью закончил эту работу. Старик всегда держал это Евангелие при себе и не расставался со своими рукописями даже во время визитов и встреч [3]. Оригинал, с которого Иов сделал список, был создан согласно требованиям классической грамматики старописьменного японского языка – языка дворянской элиты Японии – и содержал множество китайских иероглифов, в том числе редких и малоупотребимых. Его автор – русский человек, повторивший труд свв. Кирилла и Мефодия по переводу Священного Писания и дело первых учеников Христовых – благовестие спасения «всем языкам» – святой равноапостольный Николай, архиепископ Японский, просветитель этой языческой страны [6].

Японское переводоведение XVI–XX вв.

Начало XVI века ознаменовано прибытием в Японию европейских миссионеров, которые старались привить жителям европейскую культуру. Они организовали небольшую типографию и начали выпуск первых переводов в стране. Но к концу века были запрещены любые кон-

такты с иноземцами и прекращена переводческая деятельность. Лишь в XVIII веке возобновились международные связи, японцам даже было разрешено изучать голландский язык. XX век характеризуется изучением русской классической литературы. Многие произведения были переведены по несколько раз, безусловным лидером в этом отношении является «Война и мир» Л.Н. Толстого. При этом произведения русских классиков приобрели некоторый японский колорит [2].

Теории текста японского языка и сложности перевода

В японских лингвистических кругах весьма популярна идея максимально приближать теорию японского языкознания к практике преподавания родного языка. На важность и необходимость использования результатов исследования текста в процессе преподавания японского языка указывают многие японские ученые. Т. Канэока, Х. Нагасаки, Т. Итикава и др. предлагают обращать внимание на разные варианты начала текста и его завершающей части, обучать принципам абзацирования, способам связи предложений и абзацев, умению выделять главную тему текста, центральное предложение абзаца и т.д. Указанные темы являются частью такого понятия, как композисён - кё:ику 'обучение композиции', пришедшего в Японию в эпоху Мэйдзи и, как подчеркивает Мориока Кэндзи, оказавшего большое влияние на формирование современных принципов преподавания родного языка в Японии [1].

Литература

1. *Басс И.И.* Проблемы современного японского языкознания. Лингвистика текста. автореф. дис. ... д-ра фил. наук / И.И. Басс. – М., 2008.

2. *История* лингвистических учений : отчет о НИР / Сиб.фед.ун-т. рук. Л.В.Куликова. – Красноярск, 2008.

3. *Новый* Завет Господа Нашего Иисуса Христа. Репринтное воспроизведение издания 1876 года [на церковно-славянском языке]. – Козельск, 1998.

4. *Кушнарева Т.В.* [Электронный ресурс] Особенности перевода идиом китайского происхождения. – URL: http://houkago.narod.ru transl jukugoresume.htm

5. *Мир* перевода [Электронный ресурс] История японского перевода. – URL: http://www.mirperevoda.ru/japan_tranc_hist.htm

6. *Поместные* церкви [Электронный ресурс] : Православный перевод священного писания на японский язык. – URL: http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41160.htm

7. *«Японские* новости» в культурном пространстве Украины [Электронный ресурс] : Японский язык. – URL: http://www.japanese-page.kiev.ua/rus/hobby-japanese-language.htm#writing

8. *LingvoPlus* [Электронный ресурс] История развития перевода в Японии и русско-японского перевода. – URL: http://www.lingvo-plus.ru/yaponskiy-perevod

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ УСПЕШНОСТЬ РАБОТЫ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА
THE FACTORS DEFINING SUCCESS OF WORK OF THE SYNCHRONOUS INTERPRETER

Самойкина Юлия Александровна
Samoykina Yulia Aleksandrovna
ООО Бюро переводов «Мартин»
Translation bureau "Martin" Ltd

При осуществлении синхронного перевода текст на языке перевода воспроизводится с отставанием всего лишь в несколько секунд от текста, произносимого на языке оригинала, что, естественно, требует от переводчика больших умственных и эмоциональных усилий. Именно вследствие этого столь часто в практике используется стратегия вероятностного прогнозирования. Но как же именно строятся предположения, которые впоследствии оказываются верными?

На самом деле для успешного осуществления синхронного перевода переводчику нужно не только в совершенстве владеть парой языков, с которой он работает: иностранным, который выступает в качестве языка оригинала, и родным, являющимся языком перевода – но и тщательно готовиться перед каждым мероприятием, на которое его приглашают.

Несомненно, отличное владение рабочей парой языков и соответствующие психофизические задатки являются необходимой основой для хорошего переводчика-синхрониста. Грамотное использование различных стратегий синхронного перевода оказывает благоприятное влияние на его результат. И в то же время экстралингвистические сведения о цели высказывания при осуществлении устного перевода также имеют огромное значение. Практика ярко показывает, что достижение переводом заданной коммуникативной цели тесно связано с тем, насколько хорошо переводчик знает и понимает обсуждаемую тему. В связи с этим предварительная подготовка в отдельной сфере или сферах, т.е. специализация синхронного переводчика, безусловно, необходима.

Подготовительная работа, проводимая перед непосредственным переводом, должна включать овладение:

1) **Специальными фоновыми знаниями**

Они влияют на:[1]

- на *распределение внимания и запоминание* переводчиком новой информации. Когда переводчик слушает речь на языке источника, ему приходится запоминать лишь то, что для него является новой информацией, таким образом, при наличии достаточного запаса уже имеющихся знаний по теме снижается нагрузка на оперативную память переводчика. Он получает возможность связывать получаемую новую информацию с имеющимися фоновыми знаниями. В результате становится легче выделить рему в предложении, задаются основы для возможного применения вероятностного прогнозирования, обостряется внимание, переводчик может точнее понять и лучше запомнить новую информацию.

- *умозаключения*, к которым приходит переводчик о получаемой им новой информации. В когнитивной психологии считается, что фоновые знания влияют на процесс мышления переводчика, на его «когнитивные схемы рассуждений». Например, если переводчик услышит слово «房子» (дом) один раз, он прибегнет к схеме рассуждений, представляющейся ему наиболее логичной. Скорее всего, он представит деревянное или кирпичное строение, имеющее стены, дверь, окна и т.д.

- *скорость обработки информации мозгом переводчика.* Когда человек получает информацию - не важно, читает ли он ее внимательно или слушает рассеянно – если он имеет представление об обсуждаемой теме, владеет фоновыми знаниями, это значительно облегчает и, соответственно, ускоряет процесс понимания. Таким образом, фоновые знания влияют на степень сложности того или иного высказывания для понимания переводчиком. Вследствие этого они влияют и на скорость восприятия новой информации.

Как говорил известный русский естествоиспытатель К.А. Тимирязев, надо знать обо всем понемножку, но все о немногом. Только в этом случае переводческая задача может быть достигнута. Для этого переводчик должен тщательно готовиться перед каждым мероприятием, на котором требуются его услуги.

Знания переводчика перед выполнением перевода должны включать, во-первых, информацию, хранящуюся в долгосрочной памяти, т.е. энциклопедические знания, касающиеся самых разнообразных сфер жизни, и знания по тем тематикам, в которых специализируется синхронный переводчик и которые накапливаются на основе практики;

во-вторых, информация, полученная при непосредственной подготовке к конкретному мероприятию, когда переводчик уже знает темы докладов, которые ему предстоит переводить.

2) **Знаниями, полученными при подготовке непосредственно перед мероприятием после постановки переводческой задачи (после того, как были получены сведения о тематике докладов, составе участников и т.д.)**

Успешность синхронного перевода во многом зависит от проведенной заранее подготовительной работы. После получения сведений о предстоящей переводческой задаче переводчик должен определить, что должна включать предварительная подготовка.

У переводчика должны быть:

- необходимые материалы о конференции

После того, как было получено приглашение на какое-либо мероприятие, переводчик должен лично пообщаться с его организатором или организаторами, настойчиво попросить все материалы, имеющие отношение к конференции. Как правило, они включают повестку конференции, список докладчиков и краткая информация о каждом выступающем, тема высказывания или название доклада, тезисы или текст выступления.

- дополнительные материалы по теме

Когда переводчик собирает дополнительную информацию при подготовке к конференции, он должен ознакомиться с библиографическими источниками и интернет-ресурсами, касающимися тем докладов, поинтересоваться, что происходит в этих сферах жизни, отраслях науки в данный момент, какие намечаются тенденции. Синхронный переводчик должен уметь быстро овладевать новой для него информацией.

Синхронист должен внимательно слушать, говорить и улавливать тончайшие оттенки смысла высказывания, поэтому на этапе подготовки переводчику следует также **обратить внимание на свою языковую подготовку**, а именно:

1. *в совершенстве овладеть рабочей парой языков.* Например, читая текст на русском языке, нужно пытаться подобрать переводческое соответствие на китайском языке; и наоборот.

2. *изучить термины по сфере специализации.* Недостаточное знание терминологии может серьезно воспрепятствовать успешному

синхронному переводу. Практикующие переводчики составляют тематические глоссарии, которые используются и пополняются в процессе подготовки к конференциям и работы на них. Целесообразно начинать составлять такие словники заранее, еще в процессе обучения в университете.

3. *Заранее собрать информацию о выступающих и аудитории.* Желательно встретиться с докладчиками, понять специфические особенности речи (произношение, интонация, скорость речи и т.д.) и приноровиться к ним. Что касается аудитории, то необходимо выяснить, являются ли слушатели специалистами, чиновниками или простыми обывателями. Это необходимо для того, чтобы выбрать максимально подходящие средства выражения и стиль речи на языке перевода.

Обычно синхронисты работают по двое в специализированной кабине и поочередно осуществляют перевод, сотрудничество очень важно. Слушатели зачастую оценивают качество работы не одного переводчика, а пары синхронистов в целом.

Чтобы **совместная работа**[2] была успешной необходимо сделать следующее:

- *наладить взаимодействие.* Когда приходит время смены переводчиков, обычно либо каждые 20 минут, либо одновременно со сменой докладчиков, то этот переход должен осуществляться настолько незаметно для слушателей, насколько это возможно. Недопустима потеря содержания сообщения или его части из-за смены переводчиков.

- *оказывать помощь друг другу.* Нужно поделиться со своим партнером-синхронистом имеющимися материалами конференции, глоссариями, списками терминов и прочей имеющейся информацией. Если переводчик, с которым ведется работа в паре, столкнулся с трудностями, нужно тут же постараться помочь ему. Если он вдруг забыл вариант перевода какого-либо термина, можно подсказать, написав переводческое соответствие на бумаге. Если же синхронист, с которым вы работаете, допустил ошибку при переводе, нужно сказать ему об этом, но не во время работы, а позже тет-а-тет.

На некоторых международных конференциях используется много рабочих языков. В таких случаях работа синхронистов имеет свои особенности, т.к. используется метод «эстафеты» (relay). Он реализуется следующим путем: переводчик №1 переводит выступающего, говорящего на языке №0, на иностранный язык №1, переводчик №2 перево-

дит речь переводчика №1 на язык №2. Это происходит в тех случаях, если переводчик №2 не знает языка №0 в той мере, чтобы осуществлять успешный синхронный перевод. Конечно, в таком случае происходит несколько бОльшая потеря информации по сравнению с обычным способом перевода. В практике, когда переводчик №1 знает, что с него осуществляется перевод, то он должен стараться говорить четче, понятней и передавать содержание сообщения максимально полно. Исходя из этого, перед началом конференции желательно познакомиться не только со своим напарником, но и с другими синхронными переводчиками, работающими с другими парами языков, чтобы знать, на чью кабинку нужно переключиться при переводе того или иного докладчика, и успешно совместно работать.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что успешность синхронного перевода во многом зависит от того, насколько хорошо переводчик подготовился к своей работе. На подготовку, особенно поначалу, уходит много времени, которое не оплачивается, но, тем не менее, она необходима. Особенность этой профессии в том, что здесь, как нигде, понимаешь в полной мере смысл старой русской поговорки: «Век живи – век учись».

Литература

1. 李明远，认知心理学与口译课，重庆："四川外语学院学报"，1998.

2. *Taylor-Boulandon V.* Conference interpreting: Principles and Practice. Adelaide: Crawford House Publishing, 2000.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК
PROBLEMS OF INTERPRETING OF FRENCH MILITARY TERMINOLOGY INTO RUSSIAN

Семенов Данил Владимирович
Дон Евгений Федорович
National Research Tomsk State University
Национальный исследовательский Томский государственный университет
sedavlas@mail.ru

Деятельность военного переводчика тесно связана с деятельностью лингвиста. Перед военным переводчиком может встать любая задача по переводу, и он должен будет выполнить ее быстро, качественно и умело.

Данный материал посвящен именно проблемам перевода военной терминологии с французского языка на русский и обратно.

Статья затрагивает основные проблемы, с которыми может столкнуться военный переводчик, обучаясь данной профессии. Будет уделено внимание основным военным терминам французского языка, а также правильности перевода того или иного термина с одного языка на другой.

Для начала рассмотрим основные глаголы, которые встречаются в военных текстах, описывающих боевую задачу подразделения. *Это глаголы «détruire, démolir, anéantir»*. В семантику приведенных слов уже заложены следующие значения: убивать, уничтожать, упразднять, убрать. Зачастую имеются затруднения, особенно при переводе военных текстов с русского на французский язык. Сложность состоит в том, что данные слова могут некорректно употребиться переводчиком при переводе с русского на французский, так как во французском языке все эти слова употребляются в строго определенном контексте.

Рассмотрим глагол *détruire*, имеющий такие значения, как *уничтожать, упразднять, истреблять*. В военных текстах наблюдается тенденция, употребления данного слова в следующих смыслах: разрушать, уничтожать. То есть, можно употребить данный глагол в следующих значениях: «*Le personnel du 2em section d'infanterie a été complètement détruit*». Либо «*Le char a été détruit par le lance-roquette antichar*». Вот переводы: «*Личный состав 2-го пехотного взвода был полностью уничтоже»н*. Второе предложение: «*Танк был уничтожен ручным противотанковым гранатометом*». Здесь видно, что глагол может употребляться как в отношении личного состава (людей) так и в отношении любой техники, будь это танк, самолет, боевая машина противника, строение, жилой дом, маяк, вышка и так далее. Что касается глагола *anéantir*, то, имея единственное значения уничтожать, он может быть лишь только употреблен в отношении живой силы. Проследим его употребление: «*Le personnel du 23 peloton a inflige des pertes sérieux au 3-m section d'infanterie. Cette fraction a été presque complètement anéanti*». *Личный состав 23 танкового взвода нанес серьезные потери 3-му пехотному взводу. Взвод был практически полностью уничтожен.*

Когда мы сталкиваемся с военными реалиями, нам часто необходимо обозначать и правильно переводить подразделения, которые организационно входят один в другой. Например, отделение входит

во взвод, взвод организационно входит в роту, а рота в свою очередь входит в батальон. При переводе, зачастую можно ограничиться прямым переводом, но в ряде случаев такой тип перевода будет неуместен. Начнем с того, что в отличие от русского языка, где вышеприведенные термины употребляются только в вооруженных силах Российской Федерации, в реалиях других стран, в данном случае Франции, термины, обозначающие организационные единицы, подразделения могут иметь множество значений. Рассмотрим, например, сколько значений имеет слово «подразделение», если мы будем переводить его с русского. В данном случае, мы имеем полное право подобрать такие эквиваленты, как *formation f, fraction f, unité f, détachement*. Помимо военной смысловой составляющей данных слов, мы можем наблюдать и гражданскую. Данные существительные могут переводиться как членение, сбор, команда, группа лиц, разделение, единица, часть, разделение, звено. Это значит, что данные существительные будут переводиться с французского языка (в контексте военного документа) как подразделение, отряд, либо какая-то группа войск, будь это отделение, взвод, батальон. То есть неуместно будет давать сугубо гражданские понятия.

Как уже было подмечено, ни один военный текст не обходится без употребления того или иного термина. В таком случае, в рамках данной работы необходимо рассмотреть еще один военный термин, как mission. Обратившись к словарю, мы можем обнаружить, что данное слово имеет множество значений, как гражданских, так и военных. Например, в гражданском контексте слово может означать *миссия, задание, поручение, миссионерство, экспедиция, призвание, назначение, делегация*. В военном контексте же, слово миссия приобретает уже другие значения: боевая задача, боевое задание, боевой вылет, тренировочный вылет, полет, командировка.

Основная трудность заключается в том, что часто возникает путаница при переводе военных текстов из-за того, что военные реалии обозначаются гражданскими значениями, что является крайне недопустимо, так как для каждого конкретного случая, в военном французское слово la mission должно переводиться исключительно русским военным эквивалентом.

Рассмотрим все три случая употребления слова *mission* в сугубо военных текстах. Первое предложение следует перевести следующим образом: «*Вооруженные Силы Франции* ***предназначены*** *для отраже-*

ния агрессии противника, направленной на разрушение ее целостности». Во втором случае перевод должен быть следующим: «*Каждое подразделение имеет свою* ***боевую задачу*** *в бою*». И в третьем случае переведем, как «*Пехота может выполнять свою* ***боевую задачу****, как на боевых машинах, так и в пешем порядке*».

В первом случае имеется отличный от двух остальных перевод французского слова *mission*. Для того, чтобы объяснить, почему так было сделано, введем понятие «боевая задача»: Боевая задача – это задача, поставленная старшим начальником соединению, части, подразделению для достижения определённой цели к установленному сроку.

В первом случае слово mission было переведено словом «*предназначены*», так как здесь вооруженные силы взяты в общем смысле. Была рассмотрена в этом предложении роль вооруженных сил в жизни страны. Именно поэтому здесь можно грамотно перевести именно как *предназначение*, а не как *боевая задача*. Во втором случае нельзя прямо перевести слово mission, так как здесь уже говорится о конкретной цели каждого подразделения. Здесь, в период ведения боевых действий не какое-то именно подразделение играет большую роль, а именно все подразделения, имеющие свою *боевую задачу*, играют важную роль. Например, инженерные войска обеспечивают своему подразделению форсирование водных преград, противотанковые войска ведут борьбу с вражескими танками и так далее. И, наконец, в третьем предложении снова перевели термин *mission* выражением *боевая задача*, так как здесь пехота, получившая уже задачу от командира, может выполнять уже поставленную боевую задачу в пешем порядке, либо на боевых машинах (в зависимости от того, как определил командир подразделения). Из всего перечисленного можно сделать вывод, что слово *mission* может быть переведено прямо только в том случае, если о каком-то подразделении говорится в самом общем смысле, но, если упоминается уже об отдельном подразделении, либо перечисляется список его обязанностей, нужно всегда переводить русским термином «боевая задача».

Таким образом, нам удалось рассмотреть некоторые проблемы перевода французской военной терминологии на русский язык. В работе были рассмотрены основные глаголы, которые чаще всего используются во французских военных текстах. Также были затронуты вопросы

по переводу названий организационно-штатных единиц и другие обозначения, тесно связанные как с военной терминологией русского, так и французского языков.

Литература

1. *Дон Е.Ф.* Учебник военного перевода. Французский язык. Часть 1. Томск, 2011. 480с.
2. *Стрелковский Г.М.* Теория и практика военного перевода немецкого языка. М.: Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство 1979. 272с.
3. *Французско*-русский словарь военных терминов, Н.К. Гарбовский. М.: Издательство МГУ. 2008г. 575с.
4. *Французско*-русский словарь военных сокращений, А.Н. Барышев, М.: Военное издательство. 1983г. 212с.
5. *Приемы* перевода военных терминов с английского на русский язык
6. [Электрон. Ресурс]. Режим доступа: http://knowledge.allbest.ru/languages/3c0b65625a3bd78b5c43a88521316c27_0.html
7. *Abréviations* militaires (France) [Электрон ресурс]. Режим доступа: http://fr.wikipedia.org/wiki/Abréviations_militaires_(France)
8. *Адекватность* и вариативность перевода морских и военных терминов [Электрон ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/adekvatnost-i-variativnost-perevoda-morskikh-i-voennykh-terminov-v-khudozhestvennom-tekste
9. *Понятие* военного перевода [Электрон ресурс]. Режим доступа: http://www.bngg.ru/kbase/articles/article8.html

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА КИТАЙСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК. LEXICAL DIFFICULTIES OF TRANSLATION OF THE CHINESE NEOLOGISMS INTO RUSSIAN

Тагина Екатерина Константиновна
Tagina Ekaterina Konstantinovna
National Research Tomsk State University
Национальный исследовательский Томский государственный университет
yekaterina_tagina@hotmail.com

В связи с тем, что процесс словообразования не статичен, язык претерпевает множество изменений, которые отражают культурные, социальные и политические преобразования, появляются новые трудности перевода в современном китайском языке. Одной из наиболее актуальных проблем является перевод китайских неологизмов. В настоящей работе проанализированы основные проблемы перевода китайских

неологизмов на русский язык, с которыми может столкнуться переводчик в процессе своей профессиональной деятельности. Трудности изучены с точки зрения семантических, стилистических и синтаксических аспектов. Сделан вывод о том, что процесс перевода неологизмов помимо передачи информационной нагрузки переводимого текста, обязан воссоздать стилистические характеристики и синтаксическую композицию на языке перевода.

Неологизмы - это новые слова, появляющиеся в языке в результате различных изменений в жизни общества, в области культуры, науки и искусства. Существует два основных вида неологизмов: новые слова и новые значения, которые появились у «старых» слов с течением времени. Оба вида представляют трудности для перевода, потому как такие слова и значения невозможно найти в обычных словарях. Ведь хорошо известно, что любой словарь отстает в области регистрации новейших слов и значений, по крайней мере, на несколько лет. Отсутствие значения неологизма в словаре является далеко не единственной проблемой, с которой может столкнуться переводчик в процессе работы с неологизмами. Следующим фактором, способным тормозить работу переводчика, является временность существования неологизма в языке, в особенности, это касается неологизмов, появившихся в сфере публицистики, в сленге, а также, в научно-технической сфере.

Перевод любого неологизма включает в себя несколько этапов: понимание значения неологизма на основе контекста и анализа его структуры, понимание значения на основе этимологического анализа, или же, если это представляется возможным, обращение к словарю. Однако, скорость появления неологизмов в китайском языке приводит к появлению серьезных трудностей и ошибок, которые допускаются в процессе перевода. Ниже будут рассмотрены наиболее распространенные ошибки, допускаемые при переводе китайских неологизмов на русский язык.

Буквальный перевод

Поскольку каждая лексическая единица, за исключением специальной терминологии, наделена определенным семантическим смыслом и может иметь как прямое, так и переносное значение, переводчику необходимо глубоко понять семантику неологизма, во избежание дословного перевода. При анализе неологизма необходимо рассматривать

добавочные стилистические значения, так как в большинстве случаев, при переводе неологизма именно дополнительный стилистический оттенок несет большую нагрузку нежели основное значение неологизма. В данном случае, переводчику необходим тщательный анализ структуры неологизма, а также, контекста. Например:

- 八荣八耻 (bāróngbāchǐ) – *(букв.) «Восемь почестей и восемь немилостей»* - переводится как *«Восемь тезисов о славе и позоре»* (название политической социалистической программы), данная фраза была введена в оборот в 2006 году председателем КНР Ху Цзиньтао, фраза приурочена к продвижению социалистической нравственности и персональной целостности.
- 半糖夫妻 (bàntángfūqī) – *(букв.) «Полусладкая парочка»* - в современном Китае, в больших городах, хорошо образованные и прилично зарабатывающие молодые люди, ведут целенаправленно раздельную жизнь, несильно отличающуюся от развода. Эти пары, по собственному желанию, ограничивают интимное общение друг с другом, чтобы сохранять личное пространство и романтическое ощущение свадьбы. Данное социальное явление называется *«Полумедовыми парами»*.

Определение источников происхождения неологизмов

Столкнувшись с неологизмом переводчик, первоначально, должен определить источник возникновения неологизма. Источники возникновения неологизмов, в основном, делятся на три группы. Каждой группе свойственна собственная специфика, опираясь на которую должен быть выбран способ перевода неологизма. Например:

- Иностранные заимствования:

吉普车(jípǔchē) – «джип»

卢布(lúbù) – «рубль»

- Неологизмы, образованные посредством добавления к иностранному заимствованию родового слова-суффикса:

大陆热(dàlùrè) – «материковый бум» (на о.Тайвань)

网民(wǎngmín) – «Интернет-пользователи»

- Лексические неологизмы, созданные на основе языковых материалов китайского языка и в соответствии с его нормами:

照相机(zhàoxiàngjī) – «фотоаппарат»

发廊(fàláng) – «парикмахерская»

Наиболее сложным является перевод последней группы неологизмов, поскольку слова, созданные на основе ранее имевшегося языко-

вого материала, требуют особого внимания при переводе. Переводчик должен обладать определенным объемом нелингвистических знаний, для более точного анализа семантической структуры неологизма.

Несколько значений одного слова

Зачастую семантическое поле неологизма имеет множество значений и для качественного перевода переводчику необходимо тщательно проанализировать каждое значение для того, чтобы подобрать наиболее подходящее. Неверное определение подходящего значения, может привести к несочетаемости членов предложения, а также, неверному употреблению неологизма. Лучше всего разница подобных значений видна в контексте, это значительно упрощает процесс семантического анализа значений неологизма. Например:

- 抗微生物(kàngwēishēngwù) – «антибактериальный» - данное словосочетание, указывает на отсутствие бактерий или вредных для человека загрязнений
- 起飞(qǐfēi) – «взлететь, взлет; вылет» - в современном китайском языке имеет значение – «начинать стремительное развитие»

В заключении следует отметить, что вышеперечисленные проблемы свойственны для любого вида перевода, однако, если речь идет о переводе текстов, которые содержат неологизмы, сложность перевода значительно увеличивается. Перевод неологизмов требует от переводчика наличие нелингвистических знаний, большого объема знаний в сфере культуры и политики страны исходного языка и, зачастую, глубокого семантического и этимологического анализа.

Литература

1. *Иванов В.В.* Терминология и заимствования в современном китайском языке. М. : 1973.
2. *Семенас А.Л.* Лексика китайского языка. М.: Муравей, 2000, с. 312.
3. *Словарь* неологизмов китайского языка. Пекин: Шанъуиншугуан, 2003, с. 456.
4. *Семенас А.Л.* Лексикология современного китайского языка. М: Наука, 1992.
5. *Семенас А.Л.* Языковая ситуация в Китае // Восток. 1992, №2, с. 80-91.
6. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983, 303 с.
7. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. Учебное пособие. - М.: ЭТС. - 2002. - 424 с.

«ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КИТАЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК, ОТРАЖАЮЩИХ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МУЖЧИНОЙ И ЖЕНЩИНОЙ». "TRANSLATION PECULIARITIES OF THE CHINESE AND RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS, WHICH REFLECT RELATIONSHIPS BETWEEN MEN AND WOMEN"

Тарова Жанна Бимбаевна, Тихонова Евгения Владимировна
Tarova Zhanna Bimbayevna, Tikhonova Evgeniya Vladimirovna
Национальный Исследовательский Томский Государственный Университет
National Research Tomsk State University
Факультет Иностранных Языков
The Faculty of Foreign Languages
tarzhanna@mail.ru, kulmanakova@rambler.ru

Пословицы и поговорки возникли в глубокой древности и с той поры сопутствуют народу во всем, на протяжении всей истории. В них проявляются мудрость и дух народа, а знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только глубокому знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа. Сравнение пословиц и поговорок разных народов показывает, как много общего имеют эти народы, что, в свою очередь, способствует их взаимопониманию и сближению. Перевод пословиц и поговорок с одного языка на другой представляет особую сложность. Попытки дословного перевода пословиц и поговорок могут привести к неожиданному, часто нелепому результату.

Актуальность темы: очень часто пословицы и поговорки используются, чтобы подтвердить и подчеркнуть суть сказанного. Переводчик должен уметь грамотно их перевести, донести их смысл до слушателей и при этом сохранить стилистическую окраску и эмоциональное содержание. Кроме того, анализ и сравнение пословиц и поговорок позволяет понять, как базируются отношения между мужчинами и женщинами в Китае и России. Знание основного активного компонента страны — ее населения – дает возможность делать практические выводы и активно сотрудничать.

Объектом изучения выступают русские и китайские пословицы и поговорки со значением «отношения мужчины и женщины».

Предмет исследования – отношение эквивалентности между пословицами и поговорками.

Основная **цель** работы – исследование основных трудностей перевода пословиц и поговорок и выявление степени эквивалентности пере-

водов, а также выявление элементов национального менталитета путем анализа пословиц, отражающих отношения мужчины и женщины.

Задачи: установить причины трудностей перевода китайских пословиц и поговорок на русский язык; найти пути разрешения трудностей перевода; продемонстрировать связь между культурами двух народов в их пословицах и поговорках.

Источником исследования послужили русские словари пословиц и поговорок; китайские словари, а также специальная литература по данной проблематике (Словарь русских пословиц и поговорок / сост. Жуков В. П. -М., 4-е изд. 1991, 667стр.; Словарь китайских пословиц и поговорок.- Пекин, 1994, 235 стр. и др.)

Пословица – жанр устного народного творчества, который в афористичной форме передает информацию о народе, нормах поведения в определенном социуме. Основные черты русской пословицы - лаконизм, ритмичность, удобопроизносимость, часто – зарифмованность, что обеспечивает ее запоминаемость и сохранение в устной форме бытования.

Поговорка – оборот речи, который употребляется «по случаю», к слову, является, по словам В.Даля «ходовым выражением», и не имеет нравоучительного, дидактического характера. , пословица есть поэтически оформленный афоризм, поговорка — речение, речевой оборот, ходовое выражение.

Пословицы в китайском языке обычно соотносятся с книжным стилем речи и представляют собой цитаты древних источников, поговорка носит более разговорный характер. Русскому пониманию пословицы и поговорки соответствуют термин **Суъюй (俗语) и Сехоуюй (歇后语).**

Перевод как вид языкового посредничества, который всецело ориентирован на иноязычный оригинал. Перевод рассматривается как иноязычная форма существования сообщения, содержащегося в оригинале. Одна из главных задач переводчика заключается в максимально полной передаче содержания оригинала, и, как правило, фактическая общность содержания оригинала и перевода весьма значительна. Хороший переводчик должен не только понимать смысл переводимого текста, но и владеть фразеологическим богатством языка, на который осуществляется перевод. Передача образности фразеологической единицы представляет наибольшую трудность для переводчика. Причиной тому являются национально-культурные отличия между близкими по смыслу пословицами и поговорками в двух языках. Зачастую, совпадая

по смыслу, они имеют разную стилистическую окрашенность и эмоциональную окраску.

Достигнуть абсолютной эквивалентности при переводе пословиц и поговорок с китайского языка на русский язык очень сложно. В большинстве случаев достигается только частичная эквивалентность.

Оптимальным переводческим решением, несомненно, является поиск идентичных пословиц и поговорок. Однако следует признать, что число подобных соответствий в китайском и русском языках крайне ограничено. При отсутствии непосредственных соответствий единицу перевода, употребленную в языке оригинала, можно перевести с помощью аналогичной единицы языка, на который делается перевод, хотя он и будет построен на иной словесно-образной основе. Следует также учитывать, что стилистическая или эмоциональная окраска не всегда совпадают. В этом случае замена невозможна. Калькирование, или пословный перевод, иногда допустимо, хотя этот метод не всегда является эффективным.

В ходе этого исследования было проанализировано **78 пословиц** (китайских – 35, русских - 43). Материал для анализа отбирался методом сплошной выборки пословиц и поговорок интересующей нас тематической группы из специальных и толковых словарей русского и китайского языка.

Большая часть проанализированных пословиц и поговорок находится в отношениях безэквивалентности. Значение безэквивалентной языковой единицы описывается с помощью пояснительного словосочетания либо предложения.

夫妻同心，其义断金fu qi tong xin, qi yi duan jin

Буквальное значение: если муж и жена - одно сердце, их чувство может прорезать золото. Примечание: Если муж и жена живут одним сердце, одним чувством, одной целью, то такая сила может победить все трудности и у них всё будет хорошо. При этом надо учитывать, что в китайской традиции золото - символ прочности (как и в русской фольклорной традиции).

有柴有米是夫妻，无柴无米各东西you chai you mi shi qi fu, wu chai wu mi ge dong xi

Буквальное значение: если дома ещё остались хворост и рис, то мы ещё супруги. Но если дома ничего не осталось, то пора расстаться. Примечание: Одной любви в браке недостаточно, важны материальные возможности.

В ходе исследовании обнаружено 10 полуэквивалентных пословиц и поговорок. Как правило, эти элементы имеют общую концептуальную основу, но различаются признаком и принципом номинации. Например: 1) Бьет, значит, любит - Бить только родственников, ругать только любимых; 2) Все мужики одинаковые - на свете все вороны являются одинаково чёрными.

Из проанализированных пословиц отношения смысловой эквивалентности – совпадение на концептуальном уровне и уровне выражения концепта посредством принципа и признака номинации наблюдается только у трех проанализированных единиц.

Эквивалентные элементы: милые бранятся – только тешатся = Милые дразнятся – только веселятся.

Муж – опора в семье = Мужчина является столпом семьи.

ср. русское «Совет да любовь!» = Храните верность друг другу.

Сравнительный анализ пословиц и поговорок со значением «отношения мужчины и женщины» показал, что в китайском и русском языках много безэквивалентных элементов. Из проанализированных пословиц и поговорок только **10** являются полуэквивалентными единицами, **3** – полностью эквивалентными единицами.

В результате исследования сделаны следующие выводы:

1) Основной трудностью их перевода являются различные способами возникновения пословиц и поговорок и различия в метафорической картине мира, которые, в свою очередь, отражают образ жизни и психологию китайского народа, а также стилистическая дифференцированность.

2) Способами преодоления трудностей перевода являются: метод эквивалента, дословный перевод (калькирование) и описательный перевод. Перевод также может осуществляться методом контекстуальной замены, а именно с помощью целостного преобразования.

3) Несмотря на большое количество безэквивалентных единиц в китайском языке, морально-этические постулаты, которые используются для оценки отношений в семье, универсальны.

Таким образом, при переводе китайских пословиц и поговорок на русский язык переводчику всегда необходимо гибко мыслить и искать оптимальные способы перевода, чтобы донести до слушателя истинный смысл и сохранить стилистическую окраску и эмоциональное содержание.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. Тр. - М.: Наука, 1986, с.578.
2. *Даль В.* Пословицы русского народа, Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий, М., 1862 (изд. 2, СПБ, 1879, 2 тт.)
3. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок : [около 1200 пословиц и поговорок] / В. П. Жуков. - 7-е изд., стереотип. - М. : Русский язык, 2000, с. 479.
4. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС.- 2002.- 424с.
5. *Лингвистический* энциклопедический словарь.-М., 1990, с. 389.
6. *Словарь* китайских пословиц и поговорок.-Пекин, 1994, с.437.
7. *Словарь* русских пословиц и поговорок / сост. ЖуковВ. П. -М., 4-е изд. 1991,с.385.
8. *Фразеологический* словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова, 4-е изд. - М: Рус. яз., 1987,с.615.
9. *Экспрессивность* текста и перевод, М.А. Козырев. Издательство Казанского университета, 1991, с.506.
10. 《新编成语谚语俗语歇后语手册》广西民族出版社作者：彭勃2006, 页数: 239。
11. 《中国歇后语大全》《中国惯用语大全》《中国谚语大全》上海辞书图书社 2007,页数: 403.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ КИТАЙСКОЙ ПРЕССЫ. THE PECULIARITIES OF CHINESE PRESS TRANSLATION

Чернакова Ольга Николаевна, Тихонова Евгения Владимировна
Chernakova Olga, Tikhonova Evgeniya Vladimirovna
Шеньянский технологический университет
Shenyang University of technology
olgachernakova89*(a)* gmail.com, kulmanakova*(a)* rambler.ru

В настоящее время Россия и Китай являются стратегическими партнерами, в обеих странах был осуществлен переход в сторону рыночной экономики, в связи с чем СМИ оказались в положении субъекта рынка. В новых условиях Средства массовой информации в обеих странах по-новому решают основные, традиционно стоящие перед ними задачи: информирование населения о происходящих событиях, оказание воздействия на народные массы, осуществление политической пропаганды.

Продуктивное развитие межгосударственных отношений невозможно без познания языка, всех его аспектов, в том числе и языка средств информации, так как СМИ в современном мире оказывают огромное

влияние на жизнь общества, на сознание и представления людей, а также на национальные языки и культуры. Кроме того, информация, ее адекватность и оперативность передачи играют определяющую роль в каждой из сфер общественной жизни.

Одной из древнейших форм средств массовой информации является пресса, и по сей день газеты и журналы занимают важное место в общественной и политической жизни. Информационные печатные издания в Китае, несмотря на стремительное распространение интернета, по-прежнему пользуются большой популярностью.

В КНР выпускается около трех тысяч газет и более восьми тысяч журналов различной тематики. При написании данной работы использовались, прежде всего, новостные и аналитические издания.

Возможность работать с текстами китайских СМИ, осуществлять их грамотный перевод становятся сегодня все более актуальными задачами.

Тексты СМИ, как правило, строятся с опорой на существующие в данном обществе стереотипы, именно поэтому их восприятие и перевод, осуществляемые носителем иной культуры бывают зачастую затруднены. Специалисту, работающему с текстами иностранных средств массовой информации необходимо обладать не только языковыми знаниями и навыками, но и знаниями в области культуры народа, а также знаниями об особенностях информационной политики страны и собственно о языковых и стилистических особенностях текста СМИ данного государства.

Тексты периодической печати относятся, как правило, к публицистическому стилю, однако могут включать в себя черты и других функциональных стилей, например, стиль художественной литературы или разговорный. Также следует отметить, что тексты китайской прессы более экспрессивны, чем российские, поэтому при переводе необходимо учитывать особенности русского газетно-публицистического стиля.

Пример 1: «双方愿承前启后、继往开来、共同努力开创中俄关系发展的新局面».

Буквальный перевод: Договаривающиеся стороны, наследуя дело предшественников, продолжая традиции и устремляясь в будущее, намерены совместными усилиями положить начало новому этапу в развитии русско-китайских отношений.

В данном предложении используется поэтичное выражение: «承前启后、继往开来» (наследовать дело предшественников и продолжать традиции, устремляясь в будущее), характерное для стиля художественной литературы. При буквальном переводе данное предложение будет выглядеть несколько пафосно.

Вариант перевода: Договаривающиеся стороны намерены продолжить традиции, заложенные их предшественниками, и начать новый этап в истории русско-китайских отношений.

Пример 2: «创业带动就业真是胡说八道。»

Буквальный перевод: Производство стимулирует занятость – это полный вздор.

胡说八道– вздор, нести вздор. Выражение, характерное для разговорного стиля речи.

В большинстве случаев такой вариант перевода покажется российскому читателю излишне грубым.

Вариант перевода: Производство вовсе не обязательно стимулирует занятость.

Одна из основных особенностей газетного текста – широкое использование терминов и специальной лексики. В данном случае у переводчика нет простора для творчества. Названия, термины, специальная лексика – то, что переводчик, работающий в сфере массовой коммуникации должен знать, либо компенсировать недостаток знаний постоянным обращением к словарям и другой справочной литературе.

Пример 1: «中共向俄罗斯订购的现代级驱逐舰已经完工。»

Сборка современных эсминцев, заказанных Коммунистической Партией Китая в России, уже завершена.

中共（中国共产党）– Коммунистическая Партия Китая, 驱逐舰 – эсминец.

Пример 2: «59 名议员在会上宣誓就职»

59 парламентариев приняли участие в инаугурации.

议员 – парламентарий, 宣誓就职 – инаугурация.

Существует два варианта перевода фразеологических единиц:

1. при помощи фразеологизма-эквивалента или фразеологизма-аналога, если таковые существуют в языке перевода.

Пример: « 这些减少的费用对人民而言不过是九牛一毛。»

Для народа эти меры по сокращению затрат – лишь капля в море.

九牛一毛– капля в море.

Данный фразеологизм является достаточно распространенным и имеет соответствие в русском языке, закрепленное в словаре.

2. Если в русском языке нет эквивалента исходному фразеологизму, для перевода следует подбирать слова, соответствующие его смысловому значению.

为了来钱更快,狼狈为奸的二人,决定实施绑架敛财。

Чтобы быстро получить деньги, сообщники пошли на похищение с целью выкупа.

狼狈为奸– фразеологизм, буквальный перевод: волк и шакал совершают преступление; общепринятый вариант перевода на русский язык: сообщничество.

Если в переводимом тексте присутствуют клише или штампы нейтрального характера, то аналогичные языковые средства следует использовать и в переводе. Для многих журналистских клише и штампов можно найти соответствия, характерные для русскоязычных СМИ.

Пример 1: 对于美国而言,保持现状可能是最优选择。

Сохранение статус-кво – наилучший вариант для Америки.

保持现状 – сохранять статус-кво.

Пример 2: 据有关人士透露,西班牙目前正考虑提高退休年龄。

По сообщениям компетентного источника, испанское правительство намерено повысить пенсионный возраст.

据有关人士透露– по сообщениям компетентного источника.

В данной работе были рассмотрены лишь наиболее важные особенности текстов периодической печати Китая, которые непосредственно связаны с проблемой их перевода на русский язык. Для перевода газетных статей невозможно вывести несколько универсальных правил, работающих в любой ситуации, однако зная основные стилистические и лексические особенности языка современной китайской прессы, а также обладая знаниями в области истории, культуры и информационной политики Китая, переводчик способен выполнять грамотный перевод.

Литература

1. *Горелов В.И.* Публицистический стиль китайского языка (функционально-стилистические особенности) Высказывание и текст. Семантические аспекты. М., 1987.

2. *Горелов В.И.* Стилистика современного китайского языка. М.: «Просвещение», 1979 – 192 с.

3. *Готлиб О.М.* Перевод материалов средств массовой информации (китайский и русский языки). Учебное пособие.Чита: Чит. ГТУ, 1997. – 127 с.

4. *Кондрашевский А.Ф., Румянцева М.В., Фролова М.Г.* Современный китайско-русский словарь. М.: АСТ, 2008. – 720 с.

5. *Лингвистический* энциклопедический словарь под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990. – 683 с.

6. *Тимофеев О.А.* Язык средств массовой информации Китая, Тайваня и Гонконга. Учебное пособие. М.: «Муравей», 2003. – 127 с.

7. *Чжан* Цзюйси. Сходства и различия современных текстов в китайской и российской прессе: Историческая и теоретическая обусловленность. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2005. – 221 с.

8. *Щичко В.Ф.* Китайский язык. Теория и Практика Перевода. Восток-Запад, 2004. – 223 с.

9. 吴雅民，范立云。读报知中国.上：报刊阅读基础，北京语言大学出版社，2009重印. – 229 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ). SEMANTIC PROCESSES IN FRENCH MILITARY TERMINOLOGY (DIACHRONIC ASPECT)

Шевцов Сергей Вадимович
Shevtsov Sergey Vadimovich
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
shevtsov912@mail.ru

Цель настоящей работы – охарактеризовать изменения, произошедшие в семантике военных терминов за 300 лет – с XVIII века по XX век, а также обозначить основные тенденции в военной терминологической системе.

Терминологическая система представляет собой одну из подсистем языка. Она включает в себя термины различных сфер деятельности человека: научной, технической, медицинской, политической, военной и многих других. В исследованиях по терминологии рассматриваются состав, пополнение той или иной частной терминосистемы (медицинской, технической и т.д.). Изучение терминов проводится обычно в синхроническом плане, то есть на материале определенного исторического среза. Чаще всего исследуется современное состояние терминосистем. Так, объектом исследования становились транспортная, медицинская, автомобилестроительная терминология на примере английского языка [Лесничая, 1998; Мотченко, 2001; Чунтомова, 1998]. На примере французского языка нам известна работа в области стоматологической терминологии [Капитула, 1998]. В то же время, насколько нам известно,

исследований в области терминологии военного дела французского языка, не проводилось, тем более в диахроническом аспекте. Все вышесказанное обусловливает актуальность данной статьи.

Прежде чем приступить к анализу терминов, дадим определение терминологии как науки, а также рассмотрим пути появления терминов во французском языке.

Под термином понимают специальное слово или словосочетание, принятое в определенной профессиональной сфере и употребляемое в особых условиях [Лесничая, 1998]. Термин представляет собой словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний. Каждый термин входит в определенную терминологическую систему, относящуюся к той или иной области науки, техники, производства, и его концептуальное содержание определяется его местом в системе. Термины, в отличие от «обиходных» слов, внутри своего терминологического поля обычно однозначны. Одно и то же слово может быть термином различных областей знания, но это не полисемия, а омонимия. Например, термин «волна» имеет совершенно разные значения в гидравлике, радиотехнике и оптике [Чунтомова, 2004].

При ускоренном развитии какой-нибудь области науки или техники начинается активное отражение ее достижений средствами массовой информации, переход отдельных терминов из специального употребления в общее. При этом термины теряют научную точность, расширяют сферу своего употребления. Происходит их детерминологизация, то есть выход из терминологической системы в общий фонд. В специальном употреблении, занимая соответствующее место в системе, термины остаются сами собой [Лесничая, 1998].

Изучением терминов и терминологических систем занимается наука терминология. Терминологию можно определить как совокупность терминов определенной отрасли знания или производства. Как совокупность терминов, терминология составляет автономный сектор любого национального языка, тесно связанный с профессиональной деятельностью [Лопатникова, Мовшович, 2001].

Поскольку терминосистемы являются частью общего фонда языка, для них характерны те же пути обогащения, что и для общего фонда языка. Выделяют три основных способа пополнения словаря и, следовательно, терминосистем: словообразование, заимствования, эволюция значения слов.

Прежде чем приступить к анализу терминов, отметим особенность формирования терминов в русском и французском языках.

Согласно В.Г. Гаку, русский язык имеет тенденцию к четкому разграничению наименования общего и специального понятия. При возникновении нового понятия, которому необходимо дать словесное обозначение, в русском языке появляется новое слово, которое образуется либо при помощи словосложения, либо при помощи заимствования из других языков. Например: огнеупорный, вал, аллюр, плавень. Это слово становится термином [Гак, 2008]. В отличие от русского языка, где существует отдельное наименование для предмета, во французском языке предметы и явления, принадлежащие техническим, военным, медицинским сферам, обозначаются словами из общеупотребительного фонда языка. Например, для обозначения технического термина «вал» во французском языке используется слово из общеупотребительного фонда un arbre («дерево»).

Таким образом, если в русском языке основными путями пополнения терминосистем являются заимствования и словообразование, то во французском языке гораздо более активно используется эволюция значения слова. Во французском языке общий фонд и терминологические системы пересекаются, следовательно, гораздо сильнее, чем в русском [Гак, 2008].

Если сравнить военную терминологию во французском и русском языках, то здесь наблюдается общая тенденция: если в русском языке для военного термина существует отдельное слово, то во французском языке военный термин не имеет своего наименования, а входит в общий фонд. Приведем примеры. Для обозначения специального военно-инженерного термина «минная камера» (составная часть мины) во французском языке используется слово из общеупотребительного фонда fourneau (печь).

Для того чтобы ответить на вопрос, какие процессы происходят внутри значений слов-терминов, мы изучили развитие значения военных терминов, а именно: сравнили значения французских терминов в течение двух периодов – в XVIII и в XX веке с целью выявления возможных смысловых расхождений. Материалом исследования послужил текст предисловия к работе знаменитого французского военного инженера Себастьяна Ле Претра де Вобана «Как правильно атаковать и оборонять крепости». Она вышла в XVIII веке. Методом сплошной выборки мы выделили 30 терминов, представляющих для нас наиболь-

ший интерес с точки зрения анализа. Данные слова являются частью общего фонда французского языка и в то же время они представляют собой термины.

Целью анализа является ответ на два основных вопроса: Каким образом то или иное слово, ставшее военным термином проникло во французский язык? Какие процессы происходят в значении слов-терминов?

Анализ термином производился по следующему плану:

1. Этимология слова.
2. Значение слова в XVIII веке.
3. Значение слова в настоящее время.

При анализе использовались следующие словари: этимологический словарь французского языка Доза, этимологический словарь французского языка Tacchella, этимологический словарь русского языка Г.П. Цыганенко, словарь французского языка XVIII века Д'Аламбера, современный словарь французского языка Larousse.

Обратимся к примерам.

Пример 1: *Attaque*.

Слово *Attaque* образован от «attaquer» - «нападать», первоначальное значение - «набрасываться с палкой, колом» (ср. франц. taque «палка», уменьш. taquet «деревянный клин», «колышек»; приставка at- из латинского ad- «на») [Dauzat, 1938].

Согласно словарю Д'Аламбера в XVIII веке слово *Attaque* означает: 1. Нападение, атака, налет. 2. Захват. 3. Воздействие [D'Alambert, 1754].

Контекстный анализ труда Вобана позволяет утверждать, что в работе французского военного инженера термином «атака» обозначается организованное наступление войск с целью уничтожения подразделений противника либо с целью захвата определенных объектов противника. Этот термин наиболее часто употребляется в работе, наряду с термином «оборона», так как именно о ведении боевых действий атакующего и оборонительного характера и идет речь в работе знаменитого французского военного инженера.

Согласно современному словарю Larousse, это слово имеет следующие значения: 1. Атака, нападение. 2. Проникание. 3. Вызов. 4. Захват. 5. Запуск, пуск в ход. 6. Припадок, удар. 7. Обработка [Larousse, 1982].

Термин *Attaque* «расширил» свое значение. Если словарь XVIII века дает значения этого термина только в военной области, то в настоящее время мы можем увидеть термин «атака» среди медицинских терминов, где он обозначает припадок либо сердечный приступ. Также этот термин существует в химии, где означает воздействие какого-либо вещества, например, реагента, на какое-либо другое вещество, а также в сфере горной промышленности, где означает обработку какого-либо материала. Иначе говоря, термин *Attaque* в настоящее время является частью нескольких терминосистем, чего не наблюдалось в XVIII веке.

Пример 2: *Défense.*

Слово *Défense* происходит от латинского глагола defendere – охранять, предостерегать [Dauzat, 1938].

Согласно словарю Д'Аламбера, в XVIII веке слово *Défense* означает: 1. Оборона, зашита. 2. Организованное сопротивление [D'Alambert, 1754].

Термин «оборона» наряду с термином «атака» является наиболее важным и часто употребительным понятием в работе Вобана. Контекстный анализ труда Вобана позволяет утверждать, что автор использует этот термин в значении, во-первых, совокупности мероприятий, направленных на защиту какого-либо объекта от нападений противника, и, во-вторых, в значении целой науки о ведении боевых действий оборонительного характера. То есть автор использует термин во всех значениях XVIII века.

Согласно современному словарю Larousse, это слово имеет следующие значения: 1. Защита. 2. Оборона. 3. Средства защиты. 4. Линия защиты [Larousse, 1982].

Существенных различий при сопоставлений значений этого слова в словарях Д'Аламбера XVIII века и в современном словаре Larousse обнаружено не было. Оно сохранило все свои значения.

Пример 3: *Artillerie.*

Слово artillerie происходит от старофранцузского – artillier – совокупность боевых орудий, восходит к более древнему atilier, происхождение которого доподлинно неизвестно [Tacchella, 1894].

Согласно словарю Д'Аламбера в XVIII веке слово *Artillerie* означает: 1. Совокупность орудий для ведения огня. 2. Род войск [D'Alambert, 1754].

Контекстный анализ труда Вобана позволяет утверждать, что автор под этим термином понимает, во-первых, совокупность артилле-

рийских орудий, предназначенных для ведения огня по противнику, во-вторых, артиллерийские подразделения, выполняющие свои собственные боевые задачи либо осуществляющие прямую поддержку пехотным подразделениям. То есть автор использует термин во всех значениях XVIII века.

Согласно современному словарю Larousse, это слово имеет следующие значения: 1. Орудия для ведения огня на средние и дальние расстояния. 2. Род войск [Larousse, 1982].

Сравнение значений в XVIII веке и в XX веке позволяет сделать следующий вывод: существенных расхождений значений этого термина во времена Вобана с современным значением не обнаружено, то есть это значение этого термина не подверглось изменению. Неизменным остался как и круг значений, так и порядок очередности, в котором эти значения даются в словаре. На первом месте стоит артиллерий как совокупность орудий для ведения огня, на втором – в значении подразделений.

Пример 4: *Canon.*

Слово *canon* происходит от итальянского cannone – труба [Dauzat, 1938].

Согласно словарю Д'Аламбера, в XVIII веке слово *Canon* означает: 1. Канон (церковный). 2. Каталог. 3. Пушка, артиллерийское орудие. 4. Ствол, часть артиллерийского орудия. 5. Механические приборы [D'Alambert, 1754].

Контекстный анализ труда Вобана позволяет утверждать, что автор под этим термином понимает артиллерийское орудие для ведения огня по противника.

Согласно современному словарю Larousse, это слово имеет следующие значения: 1. Пушка, орудие. 2. Ствол. 3. Канон, устав, правило. [Larousse, 1982].

При работе со словарем Д'Аламбера XVIII века мы обнаружили, что первым в списке значений термина «canon» идет значение «церковный канон» в различных вариациях. Затем идет значение каталога, списка каких-либо предметов. И только затем идут военные значения этого понятия, в частности, артиллерийское орудие и его часть, ствол. Трудно объяснить, чем обусловлено именно такое иерархическое расположение значений этого понятия. Возможно, это связано с тем, что во времена Вобана религия играла первостепенную роль в жизни людей,

и именно поэтому понятие «canon» ассоциировалось в первую очередь с религиозной сферой.

В настоящее же время ситуация изменилась. На первый план вышло значение этого термина в военном деле, и только затем идет значения как канона, устава, правила. Таким образом, само значение слова не изменилось, но произошли изменения внутри значения: основное значение стало второстепенным, а на первый план вышло второстепенное значение.

Проведенный анализ языкового материала – терминов в количестве 30 единиц – дал следующие результаты. Что касается происхождения слов-терминов, то большинство из них – 21 из 30 (или 70% из 100%) – пришло во французский язык из латинского языка. Причем часть из них в X–XII из вульгарной латыни – разговорной разновидности латинского языка, послужившей основой для формирования нового языка – французского. Другая часть терминов была заимствована из классического латинского языка уже в XVI-XVIII веках, в период развития науки, искусства и других областей деятельности человека. Остальные слова проникли в общеупотребительный фонд и терминологические системы из германских и итальянских языков.

Результаты свидетельствуют о том, что происходят следующие изменения в семантике слов-терминов. Так, значение может расширяться. Например, в случае с терминами défense, ligne. Всего таких терминов восемь. Количество незначительно, значит, процесс идет неинтенсивно. Наблюдается также такой процесс как изменение значения внутри самого значения слова: основное значение стало второстепенным, а на первый план вышло второстепенное значение. Примером этого явления может служить слово canon («пушка). Таких примеров обнаружено пять. Здесь мы также можем говорить о неинтенсивном протекании процесса.

Кроме того, можно наблюдать следующее явление: из военной терминосистемы термины проникают в другие терминологические системы: электротехническую, музыкальную, экономическую, географическую, спортивную. Таких случаев обнаружено 15 (или 50%). Например, défense, batterie, siége. Это свидетельствует о том, что процесс перехода терминов из одной терминологической системы в другую в течение трех веков проходит достаточно интенсивно.

Исследование французской военной терминологии в диахронии, то есть в сопоставлении, позволяет выявить некоторые закономерности ее развития. Важнейшей тенденцией французской военной терминологии является проникновение терминов из одной системы в другую.

Литература

1. *Гак В.Г.* Беседы о французском слове. - Москва, Издательство ЛКИ, 2008. - 334с.

2. *Капитула Л.С.* Терминологическое поле французской стоматологической лексики (историко-этимологический аспект): Автореф. дисс. канд. филол.наук. – Минск, 1998. – 22с

3. *Лесничая Л.Н.* Семантика синтаксических структур составных терминов: автореферат - Автореф. дисс. канд. филол.наук. - Москва, 1998. – 16 с.

4. *Лопатникова Н.Н., Мовшович Н.А.* Лексикология современного французского языка. Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. Шк., 2001. – 247 с.

5. *Цыганенко Г.П.* Этимологический словарь русского языка. – Киев: Рад.шк., 1989. – 510 с.

6. *Чунтомова Ю.А.* Английская транспортная терминология: Автореф. дисс. канд. филол.наук. – Москва, Коломенский Государственный педагогический университет, 1998. – 16 с.

7. *Dauzat A.* Dictionnaire etimologique de la langue francaise. – Paris: Librairie Larousse, 1938. – 824 c.

8. *Diderot M., Alembert M.D'.* Encyclopedie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers (en 17 t.) – Paris, l'Academie royale des Sciences et des Belles-lettres de Prusse. – 1754.

9. *Tacchella P.* Dictionnaire etimologuque francais-russe. – St-Petersbourg, Imprimerie de l'Academie Imperiale des sciences, 1894 – 1331 c.

МЕТАФОРА «ЭМОЦИЯ – СУБЪЕКТ ВНУТРЕННЕГО МИРА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. ЛОНДОНА «THE CALL OF THE WILD» И «WHITE FANG» И ИХ ПЕРЕВОДАХ. «EMOTION IS SUBJECT» METAPHOR IN «THE CALL OF THE WILD» AND «WHITE FANG» BY JACK LONDON AND THEIR TRANSLATIONS

Шиляев Константин Сергеевич
Shilyaev Konstantin Sergeevich
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
shilyaevc@gmail.com

Цель нашего исследования – выявление ключевой концептуальной текстообразующей метафоры в произведениях Дж. Лондона «The Call of the Wild» и «White Fang», закономерностей ее функционирования

и отражение принципов функционирования в переводах рассматриваемых произведений.

Исследование выполнено в рамках лингвокогнитивного подхода к языку. Вводится понятие концептуальной метафоры – ассоциации (связи) двух концептуальных областей, одна из которых структурируется в терминах другой. На поверхностном уровне языка она объективируется и реализуется в системе лексических метафор, представляющих собой результат переноса названия одного понятия на другое по сходству признаков этих понятий. В нашем исследовании также используется понятие ключевой текстовой концептуальной метафоры – метафоры, объединяющей весь текст произведения, придающей ему смысловую и образную целостность, организующей его на уровне текстопорождения [8]. Такая метафора является по сути концептуальной и реализуется через систему языковых метафорических моделей. Метафорическая модель есть явление лингвокогнитивное, и представляет собой единство ментальной схемы и системы ее языковых репрезентаций, то есть лексических метафор [9, С. 37]. Метафорическая модель нередко конкретизирует один из аспектов ключевой текстовой концептуальной метафоры.

В настоящей работе мы рассматриваем тексты произведений Дж. Лондона «The Call of the Wild» (1903 г.) [3] и «White Fang» (1905 г.) [4] и их переводы М.А. Абкиной (1954 г.) [7] и Н. Волжиной (1984 г.) [6], соответственно. Общий метафорический фон произведений задается антропоморфной концептуальной метафорой «собака – человек». Немаловажную роль в языковых репрезентациях этой метафоры играют лексические метафоры, наделяющие собаку человеческим сознанием и эмоциями. Одним из систематических проявлений эмоционального аспекта метафорической модели «собака – человек» является представление эмоции или некоторой абстрактной сущности (жизни, инстинкта, закона и пр.) как субъекта, действующего во внутреннем мире собаки. Рассмотрим несколько таких метафор, взятых в контексте (в скобках после оригинального английского текста – перевод). Представленные далее дефиниции взяты из словаря Oxford Dictionary of English [5] для английских лексем, для русских – из Словаря современного русского литературного языка (БАС) [10]. Перевод английских словарных дефиниций выполнен автором статьи.

And not only did he learn by experience, but ***instincts long dead became alive*** *again. In vague ways he remembered back to the youth of the breed.*

(Все это Бэк постигал не только опытом – в нем ***всколыхнулись*** *давно заглохшие первобытные* ***инстинкты****. Смутными, невнятными голосами* ***заговорила в нем далекая юность*** *его рода.)* В данном фрагменте перевода для описания внутреннего мира собаки применяются те же базовые концептуальные метафоры, что и для описания внутреннего мира человека: эмоции, внутренние движения души осмысливаются как сущности [1, С. 98-110; 2, С. 51], в данном случае – субъекты, наделенные возможностью действия: *instincts ... became alive* (*инстинкты всколыхнулись*, букв. инстинкты ожили), сам же человек (а в контексте рассматриваемых произведений – собака) рассматривается как контейнер. Необходимо отметить, что в русском варианте переводчик добавляет еще одну метафору, – *юность заговорила*, – которой нет в оригинале.

He wanted it because it was his nature, because he had been ***gripped*** *tight by that nameless, incomprehensible* ***pride*** *of the trail and trace – that* ***pride*** *which* ***holds*** *dogs in the toil to the last gasp. This was the* ***pride*** *of Dave as wheel-dog; the* ***pride*** *that* ***laid hold*** *of them at break of camp,* ***transforming*** *them from sour and sullen brutes into straining, eager, ambitious creatures; the* ***pride*** *that* ***spurred*** *them on all. This was the* ***pride*** *that* ***bore up*** *Spitz. (Он хотел этого потому, что такая у него была натура, и потому, что* ***им*** *всецело* ***овладела*** *та непостижимая* ***гордость****, которая* ***побуждает*** *ездовых собак до последнего вздоха не сходить с тропы... Эта* ***гордость просыпалась*** *и в Дэйве, когда его впрягали на место коренника. Она* ***воодушевляла*** *всех собак, когда приходило время отправляться в путь, и* ***преображала*** *угрюмых и раздражительных животных в полных энергии, честолюбивых и неутомимых тружеников. Эта* ***гордость подстегивала*** *их.)* В данном контексте имеет место описание внутреннего мира собаки, в котором действующим субъектом выступает *pride, гордость*: она *овладевает* (*grip, hold, lay hold*), *побуждает* (нет прямого соответствия в оригинале), *просыпается* (нет прямого соответствия), *воодушевляет* (*bear up*), *преображает* (*transform*), *подстегивает* (*spur*). Само употребление существительного *pride, гордость* по отношению к собаке является метафоричным, так как приписывает ей понятие, свойственное человеку: *consciousness of one's own dignity* – сознание своего достоинства.

...such ***memories had no power over him****. Far more* ***potent*** *were the* ***memories*** *of his heredity...; the* ***instincts*** *which had lapsed in later days, and still later, in him,* ***quickened and became alive again****. (Страна солнца*

стала для него смутным и далеким ***воспоминанием****, которое его не* ***волновало****. Гораздо* ***большую власть над ним имели воспоминания*** *о другой жизни, далекой жизни предков. А* ***инстинкты, не просыпавшиеся в нем раньше, теперь ожили и властно заговорили****.)* В данном фрагменте повести собака Бэк вспоминает образы далекого прошлого. Не зная достоверно, имеет ли собака воспоминания такого рода, можно предположить, что Дж. Лондон, желая рассказать о внутренней перемене в главном герое, проецирует мыслительную и образную деятельность сознания человека на собаку, которая, таким образом, наделяется *воспоминаниями*, которые букв. не имеют над ним власти (*have no power over him*). *Воспоминания* представляются как субъекты внутреннего мира собаки, они могут иметь или не иметь *власти – have power, be potent* – это также реализация одной из базовых когнитивных метафор, примененная к собаке. Подобно *воспоминаниям* ведут себя *инстинкты*: они *оживают – quicken, become alive*. В русском переводе лексическая единица *воспоминание* «воспроизведение в памяти предшествующих состояний сознания, возобновление в сознания представлении о ком, чем-либо», также нераздельно связанная с сознанием, сохраняет авторскую метафору. Отражена и базовая когнитивная метафора – представление *воспоминаний* и *инстинктов* как суъектов: они *имеют большую власть, просыпаются, оживают, властно говорят*.

This *[feeling]* ***had been strong upon him*** *when he pulled into the bank, and* ***it had not departed from him****. ...And as they [blows] continued to fall upon him,* ***the spark of life*** *within* ***flickered*** *and* ***went down****.* ***It was nearly out****. The last sensations of pain* ***left him****. (Это чувство* ***обреченности родилось*** *еще тогда, когда он тащил нарты на берег, и с тех пор не* ***оставляло*** *Бэка. ...А они (удары) продолжали сыпаться, и последняя* ***искра жизни уже угасала в нем****.* ***Ощущение*** *боли* ***исчезло****.)* Относительно *feeling, чувства* в данном фрагменте реализуется базовая когнитивная метафора, представляющая его в качестве субъекта внутреннего мира: оно букв. *было сильно*, и *не отлучалось от него*. Так же ведут себя другие субъекты внутреннего мира: *the spark of life* «искра жизни» мерцает и гаснет (*flickered and went down*), *sensations of pain* «ощущения боли» покидают его *(left him)*. В тексте перевода базовая когнитивная метафора чувства как субъекта сохранена: *чувство родилось* и *не оставляло, искра жизни угасала* (метафора *ощущения боли покинули его* не передана).

But in spite of this ***great love*** *he bore John Thornton, which seemed to bespeak the soft civilizing* ***influence****, the* ***strain of the primitive****, which the Northland had aroused in him,* ***retained alive and active****. (Однако, несмотря на* ***великую любовь*** *к Джону Торнтону, которая, казалось, должна была* ***оказать*** *на Бэка смягчающее и цивилизующее* ***влияние****, в нем* ***не заглохли склонности диких предков, разбуженные*** *Севером.)* Базовая когнитивная метафора чувств как субъектов внутреннего мира проявляется в данном благодаря словосочетанию *strain of the primitive;* букв. черта первобытности, которая остается в главном герое активной и живой (*remained alive and active*). В русском переводе когнитивная метафора субъектов внутреннего мира передана не вполне: они присутствуют как сущности, но глаголы *заглохнуть, быть разбуженным* не предполагают активного действия с их стороны. *Любовь* в русском переводе стала субъектом влияния благодаря переводчику: в английском тексте она *свидетельствует, является признаком* влияния (*bespeak influence*).

Irresistible ***impulses seized*** *him. (Он был теперь весь* ***во власти*** *непобедимых* ***инстинктов****.)* Фраза *impulses seized him*; букв. импульсы охватили его, представляет собой базовую когнитивную метафору чувств как субъектов внутреннего мира. Словосочетание *быть во власти инстинктов* передает эту метафору: *импульсы* представляются субъектами *власти*.

Instinct *and* ***law demanded*** *of him obedience. But* ***growth demanded*** *disobedience. (****Инстинкт*** *и* ***закон требовали*** *от него повиновения, а* ***рост*** *требовал неповиновения.) Инстинкт (instinct), закон (law) и рост (growth)* действуют в волчонке в качестве субъектов, функционируя в рамках ключевой текстовой метафоры «собака – человек»: они *требуют (demand) повиновения (obedience)* или *неповиновения (disobedience)*.

For the time, ***fear*** *had been* ***routed*** *by* ***growth****, while* ***growth*** *had* ***assumed the guise of curiosity****. (****Жизнь****, крепнущая в нем, на время* ***победила страх****, и* ***страх уступил место любопытству****.)* Внутренние переживания и силы, стремления, действующие в волчонке снова предстают в качестве субъектов: *рост* (*growth*) *побеждает* (*rout*) *страх* (*fear*), при этом *маскируясь под любопытство* (*assume the guise of curiosity*). В переводе эта метафора сохранена: *жизнь побеждает страх, страх уступает место любопытству*.

Yet ***submission made*** *him master his fear, and he only growled softly. (И все-таки* ***покорность взяла верх*** *над* ***страхом****, и Белый Клык ограничился тихим рычанием.)* В данном фрагменте *submission, покорность* заставляет (*make*) волчонка подчинить себе страх. В русском переводе метафора чувств как субъектов внутренней жизни представлена шире: *покорность* сама *берет верх* над *страхом*.

Varying were the ***emotions*** *that* ***surged*** *through him. At first, he had known surprise. Then* ***came*** *a momentary* ***fear****, when he yelped several times to the impact of the hand. But this was quickly* ***followed*** *by* ***anger****. His* ***free nature asserted itself****. (Самые разнообразные* ***чувства*** *волновали его. Сначала он удивился, потом на него* ***напал страх****, и он начал взвизгивать от каждого удара. Но* ***страх*** *вскоре* ***сменился злобой. Свободолюбивая натура заявила о себе****.)* В данном фрагменте различные эмоции (*emotions*) букв. вздымаются (*surge* «move suddenly and powerfully forward or upward» – внезапно и с силой переместиться вперед или вверх) в Белом Клыке: *fear (страх)* приходит (*came*), *anger (гнев)* букв. следует (*follow*), в переводе *сменяет страх*. Словосочетание *свободолюбивая натура* (*his free nature*) реализует ту же метафору в рамках метафорической модели «собака – человек»: она *заявляет о себе* (в английском – *asserted itself*). Таким образом, в переводе метафора сохранена.

In that moment White Fang's ***free nature flashed*** *forth again. (В этот миг* ***свободолюбие*** *снова* ***дало себя знать*** *в Белом Клыке.)* Метафора субъекта получает дальнейшее развитие с новым предикатом – *свободолюбие дает себя знать*, в оригинале букв. *свободная натура сверкнула (flashed)*.

A great ***fear came upon*** *him. (На волчонка* ***напал ужас****.)* В данном фрагменте *страх, fear* букв. находит на волчонка (*came upon*), являясь, таким образом, активным субъектом действия. В русском переводе используется фраза *ужас напал* на Белого Клыка, что сохраняет метафору, представляя страх субъектом атаки с негативной коннотацией.

Fear surged *through him again. (****Страх*** *снова* ***овладел*** *им.)* В английском оригинале *страх* букв. *устремляется сквозь* главного героя-волчонка, в русском – *овладевает им*. И в том, и в другом случае присутствует метафора чувства как внутреннего субъекта.

It was during this period that he might have ***hearkened*** *to the* ***memories*** *of the lair and the stream and run back to the Wild. But the* ***memory*** *of his mother* ***held*** *him. (В эти дни Белый Клык мог бы* ***внять*** *голосу прошло-*

го, который звал его обратно к пещере и ручью, но ***память о матери удерживала его на месте.)*** Глагол *hearken* («(archaic) listen» – (архаичное) слушать) в данном фрагменте имеет своим дополнением *воспоминания*, что предполагает как осознание собакой воспоминаний, так и действие свободной воли в их отношении. Во фрагменте реализуется метафора внутреннего субъекта: *память (memory) о матери удерживает (held)* Белого Клыка, а *воспоминания (memories)* говорят, так как к ним можно прислушаться. В переводе метафора *внять голосу прошлого* сохраняет метафору – прошлое, как субъект, говорит.

The ***basic life*** *that was in him* ***took charge of*** *him. The* ***will*** *to exist* ***of his body surged*** *over him. He was* ***dominated*** *by this mere* ***flesh-love of life****. His* ***reason*** *was* ***unseated*** *by the blind* ***yearning*** *of the* ***flesh to exist and move****, at all hazards to move, to continue to move, for movement was the expression of its existence. (Его* ***инстинкт восставал*** *против этого. Он не помнил себя.* ***Жажда жизни овладела им****. Его* ***тело*** *властно* ***требовало*** *свободы.* ***Мозг, разум не участвовали в этой борьбе, отступив*** *перед слепой* ***тягой к жизни, к движению*** *– прежде всего к движению, ибо в нем и проявляется жизнь.)* В данном фрагменте наличествует множество субъектов: *basic life* (*инстинкт*, букв. сама жизнь) *took charge* (*восставал*, букв. взяла власть), *will of his body* (*тело*, букв. воля его тела – тело не просто становится субъектом действия, оно наделяется своей волей) *surged* (*требовало*), *flesh-love of life* (*жажда жизни*) *dominated* (*овладела*), *reason* (*мозг, разум*) *was unseated* (*отступили*) *by yearning of the flesh to exist and move* (*перед тягой к жизни, к движению*, букв. перед сильным желанием жизни существовать и двигаться, т.е. жизнь представляется субъектом, наделенным волей и способностью к движению).

*...****intelligence fled*** *before the* ***will*** *of his* ***flesh*** *to live. (...****разум в нем погас, подчиняясь велениям тела****.)* В данном фрагменте фраза *intelligence fled* также реализует метафору эмоции-субъекта: *разум* букв. отступил. Перевод *погас* в данном случае не сохраняет семантики субъектности и не вполне передает реализацию метафоры. *Тело* (*flesh*) метафорически наделяется волей (*will*), *велениями*.

It manifested itself to him as a ***void*** *in his being – a* ***hungry****, aching,* ***yearning void*** *that* ***clamored*** *to be filled. ...But when away from his god, the* ***pain*** *and the* ***unrest returned****; the* ***void*** *in him* ***sprang up*** *and* ***pressed*** *against him with its emptiness, and the* ***hunger gnawed and gnawed*** *unceasingly. (****Любовь*** *давала знать о себе ощущением* ***пустоты****, которая настой-*

чиво, жадно ***требовала заполнения****. ...Но стоило богу уйти, как боль и* ***тревога возвращались*** *и Белого Клыка снова* ***охватывало ощущение пустоты, ощущение голода****, властно* ***требующего утоления****.)* В данном фрагменте Дж. Лондон подробно описывает, как собака ощущает любовь: лексема *void (пустота)* наделяется атрибутами *hungry* (букв. голодный, нет соответствия в переводе), *yearning* (*жадно*), предикатами *clamor* (*требовать*), *spring up* и *press* (*охватывать*, букв. вспрыгивать («move or jump suddenly or rapidly upwards or forwards» – двигаться или прыгать внезапно или быстро вверх или вперед) и давить). Субъектами в рамках эмоционального аспекта метафорической модели «собака – человек» предстают *pain* (*боль*) и *unrest* (*тревогу*) – они *возвращались (returned)*. Другим субъектом становится *голод (hunger)*, который *требует утоления* (*gnaw*, букв. гложет). Таким образом, метафора сохранена в переводе данного фрагмента полностью.

He could feel the pricking and stinging of the old ***anger*** *as it* ***strove to rise up*** *in him, but it strove against* ***love****. (Прежняя* ***злоба поднималась*** *в нем, но на этот раз ей приходилось* ***бороться с любовью****.)* В данном фрагменте происходит борьба двух чувств-субъектов: *злобы* (*anger*) и *любви* (*love*): первая *поднимается, борется (strive to rise up*, букв. стремится подняться, что также наделяет эмоцию-субъекта волей; *strive against)*.

Проведенное исследование показало, что метафора эмоции как субъекта внутреннего мира функционирует как в оригинальных текстах, так и в их переводах. Будучи распространенной метафорой при описании чувств и внутренних переживаний человека [2, С. 51], она применяется Дж. Лондоном в новом ключе – для передачи чувств собаки, и вписывается в метафорическую модель «собака – человек». Чувства как субъекты наделяются различными атрибутами и предикатами, усиливающими выразительность метафоры согласно желанию автора. Чаще всего эмоции берут власть над собакой, двигаются или борются друг с другом, имеют свою волю. Успешность переводчиков в передаче данной метафоры свидетельствует в пользу того, что ее разделяют носители как английского, так и русского языка, подтверждает предположение о ее когнитивной универсальности.

Литература

1. *Kovecses Z.* Metaphor – A Practical Introduction / Z. Kovecses. – 2nd ed. – New York : Oxford University Press, 2010. – 396 c.

2. *Lakoff G.* Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – 2nd ed. – Chicago. : The University of Chicago Press, 2003. 276 p.

3. *London J.* The Call of the Wild [Электронный ресурс] : электронная библиотека Project Gutenberg Project Gutenberg Literary Archive Foundation. – Электрон. библиотека. – USA., 2012. – URL: http://www.gutenberg.org/ebooks/215 (дата обращения: 3.09.2012).

4. *London J.* White Fang [Электронный ресурс] : электронная библиотека Project Gutenberg Project Gutenberg Literary Archive Foundation. – Электрон. библиотека. USA., 2012. – URL http: www.gutenberg.org/ebooks/910 (дата обращения: 3.09.2012).

5. *Oxford* Dictionary of English / ed. C. Soanes. – 2nd ed. – Oxford. : Oxford University Press, 2005. – 2110 p.

6. *Лондон Дж.* Белый Клык [Электронный ресурс] : Библиотека Максима Мошкова Библиотека Максима Мошкова при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. – Электрон. библиотека. – М., 2012. – URL: http://lib.ru/LONDON/london03.txt (дата обращения: 3.09.2012).

7. *Лондон Дж.* Зов предков [Электронный ресурс] : Библиотека Максима Мошкова / Библиотека Максима Мошкова при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. – Электрон. библиотека. – М., 2012. – URL: http://lib.ru/LONDON/london04.txt (дата обращения: 3.09.2012).

8. *Резанова З.И.* Метафора в художественном тексте: проблемы текстопорождения // Художественный текст и языковая личность: Материалы III Всероссийской конференции. – Томск, 2003 – с. 201 – 206.

9. *Резанова З.И.* Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения / Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 26–43.

10. *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В.И. Чернышев. – М. : Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1–17.

БОЛЕЗНЬ В ГОРИЗОНТЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПСИХИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ В ТЕОРИИ Р.Д. ЛЭЙНГА. DISEASE IN THE HORIZON OF EXISTENCE: EXISTENTIAL MODEL OF MENTAL ILLNESS IN THE THEORY OF R.D. LAING

Билибенко Ангелина Владимировна
Bilibenko Angelina Vladimirovna
Курский государственный университет
Kursk State University
abilibenko@gmail.com

В XX веке психиатрия в поисках продуктивных концепций обращается к философии, формируя новые и нетрадиционные для нее теоретические модели психического заболевания. Так на место биологических теорий приходят экзистенциальные и социальные, антропологические и историко-эпистемологические. Яркими примерами взаимодействия становятся те теории, в которых совмещается несколько подобных моделей. Одной из таковых становится антипсихиатрия Р.Д. Лэйнга (1926–1989), ей и посвящена настоящая работа.

Лэйнг переходит от теории внутриличностного опыта к теории межличностной коммуникации. Продолжая работать в рамках линии психиатрии намеченной одним из родоначальников экзистенциально-феноменологической психиатрии Людвигом Бинсвангером (что особенно ярко прослеживается в направленности его ранних работ), он так же использует в своей клинической практике каузальное объяснение действий, применение феноменологического метода и абстрагирование от организменного подхода к пациенту, что делает его в некоторой мере преемником «понимающей психологии» Карла Ясперса. Для него если мир здорового человека еще можно попытаться осмыслить по аналогии с собственным опытом, то мир психотика постижим только через вчувствование сочетаемое с попыткой непосредственного в него погружения. Как отмечает А.М. Руткевич: «Терапевт имеет дело с эмоциями, мотивами, страхами и т.д., которые он может переживать в собственной душе, а тем самым и понимать их. Статическое понимание эмпирически выявляет интенциональные предметности, переживаемые или

мыслимые пациентом» [3, 27]. Это погружение и понимание приводит к отказу от сухой клинической терминологии, служащей для типирования отклонений. «Как, спрашивает Лэйнг, - показать... значимость состояния пациента, когда слова, которые приходиться употреблять созданы для того, чтобы изолировать и ограничивать смысл жизни пациента число клинической сущностью?» [2, 5]

Бытие человека является, в первую очередь, бытием мышления, поскольку в отсутствии внутреннего осознания себя в качестве личности индивидуум становится способным только к существованию (но не к бытийствованию). Следствием этого становиться постижение бытия выраженного посредством языка. Следующим этапом попытки постижения психотического бытия-в-мире является герменевтика. Лэйнг изучает внутренний мир, онтологическую укорененность психически больного методом словесной интерпретации, развивая идеи Хайдеггера об отражении бытия-в-мире посредствам языковых конструктов.

В работе «Расколотое Я» Лэйнг анализирует бытие-в-мире шизоидной личности. Здесь он становится на позицию экзистенциального психоанализа (в отличие от последующих работ, например «Я и Другие» и т. д., где он преобразует экзистенциальную феноменологию в социальную), говоря о свободном выборе человека, результатом которого и становится психическое заболевание. Лэйнг отходит от стандартной клинической практики, воспринимая больного шизофренией как личность, наделенную собственными переживаниями и собственной экзистенцией, вследствие чего переосмысляется и само понятие «болезнь». Теперь оно трактуется как способ бытия-в-мире, взаимодействия с другими и самим собой.

Важнейшее место в концепции Лэйнга занимает понятие «онтологической защищенности». Основания онтологической защищенности закладываются в раннем детстве в результате восприятия себя и мира в качестве живого и реально существующего. Данное образование именуется Лэйнгом первичной онтологической безопасностью, суть которой состоит в формировании стабильной структуры бытия с пластичной надстройкой личности (именно так происходит у здорового человека). Шизоидное же состояние основано на обратных характеристиках: фундамент становится гибким, а личностная надстройка жесткой. На вопрос о том, почему происходит этот сбой, Лэйнг ответа не дает.

Онтологически незащищенный человек воспринимает свое пребывание-в-мире как раздробленное, временно несогласованное и

лишенное индивидуальности, в результате чего он постоянно прилагает усилия по удержанию собственной целостности. Поскольку главным мотивом всех действий является стремление оградить и сохранить свою уникальность, свое «я», человек начинает сознательно уходить не только от бытия-с-другими, но и от бытия-с-собой. Страх потерять свое бытие выражается в осознанном отказе от реальности и действительного существования. В результате психотик либо пребывает в своем особом мире, который он вынужден конструировать взамен реальности для поддержания внутренней целостности, либо пытается подменить свое бытие бытием другого, пытаясь полностью слиться с ним. «Я» такого человека стремится к трансценденции, и это сопровождается диссонансом между телом и сознанием. Лэйнг отмечает, что даже онтологически защищенный человек может временно войди в такое состояние, но шизоид, в отличие от остальных, пребывает в нем постоянно.

Онтологическая неуверенность по Лэйнгу являет себя в трех формах: 1) поглощении - потери индивидуальности, боязни отношений с другими из-за страха потери своего «я»; 2) разрывании - переживании личности как пустоты, а окружающего мира как угрожающего, враждебного и наводящего ужас и отчаянье; 3) окаменении - страхе деперсонализации и овеществлении бытия окружающих людей. Вне зависимости от того пути, которым пойдет пытающаяся удержать индивидуальность личность, главной ее задачей станет сохранение собственного бытия, а, значит, его сокрытия от посторонних.

Лэйнг предлагает следующие схемы для описания сущности бытия-в-мире: («я»/тело) ↔ другой - соответствует восприятию обычного человека, и «я» ↔ (тело/другой) – модель психотика. В последнем случае, на его взгляд, «я» попадает в замкнутый круг: постоянно растущая потребность самозащиты порождает уклонение от реальности, от общения с другими. Под предлогом сохранения собственной целостности «я» лишает окружающих собственного бытия и наделяет их статусом вещи, неосознанно выступая в качестве агрессора. В таком состоянии невозможно взаимодействие по принципу «я – ты». Общение происходит по схеме «квази-вещь – вещь», следствием чего становится уничтожение своей самости под предлогом защиты от внешнего мира. Это приводит к добровольному уходу в небытие, в состояние, называемое Лэйнгом смерть-в-жизни. Естественно, смерть в данном случае рассматривается с позиций экзистенциализма, как смерть «я», духовного, а не телесного начала. Так шизофреник защищает себя от действительной

смерти, поскольку вещь или некто, находящиеся в состоянии небытия (смерти), не могут быть подвержены повторному процессу умирания. «Шизофреник, подчеркивает Лэйнг, - пытается убить свое «я» для того чтобы его сохранить» [1, 97].

Особое внимание Лэйнг уделяет факту переживания своего тела, трактуя при этом телесность как границу между «я» и внешним миром, обуславливающую возможность эмпирического постижения действительности, и опредмечивающуюся (являясь объектом) для других. Люди, как правило, воспринимают собственное бытие как целостность тела и «я». «Большинство людей чувствуют, что они начались тогда, когда началось их тело, и что они закончатся тогда, когда их тело умрет» [2, 24], - отмечает он. Расщепление между переживанием своей телесности и «я», называемое Лэйнгом «невоплощенным я», является предпосылкой онтологической неуверенности. Тело, воспринимаемое в качестве внешнего объекта по отношению к его носителю, способствует внутреннему отстранению от действительности, от индивидуального бытия-в-мире, что приводит к конструированию внутренней реальности, заменяющей человеку враждебный внешний мир. Такие построения приводят к возникновению ложного «я», заполняющего внутрителесное пространство. Истинное «я» при этом теряет индивидуальность, становится нереальным и пустым и превращается в стороннего наблюдателя, чьи функции - контроль и критика переживаний и действий тела. Ложное «я» Лэйнг предлагает именовать системой ложного(-ых) «я», поскольку «...личина или персона, которые могут носить подобные индивидуумы, состоят из смеси всевозможных частичных «я», ни одно из которых не развито столь полно, чтобы обладать своей собственной всесторонней личностью» [2, 28]. Ложное «я» проявляется в трех формах: маска нормального человека, ложный фасад истерика (переплетение истинного и ложного «я») и ложное «я» шизофреника (противостояние истинного и ложного «я» выражающееся во взаимной деперсонализации). Тем не менее, «я» не может быть разрушено полностью, поскольку целью «вхождения в небытие» является его сохранение.

Таким образом, выявив уровень межличностной коммуникации, мы рассмотрели его теорию, во взаимосвязи с пространством внутреннего опыта, предложенную Р. Лэйнгом. Он уделяет особое внимание исследованию процесса коммуникации между психотиком и другими, что позволяет ему не только отразить специфику переживания бытия онтологически неуверенной личностью, но и показать разницу между

восприятием других подобной личностью и восприятием друг друга психически здоровыми людьми. В результате, Лэйнг, как мы уже отмечали, отметая понятие психической болезни, признает существование людей со специфическими параметрами пространства опыта, внутренний мир которых, сконструированный крайне оригинальным образом, оказывает влияние на способ их взаимодействия с окружающими. При этом, специфичность данного способа, на взгляд Лэйнга, вовсе не свидетельствует о патологии, поскольку нормальность личности, по его словам, определяется, главным образом, способностью воспринимать другого в рамках принятого в конкретном обществе стандарта, определяющего степень схожести индивидов.

В работах, следующих за «Разделенным я», Лэйнг отчасти отходит от позиций, занимаемых в этой книге. Но главным на всем протяжении его творчества остается крайнее неприятие клиники, и норм лечения, которые существовали на тот момент. А.М. Руткевич дает следующую характеристику деятельности Лэйнга и его сторонников в рамках отношения к психиатрическим больницам: «Сторонники "антипсихиатрии" видят свою задачу в разоблачении, "демифологизации" насилия человека над человеком во всех его формах. Одной из самых отвратительных форм такого насилия они считают клиническую психиатрию, которая, по их мнению, является не средством лечения, а орудием политического насилия» [2, 87]. Безумие при этом воспринимается, как бунтарская реакция организма на стремление социума подвести личность под господствующие стандарты. Лэйнг отказывается от понятия «ненормальности», подчеркивая, что шизоидный тип личности не обязательно подразумевает под собой «соскальзывание» в «болезнь». Он лишь предполагает особый взгляд на мир с иного ракурса. «Многие шизоидные писатели и художники, сравнительно изолированные от других, преуспевают в установлении творческих взаимоотношений с вещами в этом мире, которые делаются для воплощения образов их фантазии» [2, 35], - пишет он. Психически больные, по его словам, настолько же нормальны, насколько нормальность подходит к определению здоровых людей. Даже более нормальны, чем они, поскольку подлинно безумный человек не способен осознать свою причастность к заболеванию, в то время как «больной» – тот, кто посредством осознания своего истинного состояния начинает выздоравливать.

Литература

1. *Власова О.А.* Антипсихиатрия: становление и развитие. М.: РГСУ «Союз», 2006.
2. *Лэйнг Р.Д.* Расколотое «Я». М.; СПб.: Белый Кролик, 1995.
3. *Руткевич А.М.* «Понимающая психология» К. Ясперса // История философии. 1997. № 1.

КАРЛ ЯСПЕРС И ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКАЯ КЛИНИКА: ТРАДИЦИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ПСИХИАТРИИ[1]. KARL JASPERS AND HEIDELBERG CLINIC: TRADITION OF PHILOSOPHICAL PSYCHIATRY

Власова Ольга Александровна
Vlasova Olga Alexandrovna
Курский государственный университет
Kursk State University
olga__vlasova@mail.ru

Когда Карл Ясперс пришел в психиатрию, она была совсем не такой, как сейчас. Карьера Ясперса как психиатра пришлась на пересечение эпох и парадигм. Время первого десятилетия XX века – это еще эпоха психиатрии века XIX-го. Ясперсу посчастливилось не только волею судьбы попасть в психиатрию в такую переломную для нее самой эпоху, но и работать в Гейдельбергской клинике. Именно ее атмосфера способствовала, несмотря на господство физиологической психиатрии, свободным философским поискам.

Психиатрическая клиника Гейдельбергского университета была открыта 15 октября 1978 года и, согласно ее уставу преследовала цель «лечение и содержание душевнобольных и научное преподавание психиатрии» [7]. Несмотря на свою достаточно короткую историю, до того, как в ее стены попал Ясперс, она уже имела действительно великую традицию: ею заведовал Эмиль Крепелин (с 1891 по 1903 гг.), определивший лицо психиатрии той эпохи.

Эмиль Крепелин – личность во многом эпохальная. Последователь родоначальника экспериментальной психологии и психологии как науки Вильгельма Вундта, он кардинальным образом изменил ситуацию в клинике психических расстройств. Вместо постоянно и уже неконтролируемого умножающихся диагнозов и болезней он предложил использовать в психиатрии единую сетку классификации, систему нозологи-

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-33-01283 «Понимающая психология и феноменология Карла Ясперса: от психопатологии к экзистенциальной философии и философии истории».

ческих единиц. Его старший брат Карл был биологом и директором Гамбургского Музея естественной истории, и их совместные гимназические вылазки на природу с целью сбора образцов местной флоры оставили в душе Эмиля глубокий след. Благодаря брату он освоил азы биологии того времени и познакомился с принципами ботанической классификации. Ее строгую упорядоченность и опору на фактические данные он и задумал перенести в психиатрию.

Крепелин предложил принцип – классификация по исходу, поскольку «течение и исход болезни строго соответствуют ее биологической сущности». Призрак его великолепных классификационных сеток, словно по полочкам на основании единого принципа-цели раскладывающих многообразные патологические феномены, отчетливо проступает в структуре работ Карла Ясперса. Классификационная система Крепелина, пережив несколько редакций, произвела настоящий переворот в психиатрии, во-первых, объединив разрозненные классификации и гипотезы в единое целое, и во-вторых, дав таким образом психиатрии шанс стать подлинной наукой. Поэтому неслучайно, что эту эпоху – конца XIX – начала XX века – в психиатрии стали называть «эпохой Крепелина».

Систематика как принцип предложенная Крепелином не могла быть осуществлена без второй стороны – описания, полного и исчерпывающего представления картины болезни. Это исчерпывающее описание как сверхзадача в психиатрии было осуществлено также Крепелином. На основании составленных под его руководством клинических описаний Крепелин выстраивал систему интерпретации, поэтому, как невольно признает сам Ясперс, в чем-то предвосхитил его идеи: «Опыт *психологической интерпретации* был предпринят Крепелином. <...> Описания, сделанные самими больными, иногда позволяют нам "заглянуть" в их переживания, связанные с такими расстройствами двигательного аппарата. Из этих описаний можно заключить, что даже самые поразительные движения могут иметь психологически понятную мотивацию – что, конечно, не исключает того, что у них, возможно, есть еще и определенная органическая основа» [3, 231].

Таким образом, Крепелин соединял исчерпывающее описание, сопровождающееся психологической интерпретацией с дальнейшей классификацией. Описание здесь было особенно важным, ведь нозологическая сетка строилась на основании особенностей течения и исхода психического заболевания. Частное, стало быть, тесным образом

связывалось с целым, а все исследование подчинялось вектору «описание проявлений – сущность патологического феномена». Фактически, именно на основании описательно-классификационной идеи Крепелина Ясперс выстроит собственную стратегию исследования, которую уже в поздних редакциях «Общей психопатологии» назовет биографикой.

Гейдельберг также отличался тесной связью психологии и психиатрии. И эта связь также была заслугой Крепелина. Он считал, что здание психиатрической науки должно быть построено на твердой основе экспериментальных исследований и поэтому одним из центральных его нововведений в Гейдельберге было учреждение в клинике в 1894 г. Психологической лаборатории. Он ходатайствовал перед Министерством о переоборудовании помещений, закупке необходимого оборудования и выделении ставок для персонала. В лаборатории проводились исследования по психологии труда, психофизиологии, а также проводились экспериментально-психологические исследования больных с различными душевными расстройствами. Это сочетание психологии и психиатрии Ясперс высоко ценил, и Крепелин здесь, безусловно, был для него образцом для подражания.

В 1903 г., после отъезда Крепелина в Мюнхен, пост директора Гейдельбергской клиники принял Франц Ниссль (1860–1919). Он продолжал традицию своего учителя, проявляя наибольший интерес к органическим аспектам психиатрии – анатомии и гистологии психических заболеваний. Он исповедовал принцип Гризингера «Психические заболевания – это болезни мозга» и неистово верил, что будущее психиатрии связано с успехами в естественных науках.

Ниссль был неутомимым ученым, настоящим фанатом своего дела: вся его жизнь вращалась вокруг его научных изысканий и клиники. Весь день он проводил в больнице, а ночи напролет работал в своей лаборатории гистологии. «Он был эксцентричным, капризным холостяком, очень приятным, очень добрым, глубоким исследователем, но соображал несколько медленно» [6, 16], – говорил о нем Г. Груле. Ниссля отличали два качества его характера. С одной стороны, он отличался бурным темпераментом, был весьма требователен к себе и другим, с фанатизмом любил науку. С другой же, он был необычайно человечен, прям и искренен в отношениях с коллегами, всегда держался на равных со своими подчиненными и умел признавать свои ошибки. Именно Ниссль заведовал Гейдельбергской клиникой, когда в нее пришел

Ясперс. И Ясперс сохранил о нем только теплые воспоминания: «Он учился у собственных ассистентов – и все же превосходил нас всех той добросовестностью, с которой умел видеть реальность. Добросовестностью, исполненной человечности. Дискуссии между ним и его ассистентами проходили на равных – то есть просто и естественно, их острота не смягчалась никаким чинопочитанием. Чем более страстным становился научный спор, тем более корректными старались быть его участники» [4].

Несмотря на то, что Нисслъ придерживался физиологического направления и был крайне критичен, для своих ассистентов и доцентов он допускал полную свободу мнения и направлений поиска. Сам будучи верен идеалу науки, он сумел создать блестящее содружество исследователей.

Ясперс вошел в Гейдельбергскую клинику 20 января 1908 г. студентом-стажером, а с июля 1909 г. значился в документах клиники как стажер-врач. Заявление Ясперса, подписанное Нисслем, датируется 21 июля 1909 г. Тогда Нисслъ охарактеризовал его так: «удивительно одаренный молодой врач, чрезвычайно увлеченный наукой, который, к сожалению, по причине грудной слабости должен быть очень осторожен по отношению к своему здоровью». Из-за слабого здоровья Нисслъ не мог принять Ясперса в штат, но посчитал полезным для научных исследований, в особенности в организованной психологической лаборатории. Он не мог не принять его, поскольку откажи он Ясперсу, его переманил бы Мюнхен или любая другая клиника. У Ясперса были «хорошие данные» в науке. Нисслъ вспоминал: «По поводу Ясперса я имел личный разговор с профессором Крепелином, и Крепелин мне сказал, что он не раздумывая возьмет его врачем-стажером» [6, 17]. Ясперс проработал в клинике пять лет: в 1914 году его имя упоминается в годовом отсчете последний раз.

В 1959 г. свое предисловие к седьмому (последнему прижизненному) изданию «Общей психопатологии» он начнет следующими словами: «Я писал эту книгу в бытность мою сотрудником Гейдельбергской клиники. Под руководством Нисслъ в клинике сложилась группа, состоявшая из Вильманса, Груле, Ветцеля, Гомбургера, Майер-Гросса и других; исследования этих ученых отличались живостью и актуальностью. В кружке Нисслъ, наряду с исследованиями мозга (вокруг которых разгорались бурные споры), развивались феноменология и пони-

мающая психология; параллельно конкретным достижениям приходило методическое осознание этих областей науки» [3, 21].

Ниссю удалось собрать уникальный коллектив совершенно различных в своих интересах исследователей, объединенных лишь одним – безудержным интересом к науке и высоким профессионализмом. Гейдельбергская клиника была настоящим интеллектуальным содружеством. Под его началом тогда трудились К. Вильманс, Г.В. Груле, О. Ранке, А. Хомбургер, А. Ветцель, А. Кронфельд, В. Майер. Вильманс, Груле и Ветцель развивали судебную психиатрию, Ясперс и Груле работали над психопатологическими основаниями клинической психиатрии, Хомбургер заведовал амбулаторией и продвигал консультирование, стоял у истоков детской и юношеской психиатрии, Кронфельд и Майер трудились над феноменологий психозов.

В июне 1938 г. Ясперс будет вспоминать, что все эти психиатры «от природы были наделены высочайшими принципами. Они всегда были образцом интеллектуальной честности, такта и порядка, которые были ничем непоколебимы. Эта больница была настоящим содружеством, в котором развивались плодотворные дискуссии, которому были свойственны энтузиазм и научный поиск, которое всякого, кто входил в него, одаряла элементарным жизненным импульсом (искра жизни). Без этой больницы и без этих людей моя психопатология никогда бы появилась» [6, 17]. Будучи соратниками и работая в единой команде эти исследователи постоянно обсуждали текущие проблемы и новые тенденции. Они собирались на консилиумы, семинары, совместные обсуждения больных и, проживая вместе, ежедневно встречались за трапезой.

Одна из основных для Ясперса Гейдельбергских фигур – Карл Вильманс (1873–1945). В Гейдельберге Вильманс не только развивал физиологическую психиатрию, но и исследовал творчество душевно больных, собирая коллекцию их рисунков. Что примечательно, фундамент этой коллекции заложил еще Эмиль Крепелин. В 1919 г. к развитию этой темы Вильманс привлек Ханса Принцхорна (1886–1933). Будучи специалистом в истории искусств и интересуясь произведениями больных, прежде всего, как искусством, а не как проявлением патологической симптоматики, он продолжил дело Вильямса, собрав около 5000 работ. В настоящий момент эта «коллекция Принцхорна» храниться в музее Гейдельбергского университета. Ясперс любил Вильманса за невероятное сочетание скептицизма и человеческой доброты. Это именно

он выделил ему отдельный кабинет для психологических исследований, он был его наставником и учителем, и он предложил Ясперсу написать «Общую психопатологию».

В ряду гейдельбергских коллег Ясперс всегда выделял также Ганса Вальтера Груле (1880–1958). Груле первоначально увлекался работами Липпса и Штумпфа, но позднее обратился к гештальт-психологии в лице М. Вертгеймера, К. Коффки, В. Келера и К. Гольдштейна. Он крайне скептически относился к феноменологии Ясперса и выражал сомнения в отношении ее успеха в клинике. Скептическая настроенность, тем не менее, не помешала ему в своей основной работе «Понимающая психология» назвать первую главу «Феноменология» [5].

Груле был своеобразным антиподом Ясперса и со своей ежедневной язвительной критикой, по мнению последнего, был незаменим: «На одном из врачебных собраний я сделал сообщение, в котором предложил вниманию коллег план небольшой работы, посвященной феноменологическому направлению исследований в психиатрии. Это был мой замысел. Груле, казалось, не оставил от него и камня на камне. После этого я, уверенный в правильности избранного пути, всего за несколько дней написал статью, где изложил все более ясно, и предложил прочесть рукопись Груле. Тот, к моему удивлению и радости, одобрил ее содержание» [4].

Будучи одаренным исследователем, Груле входил не только в психологические, но и в философские круги. В 1907 г. он знакомится с Максом Вебером, их сближают проводимые тогда последним исследования психофизиологии индустриального труда. Вебер рассматривал Груле как специалиста в экспериментальной психологии и психиатрии, его мнение было чрезвычайно дорого ему. Их многочасовые беседы и переписка отражают этот интерес Вебера к Груле [9, 931-932; 1, 312, 415].

Среди психиатров Гейдельбергского круга был также Артур Кронфельд (1886–1941). В молодости Кронфельд активно общался с поэтами-экспрессионистами и публиковал свои поэтические произведения в журналах «Штурм» и «Аукцион». В 1907 г. он примкнул к кружку неофризской школы неокантианства Леонарда Нельсона. Успехи Кронфельда на философском поприще способствовали тому, что некоторое время спустя Вильгельм Вильдельбрант пригласил его на философский факультет Гейдельберского Университета.

Кронфельд работает в клинике с 1910 по 1913 гг., т.е. именно в то время, когда Ясперс заканчивает и издает свою «Общую психопатологию». Ясперс и Кронфельд подходили к психическому к разных сторон: Ясперс всячески сторонясь теорий и опираясь на стратегию чистого описания, Кронфельд с опорой на неокантианство и теорию психического. Эти исследовательские расхождения отражает диалог, приведенный Ясперсом в «Философской автобиографии». Как считает Ю.С. Савенко, Ясперс в нем явно имеет в виду Кронфельда [2]. Ясперс вспоминает: «Один ассистент — того же возраста, что и я, – бросил мне упрек, который в разных вариантах постоянно бросали мне позже. Впоследствии этот упрек стал относиться и к моей философии. Я был обвинен в том, что задумал разрушить все твердо устоявшиеся представления о бытии в своем стремлении проанализировать теоретически все возможности исследования, а из-за этого теории оказываются-де в "подвешенном" состоянии, превращаясь в простые сравнения. К этому мой обвинитель добавил: "У вас нет совсем никаких убеждений. Так заниматься наукой нельзя. Науки нет без стержневой теории, связующей и соединяющей все. Только благодаря теории она и становится наукой. Вы – релятивист. Вы разрушаете устои медицины. Вы – опасный нигилист"»[4].

В 1920 г. выходит работа Кронфельда «Сущность психиатрического познания. Введение в общую психиатрию» [8]. По замечанию Герберта Шпигельберга, это единственная книга, которую можно обозначить как попытку ввести феноменологию в психиатрию [10, 96]. Примечательно, что объем книги – 485 страниц – был сопоставим с объемом третьего издания «Общей психопатологии» Ясперса, включавшей тогда 480 страниц. Такая негласная конкуренция была характерна для Ясперса и Кронфельда и в идеях. Так, в этом самом третьем издании «Общей психопатологии» Ясперс ничего не говорит о вышедшей двумя годами ранее «Сущности психиатрического познания», что чрезвычайно огорчает его сотоварища по Гейдельбергской клинике. Любопытно также, что в «Философской автобиографии» имя Кронфельда не упоминается ни одного раза, а в тексте «Общей психопатологии» всего лишь шесть ссылок: две с цитированием его клинических описаний и четыре на его работы, в основном тексте его имя не упоминается вовсе.

Вместе с Ясперсом Кронфельд, Вильманс, Груле, Майер-Гросс и их коллеги развивали психопатологические исследования, немалое место в которых занимали философские поиски, и поэтому Гейдельбергская

школа с того момента неизменно была отмечена сильными философско-психиатрическими исследованиями.

В октябре 1917 г. Ниссль принял приглашение Крепелина на должность директора Научно-исследовательского института психиатрии в Мюнхене. Ясперсу предложили занять его место, но по причине слабого здоровья он отказался, и эту должность (после долгих уговоров) принял его учитель Вильманс. При нем Гейдельбергская школа психопатологии продолжала свое развитие, пиком которого тогда, несомненно, стало учреждения журнала «Nervenarzt» – трибуны феноменологических исследований в психиатрии. Во времена нацизма Гейдельбергской клиникой заведовал Карл Шнайдер и по причине активного претворения этим директором в жизнь идей нацистов, в частности из-за активной политики евгеники в области психиатрии клиника, фактически была дискредитирована.

Восстановление утраченного в академических кругах авторитета клиники выпало на долю весьма значимой для Ясперса фигуры – Курта Шнайдера (1887–1963). Он заведовал клиникой с февраля 1946 г. и именно ему вновь собрать в Гейдельберге группу единомышленников, многие из которых развивали феноменологическое направление. У него работали К.П. Кискер и Х. Хубер, Х. Телленбах и Х. Хафнер и др.

Впоследствии вспоминая Гейдельберг, Ясперс всегда будет говорить об этом интеллектуальном содружестве, о блестящей традиции коллегиальности, о «духе клиники». Блестяще образованные, начитанные, осведомленные в новейших течениях не только медицинской, но и гуманитарной мысли, немецкие психиатры никогда не были догматиками. Приверженность физиологической психиатрии не означала и не должна была означать полное отстранение от всех остальных достижений. Для Ясперса поэтому в становлении его как мыслителя, как и для любого другого психиатра, оказалось значимым не только время, но и место. На фоне этого места – ярчайшей психиатрической школы XX века – и развертывалась личная творческая история Ясперса-психиатра и Ясперса-философа.

Литература

1. *Вебер М.* Жизнь и творчество Макса Вебера. Пер. с нем. М.И. Левиной. М.: РОССПЭН, 2007.

2. *Савенко Ю.С.* 120-летие Артура Кронфельда (9.01.1886–16.10.1941) // Независимый психиатрический журнал. 2007. № 1.

3. *Ясперс К.* Общая психопатология. Пер. с нем. Л.О. Акопяна. М.: Практика, 1997.

4. *Ясперс К.* Философская автобиография. Пер. с нем. А.В. Перцева // Западная философия: итоги тысячелетия. Екатеринбург, Бишкек, 1997. Письмо к К. Шнайдеру от 18 июня 1938 г. Цит. по: Ibid. P. 17.

5. *Grule H.W.* Verstehende Psychologie. Stuttgart: Thieme, 1948.

6. *Janzarik W.* 100 years of Heidelberg psychiatry. Trans. R. G. Dening, T. R. Dening // History of Psychiatry. 1992. Vol. 3. № 5.

7. *Klüpfel J., Graumann C.F.* Ein Institut entsteht: Zur Geschichte der Institutionalisierung der Psychologie an der Universität Heidelberg. Heidelberg: Psychologisches Institut der Ruprecht-Karls-Universität, 1986.

8. *Kronfeld A.* Das Wesen der psychiatrischen Erkenntnis: Beiträge zur allgemeinen Psychiatrie. Berlin: Springer, 1920.

9. Max Weber à Hans Gruhle (13. X. 1908) // Revue française de sociologie. 2005. Vol. 46. № 4.

10. *Spiegelberg H.* Phenomenology in Psychology and Psychiatry: A Historical Introduction. Evanston, Ill.: NorthWestern University Press, 1972.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ, СВЯЗАННЫХ С РАЗВИТИЕМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ ОБЩЕСТВА. THE CAUSES OF THE MORAL AND ETHICAL PROBLEMS ASSOCIATED WITH THE DEVELOPMENT OF THE TECHNOLOGICAL BASE OF SOCIETY

Григоренко Полина Ивановна
Grigorenko Polina Ivanovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
polina-grigorenko@mail.ru

Наличие этических проблем не является собственной характеристикой современности. Такие проблемы существовали во все времена. Мораль и этика неразрывно связаны с историей человечества, а проблемы этой его сферы в большинстве своем можно охарактеризовать как традиционные, классические и даже риторические. С определенной точки зрения понятия и механизмы этики управляли и управляют жизнью человека в течение большей части его истории. Несомненно важным в ряду вопросов этики является вопрос о причинах возникновения этических проблем, и целью данной работы будет являться изложение возможной позиции относительно причин этических проблем современного общества.

О характере этических проблем, их классификации, дефиниции, причинах возникновения существует множество различных теорий и

гипотез. Попытка найти универсальные и общезначимые ответы на вопросы этики, однако, потерпела неудачу. Именно поэтому современные исследователи в большинстве своем сходятся на том, что этические проблемы непродуктивно рассматривать с претензией на их универсальное применение. Понимание того, что вопросы этики являются одними из тех вопросов, на которые абсолютно невозможно дать какой-либо единый ответ, приводит исследователей к рассмотрению фундаментальных вопросов этики с точки зрения определенных пространственно-временных координат.

Одна из первостепенных задач любой этической системы – определение причин тех или иных этических проблем, которые также следует исследовать, учитывая контекст. Именно поэтому причины этических проблем современного общества нужно искать, принимая во внимание собственные характеристики этого общества.

Одним из тех, кто внес значительный вклад в изучение современного общества, является Элвин Тоффлер, американский социолог и футуролог, один из авторов концепции постиндустриального общества. Будучи представителем такой неоднозначной дисциплины, как футурология, Э.Тоффлер является автором оригинальной концепции истории человечества, получившей название Концепция Третьей волны, которая была изложена автором в одноименной книге [1] в далеком 1980-м. Так, всю историю человечества он видит как последовательно сменяющие друг друга три этапа, так называемые «волны истории», социально-экономические ступени, связанные с аграрной, промышленной и информационной революциями.

В рамках каждого этапа, каждой волны существуют свои характеристики и особенности, причем собственные и значимые признаки каждой следующей волны не имеют места в предыдущей.

Современный нам этап в рамках концепции Э.Тоффлера является переходным состоянием общества между Второй и Третьей волнами. И именно с этим переходным состоянием общества Э.Тоффлер и связывает причины многих социальных явлений. Если вкратце охарактеризовать общество Третьей волны, то можно выделить следующее:

- основой экономики становятся знания, капитал Третьей Волны по преимуществу нематериален;
- индивидуализация (отмирание серийного производства, массового потребления, массового унифицированного образования);
- трансформация труда в творческий процесс;

- инновационный характер жизни в целом – конкурентоспособно только обновляющееся;
- масштабы – разукрупнение организаций-гигантов;
- сохранение и повышение мобильности работающих групп с одновременным нарастанием гибкости управления;
- постоянное создание и совершенствование самых разных систем информационной связи.

Несложно заметить, что эти признаки во многом присущи нашей эпохе. Однако вместе с тем признаки Второй волны еще имеют свое место в нашем мире. Вторая волна, в свою очередь, имеет принципиально отличные характеристики, такие как: стандартизация, специализация, синхронизация, централизация, концентрация, и в первую очередь индустриализация.

Несложно заметить, что характеристики Второй и Третьей волн взаимоподавляющие и в абсолютном значении несовместимые – и это является одной из характерных особенности сменяющих друг друга волн.

В современном обществе нетрудно увидеть признаки и Второй волны, и Третьей, однако интенция общества заключается в переходе к характеристикам Третьей волны. Причем переход этот, по сути заключающийся в глобальных изменениях основ общества, происходит с невероятной по меркам развития человечества скоростью.

И именно эта скорость изменений, по мнению Э.Тоффлера, и дезадаптирует людей, которые, не успев приспособиться к произошедшим изменениям, вынуждены через ничтожно маленький период времени приспосабливаться уже к другим переменам. Состояние людей, находящихся в такой ситуации, было наречено Э.Тоффлером футурошоком, или шоком от будущего.

Технологические изменения прочно входят в нашу жизнь – это очевидно. Но отнюдь не очевидно то, каким в связи с этими изменениями будет сам человек, его ценности и потребности – а ведь это те вопросы, которые волнуют – и должны волновать человека – больше всего остального. Ведь вопрос, не окажется ли постиндустриальное общество ухудшенной копией современного, с более изощренной техникой, но с более низким уровнем духовного благосостояния людей, давно уже принял острую форму.

Как пишет сам Э.Тоффлер, «не означает ли сегодняшние технологические изменения и социальные перевороты конец дружбы, люб-

ви, привязанности, общности и участия? Не сделают ли завтрашние электоронные чудеса человеческие отношения еще более бессодержательными и потребительскими, чем сегодня?» [1, с. 577]. Повсюду мы видим свидетельства психического истощения человечества. Чем больше подобных изменений фиксирует человечество, тем больше шок от этих изменений. Самое пугающее в этой ситуации, что чем больше эта ситуация усугубляется, тем больше средства массовой информации окружают романтическим ореолом преступность и асоциальное поведение, прославляя «обитателей «гнезда кукушки»». В Беркли выходит литературный журнал, посвященный идее, что «сумасшествие, гений и святость лежат в одной плоскости, и у них должно быть одно название и одинаковый престиж » [1, с. 578]. Неудивительно то, как некомфортно чувствует себя человек в мире, в котором все то, что раньше им самим ценилось и почиталось, становится отрицаемым и лишним. Одни люди все больше и больше обособляются от большинства, придумывая все более извращенные способы выделиться, подчеркнуть свою индивидуальность и уникальность, другие это пропагандируют, а третьи в ужасе констатируют эти изменения. Однако все эти случаи — это проявление страха, страха перед наступающими переменами. «В воздухе ощущается запах болезни. Это запах умирающей цивилизации Второй волны» [1, с. 580].

В настоящий момент человечество достаточно отчетливо понимает, что в этическом плане человек постепенно деградирует. Все те же СМИ кричат о том, как ценности теряют свою ценность, как с каждым поколением у людей становится все меньше и меньше этических потребностей и норм. Общество уже не может не замечать, как сильно изменяется в нем человек. Изменяется совсем не в лучшую сторону. Такие перемены в этической жизни носят негативный характер, соединяясь при этом с другой особенностью.

Все новые технологии, научные открытия и изобретения воспринимаются человеком как нечто позитивное, важное и нужное. Вся современная жизнь насквозь пропитана технологическими новшествами. Продвижение в эту сторону оценивается человечеством как прогресс, как достижение одной из самых важных целей. Как пишет Фрэнсис Фукуяма, влиятельный американский философ, политический экономист и писатель японского происхождения, «сдвиг в сторону информационного общества приветствовался практически всеми, кто о нем

писал или говорил» [2, с. 12], т.е. материальная база общества Третьей волны видится как несомненный плюс.

На первый взгляд кажется абсурдным дисбаланс между изменениями в технологической базе общества, продвигающимися вперед семимильными шагами и изменениями в этической составляющей жизни общества, которые в самых оптимистических представлениях топчутся на месте, а в реалистических деградируют.

Однако, в сущности, это скорее закономерное явление. Нельзя точно сказать, что является причиной, а что следствием – технологические изменения или изменение морального облика человека. Скорее всего, в данном случае причинно-следственная связь будет двухсторонней. Главный вопрос, который ставит Ф.Фукуяма в своем «Великом разрыве» и на который на протяжении книги старается дать отрицательный ответ, звучит так: «Было ли всего-навсего случайностью то обстоятельство, что все эти негативные социальные тенденции, которые в совокупности отражают деградацию социальных связей и общих ценностей, объединяющих на Западе людей, имели место именно тогда, когда экономика совершала переход от индустриальной эры к постиндустриальной?» [2, с. 14]. Именно поэтому не стоит сбрасывать со столь почитаемых нами технологических новшеств, открытий и изобретений ответственность за тот хаос, который творится в социальной жизни людей. Ф.Фукуяма так и пишет: «Конечно, многие преимущества информационного общества очевидны, но все ли его последствия носили такой уж позитивный характер?», и далее сам отвечает на этот вопрос: «Вместе со всеми благодеяниями, проистекающими из более сложной экономики, основанной на информации, в нашей социальной и моральной жизни произошли также определенные неблагоприятные изменения» [2, с. 12]. Противоречащий Ф.Фукуяме во многих других вопросах Э.Тоффлер здесь соглашается: «Было бы в равной степени глупо полагать, что фундаментально изменившиеся материальные условия жизни не затрагивают личность или, точнее, социальный характер» [1, с. 601].

Иными словами, говоря об изменениях технологической базы, мы с необходимостью должны констатировать изменения и в социальном, и личностном аспекте. С изменениями этих аспектов, соответственно, меняются и взгляды людей, их ценности, нормы, этические принципы и вообще любые представления о мире.

Практически все ученые-футурологи сходятся во мнении, что вполне естественным и нормальным является то, что скорость развития разных аспектов нашей жизни вполне может не совпадать – как раз таковой и является ситуация современности, когда технологии развиваются быстрее, чем появляется умение и способы ими грамотно управлять.

А значит, следующим важным шагом на пути к управляемому будущему – это шаг к опознанию назревших проблем в социальной жизни (вместо простого констатирования, что они есть и что нынешние люди на порядок хуже предыдущих поколений) и выработка четких действий по их преодолению.

Литература

1. *Тоффлер Э.* Третья волна. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 781 с.
2. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 476 с.

ФОРМАЛИЗАЦИЯ АРХИТЕКТУРЫ КАК СРЕДСТВО РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ КАТЕГОРИАЛЬНОГО УРОВНЯ. ARCHITECTURE FORMALIZATION AS A SOLUTION TO CATEGORICAL LEVEL RELATIONS

Журавлев Михаил Юрьевич
Zhuravlev Mikhail Yur'evich
Самарский государственный архитектурно-строительный университет
Samara State University of Architecture and Civil Engineering
mihail_zhuravlev@inbox.ru

Современная действительность, ускорение глобализационных процессов, рост количества информации обуславливает тенденцию перехода от экстенсивного пути развития науки к интенсивному. Отсюда и постепенная смена анализа, как главенствующего метода получения знания, – синтезом. Истории уже известны такие смены парадигм. В начале XX века, например, ньютоновская механика уступила место релятивисткой физике А. Эйнштейна, которая, не опровергая постулатов прежних теорий, предложила свой новый взгляд, как следствие синтеза накопившихся на данном этапе развития науки знаний. В таких обстоятельствах неизбежны более широкий обзор имеющейся информации, обобщение и синтез и, вследствие этого, уточнение уже привычных тезисов и понятий.

В поисках новых соотношений приходится вновь обращаться первым делом к характеристикам тех явлений, сочетание и взаимодействие которых в данном случае рассматривается. Здесь речь идет об архитектуре в наиболее широком значении этого слова. Таким образом, предполагается предпринять попытку рассмотреть это понятие, если потребуется, уточнить его в свете новых методик синтеза наук, тем самым описав этот объект настоящего исследования.

Формализация как процесс перевода внутренних (зачастую, непроявленных) характеристик объекта в характеристики внешние представляется одним из обязательных этапов исследования онтологических отношений. Так например, она может быть крайне полезна в установлении статуса архитектуры по отношению к таким категориям действительности, как пространство или время, а также к другим фундаментальным понятиям.

Значением слова «архитектура» на уровне обыденно-бытового мышления является внешний облик здания – дома, общественного сооружения, постройки промышленного и военного назначения – созданный из соображений красоты. Но только ли внешний облик; или важен и внутренний? И вообще, только ли облик, визуальная красота, определяет наличие архитектуры; или здесь необходимо говорить и о таких аспектах, как польза, удобство в использовании, функциональная насыщенность, и прочность, безопасность, долговечность, устойчивость? Ограничена ли архитектура масштабом единичной постройки средних размеров; или она властна над всей окружающей человека искусственной средой – будь то кресло, в котором человек сидит, или городская агломерация, пространство которой он преодолевает каждый день, следуя на работу, либо виртуальное пространство его мобильного телефона, во взаимодействии с которым он проводит время в пути?

Вероятно, более точным было бы предположить, что речь идет вообще о материальной среде, созданной человеком для обеспечения его жизнедеятельности, потребностей материальных и эстетических. Большая Советская Энциклопедия, одно из самых авторитетных междисциплинарных изданий с одной стороны подтверждает верную направленность этой формулировки: «Архитектура – система зданий и сооружений, формирующая пространственную среду для жизни и деятельности людей...»[1]. Российский гуманитарный энциклопедический

[1] *Архитектура* //Большая Советская Энциклопедия

словарь добавляет: «...искусство проектировать, искусство создавать здания и сооружения в соответствии с законами гармонии...»[1]. Французский архитектор Жорж Кандилис в 70-х годах XX века указывает на масштаб понятия [1], дополняя:

«Архитектура и градостроительство сливаются в единую научную дисциплину "искусство созидать". Искусство созидать, чтобы строить дом, общественное здание, памятник, жилой комплекс, площадь, село, город, область».

Древнегреческий зодчий Витрувий своими постулатами («польза», «прочность», «красота») [6] обратил внимание авторов и исследователей на то, что за понятием архитектура стоит и некоторая область знания, условно очертил ориентиры и цели, обозначил предметы создания.

Современная научная мысль находит применение термина «архитектура» не только в отношении зданий как продуктов созидания, но и других сред. Например, техническая архитектура:

- архитектура автомобиля – общая структура устройства различных автомобилей;
- корабельная архитектура – комплекс научных дисциплин, трактующих устройство судна в целом и отдельных его элементов; и др.

Также речь может вестись и об устройстве нематериальных систем. Благодаря развитию информационных технологий данное понятие можно встретить и в этой отрасли:

- архитектура компьютера – концептуальная структура вычислительной машины, определяющая проведение обработки информации и включающая методы преобразования информации в данные и принципы взаимодействия технических средств и программного обеспечения;
- архитектура данных – способы взаимодействия систем хранения данных;
- архитектура приложений – функциональный и компонентный состав информационной системы.

Вследствие Мирового экономического кризиса 2008 года в широкое употребление вошел термин «архитектура мировой экономики». В экономической теории существуют и другие феномены употребления понятия архитектуры:

---

[1] *Архитектура* // Российский гуманитарный энциклопедический словарь

- бизнес архитектура на основании миссии, стратегии развития и долгосрочных бизнес-целей определяет необходимые организационную структуру, структуру каналов продаж и функциональную модель предприятия, документы, используемые в процессе разработки и реализации продуктов;
- архитектура предприятия – наиболее общее и всестороннее представление предприятия как хозяйствующего субъекта, имеющего краткосрочные и долгосрочные цели ведения своей основной деятельности, определенные миссией на рынке и стратегией развития, внешние и внутренние ресурсы, необходимые для выполнения миссии и достижения поставленных целей, а также сложившиеся правила ведения основной деятельности.[1]

Представляется уместным тезисно в наиболее сжатой форме сформулировать промежуточные выводы из приведенных выше изысканий о понятии архитектуры.

В самом общем, междисциплинарном, смысле - *фундаментальная организация системы, реализованная в ее компонентах, связях этих компонентов друг с другом и внешней средой и принципах, определяющих структуру и развитие проектируемой системы.*

В более узком значении понятия архитектуры необходимо говорить о некой тройственности. Также представляется возможным сассоциировать каждый из элементов этой триады с элементами Триады Витрувия:

область знания о законах среды – наука созидания, определяющая его условия; описывающая, «каким» следует создавать объект для возможности его существования в действительности, какими качествами он должен обладать для достижения цели (постулат «Прочность»). – архитектурная теория;

искусство создания – процесс и техника созидания; то, «как», «каким образом» и «с какой целью» следует создавать (постулат «Польза»). – архитектурное, градостроительное проектирование;

сама среда – продукт создания, то, что имеет характеристику «какое», то, что конкретно, индивидуально и личностно (постулат «Красота») – архитектурное сооружение, в данном случае субъект архитектуры.

---

[1] По материалам электронной энциклопедии Wikipedia

Итак: *знание*, *процесс* и *субъект*, – вот три аспекта понятия «архитектура».

Для полноты описания понятия необходимо прибегнуть к его этимологическому анализу. Слово «архитектура» получило распространение от латинского *architectura* (в знач. «архитектурное искусство»), которое произошло от греческого *αρχι* – «старший, главный», и *τέκτων* – «строитель, мастер». Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона замечает, что «в этом смысле слову «архитектура придавали очень обширное значение; так, например, в ходу были выражения "военная архитектура", "корабельная архитектура", "гидротехническая архитектура"»[1]. Более того, *τέκτων* в свою очередь образовано от глагола *τέκω*, берущего начало от индоевропейского корня **tek-*, который имеет значение «производить, порождать». Следовательно, уместно предположить, что в данном случае нужно говорить об акте созидания в общем смысле. Тогда архитектор есть «главный создатель, породитель». А архитектуру представляется возможным формализовать в виде определенного рода закона, т. е. знания, по которому нужно творить, либо самого процесса творения, либо продукта творения.

Литература

1. *Кандилис Ж.* Стать архитектором [Книга] / перев. с франц. Розенбаума Ж. С. – Москва : Стройиздат, 1979. – 272 с.

2. *Журавлев М.Ю.* Архитектура как модель Творения [Конференция] // Актуальные проблемы в строительстве и архитектуре. Образование. Наука. Практика: материалы 66-й Всероссийской научно-технической конференции по итогам НИР СГАСУ за 2008 г. – Самара : СамГАСУ, 2009.

3. *Витрувий М.П.* Об архитектуре (Серия «Из истории архитектурной мысли») [Книга] / перев. Петровского Ф. А. – Москва : «Едиториал УРСС», 2003. - 320 с.

4. *Vitruvius M.P.* De Architectvra [Электронный ресурс] // The Latin Library. – Jim and Karen Diamond. – URL: http://www.thelatinlibrary.com/vitruvius.html (дата обращения: 27.04.2012).

[1] *Архитектура* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ КОРЕИ В СОВРЕМЕННОЙ КОРЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. PERIODIZATION OF KOREAN HISTORY IN THE MODERN KOREAN HISTORIOGRAPHY

Иванов Константин Владимирович
Ivanov Konstantin Vladimirovich
Иркутский государственный университет
Irkutsk State University
yangirk@gmail.com

Одним из важнейших вопросов отдельного исторического исследования и исторической науки в целом является определение исторических рамок изучаемого предмета. Проблема периодизации мировой истории и истории отдельных стран и регионов будет существовать всегда, и всегда будут продолжаться споры о том, что считать критерием, определяющим периодизацию истории. Династии, социально-экономические формации, уровень технического или культурного развития и т.п. – вот лишь краткий перечень факторов, определяющих, по мнению различных исследователей, периодизацию истории.

Общепринятым является деление мировой истории на древнюю, средневековую, новую и новейшую. Для истории Кореи как в отечественной, так и в корейской и западной историографии также характерна указанная периодизация. С одной стороны, в понятиях «древняя», «средневековая», «новая», и «новейшая история» отражается прежде всего ход истории классического средиземноморского Древнего мира и далее – Европы, являвшейся в определённой мере его преемницей. С другой стороны, в этих понятиях заключён элемент формационной периодизации истории: древняя история – феодальный, новая – капиталистический, новейшая – социалистический строй и капитализм в своей высшей стадии.

Дальний Восток, особенно на ранних этапах истории государственности, существовала независимо от Европы, где и сформировалась современная историческая наука. Ранняя и средневековая история Дальнего Востока и Кореи содержит примеры своих особых форм социально-экономической организации государства, не совсем отвечающие европейским представления о формациях. Европейские хронологические рамки древности и средневековья, механически применённые к Дальнему Востоку, часто не отражают реального течения его истории. Как правило, южнокорейская историческая наука оперирует понятиями

первобытной, древней, средневековой, новой и новейшей истории. При этом необходимо отметить одно различие в периодизации, принятой до недавнего времени образовательной программой для средних школ, и периодизации академической. В школьных учебных пособиях догосударственная история Кореи и история ранних государств объединены понятием «древняя история». К слову, такой же подход к периодизации ранней истории Кореи обнаруживает крупное южнокорейское 28-томное академическое издание 1984 г. «История Кореи» («Хангукса»).

Первобытная история (*вонси са*) начинается около 700 000 – 500 000 лет до н.э. и продолжается примерно до IV в. до н.э. Древняя история (*кодэ са*) охватывает историю первых государственных образований на территории Корейского полуострова с X в. до н.э. до X в. н.э. Несовпадение хронологических границ между первобытной и древней историей объясняется тем, что в то время, когда на севере Корейского полуострова и за его пределами существовало государство Древний Чосон, юг полуострова находился в состоянии первобытнообщинного строя. Период средневековья (*чунсе са*) с южнокорейской историографии определяется всего пятью столетиями, с X по XIV в. Далее следуют два периода новой истории. В переводе на русский язык названия периодов можно передать только как «новая история», в то время как в корейском языке употребляются два родственных, но различных по смыслу слова. Время с XIV в. по 1860-е годы определяется термином *кынсе са*, т.е. дословно «история новой эпохи», а период 1860-1945 гг. называется *кындэ са*, т.е. «история новой эры (или опять же эпохи)». Новейшая история (*хёндэ са*) начинается с 1945 г. и длится до настоящего времени.

В южнокорейской периодизации «родной истории» можно обнаружить следующие особенности: 1) включение в единую категорию «древность» истории различных по социально-экономическому характеру, этническому составу, территории и т.п. государств Древний Чосон и Трёх государств; 2) выделение особого периода новой истории – *кынсе са*; термин *кындэ са*, использующийся для обозначения истории конца XIX – первой половины XX в., пришёл в корейскую историографию как одно из отражений влияния периодизации, принятой в европейской историографии; 3) определение 1945 г. как водораздела между новой и новейшей историей, что связано с освобождением Кореи от японского колониального господства, возрождением её независимости; однако

это не совсем полно отражает процессы всесторонней модернизации корейского общества, которые начались намного раньше.

Нужно отметить, что на историографию Республики Корея заметное влияние оказал марксизм. Об этом свидетельствуют призывы отказаться от старого династийного принципа периодизации истории, и признание в истории Кореи докапиталистического времени рабовладельческого и феодального периодов, причём начало феодального периода связывается с государствами Когурё, Пэкче и Силла, а рабовладельческий этап – с Пуё и Маханом (Чин).

Однако немалой части корейских исследователей присущ идеалистический подход к трактовке исторических процессов и националистический субъективизм проявляется в том числе и в отношении к проблеме периодизации истории Кореи. М.Н. Пак приводит яркую цитату из монументального труда южнокорейских учёных «История Кореи» 1984 года: «История течёт непрерывно, поэтому противоестественна всякая попытка выделить её периоды». Отвергая периодизацию по династиям, авторы «Истории Кореи» относят к древней истории Кореи период от первобытности до Объединённого Силла включительно, к средневековью относят государство Корё, к новой истории – время правления династии Ли до царствования ванна Чхольджона (т.е. до 1863 г.). После этой даты, по их мнению, и начинается период новейшей истории.

Нужно добавить, что авторы «Истории Кореи» прибегают и к более дробной периодизации. Эпоху средневековья (совпадающей, по их мнению, с династией Корё) они подразделяют на 6 периодов, а «новое время» (1392-1863) – на 5 периодов. Временные рамки определяются исключительно событиями политической истории. Сходным образом аргументируется выделение «новейшей истории» в качестве особого периода. Этот рубеж связан с началом регентства Тэвонгуна (Ли Хаына) в 1864 г., которое, по мнению авторов «Истории Кореи», «стало важнейшим этапом утверждения национального государства». Что же касается «современного» периода, то его начальным рубежом авторы «Истории Кореи» избрали начало крестьянской войны 1894 г.

Южнокорейским авторам не удалось разработать и согласовать единую периодизацию истории Кореи. Однако мы можем выделить несколько оригинальных подходов к периодизации Кореи, причём, с минимумом националистического влияния. Одним из ярких примеров нестандартного подхода к периодизации истории Кореи является работа Ли Ги Бэка «История Кореи: новая трактовка». По его мнению, ранее

уже предпринимались попытки систематизировать историю Кореи с помощью каких-либо законов, которые постепенно конкретизировались в периодизации истории страны. Критерием периодизации выступали либо состояние национального духа, либо уровень развития производительных сил и т.п. Тем не менее, все эти попытки опирались на монистическую точку зрении и были поэтому неприемлемыми, поскольку таким образом применительно к корейской истории та или иная односторонняя теория навязывалась как единственно правильная.

Периодизация, основанная на такой точке зрения, идёт вразрез с систематизацией истории Кореи, в основе которой лежат конкретные исторические факты. Подобная теория периодизации, как считает Ли Ги Бэк, убивает саму жизненную силу науки: самобытность, оригинальность. От отмечает, что не стоит забывать, что никакие теории не могут быть абсолютным критерием истины на все времена. Поэтому следует освободиться от закостенелой предвзятости, устоявшихся стереотипов. И только так можно овладеть единственно верным, научным подходом, позволяющим по-новому трактовать историю.

Ли Ги Бэк пытается дать самостоятельную периодизацию истории Кореи, основным критерием которой стали господствующие общественные силы страны. В целом схема Ли Ги Бэка выглядит примерно так: 1) первобытность; 2) период «союзных государств»; 3) период абсолютной монархии; 4) период фамильно-родовых кланов; 5) период военных властей; 6) формирование общества *янбанов*; 7) период реформ и изменений в сословной системе; 8) период колониального правления Японии; 9) современный демократический период. Напомним, что эта схема очень условна, т.к. Ли Ги Бэк, как уже было сказано выше, избегает жёстких формулировок в вопросах периодизации истории Кореи.

Очень интересен ещё один подход к периодизации корейской истории, предлагаемый Хан Ёнъу. В своей книге «История Кореи: новый взгляд» он отмечает, что хотя согласно мифам и легендам история Кореи насчитывает 4300 лет, если начинать отсчёт от периода начала применения бронзовых орудий, она не превышает 4000 лет. Здесь нужно сделать отступление, и сообщить, что согласно большей части «официально признанных» периодизаций история Кореи насчитывает 5000 лет. Кроме того, ряд учёных, основываясь на сборнике древних хроник «Хвандан коги» (спорное сочинение, чья достоверность неоднократно оспаривалась) говорит о 9000-летней истории Кореи. Как видим, точка

отсчёта, которую предлагает Хан Ёнъу, основана на более здравой позиции.

Хан Ёнъу условно делит историю Кореи на два периода по 2000 лет каждый (до н.э. и н.э.). Период до нашей эры характеризуется появлением десятков разрозненных государств, главными из которых были Древний Чосон и Самхан. По мнению Хан Ёнъу, на него оказали влияние следующие трактовки истории Кореи: 1) конфуцианская, базирующуюся на моральных принципах и выявляющая противоречия между политикой и этикой; 2) объективистская, пришедшая с Запада, которая в целом повысила уровень корейской исторической науки, но была слабой в практическом отношении; 3) националистическая, которая проявилась в практическом стремлении поднятия национального самосознания и духа сопротивления империализму в начале XX века. Можно сказать, что Хан Ёнъу придерживается т.н. «нового национализма», который сформировался под воздействием западной утилитаристской историографии и отстаивает идею классового равенства внутри нации. По словам Хан Ёнъу, первоначально на него оказало влияние материалистическое понимание истории, которое в Корее внедрил Пэк Намун. Согласно его концепции, первобытнообщинный строй (Древний Чосон) сменился рабовладельческим (период Трёх государств), затем феодальным (после Объединённого Силла), а потом перешёл в стадию насаждения капитализма извне (японская колонизация).

По нашему мнению, концепция периодизации Хан Ёнъу основывается на закономерностях развития корейской истории, при этом в качестве меры используются категории мировой истории. Под ними Хан Ёнъу понимает государственную власть, осуществление демократии, сосуществование с природой, совершенствование науки и техники, а также совершенствование разумного мышления. Исходя их вышеуказанных категорий, Хан Ёнъу предлагает следующую периодизацию: 1) период «союзных государств» (до периода Трёх государств); 2) аристократические государства (Три государства и государства Севера и Юга); 3) аристократическо-бюрократическое государство (Корё); 4) бюрократическое государство (Чосон); 5) индустриальное государство нового времени (с момента открытия страны в середине XIX века); 6) демократическое государство (период после освобождения страны в 1945 г.).

Хочется добавить, что автор в основном разделяет подход к периодизации корейской истории, предложенный Хан Ёнъу,

так как он хоть сочетает в себе плюсы современного корейского националистического подхода и западных подходов, как уже устоявшихся, так и современных.

Разумеется, нельзя говорить о корейской историографии, подразумевая под этим лишь историографию Республики Корея. Поэтому необходимо дать некоторую характеристику и историографии КНДР, которую можно охарактеризовать как более идеологизированную. Во много это объясняется не только коммунистической идеологией, но и давлением идеологии чучхе. Нужно отметить большую жёсткость реакции государства к появлениям инакомыслия и «отклонений от линии партии».

Согласно Курбанову, историки КНДР начинают отсчёт первобытной истории – *вонси са* – Кореи с 600 000 – 400 000 лет до н.э. и завершают II тысячелетием до н.э. – временем, когда, по их мнению, на территорию Корейского полуострова пришёл бронзовый век. К древней истории – *кодэса* – относится история государства Древний Чосон (2333-108 гг. до н.э.). Общество Древнего Чосона северокорейские историки считают рабовладельческим. Средневековая история Кореи – *чунсе са*, - с которой в КНДР связано представление о феодальном строе, продолжалась с I в. до н.э. вплоть до конца XIX столетия. Иными словами, те периоды, которые по времени соотносятся с древностью, средневековьем и новым временем, в Северной Корее являются просто «средневековьем». Период новой истории – *кындэ са* – очень короток: с 1860-х годов, времени прекращения в Корее политики самоизоляции, и до 1920-х – начала «революционной» деятельности Ким Ир Сена. Соответственно, новейшая история – *хёндэ са* – охватывает время с 1920-х годов и до наших дней: антияпонская революционная борьба Ким Ир Сена, построение в северной части Корейского полуострова особого *чучхейского* государства.

Таким образом, в северокорейской периодизации истории Кореи можно выделить следующие особенности: 1) описание хода истории в соответствии с учением об общественных формациях; 2) представление во много мифологической истории государства Древний Чосон как реальной, т.е. «удлинение» своей истории; 3) необычайно длительный период средневековья; 4) короткий период нового времени.

Как отмечает Михаил Пак в своём труде «История и историография Кореи», в КНДР основополагающим является формационный подход. В крупных исследовательских работах, опубликованных в КНДР в 50-

60-х годах выявилось стремление отнести начало феодального периода истории Кореи ко временам существования Трёх государств (Когурё, Пэкче и Силла). Одновременно с этим период рабовладельческого строя стали относить к более раннему времени, связывая с такими политическими образованиями, как Древний Чосон, Пуё и Чин, рассматриваемыми в качестве рабовладельческих государств.

Необходимо уточнить, что идеология чучхе, якобы следующая марксизму-ленинизму, совершенно не цитирует работы К. Маркса и В.И. Ленина и при трактовке истории опирается исключительно на указания Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Иначе говоря, марксистско-ленинские схемы применяются лишь в качестве рамок понимания истории Кореи, но при конкретном рассмотрении исторических фактов северокорейские учёные полностью следуют толкованиям политических лидеров КНДР. Такое чучхейское понимание истории как теоретическая система окончательно утвердилось с начала 1970-х годов.

Продолжая развивать тему отличия чучхейского толкования истории от классической марксистско-ленинской, нужно сказать о различиях в методологии. В качестве критериев периодизации принят тезис о том, что от первобытнообщинного строя через феодальный происходит переход к капитализму, а социализм является конечной фазой исторического развития. При этом движущей силой в науке КНДР считаются не только материальные, но и духовные факторы, т.е. важное значение придаётся революционному сознанию.

Ещё одной особенностью чучхейской периодизации является ввод степени сопротивления внешним силам как указателя исторических вех. Например, важным рубежом новой истории становится 1866 года (инцидент с американским судном «Генерал Шерман»), а начальным рубежом новейшей истории считается 1926 год, когда 15-летний Ким Ир Сен создал организацию под названием «Союз по разгрому империалистов» («Тхадо чегукчуи тонмэн»). Именно 1926 год, по мнению северокорейских учёных, является моментом соединения коммунистического движения и движения народных масс.

Резюмируя, мы с уверенностью можем сказать, что начиная с 1970-х годов и по настоящее время историческая наука в КНДР полностью зависит от политики и идеологии. Этим объясняется и стремление «удревнить» историю царств Древний Чосон и Когурё, располагавшихся на севере Корейского полуострова, и «обнаружение»

«могилы Тангуна» рядом с Пхеньяном. Разумеется, подобная точка зрения северокорейских учёных не может стать объектом всеобщего признания.

После освобождения Кореи в 1945 г. и Корейской войны 1950-1953 гг. националистический взгляд на историю, сформировавшийся в 1-й пол. XX в., продолжил своё независимое развитие на Севере и на Юге Корейского полуострова. Причём, если на Севере он за два десятилетия сформировался в «чучхейский», сочетающий в себе как формационный, так и националистический аспекты, то на Юге национализм подвергся сильному влиянию западных историков и мыслителей.

Одной из особенностей как северных, так и южнокорейских историков является стремление «удревнить» историю. Сначала история Кореи ограничивалась четырьмя тысячелетиями, затем пятью (сейчас это уже официально пропагандируемый «факт»). Ряд историков предлагает «продлить» корейскую историю до 9200 лет, руководствуясь довольно спорными источниками. Во многом эти стремления являются попыткой Кореи «превзойти» Японию, которая во время колониального периода тоже «удлиняла» свою историю и «укорачивала» историю Кореи. Также, ряд корейских историков отстаивает точку зрения минимального влияния Китая на Корею в процессе исторического развития. Именно в рамках работ этих учёных и происходит совершенно невообразимая «игра» столетиями и тысячелетиями.

По нашему мнению, подобные процессы, проходящие в современной Республике Корея, свидетельствуют как об идеологическом, там и об общественном давлении на южнокорейскую историческую науку. Во многом это объясняется обострёнными отношения с Японией и желанием «переиграть» соседа. Что же касается российского корееведения, то, несомненно, необходимо учитывать концепции, предлагаемые учёными обеих Корей и кореведами из других стран.

Литература

1. *Курбанов С.О.* История Кореи: с древности до начала XXI в., СПб., 2009. 680 с.

2. *Ли Ги Бэк* История Кореи: новая трактовка, М., 2000. 464 с.

3. *Пак М.Н.* История и историография Кореи, М., 2003. 911 с.

4. *Тихонов В.М., Кан Мансиль.* История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г., М., 2011. 533 с.

5. *Хан Ёньу.* История Кореи: новый взгляд, М., 2010. 758 с.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ КАФЕДРЫ БИБЛЕИСТИКИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ (МДА) «АПОСТОЛ ПАВЕЛ И ЕГО ПОСЛАНИЯ В СВЕТЕ ДАННЫХ СОВРЕМЕННОЙ БИБЛЕИСТИКИ». THE RESEARCH PROJECT OF THE CHAIR OF BIBLICAL STUDIES (MOSCOW ORTHODOX THEOLOGICAL ACADEMY) «SAINT PAUL THE APOSTLE AND HIS EPISTLES IN THE LIGHT OF MODERN BIBLICAL SCHOLARSHIP»

Ковшов Михаил Всеволодович
Kovshov Mikhail Vsevolodovich
Московская православная духовная академия
Moscow Orthodox Theological Academy
bibltema@gmail.com

Научно-исследовательский проект кафедры библеистики Московской духовной академии (МДА) «Апостол Павел и его послания в свете данных современной библеистики» посвящен систематическому исследованию наследия апостола Павла. Работа на проектом ведется с сентября 2009 г. под руководством секретаря кафедры библеистики МДА священника Александра Тимофеева. Участниками проекта являются преподаватели кафедры библеистики МДА и Сретенской духовной семинарии протоиерей Андрей Рахновский, иеромонах Ириней (Пиковский), Петр Александрович Коротков и Михаил Всеволодович Ковшов, а также преподаватель Нижегородской духовной семинарии Сергей Николаевич Горбунов. На начальном этапе работы (сентябрь 2009 — март 2010 гг.) в проекте также принимал участие выпускник кафедры библеистики Дмитрий Игоревич Серов, ныне докторант Регенсбургского Университета (Германия). В 2010 г. проект получил поддержку и финансирование со стороны Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ)[1]. 2012 год станет последним (третьим) годом работы над проектом. По окончании проекта планируется обобщить его результаты в форме монографии.

[1] См.: Продолжающиеся в 2012 году проекты научных исследований основного конкурса 2010 и 2011 годов. Приложение 2 к решению совета РГНФ от 01 марта 2012 г. // Российский гуманитарный научный фонд: сайт. [М.] 2002-2011. URL: http://www.rfh.ru/downloads/Board/032012/Annex2.pdf (дата обращения: 22.09.2012).

1. Причины выбора темы и научно-практическая проблема исследования

Причины, по которым в качестве объекта исследования было выбрано именно наследие апостола Павла, связаны с состоянием исследований в данной области в современной библейской науке вообще и в отечественной библеистике в частности.

1.1 Конфессиональная заданность проблематики, связанной с богословием апостола Павла

Проблематика исследований, связанных с апостолом Павлом, его посланиями и наследием, сегодня во многом обусловлена конфессионально. Не последнюю роль в процессе конфессионализации изучения апостола Павла сыграли протестантские исследователи. Например, на недавно прошедшей XXII Ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета (ПСТГУ) одна из секций носила название «Различные подходы к интерпретации богословия апостола Павла: история и современность». При этом основные проблемы, заявленные в программе конференции, были сформулированы в XX в. протестантскими учеными[1]. К примеру, постановка вопроса о центре богословия апостола Павла фактически была дана в терминах лютеровско-швейцеровской оппозиции «оправдание верой — жизнь во Христе». В свое время Виктор П. Ферниш точно подметил, что все многообразие мнений о доктринальном центре у апостола Павла соответствует не столько его собственному богословию, сколько богословским взглядам его интерпретаторов[2]. Думал ли сам апостол Павел о неком центре своего богословия в этом смысле, когда писал свои послания, каждое из которых, по мнению Ферниша, носит прежде всего ситуационный и диалогический характер?[3] Если не думал, то насколько верной является постановка вопроса о центре его богословия в такой плоскости? То же самое можно сказать и о проблеме «Павла Деяний — Павла посланий»[4]. По сути, она проистекает от изначального недоверия к книге Деяний как к историческому источнику. Считается, что апостол Лука намеренно создавал более «домашний»

---

[1] URL: http: pstgu.ru/scientific/conference/xxii/autumn11 programXXII divinity_apostle_Pavel (дата обращения: 22.09.2012).

[2] *Furnish V. P.* Pauline Studies. // The New Testament and Its Modern Interpreters. Epp J. E., MacRae G.W., eds. Philadelphia: Fortress, 1989. P. 335.

[3] Ibid. P. 338.

[4] *Обзор* проблемы на русском языке см. в: *Хукер М.* Святой Павел. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. С. 18-42.

образ апостола Павла. Но насколько велики эти отличия на самом деле, чтобы говорить о столь серьезной проблеме и отрицать историческую достоверность книги Деяний?

1.2 Отечественные работы по апостолу Павлу: отсутствие современных исследований

С другой стороны, необходимость исследования наследия апостола Павла обусловлена проблемами и задачами современной отечественной церковной науки. В свое время выпускник Московской и профессор Санкт-Петербургской духовной академии Николай Никанорович Глубоковский в своей фундаментальной работе «Благовестие святого апостола Павла по его происхождению и существу» убедительно показал, что главной целью апостола Павла было возвещение благовестия Христова, для достижения которой он мог в равной мере пользоваться как преимуществами своего иудейского происхождения, так и познаниями в области греческого языка и культуры[1]. Однако его монументальное исследование на сегодняшний день так и остается фактически единственной обзорной и одновременно детальной отечественной работой по корпусу посланий апостола Павла. Необходимо отметить, что при всей своей ценности и значении для русской библейской науки этот труд во многом фактологически устарел. В силу известных исторических причин отечественная библеистика в XX веке была лишена возможности нормально развиваться, и ученикам и последователям Н.Н. Глубоковского не удалось продолжить дело своего великого учителя.

Принимая во внимание сотериологическую значимость посланий апостола Павла — самого теоретизирующего и догматизирующего из новозаветных авторов — научно-практическая проблема, решение которой является целью настоящего проекта, была сформулирована как *отсутствие современных отечественных исследований обобщающего и детализирующего характера по посланиям святого апостола Павла.*

2. Экзегетический подход, примененный в исследовании

2.1 Современная библеистика как наука: влияние постмодернизма

[1] *Глубоковский Н.Н.* Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу: библейско-богословское исследование. Кн. 1: Введение. Обращение Савла и «Евангелие» св. апостола Павла. «Евангелие» Павлово и иудейско-раввинское богословие, апокрифы и апокалиптика. СПб., 1905. 983 с. Кн. 2: «Евангелие» св. апостола Павла и теософия Филона, Книга Премудрости Соломоновой, эллинизм и римское право. Заключение. СПб., 1910. 1314 с. Кн. 3: Божественность «Евангелия» Павлова и метод обоснования сего в исследовании о нем. Дополнения и указатель содержания первых двух книг. СПб., 1912. 82 с.

Библеистика как наука с момента своего зарождения постоянно испытывает на себе влияние двух смежных дисциплин: философии и прикладной филологии. И хотя библеистику часто характеризуют прежде всего как историко-филологическую науку, нельзя отрицать, что влияние на нее философии не менее велико. В эпоху Просвещения, когда современная западная библеистика зарождается как наука, таким определяющим философским направлением был деизм, связанный с именами Б. Спинозы и Дж. Локка. В первой половине XIX ст. глубокое влияние на ведущего немецкого библеиста Фердинанда Христиана Баура, которого часто называют родоначальником современной библеистики как науки, оказала философия Гегеля[1].

Сегодня, в эпоху Постмодерна, на библеистику все чаще оказывает влияние не только философия и филология[2]. В этом легко убедиться, открыв любой солидный справочник по библеистике. Например, в «Оксфордском учебнике по библеистике»[3], в разделе V, который посвящен методам библейской науки, находим следующие пять параграфов:

I. Археология.
II. Критика текста.
III. Критика формы, источников и редакций.
IV. Риторическая и новая литературная критика.
V. Феминистская критика.
VI. Социальная, политическая и идеологическая критика[4].

Особое внимание хотелось бы обратить на два последних пункта. Очевидно, что эти «методы библейской науки» тесно связаны с хорошо известными общественно-политическими движениями современности, такими как феминизм, эмансипация, борьба за свои права женщин, темнокожих и т. д. И тем не менее авторы учебника относят эти направления именно к методам библейской науки, несмотря на их очевидную идеологическую заданность и антиконтекстуальность.

Вместе с тем необходимо отметить, что постмодернизм предполагает серьезное отношение и к конфессиональным интерпретациям Священного Писания, и в частности, наследия апостола Павла. Сегодня, например, как новый тренд рассматривается использование святоо-

[1] *О развитии* историко-критического метода см.: *Krentz E.* The Historical Critical Method. Philadelphia: Fortress, 1977. 88 p.

[2] *О влиянии* Постмодернизма на библейские исследования см.: *Adam A. K. M.* What Is Postmodern Biblical Criticism? Minneapolis: Fortress, 1995. 81 p.

[3] *The Oxford* Handbook of Biblical Studies. / Lieu J.M., Rogerson, J.W., eds. Oxford: University Press, 2006. 896 p.

[4] Ibid. P. 657-674.

теческой экзегезы при интерпретации Священного Писания. И если мы сможем аргументированно показать, что святоотеческие экзегетические творения предлагают адекватное толкование библейского текста, их нельзя будет отметать как некие «позднейшие экзегетические наслоения», затемняющие смысл Библии. Можно будет критиковать как сами эти толкования, так и ученых, их использующих, как сегодня критикуют, например, сторонниц феминистской интерпретации или афро-американского подхода. Но обойти своим вниманием, игнорировать будет уже нельзя.

2.2 Необходимость альтернативного подхода: "Ad Paulum"

В этой связи участники проекта, не отрицая необходимости творческого освоения достижений западной библеистики, хотели бы предложить *альтернативный подход* к изучению мысли и богословия апостола Павла, выраженных в его посланиях.

Этот подход не является абсолютно новым, впервые как лозунг он был провозглашен в эпоху Возрождения и Гуманизма, но в современную эпоху он может звучать совсем по-другому. Эразм Роттердамский использовал эту фразу в смысле обращения к греческим и вообще античным первоисточникам[1]. В XX ст. православный богослов прот. Георгий Флоровский переформулировал этот принцип как «Ad patres», подразумевая под этим возврат к святоотеческим истокам православного богословия[2]. Применяя этот принцип к исследованию посланий апостола Павла, мы также можем сказать, что движемся «ad fontes» — но не назад, а вперед к апостолу Павлу, его мысли и его богословию. Главной задачей в таком случае становится, во-первых, позволить говорить самому тексту: мы должны не столько сами интерпретировать текст,

---

[1] Имеется в виду его призыв «ad fontes» в смысле обращения к греческим и вообще античным первоисточникам.

[2] В предисловии к своей книге «Пути русского богословия» отец Георгий писал: «Изучение русского прошлого привело меня и укрепило в том убеждении, что православный богослов в наши дни только в святоотеческом предании может найти для себя верное мерило и живой источник созидательного вдохновения. Умственный отрыв от патристики и византинизма был, я уверен, главной причиной всех перебоев и духовных неудач в русском развитии. История этих неудач рассказана в этой книге. И все подлинные достижения русского богословия всегда были связаны с творческим возвращением к святоотеческим истокам. В исторической перспективе с особенной очевидностью открывается, что этот узкий путь отеческого богословия есть единственный верный путь. Но этот возврат к отцам должен быть не только ученым, не только историческим, но духовным и молитвенным возвратом, живым и творческим восстановлением самого себя в полноте церковности, в полноте священного предания». *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. / Платонов О., отв. ред. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 10-11.

сколько дать возможность тексту интерпретировать нас[1]. Во-вторых, не вписывать апостола Павла в картину современных богословских проблем, а постараться расслышать его собственный голос, то, что он хотел донести до нас в своих посланиях; попытаться рассмотреть, какие проблемы были центральными для самого апостола Павла, и какое значение — или звучание — эти проблемы имеют для нас сегодня.

3. Ход работы над проектом

В течение всего периода работы над проектом «Апостол Павел и его послания в свете данных современной библеистики» коллектив участников под руководством священника Тимофеева проводил разносторонние исследования наследия апостола Павла.

Научно-исследовательская работа над проектом ведется по следующим направлениям: во-первых, археологические исследования в местах проповеди апостола Павла; во-вторых, участие в научных конференциях и семинарах; в-третьих, разработка актуальных вопросов изучения наследия апостола Павла и последующая публикация результатов исследований в виде серии статей и докладов; в-четвертых, подготовка компакт-дисков с исследованиями по апостолу Павлу; и, наконец, в-пятых наполнение актуальными материалами сайта кафедры библеистики МДА (www.bible-mda.ru).

3.1 Участие в научных конференциях

В рамках проекта его исполнители приняли участие в ряде научно-богословских конференций.

Первой из них стала конференция докторантов Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, состоявшаяся в гостинице «Даниловская» 3 февраля 2010 г. (г. Москва). Доклад на тему «Сотериологическое измерение богообщения в богословии апостола Павла (на примере послания к Римлянам)» был представлен участником проекта М. В. Ковшовым. В течение 2010 г. М. В. Ковшов выступил с докладами еще на четырех научно-богословских конференциях, в частности, на конференции «Христианство. Философия. Культура», прошедшей в г. Курске 25 марта 2010 г. в рамках VI научно-образовательных Знаменских чтений (Тема доклада: «Богословское значение категории общения (KOINΩNIA) в посланиях

[1] Утверждение Эрнста Фукса: «Прежде чем мы сможем интерпретировать текст, *он сам должен интерпретировать нас*». Цит. по: *Тисельтон Э.* Герменевтика. Черкассы: Коллоквиум, 2011. С. 14. Энтони Тисельтон продолжает мысль Фукса: «Толкователь не может оставаться бесстрастным наблюдателем, уподобляясь эмпирику или естествоиспытателю. *Понимание*, в самом глубоком смысле этого слова, требует *личного участия и активной вовлеченности*». Там же.

святого апостола Павла»)[1]; на VI ежегодной богословской конференции МДА «Экзегетика и герменевтика Священного Писания», прошедшей в Московской духовной академии 15-16 апреля 2010 г. (Тема доклада: «Библейское учение об образе и подобии Божием в человеке»)[2]; на ежегодной Научно-богословской конференции СПбДА, состоявшейся 7 октября 2010 г. (Тема доклада «Современные западные направления в изучении посланий святого апостола Павла»)[3], а также на международной конференции «Церковь, наука и образование в России: история и перспективы», посвященной 325-летию Московской духовной академии (11-13 октября 2010 г.[4]; тема доклада «Современные западные направления в изучении посланий святого апостола Павла».

В 2011 году состоялось еще несколько выступлений участников проекта. В частности, на научной конференции Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, прошедшей 2 марта 2011 г. в конференц-зале гостиницы «Даниловская» (г. Москва), М. В. Ковшовым был произнесен доклад на тему «К вопросу о смене герменевтической парадигмы в изучении посланий апостола язычников». В ходе пленарного заседания конференции «Актуальные проблемы современной богословской науки»[5], проходившей в Московской духовной академии 2-3 мая 2011 г., им же был озвучен доклад на тему «Актуальные вопросы изучения наследия апостола Павла в контексте целей и задач отечественной библейской науки»[6]. На секции этой же конференции «Актуальные вопросы современной библеистики» С. Н. Горбуновым был прочитан доклад на тему

URL: http://www.vzfei-de.ru/index-ea=1&ln=11&chp=showpage&parent=542&num=1248&zi=542 (дата обращения: 22.09.2012).

[2] В Московской духовной академии состоится богословская конференция «Экзегетика и герменевтика Священного Писания». // Патриархия.ру. Официальный сайт Московского Патриархата. [М.], 2005 – 2012. URL: http://217.73.199.88/db/text/1137534.html (дата обращения: 22.09.2012).

[3] *Работа* секции библеистики. // Санкт-Петербургская православная духовная академия: сайт. [СПб.], 2001 – 2012. URL: http://www.spbda.ru/news/a-304.html (дата обращения: 22.09.2012).

[4] В МДА пройдет международная конференция «Церковь, наука и образование в России: история и перспективы». // Московская православная духовная академия: сайт. [М.], 2005 – 2012. URL: http://www.mpda.ru/events/text/257357.html (дата обращения: 22.09.2012).

[5] В академии прошла межвузовская студенческая конференция «Актуальные проблемы современной богословской науки». // Московская православная духовная академия: сайт. [М.], 2005 – 2012. URL: http://www.mpda.ru/news/text/462387.html (дата обращения: 22.09.2012).

[6] Видеозапись доклада в сети Интернет на научно-богословском портале Богослов.ру. URL: http://www.bogoslov.ru/text/1678719.html (дата обращения: 22.09.2012).

«К вопросу о теоретическом обосновании методов филологического анализа послания к Евреям»[1].

В период работы II Международной научно-богословской конференции «Актуальные вопросы богословских исследований», проходившей в Санкт-Петербургской православной духовной академии 5-6 октября 2011 г. М. В. Ковшовым был произнесен доклад на тему «Анализ критериев псевдоэпиграфичности т.н. «девтеропаулинов», на примере послания к Ефесянам»[2].

3.2 Публикации, подготовленные в рамках проекта

Результаты исследований, проведенных участниками проекта, нашли отражение в серии статей, опубликованных в церковных периодических и интернет-изданиях.

13 апреля 2010 г. на официальном сайте Московской православной духовной академии был опубликован доклад М. В. Ковшова «Богословское значение категории общения (KOINΩNIA) в посланиях святого апостола Павла»[3]. В декабре 2010 г. доклад был напечатан в научно-богословском и церковно-общественном альманахе миссионерского отдела Курской епархии «Микрокосмос»[4]. Проблему, которой посвящен доклад, можно сформулировать следующим образом: действительно ли в посланиях апостола Павла присутствует идея о богообщении? По мнению автора, есть все основания утверждать, что в посланиях апостола Павла присутствует идея об общении человека с Богом. Как пытается показать автор, богообщение для апостола Павла подразумевает глубокие межличностные взаимоотношения человека с Богом Отцом, Богом Сыном и Богом Духом Святым, и имеет определяющее значение для спасения как самого человека, так и всего тварного космоса.

26 мая 2011 г. на научно-богословском портале Богослов.ру была опубликована еще одна статья М.В. Ковшова «Кто на самом деле предал Иисуса Христа? Свидетельства «Евангелия Иуды» против «Еван-

[1] *Актуальные* вопросы современной библеистики. Отчет о работе секции. // Московская православная духовная академия: сайт. [М.], 2005 – 2012. URL: http://www.mpda.ru/site_pub/464315.html (дата обращения: 22.09.2012).

[2] Программа научно-богословской конференции СПбПДА «Актуальные вопросы богословских исследований». // Санкт-Петербургская православная духовная академия: сайт. [СПб.], 2001 – 2012. URL: http://www.spbda.ru/news/a-1369.html (дата обращения: 22.09.2012).

[3] URL: http://www.mpda.ru/site_pub/162434.html (дата обращения: 22.09.2012).

[4] *Ковшов М. В.* Богословское значение категории общения (KOINΩNIA) в посланиях святого апостола Павла.// Микрокосмос. Научно-богословский и церковно-общественный альманах миссионерского отдела Курской епархии. Курск, 2010. Вып. 4. С. 15-28. Электронный вариант альманаха доступен на научно-богословском портале Богослов.ру. URL: http://www.bogoslov.ru/biblio/text/1295007/index.html (дата обращения: 01.03.2012).

гелий по апостолу Павлу». В статье на примере «Евангелия Иуды» развенчивается популярный миф о том, что подлинным основателем христианства в том виде, в каком оно знакомо каждому из нас, на самом деле является не Иисус Христос, а апостол Павел.

8 июля 2011 г. на этом же портале была опубликована апробационная статья С.Н. Горбунова «К вопросу о теоретическом обосновании методов филологического анализа послания к Евреям».

Статья затрагивает проблему идентификации авторства религиозного текста с учетом возможностей прикладной филологии. В круг рассматриваемых дисциплин включены лингвистика текста, стилистика, и некоторые другие. Современные достижения этих наук, по мнению автора, позволяют пересмотреть основные подходы к разработке модели исследования проблемы атрибуции. Трудность определения стиля новозаветных авторов обусловлена как ограниченным объемом новозаветных текстов, так и интерпретацией термина «авторский стиль». Автор предполагает, что основные усилия при поиске авторского стиля должны быть направлены на анализ творческих аспектов, которые реализуются в тексте через многообразие маркированных и немаркированных языковых средств.

Публикация статьи вызвала активную дискуссию, в которой помимо автора приняли участие преподаватели различных духовных учебных заведений, в частности, А.С. Небольсин (ПСТГУ), А.С. Десницкий (ОЦАиД), А.А. Ткаченко (ОЦАиД), А.В. Ворохобов (НижДС) и М.В. Ковшов (МДАиС). Впоследствии статья была перепечатана в сборнике Трудов Нижегородской духовной семинарии.

23 января 2012 г. в специальном номере «Христианского чтения», посвященном 190-летию издания журнала (№ 6 (41) за 2011 год), вышла статья М.В. Ковшова «Новые взгляды на Павла»: критический анализ современных западных подходов к исследованию посланий апостола язычников»[1]. В статье на примере критического анализа основных современных направлений в изучении посланий Павла предлагается один из возможных вариантов творческой рецепции достижений западной библеистики. Рассматриваются ключевые вопросы и проблемы изучения наследия апостола язычников на современном этапе, а также на-

[1] Ковшов М. В. «Новые взгляды на Павла». критический анализ современных западных подходов к исследованию посланий апостола язычников. // Христианское чтение. 2011. №6. С. 134-159.

мечаются основные контуры дальнейшего развития методологической парадигмы отечественной православной библеистики.

Кроме того, 12 июля 2011 г. на Интернет-портале «Татьянин день» было опубликовано интервью руководителя проекта иерея А. Тимофеева и М. В. Ковшова «Послания апостолов Петра и Павла: принципы православной библеистики». В интервью описывается экзегетический подход, примененный авторами к исследованию посланий апостола Павла, а также дается ряд примеров экзегезы его посланий[1].

Заключение

Необходимость проектов подобного рода давно назрела. Если они не будут осуществляться, то нынешняя русская библейская школа никогда не сможет обрести самостоятельность и свое собственное научное лицо. Фактически на сегодняшний день имеется очень мало оснований говорить о русской библеистике как о самостоятельной научной школе с собственной концептуальной научной парадигмой (что можно было сказать о дореволюционной российской библейской школе). Преодолению этой ненормальной ситуации и должно способствовать осуществление настоящего исследовательского проекта. В целом проект должен заполнить лакуну и преодолеть отставание в отечественной науке по данному направлению, обозначившееся после 1917 года.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-04-00133а.

Литература

1. *Тисельтон Э.* Герменевтика. Черкассы: Коллоквиум, 2011. 430 с.
2. *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 720 с.
3. *Хукер М.* Святой Павел. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. 288 с.
4. *Adam A.K.M.* What Is Postmodern Biblical Criticism? Minneapolis: Fortress, 1995. 81 p.
5. *Furnish V.P.* Pauline Studies. // The New Testament and Its Modern Interpreters. Epp J. E., MacRae G.W., eds. Philadelphia: Fortress, 1989. P. 321-350.
6. *Krentz E.* The Historical Critical Method. Philadelphia: Fortress, 1977. 88 p.
7. *The Oxford* Handbook of Biblical Studies. / Lieu J.M., Rogerson, J.W., eds. Oxford: University Press, 2006. 896 p.

[1] URL: http://www.taday.ru/text/1144685.html (дата обращения: 22.09.2012).

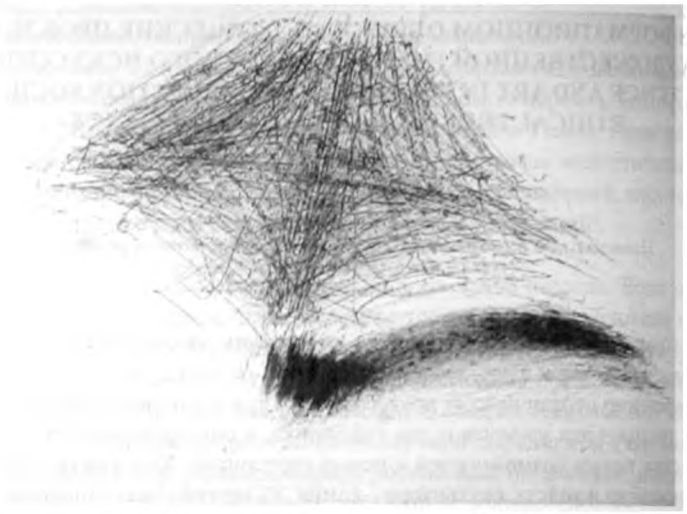
НАУКА И ИСКУССТВО В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ «ХУДОЖЕСТВЕННОЙ НАУКИ» И «НАУЧНОГО ИСКУССТВА». SCIENCE AND ART IN THE MODERN INFORMATION SOCIETY: ETHICAL PROBLEMS OF «ARTISTIC SCIENCE» AND «SCIENTIFIC ART»

Котикова Кристина Олеговна
Kotikova Kristina Olegovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
Laurefin@yandex.ru

Современная информационная реальность такова, что привычные рамки искусства и науки оказываются столь размыты, что зачастую одно совершенно неотличимо от другого. Рамки традиции оказываются слишком тесны и для ученого, и для художника, и они прорываются за них в поисках новых возможностей и новых горизонтов. Художнику не достаточно кисти и холста, скульптору – камня; их материалом становится природа в самых разных ее проявлениях, а инструментом – высокие научные технологии. Ученому слишком тесными становятся рамки традиционной науки, и их пути направляются в сторону своеобразного художественного самовыражения.

И вот все чаще и чаще пути художника и ученого пересекаются, все больше и больше сливаясь воедино.

Далее мы приведем реальные жизненные примеры современного научного искусства. Столь ярких и шокирующих проявлений слияния искусства и науки не много, но это направление обретает все большую и большую популярность. Самый известный пример - Гюнтер фон Хагенс, которого многие называют «Доктор Смерть», создатель и владелец музея «Plastinarium» и выставок «Миры тела». Свою научную карьеру **Гюнтер фон Хагенс** начал в ГДР, где изучение консервации трупов оплачивалось государством. Доктор Гюнтер фон Хагенс запатентовал особый способ консервации органических тканей, заменяя полимерами жиры и жидкость, содержащиеся в биологическом материале. Экспонаты выставок представляют собой умерших людей, которые были мумифицированы и выставлены на показ полностью, либо в расчлененном виде. Самый скандальный экспонат - беременная женщина. Ее тело вскрыто так, что в матке виден 7-месячный плод. Одна из самых известных композиций – «человек, снимающий кожу». Впрочем, посетителей выставки, жаждущих

натуралистических подробностей, это не пугает. Более того, на сегодня 3 тыс. человек хотели бы стать после смерти таким экспонатом. Сам же доктор намерен в свой срок присоединится к своим творениям: согласно завещанию профессора фон Хагенса, его труп распилят на множество пластин толщиной в 3,5 миллиметра [1]. Это пример современного научного искусства, автор художественного произведения одновременно и ученый и художник. Ученый, так как разрабатывает принципиально новые «прорывные» инновационные технологии, которые в данное время и в данном месте часто не воспринимаются ни современной наукой ни обществом (с его «моралью», «ценностями», «этикой»). Художник – потому что в отличие от ученого-практика может позволить себе не думать ни о «продвижении науки», ни о материальной пользе открытия, ни вообще о смысле того, что он создает. Художник может позволить сказать «а я так вижу!» и тем самым пресечь все вопросы типа «почему» и «зачем» и в особенности «какой в этом смысл»?. А вопрос что хотел «сказать своим произведение» вообще не уместен: прочтение произведения целиком зависит от того, кто его читает.

Своим творческим самовыражением Гюнтер фон Хагенс ломает и переворачивает с ног на голову привычные рамки и устои этики, морали и религии – он разрушает сакральность человеческого тела, разрушает

этические нормы по отношению к смерти – преступает табу большинства религий и куль тур.

Как еще один не менее яркий пример можно привести работы лаборатории «Симбиотика». Лаборатория занимается использованием живой ткани сложных организмов для выращивания/моделирования «полуживых» скульптур. Сотрудники лаборатории моделируют из биополимеров скульптуру, подселяют живые клетки кролика или мыши, потом полимер полностью заменяется живой тканью. В итоге получается полуживое существо – сообщество клеток («Острие 1», 1999 г. - мышечная ткань мыши, выращенная на гидрогельной основе каменного орудия периода неолита и «Полуживая кукла Н - символ надежд и опасений» 2000 г. Биоразлагаемые / биорассасывающиеся полимеры, хирургическая нить и клеточная линия McCoy.) [2]. Особенно остро эта практика полемизирует с идеологиями иудео-христианского толка, производя впечатление, будто утверждает превосходство человека над прочими божьими тварями, в действительности она подвергает критике веру в это превосходство. Манипуляции с живыми тканями, отделенными от материнского организма, опровергают абсолютистское понимание смерти и по-своему иллюстрируют ведущиеся дискуссии об ответственности человека за другие формы жизни. Осознание этой ответственности особенно важно именно там, где человек берется манипулировать этими «другими» и их выживание целиком зависит от его деятельного участия.

Это - диалог с природой, который невозможно было бы построить, действуя исключительно по законам эволюции. Он корректирует наше понимание живого/неживого и позволяет продлить жизнь частям тела даже после смерти сложного организма. Он расшатывает дихотомию «природа/культура», физически комбинируя два этих элемента в виде живого биоматериала и конструкции из искусственных деталей. Результат этого творчества - некое самостоятельное существо - требует от человечества пересмотра этических и эпистемологических основ сознания.

То, что начиналось как одиозный художественный проект привело с одной стороны к появлению принципиально нового способа выращивания живых клеток, а с другой – инициировало этико-экологическое обсуждение проблемы питания человека. Результат – начало серьезных исследований по выращиванию мышечной ткани высших животных (коров, свиней) для питания человека, исключающего из «пищевой цепочки» убийство высших животных.

Это художественный метод, бросающий вызов давно устоявшимся представлениям человека о жизни, другая сторона той же медали, что и

творчество Гюнтера фон Хагенса. Это игра с жизнью, преступление табу на конструирование жизни человеком. О том же – следующие два примера, отличительная особенность которых – соединение биологической (живой) составляющей с глубокой технологичностью.

Еще один результат лаборатории «Симбиотика» – это прорывные технологии и иные принципы работы с искусственным интеллектом. Пример – «полуживой» компьютер, работающий на нейронах пиявок. Сотрудники Технологического института штата Джорджии характеризуют его как устройство, «способное 'думать само за себя' благодаря тому, что нейроны пиявок самостоятельно устанавливают связи между собой. Обычный же компьютер «на силиконе» действует исключительно по указке программиста...» (BBC News, 2-е июня 1999 г.)

Этот проект открыл принципиально новую эпоху в работе с искусственным интеллектом. Основная идея – сращивание живого существа с огромной мощью современного компьютера. То, о чем давно и много говорили фантасты, становится пугающей реальностью.

Следующий проект «Симбиотики» - «MEART»: "Самоискусство - полуживой художник". Проект, осуществленный в рамках фестиваля Ars Electronica, Линц, 2001 г. Художники культивировали корковые нейроны эмбриона крысы (wetware) на мультиэлектродной матрице. Нервная активность этих нейронов через специальную программу TCP/IP (software) сообщалась механической руке (hardware), которая в итоге рисовала картины. Странно и символично выглядел один из последних проектов с участием «недокрыса-живописца». В качестве информационной основы для возбуждения крысиных нейронов был использован «Черный квадрат» Малевича [2]. Маленький квадратик-пиксель – символ компьютерного «ничто» и «Черный квадрат» - символ человеческого «ничто» рисует никто. Изображение, которое предъявил «недокрыс-живописец», удивительно напоминает китайский знак «простая мандала».

Китайский знак – «простая мандала» (крест и два штриха – вверху и внизу) выражает и подчеркивает взаимосвязь «небо-человек-земля». Человек – центр взаимосвязи между силами неба и земли. Он обозначен не как часть, а как сочетание между этими энергиями. Как проводник божественного человек способен преобразовывать силы земли. Однако, в рисунке «недокрыса» есть существенное отличие от «простой мандалы»: отсутствие верхней черты, означающей связь человека с Небом. Зато нижняя грань – это то, что в первую очередь бросается в глаза на этой картине.

Таким образом, даже самый беглый взгляд на современные актуальные формы творчества мы видим, что они вынуждают переосмыслять многие, казалось бы, незыблемые понятия, такие, как «жизнь», «человек», «машина». Мы видим разрушение привычных этико-религиозных устоев относительно соединения живого и неживого, живых клеток и технологии.

Человек откровенно встает на место Творца, причем дает этому вполне логичное обоснование. Пример мы находим в художественно-научных проектах по ДНК-кодированию. *Эдуардо Кац осуществил проект «Зашифрованные камни», 2001 г. [2]. Суть проекта - перевод в стандартный «четырехбуквенный» код ДНК отрывок из книги Бытия, гласящий: «...владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всякой тварью, пресмыкающейся на земле». Этот код был внесен в живые бактерии на генетическом уровне.* Этот и ему подобные проекты декларируют, утверждают и активно пропагандируют идею права на власть и неограниченное творчество. Вместе с этим они не просто расшатывают, а напрочь переворачивают привычные устои морали, этики и религии.

Современное информационное общество переопределяет границы допустимого в морально-этическом плане, а такое слияние науки и искусства приводит к совершенно новым постановкам вопросов морали и этики, во многом противоречивым. Мы наблюдаем как и углубление этической проблемы (возможность исключить из жизни человека убийство животных, поскольку новые технологии позволят выращивать мышечную ткань отдельно от материнского организма), так и полный ее крах в привычном понимании, который мы можем видеть через разрушение четырех символических табу:

- табу на игры со смертью и человеческим телом;
- табу на игры с жизнью и живой материей;
- табу на соединение живого и неживого;
- табу на место Творца - человек активно ставит себя на его место.

Литература

1. *Гунтер фон Хагенс*. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/**Гунтер_фон_Хагенс**

2. *Булатов Д.* Биомедиале. Современное общество и геномная культура. Калининград: КФ ГЦСИ, ФГУИПП «Янтарный сказ», 2004. URL: http://biomediale.ncca-kaliningrad.ru/?lang=ru&author=bulatov

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ К РАБОТЕ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СТАРШИМИ ДОШКОЛЬНИКАМИ. RELEVANT PROBLEMS OF THE FUTURE SPECIALISTS IN THE SPHERE OF PEDAGOGIC PSYCHOLOGY PREPARATION TO WORK ON THE IMPROVEMENT OF THE CHILDREN'S RELATIONSHIPS

Краковская Марина Сергеевна
Krakovskaya Marina Sergeevna
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Immanuel Kant Baltic Federal University
MKrakovskaya@kantiana.ru

Новая парадигма образования основана на идее создания специальных условий для проявления и развития личностных функций субъектов педагогического процесса. В соответствии с этим главным требованием к подготовке будущего педагога-психолога становится сформированность у него готовности к профессиональной педагогической деятельности. Анализ психолого-педагогической литературы по данной проблеме показал, что готовность специалистов к педагогической деятельности заключается в усвоении ими специальных знаний, умений, навыков, социальных отношений, в сформированности профессиональных компетенций.

Задачи, которые сейчас стоят перед современным высшим образованием все более связываются с формированием профессиональной компетентности выпускников как совокупности определенных компетенций и являющейся важнейшей характеристикой теоретической и практической готовности специалистов к осуществлению педагогической деятельности. В связи с этим традиционный набор «знаний и умений» должен быть дополнен готовностью выпускников к их реализации в своей профессиональной деятельности.

Следует сказать, что время обучения в вузе – один из самых ответственных в становлении личности специалиста. Это такое время, когда формируются основные ценностные установки, жизненная позиция, отношение к окружающей действительности в целом и к своей профессии, в частности. В связи с этим очень важно, чтобы на данном этапе психолого-педагогическое образование по своему содержанию

стало насыщенным, способствующим всестороннему формированию личности студента (магистранта) как специалиста – будущего педагога-психолога с высоким уровнем образования.

Актуальность проблемы подготовки будущих педагогов-психологов к работе по совершенствованию взаимоотношений старших дошкольников обусловлена трансформацией среды, окружающей современного ребенка, что способствовало качественному изменению его психической и личностной сфер.

Изменения, происходящие в настоящее время в России, оказывают отрицательное влияние на подрастающее поколение. Бессистемный поток информации, поступающий из Интернета, средств массовой информации (телевидение, радио, печатные источники и др.) – это факторы, оказывающие несистематизированное, и, следовательно, негативное влияние на становление детей в период старшего дошкольного возраста. Трансформации, происходящие в современном обществе, влияют на растущего человека, оказывая непосредственное влияние в первую очередь на его психическое развитие, а также на моральное и духовное развитие в целом, и, следовательно, на характер общения и отношения детей друг к другу.

Важная часть жизни старших дошкольников – взаимодействие со сверстниками. Первый опыт взаимоотношений с ними ребенок получает в дошкольном возрасте. На основе установившихся взаимоотношений происходит становление и развитие его личности. Способность устанавливать хорошие взаимоотношения с ровесниками в дошкольном возрасте обеспечивает ребенка возможностью успешно устанавливать их во взрослой жизни. Но в настоящее время существование традиционной структуры отношений – препятствие для полноценной самореализации каждого ребенка в среде сверстников.

Так, во многих исследованиях отмечается неспособность старших дошкольников разрешать простейшие разногласия. Более того, нравственное и коммуникативное развитие детей данного возраста вызывает серьезную тревогу: негативные явления, наблюдаемые в подростковой и молодежной среде, такие как жестокость, агрессивность, безразличие, отчужденность возникают именно в дошкольном возрасте, когда ребенок строит первые взаимоотношения с ровесниками. А ведь старший дошкольный возраст – это важный этап психического развития ребенка, на протяжении которого складываются основные черты

его личности. Свидетельством этому служат научные исследования многих ученых (Л.С. Выготский [2], А.Н. Леонтьев [3], В.С. Мухина [4], Д.Б. Эльконин [6] и др.).

Особенно актуальна проблема детских взаимоотношений в настоящее время, так как большинство исследователей сходны во мнении, что способность человека устанавливать дружеские взаимоотношения с окружающими во взрослой жизни напрямую зависит от того, как он их устанавливал в детстве с другими детьми.

Анализ показал, что существуют такие виды взаимоотношений как *официальные* и *неофициальные*, *деловые* и *личные*, *рациональные* и *эмоциональные*, отношения *руководства* и *подчинения*. Данные виды взаимоотношений имеют свои особенности и складываются на основе совместной деятельности, которые трактуются в соответствии с теми обстоятельствами, в которых зарождаются.

В зависимости от степени продолжительности взаимоотношения бывают *первичными* и *вторичными*.

Первичные взаимоотношения являются продолжительными. Они основаны на сильных эмоциональных связях и ощущении обязательств перед другим человеком, охватывают множество ролей, моделей поведения и ситуаций. Кроме того, они не ограничены строгими правилами взаимодействия. Люди, которые в них участвуют, очень хорошо друг друга знают. Эти взаимоотношения таковы, что один их участник не может заменить другого новым человеком.

Вторичные взаимоотношения являются кратковременными. Они характеризуются ограниченным взаимодействием, четкими правилами и довольно определенными социальными ролями. В отличие от первичных взаимоотношений для них не характерна большая эмоциональная вовлеченность. Участники этого типа отношений могут довольно легко заменяться.

Признано, что взаимоотношения в группах можно рассматривать в *статике* (в том виде, в каком они сформировались на данный момент времени) и в *динамике* (в развитии).

В современной науке существует разнообразие взглядов на природу и сущность взаимоотношений. Стало понятным, что развитие человека осуществляется в процессе установления многообразных прямых и косвенных, непосредственных и опосредованных, осознаваемых и неосознаваемых отношений с окружающей социальной средой в про-

цессе социального общения, реализующего и формирующего эти взаимоотношения. Отметим, что именно при взаимоотношениях постоянно осуществляется «обратная связь», в то время как отношение к каким-либо предметам, явлениям или людям носит односторонний характер.

В целом, взаимоотношения являются сложным психолого-педагогическим феноменом, отражающим характер взаимодействия между людьми.

Оценивая современную ситуацию развития детских взаимоотношений, констатируем: в современной педагогике и психологии появилась потребность гармонизировать процесс воспитания с целью формирования позитивных новообразований в личности, становления доброжелательных взаимоотношений между детьми, их совершенствования.

В связи с вышеизложенным готовность будущих педагогов-психологов к работе по совершенствованию взаимоотношений старших дошкольников требует специальных знаний, умений, навыков, ресурсов. Вместе с тем известен тот факт, что работа по взаимодействию между детьми, в частности по их взаимоотношениям, часто представляет собой весьма бессистемное направление деятельности педагога-психолога ДОУ.

Практика показывает, что большинство молодых специалистов не обладают достаточными теоретическими и практическими знаниями об особенностях личных взаимоотношений детей, а также знаниями для работы по совершенствованию данных взаимоотношений.

Можно утверждать, что в современном обществе возникла потребность в специалистах, компетентных в области взаимоотношений старших дошкольников. Поэтому подготовка будущих педагогов-психологов к работе по совершенствованию детских взаимоотношений в настоящее время приобретает особое значение.

Важную роль в обосновании стратегии исследования играют работы, посвященные проблеме содержания и структуры педагогического образования (В.В. Краевский, Н.В. Кузьмина); качеству и контролю педагогического образования (Ю.К. Бабанский, В.П. Беспалько, О.Е. Лебедев); стандартизации педагогического образования (В.И. Байденко, А.А. Кузнецов, М.В. Рыжаков); формированию готовности к профессиональной педагогической деятельности (Е.П. Белозерцев, М.И. Дьяченко, Э.Ф. Зеер, Л.А. Кандыбович, Е.А. Климов, Б.Т.Лихачев, В.А. Сластенин, Е.Н. Шиянов).

Анализ показывает, что проблема взаимоотношений между старшими дошкольниками освещается в работах таких отечественных исследователей, как Е.А. Аркин, Л.В. Артемова, Л.И. Божович, А.В. Запорожец, Я.Л. Коломинский, Т.А. Репина, А.Г. Рузская, Е.О. Смирнова, Д.Б. Эльконин. Взаимоотношения старших дошкольников стали предметом исследования в работах таких зарубежных ученых, как M. Blades, M. Cole, S.R. Cole, A. Fogel, M. Hill, C. Lightfood, C. Spencer, K. Tisdall.

Формирование взаимоотношений между старшими дошкольниками стало предметом исследований отечественных (Л.А. Абрамян, А.К.Бондаренко, Н.А. Ветлугина, Т.И. Ерофеева, Т.А. Маркова, В.Г. Нечаева, Е.И. Щербакова) и зарубежных (O.Wag, M. Konner, D. Kovac, R. Pfutze, P. Sabadi, M. Semrud-Clikeman) ученых.

Несмотря на большое количество проведенных исследований, ни один из известных нам исследователей не изучал процесс совершенствования взаимоотношений между старшими дошкольниками.

Проанализировав понятие «совершенствование» и «взаимоотношения» в различных аспектах (историческом, философском, педагогическом, психологическом, социологическом), нами было выведено определение понятия «совершенствование взаимоотношений».

Итак, *совершенствование взаимоотношений* – это процесс, направленный на улучшение контактов, обусловливающий выведение их на качественно новый уровень при создании необходимых и достаточных психолого-педагогических условий.

При совершенствовании исходного уровня детских взаимоотношений (сложившихся стихийно) происходят качественные изменения существующего характера данных взаимоотношений. Такой процесс можно охарактеризовать как переход на более высокий уровень развития, обозначаемый как динамика, качественный скачок.

В то же время работа, связанная с совершенствованием взаимоотношений старших дошкольников существенно осложняется явной недостаточностью соответствующих теоретических разработок и методических рекомендаций, отсутствием научно обоснованной системы подготовки будущих педагогов-психологов к практической деятельности по данному направлению.

В последнее время существенно возрос научный интерес педагогов, психологов к проблеме взаимоотношений детей старшего дошкольного

возраста, но, к сожалению, исследования в большей степени представляют собой теоретические суждения об особенностях данных взаимоотношений. Вместе с тем, недостаточно раскрыты важные аспекты, такие как: разработка специальных программ, методических пособий, системы подготовки будущих педагогов-психологов к работе по совершенствованию взаимоотношений старших дошкольников. Более того, практически отсутствуют научные исследования, рассматривающие вопросы формирования устойчивого профессионального интереса, мотивации студентов (магистрантов) к проблеме совершенствования взаимоотношений старших дошкольников.

Накопленный в педагогике и смежных с ней науках теоретический и практический материал не дает полного представления о подготовке будущих педагогов-психологов в вузе к работе по совершенствованию взаимоотношений между старшими дошкольниками. Как в теории, так и в практике не получили должного освещения такие вопросы, как системная подготовка будущих педагогов-психологов к работе по совершенствованию взаимоотношений между старшими дошкольниками, содержание образовательного процесса, его методическое и технологическое обеспечение.

Анализ психолого-педагогических исследований показал, что в сложившейся педагогической практике проблема подготовки будущих педагогов-психологов к работе по совершенствованию взаимоотношений старших дошкольников до сих пор не исследовалась, что приводит к отсутствию системы целенаправленного развития готовности. Не в полной мере изучены психолого-педагогические условия, способствующие эффективному формированию готовности будущих педагогов-психологов к работе по совершенствованию взаимоотношений между старшими дошкольниками.

В то же время, признавая значимость исследований ученых, следует подчеркнуть необходимость проецирования накопленного ими научного теоретического и практического опыта на создание системы методов, форм и способов работы по формированию готовности будущих педагогов-психологов к работе по совершенствованию взаимоотношений старших дошкольников.

Формирование готовности к профессиональной психолого-педагогической деятельности исследовано в трудах Е.П. Белозерцева,

М.И. Дьяченко, Э.Ф. Зеера, И.Ф. Исаева, Л.А. Кандыбовича, В.А. Сластенина и др.

В научной психолого-педагогической литературе до настоящего времени выделены следующие виды готовности: внутренняя, внешняя, психологическая, профессиональная и др. Вместе с тем понятие «готовность» к какому-либо виду деятельности в научной литературе имеет неоднозначную психолого-педагогическую интерпретацию, что связано с разными подходами к определению ее сущности.

Различные трактовки психологической готовности обусловлены разнообразными подходами к определению ее сущности. Так, готовность к деятельности рассматривается одними авторами на личностном фоне, другими – на функциональном, т.е. берется за основу состояние психических функций личности.

Одни ученые (Т.В. Лаврикова, Н.К. Шеляховская и др.) определяют готовность как условие успешного выполнения деятельности, как избирательную активность, настраивающую личность на будущую деятельность, как первичное фундаментальное условие успешного выполнения любой деятельности.

Другие ученые (Ю.К. Васильев, М.И. Дьяченко, Ю.В. Енотовская, Л.А. Кандыбович, В.А. Пономаренко и др.), в свою очередь, рассматривают готовность как существенную предпосылку к целенаправленной деятельности, ее регуляции, устойчивости и эффективности, как особое психологическое состояние, которое помогает человеку успешно выполнять свои обязанности, правильно использовать знания, опыт, личные качества, сохранять самоконтроль и перестраивать свою деятельность при появлении непредвиденных препятствий.

Вместе с тем некоторыми учеными (Ю.В. Янотовская) готовность понимается не только как предпосылка, но и как регулятор деятельности.

Проблеме определения сущности профессиональной готовности студентов к будущей педагогической деятельности посвящены работы К.М. Дурай-Новаковой, В.А. Сластенина и др. Трактовку готовности к профессиональной деятельности находим в работах В.А. Сластенина, которая определяется им как «эмоционально-волевая устойчивость, выдержка, педагогический такт, профессионально-педагогическое мышление, позволяющее анализировать свою деятельность, предвидеть результаты работы; психологическую наблюдательность, способность к идентификации себя с другими, динамические качества личности, такие

как энергия, инициативность» [5]. В.А. Сластенин подчеркивает роль педагогического действия в качестве исходного компонента овладения специальными умениями: наблюдать и оценивать педагогические явления в условиях процесса обучения, их перспективность; анализировать факты педагогической деятельности, их индивидуальное содержание во взаимосвязях с другими элементами; развивать в себе способности к адаптации к тем или иным условиям деятельности в изменяющихся обстоятельствах; владеть искусством профессиональной выразительности как одного из компонентов педагогической техники [5].

По словам С.И. Архангельского, готовность отражается «в умении хорошо мастерски преподать свой предмет, доступно, глубоко излагать учебную информацию, увлекать потребностью знаний, возбуждать в них трудолюбие и упорство, стремление самостоятельно находить решение научных задач, развивать ширину их взглядов и гибкость мышления» [1, с. 330].

Анализ исследования проблемы профессионально-педагогической готовности позволяет сделать вывод о том, что понятие «готовность» многоаспектно, имеет неоднозначную интерпретацию и включает как психические состояния, качества личности, так и собственно деятельность, выраженную в профессиональных умениях и навыках.

В контексте исследуемой проблемы готовность к психолого-педагогической деятельности, в том числе и с взаимоотношениями старших дошкольников, предполагает знание будущими педагогами-психологами специфики профессиональной деятельности со старшими дошкольниками, сформированность гуманистических установок, устойчивых качеств личности, способности регулировать взаимодействие между детьми и выводить взаимоотношения детей на качественно новый уровень.

В связи с тем, что в настоящее время приоритетной задачей деятельности вуза является подготовка всестороннее образованных специалистов, обладающих способностью мыслить не только на уровне узкопрофессиональных проблем, но и с учетом широкого социального контекста, подготовка будущих педагогов-психологов к работе по совершенствованию взаимоотношений между старшими дошкольниками является одной из значимых задач в профессиональном развитии.

Литература

1. *Архангельский С.И.* Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы. Учеб.-метод. пособие. – М., 1980. 368 с.

2. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология / Под ред. В. В. Давыдова. – М., 2005. 671 с.

3. *Леонтьев А.Н.* Психологические вопросы формирования личности ребенка в дошкольном возрасте // Дошкольное воспитание. – 2009. – №1. – С. 11–17.

4. *Мухина В.С.* Психология дошкольника / Под ред. Л.А. Венгера. – М., 1975. 239 с.

5. *Сластенин В.А.* Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; Под ред В.А. Сластенина. – М. 2002. 576 с.

6. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. – М., 1989. 560 с.

ОБЗОР НАУЧНЫХ ТРУДОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА В ТЮРКОЛОГИИ. REVIEW OF SCHOLARLY WORKS ON CASE IN TURKIC LANGUAGES

Течинова Айрана Михайловна
Techinova Ayrana Michailovna
Тувинский государственный университет
Tuvan State University
myboxtuva@yahoo.com

Категория падежа – одна из наиболее сложных в понимании ее природы категория языка. Сложность заключается в разногласиях в понимании этой категории: что кладется в основу ее описания – форма или содержание. В связи с этим, наша цель – изучить научные труды, посвященные категорию падежа в тюркских языках в описательном плане.

Согласно формальной грамматике, тюркские падежи традиционно делятся на две группы: 1) пространственные, или падежи, обозначающие пространственные отношения (дательный, местный, исходный, направительный); 2) грамматические, или падежи, обозначающие грамматические отношения (основной, родительный, винительный) [Дмитриев 1962, 153-154].

В.И. Рассадин на материале тофаларского языка выделяет 8 падежей: основной, родительный, дательно-направительный, винительный, местный, исходный, частный и продольный [Рассадин 1978, 48].

Николина Е.В. и Озонова А.А. на материале чалканского диалекта алтайского языка выделяют следующие падежи: основной, родительный, дательный, винительный, местный, исходный и орудный [Николина, Озонова 2005, 5].

А.М.Щербак взяв за основу концепцию Е.Куриловича о первичных и вторичных функциях падежей, выделяет грамматические (основной,

родительный, винительный) и конкретные падежи (местный, дательный, исходный) [Щербак 1977, 62]. Различие между грамматическими и конкретными падежами зависит от синтаксической позиции в отношении управляющего глагола. Грамматические падежи занимают центральную позицию, конкретные же находятся на ее периферии. Следовательно, грамматические падежи – синтаксическая система, в основе которой – управление имени и глагола. Конкретные падежи образуют семантическую систему, в которой они объединяются своим адвербиальным значением [Щербак 1977, 62]. Такое различие функционально-семантического содержания тюркских падежей возможно, по мнению А.М.Щербака, благодаря тому, что все падежные формы имеют строго очерченные синтаксические функции и семантические значения [Щербак 1977, 70].

Однако, подобное деление не признается некоторыми тюркологами, указав на необоснованность трактовки ряда падежей как неграмматических [Закиев 1964, 218; Зарипов 1971, 7]. По-мнению А.М.Щербака, нельзя так критично относиться к такому делению, и, по всей видимости, оно возникло вследствие некоторой терминологической неясности. Конечно, все падежи – грамматические, но в функционально-семантическом плане они распадаются на две группы, из которых одна более грамматична, если так можно выразиться, чем другая. Речь идет о тех падежах, первичная функция которых синтаксическая [Щербак 1972, 5]. Таким образом, такая классификация не отвечает содержательной стороне тюркских падежей. «Дело не только в том, что один и тот же падеж может выражать пространственные и грамматические отношения, а в том, что понятие «грамматический» относимо ко всем падежам, так как все они выражают грамматические отношения» [Зарипов 1971, 7].

На материале турецкого языка С.Н.Иванов делит падежи в содержательном плане по следующим группам: 1) конкретно-предметные и отвлеченно-предметные значения; 2) пространственные и обстоятельственные значения. Каждая группа нейтральна к соотнесенности к другой группе [Иванов 1975, 85-86]. С.Н.Иванов в своей классификации исходит из того, что все многообразие употреблений и значений каждого падежа получает удовлетворительное объяснение лишь в том случае, если опираться на понятие о двойственной природе любого грамматического явления. При этом «двойственность каждого падежа предстает как наличие у него двух дифференциальных признаков: 1) внешнего

противопоставления ближайшим коррелянтам по семантическому признаку в рамках малого ряда форм; 2) внутренней противоречивости значений, связанной с противопоставлением со всеми другими формами данной категории, т.е. в рамках большого ряда форм, на основе синтаксических различий». Такую двойственность значений каждой их падежных форм можно понять как инвариантное общее значение [Иванов 1975, 85-91].

Ученик С.Н.Иванова В.А. Андреев, исследуя функциональную грамматику чувашского языка, придерживается концепции своего учителя о двойственной природе категории падежа. Исследование В.А. Андреева показало, «что общее значение каждой из падежных форм следует понимать не как общий семантический знаменатель всех ее частных значений и употреблений, а как противоречивую двойственность значений, которая проявляется во вхождении каждого падежа в два ряда противопоставлений – малый и большой, обусловленном семантическими и синтаксическими основаниями» [Андреев 2000, 143]. И на этом основании В.А. Андреев выделяет: 1) падежи, отражающие противопоставление конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений: основной, родительный, дательно-винительный (объектный) падежи; 2) падежи, отражающие противопоставление обстоятельственных и объектных значений: дательно-винительный (направительный), местный, исходный, творительный, лишительный, причинно-целевой падежи [Андреев 2000, 37-140].

Вышеизложенную двойственную природу падежей другой ученик С.Н. Иванова Н.М. Артемьев на материале долганского языка излагает следующим образом: «Функционально-семантическое содержание долганских падежей довольно ясно показывает их двойственную природу. Каждый падеж может выражать семантико-синтаксические отношения. Неправомерно разделение падежей на грамматические и пространственные. Так называемые грамматические падежи могут быть охарактеризованы со стороны их семантического признака, а пространственные – со стороны их объектных значений. Содержание каждого падежа двойственно в том плане, что он одновременно входит в две группы падежей по семантическим и синтаксическим признакам. Две группы падежей («объектная группа падежей»: основной, винительный, частный и «обстоятельственный ряд падежей»: дательный, исходный, орудный), по наиболее заметному их признаку семантически

соотнесенные, по ряду своих других значений и функций выходят за рамки этих групп и соотносятся с другими падежами по другой линии. Сводимый к одному общему значению ряд значений и функций каждого падежа является основной для противопоставления внутри своей группы, а его проявления, выходящие за предел этой сводимости является основой для их корреляции в рамках всей системы» [Артемьев 1999, 130].

На основе функционального подхода В.Г. Гузев выделяет семь падежных форм: родительный, винительный, дательный, исходный, местный падежи, экватив, инструментальный падеж, которые имеют «разные, но родственные, однородные значения: в каждом из них отражен и закреплен тот или иной характер отношений предметов с другими предметами, действиями, событиями» [Гузев 1987, 133]. В.Г. Гузев и Д.М. Насилов вслед за В.М. Жирмунским [Жирмунский 1963], в тюркских языках не признают наличие основной формы имени, членом парадигмы, объясняя это тем, что «предмет, становясь содержанием субъекта, скорее предстает вне связей, а имя, обозначающее субъект, выступает в своей «назывной форме»» [см. Жирмунский 1963, 20; Гузев, Насилов 1981, 30].

Вслед за Р. Якобсоном [см. Jacobson 1936, 240-287] Э.Р. Тенишев предложил для саларского языка свою систему падежей из шести форм, основанную на трех-двузначных признаках: 1) корреляция направленности – ненаправленности: дательный и исходный падежи – родительный, винительный, местный падежи; 2) корреляция объемности – необъемности: родительный, винительный, исходный падежи – дательный, местный падежи; 3) корреляция принадлежности – непринадлежности: родительный, дательный падежи – винительный, местный, исходный падежи [Тенишев 1969, 43]. Однако, как заметил О.П. Суник «вне системы остался по-разному называемый именительный падеж, а многие косвенные падежи оказались по необходимости в нескольких из перечисленных групп» [Суник 1982, 152].

Р.Ф. Зарипов предложил пять семантических групп башкирских падежей: падежи субъекта (основной и звательный падежи); падежи прямого объекта (определенный винительный и неопределенный винительный падежи); падежи, выражающие отношение принадлежности (определенный притяжательный, неопределенный притяжательный, притяжательный отношения, обладательный, лишительный падежи); падежи, выражающие пространственные отношения (направитель-

ный I, направительный II, предельный, местно-временной I, местно-временной II, местно-временные отношения, исходный I, исходный II); падежи, выражающие сравнительно-уподобительные отношения (уподобительный I, уподобительный II (образа действия)) [Зарипов 1971, 11-12].

Работа И.П. Винокурова «Синонимия падежных конструкций в якутском языке» позволила ему после тщательного исследования материала сделать вывод, что «традиционное деление падежей в тюркских языках на грамматические и пространственные не подтверждается материалами настоящего исследования и, по крайней мере, неприемлемо для якутского языка, так как большинство падежей может выражать как объектные, так и обстоятельственные отношения и одновременно иметь синонимические связи в этих видах отношений» [Винокуров 1971, 20].

При описании системы падежей и их значений в башкирском языке Н.Г. Вильданова придерживается концепции первичных и вторичных функций Е. Куриловича, считая, что эта система падежных функций, где в каждой из которых падеж может иметь несколько значений, подходит для описания падежей тюркских языков [Вильданова 1983, 9]. По мнению Н.Г. Вильдановой, описания синтаксической функции и частных и общих значений падежей в тюркских языках может избавить от далеко не правомерного утверждения «о функциональной неопределенности многих падежей, в частности, о возможности использования в значении каждого из них именительного падежа [Щербак 1977, 70]» [Вильданова 1983,12]. На основе принципа «разового вхождения» Ч. Филлмора Н.Г. Вильданова считает, что можно найти объяснение функционированию некоторых падежей с нулевым аффиксом, которые в тюркологии считаются «основным падежом, выражающим прямое дополнение» при условии неопределенности [Вильданова 1983, 13]. Для выявления падежных значений она предложила: «форму, семантику и синтаксическую функцию, предопределив, что падеж – это выражение отношения слова, входящего в парадигматический ряд, и носитель определенной формы, имеющей свою семантику, в той или иной позиции» [Вильданова 1983, 16].

М.И. Черемисина, изучая предикативное склонение в алтайских языках, выделяет следующие функции, выполняемые падежами: субъектно-объектные (выражение отношения участников действия к

действию, а через действие друг к другу) и обстоятельственные [Черемисина 1981, 140].

Начало научному исследованию тувинских падежей положили выдающие ученые-тюркологи В.В. Радлов и Н.Ф. Катанов. Н.Ф. Катанов в своем известном труде «Опыт исследования урянхайского языка...» [Катанов 1903] представил первую научную грамматику тувинского языка. Н.Ф. Катанов в разделе «Употребление слов склоняемых» выделяет следующие падежи тувинского языка: именительный, звательный, родительный, дательный, винительный, местный и исходный. Однако в его классификации нет направительного падежа [Катанов 1903].

Последующими исследователями тувинского языка являются Ф.Г. Исхаков и А.А. Пальмбах., которые выделяют семь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, местный, исходный и направительный [Исхаков, Пальмбах 1961].

Вслед за авторами «Грамматики тувинского языка», Ш.Ч. Сат и Е.Б. Салзынмаа также рассматривают эти же падежи [Сат, Салзынмаа 1980, 107-119].

Как видно, первые грамматики тувинского языка под влиянием русской грамматики были включены названия падежей, соотносимые с русскими падежами. Здесь не отмечается специфика падежной системы тувинского языка. Известно, что термин «именительный падеж» не подходит для первого падежа тюркских языков, в том числе и тувинского языка. Термин «адаарының падежи» является тувинской калькой термина «именительный падеж». И, в соответствии с укоренившейся традицией в лингвистике, не затрагивая школьную терминологию, мы считаем необходимым называть первый падеж тувинского языка как «основной падеж», то есть «дөс падеж» (в свою очередь этот термин упоминал Ш.Ч. Сат в работе «Роль служебных слов *деп, дээш* в сложноподчиненном предложении тувинского языка» [Сат 1981, 110]).

Из современных исследователей тувинского языка падежи изучила Хертек А.Б. Ее работа посвящена локальным падежам в тувинском языке в сопоставлении с хакасским языком в составе простого предложения. Ею были выявлены и детально описаны локальные, предметные и сирконстантные значения локальных падежей [Хертек 2008, 7]. В систему локальных падежей входят местный, дательный, исходный, направительный и продольный падежи [Хертек 2008, 36].

Также тувинские падежи затрагиваются при изучении послелогов и служебных имен у следующих ученых таких как Ш.Ч. Сат, Л.А. Ша-

мина, М.В. Оюн и Н.Я. Сагаан [см. Сат 1981, Шамина 1981, Оюн 1986, Сагаан 1998].

Таким образом, проведенный нами анализ показал, что разнонаправленный подход при описании категории падежа дает различные падежные теории и разное количество членов в падежной парадигме какого-либо языка. Можно выделить два принципиально различных подхода к описанию грамматических значений: 1) выделение единого, общего значения, охватывающего все функции определенной падежной формы; 2) определение основного значения (или несколько основных), охватывающего центральные функции определенной падежной формы.

Литература

1. *Андреев В.А.* Очерки по функциональной грамматике чувашского языка: категория склонения имени существительного. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. 168 с.
2. *Артемьев М.А.* Категория падежа: системный анализ (на материале долганского и якутского языков): Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 1999. 142 с.
3. *Винокуров И.П.* Синонимика падежных конструкций в якутском языке. АКД. – Якутск, 1971. 20 с.
4. *Вильданова Н.Г.* К теории падежей и падежных значений. – Уфа, 1983. 24 с.
5. *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: имя. - Л., 1987. 142 с.
6. *Гузев В.Г., Насилов Д.М.* Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология 1981. - № 3. – с.22-35.
7. *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. – М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962. 608 с.
8. *Жирмунский В.М.* О границах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр.отд-ние, 1963. 219 с.
9. *Закиев М.* К вопросу о категории падежа в тюркских языках. // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. - Казань, 1964. 282 с.
10. *Зарипов Р.Ф.* Категория падежа в башкирском языке. Автореф. дисс…канд. филол. наук. - Уфа, 1971. 23 с.
11. *Иванов С.Н.* Курс турецкой грамматики. ч.1. Грамматические категории имени существительного: учебн. пособие. - Л.: Изд-во ленингр. ун-та, 1975. 99с.
12. *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. - М.: Изд-во вост.лит-ры, 1961. 472 с.
13. *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903. 488 с.
14. *Николина Е.В., Озонова А.А.* Падежная система чалканского диалекта // Языки коренных народов Сибири. Вып. 17. Новосибирск, 2005.
15. *Оюн М.В.* Семантика тувинских сложных определительных конструкций со служебным словом *дүзүнүңдө*. // Синтаксическая и лексическая семантика. На материале языков разных систем. Новосибирск, 1986. С.98-104.
16. *Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

17. *Сагаан Н.Я.* Пространственные служебные имена в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып.4. – Новосибирск, 1998. С. 102-116.
18. *Сат Ш.Ч., Салгынмаа Е.Б.* Амгы тыва литературлуг дыл. - Кызыл, 1980. 258 с.
19. *Сат Ш.Ч.* Роль служебных слов деп, дээш в сложноподчиненном предложении тувинского языка // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. - Новосибирск,1981. 171 с.
20. *Суник О.П.* Существительное в тунгсо-маньчжурских языках в сравнении с другими алтайскими языками. – Л.: Наука, 1982. 247 с.
21. *Тенишев Э.Р.* Строй саларского языка. Автореф. дисс...док. филол. наук / АН СССР Ин-т языкознания. – М.,1969. 104 с.
22. *Черемисина М.А.* Предикативное склонение как база зависимой предикации в алтайских языках // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. - Новосибирск, 1981. С.14-32.
23. *Хертек А.Б.* Значения локальных падежей в тувинском и хакасском языках – Дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Новосибирск, 2008.
24. *Шамина Л.А.* Служебные имена в тувинском языке // Морфология в сибирских языках. – Новосибирск, 1981. С. 15-25.
25. *Щербак А.М.* К характеристике системы тюркских падежей в плане содержания // Советская тюркология. – 1972. - №4. – С. 3-11.
26. *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: имя. - Л.: Изд-во «Наука», 1977. – 191 с.
27. *Jakobson R.* Beitrag zur allgemeinen kasuslehere. // Traraux du cercle Linguistique de Prague. Prague, 1936. V.6.

КОДЕКС УЧЕНОГО: ОТ ФРАГМЕНТАРНОЙ МОРАЛИ К ЦЕЛОСТНОЙ ЛИЧНОСТИ
CODE OF THE SCIENTIST: FROM FRAGMENTARY MORALITY TO INTEGRATED PERSONALITY

Черепанова Мария Владимировна
Cherepanova Maria Vladimirovna
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
National Research Tomsk Polytechnic University
Nadir87@inbox.ru

Разработка системы этических норм современного научного сообщества является одной из главных предпосылок его успешного развития. Значимость этой задачи обусловлена, во-первых, необходимостью определения основ самоорганизации, а во-вторых, важностью регуляции динамических отношений, существующих между наукой, как постоянной социальной деятельностью, создающей культурные и цивилизационные продукты, и обществом. В этом процессе ключевая роль, наряду с формированием контролирующих экспертных организа-

ций, отводится созданию этического кодекса – свода предписываемых к исполнению нравственных принципов, ценностей и норм, не подкрепленного репрессивным аппаратом, но обеспечивающего полное, обобщенное и системное регулирование внутренних и внешних отношений конкретной социальной группы. Проработанная система поведенческих координат призвана сориентировать ученого в современном мультикультурном и мультиморальном мире. И хотя отдельный документ не может включать абсолютно все моральные установки (априори это «лишь дробь абсолютного совершенства, подмена целостного идеала частичным» [1. С. 85]), цель этого регулятивного механизма вполне ясна: она заключается в поддержании определенной социальной структуры.

Предмет рассмотрения данной статьи – роль этического кодекса ученого в формировании целостной личности в условиях (пост)современности. Исследовательская проблема заключена в ряде противоречий, возникающих между фрагментарностью морали и моделью целостной личности, составляющей основу современных междисциплинарных исследований; и с другой стороны, в расхождении между неустойчивым характером новой социальности и жесткой нормативностью кодекса. Анализ означенной проблематики дополнительно осложняется трансформацией самого научного этоса, изменением его роли и места культуре. Вследствие этого цель работы состоит не в доскональном разборе каждого аспекта столь многогранного феномена (в рамках отдельно взятой статьи это не представляется возможным), но в рассмотрении особенностей механизма реализации этического кодекса ученого в рамках «текучей современности». В качестве методологии исследования выступит системный подход, представленный моделью коммуникации Н. Лумана и дополненный принципами социоэпистемологии.

Исходная точка рассуждений – постулирование фрагментарного характера социальной действительности эпохи постмодерна. Время, в котором мы живем, можно сравнить с лабиринтом отражений, в зеркалах которого пересекаются видения прошлого и отблески живущих ныне культур. На одном поле здесь встречаются воскресшие мифологические боги, высокий дух и мистика Средневековья и обновленная рациональность эпохи «модернити». Сплав этих традиций в сочетании с постоянными попытками их полного отрицания рождает загадочных

химер современности, нареченных новыми патриархами философии симулякрами. Это лишь традиционная видимость, наполненная новым смыслом или вовсе лишенная оного, но именно она наполняет иллюзорную же канву сегодняшней жизни. Неискушенному обывателю порой с трудом удается различить артефакт классической культуры от «новодела». Последние часто бывают достаточно убедительны, и вполне «каноничны» по своему исполнению, но суть их совершенно иная. На этом фоне потеряли актуальность рассуждения о примате общественных установок над личностными. Отныне аллотропные модификации социальных структур не способны подменить собой свободу самовыражения.

Впервые за долгое время индивид получил возможность своими руками сотворить идентичность (понятие, родившееся вместе со «смертью» сообщества), небрежно отмахнувшись от социальных норм, религиозных догматов и семейных устоев. Круговорот образов и суждений, возникших на обломках рационально организованной модернистской культуры, призван стать строительным материалом: редукция к предельно элементарным основаниям становится истоком новой структуры личности. Но будет ли эта личность целостной в исходном, классическом понимании термина? Возникнет ли вновь иерархичная структура, стержнем которой будет рациональность научного типа? Один из видных теоретиков постмодернизма З. Бауман отвечает на этот вопрос отрицательно: «Мы больше не верим в миф существования фрагментов, которые, подобно частям старинной статуи, просто ждут, когда найдут последний, чтобы их можно было склеить вместе для создания единого целого, которое идентично первоначальному целому. Мы больше не верим в некогда существовавшую изначальную цельность или в конечную цельность, ожидающую нас в будущем» [2. С. 28].

Таким образом, на новом этапе происходит формирование иного представления о целостности. Природа бинарных оппозиций утратила свою правомерность и ценностно-ориентирующие функции. Отныне целостность «предполагает снятие дуалистического противопоставления духа и материи, материи и сознания, мозга и сознания, субъекта и объекта. Часть вбирает в себя творческий потенциал целого: субъект творит собственное окружение» [3. С. 64]. Но одновременно процесс коммуникации, в который вовлечен индивид, оказывает существенное влияние на его самосозидание. «Здесь сложность структуры «Я» ... вы-

текает из столь же сложного и столь же разветвляющегося процесса коммуникации. Другими словами, социальные процессы определяют структуру «Я», которое уже не может рассматриваться как целостная инстанция, отвечающая за социальные процессы, т.е. как причина и источник решений, запуска коммуникаций, высказываний». [4. С. 331]. Таким образом, ключевым понятием для понимания целостной личности в современности выступает коммуникация.

Тождество Я рассматривается в контексте взаимодействия индивида и его «референтной группы», ближайшего социального окружения, осуществляющегося как обмен символами и смыслами, формирующий индивидуальное поведение и отношение к нему [5. С. 15]. Если обратиться к рассмотрению научного этоса, можно увидеть, что даже в рамках отдельной социальной группы унифицированная самость подвержена расколам. Базовая дихотомия означенной области научное сообщество – профанный мир, отвечающая на вопрос, должно ли рациональному субъекту «слушать Моцарта, читать стихи и иметь человеческие идеалы?», дробится в рамках самой профессиональной деятельности. Р.К. Мертон, описывая виды деятельности ученого – члена научно-академического сообщества, выделяет четыре роли: «Подобно другим статусам, статус ученого не ограничен одной-единственной ролью, но в той или иной мере включает ряд дополнительных ролей. Это роли основных четырех типов: исследователь, преподаватель, администратор и привратник... Роль исследователя, ответственная за рост научного знания, является центральной, а остальные функционально подчинены ей ...» [6. С. 232]. И если для отдельного человека мультиперсональность представляется допустимой, то для эффективного функционирования сообщества необходим поиск путей вторичной интеграции входящих в него индивидов. Может ли применение этической кодификации стать одним из путей решения поставленной проблемы?

Означенные тенденции дают основание ряду исследователей утверждать, что этический кодекс, как некая система универсальных рациональных принципов, способная упрочить положение человека в реальности, не соответствует новым реалиям и потому уходит в прошлое. «Социальные отношения ограничиваются обменом. В этом процессе утрачивается этический (моральный) аспект человеческих отношений и обретает реальность самый широкий спектр человеческих отношений, лишенных моральной значимости; правилом становится поведение, свободное от моральных оценок» [2. С. 80]. В противополож-

ность этому, складывается оригинальная доктрина, согласно которой источником упорядоченности на новом этапе является не рациональная интеграция, а именно продолжающаяся коммуникация – механизм, содействующий формированию социальности. И, следовательно, можно говорить о том, что сегодня базовой характеристикой, составляющей сущностное ядро культуры и этического кодекса нового типа, становится коммуникативность.

Коммуникативность представляет собой принцип организации поведения и деятельности индивида в условиях социальности, устроенной десубстанциально, то есть без базовых основ, скрепляющих ее в единую устойчивую структуру [7. С. 93]. Онтологизация коммуникации означает, что «коммуникация приобретает статус социальной реальности, позволяя осуществлять любые типы социальных отношений и воспроизводить (или формулировать) правила, по которым эти отношения строятся, интерпретируются, оцениваются» [8. С. 194]. Социальная система изменяет свою прежнюю жесткую иерархическую природу на сетевую, лишенную смыслового центра и склонную к дальнейшим модификациям. Кроме того, трансформации приводят к постепенному превращению общества из подчиненного объекта в субъект нормативно-ценностной самоорганизации. Каким же образом в столь непривычной ситуации реализуется механизм этической регуляции? Для ответа на этот вопрос обратимся к теории Н. Лумана, одной из наиболее убедительных моделей коммуникации, интерпретируемой в рамках теории систем.

Согласно данной концепции, отказ от стратификационистского подхода и складывание функциональной дифференциации современного общества привели к выделению в нем ряда автономных социальных систем. Подобные системы возникают лишь там, где имеет место автопойетическая связь коммуникаций, замкнутая в свойственных только ей взаимодействиях от внешнего пространства. Ключевым свойством системы выступает самореферентность – способность постоянно самоопределять отношение к самой себе и дифференцировать его от отношений к окружающему миру, а также перманентно селектировать свои внутренние связи и элементы. Наука также является самонаблюдающейся системой. Но эта система дополнительно осложнена тем, что она должна не просто самоопределяться, но и позиционировать себя в рамках описываемого ей же общества: «самоописание науки есть

описание описания описания, и так бесконечно». Научная рефлексия и анализ, а вместе с ними ученый-наблюдатель оказывается перед парадоксом, смысловым коллапсом, ибо с одной стороны, они должны действовать согласно определенным регулятивам, а с другой фиксируют их как свои объекты, как доступные анализу разложимые и контингентные реалии» [9. С. 243]. Важнейшую роль в процессе выстраивания подобных комплексных систем, по мнению Н. Лумана, играют обладающие свойствами кода структуры. Причина их эффективности заключена в избирательном характере кодов, а именно в особой комбинации универсализма и спецификации. Относительно независимо от распределения элементов во внешнем для системы мире код способен устанавливать для каждого элемента этой системы свой точно соответствующий данному элементу комплементарный фактор [9. С. 224].

Таким образом, в рамках новой самоорганизующейся социальной природы этическому кодексу уготована роль своеобразного аттрактора, символизирующего идеальное конечное состояние, к которому стремится система в своем развитии [10]. Акценты его реализации несколько смещаются: он обращается из способа регуляции (предполагающей нарративную жесткость) в источник самоорганизации. В сложных системах «ценности и институты не просто определяются какими-то прошлыми состояниями, но формируются как составная часть процесса бессознательной самоорганизации» [11. С. 47]. Иначе говоря, в условиях зыбкой действительности, этический кодекс – не предпосылка коммуникации, а ее результат. Одновременно на него возложена рефлексивная функция, позволяющая проецировать цели системы на поведение каждого индивида, формировать единое поле мировосприятия, что выступает одним из показателей ее высокого коммуникативного онтологического статуса. В итоге коммуникация приобретает завершенный характер, что свидетельствует о сохранении фундирующей функции этического кодекса.

Итак, этическая кодификация представляет собой регулятивный механизм, обеспечивающий поддержание стабильной социальной структуры. Актуализация феномена обусловлена необходимостью выработки устойчивых ориентиров в рамках неустойчивой социальной реальности. Вместе с тем сам этический кодекс трансформируется в соответствии с новой обстановкой: коммуникативность, лежащая в его основании, знаменует отказ от властной иерархичности в пользу прин-

ципа рефлексивной самоорганизации. При этом структура замыкается, образуя сетевой каркас новой онтологии социальности. В данной связи необходимым инструментом при рассмотрении современных этических кодексов выступает системный подход: он демонстрирует их функциональные особенности и условия реализации глубинного коммуникативного потенциала, позволяя избежать косности и симулятивности в процессе разработки и практического внедрения.

Более того, с точки зрения системного подхода, этический кодекс выступает предпосылкой формирования целостной личности. Это связано с тем, что самоидентификация в новых условиях сопряжена, с одной стороны, с опорой на уже существующие культурные образцы, с другой – на трансформацию наличных смысловых структур. Процессы пересекаются в коммуникативном пространстве, в результате чего формируется новый социальный субъект (при этом и понимание социальности, и интерпретация субъективности также подвергаются пересмотру), а этический кодекс становится источником новых ценностей, формирующихся в ходе поиска индивидом собственной идентичности.

Литература

1. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра. М., 1991. 368 с.
2. *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008. 240 с.
3. *Герасимова И.А.* Проблема целостности // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXIII. № 1. С. 64–66.
4. *Антоновский А.Ю.* Социоэпистемология: о пространственно-временных и личностных измерениях общества. М., 2011. 400 с.
5. *Порус В.Н.* Тождество Я в философско-методологическом и психологическом измерениях // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXII. №2. С. 5–15.
6. *Петров М.К.* Образы науки и ученого в общественном сознании // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. XIII. №3. С. 222–238.
7. *Петрова Г.И.* Открытое образовательное пространство в контексте коммуникативной рациональности: Методологические подходы к практике управленческой деятельности в образовании. Томск, 2008. 136 с.
8. *Иконникова Н.К.* Социальная коммуникация: понятие, символическое содержание. Личность. Культура. Общество. Междисциплинарный научно-практический журнал социальных и гуманитарных наук. 2001. Т. 3. Вып. 3 (9). С. 193–208.
9. *Луман Н.* Власть. М., 2001. 256 с.
10. *Лебедев С.А.* Философский глоссарий // Национальная философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://terme.ru/dictionary/190
11. *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. М., 1992. 303 с.

АНАЛИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О СВЯЗЯХ В РАБОТАХ А.А. ЗИНОВЬЕВА
THE ANALYSIS OF STATEMENTS ABOUT COMMUNICATIONS IN WORKS OF ZINOVYEV A.A.

Филипповский Виталий Александрович
Philippovskiy Vitaliy Aleksandrovich
Национальный исследовательский Самарский государственный аэрокосмический университет
National Research Samara State Space University
v.filippowskiⓐgavagai.ru

Понятие связи кажется интуитивно ясным, особенно если мыслить его конкретными примерами, как, скажем, связью причины и её следствий, или образом двух объектов, скреплённых стержнем. В этом интуитивном смысле оно употреблялось в бэконовско-миллевской логической традиции и не вызывало особых возражений. Но во второй половине 20-го века оказалось, что это интуитивное понятие неудовлетворительно, поскольку происходит постоянное смешение структурных связей объектов, с одной стороны, с формальными связками логического следования («если … то») в рассуждениях, а с другой – с отношениями. В последнем случае категории «отношения» и «связи» понимаются субординатно: первое рассматривается как родовое понятие второго, а интуитивно угадываемые различия между ними считаются лежащими за пределами логики. Примером такого понимания является следующее определение: связь – отношение ограничения свободы движения некоторых объектов.

Реальные попытки логического разделения «отношения» и «связи» начались во второй половине 20-го века. Но эти попытки, с одной стороны, так и не дали действительно существенных теоретических результатов, а с другой, даже если бы они были успешными, всё равно не могли привести к выделению *общего* понятия о связях, так как с самого начала были направлены на частные случаи.

Первая фундаментальная попытка выделить общие критерии для различения *знаний об отношениях* и *знаний о связях* и соответственно самих отношений и связей была предпринята в 1955-1960 годах советским логиком А.А.Зиновьевым.

Зиновьев вводит широкий набор категорий исчисления высказываний о связях, который разделяется на две группы. В первую группу

входят категории: предмет, объект, ситуация, набор. Во вторую: высказывание и знание.

Объект – предмет, имеющий (не имеющий) признак. Объект обозначается (*Pa*) или (–*Pa*) соответственно. Любые объекты можно представлять как объекты с различными предметами. Например, приняв (*Pa*) за предмет *c*, а (*Qa*) – за предмет *d*, можно свести объекты с одинаковым предметом к объектам с разными предметами: (*Rc*) и (*Rd*), где *R* представляет признак уже не предмета, а объекта (например, признак существования объекта).

Ситуация – непустое множество объектов, в котором исключается совместное наличие (*Pa*) и (–*Pa*). Ситуации Зиновьев изображает, соединяя знаки объектов знаком «·». Две ситуации различны, если в одной из них содержится, по крайней мере, один такой (*Pa*), что в другой содержится (–*Pa*). Такое различие ситуаций можно интерпретировать как изменение состояния предметов во времени и/или различие состояний однородных предметов в пространстве.

Набор – непустое множество различных ситуаций. Наборы Зиновьев изображает, соединяя знаки ситуаций знаком «:».

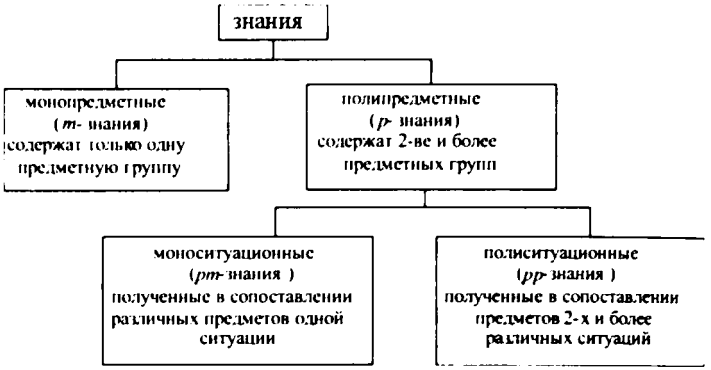
Высказывание – соединение воспринимаемых знаков, состоящее из двух частей: 1) предметная группа – часть знаков высказывания, обозначающая предметы, и 2) признаковая группа – часть знаков высказывания, обозначающая признаки предметов, или то, что остаётся в высказывании при замене предметных групп понятием «предмет» с порядковыми числами (индексами). Для того чтобы показать, что речь идёт именно о предметных (признаковых) группах или о высказываниях, а не о предметах, признаках, или объектах, Зиновьев берёт знаки последних в кавычки: “ и ”.

Знание – непустое множество высказываний, рассматриваемое как одно высказывание, т. е. понятие «знание» обобщает понятие «высказывание». Из какого бы числа высказываний знание не состояло, его всегда можно представить в форме “*Pa*”, где *a* – предметная группа знания (высказывания), а *P* – признаковая. Таким образом, “*Pa*” – простейшее выражение всякого знания.

Эквивалентность знаний определяется следующим образом: два знания эквивалентны т. т. т., когда тождественны фиксируемые ими наборы.

Знания о связях – определённый класс знаний. Для его введения Зиновьев проводит классификацию типов знаний по форме записей этих

знаний. В основании этой классификации лежат формальные признаки высказываний о знаниях (количество предметных групп, количество ситуаций в наборе).

Моноситуационные знания.

Чтобы получить знание такого типа, необходимо в некоторой ситуации выбрать объекты, допустим "Qa" и "Rc". Последующий процесс заключается в том, что "a" и "c" включаются в одно знание, а "Q" и "R" по определённым правилам преобразуется в "P". Эта переработка совершается безотносительно к ситуации, как действие с особого рода предметами – знаками.

Полиситуационные знания.

При получении их сопоставление принимает полиситуационный характер: сопоставляются предметы 2-х и более различных ситуаций, то есть сопоставляются различные предметы в различных ситуациях. В простейшем случае набор различных ситуаций можно представить схемой:

	1	2
I	$((xQa)\cdot$	$(xRc)):$
II	$:((xQa)\cdot$	$(xRc)),$

(1)

где x означает наличие или отсутствие отрицания, и, по крайней мере, для одного из Q и R смысл x в различных ситуациях различен.

Исходные знания, из которых получается *pp*-знание можно представить схемой:

	1	2
I	("xQa" ·	"xRc") :
II	: ("xQa" ·	"xRc")

(2)

Сопоставление может идти двумя путями: в рядах I и II и рядах 1 и 2. Но различие этих путей не влияет на тот факт, что совершается двойное сопоставление (горизонтальное и вертикальное).

Знания о связях – знания, фиксирующие наборы, по крайней мере, из двух различных ситуаций, каждая из которых содержит, по крайней мере, по два объекта (то есть *pp*-знания), но требуется ещё дополнительное условие, чтобы *pp*-знания превратились в знания о связях. Это дополнительное условие состоит в следующем. Наборы этих знаний упорядочены особого рода аксиомами, позволяющими делать выводы от существования частичных наборов, входящих в них, к существованию других частичных наборов, точно также входящих в них. Посредством определений значимости знаний через существование наборов из этих аксиом выводятся логические свойства знаний.

Можно предложить следующее развитие этой классификации. Зиновьев останавливается на знании, которое состоит из единственного набора. Можно предположить, что существует знание, сопоставляющее несколько наборов, и, таким образом, ввести разделение *pp*-знания на мононаборные (*ppm*-знания) и полинаборные (*ppp*-знания).

Функтор	Тип знания			
Экземплификация	*m*-знание	*p*-знание		
"."		*pm*-знание	*pp*-знание	
":"			*ppm*-знание	*ppp*-знание
Количество знания	2	2^n	2^{n^m}	$2^{n^{m^k}}$

Под количеством знания можно понимать количество всех возможных форм высказываний данного типа знания. Для монопредметного

знания (*m*-знание), как было сказано выше, таких форм две: "*Pa*" и "*–Pa*". Показатели степеней в строке количеств знаний означают: *n* – количество предметных групп, *m* – количество ситуаций в наборе, наконец, *k* – количество наборов.

Зиновьев отмечает, что если зафиксировать знание о связи в высказываниях с использованием способов выражений, принятых в естественных языках, то оно зафиксируется принципиально *неполно*. В одном случае строение *pp*-знаний явно обнаруживается лишь со стороны их расчленения по фиксируемым объектам. Например, в знании "Если (*Qa*), то (*Rc*)", прежде всего, обнаруживается расчленение на "*Qa*" и "*Rc*", а тот факт, что слова «если ... то» сокращённо фиксируют вторую ситуацию, допустим (*–Qa*) · (*–Rc*), остаётся в тени. С другой – обнаруживается расчленение знания лишь по фиксируемым ситуациям, например: "В ситуации I имеет место (*Qa*) и (*Rc*), а в ситуации II – (*–Qa*) и (*–Rc*)". В последнем знании скрыт тот факт, что оно может быть представлено как соединение знания о *a* и знания о *c*.

Для исправления этой неполноты Зиновьев вводит изображения наборов, лежащих в основании знаний о связях, в виде таблиц и даёт алгоритм записи наборов исходя из уже имеющейся таблицы в виде специальных *высказываний о связях*.

Наборы изображаются в виде таблиц обычного типа с пронумерованными столбцами. Строки таблицы после заполнения их знаками «+» и «–» изображают ситуации. Отношение этих знаков в таблице тождественно отношению присутствия и отсутствия объектов, О и (– О) соответственно.

Набор 1 2 при допущении, что в обеих строках таблицы для прочих объектов стоят одинаковые знаки, записывается (2/1), а фиксирующее его высказывание – "2/1". Знаки, стоящие справа и слева от знака «/» называются первыми и вторыми по порядку соответственно.
+ +
– –

Набор 1 2 при том же допущении записывается (2/1–), а фиксирующее его высказывание – "2/1–". Постфикс «–» означает модальное отрицание.
+ +
– +

"2/1" и "2/1–" представляют собой *элементарные* высказывания о связях. Они фиксируют связи, представленные наборами с числом первых по порядку объектов равным одному.

Элементарные высказывания о связях строятся по набору из двух ситуаций, каждая из которых содержит по два объекта. Каждый объект из одной ситуации в другую может претерпевать или не претерпевать изменений. Случай, когда он остаётся прежним, разбивается на два подслучая: объект был в одной ситуации набора («+») и остался быть во второй («+»), или объекта не было в одной («–») и в другой он не появился («–»). Второй случай, когда объект изменяется, также разбивается на два подслучая: в одной объект присутствует («+») а в другой отсутствует («–»), и наоборот. Таким образом, в случае сопоставления двух ситуаций для каждого объекта этих ситуаций имеется четыре (2^2) варианта их сопоставления. Так как элементарные высказывания – двухпредметные, имеем $2^2 \times 2^2$ или $2^4 = 16$ комбинаций, и, следовательно, столько же форм элементраных высказываний. Исключая 4 запрещённые формы (для двух одинаковых ситуаций в наборе, что не является набором по определению), а также убирая двойственные (согласно допущению: порядок ситуаций набора допускается безразличным), имеем пять, а не две формы элементарных высказываний о связях: 1) "2/"; 2) "2/1"; 3) "2/1–"; 4) "–2/1–"; 5) "*x*2/1*y*" (последняя означает или "–2/1", или "2/1–"). Первая форма ("2/") является результатом записи каждого набора из двух пар двойственных наборов, которые (пары), однако, не двойственны друг по отношению к другу. Но так как они имеют общую форму высказывания, мы законно объединяем их в одну форму высказываний о связях.

Сложные высказывания о связях, с одной стороны, могут иметь вид элементарного высказывания, однако с числом первых по порядку объектов более одного (образуются с использованием знака «·»), а с другой, могут объединять несколько элементарных знаний и, таким образом, состоят из элементарных (образуются с использованием знака «:»).

Для первого случая сложных высказываний о связях (то есть построенных по набору с числом первых по порядку объектов более одного) Зиновьев формулирует следующий алгоритм их записи.

1) Выбрать ситуацию (строку в таблице набора) со всеми «+» или построить такую ситуацию, применяя правило преобразования наборов.

3	4	5	2
-	+	+	-
+	-	+	+
-	-	-	+
-	-	+	-

Пусть дан набор, который изображён слева. Возьмём в качестве исходной первую ситуацию. По правилу преобразования наборов этот набор тождественен набору справа

(- 3)	4	5	(- 2)
+	+	+	+
-	-	+	-
+	-	-	-
+	-	+	+

2) Исходную ситуацию сопоставляем с какой-либо другой ситуацией набора. Выбираем все объекты из числа первых по порядку, у которых в последней (то есть в ситуации, сопоставляемой с исходной) стоит «–», и только эти объекты. Записываем знаки этих объектов в правой части знания, разделяя разграничивающими знаками (запятыми «,»), если это требуется. Ставим или не ставим знак модального отрицания справа от сочетания объектов. Выделяем полученную комбинацию знаков посредством скобок «(» и «)». Остальные объекты в данном сопоставлении (со знаком «+») оставляем без внимания, т. к. ситуация для них не меняется, и они попадут (согласно допущению) в число постоянных условий. Продолжим начатый пример, сопоставим вторую строку с исходной. Получим: "(–2)/(–3,4)".

3) Выполняем п. 2 для всех оставшихся ситуаций. Записываем результаты в правой части знания подряд, в любом порядке, соединяя их знаком «·». Продолжим начатый пример, сопоставим остальные ситуации с исходной. В результате имеем: "(–2)/(–3,4) · (4,5) · (4–)". На этом построение сложных высказываний о связях заканчивается.

Модальные знаки сочетаний правой части знания (вторых по порядку объектов) определяются: 1) для знаков типа J – следуя специальной аксиоме и ряду её следствий, 2) для остальных знаков правой части – следуя следующему алгоритму.

1) Выбрать пары сочетаний, которые с т. зр. содержащихся в них объектов различаются только тем, что одно сочетание пары содержит отрицаемый J, а другие нет. Если для какого-нибудь сочетания не находится парное, вписываем его с знаком «*n*».

2) К каждой такой паре применить следующие положения:

a. Пусть M и H – сочетания, из которых одно содержит J, а другое нет, и которые по остальным объектам не различаются.

b. Обозначим через «α» и «β» модальные знаки соответственно M и H.

c. Наличие M и H в знании означает, что в наборе имеются две ситуации (в таблице – две строки), различающиеся лишь существованием J (в одной строке таблицы в графе J стоит «+», в другой «–», остальные знаки одинаковы):

сочетания первых по порядку	их модальные знаки	правая часть знания (первые по порядку)			левая часть знания (второй по порядку)
		…	J	…	O
…	…	…			…
M	α	…	+	…	
H	β	…	–	…	
…	…	…			…

d. После отрицания J знаки в графе J в этих строках (как и в прочих) меняются на противоположные:

J	…	O	=	…	(–J)	…	O
	…	…			…		…
… +	…			…	–	…	
… –	…			…	+	…	
	…	…			…		…

e. M и H меняются модальными знаками:

сочетания первых по порядку	их модальные знаки	правая часть знания (первые по порядку)			левая часть знания (второй по порядку)
		…	(–J)	…	O
…	…	…			…
M	β	…	–	…	
H	α	…	+	…	
…	…	…			…

f. Если при этом происходит отрицание O, то модальные знаки M и H должны быть заменены их отрицаниями. Если O не отрицается, дело ограничивается лишь перестановкой их. На этом алгоритм заканчивается.

Таким образом, сложные высказывания строятся из элементарных высказываний с применением знаков «·», «:» и «/», а класс всех правильно построенных формул (ППФ) исчисления может быть введён следующим фундаментальным индуктивным определением:

1. Всякое элементарное высказывание о связях есть формула.
2. $\dfrac{A, B \text{ – формулы, } \bullet \text{ – один из знаков «Ч, «с», «/»}}{A \bullet B}$
3. Ничто другое формулой не считается.

Литература:

1. *Зиновьев А.А.* Логическая физика [Текст] / А. А. Зиновьев. – М.: Изд-во «Наука», 1972. – 192 с.

2. *Зиновьев А.А.* Логическое строение знаний о связях [Текст] / А. А. Зиновьев // Логические исследования [Текст]: Сборник статей. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 113-138.

3. *Садовский В.Н.* К вопросу о методологических принципах исследования предметов, представляющих собой системы // Проблемы методологии и логики наук. – Томск, 1962. – С. 80.

4. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды [Текст] / Г. П. Щедровицкий. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995. – 760 с.

ВОСТОЧНЫЕ ТРАДИЦИИ В ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЕ: ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

ЖИВОПИСЬ ЭПОХИ СУН. SUNG EPOCH ART

Андреенкова Дарья Андреевна
AndreenkovaDariaAndreevna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
andrea-dash@mail.ru

Эпоха Сун в контексте живописи Китая играет одну из главенствующих ролей. Произведения художников данного периода не только обогатили живопись своего времени, но и оказали огромное влияние на последующие поколения. Каждый представитель обладал индивидуальным чувством стиля и собственной интерпретацией основных канонов живописи. Именно поэтому во все времена они продолжали служить художникам примером для подражания и могли утолить эстетический голод самого ревностного ценителя искусства.

Эпоха Сунской династии (宋朝) (960-1279 гг. н.э.)делится на два периода: период Северной Сун, которая правила после периода Пяти династий и до падения ее в результате захвата чжурчжэнями севера Китая в 1127 году, и период Южной Сун со столицей Ханчжоу. Правящая династия данного периода — Чжао (趙). Основание империи положило конец раздробленности Китая, продолжавшейся со времени падения династии Тан (唐朝) в 907 году. Благодаря объединению Китая были созданы условия для дальнейшего политического, экономического и культурного формирования страны.

В сунском Китае продолжался процесс экономического развития. Увеличилось количество городов, причем они становились все больше, богаче, многолюднее. Немалых успехов достигло сельское хозяйство, включая новые агротехнические приемы, искусственно выведенные урожайные сорта зерна, культивацию индийского хлопка и многое другое. Расцвели новые виды ремесел; китайские ремесленники научились делать те изысканные вещи, которые и поныне являют собой национальную гордость страны и имеют музейную ценность, будь то знаменитый сунский фарфор, изысканные тонкие шелка, изделия из лака,

дерева, слоновой кости и т.п. Именно в сунское время были изобретены порох и компас, стало широко распространяться книгопечатание в форме ксилографии. Кроме того, эпоха Сун была величайшей эпохой живописи.

В период Сун живопись поднимается на необычайную высоту. Усиливается литературное влияние на живопись, в то время как жанровая живопись начинает играть значительно меньшую роль, чем пейзаж или «цветы и птицы». На смену грандиозным ландшафтам, патетическому строю пейзажных свитков периода Пяти династий и ранних Сунов приходит грусть, тревожность души, «отрешенное одиночество пейзажей, построенных на асимметричном уравновешивании пустой, едва тронутой кистью поверхности свитка и затерявшегося в этой безбрежности человека»[1]. Живопись эпохи Сунь характеризуется господством двух направлений: официальной живописи и живописи неофициальной, которые теоретически резко одно другому враждебные, но практически во многом весьма схожие.

Организационной базой «официальной» живописи стала Академия живописи, учрежденная в г. Кайфыне в 1104 г. Императором *ХуэйЦунем* как государственное ведомство, предназначенное для подготовки профессиональных художников. Академия строилась по принципу обычной школы и присуждала почетные степени отличившимся художникам. Император сам принимал участие в обучении студентов, определял предметы, по которым надо было сдавать экзамены, и оценивал работы, представленные на суд комиссии. Кроме того, *ХуэйЦунь* установил обязательное требованиеи для своих придворных чиновников:все они помимо своих обычных обязанностей должны были заниматься живописью, стать художниками.

Преподавание в Академии велось придворными живописцами, имевшими соответствующие звания и занимавшимися как собственно живописной практикой, так и теоретическими разработками.Дворцовые экзамены включали иллюстрацию к нескольким строкам или к одной фразе из классических философских трактатов или популярной поэзии. Таким образом, умение выразить мысль, идею в живописи становится более значительным экзаменом, чем следование натуре. Художник выражает поэтическую идею, и кисть в письме и живописи начинает рассматриваться как общий инструмент. Образовалась большая группа литераторов и художников, которые часто встречались за вином, чтобы

[1] *Завадская Е.В.* Эстетические проблемы живописи старого Китая. – М.: Восточная литература; Российская академия наук, институт востоковедения, 2005. – С.101.

обсудить судьбы живописи, каллиграфии и поэзии. Там они вместе писали свитки – этот прием получил название «совместный».

Одним из стимулов создания Академии было высвобождение искусства от ремесла. С течением времени Академия живописи стала устанавливать принципы художественного воспитания, руководить эстетическими вкусами общества, направлять теорию и практику искусства. Эстетическая теория, проповедуемая Академией, уводила от объективного наблюдения и непосредственной передачи натуры, утверждая непринужденность каллиграфии и необычайность композиции. Грация считалась более высоким эстетическим принципом, чем красота.

Ведущим представителем «академической школы» и одновременно главным ее теоретиком являлся *Го Си* (1020–1090 гг. н.э.). Он работал в технике монохромной туши с легкой подсветкой, его картины отличаются значительно большей, чем у его предшественников, свободой в передаче пространства, а также плавностью линий: изображаемые здесь горы словно вырастают из тумана, отодвигающего их на огромное расстояние от переднего плана. Сами горы несут печать «космических» пиков с причудливой формы скалами и глыбами, нависающими над пропастью. Как теоретик *Го Си* впервые обосновал необходимость для художника профессионального обучения и овладения им техническими приемами и навыками.

Неофициальное направление имело иные истоки.В период Сунь связь живописи с философией и литературой становится настолько органичной, что основной стиль живописи получает название *се и*(写义),буквально – «писать идею», «воплощать прообраз, первообраз», иначе говоря, живопись была призвана выражать философский смысл явлений; другое же название этого стиля – *вэньжэньхуа* (文人画) – буквально значит «живопись литераторов».

Стиль *вэньжэньхуа* и был основой для появления «Неофициальной» живописи, также выросшей в самостоятельную школу. Для сунской эпохи эта школа находилась на Юге страны и объединяла в себя художников, бывших уроженцами Юга или проживавших там в течение длительного времени. Организатором и идейным лидером этой школы являлся *Су Ши* (*Су Дунпо*, 1036–1101 гг. н.э.), занимавший, как и *Ван Вэй*, высокие чиновничьи посты и проявивший себя в качестве литератора, каллиграфа и философа. *Су Ши* вступил в резкую заочную по-

лемику с *Го Си* и представителями «академической школы» по вопросу профессиональной подготовки художника. Он доказывал, что профессиональное обучение превращает художника-творца в ремесленника, а профессиональные навыки только мешают его самовыражению, «ибо создание живописного произведения есть сугубо индивидуальный творческий акт, осуществляемый вне каких-либо установленных правил и технических приемов»[1]. Идеи и установки *Су Ши* нашли свое конкретное воплощение в его собственном творчестве и в творчестве его друзей и единомышленников – *Ми Фу* (Ми Фэй) (1052-1109гг. н.э.), *Ми Южэня* (1086-1165 гг. н.э.), *Вэнь Туна*(1018?-1079 гг. н.э.) и других мастеров. Наибольшей известностью из них пользуется *Ми Фу* – автор так называемой «бескостной» техники письма. Работы, выполненные в этой технике, лишены графической остроты линий. Наглядным образцом творчества *Ми Фу* и «художников-литераторов» выступает картина «Весенние горы и сосны», на которой показаны лишь несколько мягких конических серо-голубых горных вершин, выступающих из плотной пелены тумана, обволакивающих их настолько, что зритель может только догадываться об их величине и высоте по контрастным сопоставлениям с изображениями (условно очерченные деревья) первого плана.

Художников школы *вэньжэньхуа* отличал дар выражать невыразимое, представить мир, восходящий к единому началу. Они стремились приблизиться к духовному миру и образу жизни мудрецов и святых, чтобы достигнуть состояния, которое китайские эстетики описывают двумя словами: *люди*. Первое означает темноту, тишину; второе — интимное единство двух существ, которое образует одно целое. «Это выражение часто употребляют как синоним экстаза — состояния, при котором озаренный художник ощущает себя в созвучии и единстве со всем миром, с каждой его частью, с главным принципом жизни (шэнь)»[2].

Этот экстаз рождает и особое искусство, которое определяется его выражением из двух иероглифов: *шэньхуа* — то есть одаренность. Только обладание этим даром отличает истинного художника от вульгарного ремесленника. *Шэньхуа*означает буквально состояние абсолютного созвучия. Художник словно пребывает в центре вселенной, элементы которой «призывают один другого, отвечают один через другого».

---

[1] *Кравцова М.Е.* История культуры Китая. – СПб.: Лань, 2003. – С. 361.

[2] *Завадская Е.В.* Эстетические проблемы живописи старого Китая. – М.: Восточная литература; Российская академия наук, институт востоковедения, 2005. – С. 101.

Го Си. Ранняя весна. 1072г.

Го Си. Каменистая равнина
и далекий горизонт. 11в.
Гугун, Пекин. Гугун, Тайбэй.

Ми Фу «Весенние горы и сосны»
11в.Гугун, Пекин.

Вэнь Тун. Бамбук. 2я пол. 11 в.
Гугун, Тайбэй.

В сунской живописи особенно четко сказалось глубокое единство китайской живописи и каллиграфии, в отдельных жанрах границы были практически размыты. В наставлениях по живописи бамбуки, хризантем, орхидей живописные штрихи отождествлялись с восемью основными линиями каллиграфии (так называемые «восемь черт написания иероглифа юн»), а три основных порока в живописи, сформулированные теоретиком *ГоЖосюем* сводились к погрешностям в каллиграфии. При этом важно то, что эти погрешности объяснялись не столько недостаточной технической сноровкой мастера, сколько недостаточной шлифовкой собственного «я» художника. По глубокому убеждению сунских теоретиков, зло и добро спонтанно пребывают в штрихе. Именно этим объяснялась сила воздействия искусства, зовущего к добру или погружающего во зло. Школа *вэньжэньхуа* выступала против застылости канонов, приглаженности и нарочитой красивости академической живописи. И чем сильнее была оппозиция, тем, разумеется, тверже становились каноны ортодоксальности, проводимой Академией живописи.

Итогом данного соперничества стало стремление каждой из школ вырваться вперед, доказать свою наибольшую значимость и идейную ценность, что крайне положительно сказалось на темпе и уровне развития искусства в целом и живописи в частности.

Существовали также особенности, характерные для представителей обеих школ.Во-первых, собственно религиозные сюжеты сравнительно редки в сунском искусстве, создавалось все больше пейзажей, в которые были вкраплены фигурки святых. Пейзажи сунских художников полны глубокого философского смысла, они проникнуты высокой одухотворенностью, близкой к религиозному чувству.Во-вторых, все жанры живописи, в том числе и религиозная живопись, развивались под знаком литературы. Вместе с тем многих занимали в этот период метафизические проблемы.Живопись именно поэтому придавала огромное значение форме объектов, это и сообщало реалистическую направленность живописи.В то же время эта форма была пропитана идеей. Стремление выразить идею становится основой для творчества художников. При этом идея должна быть выражена в гармонии с личностью художника – это требование становится предметом эстетического осмысления и занимает умы художников, более чем в какое-либо другое время. В-третьих, Раздвоение личности, разочарование в возможностях

слова и образа, поиски новых форм выражения своего мятущегося «я» чрезвычайно характерны для художественной культуры периода Сун, особенно Южной Сун. Каллиграфия и монохромная живопись завоевывают роль абсолютной эстетической и этической вершины. Глубокое осознание себя как неповторимой личности, непосредственная связь этической цельности и художественной ценности, все это характеризует живопись сунской поры. Согласно концепции искусства *Су Дун-по, Ми Фэя, ВэньТуна* и других мастеров школы *вэньжэньхуа*, все предопределяет личность художника, которая в идеале своем должна была сочетать высокую мораль и богатство эрудиции. Чаще всего поэтому объектами изображения были не непосредственные явления видимого мира, а реминисценции – например, конь в свитках *Ли Лун-мяня* изображался в живописной и образной традиции картин *ХаньГаня*, художника периода Тан, прославившегося искусством писать лошадей. Нередко преемственность традиций, сродство со старыми мастерами осмыслялись как метампсихоз. Ми Фэй, например, объяснял особенности своей личности тем, что в него вселился дух великого *УДаоцзы*.

До эпохи Сун в эстетике живописи главным образом разрабатывались проблемы жанровой живописи, теперь же, при расцвете монохромного искусства, в первую очередь осмысляются пейзаж и живопись «цветов и птиц». «Художественное мышление сунского периода можно условно назвать «пейзажным», – справедливо пишет Н. С. Николаева в работе о крупнейшем сунском пейзажисте *Ма Юане*.

Литераторы-художники периода Сун, несмотря на манерность или вычурность, которая была в какой-то мере им присуща, были свободными умами, способными к совершенствованию. Сила воображения определила культ искусства в их миросозерцании. В присутствии прекрасной картины они замолкали и предавались размышлениям. Они находили в объекте, который открывался им, привкус бессмертия, луч, пришедший извне. Ми Фэй, который был лучшим интерпретатором живописных образов, напоминал, что живопись призвана воплощать идеи духа.

При рассмотрении живописи сунской эпохи прослеживается четкая связь китайской живописи с литературой, каллиграфией, философией, отображение духа и его роли в работах художников. Художники эпохи Сун преследовали своей целью не просто зафиксировать образ, но показать истинную сущность объекта, опираясь на свое ощущения мира

и понимание бытия.Древним художникам удалось донести до зрителя не только великолепие гор и рек, цветов и птиц, но помочь увидеть их сквозь призму своего мироощущения.Живописцысмогли слить воедино идеи буддизма, даосизма и конфуцианства, пропитать реалистичную форму мыслью и пропустить это через свое собственное «я». Именно совокупность этой глубины с реалистичностью форм оказала решающее влияние на дальнейшее стилистическое развитие китайской живописи.

Литература

1. *Васильев Л.С.* История Востока. - М.: Высш. шк., 1994. Т. 2. 495 с.
2. *Завадская Е.В.* Эстетические проблемы живописи старого Китая. – М.: Восточная литература; Российская академия наук, институт востоковедения, 2005. – 167с.
3. *Кравцова М.Е.* История культуры Китая. – СПб.: Лань, 2003. – 415с.
4. *Николаева Н.С.* Художник, поэт, философ Ма Юань и его время. - М.: 1968. – 126с.
5. *Фицджеральд С.П.* Китай. Краткая история культуры: пер. с англ. – СПб.: Евразия, 1998. – 456с.

ЛИБЕРАЛЬНОЕ ТЕЧЕНИЕ В ИСЛАМЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ОБЩЕСТВА. THE LIBERAL MOVEMENT OF ISLAM IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY MUSLIM SOCIETIES

Вовченко Виктор Игоревич, Мадяр Егор Яношевич
Vovchenko Victor Igorevich, Madyar Egor Yanoshevich
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
tovsteinshmuel@gmail.com, egor_madyar@mail.ru

Когда кто-то произносит слово «Восток», то в первую очередь на ум приходит следующий ассоциативный ряд: «Китай, Япония, Будда, Конфуций, Дао и т.п.». Таким образом, мы сталкиваемся с определённым стереотипом, укоренившимся в массовом сознании и отсылающем нас при обсуждении различных культур т.н. «Востока» в первую очередь к Дальнему Востоку, а не к Востоку Ближнему или Средней Азии, т.е. к тем историко-географическим регионам, в которых традиционно ключевую роль играет ислам. По мнению авторов настоящей статьи, в наши дни обращение к его культурному наследию не просто как никогда актуально, но необходимо по ряду причин, среди которых можно отметить усиливающуюся исламофобию в странах, где мусульмане исторически не составляют религиозное большинство, на фоне роста фундаменталистских настроений в исламском мире. Адекват-

ным ответом дискурсу неизбежного «столкновения цивилизаций» и т.п. страшилкам, на наш взгляд, не будет ни слепое повторение «мантр политкорректности» (в стиле: «Ислам – религия мира!»), основанных на верхоглядном ознакомлении с положениями традиционного ислама, ни рассуждения о «варварах», «бремени белого человека» в русле популистского мышления «Новых правых», призывающих, например, к депортации всех мусульман из Европы. Следует обратить внимание на то, что, во-первых, исламский религиозно мотивированный экстремизм и фундаментализм давно уже минули фазу теоретических выкладок и перешли в фазу активного действия, действия агрессивного и деструктивного. И в развитии подобных тенденций нельзя отрицать тот факт, что Коран позволяет воспроизводить фундаменталистскую стратегию интерпретации. Действительно, очень много мест трудно истолковать в каком-то аллегорическом ключе (всего в Коране 213 аятов, посвящённых убийству неверных, в частности чуть ли не вся 9 сура). Во-вторых, дело в том, что любая религия неизбежно меняется с течением времени и рассмотрение оной вне исторического контекста смотрится несколько несостоятельно. Бесполезно изучать современный ислам исключительно по Корану, а современное христианство – по Библии. И это несмотря на то, что оба текста до сих пор играют ключевую роль в религиозном самосознании.

В данной статье мы бы хотели попытаться обосновать возможность существования такого феномена, как «либеральный ислам» (имеющий определённое распространение, даже без соответствующей самоидентификации со стороны носителей, в ЕС, Турции, Башкирии, Татарстане, Малайзии) характеризующегося как принципиально иное мировоззрение по сравнению с традиционным или фундаменталистским исламом, что проявляется в первую очередь в открытости к экуменическому диалогу, радикально другим прочтением священных текстов и общей интенцией на защиту прав человека. В книге «История Бога» известный историк религии и либеральный христианский теолог Карен Армстронг пишет о том, что за фразой: «Я верю в Бога» – не стоит объективного содержания. Она наполняется определённым образом в тот или иной исторический период. О каком Боге идёт речь? Это Бог язычников, мистиков, деистическое Высшее Существо, «основа бытия» Шеллинга? То же самое касается и представлений о Боге в рамках отдельно взятой религии. Если подходить к вопросу, строго отделяя

«истинную религию» от «ложного курса», то получится в итоге, например, что Павел и Иисус – это представители разных религий. И в свою очередь церковные апологеты последующих веков – это тоже новая религия. А имперские богословы IV века – это опять новая религия. Мы полагаем, что тут следует обратиться к общерелигиозному значению ортодоксии и реформации. Ортодоксия – это, по сути, вялотекущая реформация. Даже религия, яростно постулирующая приверженность изначальным принципам основателя, всё равно рано или поздно отходит от этих принципов. Это видно и в христианстве, и в исламе. Недаром в этих религиях то и дело раздаются голоса за возвращение к «чистому исламу» или «чистому христианству». Однако следует понимать, что данные призывы имеют весьма косвенное отношение к реальному историческому анализу корней религиозной доктрины. И это проявляется в случае не только либерального направления религии, но и фундаменталистского. Здесь уместно привести такой пример, касающийся типичного отношения к женщинам в традиционном и, особенно, в фундаменталистском исламе: «... жительницы Медины пожаловались Пророку, что мужья превосходят их в знании Корана, и попросили Мухаммада провести специальные "уроки" для женщин, что он и сделал. Кроме того, мусульманок удивляло, что Коран обращается только к мужчинам – ведь женщины тоже покорны Богу. Следствием этого упрека стало обращенное к представителям обоих полов откровение, утвердившее полное нравственное и духовное равноправие мужчин и женщин. С тех пор Коран – в отличие от древнееврейских и христианских священных писаний – довольно часто обращался непосредственно к женщинам. К сожалению, позднее ислам, как и христианство, стал безраздельной вотчиной мужчин, в чьих толкованиях мусульманских текстов нередко сквозило пренебрежение к женщинам. В частности, Коран велит прикрывать лицо не всем женщинам без исключения, а только женам Мухаммада – это должно отмечать их особое положение. Однако после того как ислам занял свое место в цивилизованном мире, мусульмане распространили этот обычай по всей Ойкумене, и в результате женщины сразу превратились в людей второго сорта. Прикрытое лицо и заточение в гаремах – традиции, которые арабы переняли у Персии и христианской Византии, где женщины издавна были бесправными. Так или иначе, уже в период династии Аббасидов (750-1258 гг.) положение мусульманок стало таким же тяжелым, как и жизнь

их сестер в иудейских и христианских сообществах. Современные исламские феминистки отчаянно призывают мужскую половину правоверных вернуться к изначальным заветам Корана. Это в очередной раз напоминает, что ислам, как и любую другую религию, можно толковать по-разному». Строго говоря, то, что называют исламом, весьма разные вещи в плане религиозного опыта. Конечно, дотошный религиовед может поделить ислам на исторические периоды и выделить каждый в отдельную религию. Благо, что изменений было достаточно на протяжении истории. Гораздо проще и практичнее, на взгляд авторов статьи, объединить разные по духу, но связанные исторически явления под одним термином «ислам». А там уже делать разделения. То же самое верно и для христианства и для иудаизма. И, вообще, для любой другой религии.

Идеи либерального ислама во многих отношениях похожи на идеи либеральных течений в других культурах, которые отчасти демонстрируют своё стремление извлечь выгоду из реформ свободного общества. Либеральный ислам уделяет особое внимание поддержанию разделения религии и политики, продвижению демократии и многопартийной политики, обеспечению религиозной и культурной толерантности, охране прав женщин, свободы мысли и слова и повышенному вниманию к политическому активизму. В наше время либеральный ислам не представляет собой сколько-нибудь влиятельной доктрины, однако у него есть все возможности для того, чтобы занять центральное место в мире ислама, поскольку либеральный ислам представляет собой синтез целого ряда различных факторов, которые в сочетании являются отображением социально-культурной структуры региональных обществ со своей специфической (свободной и неортодоксальной) интерпретацией исламского учения и ежедневной практики религиозной веры. Кроме того, ряд событий способствовал этой тенденции: рост светского образования в мусульманских обществах, более широкое использование международных связей и провал догматической интерпретации вероучения. Либеральный ислам представляет собой ту тенденцию в исламском мире, которая отражает отношение к религии как к исключительно персональному делу, а не к доминанте публичной жизни. Исламская цивилизация принципиально не отличается от других типов цивилизаций и, следовательно, также не является монолитной в культурном и политическом плане. Несмотря на явное предпочтение в различных мусульманских государствах к установлению авторитарного теокра-

тического режима, большинство сторонников либеральной стратегии интерпретации ислама отрицает, что данная идея поддерживается Кораном и Сунной. Сторонники либерального ислама предполагают, что лишь незначительная часть мусульманского этического кодекса имеет отношение к делам государства, в то время как подавляющее число его положений непосредственно обращено к людям, индивидуальному религиозному опыту и вопросам личного религиозного поведения. Это положение также отражает признание наличия различных чтений и интерпретаций исламского учения.

Политический опыт мусульманских обществ свидетельствует о спросе на государственное устройство плюралистического и демократического характера, но тот факт, что мусульмане живут под властью авторитарных режимов в большей части мусульманских государств, предотвращает всякую дискуссию о совместимости демократии с исламом. Успех либерального ислама, на взгляд авторов статьи, не будет зависеть от построения дискурса исключительно в рамках «элитистской тенденции», но в основном от соблюдения осторожного баланса между государством и обществом, традиционализмом и светским мировоззрением при учёте специфики конкретного региона. Например, главной особенностью интерпретации ислама в Турции традиционно является умеренность. Это связано с тем, что с самого начала принятия турками ислама на их религиозную жизнь оказывали мощное влияние суфийские идеи. Таким образом, факт «большей светскости» турецкого народа не связан исключительно, как представляется многим, с антиклерикальной политикой Мустафы Кемаля Ататюрка, но имеет под собой серьёзное историческое основание. Ориентированные на суфизм исламские движения, как правило, держали себя на определенном расстоянии от политики своего времени, в отличие от других исламских движений, таких как, например, шииты или хариджиты, которые напрямую связаны с конкретными политическими позициями относительно надлежащего характера государства и права обладания властью, как светской, так и религиозной. Суфийская же традиция описывает себя, как основанную на философии, согласно которой все существа должны быть любимы и почитаемы как физическое отражение Бога – Творца любви. В этой системе нет места для врагов или радикально «других», отличных от нас. Ислам в турецкой политической истории во времена правления сельджуков и османов рассматривался руководством государства как личное дело. Считалось, что истинно религиозный султан

будет управлять государством в соответствии с принципами справедливости, равенства и благочестия. Такой подход в отношении религиозной жизни привел к формированию среди турок коллективной памяти, которая рассматривает ислам в качестве гибкой системы убеждений. Таким образом, предполагалось, что религиозные институты должны принять менее жесткое отношение к изменяющейся ситуации своего времени. В период Османской эпохи никогда не было полноценной теократической системы: хотя принципы шариата применялись в частной сфере, общественная жизнь регулировалась в соответствии со светской системой права, что не могло не сказаться на общем умонастроении относительно религии. Кроме того, империя признала себя мультиконфессиональным государством, в котором регулирование жизни иудеев и христиан происходит согласно их правовым нормам.

Ряд турецких богословов отвергли концепцию столкновения между Востоком и Западом как необходимым и желательным элементом ислама и выступили за использование разума в вопросах исламской веры, в чем они воспроизвели подход средневековых мусульманских философов. Однако стоит отметить, что либеральный ислам не является исключительно турецким явлением, так как ряд аналогичных движений набирает рост во всем исламском мире и государствах, не являющихся преимущественно исламскими. Будущее либерального ислама будет в значительной степени зависеть, с одной стороны, от степени плюрализма и дифференциации в собственно мусульманском культурном контексте и в осторожно проведенной политической линии мирового сообщества, адаптированной в международной политике по отношению к исламскому населению, с другой. Международные попытки дальнейшей демократизации и обеспечения верховенства права в мусульманских странах будут непосредственно служить развитию либерального ислама. Подъем либерального ислама в соответствии духу времени, скорее всего, будет продолжаться в ближайшие годы.

Литература

1. *Игнатенко А.А.* Ислам и политика. М.: Институт религии и политики, 2004.
2. *Игнатенко А.А.* Ислам на пороге XXI века. М.: Политиздат, 1989.
3. *Армстронг К.* История Бога. 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе. М. Альпина нон-фикшн, 2011 г.
4. *Володина Н.В.* Ислам: проблемы идеологии, права и политики // Социально-гуманитарные знания. 2002. №6.
5. *Малашенко А.В.* Мусульманская цивилизация: движение и инерция // Восток. 1994. №4.

6. *Малышева Д.Б.* Мусульманский компонент мировой политики // Pro et contra. 2002. Том 7. №4.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КУЛЬТУР ВОСТОКА И ЗАПАДА В РАБОТАХ Ю.Н. РЕРИХА
INTERCONNECTION OF EAST AND WEST CULTURES IN WORKS BY U. ROERICH

Волкова Елена Владимировна
Volkova Elena Vladimirovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
alyonavolkova92@gmail.com

Проблема развития языка, истории, культуры народов Центральной Азии издавна привлекает внимание ученых. Большое внимание ей уделено в работах Г.Е. Грумм-Гржимайло, Г.Н.Потанина, Н.М.Пржевальского. Огромный вклад в исследование общности культуры Востока и Запада внесли выдающиеся ученые Николай Константинович и Юрий Николаевич Рерихи. Они были сторонниками взаимосвязи культур восточных и западноевропейских стран. Для подтверждения своих взглядов в 1923-1928г.г. ими была совершена экспедиция в Центральную Азию. Путешествуя, Рерихи собирали рассказы, образцы народного искусства, этнографические сюжеты, предания, мифы, красочные обряды, яркие богатые одежды.

Таким образом, доказательства общности культур Тибета и Евразии были получены при изучении народного искусства кочевников. Ю.Н.Рерихом были описаны предметы украшенные «звериным стилем», для которого характерно изображение на металле, дереве фигур животных, часто переходящих в орнамент. В раскопках были обнаружены храмовые сосуды, предметы быта, серебряные бляхи, холодное оружие, пояса. «Тут были и бегущие олени и антилопы, лежащие лоси, птицы, фантастические животные. Все эти находки ясно говорили о древних связях Кочевого Тибета с великим искусством Средней Азии» и Сибири. [1]Эти находки позволили расширить южные границы распространения «звериного стиля». Анализируя полученный материал Юрий Николаевич приходит к выводу, что характер рисунков сходен с рисунками распространенными в Центральной Азии. Этот стиль был распространен и в Европе. Так зооморфными фигурами украшены соборы Владимира-Подольского. Ю.Н.Рерих отмечал, что художники создающие этот орнамент были острыми наблюдателями природы и

хорошо знали привычки животных, которых они изображали. Рерих Ю.Н. считал, что «звериный стиль возник у кочевников и охотничьих племен разных этнических групп, но живущих в среде, имеющей много общего, ибо только так мы сможем объяснить широкое распространение «звериного стиля» от границ Южной России до величественных вершин Трансгималаев в Тибете».[2]

По горам Тибета разбросаны многочисленные мегалитические памятники, напоминающие памятники Карнака в Британии. Памятники в урочище Доринг имеют точно такую же ориентацию. Мегалиты, открытые в Доринге имеют на своем восточном крае выложенную из камня стрелу с концом, направленным в сторону рядов менгиров, то есть на запад. Стрела - важный символ в древнем культе природных сил Тибета. Она связана с культом солнца и небесного огня, символически изображенного в виде молнии. Современные кочевники носят древние бронзовые наконечники стрел в качестве амулетов, и существует поверье, что они являются охлажденной молнией, после того, как она ударила в землю. Присутствие каменной фигуры стрелы на восточной оконечности мегалитов Доринга ясно указывает на тот факт, что все сооружение было посвящено какому-то культу природы и очень возможно, символом которого она является. Юрий Николаевич впервые объяснил назначение мегалитических памятников Тибета, возможно оно совпадает с их ролью в Британии. Места древних святилищ, в том числе ряды вертикально поставленных столбов, как в Британии, так и в знаменитом Стонхедже, «рождают мысль о солнечном культе друидов». П.Ф. Беляков пишет, что по мнению Ю.Н. Рериха, там, где стоят эти камни и прошли готы, пропитавшие своим влиянием всю Европу. Почему же не быть готам и в Трансгималаях, если и там на каждом шагу рассеяны сходные кучи камней и торчат из земли плиты, похожие на алтайские? [3]

Ю.Н.Рерихом было показано, что мечи северных обитателей Трансгималаев похожи на палаши или прямые мечи Южной России, фигурные пряжки тибетских племен напоминают наплечные фибулы «готов».

К сожалению, до недавнего времени роль и влияние на развитие культуры и историю народов Центральной Азии индоевропейских племен изучена недостаточно. Анализируя труды Н.К. и Ю.Н. Рерихов, П.Ф. Беляков приходит к заключению, что они являются сторонниками теории о родине готов в районе Гималаев и Тибета. Подтверждением

тому служат наскальные изображения боевых колесниц в Монголии, похожих на колесницы Рамзеса Второго, на хеттские колесницы или колесницы гомеровского эпоса, датируемые вторым тысячелетием до нашей эры, то есть временем широкой, можно сказать, трансконтинентальной экспансии индоевропейцев и их культур, когда вместе с колесницами распространялись до реки Желтой(Хуанхе) бронзовые мечи, втульчатые топоры-кельты и копья карасукского типа, такие же, как в знаменитом Бородинском кладе на нашем юге.

В горах Тибета Н.К. и Ю.Н.Рерихами были обнаружены наскальные изображения отпечатков копыт коня, что связано с распространенным сюжетом о камнях - «следовиках», сначала звериных, а потом уж и человеческих, вернее, — антропоморфных духов или божеств. Такие камни - «следовики» есть в Новгородской области, а также в Скандинавии.

Ю.Н. и Н.К. Рерихи отмечают технику и общее сходство стиля рисунков на скалах в Ладахе, Санчжу, в Южной Сибири, Северной Америке, Скандинавии. Н.К. Рерих писал: "Разве не удивительно тождественность культуры каменного века во всех частях света? Повсюду встречаете ту же технику, тончайшую доселе не разгаданную... Только сопоставляя, можно изумляться общечеловечностью творчества" [4] Это сходство он объясняет единым духовным пространством на планете Земля. "Поистине поразительна международность мысли и воли, приведшей самых различных насельников к единообразному творческому выражению"[4] Люди, населяющие огромные пространства от Болгарии до Китая общались между собой. Это были странствующие племена, имеющие общие культы, обычаи, они оказали влияние на развитие культуры и всех сторон жизни как стран Запада, так и стран Востока. И можно смело говорить о единстве этнического и духовного пространства Центральной Азии.

Литература

1. *Рерих Ю.Н.* По тропам средней Азии. 1992. 480 с.

2. *Рерих Ю.Н.* Звериный стиль у кочевников северного Тибета, М.; МЦР, 1992. 39 с.

3. http://www.roerich.kz/books/Belikov-Rer.htm.

4. *Рерих Н.К.* Каменный век // Листы дневника. Т.3. М.; МЦР, 1996. 224 с.

5. *Зелинский А.Н.* Сквозь пространство и время // Культура и время. 2002. №3. С. 6-17.

6. *Рерих Ю.Н.* Сказание о царе Кэсаре Лингском // Культура и время. 2002. №3. С. 20-27.

7. *Зелинский А.Н.* Рыцарь культуры // Звериный стиль у кочевников северного Тибета, М.; МЦР, 1992. С. 4-19.

ПОНЯТИЯ 'БЕСКОНЕЧНОЕ' И 'МНОЖЕСТВО' В РАБОТАХ Б. БОЛЬЦАНО
NOTIONS OF 'SET' AND 'INFINITY' IN WORKS OF B. BOLZANO

Габрусенко Кирилл Александрович
Gabrusenko Kirill Aleksandrovich
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
koder(a mail.tsu.ru

Исследование выполнено в рамках государственного контракта (№ 14.B37.21.0986) на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в рамках Федеральной целевой программы "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России", мероприятие 1.2.1, проект "Семантическая недоопределенность и ее онтологические следствия в философии информации и коммуникации". При поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект №. 12-33-01380, "Философско-методологические проблемы применения концептуального анализа в практике дисциплинарных и междисциплинарных исследований").

Вершиной доканторовских представлений о бесконечном стали работы чешского философа и математика Б. Больцано, который был, вероятно, единственным предшественником Кантора, занимавшимся подробным изучением актуально бесконечного как особого и вполне законного математического объекта и оперировавшим бесконечными числами.

Для данного исследования наибольший интерес представляет работа Б. Больцано «Парадоксы бесконечного» («Paradoxien des Unendlichen», далее PU), написанная в 1847–1848 гг., но, в связи со смертью автора, изданная лишь в 1851 г. В ней впервые дается достаточно подробный положительный анализ свойств актуально-бесконечного и строится математическая теория, включающая актуально-бесконечное в качестве равноправного объекта. Для понимания этой работы необходимо также принять во внимание некоторые идеи, изложенные в более раннем фундаментальном труде «Наукоучение» («Wissenschaftslehre», далее WL, издан в 1837 г.), в котором бесконечности уделено минимальное место, но содержатся более подробные определения второстепенных понятий, важных для понимания бесконечности вообще.

Поскольку бесконечное само по себе труднодоступно непосредственному познанию, Больцано начинает рассмотрение понятия бесконечность с его связи с конечным, как происходящим из понятия конечного путем простого присоединения отрицательной приставки. Он отмечает, что оба эти понятия равным образом относятся к множествам (Menge), множественностям (Vielheit) и к величинам (Größe), поэтому в качестве

исходной точки предполагает, что более точное исследование вопроса, при каких обстоятельствах мы считаем множество конечным или бесконечным, даст нам также сведения о *бесконечности вообще*[3, S. 2].

В системе понятий PU Наиболее фундаментальными являются понятия *совокупности* (Inbegriff), и *целого* (Ganze), определяемые остенсивно, как «понятия, лежащее в основании союза "и"» [3, S. 2]. В WL дается более точное определение совокупности – это «любое целое, составленное из частей, порядок соединения которых не оговорен» [1, С. 105]. Объекты объединяются в совокупности не произвольным образом: для совершения этой операции они должны быть заранее как-либо связаны в реальности. «Совершенно неверно, что только благодаря тому, что их <две частицы> мыслят вместе, между ними возникают отношения, которых ранее не было»[3, S. 17]. Возможно все то, что не противоречит никакой истине, содержащей чистые понятия. Из факта, что отношения, лежащие в основании совокупностей не являются следствиями актов мышления и даются ему как уже ставшие, и из специфического понимания возможности следует, что все совокупности (в т.ч. и бесконечные) также являются актуальными. Наиболее важным для данного исследования является такой вид совокупности, как множество.

Множество (Menge)– совокупность, независимая от порядка элементов, «относительно которой вид соединения ее частей рассматривается как безразличное <...> даже если этих частей всего две» [1, С. 105].

Как верно отмечают некоторые исследователи творчества Больцано [2, с. 59–60], согласно данному определению, под понятие множества не подпадают совокупности содержащие единственный элемент (причины будут прояснены ниже, при анализе понятия числа) и совокупности, не имеющие элементов (пустое множество). Однако, вопреки упомянутому мнению Э. Кольмана, элементами множества являются не единицы, а любые объекты, способные составить совокупность, например ими могут быть роза и понятие о розе, планеты, натуральные числа и т.п. В следующем абзаце Э. Кольман утверждает, что «Под «частями множества» Больцано понимал его элементы, а сейчас под ними понимают любые подмножества данного множества»[2, с. 60]. В общем случае это действительно так, однако существует вид множеств, для которых данное утверждение несправедливо – суммы.

Сумма (Summen) – совокупность, части которой представляют собой также совокупности, причем части частей также являются частями всей совокупности [3, S. 4]. В WL Больцано указывает среди признаков суммы

безразличность способа соединения частей, т.е. рассматривает ее как вид множества [1, С. 105]. Поскольку ничто не мешает представить булеан (множество всех подмножеств) в качестве так определенной суммы, то предыдущее возражение также не достигает цели. (Необходимо обратить внимание, что здесь утверждается не исторический факт исследования булеанов Больцано, а лишь логическая возможность этого факта).

Ряд (Reihe) – совокупность, на которой задан некоторый закон формирования ряда (Bildungsgesetz), с помощью которого каждому элементу ряда сопоставляется не более чем один предшествующий и не более чем один последующий элементы. Элементы, для которых не задан предшествующий или последующий элемент, называются крайними; при этом элемент, не имеющий предшествующего, называется первым, а не имеющий последующего – последним. Ряд называется бесконечным, если «ни один его член не может рассматриваться в качестве последнего члена ряда» [1, С. 107]. Понятие ряда находится в отношении противоположности с понятием множества: элементы этой совокупности не только обладают некоторой степенью индивидуальности, но также являются упорядоченными.

Единица (Einheit) – «каждый предмет, который имеет свойство *a* или (что то же самое) входит в объем представления «нечто, которое имеет (свойство) *a*» «[1, С. 108].

Множественность (Vielheit) – «совокупность единиц»(WL)[1, С. 108], или множество, элементы которого рассматриваются как единицы определенного рода *A* (PU)[3, S. 4].

В отличие от множества, элементы которого могут обладать определенной индивидуальностью, единицы множественности характеризуются только тем, что принадлежат некоторой множественности *A* (Больцано называет ее Allheit), большей, или равной данной, содержащей все единицы, обладающие свойством *a*. В случае множественности Больцано абстрагируется не только от порядка элементов совокупности (как в множестве), но и от всех различий между ее элементами. Таким образом, множественность представляет собой некоторую количественную характеристику совокупности. Понятие множественности лежит в основании понятий величины и натурального числа (в тексте – "целого числа" – «ganze Zahl»). Понятие бесконечности Больцано вводит как свойство множественности особого рода.

Бесконечная множественность вводится как множественность, большая любой конечной, такая, что любое конечное множество представляет только ее часть. Ряд, заданный на бесконечной множественности не име-

ет последнего члена.[3, S. 6] Отсюда бесконечное само по себе Больцано понимает как свойство (Beschaffenheit) бесконечных множественностей. «... все что мы определяем как бесконечное так называется только в силу того и потому, что мы находим в нем некоторое свойство, которое может рассматриваться как бесконечная множественность». [3, S. 7]

На момент написания "Парадоксов" наиболее значимым и актуальным из них было качественное бесконечное Г.В.Ф. Гегеля. Такое понимание бесконечного не устраивает Больцано, поскольку, во-первых, относится исключительно к Богу и абсолюту, а во-вторых, приписывается нормативно, постулируется. Бог и абсолют в своей бесконечности трансцендентны миру, и, следовательно, качественное бесконечное к действительному миру не применимо, тогда как бесконечное количество имманентно действительности и может быть в ней обнаружено. Больцано соглашается с тем, что относительно Бога «можно указать такие точки зрения, с которых мы видим в нем бесконечное количество" [3, S. 8], позволяющие приписывать ему *свойство* бесконечности. В качестве примера Больцано приводит возможность приписать Богу более чем одну бесконечную силу: бесконечную силу познания и т.д. Никакое другое понятие о бесконечном в Боге Больцано не принимает. Также большим недостатком качественного бесконечного является его единственность – все бесконечности оказываются по определению тождественны и какая-либо их дифференциация не имеет смысла. В целом качественное бесконечное представляется Больцано излишне умозрительным, пустым и, следовательно, избыточным.

Больцано критикует и потенциально бесконечное, принимаемое некоторыми математиками, в т.ч. О. Коши. Под бесконечным они понимали «переменную величину, значение которой возрастает без ограничений и может стать больше любой данной величины, какой бы большой она ни была»[3, S. 9], тем не менее значение этой величины всегда остается конечным. Потенциально бесконечное, определенное таким образом не является, согласно Больцано, бесконечным в собственном смысле, поскольку переменная величина – это не величина, а представление о величине, которому соответствует бесконечное множество различных, всегда конечных величин.

Определение бесконечного, как того, «что не способного к дальнейшему увеличению" (keiner ferneren Vermehrung fähig ist), или то, "к чему ничто не может быть присоединено (прибавлено)" (nichts mehr beigefügt (addirt) werden kann) данное Спинозой, также не устраивает Больцано. В

качестве контрпримера луч – часть (бесконечной) прямой, с одной стороны ограниченную точкой. Луч, сам будучи бесконечным, может быть увеличен путем прибавления отрезка, или второго луча и достроения до целой прямой.

В основании утверждения о том, что «бесконечное множество не может существовать нигде, поскольку не может быть ни соединено в целое, ни стать единым в мысли» Больцано видит убеждение в том, что прежде чем помыслить некое целое, составленное из определенных объектов, необходимо сперва составить представление о каждом предмете в отдельности. В качестве контраргумента он утверждает, что может «представить все множество, или совокупность, жителей Праги, или Пекина целиком, без того, чтобы представлять каждого жителя в отдельности»[3, S. 15]. Именно это и происходит, когда высказываются общие суждения о множествах, например, что число жителей Праги составляет от 100000 до 120000. Эта идея обрела дальнейшее развитие в альтернативной теории множеств П. Вопенка.

Больцано ставит вопрос об обладании бесконечным какой-либо действительности, предметности (Gegenständlichkeit) и отвечает на него утвердительно: примером может служить очевидно непустое множество предложений, первое из которых – некоторое A, второе – «Истинно, что A», которое отлично от первого и т.д. Больцано отмечает изоморфизм рядов таких предложений и натуральных чисел, из чего делает вывод, что множество предложений бесконечно.

Существование бесконечного в действительности выводится Больцано из всесовершенства Бога: множество сотворенных им конечных существ должно быть бесконечно, в силу того, что он желает бесконечно много и осуществляет в действительности все, что хочет. Также бесконечно множество состояний каждого конечного существа, в силу плотности времени – «поскольку каждый отрезок времени содержит бесконечно много моментов»[3, S. 36].

Величина (Größe) понимается как предмет, принадлежащий особому роду предметов, таких, что каждые два из них либо равны ($A = B$), либо один из них представляет собой сумму, часть которой равна второму.

Число (Zahl) – элемент ряда, первый член которого является единицей рода A, а каждый последующий элемент образуется путем прибавления единицы к предшествующему. [3,S. 5–6]. Каждый элемент этого ряда имеет последующий, т.е. не существует последнего натурального числа и, следовательно, их количество чисел бесконечно.

Бесконечность величин следует из того, что все числа, согласно Больцано, также являются величинами, а также существуют величины, отличные от чисел. Следовательно величин больше, чем чисел, т.е. бесконечно много.

Натуральные числа по определению, предложенному Больцано – это, в первую очередь, множественности, принадлежащие определенной структуре. При рассмотрении ряда натуральных чисел изолированно, каждое из них является величиной (см. определение), это же явно утверждает Больцано[3, S. 21]. Однако, при расширенном рассмотрении, когда помимо чисел привлекаются другие величины (особенно величины меньшие 1, например 5/8), числа перестают подпадать под определение величины в силу особого статуса – неделимости – единицы. Принципиальным отличием чисел от величин вообще, непосредственно вытекающим из их определения, является дискретность их множества, в то время как множество величин вообще может быть непрерывно. Именно это различие и у Больцано, и у Кантора явилось поводом начала исследований в области дифференциации бесконечного. В целом предложенное Больцано определение натуральных чисел далеко от совершенства. Во-первых, с его помощью не задается нейтральный элемент относительно сложения - (0). Во-вторых, единица, без каких либо оснований, имеет особый онтологический статус, поскольку не является суммой и, следовательно, множественностью, из-за чего не ясно являются ли числа видами величин, или нет.

Больцано достаточно близко подходит к понятиям, которые будут кристаллизованы у Кантора в виде конечных и трансфинитных кардинальных чисел. Он рассматривает начинающиеся с единицы конечные ряды натуральных чисел в отношении количества элементов и утверждает, что каждому ряду соответствует его последнее число. Больцано видит парадокс в том, что множеству всех натуральных чисел должна соответствовать не бесконечность, а некоторое большое число – *наибольшее натуральное число*. Предложенное разрешение парадокса состоит в том, что натуральный ряд не имеет последнего элемента, следовательно понятие наибольшего натурального числа является пустым. Отсюда Больцано делает вывод, что число не может являться количественной характеристикой любого множества: для большей части множеств количество выражается только величиной.

В PU Больцано также делает первый шаг на пути к дифференциации родов бесконечного. Он утверждает, что не все бесконечные множества могут рассматриваться как равные в отношении их множественности [3,

S. 29], т.е. эквивалентные. В качестве аргумента он вновь приводит пример с лучом прямой, который с одной стороны является бесконечным, а с другой представляет собой лишь часть также бесконечной прямой.

Отношение эквивалентности базируется на принципе взаимнооднозначного соответствия – весьма мощном инструменте, позволяющем, во-первых, сравнивать количественно бесконечные множества, состоящие из элементов одной природы, и, во вторых, сравнивать произвольные множества, полностью абстрагируясь от природы их элементов. Этот принцип впоследствии активно использовался Г. Кантором, положившим его в основание теории кардинальных чисел.

К несчастью, в отличие от Кантора Больцано вместо того, чтобы более подробно исследовать свойства этого отношение, отстраняется от него, вероятнее всего, не разглядев эвристической значимости принципа эквивалентности для сравнения бесконечных множеств, или же пожертвовал им сознательно ради сохранения кажущейся непротиворечивости операций с бесконечными множествами, строя их по аналогии с конечным.

Причинами, почему Больцано так быстро отказался от понятия эквивалентности, послужили смешение понятий величины вообще и элемента множества, неверная (хотя и классическая) интерпретация отношения «часть-целое», неполная проясненность свойств бесконечных множественностей, а также непоследовательность в использовании актуально-бесконечного. С одной стороны Больцано всегда оперирует актуальной бесконечностью – объектом уже ставшим в какой-либо реальности. С другой стороны зачастую его аргументация опирается на понятие потенциальной бесконечности, где бесконечный объект рассматривается как становящийся. Четкой дифференциации между актуально и потенциально бесконечным Больцано не дает, поэтому возможно всего два варианта: либо все бесконечности рассматриваются как актуальные и тогда аргументы Больцано ошибочен, либо как потенциальные, тогда разговор о бесконечном вообще не имеет смысла и для рассмотрения каждого бесконечного необходимо применять специфические методы, без возможности какого-либо обобщения.

Главным достижением Больцано в области бесконечного, было введение дифференциации бесконечностей. В результате бесконечное перестало быть единым трансцендентным объектом, недоступным для совершения каких-либо операций. Дифференциация Больцано не лишена недостатков: все бесконечные совокупности являются актуальными, в

силу свойств совокупностей вообще, поскольку возможность объединения объектов в совокупность предшествует любому акту мышления, а возможность и действительность сущностно не различаются. Отсюда следует отсутствие в системе Больцано места для потенциальной бесконечности, противопоставление которой актуальной бесконечности дало Кантору и Вопенка очень мощный инструмент для различения бесконечных. Те основания дифференциации, которые предлагает Больцано, весьма спорны и зачастую содержат противоречия.

Дифференциация Больцано также не дает обобщенных способов оперирования бесконечными. Так, например, отношение порядка на бесконечных множествах, помимо принципа взаимно-однозначного соответствия, привлекает дополнительные условия, такие как определяющие основания или способ формирования множеств. Ограниченность применения принципа взаимно-однозначного соответствия и отсутствие какого-либо другого универсального основания сравнения делает невозможной унификацию операций над различными видами совокупностей.

Все вышеперечисленное приблизило Больцано к созданию обобщенной теории множеств значительно ближе, но неразработанность понятия бесконечное не позволила сделать последний шаг.

Литература

1. *Больцано Б.* Учение о науке (избранное).- СПб. : Наука, 2003.– 520 с.

2. *Кольман Э.* Математические открытия больцано // Парадоксы бесконечного.– Минск Издатель В.П. Ильин, 2000. – С. 13–70.

3. *Bolzano B.* Paradoxien des unendlichen.– Leipzig : C.H. Reclam, 1851.– 157 S.

ВОСТОЧНЫЕ ТРАДИЦИИ В ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЕ. EASTERN TRADITIONS IN WESTERN CULTURE

Дарханова Вера Витальевна, Жукаускене Татьяна Сергеевна
Darkhanova Vera Vital'evna, Zhukauskene Tatyana Sergeevna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National research Tomsk state university
russyaa.93*@* mail.ru, tatyana_zhukauskene*@* mail.ru

Восточная культура является наиболее древней из всех культур: это и Египет, ставший одним из очагов цивилизации, и Древняя Месопотамия, на территории которой находится современный Ирак, и яркая и самобытная Индия, и, конечно, Китай – самая большая и обособленная цивилизация Древности. Все они отличаются особым колоритом,

историей, религией и собственным взглядом на многие вещи. Западная культура более поздняя, но от того не менее интересная и многогранная. Обычно к ней относят культуру Европы и США с начала 17-18 веков.

Восточная и западные культуры абсолютно отличаются. На Западе царит индивидуализм, и большое внимание уделяется личности человека и его правам, на Востоке – коллективизм с его восприятием человека через общество, на Западе к природе относятся как к источнику ресурсов, на Востоке природой любуются и подчиняются ее естественному ходу, на Западе главное, что снаружи, на Востоке – напротив, что внутри. Но, несмотря на то, что эти культуры так не похожи, постепенно они начинают вбирать в себя традиции друг друга.

Остановимся на восточных традициях, которые перешли в западную культуру. В первую очередь следует остановиться на буддизме. Хотя он и считается мировой религией, он берет свое начало в Индии. В настоящее время многие жители Запада, в том числе и известные артисты, выбрали своей религией именно буддизм.

Буддийская религиозная доктрина разделяет поступки на «благие» (достойные) и «не благие», проникнутые низменной мотивацией[1]. Это разделение не зависит от человеческой оценки, т.е. «благое» и «не благое» не могут произвольно меняться местами, поскольку неотъемлемое свойство «не благих» действий — порождать страдание. Действия живых существ, совершаемые по «благому» либо «не благому» умыслу, имеют не только практические следствия в этой жизни, они неизбежно ведут к новым рождениям. Эта неизбежность и есть карма, зависящая от религиозного качества совершаемых действий.

В настоящее время буддизм школы Чань начинает оказывать меньшее влияние: он растворился в западной культуре, придав ей новые силы и разнообразие. По мнению ряда современных ученых, сейчас на Западе получает развитие тибетское направление буддизма, прежде всего это школа Гелуг (добродетели), традиционно распространенное в Тибете, Монголии, России и возглавляемое Далай-ламой XIV, живущим в эмиграции в Индии. Его фигура приобретает все большую силу и становится подобной Римскому Папе или Патриарху, поскольку вокруг него объединяются самые разнообразные школы, не только тибетского характера.

---

[1] *Ермакова Т.В., Островская Е.Н.* Классический буддизм – СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2009, с.13

Процессы, которые мы наблюдаем в современном буддизме на Западе, связаны с постоянно сохраняемым напряжением между двумя тенденциями, существующими в нем еще со времен легендарных буддийских соборов в Индии, тенденциями к традиционализму и модернизации. На Западе две эти тенденции не совпадают с аналогичными в странах буддийского Востока, потому что они обе в той или иной мере подвержены европеизации.

Еще более ощутимы глобальные тенденции в западном буддизме, проявляющиеся в попытке создать «общебуддийские» организации, по существу, никак не привязанные к той или иной конкретной школе буддизма, в создании так называемых межконфессиональных объединений[1], в которых буддизм представлен наряду с традиционными для Запада религиями – протестантизмом, католицизмом и иудаизмом и, наконец, в появлении новых моментов в старых традициях: трансформация некоторых положений буддизма тхеравады, пожалуй, наиболее ортодоксального направления на Востоке и Западе.

Последователи буддизма на Западе начинают усваивать и проводить в жизнь некоторые идеи, в свое время выработанные теоретиками западного буддизма. «Западные мыслители, – писал К. Хамфрис, – загоняющие живую Истину в категории философии и метафизики, религии и мистики, онтологии, эпистемологии и психологии, забывают или не знают, что все это проявления единого Сознания, которое невозможно разделить на части подобно тому, как невозможно ножом разрезать на куски море»[2] Мысль о том, что Дхарма (совокупность установленных норм и правил, соблюдение которых необходимо для поддержания космического порядка) одна, а различие школ и учений – суть проявление незнания и невежества, является вполне ортодоксальной и часто использовалась в аргументации и обосновании истинности учения той или иной школы буддизма на Востоке. На Западе она получила новую трактовку. В настоящее время идея о единстве «истин» начинает все более активно претворяться в деятельности отдельных буддийских групп и объединений.

Другое явление, пришедшее из Индии в западную культуру – йога. Менее века прошло с тех пор, как Западу стала известна йога. Хотя

---

[1] *Сафронова Е.С.* Новые тенденции в современном западном буддизме // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антологии отечественного религиоведения. Ч. 4. М., РАГС, 2009. С. 427-438

[2] Там же

всякого рода истории о легендарной стране Индии были известны в Европе уже две тысячи лет, о реальном знании индийской философии и философской практики нельзя было говорить до тех пор, пока усилиями французского востоковеда Анкетиля дю Перрона Запад не получил Упанишады – священные санскритские тексты[1]. Что же касается более глубокого и всестороннего знания, то оно стало возможным благодаря трудам Макса Мюллера, издавшего в Оксфорде священные книги Востока. Вначале это знание оставалось привилегией специалистов - санскритологов и философов, однако очень скоро теософское движение завладело восточными традициями и донесло их до самой широкой публики. С тех пор вот уже несколько десятилетий знания о йоге развиваются по двум различным направлениям: с одной стороны, йога - предмет самой строгой академической науки, с другой - она стала чем-то вроде религии, хотя и не развилась в церковную организацию.

Развития йоги в западном варианте весьма трудно сравнивать с тем, что представляет собой йога в Индии. Дело в том, что восточное учение встретилось на Западе с особой ситуацией, которой Индия никогда не знала ранее. Для этой ситуации характерно строгое размежевание между наукой и философией, которое в той или иной мере существовало на протяжении примерно трехсот лет до того времени, как йога стала известна Западу.

Многие физические процедуры йоги представляют собой средство физиологической гигиены, намного превосходящее обычную гимнастику или дыхательные упражнения, так как йога представляет собой не просто механику, но имеет философское содержание. Практика йоги немыслима - да и неэффективна - без тех идей, на которых она базируется. На Востоке, где лежат источники этих идей и этой практики, йога является превосходным методом слияния тела и сознания. На Западе дело обстоит совершенно по-другому. Он неизбежно оказывается перед дилеммой: либо попадает в ловушку веры и без малейшего проблеска мысли заглатывает понятия, либо его научный критицизм разом отбрасывает их как «чистейшую мистику».

Раскол западного ума с самого начала делает невозможным сколько-нибудь адекватное использование возможностей йоги. Она становится либо исключительно религиозным делом, либо чем-то вроде гимнастики, контроля за дыханием и т.п. Здесь нет и следа того единства этой

[1] *Юнг К.Г.* Йога и запад. [Электронный ресурс]. URL: http://www.epochtimes.ru/content/view/29510/4/

природной целостности, которые столь характерны для йоги. Индиец никогда не забывает ни о теле, ни об уме, тогда как европеец всегда забывает то одно, то другое. Индиец помнит не только о собственной природе, но также о том, что он и сам принадлежит природе. Европеец, наоборот, располагает наукой о природе и удивительно мало знает о собственной сущности, о своей внутренней природе. Для индийца знание метода, позволяющее ему контролировать высшую силу природы внутри самого себя, представляется дарованным свыше благом. Для европейца же подавление собственной природы, и без того искаженной, добровольное превращение себя в некое подобие робота показалось бы чистейшим адом.

К.Г. Юнг в своей статье «Йога и Запад» не принимает трактовку йоги, данную Западом. Он говорит о том, что Западу нужно избавиться от варварской односторонности, столь искажающей истинное назначение йоги[1].

Не менее популярна на Западе и китайская кухня. Китайская кухня принадлежит к числу одной из самых разнообразных и утонченных в мире. Отчасти это объясняется размером страны, ее культурой, древней историей и огромным населением. Традиционно у каждого блюда восточной кухни имеются интересные особенности, основанные на естественных законах природы и философии.

Как часть своей культуры, люди Китая рассматривают принятие пищи, как способ обмена материей с природой. Одна из основных характеристик традиционной китайской кухни в том, что при приготовлении пищи учитывается теория об Инь и Ян. Согласно этой теории каждому природному явлению присуща дополняющая его противоположность. В целом, блюда, в которых содержание воды выше считаются по своей природе «холодными» (Инь). Блюда восточной кухни с более высоким содержанием энергии (в частности жира) рассматриваются как «теплые» (Ян). Часто это относится к жареным блюдам китайской кухни.

Следуя этой теории, рацион китайской кухни, состоящий из пищи, в котором сбалансировано содержание Инь и Ян, может помочь избежать болезни и эмоциональные проблемы. Эта теория полагает, что во время жары надо есть «холодную» пищу, а во время холода - «те-

[1] *Юнг К.Г.* Йога и запад. [Электронный ресурс]. URL: http://www.epochtimes.ru/content/view/29510/4/

плую». Другая фундаментальная теория, лежащая в основе китайской кухни - теория о пяти элементах. В ней говорится о том, что все вещи во Вселенной образованы из пяти элементов - огня, воды, земли, дерева и металла. Из этой теории вытекает идея о пяти вкусовых ощущениях: сладкое, кислое, горькое, соленое, пряное.

Они в свою очередь также подразделяются на Инь и Ян. Сладкие и пряные блюда относятся к Инь, горькие, кислые и соленые - к Ян. Каждому из пяти элементов соответствуют свои цвета - красный, желтый, белый, голубой, зеленый, которые также учитываются при выборе ингредиентов.

В прежние времена люди не потребляли так много пищи. Люди действительно ели меньше, но они питались хорошей качественной пищей. Пища китайской кухни была не жирной. В наши дни большинство из китайских кулинаров на Западе не особенно представляют, как сбалансировать пропорции различных блюд, создавая неправильное мнение о китайской пище, как о очень жирной и т.д.

В заключении рассмотрим такое популярное явление как фэн-шуй. Фэн-шуй - это древнекитайская наука о том, как жить в гармонии с миром. Под гармонией в ней подразумевается равновесный обмен энергиями между человеком и природой.

С точки зрения китайцев фэн-шуй - это наука, в которой все имеет свое объяснение и толкование, в то время как большинство западных людей воспринимают его как какую-то магию. Дело в том, что между нами разнятся не только наши знания о мире, но и само наше мировоззрение. Поэтому чтобы понять фэн-шуй как науку, в первую очередь необходимо познакомиться с китайским взглядом на мир. В основе его лежит понятие ци, или вселенской универсальной энергии. Считается, что она существовала изначально, еще до того, как появилась какая-либо материя, и она существует и прямо сейчас во всем, что мы можем наблюдать сегодня вокруг и чувствовать внутри себя. Именно количество и качество ци, имеющееся в доме человека, во многом определяет его успех, здоровье, благосостояние.

Китайская традиция фэн-шуй донесла до наших дней многие способы достижения гармонии с природой. Главным образом они связаны с созданием приближенного к природному, а значит, наиболее гармоничного, пространства внутри помещений, где мы проводим больше всего времени - дома и на работе.

В последние годы фэн-шуй стал очень популярен на Западе. По мнению Анатолия Соколова, автора книги «Фэн-шуй в вопросах и ответах» « фэн-шуй хорош тем, что практически любой человек, какой бы жизненной концепции он не придерживался, может найти в нем нечто полезное для себя, потому что его положения можно трактовать по-разному. Кто-то подходит к изучению фэн-шуй с материалистической точки зрения, и в результате находит подтверждения его положений в последних научных открытиях. Кому-то проще изучить фэн-шуй, основываясь на принципах эзотерики, а кому-то привычней воспринимать его как своеобразную психотерапию. В любом случае каждый находит в нем что-то близкое для себя, и это значительно помогает постигать глубины китайской науки и использовать ее мудрость для своего блага. Фэн-шуй можно не только воспринимать по-своему, каждый прикоснувшийся к нему человек, обязательно привносит в него что-то свое. Поэтому фэн-шуй часто называют искусством. В Китае принято считать, что человек является неотъемлемой частью любого процесса, который он создает. Один и тот же дом будет по-разному оформлен в зависимости от того, кто в нем живет. С другой стороны, разные специалисты по фэн-шуй по-разному подойдут к поставленной перед ними задаче, потому что при ее решении будут руководствоваться не только общими принципами, формулами и методами, но и собственными ощущениями. Причем решения каждого из них обязательно окажутся одинаково полезными для жильцов дома»[1].

В данной статье были рассмотрены некоторые восточные традиции, перешедшие в западную культуру. Это только малая часть из всего того богатейшего культурного запаса, которым Восток имеет полное право гордиться, а другие страны в той или иной степени перенимать. Однако порой культурные традиции и обычаю неправильно истолковываются, что ведет к непониманию, а иногда к конфликтам среди представителей разных культур. Поэтому очень важно заимствовать подлинное значение и содержание культурных ценностей тех или иных стран.

Литература

1. *Гуревич П.С.* Культурология. – М.: Просвещение, 2000, 520 с.

2. *Ермакова Т.В., Островская Е.Н.* Классический буддизм – СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2009, 256 с.

[1] *Соколов А.* Фэн-шуй в вопросах и ответах. [Электронный ресурс]. URL: http://fengshui.ru/info/cite/glava4

3. *Дом* Солнца. [Электронный ресурс]: Интернет-журнал. URL: http://www.sunhome.ru/journal/15630

4. *Маркова А.Н.* Культурология. История мировой культуры. – М.: Юнити, 2000, 600 с.

5. *Сафронова Е.С.* Новые тенденции в современном западном буддизме // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1. Антологии отечественного религиоведения. Ч. 4. М., РАГС, 2009. С. 427-438

6. *Соколов А.* Фэн-шуй в вопросах и ответах. [Электронный ресурс]. URL: http://feng-shui.ru/info/cite/glava4

7. *Юнг К.Г.* Йога и запад. [Электронный ресурс]. URL: http://www.epochtimes.ru/content/view/29510/4/

К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ АРХИТЕКТУРЫ.
TO THE ISSUE OF THE ONTOLOGICAL STATUS OF ARCHITECTURE

Журавлев Михаил Юрьевич
Zhuravlev Mikhail Yur'evich
Самарский государственный архитектурно-строительный университет
Samara State University of Architecture and Civil Engineering
mihail_zhuravlev@inbox.ru

Для составления более полной картины явления, или его анализа, зачастую необходимо прибегнуть к описанию самых разнообразных сочетаний представлений, подходов и методологий. С таким разнообразием, вероятно, связаны различия между культурами. А первичная дифференциация цивилизаций на техногенные и традиционные обязывает взглянуть на предмет исследования не только с позиций западной науки, но и с точки зрения восточной традиции. Проникнем глубже к истокам европейской культуры, которая к настоящему времени – в силу таких факторов, как усиленное развитие науки и техники, колонизационная политика многих европейских государств прошлом и др. – стала основой современной глобализованной метакультуры. Речь здесь идет об индоевропейской цивилизации, чей восточный полюс развился в культуру народов Индостана и Индокитая, а западный – дал начало европейской культуре.

В одном из самых уважаемых и ценимых духовных и философских текстов не только традиции Востока, но и религиозно-философской традиции всего мира, памятнике древнеиндийской литературы Бхагавадгите, одна из глав посвящена деятельности как таковой. В этом

произведении VIII-VII веков до н. э. приводится признак целостности любого действия, его трехэлементная основа: *karan□a*, *karman*, *kartar* (Бхагавадгита 18:18). Следовательно, если на первом уровне дифференциации какой либо деятельности можно получить эти три элемента, то можно говорить о ее полноценности. Итак, в переводе с санскрита *karan a* означает «инструмент, средство», то, посредством чего достигается результат. Проецируя это на архитектуру, получаем архитектурную теорию, или строительную науку – знание, применяя которое архитектор делает возможным существование объекта; например, понимание проектировщиком работы конструкции необходимо для обеспечения одного из условий существования сооружения в физическом мире – устойчивости. Таким образом, этот элемент через такой аспект понятия «архитектура», как *область знаний*, соотносится с постулатом «Прочность». В свою очередь *karman* переводится как «действие» или «цель», а в отношении архитектуры – *процесс* создания объекта, будь то проектирование или строительство; или как результат, как цель проектирования, также процесс существования здания, его функциональная насыщенность. Данный элемент представлен витрувианским понятием «Польза». *Kartar* же есть «деятель» – личностный и субъективный аспект в архитектуре, «Красота», конкретное сооружение – *субъект*.

Таблица 1. Соответствие аспектов словарных значений термина «архитектура» элементам Триады Витрувия и трех составляющих «целостного действия» Бхагавадгиты

Аспект значения понятия «архитектура»	Элемент Триады Витрувия	Элемент «трехсоставной деятельности» Бхагавадгиты	Значение соответствующих санскритских понятий
знание	«прочность»	*karan a*	средство
процесс	«польза»	*karman*	действие
субъект	«красота»	*kartar*	деятель

Также со слов *karan□am karma kartā* начинается и один из стихов Анугиты, части величайшего восточного литературного памятника Махабхараты (Махабхарата 14:25:3). В числе прочего это наводит на мысль, что порядок перечисления элементов не случаен. В латинском

тексте «Десяти книг об архитектуре» (лат. *De architectura libri decem*) Витрувия [3] находим его триаду в виде последовательности *Firmitas, Utilitas et Venustas* («Прочность, Польза и Красота»), что напрямую соответствует порядку упоминания Гиты. В пользу неслучайного характера этой связи говорит тот факт, что Витрувию были известны восточные архитектурные традиции, так как его трактат содержит целые фрагменты древнеиндийского трактата об архитектуре и иконографии Манасара.

Итак, можно увидеть [табл. 1], что каждому аспекту словарного значения архитектуры (архитектура как знание, как процесс создания искусственной среды и сама среда) соответствует определенный составной элемент полноценной деятельности по Бхагавадгите. Этот признак позволяет заключить, что архитектуре свойственна характеристика **целостности.** А соответствие данных элементов Триаде Витрувия говорит о достаточной эксклюзивности архитектуры в этом смысле; поскольку, вероятно, только здесь такие постулаты имеют столь значительный статус: общепринятого девиза и прямого руководства к действию для каждого члена профессионального сообщества.

Действительно, целостность и неделимость является непреложным атрибутом архитектуры. Недаром считается, что она есть искусство создания систем, те есть объектов, полноценное функционирование которых возможно только из условия целостности. Это не противоречит тому, что они не изолированы и связаны с параллельными системами и системами другого уровня. Архитектурное видение предполагает контекстуальность, ансамблевость. Оно рассматривает элементы искусственной среды лишь в их совокупности. Так, например, простая сумма отдельных элементов – окон и дверей, лестниц и стен - не является архитектурным произведением. Такой подход может быть применим в смежных областях: при искусствоведческом анализе или в строительстве, где составные элементы имеют значение преимущественно изолированных объектов. Но архитектора в первую очередь интересует все здание. А термин «архитектурный объект» можно отнести лишь к сооружению в целом, так как при его разделении (разрушении) он перестает быть таковым.

Развивая тему характеристик архитектуры как явления, стоит обратить внимание на творчество швейцарской фотохудожницы Коринн

Фоторабота «Hundreds of Tourist Photos in One», Corinne Vionnet (Франция)

Вьённэ (Corinne Vionnet) [2]. Суть ее работы «Hundreds of Tourist Photos in One» («Сотни туристических фотографий в одной») [рис. 1] состоит в изображении всемирно известных памятников архитектуры в контексте окружающей среды: природного ландшафта, людей, автомобилей и пр. В одно изображение сведены от 100 до 200 сделанных туристами фотографий конкретного знакового архитектурного сооружения. Если привычная фотография является иллюстрацией синхронистического подхода, когда дается временной срез, т. е. процессы, происходящие в действительности, изображаются в один момент времени; то в фоторабoтах Коринн использован диахронический подход, когда главное место уделяется длительности процесса во времени. На этих фотографиях стало очевидным условное разделение на два параллельных мира: «мир людей» и «мир архитектуры». Каково их принципиальное различие? В том, что сотни исходных фотографий сделаны в одном месте, сомнений не возникает – на каждой есть пространственная привязка в виде памятника, но с точки зрения времени каждая из них отлична

от другой, они датированы разными моментами времени. Это дает возможность судить об изменчивости изображенных объектов. Так, визуально легко определяется, что та среда, которая создается вследствие архитектурной деятельности, является относительно постоянной и стабильной, в то время, как «миру людей» свойственно непрестанное движение и изменчивость. В сравнении с человеком (и даже с некоторыми элементами природы) здание кажется единым, недвижимым, **вечным**, стоящим над повседневными событиями.

Приняв во внимание то, что архитектурному сооружению свойственны такие характеристики, как целостность (единство) и его неизменность относительно человека, следует провести параллель между вышеизложенными наблюдениями и трудами древнегреческого философа Платона (428/427—348/347 до н. э.), чьи мысли легли в основу европейской парадигмы.

Самым центром философских воззрений Платона является учение о бытии. Именно здесь корень того направления, самым ярким представителем которого он был – идеализма. Этот античный философ положил начало учению об «эталонных первообразах, взирая на которые Демиург, творец Вселенной, матрицирует мир вещей» [13, С 353]. В основе «теории идей» лежит убеждение Платона в существовании мира истинно-сущего, который является причиной происходящего в мире, воспринимаемом чувствами. Истинное бытие постижимо только разумом и недоступно чувственному восприятию. В отличие от элеатов и так же, как у Демокрита, бытие у Платона предстает как множественное. Однако, если Демокрит понимал бытие как материальный физический атом, то Платон рассматривал его как идеальное, бестелесное образование – идею [15, С. 46]. Все, что имеет части, полагал он, изменчиво, а следовательно, не существует. Существует лишь то, что неизменно, а значит, не принадлежит к чувственному миру. Это подлинное бытие, которое есть и мысль, и предметная сущность, он определяет как идею. Она есть нечто, во-первых, вечное, находящееся вне изменения и становления, а во-вторых, единое, само по себе, всегда в самом себе единообразное.

И архитектуре, и платоновской идее (равно как истинному бытию) свойственны характеристики единства и постоянства, что служит основанием для их сопоставления.

Идея понимается Платоном как всеобщая форма бытия (бытие по истине, сущность), как цель, внутренне организующая его, как «пара-

дигма», форма организации вещей, то, чем они должны быть [4]. В свою очередь в одном из своих аспектов архитектура предстает в качестве общей формы организации систем, принцип, ориентирующий создание среды. Как и идея, сооружение является вечным относительно мира чувственных вещей. Оно покоится в своей неизменности, в отличие от непрерывно движущегося и изменяющегося антуража: понятие социума предполагает смену поколений, что обуславливает его постоянное становление. Поскольку понятие идеи связано с «истинным бытием», основной ее характеристикой служит единство, или целостность. Лишь будучи единым объектом проектирования или исследования, здание может быть предметом архитектуры.[1] Идея показывается как содержательная, а не абстракция чувственного бытия (вещей), как конкретно-всеобщее, т. е. всеобщее, определенное в себе самом, единое и самотождественное [4]. Известно, что величайшие произведения зодчества построены в числе прочих по принципу фрактальности [8] – таково математическое определение свойства самоподобия, когда целое состоит из нескольких частей, каждая из которых подобна всей системе.

Идеи постигаемы только разумом, а чувственный мир воспринимается чувствами. Архитектурной постройке внутренне присуща логика – логика конструкции, логика функционирования, эстетический замысел – простое разглядывание или ощупывание неспециалистом не де даст понятия об архитектурном качестве объекта. Фрэнк Ллойд Райт указывал, что «реальность здания — не стена и крыша, а внутреннее пространство, в котором живут» [12], чем акцентировал внимание именно на том аспекте постройки, который не воспринимается органами чувств.

Итак, благодаря полному совпадению основных характеристик платоновского понятия «идея» и архитектурного объекта, становится очевидным их тождество. Что в силу закона аналогии дает возможность выявить прежде мало рассматриваемые свойства и роли архитектуры, а также проливает новый свет на ее статус в структуре бытия.

Каков же статус идеи? «Когда Платон говорит о своих идеях, он всегда имеет в виду идеи как порождающие модели» [10], но вместе с этим по отношению к Демиургу они в каком-то смысле гомогенны [5,

[1] Платоном подчеркивается независимое и отдельное существование идей относительно видимых вещей. Он показывает, что эта самодостаточность относительна. Хотя идеи превосходят вещи своим единством и независимостью, тем не менее, ни то, ни другое нельзя абсолютизировать – наряду с единством и независимостью архитектурного сооружения, самодостаточность которого носит лишь относительный характер, а взаимодействие с контекстом считается обязательным и в большинстве случаев неизбежным.

С. 93]. Идея осмысливает вещь, делает ее разумно мыслимой и порождает ее. В подтверждение этого можно привести известное явление, что именно по архитектуре можно в полной мере судить о городе или стране, и о конкретной исторической эпохе, точнее, о всей культурной среде данного места и времени, и как следствие, оценивать, сравнивать, осмыслять. Есть мнение, что архитектурные сооружения в некоторой мере определяют всю остальную искусственную среду и играют ориентирующую роль в ее создании. Значит здание, как и идея, по отношению к «чувственному миру» является своего рода образцом, прообразом, выделяющим главные существенные черты - моделью.

Если архитектурный объект по своим характеристикам уподобляется идее, то каково место архитектуры вообще? Идея позиционируется как истинно сущее, т. е. непосредственно связанное с истинным бытием. Она создана Демиургом и, как следствие, сохраняет его качества. Наделенная основными характеристиками идея предстает в качестве модели бытия. Таким же образом единичное архитектурное сооружение есть модель архитектуры, поскольку сохраняет основные ее законы и принципы. Следовательно, в этом смысле архитектуру можно рассматривать как модель[1], реперезентант, Бытия, и будет правомерным заключение об их аналогии. В таком случае архитектор тождественен Демиургу[2], создателю мира[3]; процесс создания искусственной среды - акту Творения; а продукт творчества – космосу.

Действительно, данное предположение подтверждается тем фактом, что подобная аналогия уже наблюдалась на протяжении истории философии, религии и искусства, но носила, вероятно, не вполне системный характер. В традиционных культурах существование творения предусматривает и наличие автора: в библейском Шестодневе – это Творец, в мусульманской традиции – Великий Мастер, в масонстве – Великий Каменщик, в розенкрейцерстве – Великий Зодчий; Великий Архитектор Вселенной - в концепции христианских теологов. Очевидно соотнесение мира явлений с творением зодчего. В китайской архи-

---

[1] Необходимо учитывать, что ввиду существования огромного числа архитектурных объектов и, как следствие, их колоссального разнообразия, уровень «модельности» может быть различной. Среди них функциональная, принципиальная, структурная и параметрическая модели. Каждый уровень представляет свою степень сохранности первоначальных характеристик;

[2] *δημιουργός* в пер. с др. греч. — «*мастер, ремесленник, творец*»;

[3] Это также подтверждается и приведенной этимологией слова «архитектор» (см. выше)

тектуре это тождество носит легитимный характер и по сей день – традиционный китайский храм выступает в роли модели творения.

Неслучайно до сих пор во многих традиционных культурах применяются такие своды правил организации сооружения, как Фэн-шуй, Васту Видья [14] и мн. др., да и православные храмы проектируются по строгим канонам. Буддийский храм символизирует Меру, мировую гору, центр мира, обитель высшего божества, и строится как объемная мандала, которая сознательно возводится как модель мира[1] [9].

В архитектуре некоторых западноевропейских храмов тождество постройки и космоса имеет не столь очевидный характер, но также свидетельствует о наличии такого подхода [11]. Подобной репутацией обладает Аахенский собор [1], в котором короновались императоры Священной Римской империи. Он одним из первых был внесён в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Архитектура Аахенского собора пронизана строгими уникальными числовыми отношениями, что однозначно демонстрирует цель авторов – сделать храм воплощением Вселенной, ее законов и принципов[2]. Такие традиционные системы знания вряд ли носят утилитарный характер. В первую очередь они олицетворяют собой те законы, по которым была создана вселенная и которые должен соблюсти зодчий при создании своего творения.

Современной науке аналогия микро- и макрокосма известна как неоспоримая истина, что подводит еще большие основания под правомерность тезиса о подобии архитектуры и бытия. Научная ценность данной концепции напрямую сопряжена с областью этоса архитектурной деятельности и может привнести новые драгоценные камни в сокровищницу теории архитектуры.

Литература

---

[1] В индуизме, буддизме и ламаизме мандала (mand ala в пер. с санскр.—*«круг, диск»*) —космограмма, «карта Вселенной» в виде круга, вписанного в квадрат; в центре круга находится система вписанных квадратов и треугольников. Символика мандалы основывается на свойствах чисел 3, 4, 8 и геометрии квадратуры круга (прослеживается параллель с античным искусством), что в символике алхимиков называется imago mundi (лат., *«образ мира»*).

[2] «В период правления Карла Великого (768-814 гг.) представления о восьмерице как о числе, которое сохраняет суть преходящих вещей в вечности, а также о восьми сторонах Небесного Иерусалима были запечатлены в октогональных (центрических) архитектурных формах Аахенской капеллы, в которой "внутреннее пространство восьмиугольника весьма искусно соединено с внешним фестнадцатиугольником"» [7, С. 3]. Соответствие пространственной структуры архитектурного сооружения восьмеричной онтологической модели Д. В. Денисова служит еще одним доказательством того, что отношение архитектуры и бытия следует рассматривать как отношение модели и моделируемого.

Ulbrich R. Der Dom zu Aachen: Symbol gestlich-weltlicher Macht (Собор в Аахене: Символ религиозно-светской власти) [Фильм] - «e-Motion Picture», 1999.

Vionnet C. Photo Opportunities [Книга] / ред. Yale Madeline. - Хайдельберг : «Kehrer Verlag», 2011. - 80 с.

Vitruvius M.P. De Architectvra [Электронный ресурс] // The Latin Library. - Jim and Karen Diamond. - URL: http://www.thelatinlibrary.com/vitruvius.html (дата обращения: 27.04.2012).

Батракова И.А. Диалектика Платона в диалоге «Парменид» [Статья] // AKADHMEIA: Материалы и исследования по истории платонизма. - СПб : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. - Вып. 5: Сборник статей. - С. 109-128.

Васильев В.В., Кротов А.А. и Бугай Д.В. История философии [Книга]. - Москва : «Академический проект», 2005. - 680 с.

Витрувий М.П. Об архитектуре (Серия «Из истории архитектурной мысли») [Книга] / перев. Петровского Ф. А. - Москва : «Едиториал УРСС», 2003. - 320 с.

Денисов Д.В. Универсальная восьмерица: мера времени, человека и истории [Книга]. - Самара : СамГУПС, 2011. - 178 с.

Журавлев М.Ю. Архитектура как модель Творения [Конференция] // Актуальные проблемы в строительстве и архитектуре. Образование. Наука. Практика: материалы 66-й Всероссийской научно-технической конференции по итогам НИР СГАСУ за 2008 г. - Самара : СамГАСУ, 2009.

Керлот Х.Э. Словарь символов [Книга]. - Москва : «REFL - book», 1994. - С. 305

Лосев А.Ф. «Парменид». Диалектика одного и иного как условие возможности существования порождающей модели [Раздел книги] // Комментарии к диалогам Платона. - Москва : «Мысль», 1999.

Мусхин А. Символизм храма [Статья] // Новый Акрополь. - Москва : 2001. - №3 (22).

Прокуратов А.Ю. Архитектура и революция [Электронный ресурс] // Проектирование и строительство гражданских зданий. Сайт Александра Прокуратова. – URL: http://konstr.narod.ru/A_R.htm (дата обращения: 3.12.2011)

Тарасов П.С. Философия изнутри [Книга]. - Москва : «Остожье», 1996. - Т. 1 : II.

Тюлина Е.В. Храм, мир, текст: Вастувидья в традиции пуран [Книга]. - Москва : «Восточная литература», 2010. - 255 с.

Фролов И.Т. и др. Введение в философию [Книга]. - Москва : «Культурная революция», «Республика «, 2007. - издание 4-е, перераб. и доп. - 623 с.

ДАОСИЗМ: ФИЛОСОФИЯ ИЛИ РЕЛИГИЯ?
TAOISM: PHILOSOPHY OR RELIGION?

Игна Ярослав Дмитриевич
Igna Yaroslav Dmitrievitch
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
yigna@mail.ru

Даосизм - учение, возникшее в Китае на базе трактата о Пути и Благости – «Дао дэ цзин» Лао Цзы, написанного в VI – V вв. до нашей эры. Нельзя с уверенностью назвать Даосизм философским или религиозным течением – даосизмом считается как изучение трактатов Лао Цзы и Чжуан Цзы, так и концепция продления жизни, алхимические опыты, мистические ритуалы.

Рассмотрим определения даосизма согласно данным специальных словарей. Согласно социологическому словарю, даосизм – «древнекитайская философская и религиозная традиция (буквально «школа пути»), номинально основанная на идеях легендарного мыслителя Лао-цзы. Даосизм — теория, защищающая признание сил природы и важность проживания в гармонии с ними» [1]. По данным исторического словаря даосизм – «философское учение в Китае в IV – III вв. до н. э., на основе которого во II в. н. э. складывается религия того же названия. Главное понятие в ней, «дао», объявляется сущностью и первопричиной мира, источником его многообразия. В религии Д. складывается божественный пантеон, возглавляемый троицей – Шан ди (Яшмовый владыка), Лао-цзы и творец мира Пань гу» [1]. Наконец, в философском словаре «даосизм – «учение о дао или «пути вещей». Как особая система философствования возникает в Китае в 6 – 5 вв. до н.э. Основоположником даосизма принято считать Лао-цзы (много позже, в эпоху Тан – 7 – 9 вв. –был канонизирован как святой)» [1].

В представленных выше определениях отсутствует четкая грань между философским и религиозным началом даосизма. Трудно достоверно говорить об историческом периоде и временном промежутке трансформации философского течения в религиозное и вообще о существовании данной трансформации. Тем не менее, можно констатировать ряд факторов, повлиявших на развитие и изменение даосизма в целом: образование огромного количества разных ответвлений – школ со своими представлениями о первоисточнике, взаимодействие даосизма с конфуцианством и буддизмом, интерес и принятие течения государством в одни исторические периоды и подозрительное отношение к даосам в другие.

Эти факторы сыграли роль, как в развитии даосизма, так и в изменении внешней формы данного учения. В своё время была предпринята попытка обосновать и доказать развитие даосизма, как переход от изначального философского учения к религиозно-мистической доктрине. Такие учёные как Дж. Легг, В.П. Васильев, Л. Вигер полагали, что даосизм зародился как философское течение в VI – V вв. до нашей эры, а в последствии стал смесью алхимии, демонологии, магии и вобрал в себя представления китайцев о мистическом [2]. Не смотря на то, что данная концепция была сформулирована в конце 19-го века, она не утратила актуальность и в современный период развития синологии. Вместе с тем признать её абсолютно точной и достоверной нельзя. До-

казательством этому послужит отдельное рассмотрение даосизма как философии и религии.

Рассматривая даосизм как философское течение, нужно учитывать особенности структуры восточного философского текста. Как правило, при анализе текста учитывается принадлежность автора к какой-либо школе, какой из них он противопоставлял своё учение и к чему призывал. Во-первых, встаёт проблема авторства главного трактата даосизма «Дао дэ цзин». Неизвестно, существовал ли на самом деле Лао Цзы, или это – лишь аллегорический образ мудреца, а трактат был написан несколькими философами. Невозможно с точностью назвать дату рождения и смерти Лао Цзы – существуют лишь легенды о нём. Данное положение вещей невозможно представить в западной персонифицированной философии, где важна не только идея, но и сама фигура автора. Во-вторых, сам трактат настолько многозначен, что трудно вписать его в какую-либо философскую концепцию. Это и практические советы для управления государством, и описание системы положения вещей во вселенной, и объяснение самого понятия Дао. Напрямую в тексте автор не противопоставляет свои идеи идеям других мудрецов, не призывает читателя к чему-либо. В-третьих, сама структура трактата предполагает разное понимание его содержания в зависимости от читателя, что порождает огромное количество комментаторов, выражавших своё понимание идеи «Дао дэ цзин» в своих книгах. Они, чаще всего, назывались по имени самого автора-комментатора. Например, «Дао дэ цзин с комментариями Ван Би».

В разные исторические периоды существовало разное количество версий канонов – доподлинно неизвестно, был ли среди них оригинальный. Понимание комментаторов считалось настолько же важным, насколько и сам текст оригинала. «Очевидно, что важен был не текст, и даже не его содержание, а то, что к нему прикасались «истинные люди», а к его комментированию оказывались причастны великие мудрецы» [3]. Таким образом, сравнение даосизма с европейскими философскими течениями можно считать некорректным. Однако даосизм не вписывается и в систему китайского философского знания. В отличие от конфуцианства, с его точными описаниями ритуалов и норм поведения, учение о Дао бесформенно и многозначно. Даже сам термин «Дао» – это слово, которое, по сути, ничего не обозначает. Это – лишь иероглиф, которым автор решил назвать то, что назвать невозможно: «Существует нечто, из Хаоса возникшее, рождённое прежде Неба и

Земли. Беззвучно-пустотное, одиноко-неизменчивое. Двигаясь по кругу, не устаёт и способно быть матерью Неба и Земли. Я не знаю его имени, а иероглифом обозначу это «Дао»» [4 с. 13]. Порой текст противоречит сам себе, некоторые мысли повторяются в нём несколько раз, трактат насколько понятен, настолько и закодирован для читателя. Практическое применение некоторых аспектов описанных в трактате может показаться невозможным, однако довольно быстро даосизм как течение вбирает в себя мистические переживания китайского народа.

Понимание мистического у китайцев сформировалось задолго до появления «Дао дэ цзин», но именно идеи трактата стали основой для их формализации и структурирования. Из философского течения даосизм трансформируется в своеобразную копилку всех знаний и представлений о мире духов и возможности контакта с ним, магах и бессмертных. Накопленные знания также применялись на практике: создание пилюли бессмертия, разработка специальных дыхательных упражнений для достижения просветления, каллиграфия, как способ контакта с духами - это лишь небольшой перечень практик даосизма. Согласно концепции о разделении даосизма на философский и религиозный, именно в этот период осуществляется переход от исконного учения к религиозно-мистическому. «Собственно то, что принято называть «религиозным даосизмом» с его многочисленными культами и монастырским проживанием, как следует из того, что мы излагали выше, в какой-то мере являлось именно рационализацией и формализацией мистических знаний, тогда как сами эти знания существовали отнюдь не только в даосской среде, а в разных слоях китайского общества» [3, с. 72].

Как относительно сформированная религиозная школа с точно установленными обрядами и божественным пантеоном даосизм становится после контакта с буддизмом. Создаются храмы и монастыри, более подробно изучается теория древних трактатов даосизма. Однако и как религиозное течение даосизм не вписывается в какие-либо традиции. В отличие от «общинных» форм религии, даосизм – это форма личностного переживания и субъективного понимания мистического, которое трудно вписать в какой-либо свод правил и законов. Таким образом, даже в религиозной форме даосизм не утратил своих философских черт, что говорит не о переходе от философии к религии, а об их взаимодействии и взаимозависимости, а это значит, что концепция о разделении даосизма на «ранний» и «поздний» является некорректной. Более того, большое количество современных синологов (Н.Ж. Жирардо, Дж. Нидэм,

К.М. Скиппер, Идзуцу Тосихико) разделяют теорию о даосизме как религиозно-мистическом учении, которое возникло задолго до появления канона «Дао дэ цзин». «А. Масперо был первым ученым, решительно отказавшимся от противопоставления раннего и позднего даосизма и указавшим на то, что, с одной стороны, религиозная практика, традиционно считавшаяся позднедаосской, в действительности предшествовала философии Лао-цзы и Чжуан-цзы, осмыслявших ее и философски интерпретировавших стихийно уже сложившиеся представления, а с другой – что все памятники «философского» даосизма пронизаны указаниями на существование даосской религиозной практики и методов «обретения Дао»» [2, с. 34]. Таким образом, так называемый «поздний» даосизм с его мистическими практиками – это не развитие или регресс от изначальной «отправной точки» «Дао дэ цзин», но логическое продолжение идей, возникших до или во время написания трактата.

Проблема определения даосизма как философии или религии заключается в том, что данное течение на протяжении всей истории своего развития принимало различные формы внешнего выражения. Следует обозначить даосизм как особое, ни на что не похожее учение, вобравшее в себя как архаическую философию, так и мистические практики. «Даосизм – явление причудливое, разное, как лоскутное одеяло. Это не религия, не учение, не философия, не даже конгломерат школ. Скорее, особый настрой сознания, присущий китайскому этносу. Если конфуцианство – это то, как о себе думают сами носители этой традиции, то даосизм – это то, что они есть на самом деле» [3, с. 70].

Несмотря на неоднозначность структуры и содержания даосизма, вклад течения в развитие Китая трудно переоценить. Искусство каллиграфии, фен шуй, китайская медицина – вот лишь небольшой список достижений Китая, берущих своё начало в даосизме. Таким образом, важна не столько форма выражения течения, сколько его роль в становлении Китая в целом.

Литература

1. Крупнейший сборник онлайн-словарей – OnlineSlovari.ru [Электронный ресурс]. – URL: http://www.onlineslovari.ru

2. *Маслов А.А.* Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. – М.: Алетейя, 2003. 376 с.

3. *Маслов А.А.* Мистерия Дао. Мир Дао дэ цзина. – М.: Издательство «Сфера» Российского Теософского Общества, 1996. 512 с.

4. *Торчинов Е.В.* Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. – Спб.: Андреев и сыновья, 1993. 310 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА ТЕКСТОВ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

PARALLEL TEXT CORPUS USAGE IN SOLVING PROBLEMS IN COMPARATIVE LINGUISTICS (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS)

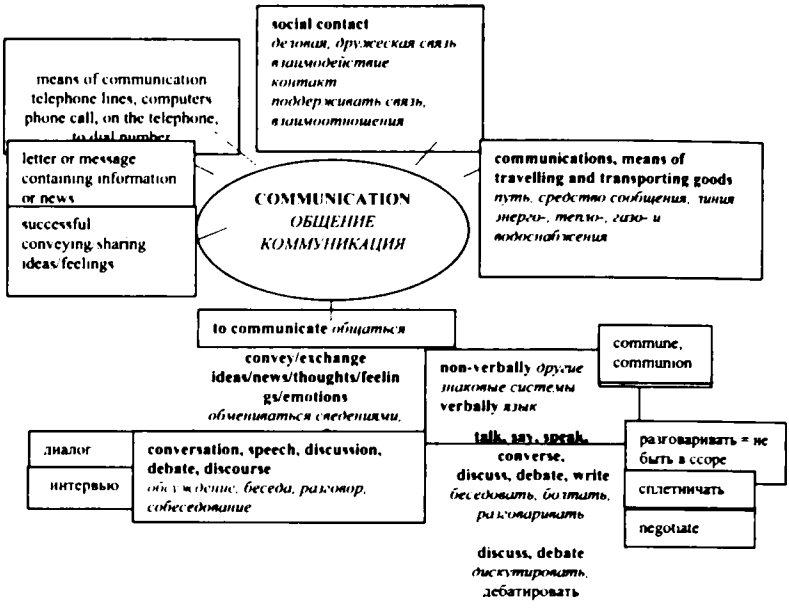
Калашникова Виктория Николаевна
Kalashnikova Viktoriya Nikolayevna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
k.viktoriya@inbox.ru

Несмотря на то, что первые лингвистические корпусы текстов появились относительно недавно, в 60-е гг. XX века, данные, полученные из текстовых корпусов, активно используются в настоящее время для решения проблем как лингвистики, так и многих других наук, и границы их применения продолжают расширяться.

Такое подразделение текстового корпуса, как корпус параллельных текстов, представляет собой сопоставление текста на одном языке с его переводом на другой язык, причем между единицами оригинального и переводного текста устанавливается соответствие с помощью специальной процедуры, называемой разметкой. Благодаря данной специфике корпус параллельных текстов позволяет посмотреть на перевод не как на объект, а как на средство исследования, давая обширный материал для сравнения различных лингвокультурных концептов и понятий. Таким образом, он может представлять особый интерес для сопоставительной лингвистики, а именно, для решения проблемы значения, возникающей при столкновении с разницей языкового воплощения концептов.

Целью данной работы является описание методики использования текстов параллельного корпуса для исследования языкового воплощения определенного понятия в сознании носителей двух языков, а также представление конкретных результатов нашего собственного исследования, проведённого с использованием данной методики.

В качестве исследуемого объекта мы выбрали понятие «коммуникация» в сознании носителей русского и английского языков, руководствуясь его актуальностью, а также ярко выраженной национальной спецификой, находящей свое отражение в языке.

Процесс коммуникации в настоящее время находится в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей и изучается с точек зрения многих наук социогуманитарного, естественно-научного и научно-технического циклов [1, 2, 3]. Каждая из них пользуется собственной методикой. При этом использование различных методик изучения позволяет освещать разные аспекты коммуникации и открывать ее новые стороны. Методика, предлагаемая в данной работе, объединяет лингвистический и переводоведческий подходы к изучению коммуникации что, соответственно, придает данному исследованию некоторую новизну.

Исследование языковой реализации понятия «коммуникация» в речи носителей русского и английского языков проходила в два основных этапа.

На первом этапе, перед тем как приступить к анализу параллельного корпуса, необходимо было выделить совокупность языковых средств, номинирующих данное понятие в русском и английском языках. Для

достижения данного результата мы применили метод сплошной выборки лексических номинаций данного понятия из толковых словарей [4, 5] и словарей синонимов [6, 7].

В результате в русском языке были выявлены следующие лексемы: *общение, коммуникация, разговор, диалог, беседа, обсуждение, диалог, собеседование, сообщение, деловая, дружеская связь, интервью, контакт, взаимопонимание, взаимоотношения, сплетничанье, общаться, беседовать, разговаривать, болтать, обсуждать, дискутировать, дебатировать*. Для английского языка это лексемы *communication, communications, conversation, talk, discourse, intercourse, discussion ,debate, phone call, on the telephone, to dial number, computers, letter, message, contact, to speak, to say, to talk, to converse, to communicate, to commune, to negotiate*.

Далее был проведен анализ дефиниций выделенных лексем и на его основе составлены лексико-семантические поля отдельно для понятий «коммуникация» и «communication» в каждом языке соответственно.

Следующим шагом стало построение общего лексико-семантического поля для русского и английского языков, полученное способом «наложения» двух полученных полей друг на друга, которое представлено ниже. Данный шаг позволил создать общую сравнительно-сопоставительную картину языковой реализации этих двух понятий, и таким образом выделить компоненты значения, общие для русского и английского языков и, наоборот, компоненты, включенные в дефиниции толковых и синонимических словарей одного языка, но не упомянутые в другом.

Полужирным шрифтом в данном поле выделены компоненты английского языка, которым при анализе дефиниций толкового словаря и словаря синонимов были найдены аналогичные компоненты. По такому же принципу выделены курсивом компоненты русского языка. Обычным шрифтом обозначены как русские, так и английские компоненты, особенность которых состоит в том, что они выделяются как отдельные значимые значения в дефинициях словарей одного языка, тогда как в другом языке они не были выделены.

Здесь необходимо подчеркнуть, что анализ на данном этапе проходил только на материалах словарных дефиниций, и, таким образом, предоставил идею о статичной реализации этих понятий в языке.

На втором этапе мы перешли непосредственно к использованию данных параллельного корпуса [8] как средства выявления дополнительных семантических компонентов лексико-семантического поля. Здесь были рассмотрены только ключевые, центральные лексемы данных понятий из ядра лексико-семантического поля: *общение*, *общаться*, *разговор* и *беседовать*. Последнюю лексему мы выбрали, руководствуясь ее национально-культурологической значимостью и спецификой. Каждую из этих лексем мы поочередно вводили в параллельный русско-английский корпус Национального корпуса русского языка и отмечали ее английские соответствия. Это позволило проверить полученные сведения о языковом воплощении понимания коммуникации, представленном в лексико-семантическом поле, на материале, отражающем динамику языкового функционирования данного понятия.

В результате данные, полученные при помощи анализа перевода параллельного корпуса с ключевым словом из лексико-семантического поля, показали, что:

1. Компоненты лексико-семантического поля могут переводиться как единицами, обнаруженными в результате анализа словарных данных, так и не соответствующими им. Их соотношение варьируется в зависимости от анализируемого компонента. Например, для компонента *общаться* были получены следующие варианты перевода, находящие реализацию в поле *communication*: *to commune*, *contacts* и другие; и следующие варианты, не встретившиеся при построении поля: *to network*, *to socialize*, *to live with* и другие.

2. Анализ перевода значительно обогатил лексико-семантическое поле компонентами, расширяющими грани понятия «общение», включая лакунарные и культурно-маркированные единицы, а также словами во вторичном или устаревшем значениях и фразеологизмами. Так, непосредственно для компонента «общение» были обнаружены следующие лексико-семантические варианты, не присутствующие в поле, построенном на основе словарей: *(spiritual) union*, *commerce*, *religion*, *manners*, *dealings*, *party*, *interchange*, *social*, *fellowship*, *to mix (with)*, *to be in smb's presence*, *to associate with*, *to consort* и другие. Для компонента «общаться» - *to network*, что является лакунарной культурно маркированной единицей, означающей «to interact with others to exchange information and develop professional or social contacts», *to socialize*, *to be informal*, *to mingle with*, *to hang around*, *to relate to*, *to rub shoulders*, *to be*

comfortable with, human affiliations, и другие. Компонент «разговор» показал следующие новые значения: *duet, interview, chat, verbal area, gossip*; также английское лексико-семантическое поле значительно обогатилось лексикой, связанной с общением по телефону; характерная для русской культуры единица «беседовать» отразила такие особенности восприятия коммуникации, как *to chat, to instruct, to sit together, to address* и другие.

3. Анализ корпуса показал сближение национальных восприятий понятия «общение», так как русский и английский языки все же пересекаются в некоторых областях лексико-семантического поля, где ранее были выявлены отличия. Это следующие компоненты: *сплетничать, диалог, интервью, не быть в ссоре (разговаривать)*. Однако, все же сохранились области без пересечений, а именно: *successful conveying or sharing ideas or feelings, letter or message containing information or news, means of communication* и *negotiate*.

Таким образом, используя представленную методику, мы выявили особенности функционирования языковых единиц, номинирующих понятие «коммуникации» в англоязычной и русскоязычной культуре, и получили развернутую картину языковой реализации данного процесса в динамике. Представленные данные доказывают состоятельность и результативность введенной методики использования параллельного корпуса текстов в решении проблемы определения и конкретизации значения анализируемых понятий в сопоставительной лингвистике. В дальнейшем, результаты, полученные при анализе языкового материала, могут быть применены для построения сопоставительных моделей концептуальных полей двух культур с их последующей верификацией посредством психолингвистических экспериментов.

Литература

1 *Соколов А. В.* Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В. А. 2002. 461 с.

2. *Computer*-Mediated Communication: Human-to-Human Communication Across the Internet. Barnes S.B. Boston: Allyn and Bacon, 2003. 347 p.

3. *Шаманова М.В.* Коммуникативная категория общение в русском коммуникативном сознании. // Коммуникативные исследования 2003. – Воронеж: Истоки, 2003. – С. 180-187.

4 *Современный* толковый словарь русского языка. Ефремова Т. Ф. В 3-х т. М.: АСТ, 2006

5 *Oxford* Dictionary of English. – Oxford.: Oxford University Press, 2003. 2110 p.

6 *Словарь* синонимов русского языка. Александрова З.Е. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 2001. 568 с.

7. *The Oxford* Dictionary of Synonyms and Antonyms. Oxford.: Oxford University Press, 2007. 528 p.

8 *Параллельный* русско-английский корпус Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]: URL: http://ruscorpora.ru/search-para-en.html

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБРАЗЕ И ПОДОБИИ БОГА В ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА. THE CONCEPTION OF IMAGE AND LIKENESS OF GOD IN ANCIENT CIVILIZATIONS OF NEAR EAST

Ковшов Михаил Всеволодович
Kovshov Mikhail Vsevolodovich
Московская православная духовная академия
Moscow Orthodox Theological Academy
bibltema@gmail.com

В древнейших цивилизациях Ближнего Востока термины образ и подобие часто применялись для обозначения статуй или идолов. Причем, по мнению Эдварда Кёртиса (Edward M. Curtis), данные изображения имели своей целью не показать, как выглядит бог, а попытаться выразить определенные качества или атрибуты, характерные для данного божества. «Главное предназначение изображения, таким образом, было не в том, чтобы представить божество; скорее, изображение было одним из преимущественных мест, где бог открывал себя».[1]

В тексте древней аккадской надписи, посвященной завоеванию царем Нарам-Шином северо-сирийских городов Армания и Эблы, читаем:

«И в это время я поставил
подобие мое
и посвятил его Шину (...
Никто да не изгладит мое имя»![2]

Первоначально надпись была нанесена на подножие статуи, до наших дней текст сохранился в трех старовавилонских копиях из Ура.[3]

Представление о человеке как образе бога встречается не только в Древнем Израиле, но и у других ближневосточных народов, в частности, в Древнем Египте и Месопотамии. Наиболее древнее свидетельство относится к эпохе Десятой династии и содержится в т.н. «Пою-

1 *Curtis E.M.* Image of God (Old Testament). *ABD* 1997.
2 *COS* II:245.
3 Ibid. P. 244.

чении гераклеопольского царя своему сыну Мерикара»[1] (ок. 2050 до н.э.)[2]. Текст дошел до нас в трех фрагментарных папирусах, которые относят ко времени правления Восемнадцатой династии (ок. 1550(1580)-1292(1314) до н.э.)[3]. В этом любопытном документе содержатся следующие слова, посвященные человеку[4].

«Обихожены люди, паства бога. Ради них он создал небо и землю, когда изгнал жадность вод; чтобы жили их [носы], он создал воздух; они – его образы во плоти. ...»[5].

В переводе М.Э. Матье текст звучит несколько иначе: «Сохраняй людей, стадо бога. Сотворил он небо и землю по их желанию, уничтожил он ужас воды, сотворил воздух, чтобы жили их ноздри. Это — подобия его, вышедшие из тела его»[6].

Нетрудно заметить многочисленные параллели с библейским повествованием о сотворении человека, которые присутствуют в тексте «Поучения». Сотворение по образу бога, вдыхание богом дыхания жизни описывается в первых главах книги Бытия. Гимно-поэтическая структура текста, а также его смысловая организация, указывает на 143-й псалом в качестве параллели[7]. Хотелось бы также обратить внимание на то, что в представлении автора документа люди являются вполне реальными отображениями бога и даже «происходят от его тела»[8]. Заметим также, что это самое раннее свидетельство является в то же время единственным, в котором говорится о сотворении *всех людей* по образу бога.

В более поздних источниках словосочетание «образ бога» является элементом так называемой «королевской идеологии»[9]. По мнению некоторых ученых (Horst, Loewenstamm, Wildberger), в Ветхом Завете мы имеем дело со своего рода «демократизацией» этой достаточно рас-

[1] См. *ANET* 414-418; *COS* I:61-66.

[2] *Van Leeuwen R.C.* Form, Image. // *NIDOTTE*. Vol. 4. P. 643.

[3] *COS* I:62.

[4] *ANET* 417; *COS* I:64-65.

[5] Перевод А.Е. Демидчика. Цит. по изданию: *История* Древнего Востока. Тексты и документы. Учебное пособие. / Под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высшая школа, 2002. С. 21.

[6] *Хрестоматия* по истории древнего мира. Под ред. В. В. Струве. Том I. Древний Восток. – М.: Учпедгиз, 1950. С. 49.

Интерпретацию различных черт сходства библейского повествования о творении с космогониями Древнего Ближнего Востока см. в: *Ковшов М.В.* Уникальный характер библейского повествования о Личном Боге Творце в его ближневосточном контексте. // Микрокосмос. Научно-богословский и церковно-общественный альманах миссионерского отдела Курской епархии. Курск, 2009. Вып. 2. С. 39-50. – URL: http://www.bogoslov.ru/data/2010/02/18/1235165929/MIKROKOSMOS_2.pdf.

[7] Ibid.

[8] *Paul S. M.* Creation and cosmogony in the Bible. // EY 1997.

пространенной на Ближнем Востоке идеи, когда не только верховный правитель, но все человечество в целом рассматривается как сотворенное по образу Божию[1].

В древнеегипетских текстах начиная с эпохи Нового царства мы находим множество примеров, когда фараон называется образом какого-либо бога. Например, Сети I (1290–1279/1278 до Р.Х.) называется добрым богом, сыном и образом бога Ра[2]; о создании фараона по образу Атона читаем в гимне, начертанном на гробнице Айа (1323–1319)[3]. На победной стеле Пийе (ок. 746–715/713) фараон награждает себя такими именами:

«Я царь, образ бога,
живое подобие Атума»![4]

В птолемеевский период эта традиция нашла свое продолжение в эллинистическом культе правителя Египта. Например, на Розеттском камне Птолемей V Эпифан назван «живым образом Зевса» и «сыном Гелиоса»[5].

В литературе Месопотамии мы также иногда можем встретить упоминания о том, что царь является образом и подобием своего божества, однако такие примеры встречаются очень редко — всего пять раз, четыре из которых относятся к нео-ассирийскому периоду[6]. Надпись на медной статуе монстра Лахму повествует о причинах обожествлении аккадского владыки Нарам-Шина и построения храма в его честь. В тексте говорится, что жители Аккада, пораженные могуществом царя, проявившемся в его многочисленных победах над врагами, упрашивают богов, чтобы Нарам-Шин стал богом их города, и ставят ему храм «в центре Аккада»[7]. Заканчивается этот текст весьма красноречивым проклятием: тому, кто удалит эту надпись, грозят всевозможные бедствия от богов вплоть до истребления не только его самого, но и всех его потомков[8]. На примере этой надписи мы можем видеть истинные цели самообожествления ближневосточных монархов: не стоит поднимать руку на живого бога, поскольку это повлечет за собой крупные неприят-

1 Ibid.
2 *COS* II:28,29.
3 Ibid. P. 66.
4 Ibid. P. 42.
5 *Kleinknecht H.* The Greek Use of εἰκών. В статье: εἰκών. // *TDNT*.
6 *Curtis E.M.* Image of God (Old Testament). // *ABD* 1997.
7 *COS* II:244.
8 Ibid.

ности. Принимая во внимание характер ближневосточной истории, такие попытки самообожествления представляются вполне понятными.

В заключение можно выделить основные характерные черты понимания образа и подобия бога на Древнем Ближнем Востоке:

1. Образ носит вполне реальный и конкретный характер — будь то статуя, идол, или человек.

2. Божество проявляет себя через свой образ.

3. Человек имеет божественную природу. В вавилонской космогонической поэме «Энума элиш» это кровь бога Кингу[1]. В папирусе Бремнер-Ринд, составление которого относят к началу правления Рамсесидов[2], читаем:

«Таково происхождение людей –
из слез, истекших от Ока моего»[3].

4. Раннее свидетельство говорит о сотворении всех людей по образу бога, более поздние относят божественные атрибуты только к монархам.

5. Образ бога тесно связан со славой и властью — будь то власть и слава человека как владыки тварного универсума или власть и слава монарха как владыки своих подданных.

Литература

1. *История* Древнего Востока. Тексты и документы: Учебное пособие. / Под ред. В.И. Кузищина. - М.: Высшая школа, 2002. С. 17–21.

2. *Хрестоматия* по истории древнего мира. / Под ред. В.В. Струве. Том I. Древний Восток. - М.: Учпедгиз, 1950. С. 46–49.

3. *ABD 1997* – The Anchor Bible Dictionary. / Freedman D. N., ed. [Electronic resource]. – Electronic data and program. – CD ROM Edition. – New York, 1997.

4. *ANET* – Ancient Near Eastern Texts relating to the Old Testament. / Pritchard J. B., ed. – Princeton: University Press, 1969. – 711 p.

5. *COS* – The Context of the Scripture / Hallo W. W., Younger K. L., eds. – Leiden: Brill, 1997. – Vol. 1: Canonical Compositions from the Biblical World. // Libronix Digital Library System. [Electronic resource]. – Electronic data and program. – Version 3.0. – 2006.

6. *EJ 1997* – Encyclopedia Judaica. [Electronic resource]. – Electronic data and program. – CD ROM Edition. – Version 1.0. – 1997.

7. *NIDOTTE* – New International Dictionary of Old Testament Theology and Exegesis. / VanGemeren W., gen. ed. – Grand Rapids: Zondervan Publishing House, 1997. – Vol. 4. – 1322 p.

8. *TDNT* – The Theological Dictionary of the New Testament. / Kittel G., Fridriech G., eds. [Electronic resource] Grand Rapids, 2000. CD ROM Edition.

---

[1] *COS* 1:401.

[2] *COS* 1:15.

[3] Ibid.

РЕРИХ – СОЗДАТЕЛЬ ТИБЕТСКО-РУССКО-АНГЛИЙСКОГО СЛОВАРЯ. ROERICH - THE CREATOR OF THE TIBETAN-RUSSIAN-ENGLISH DICTIONARY

Костина Татьяна Юрьевна
Kostina Tatiana Yurievna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
tanya_kostina@mail.ru

Внимание ученых к исследованию Тибета не ослабевает с годами. Эта загадочная страна вызывает интерес у этнографов, географов, историков, лингвистов. Тибет расположен на стыке Китая, Индии и Центральной Азии. По мнению многих ученых именно там следует искать истоки взаимосвязей культур Востока и Запада.

Большой вклад в изучение культуры Тибета внес Ю.Н. Рерих; благодаря широкой эрудиции, великолепному знанию тибетского языка и его диалектов, в экспедиционных условиях изучил историю, быт и язык этой удивительной страны.

Юрий Николаевич родился в семье Николая Константиновича Рериха (1874—1947) - выдающегося художника, мыслителя и поэта, и Елены Ивановны Рерих (1877—1955) – писательницы, просветительницы. Детские и отроческие годы будущего ученого прошли в Петербурге в атмосфере семьи, где интерес к духовной культуре Востока был очень велик. Проблемы Великого переселения народов, загадки рождения и гибели кочевых империй, тайны древних курганов и могильников Великой Евразийской степи - все это с юношеских лет глубоко запало в сознание будущего востоковеда, непрестанно питая его творческое воображение.

Оказавшись за границей, Юрий Николаевич целенаправленно продолжал своё востоковедческое образование в крупнейших научных центрах Запада. В 1921 г. он учился на индоиранском отделении Школы восточных языков Лондонского университета у знаменитого Денисона Росса; в 1922 г. получил диплом бакалавра в Гарвардском университете в США, где учителем его был известный санскритолог Чарльз Лэнмэн; в 1923 г. Рерих защитил магистерскую диссертацию в Школе восточных языков при Сорбонне, пройдя курс монгольского у прославленного Поля Пелльо. Там же, в Париже увидел свет его первый большой труд: поныне остающаяся классической «Тибетская живопись»; над ней мо-

лодой учёный работал уже в Сиккиме, где с 1923 г. жила семья Рерихов, занимаясь подготовкой экспедиции в глубины Центральной Азии. В ходе этой грандиозной экспедиции, прошедшей в 1925-1928 гг. огромные расстояния по территориям Гималаев, Тибета, Монголии и Южной Сибири, Ю.Н. Рерих проводил все лингвистические, археологические и антропологические исследования, руководя в то же время и военной охраной экспедиции [1].

Рубеж XIX -XX веков ознаменовался глубоким поворотом к Востоку в кругах образованного русского общества того времени. После почти двухвекового контакта России с Европой, начавшегося в эпоху Петра Великого, этот интерес к Востоку был далеко не случаен. Достаточно вспомнить знаменательные слова Достоевского: «Да, если и есть один из важнейших корней, который надо у нас оздоровить, так это именно взгляд наш на Азию...» [2]

Годы учения сразу остались позади, и перед Ю.Н. Рерихом раскрылось необозримое поле для приложения накопленных знаний, позволивших ему уже с двадцати одного года начать самостоятельную научно-исследовательскую творческую работу.

Экспедиция позволила Ю.Н. Рериху ближе узнать живой тибетский язык и его диалекты, побывать в легких юртах кочевников, где живы предания о Гессэре, легендарном герое знаменитого центральноазиатского эпоса, и в недоступных горных монастырях Южного Тибета - настоящих сокровищницах древнеиндийских, непальских и тибетских святынь. С этой поры история Тибета (особенно кочевого) как часть истории Центральной Азии, становится лейтмотивом его научного творчества [1].

Уже в Москве Ю.Н. Рерих работал над завершением большого труда своей жизни – тибетско-русско-английского словаря объемом около 100 авторских листов. Опубликованная посмертно книга Ю.Н. Рериха «Тибетский язык» появилась 120 лет спустя после «Грамматики тибетского языка» академика Я. Шмидта и почти полвека спустя после «Пособия по изучению тибетского языка» профессора Г.Цыбикова и стала, таким образом, третьей работой на русском языке, посвященной языку Тибета. В работе Ю.Н. Рериха «Основные проблемы тибетского языкознания» впервые в науке дана лингвистическая карта Тибета, отражающая историческое развитие языка с VI века н.э., поставлена перед тибетологами проблема создания нового литературного тибетского языка с максимальным приближением к разговорной речи [3].

ཀ

ཀ། I 1)ка(первая буква тибетского алфавита)/ka(the first letter of the Tibetan alphabet); 2) буквенное обозначение числа I в серии /used to indicate number 1 in a series; 3)начало;происхождение /beginning;origin; ཀདཀྱིཀ། изначально чистый /pure from the beginning.

ཀ། II 1)именной аффикс/ nominal affix: ཀཱཏ། вес / weight; སྐྱེཀ། день рождения/ birthday; иногда придает значение:самый,как раз,именно/ it often denotes:the very, just,namely; འཆིཀཀ། самый момент смерти,последний вздох / at the very moment of death; ཀཎ་ཀ། [именно это] самое время /this very time; ཁ་ཀ། как раз,именно теперь /this very moment; འདིཀ། этот самый(человек)/this very(person); 2)аффикс собирательных числительных /numerical affix: གཉིས་ཀ། оба, двое /the two; གསུམ་ཀ། трое / the three.

ཀ། III см. ཀཱ། I).

ཀཱཀ། санскр. kāka 1)ворона / crow; 2)карканье /voice of a crow.

ཀཱཀཎི། санскр. kākiaī,kākaṇI 1)семя растения Abrus precatorius (употребляется в качестве меры веса в медицине) /the seed of Abrus precatorius(used as a weight in medici-

Главными побудителями к составлению «тибетско-английско-русского словаря с санскритскими параллелями» Владимир Леонидович Носов выделяет две причины: историко-географическую и лингвистическую. Ю.Н. Рерих в своем письме к голландскому издателю Э. Дж. Бриллю пишет: «Несмотря на то, что этот словарь тибетско-английский, он дает санскритские эквиваленты важных буддийских терминов, а также слова заимствованные из китайского, монгольского, хинди, урду, персидского и других языков... Словарь также включает слова разговорного и современного литературного языка, особое внимание уделено вежливым выражениям, не отраженным в существующих словарях этого языка. Словарь содержит огромное количество новых слов, никогда ранее не записывающихся. Я думал о добавлении к словарю и русского текста, что помогло бы его распространению в России, где тибетские исследования проводятся активно» [4], что впоследствии Ю.Н. Рерих и осуществил. Словарь получил самое широкое признание в научных кругах всего мира. Его так и называют – «Словарь Рериха».

Географическое положение и те политические условия, в которых до недавнего времени находился Тибет, - вот главные причины скудности знаний об этой стране. Однако, полтораста лет, в течение которых Тибет, так или иначе, изучался, конечно, не прошли даром. За это время накопились вполне солидные знания о географии, этнографии, истории, о материальной и духовной культуре этой страны. Получены более точные знания о языке, о богатом устном творчестве, о светской литературе, и обширной, хотя и своеобразной исторической литературе. Ю.Н. Рерих был одним из ученых, чьими силами развивалось тибетоведение. Как тибетолог Ю.Н. принадлежал к теперь уже исчезающему типу ученого-востоковеда: он был специалистом по изучаемой им стране в целом, причем, в каждой области знаний об этой стране он был действительно специалистом, а не дилетантом. «Великие кочевые империи, - писал Ю.Н.Рерих, - колоссальные по замыслу и занимаемому географическому пространству, остаются и поныне почти не исследованными...» [1].

Поиск истоков цивилизации, определяющих «единство великой кочевой Центральной Азии», стал ведущим направлением научной деятельности Юрия Рериха. Еще совсем недавно востоковедение было замкнутым полем деятельности, где производились углубленные исследования, однако его сокровища были недоступны остальному миру и были от него скрыты под густой завесой времени. Но наступил час, когда эта наука, посвященная восстановлению событий прошлого оказалась призвана указать людям новые пути и, таким образом, облегчить взаимопонимание двух великих очагов мировой цивилизации. Нередко говорят о глубокой пропасти разделяющей Восток и Запад. И это представление настолько укоренилось, что у современного человека выражение «восточные народы» вызывает целую серию условных образов. Достаточно освободиться от этих предвзятых идей, для того, чтобы вопрос получил совсем иное решение. Разумеется различие между Востоком и Западом основано не на расовых особенностях, но скорее на различии представлений о вещах, созданных условиями разобщенной жизни и массой предрассудков. То что на первый взгляд казалось невозможным представить Юрий Николаевич Рерих осуществил, он пробил эту стену предрассудков и условных идей.

На протяжении последних пятидесяти лет религиозные и философские доктрины Востока проникали медленно но неотразимо в страны Запада. Многие западные ученые внесли свой вклад в труд древних восточных мыслителей. И, несмотря на многочисленные ошибочные

толкования в жизнь Европы пробивается «восточное течение». Таким образом, приближается взаимопонимание и понемногу заполняется та пропасть, которая еще вчера казалась непреодолимой.

Литература

1. *Гумилев Л.Н.* Ю.Н.Рерих как историк Центральной Азии // Творческое наследие семьи Рерих в диалоге культур: филос. аспекты осмысления: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2005. С. 668-674.

2. *Достоевский Ф.М.* Геог-Тепе. Что такое для нас Азия? – Полное собрание сочинений, т. 21, СПб., 1896, с. 514.

3. *Рерих Ю.Н.* Тибетский язык, — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 136 с.

4. *Рерих Ю.Н.* Письма. – М.: МЦР. – 2002. - Т2. - С.104

ТРАДИЦИИ ВОСТОКА В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ XIX СТОЛЕТИЯ. THE EAST IN THE EUROPEAN CULTURE OF THE 19TH CENTURY

Кошелюк Наталья Андреевна
Koshelyuk Natalia Andreevna
Национальный исследовательский Томский Государственный Университет
National Research Tomsk State University
NKoshelyuk(a) yandex.ru

Огромную роль в формировании мировой культуры играет XIX столетие. Эта пора обозначена широким расцветом художественного творчества: под влиянием Французской Революции и правительственной политики происходит смена господствующих направлений и стилей. Эпоху Просвещения, утверждающую культ разума и рационального, сменяет принципиально новое направление - романтизм - явление европейской культуры, характеризующееся культом природы и стихийного чувства, естественного и индивидуального начал в человеке.

Писателям и художникам данного направления присуще убеждение, что не знание и логика, а интуиция и воображение открывают тайны бытия. Фантазируя о загадочном, литераторы XIX столетия зачастую обращались к Востоку, к далекой и малоизведанной европейцами цивилизации. Через образы природы, представления о культуре и нравах восточных народов романтики материализуют свои фантазии и идеи о прекрасном мире мечты. Ориентализм, как развивающаяся тенденция того времени, проник практически во все сферы человеческой деятельности. Таинственный мир Востока, его экзотика и иррациональное начало, столь характерное для европейской культуры, притягивали

внимание романтиков, давали волю воображению многих художников, поэтов и писателей. Ярким примером взаимодействия двух культур можно считать художественное творчество Э. Делакруа, в литературе явные признаки ориентализма прослеживаются в работах выдающегося английского поэта Дж. Г. Байрона.

Значительное место в творческом наследии поэта занимают так называемые «Восточные поэмы», вышедшие в свет в 1813-1816 годах, как результат двухгодичного путешествия лорда по южным странам. Национальный колорит, быт и удивительные культурные традиции, живописная природа - всё вызывает пристальный интерес поэта. Во время странствий по Константинополю, Греции и Албании Байрон глубоко осознал свое общественное призвание как поэта. Увиденное он стремился передать в строфах, обличавших политику правительств тех стран, которые поддерживали тиранию и насилие над народами. К циклу «Восточных поэм» относят следующие произведения: «Гяур» и «Абидосская невеста» (1813), «Корсар» (1814), «Осада Коринфа» (1816). В этих поэмах Дж. Г. Байрон создает ту романтическую личность, которая впоследствии, стала называться байронической. Как и любой романтик, поэт уделял большое значение духовному миру человека. Его герои обладают исключительными чертами: они испытывают бурные чувства, переживают, стойко переносят все тяготы судьбы, стремятся к совершенству и достижению мечты.

Путевые впечатления Байрона носили разный характер, они были то раздумьями, то призывом к народам сбросить иго тирании, то восторгом перед красотой обычаев, экзотикой природы и местных женщин. Во время путешествия поэтом было создано немало лирических стихотворений о запомнившихся встречах и событиях: «Афинской девушке» (Час разлуки бьет - прости,/ Афинянка! возврати/ Другу сердце и покой,/ Иль оставь навек с собой…), «Прощание с Мальтой» (Прощай, смешная Ла-Валетта!/ Прощай, жара в преддверье лета!/ Прощай, дворец, пустой и скучный!/ Прощай, провинциал радушный!/ Прощай, народ многоречивый!/ Прощай, мой карантин, причина/ Злой лихорадки, злого сплина!…), «Сонет к Дженевре» (Ты так бледна и так мила в печали,/ Что, если вдруг веселье воспалит/ Румянцем розы белые ланит,/ Я грубый цвет их вынесу едва ли…) и другие.

Путешествие на Восток подтверждало для поэта справедливость воззрения: «Всё суета, кроме наслаждения». Всюду, где Байрон ни проезжал, он видел, что жизнь сурова и жестока, каждый человек поро-

чен, а смерть следует тенью. Восточное мировоззрение, характерный фатализм мусульман, их непоколебимая вера в предопределенность событий и жизненный исход независимо от содеянного, были близки поэту, и так свойственны романтическим натурам. В этом длительном одиночестве он познал несколько истин о самом себе: узнал, что может быть счастлив, существуя только вне закона. Поэт полюбил восточные страны, их культуру, обычаи и иррациональность мышления. Свои смелые представления о Востоке, подкрепленные реальными эмоциями, пышность и экзотичность ландшафта Дж. Г. Байрон отразил в поэмах: «О, дивный край, где круглый год/ Весна природе ласку шлет./ Когда же путник умиленный/ С высот Колонны отдаленной/ Зрит ту страну, то веселит/ Сердца её счастливый вид,/ С уединеньем примиряя./ Чуть-чуть волнуясь, гладь морская/ Вершины отражает гор...». Для наибольшей выразительности в изображении действий, настроения героев и описания флоры поэт широко применяет вопросительные и восклицательные предложения: «Месть деспоту злодейством не зови! / Твой враг презренный должен пасть в крови! / Ты вздрогнул? Да, я стать иной хочу: / Оттолкнута, оскорблена - я мщу! / Я незаслуженно обвинена: / Хоть и рабыня, я была верна!». Красота природы, сильный, волевой характер восточных мужчин и образы прекрасных женщин, так ярко описанные в «Восточных поэмах», способствовали возрастанию интереса к Востоку и восточной тематике у многих деятелей искусства XIX столетия.

Следовательно, художественное творчество романтиков также наполнено фантазиями и реалиями о культуре далеких экзотичных стран. Под впечатлением от «Восточных поэм» и других работ Дж. Г. Байрона, а также от собственного путешествия по южным странам известным французским художником Эженом Делакруа было написано множество живописных полотен. Среди известных работ особо выделяют «Поединок гяура с пашой» (1826) и «Смерь Сарданапала» (1827-18280), картину, созданную по сюжету одноименной драмы английского поэта. Длительное пребывание художника в Испании, Бельгии и Марокко повлияло на стиль и тематику картин Делакруа. Живые, манящие образы и экспрессия природы нашли свое отражение в цикле работ о путешествии художника, среди которых особо примечательны «Греция на руинах Миссолунги» (1826) и «Битва Шаура и Хассана» (1826). Где бы ни видел художник своих героев - на фоне бескрайнего моря, диких скал или развалин замков - он использует изображение природы

не только для того, чтобы подчеркнуть особенность персонажей, но и показать быстротечность времени. После путешествия в Северную Африку и Алжир Делакруа исполнил ряд картин, отмеченных не только романтической красочностью и интересом к восточной тематике, но и воссозданием своеобразия национального быта, нравов и характеров, что наиболее ярко отразилось в работах «Женщины Алжира в своих покоях» (1834) и «Львиная охота в Марокко» (1854). Характерной чертой творчества французского живописца принято считать активную цветовую выраженность, энергию и четкость линий, что предвосхищает открытие импрессионистического направления в искусстве.

Можно говорить о том, что синтез европейской художественной манеры и колористических взглядов Восточных культур в конце XIX - начале XX веков значительно повлияли на формирование нового направления в искусстве - импрессионизма. Представители данного направления стремились передать непосредственное впечатление от окружающего мира, зачастую поступаясь с реальным изображением действительности, работы отличает фрагментарность композиции и яркость цвета. Данные особенности свойственны не только художникам импрессионистам, но и писателям романтического течения. Так, Байрон в «Восточных поэмах» использует преимущественно свободный логический порядок выстраивания предложений, что, в свою очередь, подтверждает всю иррациональность восточного мира: «Он средь людей тягчайшую из школ - / Путь разочарования - прошел». Возвращаясь к художникам-импрессионистам, можно говорить о том, что наиболее широкое распространение восточная тематика получила в работах А. Матисса и П. Гогена. Среди огромного множества работ Анри Матисса выделяют «Азию» (1946) и «Японскую маску», написанную в 1950 году. Работы отличает простота форм и необычайная яркость красок. Поиски особенного пути в искусстве характеризуют и творчество Поля Гогена. В своих работах художник фантазировал на тему восточной жизни, он не стремится к передаче достоверности окружающей действительности, он изображал лишь то, что хотел увидеть вокруг себя. К примеру, полотна «Рынок» (1892) и «Женщина, держащая плод» (1892) в полной мере отражают представление живописца о загадочной культуре Востока.

Таким образом, Восток, как таинственная и малоизведанная культура, рождала огромный интерес деятелей искусств XIX столетия. Художники, поэты и писатели с увлечением фантазировали, эксперимен-

тировали на тему культуры неевропейских народов, их манила и завораживала экзотика дальних стран и необычность здешней природы. Восточные тенденции в искусстве романтиков дали не только мощный толчок к развитию в дальнейшем нового художественного стиля - импрессионизма, но и способствовали росту заинтересованности в изучении и постижении этой загадочной и удивительной культуры - культуры Востока.

Литература

1. *Байрон Дж Г.* Избранное. М.: Правда, 1988. 431 с.

2. *Бочкало И Б.* Джордж Гордон Байрон. Избранное. М., 1997. 482 с.

3. *Кузьмина М.Т., Мальцева Н.Л.* История зарубежного искусства. М.: Изобразительное искусство, 1988. 503 с.

4. *Соловьева Н.А., Грешных В.И., Дружинина А.А.* История зарубежной литературы XIX века / под ред. Соловьевой Н.А. М.: Высш. Шк., 2007. 656 с.

5. *Великие* люди. Джордж Гордон Байрон: официальный сайт [Электронный ресурс]: Москва, 2012. - Электрон.дан. - URL: http://byron.velchel.ru/index.php?cnt=8&rhime=18/

«ЦЗУН ЦЗЯО - УЧЕНИЕ ПРЕДКОВ»: РЕЛИГИОЗНОСТЬ И СПЕЦИФИКА. ПОНИМАНИЕ РЕЛИГИИ В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ. "ZONG JIAO - THE DOCTRINE OF ANCESTORS": RELIGION AND THE SPECIFIC. THE UNDERSTANDING OF RELIGION IN CHINESE CULTURE

Кузьмина Марина Сергеевна
Kuzmina Marina Sergeevna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
marine_nl@mail.ru

В современном китайском лексиконе слово «религия» переводится как *цзунцзяо*, что означает «учение предков», или «учение, оставшееся от предков»; это абсолютно точно характеризует понимание сакрального мира китайцев. Что касается термина *цзяо (учение)*, то им обозначались практически все духовно-философские учения: и даосизм, и буддизм, и конфуцианство. Это именно *учения*, которые, основывались на попытках установить связь с предками, войти в контакт с ними. Тогда как *религия* для европейца включает в себя целый комплекс, который подразумевает собой и поклонение высшим силам, в существование

которых существует вера, и образ жизни, и идеология, и система моральных правил, обрядов и культовых действий, то есть все это и является *религией*, и едва ли является *учением*. Однако для китайца слово *вера* имеет иной смысл, нежели для европейца.

Здесь существует лишь *доверие* 信xìn (синь) - доверительное общение между человеком и Небом. Китайский иероглиф *синь*, который можно перевести с большим трудом как *вера*, означает доверие слуг к их правителям, доверие правителя к «знакам Неба». Китаец, поклоняясь Будде, одновременно поклоняется конкретному человеку как своему религиозному наставнику, тем самым, подчеркивая тот факт, что разницы между верой в Будду и верой в своего наставника нет. И то и другое является доверительными связями, которые и заключают в себе смысл *доверия*. Такая система заключена в отсутствии каких-либо символов и даже конкретных объектов веры. Всякая же установленная религия основывается на конкретном символе, будь то Иисус или Аллах, в который можно именно верить. В китайских традициях такого конкретного символа не существовало, его место занимало установление контактов с миром духов, предков, и, таким образом, кому бы ни поклонялся китаец, он всегда поклонялся либо своим предкам, либо единым предкам всей нации.

Также не было и молитвы для прямого обращения к Богу, но было *поклонение* как выполнение особых обрядов и ритуалов, которое подразумевало собой различные жертвоприношения и дары, персонификацию, и медитации, и воскуривание благовоний, которые и позволяли наладить контакт с первопредком.

В результате абсолютно иного понимания всей религиозной традиции всякое духовное учения Китая носит местный характер. То есть само общество присваивает титул наставника тому или иному человеку в связи с его умениями и навыками в нахождении контакта с потусторонним миром, получении энергии оттуда и передаче ее народу. И тот самый наставник и воплощал собой весь буддизм или даосизм. В Китае отсутствовали институты церкви, отсутствовал и «главный буддист» и патриарх. Поэтому особенность китайской традиции заключалась в том, что религиозный наставник не обращал ни малейшего внимания на десятки и сотни других философских школ, сект и учений.

Характерной чертой китайской духовной традиции также является то, что она не базируется ни на религиозных текстах, ни на священных писаниях. Но это не обозначает отсутствие сакральных книг, они как

раз и встречаются в огромных количествах, но суть их заключалась в том, чтобы обладать ими, но не читать.

Что касается понятия «Бог» для китайцев, то им являлся тот, кто достиг просветления, будучи простым земным человеком, он существует в сознании, скажем, буддиста как образец человека, достигшего Нирваны. В китайско-русских и русско-китайских словарях значение слова «Бог» передается по-разному: это 上帝shàngdì (шаньди - небесный царь, высший дух, высший предок) и 天主tiānzhǔ (тяньчжу - бог, аллах, божество); а также 老天爷lǎotiānyé (лао тянь'е – небесный старец, владыка неба) и 神shén (шень – дух, божество, Бог). Последний иероглиф встречается в словосочетаниях 神学shénxué (шеньсюэ - теология – наука о святом, наука о Боге), 神曲shénqū (шеньцюй – Божественная комедия) и передает, и святость и духовность и употребляется в значении «Бог». Но, как отмечает Маслов, в переводе Библии на китайский язык фигурирует слово 上帝shàngdì. Но Бог в христианстве ни небесный царь, ни первопредок в том понимании, в каком используют этот термин китайцы. Бог ассоциировался с превопредком – человеком, от которого пошел род, пусть и мифический, а не с создателем неба, земли и животных. То есть, нет ни только Бога, который создал человека по своему образу и подобию, но и того, кто мог бы занять его место в сакральном пространстве.

В переводе с китайского языка Wǒ xiāngxìn shàngdì - я верю в Бога, но тут имеется в виду вера в христианского Бога. Слово «вера» пришло в китайский язык незадолго после прихода христианства. Если же китаец верит в Будду, то эта фраза не используется. То есть для китайца равносильно сказать «я верю в Бога» и «я верю в существование Бога». Но это все-таки не одно и то же.

В Китае свободно соседствуют три основных религии - учения: конфуцианство, даосизм и буддизм, которые, по сложившемуся мнению китайцев, улучшают качество жизни. Китайский народ посещал кумирни и храмы всех этих трех религий, а также совершал обряды поклонения местным духам, при этом имел на своих домашних алтарях таблички с именами духов предков, и таким образом, поклонялся всему сразу, так как для китайцев это единый комплекс идей и верований. Когда в Китай пришло христианство в VII веке, то таблички с именем Иисуса Христа также размещались на тех же алтарях, рядом с именами предков, изображениями Лао-цзы, Будды и Мухаммеда, и ему покло-

нялись не как единственному Богу, а как одному из наиболее могущественных. Позже это получило название «религиозный синкретизм», когда свободно сосуществуют несколько религий. Если говорить о синкретическом характере религиозной жизни Китая, то «три учения» в сознании китайцев выступали в виде единого комплекса идей и верований, и, прежде всего, это вера в духов предков.

Только в Китае на богов можно было жаловаться, сетуя на невыполнение божеством его долга; только китайская духовная традиция позволяла официально наказывать божество в лице представляющего его в храме идола, если оно не откликалось на просьбы.

На самом деле духовных учений было не три, а значительно больше, но китайское сознание было нацелено на понятие троичности. «Три начала» - это Небо, человек и земля. Три важнейших домашних духа: богатства, знатности и счастья. На примере инь-ян существовала некая переходящая стадия из первого элемента в третий. Так же как и Инь и Ян не трансформируются друг в друга одновременно, существует промежуточная стадия, которая объединяет их вместе и одновременно разделяет их. Таким образом и рождается триединая структура. Известное китайское изречение гласит: «Даосизм – это сердце, буддизм – кости, конфуцианство – плоть». Здесь и заключается неразрывность китайской традиции, которая объясняет то, что ни одно из учений не являлось самостоятельным. Китаец еще в древности мог быть и буддистом, и даосом, и конфуцианцем одновременно. Из всех трех учений можно было почерпнуть нужную философию, но взгляды у всех разнились, поэтому менталитет каждого китайца в отдельности составлял одни и те же из перечисленных учений, но в разных пропорциях. В ком-то преобладали конфуцианские взгляды, в ком-то буддистские. Конфуцианство преобладало в сфере этики и социально–семейных отношении, являлось основой культуры государственной власти, воспитания чиновников и интеллектуалов, даосизм с его магией и пантеоном божеств и духов преобладал в сфере чувств, тем самым, разбавляя и компенсируя сухость конфуцианства, буддизм же отвечал за замаливание грехов и поддерживал иллюзии о светлом будущем.

Таким образом, картину духовной жизни Китая можно выразить тем, что существует только одно учение и целый ряд трактовок, школ, сект, зависящих от местных традиций или предпочтений конкретных

наставников. Это единое духовное учение и занимает место западного понятия «религия».

Литература

1. *Васильев Л.С.* История религий Востока. - М.: Книжный дом "Университет", 2004. – 702с.
2. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. - М.: Восточная литература, 2001. – 487с.
3. *Касевич В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. - СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 278с.
3. *Мартынов А.С.* Конфуцианство. - СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. – 367с.
4. *Тертицкий К.М.* Китайские синкретические религии в XX веке. - М.: Восточная литература РАН, 2000. – 414с.
5. *Конрад Н.И.* Синология. - М.: Ладомир, 1995. – 621с.
6. *Маслов А.А.* Укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. М.: Алетейа, 2003 – 480с.

ОБРАЗ ЖУРАВЛЯ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ. THE IMAGE OF THE CRANE IN THE CULTURE OF CHINA

Лазарева Анастасия Григорьевна
Anastasia Lazareva
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
darklirik@gmail.com

Культура Китая является одной из самых древних в мире, и, соответственно, насыщенной разнообразной символикой. Как и во многих других культурах, среди разнообразной символики большую роль играют животные, как мифологические, так и существующие реально, и наблюдаемые в живой природе.

Самыми почитаемыми в Китае птицами являются феникс и журавль. Феникс является существом мифологическим. Журавлей же на территории Китая проживает несколько разновидностей: стерхи, черношейные журавли, японские журавли, серые журавли, журавли-красавки.

В Китае журавля именуют «Патриарх племени пернатых». Китайцы с древних времен наблюдали за этими птицами, и эти наблюдения нашли отражение во всех сферах китайской культуры – мифологии, поэзии, живописи, боевых искусствах и т.д. вид птицы, особенности ее поведения, а так же свойства, приписываемые ей людьми.

В китайской мифологии журавль носит название «хэ» - созвучно китайскому произношению. «Хэ» питается субстанцией огня и металла, и к 160-летнему возрасту тело его становится белым и чистым, а крик может быть услышан небом. Ему приписывается исключительное долголетие. Белый «хэ» в возрасте тысячи лет становится синим (зеленым), а еще через тысячу лет — черным. Считалось, что белый журавль искусен в танцах, а черный тонко чувствует музыку. Упоминаются в легендах также желтые и красные журавли [1].

Большую роль журавли играли в даосизме – китайском традиционном учении «пути». В даосизме действуют два противоположных начала – «инь» и «ян», которые перетекают одно в другое и не могут существовать друг без друга. Журавль символизирует абсолютный «ян», воплощая собой светлое начало, движение, стремление вверх, к небу. Противоположностью журавля, абсолютной «инь», считается черепаха, поэтому в Китае часто встречаются совместные скульптурные либо рисованные изображения журавля и черепахи.

Самой многочисленной категорией божеств даосского пантеона являлись «сянь» – бессмертные. «Сянь» делились на «небесных» и «земных» бессмертных. К «земным сянь» относились обожествленные люди, получившие бессмертие за праведную жизнь. Эти бессмертные часто использовали журавлей как средство передвижения. Журавли в данном случае являлись посредниками, связующим звеном между двумя противоположными началами – Небом и Землей. Смерть даосского отшельника также часто описывалась словом 羽化 yuhua (ю-хуа), то есть превращение в пернатых – в журавлей.

В китайской даосской мифологии существовала группа героев, называемая «восемь бессмертных». Журавли связаны с некоторыми из них. Хань Чжунли, старейший из восьмерки, после выполнения своего предназначения, вознесся на небо на священном журавле, обретя бессмертие. Третий из восьмерки, Люй Дуи-бинь, от рождения имел шею журавля, спину обезьяны, туловище тигра, глаза феникса. В момент его зачатия с неба к постели матери на миг спустился белый журавль. Седьмой, Лань Цай-хэ уходит из мира, когда в облаках появился журавль «Однажды, когда он пел и плясал возле озера Хаолян, в облаках показался журавль, послышались звуки тростниковой свирели и флейты, и пение святых даосов. В тот же миг Лань бесшумно поднялся на небо – его подхватило облако. Лань Цайхэ сбросил вниз

сапог, халат и пояс. Облако взвилось ввысь, становясь все меньше и меньше, и, наконец, исчезло. С тех пор никто больше уже на земле не слышал про Лань Цайхэ». (Мифы народов мира, 1980-1982).

Так же на некоторых изображениях журавль, наряду с драконом и фениксом, являлся спутником Ма-вана («Сыма дашэня»), бога-покровителя лошадей.

Согласно легендам, журавли способны принимать человеческий облик, превращаясь в бедных странников и служителей церкви. Журавлей, принявших вид человека, отличает проницательный и понимающий взгляд. Поэтому к нуждающимся незнакомцам должно было относиться с почтением и заботой.

Одной из наиболее известных преданий, связанных с журавлями, является легенда о Башне желтого журавля (黄鹤楼 huanghelou), воздвигнутой в 223 г.н.э. в городе Ухань, провинция Хубэй. По легенде, когда-то на горе стоял трактир, куда несколько месяцев приходил обедать дряхлый монах. Хозяин не брал со старика денег, и в благодарность, перед тем как уйти, монах нарисовал желтого журавля на стене апельсиновой коркой. По хлопку ладони рисунок оживал и принимался плясать. Люди стекались в трактир рекой изо всех уголков Китая, чтобы поглядеть на дивное зрелище, и хозяин вскоре разбогател. Однажды монах вернулся. Хозяин предложил поддерживать его материально до конца жизни, но монах, улыбнувшись, отказался, достал флейту и сыграл несколько мелодий. Неожиданно с облаков спустился тот самый желтый журавль, монах сел на его спину и поднялся на небеса. Пораженный хозяин решил, что монах был бессмертным Даосом и воздвиг Башню желтого журавля в знак уважения и благодарности.

Сейчас башня является одной из трех крупнейших башен Китая, и очень популярной достопримечательностью. На втором ярусе башни находится керамическое панно, иллюстрирующее эту легенду.

Легенда о желтом журавле также легла в основу многих китайских стихов. Наиболее известное стихотворение, посвященное Башне желтого журавля, принадлежит перу танского поэта Цуй Хао 崔顥 (704?-754). Так же стихи, посвященные башне, писал известнейший китайский поэт Ли Бо, а позже, в двадцатом столетии, сам Мао Цзе Дун.

В любовной лирике достаточно распространен образ пары журавлей. Здесь благодаря своей моногамности, преданности друг другу, часто

наблюдаемой в живой природе, журавлиная пара является символом нерушимой верности, что находит свое отражение в стихах.

Нарисованные или вышитые изображения пары журавлей часто встречаются в живописи, предметах интерьера, сувенирах.

Изображение летящего к солнцу журавля так же весьма распространено в Китае. Оно символизирует общественное устремление. Белое оперение журавля воплощает собой чистоту устремлений, а красная «шапочка» на голове – огонь жизни.

В традиционной китайской живописи журавль, наряду с черепахой, сосной и старым камнем, считается символом долголетия. Это связано с народным поверьем, что черные журавли могут жить до тысячи лет, отчасти, благодаря умению дышать с согнутой шеей. Результатом поверья стал один из самых известных стилей ци-гун, традиционной китайской методики саморегулирования организма, стиль «Парящий журавль», техника, смягчающая дыхание, которая обычно практикуется даосами.

Имитация атакующих движений клюва и крыльев журавля вошли в основу одной из школ у-шу, китайского боевого искусства. Одним из самых известных стилей традиционного ушу является Байхэцюань 白鹤拳 пиньинь – «кулак белого журавля»

Журавль так же является одним из символов конфуцианства, иллюстрируя один из типов общественных отношений между людьми – образец отношения «отец-сын» (птенец журавля отвечает на крик родителей).

В китайском языке, иероглиф, обозначающий «журавль», 鹤 состоит из двух графем. Ключ (часть иероглифа, которая указывает на принадлежность иероглифа к группе семантически родственных знаков, обозначающих классы предметов, свойств или явлений) – 鸟 niao, птица. Фонетик (часть иероглифа, которая выступает как фонетический компонент знака) - 隹, he. Собственного лексического значения в настоящее время не имеет.

Китайские приветствия «tian-he» 天鹤 (священный журавль) и «xi-an-he» 仙鹤 (благословенный журавль), иногда встречающиеся среди даосов, считаются пожеланием мудрости (Изгибающаяся шея журавля считается также символом мудрости — обидные и напрасные слова задерживаются в её изгибах, давая время на раздумье и подготовку взвешенного ответа).

Иероглиф 鹤 так же часто употребляется в китайском языке в образных значениях «белоснежный» 鹤鹤 hèhè, «седой» 鹤发 hèfà (дословно – «волосы, белые как перья журавля). 鹤发童颜 – hèfàtóngyán - белые волосы и детское лицо, встречается в описаниях бодрых стариков, людях преклонных лет с крепким здоровьем – так же связано с долголетием, которое символизирует журавль.

Образ журавля существует и в чхеньюях (фразеологизмах) китайского языка.

鹤立鸡群 - hè lì jī qún - журавль среди кур (аналогично русскому фразеологизму - быть белой вороной) возвышаться, над окружающими.

В заключении отметим, что в Китае журавль действительно является очень почитаемой птицей, и очень важным культурным символом. Его образ наделяется исключительно положительными качествами, с ним ассоциируется долголетие, мудрость, верность.

Литература

1. *Лисевич И.С.* Моделирование мира в китайской мифологии и учение о пяти первоэлементах // Теоретические проблемы восточных литератур — М., 1969.
2. *Малявин В.В.* Чжуан-цзы. — М., 1985.
3. *Мифы* народов мира. Энциклопедия в двух томах. М., 1980—1982
4. *Интернет*-словарь(русский-китайский,китайский-русскийязыки)[Электронный ресурс]. URL:www. zhonga.ru
5. *Энциклопедия* онлайн. [Электронный ресурс]. URL:wikipedia.org

ГАУДИЯ-ВАЙШНАВИЗМ В РОССИИ: НЕМНОГО О СТАНОВЛЕНИИ И МЕСТНОЙ СПЕЦИФИКЕ. GAUDIA-VAISNAVISM IN RUSSIA: SEVERAL WORDS ABOUT ESTABLISHMENT AND LOCAL SPECIFICITY

Матвеева Вера Владимировна
Matveyeva Vera Vladimirovna
Национальный Исследовательский Томский Государственный Университет
National Researching Tomsk State University
chintamani77@ngs.ru

По определению С.В. Ватмана, бенгальский вайшнавизм (Гаудия-вайшнавизм)– это «религиозная традиция, преставляющая собой направление или ветвь вайшнавизма (вишнуизма), зародившееся и получившее первоначальное распространение в Бенгалии» (1). Цен-

тральным понятием Гаудия вайшнавизма является бхакти – «не просто «любовь к Богу» или «преданность Богу», как обычно принято объяснять этот термин, а полная перемена всего человека во имя обретения премы – чистой любви к Кришне – «Высшей Личности» (пурушоттаме)» (2). Давая в своей статье (1) обзор литературы, принадлежащей к традиции Гаудия-вайшнавизма, Ватман среди прочих упоминает и Бхактиведанту Свами Прабхупаду, известного также в качестве основателя Международного общества сознания Кришны. Именно над его переводом и комментарием к «Бхагавад-гите» («Бхагавад-гита как она есть») состоялся в Томске печально известный суд. Однако речь здесь пойдет не о литературных трудах Прабхупады, а о перенесенной им из Индии на Запад религиозной традиции. Разумеется, и в странах Запада, и в России есть и другие индуистские организации, в том числе и представляющие бенгальский вайшнавизм, но здесь мы возьмем Общество сознания Кришны как наиболее известного представителя Гаудия-вайшнавизма на Западе.

Задача данной публикации - осветить основные этапы становления Общества сознания Кришны в России и отметить некоторые присущие именно западному в целом и российскому в частности варианту бенгальского вайшнавизма.

С. И. Иваненко (3, с. 47-62) выделяет следующие этапы становления вайшнавской традиции в СССР и России:

- «Романтический период» (1971-1987) – начиная с визита Свами Бхактиведанты в Москву, где у него появился первый ученик, Анатолий Пиняев, и заканчивая официальной регистрацией общества в Совете по делам религий в мае 1988 г. Этот этап включал «подпольную» проповедь, появление первых групп вайшнавов (кришнаитов), существовавших в условиях постоянной угрозы репрессий со стороны властей. По данным Иваненко, в эти годы было репрессировано более 50 вайшнавов (не очень много, но в процентном отношении к нерепрессированным это должно выглядеть более впечатляюще).
- Период активной проповеди и массового притока верующих («Взрыв Харе Кришна», 1988-1998). Для этого этапа характерно появление центров и храмов сознания Кришны в большинстве крупных городов России, активной благотворительной деятельности в рамках программы «Food for life» (бесплатной раздачи пищи), интенсивного роста количества последователей (последнее характерно для большинства религиозных движений в постсоветский период – как традиционных,

так и новых) и активной реализации литературы религиозного содержания. Иваненко отмечает, что (по ретроспективной оценке самих же кришнаитов) новообращенные верующие в этот период предпочитали избегать социальной ответственности (речь идет о невысокой престижности создания семей, высшего образования и работы в миру среди членов Общества), среди верующих преобладали монахи-брахмачари (3, с.56). Следует отметить также, что русские вайшнавы того времени недостаточно глубоко были знакомы с содержанием священных писаний индуизма – в частности из-за того, что труды Прабхупады только находились в процессе перевода на русский язык, а ознакомиться с ними на английском были способны далеко не все. Изучать же академические изданиями «Махабхараты», «Рамаяны» и философских трактатов индуизма мало кому приходило в голову.

- Период «проверки на духовную зрелость» (1998-1999). Возможно, было бы логичнее не выделять этот этап как отдельный; скорее, это был переломный момент, связанный с выходом ISKCON (английская аббревиатура Международного общества сознания Кришны) одного из лидеров движения в Восточной Европе, Харикеши Свами, ученика Прабхупады. Часть его учеников вслед за ним покинула организацию, некоторые остались, но были дезориентированы. Этот кризис привел к серьезной «переоценке ценностей» среди преданных (так себя называют кришнаиты). В частности, изменилось отношение к семейной жизни (семейные ценности приобрели большую значимость), однако главным стало изменение взгляда на роль гуру в Обществе, акцентирование фигуры Прабхупады по сравнению с его учениками, исполняющими роли гуру ISKCON.
- Современный этап (с 2000 г. по настоящее время). Среди характеристик этого этапа Иваненко перечисляет рост числа семейных вайшнавов (снижение роли монашества, попытки организации прочных вайшнавских общин), внимание к повышению духовного образования последователей (создание в 1998 г. Вайшнавского университет в Москве, многочисленные образовательные курсы для преданных – начальные «бхакта-програм», более углубленные «бхакти-шастри»), работа по укреплению российского Общества сознания Кришны как единой организации, изменение характера проповеди (от критики пороков современного мира к позитивным духовным и нравственным ценностям). (3, с. 58-61)

А.С. Тимощук (4)дополняет и корректирует созданную Иваненко картину. Так, он отмечает следующие тенденции в развитии Общества:

– расширение форм проповеди. Кроме традиционного распространения книг, которое также приобретает новые черты (использование современных PR технологий, реклама распространения книг на фестивалях Общества), стала активно внедряться в жизнь система малых духовных групп, нама-хатт (досл. «рынок святого имени», ее идея приписывается одному из ближайших сподвижников Шри Чайтаньи – Нитьянанде, см.(2)). Также появилось множество специализированных форм проповеди – курсы лекций по Аюрведе, ведической астрологии, психологии и т.п.

– интериоризация Общества, т.е. переход от мессианства к заботе о действующих членах Общества, в том числе их социальном статусе и материальном благополучии, а также повышение внимания к личной этике членов Общества.

– рост интереса к потребительским ценностям, рост самостоятельности женщин, мотив рентабельности в деятельности религиозной группы.

Следует отметить и рост специфического внимания к российскому вайшнавизму со стороны «антикультистов» - впрочем, эти последние не обижают отсутствием внимания и другие религиозные традиции, в том числе и не только «нетрадиционные». Разумеется, их действия доставляют преданным немало неприятных минут, одновременно служа стимулом к большей социализации членов Общества, их стремлению соответствовать духовно-нравственным идеалам.

Один из основных посылов, выдвигаемых антикультистами – что Общество сознания Кришны не имеет ничего общего с традиционным индуизмом. При этом они апеллируют к высказываниям самого Прабхупады, неоднократно утверждавшего на страницах своих трудов, что проповедуемое им учение не суть индуизм. Однако как сами индусы, так и большинство исследователей (А.А. Ткачева, Б.З. Фаликов, И.П. Глушкова и т.д.) не видят в философии и практике кришнаитов серьезного разрыва с индуизмом. Прабхупада же своим утверждением хотел подчеркнуть наднациональный и надконфессиональный характер представляемого им учения, сохраняя при этом (иногда в адаптированном к западным условиям виде) культурные и философские традиции определенной ветви индуизма.

Тем не менее между традиционным бенгальским вайшнавизмом и его западной ветвью не может быть идентичности. Перенесенная на западную почву, практика вайшнавизма была адаптирована к местным условиям. В чем же заключаются специфические черты Гаудия-вайшнавизма на Западе и конкретно в России? Мы попытаемся перечислить некоторые из них, исходя из описаний исследователей и собственного опыта общения с вайшнавами.

1. Самое бросающееся в глаза различие – считается, что для традиционного индуизма не характерны прозелитические настроения, в то время как для представителей западного вайшнавизма проповедь была и остается одним из основных видов деятельности. Однако, если верить «Шри Чайтанья-Чаритамрите», сам Чайтанья отправлял своих ближайших сподвижников проповедовать бхакти (5, с. 843-844). Разница в основном в том, что Чайтанья и его окружение проповедовали на севере Индии, а Прабхупада и его ученики знакомят с традицией бхакти жителей западных стран.

2. Ряд терминов, пришедших из бенгальского вайшнавизма, приобрели новый смысл. Так, слово «санкиртана» употребляется чаще не в изначальном своем значении (совместное пение имен Бога) – так называют реализацию книг Прабхупады. Поначалу одной из основных форм проповеди в западных странах было пение вайшнавов на улицах (санкиртана в обычном смысле), затем участники санкиртаны стали брать с собой книги для продажи, затем продажа книг как форма проповеди вышло на первый план, а название сохранилось.

3. В западных храмах Харе Кришна наряду с монахами-брахмачари появились брахмачарини - незамужние девушки, живущие при храме и занимающиеся служением. Институт женского монашества нехарактерен для традиционного индийского вайшнавизма, но в западных странах, в том числе в России, этот институт возник как уступка равноправию женщин с мужчинами.

4. Одна из неотъемлемых черт вайшнавской культуры – поклонение Божествам, скульптурным изображениям Вишну и Лашми в разных ипостасях. В Гаудия-вайшнавизме принято поклоняться Божествам Радха-Кришны, причем Гаудия-вайшнавы считают Вишну воплощением Кришны, а не наоборот. В России же в основном поклоняются Божествам Гаура-Нитай – Чайтаньи и Нитьянанды, которых Гаудия-вайшнавы считают воплощениями Кришны и Баларамы.

Все эти различия носят внешний характер. На более глубоком уровне присутствуют различия в особенностях мировосприятия. Индус, с младенчества впитывающий религиозную атмосферу, выросший под рассказы матери о подвигах Рамы, воспринимает богов и эпических героев как живых соотечественников, повседневную реальность. Человеку западному не сразу и не всегда удается перестать воспринимать язык священных писаний как метафору. Однако несомненная заслуга Прабхупады и его последователей в том, что благодаря их усилиям возрос интерес людей Запада к философии и культуре вишнуизма.

Литература:

1 *Ватман С.В.* Бенгальский вайшнавизм: онтология. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.krishna.ru/stories-and-thoughts/philosophical-articles/161---.html, свободный

2 *Ватман С.В.* Подметальщик на рынке святых имен. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.krishna.ru/stories-and-thoughts/philosophical-articles/159-----.html, свободный

3. *Иваненко С.И.* Вайшнавская традиция в России: история и современное состояние. Учение и практика. Социальное служение, благотворительность, культурно-просветительская деятельность. – М.: «Философская книга», 2008. -320 с.: ил.

4 *Тимощук А.И.* Российское общество сознания Кришны в начале XXI в.: поиски идентичности. Восток на Западе: материалы научных конференций, посвященных Году Индии в России. сост. и общ. ред. А.С. Тимощук. – Владимир: Изд. Владим. гос. ун-та, 2009. – 134 с.

5 *Бхактиведанта* Свами Прабхупада А.Ч. Шри Чайтанья-Чаритмрита. Ади-лила, том первый (главы 1-7), - М.: Можайск-Терра, 2003. -944 с., илл.

ИДЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ИДЕАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО В ФИЛОСОФИИ КОНФУЦИЯ
THE IDEAL HUMAN AND THE IDEAL SOCIETY IN THE PHILOSOPHY OF CONFUCIUS

Метелина Ксения Олеговна, Корнева Александра Михайловна
Metelina Ksenia Olegovna, Korneva Alexandra Mihailovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
moon_blossom/*a* mail.ru, Shursh_me/*a* mail.ru

Конфуцианство – самое важное религиозно-философское учение Китая. Основатель данной философской школы – Конфуций (кит. 孔子 Кун-Цзы, ок. 551 до н.э. — 479 до н.э.). Основы системы этики, политики, идей и культов конфуцианства были заложены еще в начале эпохи Чжоу, задолго до Конфуция. Сам Конфуций неоднократно подчеркивал, что он не создавал, а лишь передавал потомкам традиции великих

мудрецов древности. Философ преклонялся перед древностью и почитал её идеалы, современность же представлялась Конфуцию царством хаоса. Нескончаемые междоусобные войны, все усиливающаяся смута привели его к выводу о необходимости нового философского учения, которое опиралось бы на представление об изначальном добре, заложенном в каждом человеке. Именно Конфуцию принадлежит заслуга строгого отбора и внедрения важнейших норм и традиций раннечжоуского Китая, которые и называют конфуцианскими.

Конфуцианство как учение, как осознанная и четко сформулированная доктрина оформилось в середине I тысячелетия до н.э., т.е. как раз в ту сложную эпоху социально-экономических сдвигов и административно-политических перемен, когда многое из старых норм и традиций уходило в прошлое и подлежало замене новыми идеями и институтами, свойственными уже вполне развитой социальной структуре. Принципы конфуцианской этико-политичекской доктрины играли определяющую роль в формировании мировоззрения каждого члена китайского социума – не только интеллигента, но и обычного крестьянина. Каждый китаец вольно или невольно соразмерял свои поступки и мысли с предписаниями конфуцианства. Поэтому можно говорить о том, что каждый китаец был и остается в известном смысле конфуцианцем.

Обратимся к анализу учения философа. Социальная этика и политика играла в нем очень важную роль. Смысл государства как социального и политического института Конфуций видел в том, чтобы обеспечить общество гармонией и благоденствие народа. Он не случайно полагал, что государство напоминает семью и что воспетые им семейные отношения и тесно связанные с ними культ предков и сыновняя почтительность могут послужить эталоном того, как должны складываться и на чем основываться социальные связи в государстве. По традиции, свято соблюдавшейся и возвеличенной конфуцианством, главным агентом социального организма в его общении с Небом выступал правитель, государь. Верховный правитель Китая, «сын Неба», не только почитался в качестве родоплеменного главы и первосвященника чжоусцев, но и выступал в виде посредника между миром людей и миром богов и духов. Усилиями конфуцианцев «сын Неба» был возвеличен еще более. С течением времени он превратился в фактически единственного носителя божественной благодати и оказался на положении полубога. Государь был единственным, кто имел право непо-

средственно общаться с Небом, совершать обряды и приносить жертвы в его честь. Санкционированный конфуцианцами культ государя привел к тому, что, начиная с Хань, император в Китае всегда был наделен почестями святого. Согласно выработанным конфуцианством принципам, нет большей доблести для подданного, чем служить императору, беспрекословно повиноваться ему, быть беспредельно преданным правителю.

Как отмечается в некоторых работах, в китайской политической мысли никогда не развивалась идея о государстве, как абстракции, о государстве вне государя, как то было характерным для Европы. Преданность государству означала лояльность по отношению к государю, к династии. Государь в конфуцианском Китае был господином его подданных, «отцом Отечества». Однако, как и всякий отец в учении Конфуция, он имел не только права и почести, но и обязанности, причем не малые. Будучи по форме деспотией, правление китайского императора официально ограничивалось конфуцианским учением о добродетели и освященными нормами обычного права. Каждый шаг и поступок императора, его одежда, пища, жены, гарем, слуги и колесницы, приемы и выезды – буквально всё, до самых мелочей, было строжайшим образом регламентировано. И что особенно важно и заслуживает внимания, все эти многочисленные обязательные ритуалы непременно опосредствовались волей Неба, божественным порядком, якобы строго-настрого предписанным всем государям Поднебесной и идущим еще от великих древних правителей, мудрость и заветы которых свято чтут и хранят окружающие государя ученые-конфуцианцы.

Характерной чертой выработанного Конфуцием и его последователями социального порядка было также то, что конечной и наивысшей целью управления провозглашались интересы народа. При всём том интересы народа, даже по мысли Конфуция, не имели ничего общего с демократией, т. е. с народовластием, с участием народа или его последователей в управлении страной. Управлять страной могли и должны были лишь соответствующим образом подготовленные «управители», а народ обязан был довериться их опыту и знаниям. Сам философ и тем более все его последователи полагали, что истинные интересы народа доступны пониманию лишь образованных цзюнь-цзы (君子),, которые одни только могут знать, что именно нужно народу и в чем состоит его благо. Высокоморальный цзюнь цзы, сконструированный философом в качестве модели, эталона для подражания, должен был обладать дву-

мя важнейшими в его представлении достоинствами: гуманностью и чувством долга. Понятие гуманность жэнь (仁) трактовалось Конфуцием необычайно широко и включало в себя множество качеств: скромность, справедливость, сдержанность, достоинство, бескорыстие, любовь к людям и т. п. Жэнь – это высокий почти недосягаемый идеал, совокупность совершенств, которыми обладали лишь древние. Однако для настоящего цзюнь цзы одной гуманности было недостаточно. Он должен был обладать еще одним важным качеством – чувством долга и(义), продиктованным внутренней убежденностью в том, что следует поступать именно так, а не иначе. Долг – это моральное обязательство, которое гуманный человек в силу своих добродетелей накладывает на себя сам. Чувство долга, как правило, обусловлено знанием и высшими принципами, но не расчетом. «Благородный человек думает о долге, низкий человек заботится о выгоде»,– учил Конфуций. В понятие «и» поэтому включались стремление к знаниям, обязанность учиться и постигать мудрость древних.

Конфуций разработал и ряд других понятий, включая верность и искренность чжэн (智), благопристойность и соблюдение церемоний и обрядов ли (礼 [禮]). Следование всем этим принципам было обязанностью благородного цзюнь цзы, который в сборнике изречений Конфуция Луньюй (论语) определяется как человек честный и искренний, прямодушный и бесстрашный, всевидящий и понимающий, внимательный в речах осторожный в делах. В сомнении он должен сдерживаться, в гневе – обдумывать поступки, в выгодном предприятии – заботиться о честности; в юности он должен избегать вожделений, в зрелости – ссор, в старости – скряжничества. «Истинный цзюнь цзы безразличен к еде, богатству, жизненным удобствам и материальной выгоде. Всего себя он посвящает служению высоким идеалам, служению людям и поиску истины. Познав истину утром, он может спокойно умереть вечером». Таким образом, «благородный человек» Конфуция – это умозрительный социальный идеал, назидательный комплекс добродетелей.

Основной вопрос философского учения Конфуция заключается в поисках путей воспитания в человеке умения жить правильно, в соответствии с традицией. Согласно его взглядам, человек может приобрести правильное понимание своих обязанностей только путём тщательного изучения традиции. Доминантной идеей Конфуция становится приспособление к миру, а не бегство от него, как это имело место в индийской философии или в философии даосизма. Конфуций рассма-

тривает идею «правильной жизни» на всех уровнях, начиная с семьи и заканчивая управлением государством и международной дипломатией, причём повсюду его занимали практические земные задачи. Смысл конфуцианского понятия «правильной жизни» – показать, как должен вести себя человек в различных ситуациях, т.е. его учение имеет ярко выраженную практическую направленность, а теоретический аспект является второстепенным: обосновать вечность и неизменность рекомендуемых правил поведения и отношений между людьми. Конфуций вполне искренне стремился создать идеал рыцаря добродетели, боровшегося за высокую мораль, против царившей вокруг несправедливости. Но, как это нередко случается, с превращением его учения в официальную догму на передний план выступила не суть, а внешняя форма, проявлявшаяся преимущественно в демонстрации преданности старине, уважения к старшим, напускной скромности и добродетели.

Многочисленные последователи и почитатели Конфуция, слепая преданность которых каждому слову философа тоже в немалой степени способствовала превращению его учения в закостенелую догму, стали видеть в идеале цзюньцзы не столько выражение внутренней цельности и благородства, сколько внешнее оформление благопристойности. Для основной части образованных конфуцианцев, для ученых-чиновников и учащихся Конфуций был великим человеком, чьей необъятной и недостижимой мудрости они поклонялись не в силу слепой веры, а вследствие воспитанной веками искренней убежденности в непревзойденном совершенстве его идей и идеалов. Трагедия Конфуция, как идеолога, как патриарха учения заключалась в том, что все его высокие идеалы и добрые намерения попросту потонули, бесследно растворились в массе тех выводов, практических рекомендаций и методов управления, которые, казалось бы, вытекали из его учения и которые заняли столь важное место в жизни китайского народа на протяжении тысячелетий. В средневековом Китае постепенно сложились и были канонизированы определенные нормы и стереотипы поведения каждого человека в зависимости от занимаемого им места в социально чиновной иерархии. Они нашли свое наиболее наглядное отражение в том, что обычно именуется «китайскими церемониями». В любой момент жизни, на любой случай, в счастье и горе, при рождении и смерти, поступлении в школу или назначении на службу – всегда и во всем существовали строго фиксированные и обязательные для всех правила поведения. В эпоху Хань был составлен подробный свод этих правил

внешней учтивости и церемониала – трактат Лицзи, компендиум конфуцианских норм, имевший обязательную силу на протяжении двух с лишком тысяч лет. Все записанные в этом обряднике правила следовало знать и применять на практике, причем с тем большим тщанием, чем более высокое положение в обществе человек занимал. Так учение Конфуция о цзюньцзы, модернизированное и приспособленное к потребностям централизованной империи с ее мощным бюрократическим аппаратом, стало одной из основ, на которых зиждилось гигантское здание китайского государства.

Многие принципы управления китайской империей были заимствованы именно у Конфуция и конфуцианцев. В частности, нормы конфуцианства и традиций в Китае никогда не уступали по своему значению кодифицированному законодательству. Традиционные принципы конфуцианства требовали от государя основывать правление на добродетели и справедливости. Государь должен был выбирать своих чиновников и министров из наиболее образованных, способных и преуспевающих ученых-конфуцианцев. Чиновники должны были превыше всего блюсти неизменные идеалы и не за страх, а за совесть выступать против любых новшеств, отклонений и реформ, от кого бы они ни исходили. Простой народ обязан был уважать порядок, почитать старших и строго соблюдать заветы древних мудрецов, в первую очередь самого фактически обожествленного Конфуция.

Подводя итог, мы можем отметить, что идеальный социально-политический порядок по Конфуцию – это власть традиций, которая осуществлялся кастой специально подготовленных правителей. Самодостаточную ценность философ видел в следовании старинным обычаям, которые рассматривал в качестве высшего блага, основного условия приспособления к жизни и продолжения существования человека и человечества. В соответствии с идеями Конфуция, традиция выступает как проявление высшей формы мирового порядка («дао»). В отличие от философии классического даосизма, категория «дао» у Конфуция и его ранних последователей отличалась более отчётливым и практическим социально-нравственным наполнением. Смысл жизни каждого отдельного человека, согласно учению Конфуция, заключался в «правильной жизни», т.е. в выполнении своего личного долга по участию в общем деле служения традиции, а общественное значение каждой отдельной жизни определялось степенью этого соучастия. Условием возможности реализации указанного смысла является идея Конфуция о том, что

в каждом человеке изначально заложена идея блага, т.е. соответствие традиции. Практическую направленность учения Конфуция составляет изучение скрытой природы человека с целью поиска путей воспитания людей в направлении «правильной жизни», к которой наиболее приближены «благородные мужи» - цзюньцзы. Цзюньцзы представляют собой идеал конфуцианского человека, поскольку обладают набором определённых качеств, таких, как доскональное знание традиции и человечность, понимаемая преимущественно как долг.

Литература

1 Лукьянов, А.Е. Конфуцианский трактат «Чжун Юн»/ А.Е. Лукьянов. – М.: Восточная литература, 2003. - 141-142, 153-154 с.

2 Лукьянов, А.Е. Лао-Цзы и Конфуций. Философия дао/ А.Е. Лукьянов.- Москва: Восточная литература, 2001. - 236-243 с.

3. Мартынов, А.С. Конфуцианство. «Лунь Юй», том 1/ А.С. Мартынов.- СПб: Петербургское Востоковедение, 2001 -190-196 с.

4 Мартынов, А.С. Конфуцианство. «Лунь Юй», том 2/ А.С. Мартынов.- СПб: Петербургское Востоковедение, 2001, 130-163 с.

5. Попкова, Н.В. Введение в философскую антропологию/ Н.В. Попкова.- Москва: Либроком, 2010.- 282-283 с.

6 Сагатовский, В.Н. Есть ли у человека выход? В.Н. Сагатовский. СПб: Петрополис, 2000 - 136-137с.

7 Степанянц, М.Т. Бог-человек-общество в традиционных культурах Востока/ М.Т. Степанянц.- Москва: Восточная литература, 1993. -39, 41-43, 51-52 с.

ПОНЯТИЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ И ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМАХ. CONCEPT OF THE EUROPEAN AND OLD CHINESE LANGUAGE SYSTEMS

Миронов Василий Анатольевич
Mironov Vasiliy
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
e-mail: mironovv@mail2000.ru

Понятие время является ключевым в онтологических вопросах философии, а также различных наук. Но, не смотря на всю значимость данного понятия и большого использования в различных теоретических построениях, как философов, так и ученых, нет, ни одного, более или менее четкого и общепризнанного определения данного понятия.

Наша гипотеза состоит в том, что трудности при определении времени возникают вследствие того, что время вписано в структуру язы-

ка, является неотъемлемым её компонентом. В таком случае структуре языка нужно определить саму себя, что является причиной непреодолимых трудностей в определении исследуемого понятия.

Предполагается, что анализ языковых структур поможет нам понять специфику данного понятия и причину трудностей его определения, а соответственно и причину неопределенности представлений о времени.

Разделяя позицию В.А. Ладова, мы утверждаем, что задача философии языка прояснить «... как интерпретация языка влияет на видение мира, как интерпретация языка определяет видение мира»[1].

В работе французского философа, синолога Ф. Жульена мы находим доказательства того, что в древнекитайском языке аналога индоевропейскому понятию «время» не было найдено. Жульен отмечает, что аналог понятию «время» в китайской культуре появился благодаря европейцам и дословно этот неологизм переводится как «меж-моментье»2. Отсутствие «времени» в древнекитайском языке синолог объясняет тем, что в этом языке нет спряжений. Именно благодаря спряжению глаголов мы можем говорить о прошлом, будущем и определять наличие настоящего.

Исходя из этого факта, мы приходим к выводу, что время изначально не является универсальным понятием для всех культур. Не найдя «время» в языке, мы не можем его найти ни в объективной, ни в субъективной реальности. То есть время вписано в саму структуру языка, оно есть основная языковая характеристика, выражающаяся посредством языковой коммуникации во временных формах глаголов.

Поэтому при попытке определения времени мы вынуждены определить время, используя временную структуру языка, что и приводит к затруднениям в определении, а именно к тавтологичному определению времени (время есть совокупность трех времен – прошлого времени, настоящего времени и будущего времени), где не невозможно ухватить понятие время в своем значении. Вторая трудность заключается в признании существования лишь настоящего, и отрицания существования будущего и прошлого. Это происходит, скорее всего, из-за того, что приписывая существование каждой из временных категорий посредством

---

[1] *Ладов В.А.* Семантика и онтология. Проблема реальности в аналитической философии: Учеб. пособие. – Томск: Изд-во том. ун-та, 2010. С. 11.

[2] *Жульен Ф.* О «времени». Элементы философии «жить». Пер с франц. В.Г. Лысенко. – М.: Прогресс-Традиция. - 2005. – С. 49

глагола «быть» мы используем для каждой из них глагол «быть» в различных временных формах. При таком приписывании существования мы и приходим к парадоксу, где исключается существование прошлого и будущего, и признается существование лишь настоящего.

Итоги: время не есть универсальная сущность; время вписано в структуру языка, является неотъемлемым её компонентом; время невозможно точно определить, потому что при определении времени языковая система должна определить саму себя, что приводит к тавтологиям и отрицанию существования прошлого и будущего.

Литература:

1 *Августин.* Исповедь. – М.: Канон+, – 2000. – 464 с.

2 *Борисов Е.В., Ладов В.А., Суровцев В.А.* Язык, сознание, мир. Очерки компаративного анализа феноменологии и аналитической философии. – Вильнус: ЕГУ. – 2010. – 156 с.

3 *Жульен Ф.* О «времени». Элементы философии «жить» /Пер с франц. В.Г. Лысенко. – М.: Прогресс-Традиция. - 2005. – 280 с.

4 *Ладов В.А.* Семантика и онтология: Проблема реальности в аналитической философии: Учеб. пособие. – Томск: Изд-во том. ун-та, 2010. – 134с.

5 *Турчин В.Ф.* ФЕНОМЕН НАУКИ: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е. – М.: ЭТС. – 2000. – 368 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ ЭТИКЕТОВ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ
COMPARATIVE ANALYSIS OF VERBAL ETIQUETTE IN RUSSIAN, ENGLISH AND CHINESE LANGUAGES

Москалева Софья Александровна
Moskaleva Sofia Alexandrovna
Научно-исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University

Этикет – это очень широкое философское понятие, охватывающее такие виды социальных взаимоотношений как: манеры поведения, взаимодействие с окружающими, формулы обращения, приветствия и прощания, поведение в общественных местах, умение одеваться. Этикет существует у всех народов мира, однако, для каждого из них характерна своя собственная система поведенческих норм, специфических устойчивых формул общения.

Наиболее важной частью этикета в целом является речевое поведение (слова и выражения, употребляемые людьми для прощания, просьбы, извинения, принятые в различных ситуациях формы обращения,

интонационные особенности, характеризующие вежливую речь и т.д.). Значение речевого этикета очень велико не только для осуществления актов общения между людьми в рамках одного города или государства, но и для осуществления процесса межкультурной коммуникации. Опираясь на данные о сложившейся в настоящий момент социально-политической ситуации, в которой для поддержания межнациональных отношений огромное значение имеет понимание и уважение культурных особенностей и традиций других стран, поведение человека в процессе коммуникации играет важную роль.

Рассмотрим несколько речевых ситуаций, где, на первый взгляд, под эквивалентными понятиями в разных языках, носители данных языков видят разную семантическую структуру. Так, в английском языке при написании деловых писем в обращении часто используется слово «Dear», а в китайском языке слово 贵 (gui), оба эти слова будут переводиться на русский как «Дорогой». Однако слово «Dear» в английском языке часто используется как выражение вежливости и является формальным. Например, в ситуации, когда адресат не определён, письмо будет начинаться фразой: «Dear Sir/Madam». Однако в случае написания жалобы текст послания будет также начинаться с привычной данному языку и его носителям вежливостью: «Dear Mr Smith». Таким образом, у русскоязычного индивида при прочтении такого рода письма может возникнуть когнитивный диссонанс.

В русском языке мы используем слово «Дорогой» обращаясь к очень близким нам людям, как правило, с этими людьми нас связывают длительные, тесные взаимоотношения. Желая выразить им свое расположение, уважение и привязанность мы используем обращение «Дорогой», «Дорогой друг». Мы никогда не будем использовать такое обращение при написании жалобы или формального делового письма. С другой стороны, слова «Dear» и «Дорогой» могут иметь одинаковое значение в обоих языках в случаях, когда мы используем данное обращение к любимому человеку (например, супругу). Что касается китайского языка, то слово 贵 (gui) так же, как и в английском языке может использоваться при написании деловых писем. Однако оно не будет иметь оттенка исключительно формальной вежливости, а будет выражать уважительное отношение к адресату. Из чего следует, что к адресату жалобы в Китае вряд ли обратятся столь учтиво и уважительно, как например, в английском языке.

Следовательно, необходимо еще раз подчеркнуть важность изучения не только языка, как инструмента передачи информации, но и культуры, традиций и истории страны изучаемого языка, лежащих в его основе. В противном случае неправильно подобранное слово или выражение в той или иной речевой ситуации может быть расценено носителем языка как пренебрежительное отношение, грубость или неуважение.

Рассмотрим еще один пример. Практически в каждом языке существуют вежливые формы обращения. Так, в русском языке существуют два местоимения для обращения к человеку: «Ты» и «Вы». Как известно, при обращении к человеку, старшего по возрасту, имеющего более высокую должность или статус, принято использовать местоимение «Вы», чтобы подчеркнуть уважительное отношение. И наоборот, в непринужденной, дружеской обстановке с хорошо известными нам людьми мы используем местоимение «Ты». В случаях, когда иностранец неправильно употребляет местоимение, могут возникнуть ситуации недопонимания, а порой и конфликта. Такую же картину можно наблюдать и в китайском языке. Обращаясь к высокопоставленному человеку или к человеку более зрелого возраста, китайцы используют местоимение 您 (nin). К хорошо знакомому человеку, члену семьи или просто другу китаец обратится, используя местоимение 你 (ni). Такая система обращений является очень важной частью китайской культуры. Не смотря на то, что в современном китайском языке система обращений сильно упрощена, несколько веков назад в Китае существовала сложная система обращений: было строго регламентировано, как следует обращаться к тому или иному члену семьи, к своему начальнику, подчиненному и т.д. Что касается английского языка, то при уважительном обращении либо фамильярном носители языка используют местоимение «You». Но еще в 17 веке в письменных источниках авторами в обращении к читателю использовалось местоимение Thou, которое в настоящее время считается устаревшим. В современном английском языке для разграничения формальных и неформальных речевых ситуаций используются иные языковые формулы вежливости.

Проанализируем другой пример формулы прощания. Итак, в русском языке для прощания довольно часто используется фраза – «Еще увидимся». Обычно эту формулу употребляют в неформальных речевых ситуациях. Например, при завершении коммуникативного акта

между близкими друзьями, хорошими знакомыми или членами семьи очень часто можно наблюдать употребление данной формулы. Также стоит отметить, что «Еще увидимся» несет в себе положительную, дружелюбную окраску. Говорящий, как правило, подразумевает под ней желание увидеть собеседника еще раз. Но использование этого штампа в формальных речевых ситуациях будет абсолютно не уместным.

В английском языке можно наблюдать похожую ситуацию. Здесь формула прощания «See you» так же как и в русском языке несет в себе дружелюбную окраску и употребляется для выражения говорящим желания в дальнейшем встретить собеседника снова. Часто данная формула используется как завершающая фраза коммуникативного акта. Как в русском, так и в английском языке данная речевая формула не будет употребляться в формальных речевых ситуациях (деловые переговоры, собеседования, разговор между малознакомыми людьми и т.п.). Что касается китайского языка, то здесь аналогичная речевая формула - 再见 (zaijian) при всем своем сходстве с формулами русского и английского языков, тем не менее, имеет некоторые особенности. Одна из таких особенностей – частичная утрата смысла, т.е. данное выражение уже не употребляется в своем прямом значении - «Еще увидимся», а скорее звучит как «До свидания». Еще одной особенностью является возможность употребления формулы в официальных речевых ситуациях.

Русский язык	Еще увидимся
Английский язык	See you [see-увижу ,you- тебя]
Китайский язык	再见(zaijian) [再-еще, 见- увидимся]

Несмотря на все различия в культурах и языках возможно выделить несколько похожих речевых формул в каждой из них. К таким речевым формулам относится, например, пожелание доброго утра. Раньше выражение «Доброе утро» содержало в себе пожелание добра на весь день, которое оберегало бы от неудач. На сегодняшний день свое непосредственное значение оно утратило и передает смысл приветствия, однако данное приветствие зачастую несет в себе положительную окраску, указывая на хорошее расположение духа говорящего.

Русский язык	Доброе утро
Английский язык	Good morning [Good - хорошее morning - утро]
Китайский язык	早上好(zaoshang hao) [早上 - утро好 - хорошее]

Существует большое количество подобных примеров, которые, как правило, при изучении языка быстро запоминаются, и в дальнейшей коммуникативной деятельности индивида не возникает проблем с правильным использованием их в речи. Следовательно, когда в родном языке существует аналог, это значительно упрощает распознавание индивидом речевой ситуации, где эта фраза может быть уместно использована. Поэтому большую трудность представляют собой как раз расхождения семантических полей эквивалентного понятия в различных языках. И часто именно по этой причине может возникнуть недопонимание между коммуникантами в процессе общения.

Речевой этикет охватывает практически все аспекты жизнедеятельности человека, подробно рассматривает возможность и невозможность употребления тех или иных формул, слов, выражений в каждой конкретной речевой ситуации. В данной статье были рассмотрены лишь несколько часто употребительных примеров, неправильное употребление которых пусть и не вызовет слишком негативную реакцию или конфликт, но способно создать у собеседника мнение о вас, как о человеке не вежливом и невоспитанном.

Таким образом, при изучении родного или иностранного языка необходимо уделять большое внимание изучению речевого этикета. Поскольку язык является инструментом коммуникации, а коммуникативный акт всегда преследует некую цель, использование вежливых речевых формул или уместных высказываний упростят взаимопонимание между говорящим и собеседником, а так же помогут достичь поставленной цели значительно быстрее. Как мы могли убедиться (пример №3), даже при очень близких значениях речевых формул различных языков существуют некоторые ньюансы, которые так или иначе необходимо учитывать.

Литература

1. *Аршаковская Е.А.* Речевой этикет современных американцев (на материале приветствий) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. – С. 268 - 277

2. *Воловик А.В.* О некоторых особенностях современного английского речевого поведения // Этнопсихолингвистика. - М., 1988. - С. 124-134

3. *Германова И.Н.* Национальный менталитет в призме речевого этикета // Россия и Запад: диалог культур. - М., 1996. - С. 389-397

4. *Глинкина Л.А.* Речевой этикет: ты и вы // Рус. яз. за рубежом. - М., 1988. - N 6. - С. 25-26

5. *Карасик В.И.* Этикет и английский язык // Иностр. яз. в шк. - М., 1993. - N 2. - С. 57-59; 75

6. *Курилова К.А.* Обращения в современном китайском языке: К вопросу о речевом этикете китайцев. Учебное пособие/ К.А.Курилова; Дальневост. гос. ун-т.- М.:Издательство Дальневосточного университета,1999.- 279 с.

7. *Ларина Т.В.* Вежливость в межкультурном общении // Рус. яз. за рубежом = Russ. lang. - М., 2003. - N 1. - С. 100-105

8. *Лежнева И.И.* Некоторые тенденции в эволюции обращений в английском и русском языках: современный подход// Германские, романские и русский языки в сопоставительном аспекте. – Воронеж, 1998. – С. 142 – 149

9. *Макеева И.И.* Этика речевого поведения в русской культуре // Логический анализ языка: Языки этики. - М., 2000. - С. 353-362

10. *Соколова Н.Л.* О компонентах значения единиц речевого этикета // Филол. науки. - М., 2003. - N 5. - С. 95-105

11. *Формановская Н.И.* Речевой этикет и культура общения. - М.: Высш. шк., 1989. - 159 с.

12. *Проявление* речевого этикета в межнациональном общении. [Электронный ресурс]: Портал переводчиков. URL: http://translations.web-3.ru/intro/cultures/

13. *Восточный* этикет (китайский этикет (возникновение китайского этикета)). [Электронный ресурс]: Мир этикета. URL: http://www.etiquette.ru/modern/history_382.shtml

МУСУЛЬМАНСТВО В КИТАЕ: СВЯЗЬ АРАБСКИХ ТРАДИЦИЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ. CHINESE MUSLIMS: CONNECTION BETWEEN ARABIC TRADITIONS AND CHINESE CULTURE

Путинцева Анастасия Алексеевна
Pitintseva Anastasia Alekseevna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National research Tomsk state university
n-sempai@yandex.ru

Понятие «ислам» или «мусульманство» в китайском языке представлено несколькими терминами: первое – транскрипционное 伊斯兰教yīsīlánjiào, второе - 回教huijiào, буквально «религия народности Хуэй». Сами же мусульмане предпочитают термин 清真教qīngzhēnjiào, букв. «чистая, подлинная религия» [5, с. 200].

Мусульмане в Китае представлены несколькими этническими группами: во-первых, уйгурами (维吾尔族wéiwúěr zú) и некоторыми другими национальностями, проживающими в Синьцзян-Уйгурском

автономном районе (ранее называемом Восточным Туркестаном), занимающем одну шестую часть территории Китая. В древности через территорию района проходил Великий шелковый путь, поэтому первые мусульмане появились в СУАР.

Во-вторых, к китайцам-мусульманам относится народность Хуэй. Это потомки мусульман, приехавших в Китай из Средней Азии и Персии (ныне территория Ирана, Таджикистана, Туркмении) и их потомки от смешанных браков, для которых китайский язык стал родным. Хуэйцы отличаются от других национальных меньшинств Китая тем, что они расселены практически по всей стране. Следовательно, их сплоченность зависит именно от религии, а не от национальной принадлежности или территории обитания. Ислам - признак их дифференциации.

Кроме этого, существует небольшая группа усулов (кит. 回族 huíhuí zú, самоназвание *utsat*), проживающих на острове Хайнань. Правительство КНР не рассматривает их как представителей отдельного национального меньшинства, а включает в состав хуэйцев по религиозному признаку.

К третьей группе относятся мусульмане народности Хо, проживающими на Тайване и мигрировавших из провинции Юньнань. Из 71 провинции Тайланда в четырёх – Наратхиват, Яла, Паттани и Сатун – мусульмане (малайцы) составляют большинство населения, занимая в целом 7% тайваньского населения.

Четвертая группа китайцев, проповедующих ислам, представлена дунсянами – потомками монголов-мусульман, переселившихся в XIII веке на северо-запад Китая. Сейчас дунсяне – отдельное национальное меньшинство.

Мусульмане пятой группы обитают небольшой общиной в Тибете. Все переселенцы являются потомками мусульман-торговцев, прибывших в Тибет во время гонений на мусульман в Китае, женившихся на тибетских женщинах и осевших в Тибете. Тибетские мусульмане говорят на тибетском языке и следуют большинству тибетских обычаев, а мечети построены в тибетском архитектурном стиле. Все тибетские мусульмане с XVII века находятся под защитой Далай-Ламы и, по сравнению с китайскими мусульманами, обладают большими правами.

Общее количество китайских мусульман насчитывает от 18 до 25 млн человек. Это не более полутора процента всего населения в Китае. Однако примерно столько же мусульман проживают в Сирии. Из-за того, что приверженцам ислама в одной стране небезразлична

судьба единоверцев из других стран, государственный аппарат в Китае учитывает религиозный фактор в своей международной и внутренней политике.

Что касается времени появления ислама в Китае, то большинство историков считают, что произошло это в начале эпохи Тан (618-907 годах н.э.), а в 622 году пророк Магомет бежал от врагов в Медину, что является началом мусульманского летосчисления. Таким образом, ислам проник в Китай на заре своего существования. Так, уже в 742 году в Чанъане (ныне – Сиань), китайской столице во время эпохи Тан, была построена знаменитая мечеть, позже названная Большой Сианьской мечетью.

Несмотря на то, что Китай является мультирелигиозным государством - его жители исповедуют конфуцианство, даосизм, буддизм, а позднее и христианство, сочетая их учения и традиции, - ислам выделяется из всех проповедуемых религий своей закрытостью и обособленностью. Одной из причин является строгость его догматов. Коран - священная книга мусульман - является источником всех знаний, полученных пророком Мухаммедом от Аллаха и записанных им слово в слово. В Коран издревле было запрещено вносить дополнения и изменения. Однако при переводе коранических текстов на другой язык невозможно не допустить ошибок и неточностей. Поэтому все переводы Священной книги не признаются достоверными. Именно поэтому китайцы, исповедующие ислам, уделяют огромное внимание изучению персидского языка и оригинального текста Корана.

Другим фактором, ограничивающим отношения мусульман с представителями других религий, является пища. Мусульманам разрешено есть только халяльную (дозволенную) еду. Запрещенная еда называется «харам». К ней относится свинина, мясо животных, умерших своей смертью или погибших от других животных, мясо задушенных или забитых животных, кровь и алкоголь. Мясо животного можно вкушать только тогда, когда оно было убито со словами молитвы и по мусульманским канонам. Необходимо понимать, что забой животных – это не жертвоприношение. Мясо животных, которое приносят в мечеть после окончания поста, раздается членам общины и съедается.

Однако в Китае мясо – это, прежде всего, свинина. Поэтому для китайцев-мусульман запрет на его употребление стал большой проблемой. Мусульмане зачастую не могли питаться вместе с ханьцами (этническими китайцами, к которым относятся 90% всех жителей Китая).

Следовательно, возникли специальные магазины, продающие халяльную пищу, специальные столовые и рестораны. Таким образом, между мусульманами и ханьцами, проживающими, например, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, контакты носят непродолжительный и неглубокий характер.

Кроме этого, мусульмане должны молиться пять раз в день, а пятницу проводить в мечети. Поэтому при приеме на работу работодатель отдает предпочтение представителю другой религии. Большая часть мусульман работают в торговой сфере и обслуживают, соответственно, интересы мусульманских потребителей.

Мечети в Китае (清真寺qīngzhēnsi, букв. «храм чистой подлинной веры») имеют свою специфику. Китайские мечети в значительной степени соответствуют традиционной китайской архитектуре, хотя для гармонизации этих строений с нормативным комплексом атрибутов исламских мечетей в них были внесены определенные элементы инновации. Характерными для китайской архитектуры элементами являются массивные деревянные колонны, черепичные крыши с острыми выгнутыми краями, каменные стены и ворота. Мечети окружены стенами с высокими входами, которые иногда выполняют функцию минаретов. Также в некоторых мечетях вместо минаретов стоят пагоды. Внутреннее убранство китайской мечети соответствует исламским, есть место для омовения и михраб (ниша в стене, указывающая направление Мекки), однако многие из них расписаны в китайской манере живописи.. Китайский имам читает лекции на китайском и или арабском языке. Всего мечетей в Китае насчитывается около сорока пяти тысяч.

Мечеть для мусульман – не просто место для моления. Они служат образовательными центрами и местами религиозных и общественных собраний. В них осуществляется обучение, проводятся занятия, это место для размышления, индивидуального чтения и общения. Именно поэтому коммунистическая партия Китая уже со времени основания КНР занималась проблемой образования имамов. В 1949 году в Пекине открылся Государственный институт народности хуэй (国立回民学院 guóli huímin xuéyuàn), ныне – Пекинский институт народности хуэй(北京市回民学校bĕijīngshì huímín xuéxiào). В нём подготавливали будущих имамов – духовных лидеров мусульман, служащих в мечетях, преподавали им арабский язык, чтение Корана, а также прививали патриотизм и желание сотрудничать с партией.

Сложность в проведении политики китайского государства в отношениях с уйгурским национальным меньшинством заключается в том, что уйгурский язык принадлежит к тюркской языковой группе алтайской языковой семьи. В 1959-1960 годах КПК пыталась провести реформу уйгурской и казахской письменности, заменить арабо-турский шрифт латинизированным алфавитом, который использовался в путунхуа (общей речи в Китае) как фонетическая система записи иероглифов. Однако реформа не увенчалась успехом.

Культура хуэйцев, в частности, их литература зачастую были неизвестна представителям других религий, ей не уделяли должного внимания. Лишь в 1991 году лауреатом престижной литературной премии Мао Дуня впервые стала писательница Хо Да (霍达) с романом «Похороны мусульманина» (穆斯林的葬礼 Mùsīlínde zànglǐ). Это первое произведение, написанное представителем национальных меньшинств, которое было удостоено престижной литературной премии. Роман посвящен проблеме интеграции мусульман в современное китайское общество, деформации их собственной культуры, традиций и обычаев. Все это описано на примере истории трех поколений одной мусульманской семьи. На страницах романа Хо Да постаралась отразить те события, которые происходили в жизни мусульман последние шестьдесят лет. В 1993 году роман был экранизирован и представлен широкому кругу зрителей.

Однако нельзя утверждать, что отношение китайцев к их соотечественникам-мусульманам было исключительно негативным. В частности, это отразилось в языке. Когда ислам появился в Китае, возникла необходимость возникновения новых слов. Большая часть связанных с исламом понятий возникла по принципу заимствования слов и их транскрипции. Так, слово «имам» стало伊玛目yīmǎmù, пророк Мухаммед -穆罕默德Mùhǎnmòdé, мусульманин - 穆斯林mùsīlín или 穆民mùmín mùmín (самоназвание мусульман). Следует заметить, иероглиф穆mù, присутствующий во многих словах, касающихся ислама, переводится как «торжественный»; «почтительный» и несет положительный смысл. Кроме этого, он синонимически близок со значением слова «ислам» - «покорность».

Слово «Коран» имеет в китайском языке несколько вариантов именования. Два из них -叩兰经 kèlánjīng и 古兰经gǔlánjīng также являются транскрипциями с персидского языка, а третье - менее употреби-

тельное - 金经 jīnjīng, букв. «Золотая книга», отображает почтительное отношение к Священной книге.

Ислам, попав на территорию Китая, приобрел некоторые специфические особенности. Он синтезировался с традиционной китайской культурой, обогатил ее знаниями мусульманских зодчих, арабскими литературными памятниками, новыми обычаями и правилами регулирования общества. Возникла необходимость в появлении новых слов и понятиями, характеризующих эти изменения. Однако в целом ислам остался обособленным религиозным учением среди всех религий, исповедуемых в многонациональном и многоконфессиональном Китайском Народном Государстве.

Литература

1. *Васильев Л.С.* История религий Востока: Учебное пособие для вузов. М., Книжный дом «Университет» , 2000. 425 с.

2. *Завьялова О.Н.* Китайские мусульмане хуэйцзу: язык и письменные традиции // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3. С. 153—160

3. *Кузнецов В.С.* Ислам в общественно-политической жизни КНР. М., ИДВ, 2002. 296 с.

4. *Рукайя* Максуд. Ислам. М. Гранд ФАИР-ПРЕСС, 2001. 301 с.

5. *Берзин А.* Отношения между мусульманами народности хуэй, тибетцами и уйгурами. 1996 г [Электронный ресурс]:http://www.berzinarchives.com/web/ru/archives/study/ islam/ modern_interaction relation_hui_muslims_tibet_uighurs.html, доступ свободный.

6. *Краткий* русско-китайский и китайско-русский словарь. М., "Вече", 2008. 608 с.

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА. CONTRAVARIETY OF HUMAN EXISTENCE

Рукавишникова Ирина Сергеевна
Rukavishnikova, Irina Sergeevna
Иркутский Государственный Лингвистический Университет
Irkutsk State Linguistic University
yahont-zzz(a)yandex.ru

Человек – самое противоречивое существо в природе. Человек умеет мыслить, следовательно, способен сам выбирать модели поведения и отношения к различным ситуациям и людям, которые происходят в его жизни. Индивид, как губка, впитывает в себя самые различные модели поведения и в зависимости от той или иной ситуации, надевает на себя ту или иную маску.

Всё наше существование дихотомично: утро – день, мужчина – женщина, добро – зло. В человеке одновременно заложены противоречивые по своим свойствам качества личности. Он умеет проявлять свои добрые наклонности и показывать лицо зверя. Некий индивид, будучи агресси-

вен и деструктивен по отношению к другим, требует к себе понимающего и всепрощающего отношению.

Философско-нравственные понятия добра и зла рассматривались на протяжении развития всего человечества. Дискуссии о том, является ли зло непременным атрибутом человечества, или он по природе своей добр, продолжались в течение многовековой истории человечества. Уже в древнейшей философии присутствуют полярные точки зрения по этому вопросу. Китайский философ Сюн-цзы считал, что человек имеет "злую природу". Другой китайский философ Мэн-цзы провозгласил идею о том, что все люди рождаются добрыми или, по меньшей мере, нравственно нейтральными, а затем воздействие порочных общественных факторов может привести к тому, что человек станет злым. «В национальном мировоззрении ведущее положение занимают государственные и семейно-родовые ценности...» [1; 31], следовательно, человеком можно было управлять и давать ему те ценности, которые считались хорошими для государства. Индивид был практически лишен ответственности за свои поступки: он был либо злобный, либо добродетельный. Но, в то же время китайцы познакомили весь мир со знаком «Инь-Ян», символизирующим мужское и женское начало, день и ночь, добро и зло. Этот знак показывает, что в мире должны существовать разные ипостаси человека, в одном и том же индивиде можно найти и положительные качества (в общепринятом понятии этого слова), так же как и отрицательные.

Мы знаем, что на развитие человека оказывают влияние такие факторы, как наследственность, среда и воспитание. Социальные и биологические науки пришли к тому, что наиболее важное влияние на формирование и развитие поведения человека оказывают среда и воспитание. Для воспитания агрессивного поведения достаточно порочное воспитание, включающее физически наказания, моральное унижение, социальную и сенсорную изоляцию, табу на эмоциональные проявления, а также такие мега-факторы как скученность, то есть небывалое увеличение плотности населения. Такие современные понятия нашей эпохи постмодерна, как индустриализация, урбанизация, индивидуализм, массовость, стандартизация, секуляризация и специализация, влияют на то, что человеку очень стало трудно сохранить свою индивидуальность и изначально добрую природу своего существования. Люди вынуждены приспосабливаться к быстроменяющемуся миру и проявлять такое поведение, которое от него ожидают и которое у него вырабатывается в процессе межличностного общения.

Все люди разные, и поэтому в процессе общения они все могут испытывать разные чувства друг к другу. Это и любовь, и уважение, и ненависть, и агрессивность. Но все эти чувства эфемерны, и, следовательно, их каждый индивид может рассматривать со своей точки зрения. Одни люди верят в любовь, считают, что в жизни это самое главное, что это то, ради чего стоит жить. Другие же полагают, что раз это невозможно потрогать, то любви не существует.

Изучением агрессии и агрессивности занимались многие социологи, философы, культурологи, психологи, этологи.

Так, Б. Басс выделил три шкалы, по которым следовало бы описывать феномен агрессии (физическая – вербальная, активная – пассивная, прямая – косвенная), получив восемь возможных категорий агрессивных действий. К. Мойер ввел в качестве критерия топографию реакций и раздражителей, которые вызывают агрессию, выделил шесть классов агрессивных действий. Д. Зиллман говорит о психологии агрессии как об «обусловленной раздражителем» и «обусловленной побуждением». Р. Додж и А. Койе предложили понятия реактивной и проактивной агрессии, где реактивная агрессия предполагает возмездие в ответ на осознаваемую угрозу, а проактивная порождает поведение, направленное на достижение определённого позитивного результата. Р. Бэрон и Д. Ричардсон написали монографию «Агрессия», в которой рассматривали агрессивность в двух ипостасях: и как человеческое проявление, и как определённую форму социального поведения. Они выделяют следующие типы агрессии: враждебная агрессия, то есть намеренное причинение жертве страданий, и инструментальная агрессия, которая своей целью не имеет намерение причинить вред. Г. Андерсен предложил различать шесть уровней развития личности, влияющих на поведение человека. Х. Хекхаузен показал, что агрессия находится под безусловным контролем социальных норм и функций. Он различал реактивную и спонтанную агрессию. С. Фэшбек различал экспрессивную, враждебную и инструментальную агрессии, при этом исключая непреднамеренную агрессию. Б. Вителло и Д. Софт выделили две подгруппы агрессии – импульсивно-реактивно-жестоко-аффективная и контролировано-проактивно-инструментально-хищная. Дж. Тедеши и его соавторы рассматривают агрессию настолько широко, что она сливается в их интерпретации с понятием власти. А. Бандура считал, что агрессивное поведение формируется не только в непосредственном опыте, но гораздо сильнее через наблюдение. Люди усваивают модели поведения посредством просмотра различных телевизионных программ, видео, кино, Интернета. Нейтральное освещение некоторых

насильственных событий также способно порождать драматические сюжеты телевизионных эпидемий.

Нам же близка точка зрения В.И. Красикова, который считает, что агрессивность следует рассматривать как «совокупную, системную характеристику человеческого мира» [6; 41], в которой все факторы взаимно обусловлены друг другом и оказывают активное влияние друг на друга; при этом невозможно вычленить факторы, которые были бы более или менее важны.

Одним из ярких представителей философской мысли, пристально занимавшимся проблемами агрессивности, считается Э. Фромм.

Эрих Фромм в своей книге «Анатомия человеческой деструктивности» выделил два главных типа агрессивности: доброкачественную и злокачественную. Индивид, в зависимости от необходимости или просто из желания, способен на проявления разных типов агрессивного поведения.

Э. Фромм полагал, что «механизм оборонительной агрессии "вмонтирован" в мозг человека и животного и призван охранять их жизненно важные интересы от угрозы» [2; 300]. Когда индивид защищает свою жизнь, жизнь своих близких людей либо свое имущество, то в порыве своей ярости он способен уничтожить своего обидчика. Такой вид агрессии присущ всем живым организмам. И в данном случае человек ничего не может с собой поделать. Практически во всех культурах, как бы строго они не оценивали агрессивное поведение, идет снисхождение к таковым проявлениям агрессивного поведения.

Вспомним, что человечество неоднородно в своей массе. И некоторым людям мало того, что они выплескивают свою агрессивность, просто защищая себя. Таким индивидам требуется нечто большее. Именно тогда и наступает, по Фромму, злокачественная агрессия, или деструктивность. Цель всего этого действа – это получить наслаждение. И здесь можно указать, что человек – это единственное живое существо, который наслаждается, убивая и мучая других.

Тема человеческой деструктивности были поднята Фроммом не только в его книге «Анатомии человеческой деструктвности», но и в более ранних произведениях, например, в книге «Бегство от свободы». Фромм отмечал, что человек обычно подавляет в себе различные иррациональные страсти, как-то влечение к разрушению, ненависть, зависть, месть. Автор отмечает, что бессилие и изоляция индивидов лежат в основе этих пагубных комплексов. Человек творит все это, так как пытается вырваться из того мира, где он заключен, как джин.

По Фромму, деструктивность – это отклик человека на разрушение нормальных человеческих условий быта. Именно деструктивность – это благоприобретенное свойство. Именно история совратила человек, породив в нем разгромные и погибельные страсти.

Человек проявляет деструктивность, когда у него нет свободы. Но возникает вопрос – что такое свобода и какой она должна быть? Какова свобода – это политические реалии или внутренние самоощущения? Можно сказать, что свобода - это одна из неоспоримых общечеловеческих ценностей, но если человеку предоставить полную свободу во всем, то наступит анархия и хаос. Может поэтому человек и боится свободы и бежит от нее.

Само нежелание принять свободу и порождает деструктивность. Именно задушенная внутренняя свобода и рождает синдромы насилия. Именно из-за того, что человека чего-нибудь лишали в свое время, он желает получить это во что бы то ни стало и не останавливается ни перед чем, и, конечно же, совершает насилие и жестокость по отношению к другим индивидам.

Одно и то же действие, рассматриваемое с точки зрения противоположных сторон, может быть признано либо агрессивным, либо правомочным. Если нападающий просто так желает лишить другого человека жизни, то это проявления злокачественной агрессии. Если же индивид, защищаясь, ранит или убивает нападавшего субъекта, то мы это расцениваем, как доброкачественную агрессию.

Но злокачественную и доброкачественную агрессию может проявлять не только индивид, но и целые нации. В нашем понимании, террористы, захватывая заложников и убивая их, являются очень жестокими и агрессивными созданиями. С точки зрения тех самых террористов, они творят благое дело, уничтожая неверных и зарабатывая деньги на свое «святое дело».

Можно сделать вывод, что противоречия моральных, ценностных норм можно встретить не только у отдельного индивида, у отдельных групп, но и у целых народов. «Самоидентификация творческого индивидуального сознания с этносом порождает мощное развитие бытового национализма – его рационализацию и концептуализацию, превращение в националистическую теорию превосходства» [6; 100]. Люди проявляют этноцентризм, то есть они настолько уверенны в правоте только собственной культуры, что отвергают стандарты других культур, они неспособны адекватно оценивать традиции, обычаи и действия людей других национальностей. Этногенез перманентен, взрывы радикального

национализма присущи экзистенции современного индивида. Простым обывателям буквально навязывают чувство превосходства над другими культурами. Можно сказать, что человечество несвободно в своем выборе, принимать ли ему другую культуру или нет. У простого обывателя нет свободы выбора, и иногда у человека возникает чувство противоречия: с одной стороны нам говорят, что все люди – равны, что мы все братья и сестры, с другой стороны – нам опосредованно дают понять, что не все нации хороши, что существуют нации второго сорта.

Мы все сильно внушаемы. И для нашего существования нам нужны различные шаблоны поведения. Нам навязано мнение, что выходцы с Кавказа – все сплошь террористы, воры и мошенники. И следствие этому – недоверие этим людям, страх и желание их уничтожить. Здесь проявляется другое явление, которое называется ксенофобией. Люди боятся и относятся с неприязнью к чужим взглядам и обычаям. Ведь проще уничтожить что-то неизвестное, чем изучить это и понять. Индивиды боятся, что это неизвестное будет угрожать их свободе.

Произошел распад традиционной патриархальной культуры, когда все роли были распределены между членами общества. В нынешнем постмодернистическом сообществе люди принадлежат разным группам, классам, прослойкам, все начинают выполнять разные роли. В одной группе человек может лидировать, в другой он будет вынужден подчиняться. Противоречия возникают тогда, когда индивид не может быстро перестроить свои взаимоотношения в разных группах и требует к себе одинакового отношения везде. Если человек мобильный и умеет быстро перестраиваться, то не будет никакого конфликта. Однако если индивид будет примерять на себя различные, не подходящие к нему маски, то может возникнуть депривация.

Из экономической, социальной, организмической, этической и психической депривации в разговоре о противоречивости индивида можно выделить социальную и этическую депривацию. Некоторые индивиды и группы общества могут быть оценены выше, чем остальные, они могут иметь более высокий социальный статус. Люди имеют разные социальные вознаграждения. Те, кто не хочет с этим положением смириться, стараются выйти из той социальной прослойки, к которой они принадлежат. Чем больше индивид вкладывает желание и способности, тем его усилия скорее будут вознаграждены. Этическая депривация возникает тогда, когда ценностные идеалы индивида не совпадают с идеалами общества. Некоторые люди могут ощущать противоречивость общепринятой системы ценностей. Человек не может жить в своей системе координат, то есть он

не может вести тот образ жизни, который соответствует его системе ценностей. Возникает противоречие – хочу, но не могу. Существуют определенные стандарты поведения, и те, которые их нарушают, ломают все морально-этические связи всего сообщества. Отношения к таким людям и группам крайне негативное. Общество пытается устранить помеху своему благополучию. И таким индивидам приходится либо принимать ценности всего сообщества, либо становиться в открытую конфронтацию.

Можно заключить, что любому индивиду или группе людей свойственна противоречивость во взглядах, поступках, поведении. Нет единого стандарта, как надо жить, и все хотят жить так, чтобы ему было хорошо. Для одних необходимо проявление агрессивности, для других нужно просто следовать морально-этическим нормам своего общества. Но человек на то и человек, чтобы думать и стремиться к более интересной и полноценной жизни. Именно из-за этого стремления и возникают противоречия и конфликты в нашей жизни.

Литература

1. *Философия* в вопросах и ответах: учеб. пособие / Е.В. Зорина, Н.Ф. Рахманкулова и др., под ред. А.П. Алексеева, Л.Е. Яковлевой. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 336 с.

2. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1988. – 672 с. (Классики зарубежной психологии).

3. *Волков Ю.Г., Добреньков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В.* Социологи: Учебник Под ред. проф. Ю.Г. Волкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Гардарики, 2002. – 512 с.: ил.

4. *Ерасов Б.С.* Социальная культурология: Пособие для студентов высших учебных заведений. В 2-х ч. Ч. 1 – М.: АО «Аспект Пресс», 1994. – 384 с. – (Программа: Обновление гуманитарного образования в России)

5. *Кравченко А.И.* Общая социология: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 479 с.

6. *Красиков В.И.* Экстрим: Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. – М.: Водолей Publishers, 2006. – 496 с.

СИМВОЛИКА КИТАЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА. THE SYMBOLISM OF CHINESE NATIONAL THEATRE

Рылькова Анастасия Владимировна
Rylkova Anastasiya Vladimirovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
nastya_rylkova@mail.ru

Китайский театр – важнейший вид искусства. Он имеет длительную и сложную историю. Истоки театра восходят к народным песням и пляскам. Простейшие формы театрализованных представлений суще-

ствовали в Китае еще в эпоху *Хань (*206 г . до н.э. — 220 г. н. э.).Первая театральная школа появилась в эпоху династии *Тан* (618— 906 гг .) при императоре *Сюань Цзуне*. В X-XII веках происходит формирование национального китайского театра, который принято называть традиционной музыкальной драмой *сицюй*. Само это понятие восходит к XV веку и сохраняется в наши дни. Это общее название национального театра, включая его ранние и поздние разновидности. *Сицюй* представляет собой такой вид театрального искусства, где драматические произведения воплощаются средствами музыки, пения, танца, речи, циркового искусства, гимнастики и пантомимы.

Рождение китайского театра состоялось намного раньше, чем в большинстве других государств. Его формирование шло несколькими путями. Первый – мистерии-карнавалы, одной из составных частей которых были шествия ряженых. Они облачались в звериные шкуры с соответствующими масками. Второй – мистерии-инсценировки, в которых изображались различные эпизоды жизни богов и мифических персонажей. Сегодня элементы китайского древнего театра можно найти в народных танцах. Как и в театре Древней Греции, мистерии включали в себя диалоговую часть и хоровое сопровождение. В период правления древнейшей династии Шан эти мистерии попали в императорский дворец. Так наряду с религиозными действами в поселениях возникли храмовые и придворные театрализованные постановки. В это время уже различали актёров поющих и танцующих (*чан лэ)* и комических (*пай ю)*.

С древних времен театр Китая отличался от западного по ряду причин, поэтому поражал и был столь привлекательным. Огромную роль в китайском театре, возможно восполняющую отсутствие общепринятой в европейском театре мизансцены, приобретают замечательный подбор цветов, мастерски продуманная комбинация красок. Неповторимое своеобразие традиционного китайского театра связано с тем, что в нём отсутствовала принятая у европейцев дифференциация на жанры. Актёр такого театра должен был владеть в равной степени искусством сценической речи, пения, жеста, пантомимы, танца, элементами боевого искусства. Восприятие традиционной китайской драмы требует определённой подготовки как в знании сюжетов из истории и классической литературы, так и в понимании театральных канонов. Трудным является даже для китайцев восприятие на слух, так как тексты диалогов, монологов, арий написаны на старом письменном языке вэньяне.

Поэтому в театральных программах рассказывается краткое содержание драмы. Порой рядом со сценой проецируется на экран текст, а при показе по телевидению даются субтитры. Для иностранцев эти трудности умножаются непривычностью музыкального сопровождения. Поэтому, чтобы лучше оценить своеобразие этого жанра искусства, необходимо заранее подготовиться к его восприятию. По возможности узнать содержание спектакля, его действующих лиц. Отсутствие сцены-коробки в таком театре породило особые приёмы сценической выразительности. Действуя на открытой площадке, актёр достигал тесного контакта со зрителем.

Китайский театр был в полном смысле народным. У большинства традиционных спектаклей композитор был неизвестен. Обычно он попросту отсутствовал, так как спектакль создавался целым коллективом музыкантов-исполнителей и актеров - «поющих, говорящих, танцующих...». Не было в старом Китае и авторов-постановщиков. Все театры были передвижными. Несмотря на то, что китайский классический театр сочетал воедино сложный комплекс приемов драматического, музыкально-вокального мастерства и акробатической техники, - в основе театрального представления лежало музыкальное начало.

Пластика актёра традиционного театра практически статуарна, отточена в позах. Движение героя определяется не столько обстоятельствами пьесы, сколько показывает его характер и даже общественное положение. В китайском театре, например, гражданский положительный герой при ходьбе выбрасывает несгибающиеся ноги в стороны и при этом поглаживает бороду; военный положительный герой ходит «тигровыми шагами» – как бы скользит и застывает на месте, ускоряя темп движения во время ухода со сцены; «почтенная матрона» при ходьбе не должна отделять от сцены ног, «обольстительная красавица» переступает, плотно сжав колени; «комик» обладает торопливой и крадущейся походкой. В китайском театре также детально разработаны и движения рук актёра – «отрицающие» руки, «скрывающие» руки, «хватающие» руки, «плачущие» руки, «отдыхающие» руки и т. д. Грубый характер выражался широко раздвинутыми пальцами, тогда как для старцев характерны сдержанность и скованность их движений. Сложенные женские пальцы символизируют женственность и изящество.

Характерная особенность искусства актёра китайского театра – игра с воображаемыми предметами, аллегорическое использование предметов театрального реквизита. Например, стол в зависимости от

ситуации может изображать алтарь, стол, гору, наблюдательную площадку; шапка, завёрнутая в красное полотнище, – отрубленную голову; чёрные флажки – ветер; красные флажки – огонь. Пространство сцены делится на две части. Одна – по кругу просцениума – обозначает место действия вне помещения, например, улицу. Другая – внутренний квадрат сцены – домашнее или дворцовое помещение. Герой делает шаг – это значит, что он выходит за пределы дома; взбирается на стол – оказывается на возвышенности. Взмах плёткой – и зрителям понятно, что он мчится на лошади. Двое актёров пытаются найти друг друга и промахиваются на освещённой сцене – все догадываются, что дело происходит в темноте. Палка с несколькими пучками конского волоса в руках артиста означает, что он едет верхом; артист берет весло и делает небольшой прыжок – он уже в лодке. Зеленая ветка означает, что действие происходит в саду. В старом классическом театре существовали и пантомимические жесты, определяющие общественное положение персонажа, его поведение, манеры (таковы образы богатого, знатного, бедного, глупого, коварного и тому подобные). Достаточно актеру сделать резкий поворот головы - и китайский зритель понимает, что герой силен и решителен. В зависимости от уровня мастерства различали актёров блестящих, совершенных (妙), божественных（神）, красивых, привлекательных (美), умелых (能).

В гримах и костюмах также широко использовалась символика цвета: костюмы жёлтого цвета носят императоры, в красных появляются верные, преданные и храбрые министры и военачальники, злые и жестокие люди ходят в чёрных, чиновники с дурным характером – в голубых. Большое значение придаётся и пышному головному убору. Символика грима тоже о многом говорила зрителям: прямодушные и стойкие люди имеют красное лицо; люди буйного характера – чёрное, белый цвет в гриме обозначает низость, жестокость и все отрицательные качества. Демонические персонажи появляются с зелёным, а божественные – с золотым лицом. Помимо цветовых обозначений, присутствуют и рисунки. Например, царь обезьян имеет на лбу изображение кокосового ореха. Если у актёра на виске изображена монета, значит, зритель имеет дело с сребролюбцем.

В китайском традиционном театре уделялось большое внимание и психологической разработке роли. Но психологизм восточного театра тоже существенно иной, чем в театре европейском. Актёр китайского театра должен владеть способами внешнего выражения чувств. Китай-

ская традиционная театральная теория предлагает восемь психологических состояний, или категорий (*па-син*), каждой из которых соответствует определённая манера поведения. В трактате «Зеркало просветлённого духа» они описываются так:

- Знатный – вид внушительный, взор прямой, голос низкий, походка важная;
- Богатый – вид довольный, голос мягкий, глаза улыбающиеся, выражая радость, щёлкает пальцами;
- Бедный – вид удручённый, взгляд неподвижный, сутулится, под носом мокро;
- Низкий – вид добродушный, смотрит искоса, плечи приподняты, походка быстрая;
- Глупый – вид тупой, глаза вытаращены, рот разинут, мотает головой;
- Безумный – вид гневный, взгляд остановившийся, кричит и смеётся, двигается беспорядочно;
- Больной – вид изнурённый, глаза слезящиеся, дышит тяжело, тело трясущееся;
- Пьяный – вид усталый, глаза мутные, тело обмякшее, ноги неподатливые.

Игра актёров китайского театра далека от какого-либо жизненного правдоподобия. Она строится на канонизированных, отточенных условных приемах выразительности, стилизованных движениях и жестах. Все пьесы традиционного репертуара делятся на две большие группы – (*вэньси*) (пьесы на гражданские, светские сюжеты) и (*уси*) (пьесы на военные, исторические темы, в которых главное место занимают батальные сцены, построенные на акробатике и фехтовании).

Вплоть до начала XX века в Китае отсутствовали смешанные труппы. Это обусловливалось тем, что актрисы считались женщинами лёгкого поведения и не имели права выступать вместе с мужчинами. Поэтому существовали женские труппы, в которых все роли исполнялись женщинами, и мужские, в которых все роли исполняли мужчины. Интересно, что китайцы полагали, будто только мужчина способен понять и выразить женскую сущность, красоту её души и тела. Актёрам-мужчинам требовалось особое мастерство для исполнения женских ролей. Это мастерство было так велико, что женщины посещали театр с тем, чтобы учиться у актёров-мужчин манерам и женственности.

Обучение искусству актёра носило цеховой характер и начиналось в раннем детстве – с семи–восьми лет. Исполнительские традиции передавались из поколения в поколение, старый опытный актёр сообщал свой опыт своим ученикам, которые обычно были его детьми и внуками. Все указания учениками исполнялись беспрекословно, в занятиях они проводили большую часть своего времени. Помимо полного владения своим телом, они учились, например, искусству живописи, чтобы понимать значение цвета и узора своего костюма и выполнять сложный грим.

Таким образом, проследив историю становления китайского театра, можно сделать вывод о том, что традиционный китайский театр – один из развитых видов китайского искусства, в котором, в отличие от искусства европейского, принцип новизны никогда не был главным. Но это не значит, что традиция не знает ни малейшего движения - просто изменения в ней происходят медленно, и чтобы быть принятыми внутрь традиции, они проходят долгий путь, оправдывающий необходимость изменений. Китайский театр представляет собой особый эстетический образ мира, мира, который соответствует традиционному менталитету и культуре китайского народа.

Литература

1. *Серова С.А.* Китайский театр – эстетический образ мира. – М.: Восточная литература; Российская академия наук, Институт востоковедения, 2005.-1554с.

2. *Ткаченко Г.А.* Культура Китая. – М. Муравей, 1999.-381с.

3. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. - М.: Восточная литература, 2001 – 487с.

4. *«Энциклопедия* Китая» [Электронный ресурс]URL:http://abirus.ru/content/564/623/625/645/655/11645.html

КУЛЬТ ПРЕДКОВ И КОНЦЕПЦИЯ «СЯО» В ДРЕВНЕМ КИТАЕ. ANCESTOR WORSHIP AND CONCEPT "XIAO" IN ANCIENT CHINA

Синцова Виталина Владимировна
Sintsova Vitalina Vladimirovna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
vitalife70@mail.ru

Культ предков, возникший в глубокой древности, играл очень большую роль в мировоззрении китайского народа. Он оказывал влияние на многие решения, являющиеся важными в жизни страны. Этот культ

был изменен (концепция *сяо*) и возвеличен Конфуцием, стал неотъемлемой частью конфуцианства, основной государственной идеологии в Китае. Несмотря на то, что данный культ уже давно перестал существовать, он до сих пор оказывает огромное воздействие на менталитет, сознание и этические принципы китайского народа.

Культ предков зародился еще в глубокой древности. Изначально китайцы поклонялись животным (тотемизм) и верили, что животные являются их предками. Особенно рьяно на родство с животными претендовали представители правящих кругов. Древние китайцы верили в реинкарнацию, т.е. превращение человека в свой тотем и обратно, кроме того, они верили в право тотемных животных на брачные отношения с людьми своего тотема. Известны многочисленные легенды о перевоплощениях, «чудесных» рождениях и так далее. Например, родоначальник иньцев Се якобы был рожден после того, как его мать проглотила яйцо божественной птицы, легендарный Гунь, основатель династии Ся, превратился в медведя, а мать родоначальника чжоусцев родила его, наступив на след ноги божества.

Постепенно тотемизм стал пережитком и на смену ему пришел анимизм (вера в многочисленных духов, одушевление чего-либо, например, сил природы, растений и так далее). Китайцы наделяли высшие силы природы божественной силой и пытались снискать их благоволения. На стыке анимизма и тотемизма стал зарождаться культ мертвых (эпоха Инь). Представляя духи различных сил природы, своих далеких предков в зверином обличие, древние китайцы как бы устанавливали связь между силами неодушевленной природы, животным миром и духами своих предков. Китайцы верили в жизнь после смерти. Согласно учению «Цзочжуань», человек при рождении обладает двумя душами, материальной-*по*, возникающей в момент зачатия и духовной-*хунь*, возникающая при рождении, при первом вздохе. После смерти человека душа *по* уходит в землю, превращаясь в дух *гуй*, а душа *хунь* возноситя на небо, превращаясь в дух *шень*.

Часто в захоронениях китайцев можно найти различную утварь, одежду, личные вещи умершего. В эпоху Инь, когда социальное расслоение достигло уже значительных размеров, гробницы правителей были необычайно пышны, в них было множество великолепных изделий из бронзы: утварь, оружие, колесницы, а так же большое количество сопогребальных людей (жены, наложницы, рабы, приближенные); могилы рядовых иньцев были снабжены лишь необходимыми вещами:

сосудами, орудиями, одеждой и небольшим количеством пищи. Все это делалось именно для души *гуй*, которая после смерти продолжала свое существование, и если у нее не было необходимых вещей, если ей регулярно не приносили жертвы, она могла озлобиться и навредить не только родственникам, но и ни в чем не повинным людям. Душа *шень*, которая пребывала на небе, считалась посредником между людьми и сверхъестественными силами. Простые люди вообще не имели души *шень*, или ее значение было очень мало, а у знатных людей эта душа действовала в зависимости от ранга ее обладателя. Впоследствии это правило несколько видоизменилось и простые люди тоже могли иметь душу *шень*, но только те, кто показал свою незаурядность и проявил себя в чем-либо.

Отдельного рассмотрения заслуживает высшее божество Шанди (иньская и раннечжоуская эпоха). Иньцы считали его своим родоначальником, покровителем, предком-тотемом. Именно Шанди, согласно верованиям иньцев, приняв облик божественной птицы (ласточки), зачал сына, который и стал родоначальником этого племени, а иньские ваны[1] были ближайшими родственниками Шанди. После смерти вана его могущество, накопленное при жизни, на небесах увеличивалось, и он занимал место в ряду во главе с Шанди, приобретал власть над всем миром и мог оказывать влияние на мир живых. Именно ему приносили огромные жертвы с просьбой обеспечить их благополучие или дать совет. Шанди- верховное божество, ему повинуются духи ветра, грома, молнии, дождя, он являлся высшим божеством, чья власть в мире духов и богов считалась абсолютной. В культе Шанди китайцы слили воедино культ предков и культ высшего божества, а позже культ Шанди стал культом родоплеменной знати.

Поклонение Шанди наглядно иллюстрирует то, что Бога как такового в Китае не было. Из-за слияния двух культов Шанди поклонялись не как Богу, а именно как предку, главному в мире духов. Пышная обрядовость, обилие жертв, торжественность ритуалов- все это было сконцентрировано на культе предков, как далеких, так и близких, в результате чего Шанди так и не стал великим Богом, имеющим множество храмов и жрецов.

Культ мертвых в иньском и раннечжоуском Китае постепенно трансформировался в обстоятельно разработанный и обставленный торжественным ритуалами культ предков, который особенно пышно

[1] Ван-правитель государства или княжества в Китае.

справлялся в честь старших родовых предков. Данный культ был делом родовой аристократии. Чем знатнее был человек, чем ближе стоял он к покойному или ныне живущему вану, тем большую роль в его жизни играло все, что было связано с культом предков. В аристократических семьях и, прежде всего, в семье самого вана, это культ справлялся наиболее торжественно и величественно. Для каждого из покойных ванов возводился специальный храм, в котором совершались обряды и приносились жертвы в его честь. Позже был установлен точный регламент, согласно «Лицзи» в клане вана имелось семь храмов предков: один был посвящен родоначальнику и всем древним предкам, остальные-ближайшим предкам: три-четным (*чжао*) и три-нечетным (*му*). У представителей наследственной владетельной знати было пять храмов, а у отпрысков знатных родов три храма. Всем этим покойным предкам регулярно приносились жертвы и проводились торжественные обряды, на которые обычно собирались многочисленные сородичи. Центральную роль в таких обрядах должен был играть сам покойный предок, точнее, замещавший его мальчик (китайцы верили, что после смерти дух деда переносится в своего внука на время совершения обрядов в храме предков). Поэтому в день жертвоприношения ребенку со всей почтительностью подносили все полагавшиеся предкам жертвенные яства, которые он вкушал, его специально чествовали в одном из притворов храма.

Важным элементом культа предков была забота об их могилах. Выбрать удачное место для расположения могил предков-дело очень трудное и дорогостоящее. При покупке земли для захоронений и закладке кладбища обязательно советовались с геомантами, отлично разбирающимися в магической силе той или иной земли. Могильные земли всегда были хорошо ухожены и заботливо распланированы. Любая могильная территория всегда была обсажена кустарниками и деревьями, возле каждого захоронения были установлены каменные обелиски с надписями. Обряды и жертвоприношения на могилах предков были очень важной составляющей культа умерших. Дух предка нужно было постоянно ублажать, приносить ему все нужное и проводить жертвенные обряды. Однако эта душа считалась второстепенной (дух *гуй*, находившийся в земле) и при хорошем обращении она покоилась с миром, при плохом могла навредить. Поэтому с ней обращались хорошо, но вспоминали лишь в дни поминовения усопших. Большее внимание отдавалось душе *шень*, которая улетала на небеса. Именно она,

по мнению китайцев, вселялась во внука умершего. Позже (Раннечжоуская эпоха) это верование было отставлено и новым местом пребывания души стали считаться специальные таблички с именем умершего, хранившиеся на алтаре в храме предков. После захоронения умершему предписывалось новое имя, оно называлось храмовым, и оно надписывалось на табличке, которая стала считаться местом воплощения души *шень* умершего. Делалось это на ритуальном торжестве старшим сыном, хранителем родового культа, в храме предков. Храм предков, как и алтарь, был обязательной принадлежностью каждой семьи. Каждый клан, состоящий из нескольких семей, имел один общий родовой храм, считавшийся главным, и серию семейных храмов. Родовой храм обычно строился неподалеку от дома главы храма. Он возводился на специальной храмовой земле, которая принадлежала всему клану, строился на общие средства- каждый участник вносил свою лепту, как мог. Это было внушительное сооружение, вмещавшее в себя 600-700 человек. Он был огражден кирпичным забором, состоял из нескольких храмовых и многочисленных подсобных помещений. Центральное здание родового храма имело несколько алтарей и террас. На главном, среднем, алтаре размещались таблички основателя рода и его ближайших потомков (они были окрашены в красный цвет и снабжены золочеными надписями с именами предков), а далее, по поколениям и старшинству, располагались таблички остальных предков рода. Храмы предков в Китае никогда не были грозными святилищами, куда люди бы приходили лишь изредка, во время торжеств. Напротив, в храмах часто проводились различные обряды и собрания кланов и семей. Каждое утро глава клана шел в храм, где совершал поклон предкам. А на каждый праздник, семейный или всеобщий и первого или пятнадцатого числа каждого месяца в храме торжественно собиралась вся семья, совершались жертвоприношения и происходил отчет предкам о домашних делах. Все важные родовые собрания созывались обычно раз в год и на них старались прибыть обычно все мужчины-члены клана. На общих собраниях решались все гражданские, имущественные и даже уголовные дела, касающиеся того или иного представителя клана. Кроме того, решалась проблема налогов.

Особую интерпретацию культ предков получил в концепции *сяо* Конфуция. Конфуций- древний мыслитель и философ Китая. Его учение оказало глубокое влияние на жизнь Китая и Восточной Азии, став основой философской системы, известной как конфуцианство. Он,

предлагая обратить внимание на древние традиции и прислушиваться к ним, делал упор на самую сильную и важную из них – на культ предков. Именно на основе культа предков возникло учение *сяо*-принцип сыновней почтительности. *Сяо*, как считал Конфуций, - это основа гуманности. Быть почтительным сыном обязан каждый, а особенно – человек грамотный, образованный, гуманный. Смысл *сяо*, как его толкует «Лицзи» - служить родителям по правилам ли, похоронить их по правилам ли и приносить им жертвы по правилам ли. Согласно этим правилам, подробно и обстоятельно растолкованным в «Лицзи», почтительный сын должен всю жизнь преданно заботиться о родителях, прислуживать и угождать им, быть готовым на все во имя их здоровья и блага, чтить их при любых обстоятельствах. Даже если отец недобродетелен, если он злодей, вор или убийца, почтительный сын обязан лишь «смиренно увещевать родителя, униженно просить его вернуться на стезю добродетели». В средневековом Китае считалось нормальным и даже поощрялось законом, что сын не смеет свидетельствовать против отца, что опять-таки восходит к Конфуцию, который как-то в полемике заявил, что прямота и честность не в том, чтобы предать отца, а в том, чтобы покрыть его, даже если он «украл барана». Культ сыновней почтительности с течением времени достиг в Китае всеобщего признания, стал нормой жизни, а выдающиеся примеры *сяо*, собранные в сборнике «24 образца *сяо*», превратились в объект восхищения и подражания. Вот несколько образцов *сяо* из этого сборника: бедняк, продавший сына, чтобы накормить умирающую с голода мать, находит в огороде сосуд с золотом и надписью «за твое *сяо*»; восьмилетний мальчик в летние ночи не отгоняет от себя комаров - пусть они лучше жалят его, а то ведь станут беспокоить его родителей; почтительный сын в голодный год отрезал от себя кусок тела, дабы сварить бульон для ослабевшего отца; добродетельный ханьский император Вэнь-ди во время трехлетней болезни матери не отходил от ее ложа, лично готовил ей еду и пробовал все предназначавшиеся ей лекарства. Эти и многие другие аналогичные рассказы призваны были с детства воспитывать в почтительном сыне готовность к самопожертвованию во имя культа предков. Самую важную заповедь конфуцианства, ребенок впитывал в себя с молоком матери и заключалась эта заповедь в том, что ребенок должен быть почтительным к родителям.

Концепция сыновней почтительности сформировала китайскую семью. Проще говоря, культ предков и культ *сяо* создали в Китае под-

линный культ семьи. Эта была огромная ячейка общества с всевластием отца-патриарха, который имел священное право на все имущество семьи. На территории семейных земель часто проживало и вело совместное хозяйство несколько десятков человек. Культ предков и прочие конфуцианские традиции способствовали единству семьи и заставляли даже после смерти ее патриарха признавать власть и авторитет главного из братьев. Браки в Китае заключались исключительно с целью продолжения рода, а результатом выработанных конфуцианством традиций и культа *сяо* положение женщины было значительно принижено. Выход замуж для китаянки считался одной из ее обязанностей, а главным предназначением в жизни-родить мужу наследника. После замужества женщина навсегда покидала дом отца и переходила на положение жены-служанки в дом мужа, все счастье женщины с этого дня было в ее детях, в сыновьях. Если у нее не было детей она была несчастным, отверженным существом и нередко сходила в могилу, а муж мог взять себе вторую жену или даже наложницу. Иное дело мужчина, имевший простор для своих чувств. Он мог выбрать себе жену сам или даже встретить настоящую любовь.

Отношения между младшими и старшими в семье- это отношения подчинения и зависимости, беспрекословного повиновения и послушания. Так, например, на любой вопрос старшего младший должен, униженно кланяясь, отвечать с упоминанием о своей некомпетентности судить об этом, младший не должен был сидеть на одной циновке со старшим, ни даже смотреть своему собеседнику в лицо. Младший не должен был начинать есть или пить до старшего. На младшего в доме и обществе накладывался груз обязательных условий, обязывающих его все делать так, как полагается. Неудивительно, что каждый младший стремился скорее вырасти и стать похожим на старшего. Такая система воспитания воспитывала покорных, преданных и почтительных граждан. У старших же почитались их возраст, их старшинство, особенно у людей, доживших до почтенного возраста. Они пользовались всеобщим уважение и почитанием. Безусловный примат старшего по возрасту перед младшим признавался и санкционировался властями. Право на уважение давали именно прожитые годы, поэтому любой старик, вне зависимости от его ума, знаний, морального стандарта априори являлся объектом почтения со стороны более молодых. Быть старшим и даже старым было почетно и приятно.

Таким образом, культ предков сыграл в истории Китая и формировании китайской нации как таковой, огромную роль. На протяжении всей длительной истории Китая этот культ всегда был одним из важных культов, а некоторые специалисты вообще считают его первым этическим принципом в Китае. *Сяо*-базовая часть Конфуцианства, которую саму по себе можно назвать религией, оказывает огромное влияние на становление отдельного индивида. Несмотря на то, что культ предков безвозвратно ушел в прошлое после революции 1949 года, в этой стране до сих пор сохраняется трепетное отношение к родителям, а принципы концепции *сяо* дошли до наших дней и продолжают влиять на формирование менталитета китайского народа.

Литература

1. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001, 488с.

2. *Васильев Л.С.* История религий Востока. М., 2004, 702с.

3. *Чэ Тунбо.* Принцип сыновней почтительности в родильной обрядности и погребальных церемониях и его особенности в Китае. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009. № 117. С. 145-149.

4. *Социализация* детей в Китае. Курто О., [Электронный ресурс] : Энциклопедия Китая. 2008. URL: http://www.abirus.ru/content/564/623/624/639/11502.html

2. *Технологии* управления в XX в. [Электронный ресурс]: Открытый журнал менеджмента. 2008. № 5. С. 18–20. URL: http: www.menagement.ru/content/view/535/151

ПОЛИТИКА ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ В ГЕРМАНИИ И ЯПОНИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ПОПЫТКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИДЕИ «ВЕЧНОГО МИРА». THE POLICY OF DEMILITARIZATION IN GERMANY AND JAPAN AFTER SECOND WORLD WAR AS THE ATTEMPT OF REALIZATION OF «PERPETUAL PEACE» IDEA

Софронов Тимофей Юрьевич
Sofronov Timofei Yurevich
ФГБОУ ВПО ИГУ «Иркутский государственный университет»
Irkutsk State University
sofrfoc1@mail.ru

Давней проблемой философии международных отношений является проблема установления так называемого «вечного мира». В той или иной форме попытки ее решения предпринимались как философами, так и практиками (например, программа «14 пунктов» президента

В. Вильсона). В 20 веке одной из таких попыток стали решения Потсдамской конференции 1945г., имевшей своей целью установление мира и устранение навсегда угрозы со стороны Германии [2, с. 450] и Японии [2, с. 358]. Философское переосмысление решений Потсдамской конференции, отчасти и сегодня являющихся основой мирового порядка, является особенно актуальным в свете современного переосмысления как событий второй мировой войны, так и «холодной войны». Здесь будет сделана попытка осмыслить послевоенную демилитаризацию Германии и Японии как целостный процесс (не только в его военном аспекте, но и его взаимосвязи с другими послевоенными реформами) т.е. как попытку реализации идеи «вечного мира» в ее самом общем смысле (т.е. как идеи мира без войн).

Возможно ли в полной мере утверждать, что идеи нового мирового порядка, заложенные в Потсдамских соглашениях, созвучны идеям «вечного мира», и не являются на деле лишь «пустыми лозунгами» без содержания? «Вечный мир» - это мир без войн, а именно на это и было нацелено содержание решений Потсдамской конференции (пусть и не на бесконечный период). В них присутствует идея предотвращения войн, причем не только путем создания международных органов (ООН), но и демилитаризации побежденных стран. Последняя рассматривается не в абстрактном, отвлеченном смысле, а как вполне конкретная задача, о чем свидетельствуют многочисленные разработки планов до конференции (например, план полной конверсии экономики Германии Моргентау), так и четкие обозначения векторов внутренних реформ в побежденных странах в самом тексте Потсдамских соглашений. Таким образом, в них всерьез рассматривается (и намечаются пути к ее решению) проблема предотвращения возникновения войны в отдельно взятом государстве не только средствами внешнеполитического давления, но и путем преобразований внутри него. Задача демилитаризации, хотя и имеет сугубо практическую цель (устранение военной угрозы для стран-победительниц), выходит на качественно иной уровень, который созвучен философской проблеме достижения «вечного мира». Какие преобразования в государстве могут привести к желаемой цели: предотвращение угрозы с его стороны для мира?

Особую сложность проблеме осмысления процессов демилитаризации после второй мировой войны придает тот факт, что она должна была осуществляться в 2 совершенно различных государствах: Германии и Японии. Насколько возможно было осуществить и без того слож-

ную задачу демилитаризации в этих странах, принадлежащих к разным мирам: Востоку и Западу?

Поэтому, рассматривая процесс демилитаризации в этих странах как процесс решения проблемы «вечного мира», имеет смысл проанализировать ее составные части: а) правовую основу для демилитаризации (т.е. документы Потсдамской конференции и в случае с Японией некоторые другие документы) – «демилитаризацию в сфере идей» б) непосредственное осуществление на практике положений этих документов – «демилитаризацию в практической сфере». Следует помнить, что периодом непосредственного воплощения этих положений был 1945-1947 гг. В дальнейшем же, в силу внешнеполитической обстановки «холодной войны» задачи демилитаризации отходят на второй план, уступая интересам США и СССР в побежденных странах.

Рассматривая правовую основу для проведения политики демилитаризации для Германии и Японии, мы можем сказать, что она отнюдь неодинакова. Если для Германии имел место созыв конференции, посвященный в значительной своей части ее послевоенному будущему, то для Японии подобной конференции созвано не было (не считая Московского совещания министров иностранных дел в декабре 1945 г., касающегося, в основном, лишь союзной структуры управления и контроля над Японией). В итоге в отношении Японии союзники ограничились лишь Потсдамской декларацией, которая и является фактически единственным международным документом, определившим послевоенную политику по отношению к ней. Но правильнее согласиться с мнением, выраженным американским историком Ричардом Финном, что справедливее добавить к этому документу фактически имевшие большое значение «Принципы политики США в отношении Японии в начальный период оккупации» от 21 сентября 1945 г [6, с.29], тем более что именно США сыграли главную роль в оккупации Японии.

Еще одной важной частью правовой основы для политики демилитаризации стали документы, устанавливающие власть союзников и обозначающие окончание военных действий (акты о безоговорочной капитуляции, а в случае Германии еще и так называемая Декларация о поражении, передававшая верховную власть в руки союзников). Безоговорочная капитуляция создавала для союзников-победителей беспрецедентную поле для проведения своей политики (государства - побежденные сдавались на милость победителей). Стоит отметить, что оба акта

(германский и японский) отнюдь не равноценны: в Германии капитулировали германские вооруженные силы, а правительство (правительство К.Деница) было попросту арестовано; в Японии же акт о безоговорочной капитуляции подписали как японские вооруженные силы, так и японское правительство. Таким образом, полученные исходные условия для осуществления демилитаризации в Германии и Японии несколько отличались.

Если сравнить тексты Потсдамских решений о Германии с одной стороны, и Потсдамской декларации и Принципов политики США в отношении Японии в начальный период оккупации, с другой, то можно выделить ряд общих моментов. Во – первых, четко выраженная взаимосвязь между демократизацией (должно быть установлено демократическое правительство) и демилитаризацией (навсегда должна быть устранена угроза войны). Здесь, разумеется, не идет речи о критериях демократии и ее понимании союзниками, а об общей связи между этими процессами. Демократия считалась необходимым условием для того, чтобы Германия не угрожала миру [2, с. 450], и свободно избранное миролюбивое правительство было целью американской оккупации Японии [5, с. 74]. В какой-то степени это созвучно идеям, высказываемым И. Кантом в его знаменитом трактате «К вечному миру», в котором в качестве одного из условий «вечного мира» выдвигается принцип «республиканского устройства» как устройства, основанного на принципах свободы и закона [4, с.157] (т.е. близкого идеям конституционного демократического устройства). Во-вторых, предусматривалась широкая реконструкция всех сфер общественной жизни обоих стран: экономической (роспуск монополистических объединений, ликвидация или ограничение отдельных отраслей промышленности), образовательной (реформы в образовании), идеологической (устранение милитаризма и национализма). Учтя ошибки Версальского договора 1918г., сосредоточившего усилия исключительно на регулировании военной сферы побежденной кайзеровской Германии, страны-победительницы на этот раз обратили внимание на устранение причин возникновения милитаристских настроений внутри страны, т.е. перешли от демилитаризации территории страны к демилитаризации государства как общественного механизма. Третьим общим элементом послевоенной политики, выраженной в этих документах, было наличие репрессивных мер – мер на-

казания агрессора: «чистки» государственного аппарата, экономических структур, СМИ, системы образования и сферы культуры от милитаристски и националистически настроенных лиц, суды над военными преступниками, репарации. Это, также, было серьезным вмешательством во внутреннюю жизнь государства, прежде немыслимым в международной практике.

В Потсдамских соглашениях был отмечен поворот от идеи демилитаризации и разоружения внешними средствами (военные ограничения) к идеи демилитаризации и разоружения изнутри, причем были намечены три основных вектора ее направления а) демократизация б) перестройка общественной сферы в) наказание агрессивных сил и возмещение ущерба победителей. Разумеется, не были забыты и традиционные военные ограничения, причем и здесь они приняли совершенно неожиданное прочтение: военные силы должны были быть не просто ограничены, они должны были исчезнуть. Были этому радикальному методу и свои объяснения: а именно печальный опыт Версальского договора, сохранившего рейхсвер как основу будущего вермахта. Теперь же военная традиция и существование военных сил должно было быть прервано.

Таковы были основные положения, касающиеся демилитаризации, изложенные в вышеуказанных документах. Но это были весьма расплывчатые идеи, тем более что эти документы не указали пути их конкретной реализации. Как же осуществлялись эти идеи в реальности?

Самой главной проблемой, вставшей перед союзниками, стало отсутствие единых критериев. Наиболее ярко это выражается в проблеме демократизации. Если СССР строил в своей зоне Германии социализм [3, стр. 71] (демократию в советском понимании), то западные союзники стремились установить демократию западного образца с рыночной экономикой. Разумеется, в условиях резко нарастающего противостояния двух общественно-политических систем не могло идти и речи о консенсусе по этому вопросу. Тоже можно говорить и о других мерах (например, о декартелизации, в западных зонах превратившейся в реструктуризацию концернов, а в советской зоне в их национализацию). Если говорить о Японии, то ее противоречия затронули в меньшей степени, так как оккупация осуществлялась только США. Тем не менее, влияние разных критериальных предпосылок чувствуется в оценке политики де-

милитаризации лево настроенными историками [1, с. 121]. В случае с Германией, как известно, идеологический конфликт и непонимание на этой почве вкупе с неблагоприятной внешнеполитической обстановкой привели сначала к блокаде Берлина 1948г., а затем к расколу Германии в 1949 г.

Второй крупной проблемой, особенно яркой проявившейся в Японии, стала особая роль местной культуры. Если в Германии при реализации положений Потсдама союзники опирались на относительно родственную им культурную почву немецкого народа, то в Японии реакция на те же решения могла быть совершенно иной. Демилитаризация осложнялась также политической обстановкой в стране, которая, хотя и капитулировала, но не была разгромлена окончательно, как Германия (т.е. могли иметь место серьезные выступления против действий оккупационной администрации). Некоторые реформы были вызваны исключительно японской спецификой, например религиозная реформа. В связи с особым положением культа Синто, не являвшегося религией и тесно связанного с государственной идеологией, американской оккупационной администрации пришлось вмешиваться в религиозные жизнь японцев. До сих пор вызывают споры статус ряда синтоистских святилищ (например, храма Ясукуни, посвященного павшим во время войны). Хотя решением еще американской администрации культ Синто отделен от государства и это вроде бы не касается японского правительства, подобные проблемы по-прежнему остаются дискуссионными. Сам их дискуссионный характер заложен предпосылкой о демилитаризации Японии и используемыми критериями для ее оценки. Где необходимо завершить демилитаризацию, должна ли она касаться вопросов религии и традиций? Этот вопрос исторической оценки по-прежнему остается без ответа.

Не менее дискуссионным остается и вопрос о знаменитой 9 статье японской конституции. В связи с сохранением японского правительства имелась возможность реформировать государственное устройство путем его изменения, а не строительства с нуля. Для этого была принята новая конституция, содержащая статью 9 об отказе от права войны. С одной стороны, усилиями американской оккупационной администрации была принята конституция, запрещающая ведение войны, но с другой стороны, а достаточно ли этого конституционного заверения о демилитаризованном положении Японии для предотвращения угрозы миру с ее стороны и нужно ли оно вообще? Тем не менее, по сравнению с Германией,

где принятие подобной конституции было невозможно ввиду ее раскола, в японской конституции существует пусть и формальное юридическое закрепление принципа демилитаризации государства. Впервые в истории в основу государственного устройства положен принцип отказа от войны, что все же следует признать это за определенный успех.

Третьей крупной проблемой была проблема меры репрессивного воздействия. Являлось ли оно недостаточным или наоборот чрезмерным? С одной стороны, действительно ряд крупнейших политических и военных деятелей этих стран были осуждены и казнены, десятки тысяч людей прошли через процедуры «чисток», оказались под запретом прежние доктрины и идеологии, и произошло определенное очищение общества и общественного сознания. С другой стороны, высока была цена - определенное национальное унижение. Но, тем не менее, учитывая преступления и ущерб, нанесенный агрессорами, стоит признать эти репрессивные меры более чем адекватными.

Подводя итог, следует сказать о тех последствиях, которые вызвала политика демилитаризации, проведенная в столь ограниченный период времени (практически всего 2 года). Германия и Япония сегодня являются относительно миролюбивыми государствами. Хотя их вооруженные силы и воссозданы (после периода их отсутствия во второй половине 40-х годов) они не находятся под воздействием воинственных идеологий и не влияют существенно на политический курс государства. Радикальные националистические и милитаристские организации находятся на «обочине» политической жизни. Внешняя политика этих государств не является агрессивной. Таким образом, цель предотвращения угрозы миру в целом выполнена. Можно сказать, что идея демилитаризации Германии и Японии, заложенная в Потсдамских решениях, выполнена (пусть и не полностью). Идеи «вечного мира», заложенные в Потсдамские решения, частично воплотились в жизнь. Можно сказать, что идея демилитаризации в какой-то степени созвучна идее первого прелиминарного условия «вечного мира» И. Канта – «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении была сохранена скрытая возможность новой войны» [4, с. 151]

Разумеется, полное устранение причин войны в обществе внешнеполитическими средствами невозможно, так как эта проблема выходит за рамки международных отношений. Но демилитаризация (устранение угрозы миру) отдельных государств в особых исторических условиях была возможна, что является подспорьем в решении глобальной пробле-

мы установления международного мира. Представляется в связи с этим важным более подробно изучить опыт послевоенной демилитаризации в Германии и Японии с целью более детального выяснения причин его относительного успеха.

Демилитаризация, во многом, являлась необычной попыткой решения проблемы «вечного мира» внутри государства, а не «снаружи», путем создания международных организаций, как предполагали авторы 18 века, размышлявшие об этой проблеме. Таким образом, философская проблема установления мира здесь приобретает новую глубину – не только как проблема международных отношений, но и как проблема развития общества в целом.

Литература

1. *История* войны на Тихом океане: в 5 т. [Т. 5]. Мирный договор / под общей редакцией Усами Сэйдзиро, Эгути Бокуро, Тояма Сигэки, Нохара Сиро и Ма-цусима Эйити; пер. с японского Б. В. Раскина., под редакцией Б. В. Поспело-ва.— М. : Изд-во иностр. литературы, 1958. — 508 с.

2. *Советский* союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941-1945гг.: Сборник документов в 6 т. / т. 6 Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 авг. 1945г.) / Министерство иностран-ных дел. СССР ; под ред. А.А. Громыко – М. : Политиздат,1984. – 511 с., ил.

3. *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией М. : РОССПЭН, 1995г. 400 с.

4. *Трактаты* о вечном мире. Сост. сб. И. С. Андреева и А. В. Гулыга. М., Соцэкгиз, 1963. — 279 с.

5. *Occupation* of Japan, policy and progress [Электронный ресурс] / Department of State, USA. — Washington: U.S. Govt. Print. Off., 1946. — 173 p. – Электрон. версия печат. публ. - URL: http://catalog.hathitrust.org/Record/005907186 (дата обращения: 22.09.2012)

6. *Finn R.B.* Winners in peace: MacArthur, Yoshida, and postwar Japan [Электронный ресурс] — Berkeley: University of California Press, 1992. — 413 p. – Электрон. версия печат. публ. - URL: http://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft058002wk;chunk.id=0;doc.view=print (дата обращения: 22.09.2012)

КИТАЙСКИЕ И РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Суван-оол Евгения Сергеевна, Огурцова Юлия Олеговна
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
National Research Tomsk Politechnic University
besai007@mail.ru, hawke@sibmail.com

Изучение гендерных аспектов языка и коммуникации остается самой малоразработанной областью в общей междисциплинарной сфере гендерных исследований, несмотря на интенсивное развитие гендерной

лингвистики. Причиной тому является относительно недавнее возникновение самого понятия «гендер».

В ходе выполнения данного исследования был проведен сопоставительный анализ русских и китайских фразеологических единиц, имеющих гендерную специфику. Пословицы и поговорки наиболее ярко отражают стереотипы сознания, в основном гендерные, которые предписываются определенному полу и поддерживаются национальными традициями, культурой, менталитетом.

В русском языке для образного выражения явлений действительности пользуются как свободными словосочетаниями, в которых можно заменить одно слово другим, так и фразеологизмами (идиомами или фразеологическими единицами). Во фразеологическом сочетании нельзя произвольно заменить какую-либо его часть, т.к. в составе фразеологизма смысл имеют не отдельные слова, а только все выражение в целом. В них отражены исторические события и народное отношение к ним, верования предков и, что самое главное, быт, который является кладезем гендерных стереотипов, рассматриваемых в данной работе.

Китайская лексика включает не только слова и устойчивые словосочетания, но и готовые выражения (фразеологизмы). Они являются лексически неделимыми, обладающими устойчивой структурой и семантической целостностью, характеризуются структурным многообразием формы и разным количественным составом. Это готовые сочетания слов, которые хранятся в языковой памяти говорящих. Они описывают культуру, определенные обычаи и традиции, особенности быта, обычаи и традиции, и для понимания их значения и употребления часто требуется обратиться к истории и литературе Китая.

Если обратиться к русской истории, то станет видно, что в России женщины обладали более широкими экономическими и политическими правами, чем в западных государствах. Например, в «Домострое» (XVI век) строго порицался мужчина, не уважающий свою жену. Русские женщины имели право распоряжаться собственным приданым, вести дела, снимать деньги с банковского счета, не получив на то юридически оформленного разрешения мужа. Большое влияние на положение женщины оказывала православная церковь: с одной стороны, христианская доктрина полагала женщину ответственной, через Еву, за первородный грех и представляла женщин как главный источник «искушения» для мужчин, но с другой стороны церковь распространяла почитание Богородицы и вследствие этого почитание женщин. И та-

ким образом положение российской женщины в современном обществе осталось таким же двойственным: с одной стороны, женщина считается хрупким существом, которое нужно оберегать, а с другой, она остается великой труженицей и хранительницей домашнего очага, где ведущая роль в материальном обеспечении отводится ей, а не мужчине.

Исторически положение женщин в Китае было куда более тяжелым. Женщины в китайских семьях никогда не имели права голоса. От младенческих лет и до своей смерти женщина в Китае всегда подчинялась мужчине: сначала отцу и брату, потом мужу, а если муж погибал, то сыну. А поскольку многие китайские семьи жили вместе в одном доме, представляя несколько поколений родственников, то всегда имелся кто-то старший, кто мог принять решение за женщину или ребенка. Имел место обычай убийства новорожденных девочек, т.к. их было невыгодно содержать. Брак для женщины был практически единственным средством существования, а дети – единственным смыслом жизни. Только после революции в 1949 году положение китайских женщин начало меняться: женщины были уравнены в правах с мужчинами во всех сферах материальной и духовной жизни, в случае материнства у женщин появились особые права, дающие им возможность выйти из тени мужа.

Для проведения сопоставительного анализа гендерных стереотипов в русских и китайских фразеологических единицах вначале были выделены общие тематики для значений устойчивых оборотов внутри каждого языка. В рамках рассматриваемого материала классификация затруднена семантической многогранностью пословиц и поговорок. Так, пословицу «Красота приглядится, а щи не прихлебаются» можно отнести по меньшей мере к двум подгруппам — "Внешность" и "Хозяйственность". С проблемой неоднозначной классификации приходилось сталкиваться в большом количестве случаев, поэтому конкретная семантическая область может быть очерчена достаточно четко лишь на высоком уровне обобщения: женское видение мира — мужское видение мира. В рамках каждой из этих областей просматриваются разные семантические группы, однако они не могут считаться определенными окончательно.

Уже на этапе сбора материала было замечено, что в обоих языках преимущественно отражена андоцентричность (мужская картина мира), но, если в русском языке ему противопоставлено женское мировидение, то в китайском языке оно практически не упомянуто.

Стоит отметить, что русские пословицы, как правило, однозначны, а китайские фразеологические единицы часто имеют несколько значений. Например, у ченъюя 婆婆妈妈 [pópomāmā] (букв. бабушка и мама) первым значением является «копаться, канителиться», но при этом он может толковаться и как «трусливый, слабодушный».

В ходе данного исследования было выявлено, что гендерные стереотипы очень схожи в русских и китайских пословицах.

Мужчина как адресант или адресат доминирует количественно: в пословицах и поговорках отражена преимущественно мужская картина мира и мужская власть в нем. Как в русском языке – «первую дочь по семье бери, вторую — по сестре» и «Жена не стекло - можно побить». Пример из китайского языка – ченъюй 皇帝女儿[huángdi nǚ'ér], который дословно переводится как «дочь императора» и используется, когда говорят о хорошо продаваемом товаре. Здесь мы видим проявление дифференцирующей функции – мужчина наделяется более высоким статусом, позволяющим ему как чинить домашнее насилие, так и распоряжаться женщиной как имуществом.

Также стоит отметить, что величина мужского пространства-реальности значительно больше женского. Женщина выступает главным образом в качестве объекта, как, например, в русской пословице «Бог бабу отнимет, так девку даст» и в китайской фразеологической единице «赔了夫人又折兵»[péile fūren yòu zhé bīng], которая переводится как «отдать жену и потерять солдат», что значит понести двойные убытки, потери.

Также в обоих языках выражается неполная принадлежность женщины к категории «человек». В русском языке в качестве примера служат пословицы «Курица не птица, баба не человек» и «В семи бабах половина козьей души», в которых проявляется оправдательная функция гендерных стереотипов. В китайском языке в качестве примера можно привести фразеологическую единицу «赔钱货[péiqiánhuò]», которая переводится как «убыточный товар» и используется, когда говорят о дочерях.

Следует отметить предписывающий характер высказываний, обращенный к женщине. Например, в русском языке – «Не хлопочи, когда нет ничего в печи» или в китайском – « 马大嫂 [mǎdàsǎo]» домохозяйка *(букв,* тетушка Ма), где проявляется ретрансляционная функция.

Кроме того, имеет место оппозиция "мужское — женское" с коннотациями "правильное — неправильное", что является ярчайшим приме-

ром проявления дифференцирующей и регулятивной функций гендерных стереотипов. В русском языке – «Муж пашет, а жена пляшет», «Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком». В китайском – «家庭妇男[jiātíngfùnán]»о мужчине, выполняющем все работы по дому (которыми традиционно обычно занята женщина) *(букв.* домашний хозяйка), 娘娘腔[niángniángqiāng]женственный (о мужчине), «婆婆妈妈[pópomāmā]» 1. копаться, канителиться; 2. трусливый, слабодушный *(букв.* бабушка и мамаша).

Обнаруживается некоторый, говоря условно, кодекс правил для мужчины, в котором жестко осуждается мужская безнравственность, сексуальная распущенность. Это проявляется в русской пословице «У кого на уме молитва да пост, а у него бабий хвост», в китайской фразеологической единице»泡女人[pào nǚren]» *грубо-прост.* развлекаться с женщинами; волочиться за каждой юбкой.

Но при этом в китайском языке есть и исключения: «包二奶[bāo èr nǎi]» завести любовницу *(букв.* содержать вторую грудь).

Общая картина замужества часто окрашена в минорные тона: оно воспринимается как необходимость и приобретение хотя бы минимальной защищенности, отсутствующей у женщин вне брака. В русском языке – «Когда овдовеешь, тогда-то и мужа помянешь», «с мужем нужа, без мужа и того хуже, а вдовой да сиротой хоть волком вой», в китайском – « 寡妇脸[guǎfuliǎn]» страдальческое выражение лица *(букв,* лицо вдовы).

В китайском и русском языках подчеркивается важность законных отношений. В русском языке есть выражение «жить во грехе», в китайском – «揭发夫妻[jiēfāfūqī]»законные супруги *(букв,* супруги со сплетенными волосами), «露水夫妻[lùshuifūqī]» не состоящие в законном браке супруги; сожители *(букв,* росяные супруги).

Концепт "женщина/баба", в большом количестве случаев коннотирован отрицательно и близок к семантическому полю "зло, опасность". В особенности это относится к словам баба/жена. Так, жена чаще злая, чем добрая. В русском языке – «Злая жена сведет с ума», «Всех злыдней злее злая жена». В китайском языке – «气管炎[qìguǎnyán]» быть под каблуком у жены «醋罐子[cùguànzi]» *обр.* о ревнивой женщине (бук, кувшин с уксусом), «母老虎[mǔlǎohǔo]» сварливой, злой женщине; тигрица; мегера *(букв.* тигрица.

В обоих языках отмечается женская болтливость. «Языком метет, что коклюшками», «у баб только суды да ряды», «бабья вранья и на свинье не объедешь», «не утерпела баба, провралась!», «поехала кума

трубить по городу», «шила и мыла, гладила и катала, пряла и лощила, а все языком», «老婆舌[lǎoposhé]»бабьи сплетни (бабий язык), «婆婆嘴[pópozuǐ]»болтун; язык без костей *(букв.* бабушкин рот).

Женщины и женская деятельность противопоставлены мужчинам и мужской деятельности как правильное и неправильное. Оппозиция "правое — левое" как "правильное и неправильное", "норма и отклонение", свойственная многим культурам, явственно прослеживается и в русском и китайском языках. Основная тема здесь — нелепость, неправильность женского поведения. В русском языке – «Муж в дверь, а жена в Тверь», «Мужичий ум говорит: надо; бабий ум говорит: хочу». В китайском языке – «公说公有理，婆说婆有理 [gōngshuōgōngyǒulǐpó shuōpóyǒuli]»у каждого своя правда *(букв.* муж говорит, он прав, жена говорит, она права).

Пословицы не столько предписывают женщине быть красивой, сколько констатируют факт. В русском языке – «Хороша, как писаная миска». В китайском – «回头率[huítóushuài]о красивой девушке» *(букв.* коэффициент оборачиваемости голов).

Анализ показал, что гендерные стереотипы в русских и китайских пословицах имеют куда больше сходств, чем различий; очевиден андроцентризм, т.е. ориентированность языка на дефиниции и оценки, производимые с точки зрения мужчин: положительно оцениваются качества, которые необходимы, приятны или полезны для мужчин – хозяйственность, привлекательность, невмешательство в сугубо «мужские» дела (бизнес, политику и т.д.); женщины часто выступают как объект действия или предмет потребления. В отличие от русского в китайском языке практически не отражена женская картина мира. Женщины как деятели присутствуют лишь в единичных китайских фразеологических единицах; создавая усреднённый образ женщины, русские и китайские фразеология и пословицы подчеркивают её отрицательные черты. В семантических областях, где доминируют типично женские качества, вероятность негативной оценки выше; в фразеологических единицах обоих языков, имеющих гендерную специфику, ярко проявляется дифференцирующая и ретрансляционная функции.

Литература

1. *Гендер*: язык, культура, коммуникация Доклады второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», Москва 22-23 ноября 2001. М.: б. и., 2002. - 334с.

2. *Гендерные* исследования в Республике Татарстан. http://lsl.ksu.ru/gender/page1.htm

3. *Даль В.* Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: В 2 т. - М.: АСТ, 2005. - 348с.

4. *Даль В.* Пословицы и поговорки русского народа. http://www.aphorism.ru/dal/

5. *Денисова А.А.* Словарь гендерных терминов. http://www.owl.ru/gender/010.htm

6. *Кирилина А.В.* Гендер и язык. - М.: Языки славянской культуры, 2005. - 622с.

7. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. - М.: Академия, 2001. - 202с.

8. *Халеева И.И.* Гендер как интрига познания. Пилотный выпуск Альманах. М.: Рудомино, 2002 - 141с.

9. *Бирюкова А.А.* Китайские пословицы. http://www.twirpx.com/file/343538/

10. *Ван Цзиндань.* Учебник чэнъюев. – http://www.twirpx.com/file/443370/

11. *Chinese-Tools*, on-line dictionary. – http://www.chinese-tools.com/chinese/chengyu dictionary/search/

12. «*Карманный* разговорник китайских идиом» Дэн Фан Лиу

13. «*Ходячие* китайские выражения» А. А. Щукин

ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ Н. БЕРДЯЕВА И Л. ШЕСТОВА НА МАТЕРИАЛЕ ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
PARTICULAR PHILOSOPHY OF N. BERDYAEV AND L. SHESTOV ON THE MATERIAL PERCEPTION OF F. DOSTOEVSKY

Торлопова Любовь Андреевна
Torlopova Lyubov Andreevna
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
lyubovtorlopova@gmail.com

Русская культура и философия — самобытны, имеют отличительные черты, как от культуры Востока, так и Запада: это — полярность, развитая на основе течений западничества и славянофильства; возможность трансформации позиции, в связи с отрицанием схематизации мышления; социальная активность, направленная на изменение мира; нравственный пафос духовной личности; своеобразное мировоззренческое воспроизведение культуры, вылившееся в художественно-поэтическое и философское течение одновременно – русский символизм.

Ни для кого не секрет, что философское наследие Бердяева и Шестова активно повлияло на развитие философских направлений Западной Европы XX столетия. Представители экзистенциализма (А. Камю), философской антропологии (Ж. Батай) и персонализма (Э. Мунье) или были лично знакомы с русскими мыслителями, или использовали в своем творчестве их оригинальные идеи. Переведенные на многие языки произведения Бердяева и Шестова, их активное участие в философской жизни Европы – все это подтверждает, что фигуры русских

философов были и остаются влиятельными на огромном философском пространстве.

Стоит отметить, что выбранная тема – широкая, и в работе только сделаны шаги в тематике, в частности, рассмотрение философии Бердяева глазами Шестова и наоборот, а также обзорное рассмотрение влияния данных философов на мировую культуру. Бердяева в Достоевском интересует такая тематика как обоснование свободы от объективации, а Шестова – опоры в своей борьбе с рационализмом.

Онтологический подход русских экзистенциалистов к проблемам взаимодействия категории свободы с такими категориями, как: разум, вера, познание, случай, необходимость, творчество, закономерность позволяет полнее раскрыть сущность человеческой субъективности, глубже осознать своеобразие внутреннего мира и его варианты взаимодействия с внешним миром. Именно русские философы-экзистенциалисты Николай Бердяев и Лев Шестов постоянно настаивали на целостном изучении человеческой личности. Они рассматривали мир, исходя из человеческого духовного содержания, восприняли его как основополагающий принцип философского познания, что является наследием Достоевского.

Говоря в целом, стоит отметить, что русский экзистенциализм характеризуется религиозной окрашенностью и обращённостью к трансцендентному существованию, поиску подлинного человеческого существования, а также противостоянием Западной традиции. Особенностью русского экзистенциализма по сравнению с западноевропейским является: ярко выраженная иррационалистическая направленность, главным пороком мира считается рационализм; при рассмотрении вопросов человеческого бытия духовность является основой бытия.

И так, мир делится на внешний (мир объективации) и внутренний (мир свободы). Н.А. Бердяев и Л.И. Шестов истоки человеческого отчуждения от мира видят в грехопадении. Последствия этого акта также одинаковы для обоих: когда человек подчиняет своё духовное, индивидуальное существование общим абстракциям или социальным нормам, происходит отчуждение, обезличение человека и возникает даже угроза гибели духовной человеческой сущности в связи с процессами объективации. Источники этой объективации у Бердяева выражаются категорией Ничто. Смерть, ложь, отчаяние, зло — всё это «ничтожные», негативные формы человеческого существования, но вместе с тем они могут открыть человеку глаза на подлинное бытие. Различие в пони-

мании заключается в том, что объективация для Бердяева является не только утерей первичной природы, но и отчуждением всего материального и духовного мира. Но по мнению Бердяева, после того как человек вступил на путь различения добра и зла, само познание не есть зло, оно помогает становлению личности. Шестов же указывает, что познание и теоретическая истина есть зло всегда, препятствующее пути свободы, а встать на этот путь человека вынуждает случай, который порождает трагедию.

Следующим отличием является круг рассматриваемых проблем философами. Шестов не уделял внимания социально-политическим вопросам, Бердяев же подробно рассматривал проявления, формы мира объективации (нации, государство, общество). Он писал о состояниях людей, в которые они попадают в мире Кесаря, например, мещанство и буржуазность. Шестов изучал только те состояния, которые помогут человеку увидеть и перейти в мир свободы (столкновение с горем, безумием, отчаянием, смертью). У него все явления в мире отчуждения носят порабощающий характер.

Л.И. Шестов выделяет отличную типологию людей. Он не различает индивида, человека и личность, как это делает Бердяев. Для Шестова не каждый человек сможет перейти в мир свободы, а только люди, пережившие трагедию и отказавшиеся от власти законов и следованию общественному мнению. Человек существует в нескольких ипостасях: разумный человек целиком подчинён миру отчуждения; человек общественный, как индивидуальность, — порабощён общим; это средний, моральный, смиренный тип людей, который лишён творческого начала; и живой человек - это гений либо человек, прошедший через опыт трагедии. Трагедия в философии Шестова — это способ перейти в мир свободы. Последний тип — райский человек, он живёт в состоянии дограховного, библейского рая.

По мнению обоих философов, человеческое бытие уникально, однозначного рецепта проживания жизни — нет. Необходимо индивидуальное отношение к конкретной ситуации на основе христианских ценностей, игнорируя примат разума и отрицая мир Кесаря, его основы и устои, в частности, стереотипизацию мышления и жизни.

Экзистенциальная философия Бердяева — это философия эксплицируемого смысла: глубина свободы проявляется в творчестве личности, что является частью смысла истории; а философия Шестова близка философии абсурда: идеализация, жизнь, не смотря на апофеоз бес-

почвенности. Если философствование Бердяева — это борьба за свободу, то философствование Шестова сводится к борьбе за возможность, а практический материал для осмысления оба находят у Достоевского.

Практическая значимость философии Бердяева и Шестова, подчёркнутая как в данной работе, так и в других исследованиях, заключается в выделении антропологической проекции свободы и необходимости человеческого бытия, подчёркивании данной антиномии как свойственной неподлинному бытию, в котором предполагается преодоление необходимости, становление *сверх* неё. В подлинном бытии мы наблюдаем проекцию свободы *через* ответственность. Ответственность всегда индивидуальна, соотнесена с индивидуальным местом в бытии. Индивидуальность несёт ответственность за присутствие, открывает себя для того, чтобы быть.

Исследование концепции свободы личности Н.А. Бердяева и Л.И. Шестова на основе творчества Достоевского не только вносит вклад в изучение истории русской экзистенциальной философии, но и намечает некоторые ориентиры для трактовки и современных антропологических проблем. Несмотря на оригинальность и обособленность русской философии от философии Запада и Востока, она сыграла свою роль и в развитии этих культур.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Бытие и творчество. Тайна новизны // Опыт эсхатологической метафизики Дух и реальность / Сост. и вступ. ст. В.Н. Колюжного. М.: АСТ, 2003. С.679.
2. *Бердяев Н.А.* Воля к жизни и воля к культуре // Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 177.
3. *Бердяев Н.А.* Начала // О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. С.383
4. *Бердяев Н.А.* О человеке, его свободе и духовности // Избранные труды/ Ред.-сост. Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская. М.: Московский психолого-социальный инс-т: Флинта, 1999. С.312.
5. *Бердяев Н.А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Диалектика божественного и человеческого / Сост. и вступ. ст. В.Н. Колюжного. М.: АСТ, 2005. С.620
6. *Буйло Б.И.* Судьба России в культурно-исторической концепции Н.А. Бердяева. Автореферат на соискание учёной степени доктора философских наук. [Электронный ресурс]. Dissert.com: Электронный каталог российских диссертаций. Режим доступа: http://www.dissert.com/contents/90460.html. Дата обращения: 18.04.2012.
7. *Гальцева Р.А.* Н. Бердяев - философ творчества и теоретик культуры. // Николай Бердяев. Философия творчества, искусства и культуры. М., 1994.С.7-35.
8. *Гальцева Р.А.* Очерки русской утопической мысли XX в. М.: Наука, 1991. С.208.
9. *Достоевский Ф.М.* Бесы. // Полное собрание соч. в 30Т.,Т.10,11. Сп.-б.: Наука, 1974. С.520; С.414.
10. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. // Полное собрание соч. в 30Т., Т.14,15. Сп.-б.: Наука, 1976. С. 512; 623.

11. *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья. // Полное собрание сочинений в 30Т., Т.5 / Сп.-б.: Наука, 1973. С. 407.

12. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. // Полное собрание соч. в 30Т., Т.6. Сп.-б.: Наука, 1973. С. 424.

13. *Зеньковский В.В.* История русской философии. Л.: ЭГО, 1991, Т.2.,Ч.2. С. 269.

14. *Лосский Н.О., Бердяев Н.А.* // История русской философии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.agnuz.info/tl_files/library/books/rusfil/ Дата обращения: 17.04.12.

15. *Новицын О.М.* Поэтика русской прозы. Метафизическое исследование. Сп.-б., ВРФШ, 1999. С.162.

16. *Шестов Л.И.* Апофеоз беспочвенности // Сочинения. / Сост., вступ. статья и прим. Поляков Л.В. М.: Раритет, 1995. С.431.

17. *Шестов Л.И.* Достоевский и Ницше. Философия трагедии. // Сочинения. / Сост., вступ. статья и прим. Поляков Л.В. М.: Раритет, 1995. С.431.

18. *Шестов Л.И.* Шекспир и его критик Брандес. М., 2008. С.441.

19. *Шестов Л.И.* Вместо предисловия. Киргегард и Достоевский // Киргегард и экзистенциальная философия (глас вопиющего в пустыне). М.: Прогресс-Гнозис, 1992. С. 304.

20. *Шестов Л.И.* Николай Бердяев (Гнозис и экзистенциальная философия) // Сочинения. / Сост., вступ. статья и прим. Поляков Л.В. М.: Раритет, 1995. С.431.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ КОЛОНИИЙ, КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ МЕТРОПОЛИИ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX В.). THE EMIGRATION RESETTLEMENT OF JAPANESE GOVERNMENT TOWARDS TO COLONIES AS WAY OF DECISION PROBLEMS OF MOTHER COUNTRY CENTRE (FIRST THIRD OF XX CENTURY)

Фоменко Вера Михайловна
Fomenko Vera
Иркутский Государственный Университет
Irkutsk State University
e-mail: faith.88@mail.ru

В последней четверти XIX в. развернулась ожесточенная борьба за передел мира между опытными колониальными державами и странами, желавшими побороться за «место под солнцем». На мировую арену вышли несколько государств, которые планировали принять непосредственное участие в этом переделе. В их числе была очнувшаяся после изоляции Япония. Упразднив невыгодные для Японии Ансэйские договоры, страна вступила в активную фазу действий.

В 1895 г., по итогам войны с Китаем, Япония получила в качестве колонии Формозу (Тайвань), также Пескадорские острова. В результате победы в русско-японской войне стала полноправной хозяйкой на Юж-

ном Сахалине, переняла у России права на аренду Квантунской области и получила свободу действий в Корее. К 1910 г. Япония окончательно закрепила за собой статус колониальной державы на мировой арене. Корифей колониализма с интересом наблюдали, как «желтые» справятся с делом, которое было по плечу только «белым» [5, С. 3].

С открытием границ (1869 г.), резким переходом страны на капиталистический путь развития, произошло обострение внутренних проблем, которые требовали незамедлительного решения. Безработица, неурожайные годы, нехватка земель для возделывания в коренной Японии побудили население к миграции за рубеж и в колонии своей страны. В результате к 1899 г. за границей проживало почти 100 тыс. японцев. Из них в Китае находилось 2.296, в Корее — 14.668, в Англии (с колониями) — 7.412, в США — 71.284 (в основном в Калифорнии), Гавайи приняли 27.155 японцев, тем временем, в метрополии проживало 43 млн 847 тыс. чел [3, С. 8]. С одной стороны, правительству была выгодна миграция японцев за рубеж, поскольку происходил отток населения, но с другой, гораздо выгоднее было переселения граждан в колонии Японии, так как метрополия могла бы пользоваться благами от деятельности переселенцев. Японцы, уехавшие за границу, работали на себя, а переселившиеся в колонии могли бы работать и на себя и на метрополию в целом. Поэтому приоритетом для японского правительства было развитие переселенческого движения японцев в свои вновь приобретенные колонии.

В то же время для страны Восходящего солнца было характерно наличие внутренних территорий, вошедших в состав Японии после реставрации Мэйдзи, население которых не имело таких же прав, как жители коренной Японии. Поэтому часто можно слышать словосочетание «внутренние колонии» по отношению к Хоккайдо, островам Рюкю и Курилам. На наш взгляд, при рассмотрении японской переселенческой политики стоит учитывать и эти территории, поскольку здесь можно проследить предпочтения граждан Японии.

По мере расширения колониальных владений, вставал вопрос о наиболее выгодном их использовании для метрополии. Поскольку центральная Япония страдала от перенаселенности и нехватки плодородных земель, правительство начало стимулировать японцев на переселение в вновь приобретенные территории. При этом, специалистами было точно вычислено сколько семей необходимо переселить в каждую из колоний, чтобы использовать их недра в полную силу. На прави-

тельственном уровне, для более подробного изучения колоний, в 1898 г. создается Тайваньское (с 1907 г. Восточноазиатское) общество, а в 1908 г. в Токийском университете была создана первая в стране кафедра колонизации, что показывает значимость вопроса для японцев.

Среди «внутренних колоний» особое внимание стоит уделить острову Хоккайдо. плотность населения на котором соотносилась следующим образом 12 чел. на км^2. против 130 чел. в коренной Японии. С 1969 г. по 1901 г. на остров прибыло 696.204 переселенца. Каждый японец, прибывший на Хоккайдо, получал бесплатно земельный надел и различные льготы. В основном на остров ехали заядлые рыбаки, а также земледельцы, в надежде на лучшую жизнь. Но, пожив на новом месте, далеко не все захотели остаться здесь на постоянное место жительства. Так, динамику переселения на Хоккайдо в первое десятилетие XX в. можно проследить по следующей таблице:

Год	Прибыло	Вернулось	Осталось
1903	44.942	8.738	36.204
1904	50.111	9.027	41.084
1905	58.224	10.305	17.829
1906	66.793	10.092	66.701
1907	79.737	13.457	66.280
1908	80.578	15.578	65.000
1909	63.848	13.799	50.019
1910	58.905	13.725	44.980

Составлено по данным источника [1, С. 48]

К 1908 г. население острова составило 1 млн. 450 тыс. чел. По данным японского правительства, для того, чтобы население Хоккайдо достигло плотности коренной Японии, необходимо переселить на остров еще 9 млн чел. Таким образом, проблема перенаселенности острова Хонсю могла быть решена путем грамотного стимулирования переселенческого движения. Хоккайдо стал одним из мест, где в 1918 г. был основан императорский университет, что, несомненно, увеличило поток переселенцев.

Но все же, «лабораторией» колониальной политики Японии считается Формоза, по величине примерно равный Южной части Сахалина

или японскому острову Кюсю. Прежде чем начать переселение японцев на остров, правительству пришлось положить немало усилий на подавление всякого рода болезней, таких как: чума, холера, малярия и т. д. Население Формозы, в основном китайцы, оказали японцам сопротивление, которое было подавлено.Японское правительство дало возможность китайцам по желанию покидать остров. Плотность населения к 1907 г. составляла 90 чел. на км^2, при общем количестве 3 млн 223 тыс. чел. Из этого числа около 79 тыс. японцев, 115 тыс. диких племен и 3 млн 19 тыс. китайцев [1, С. 49]. По плотности населения Формоза схожа с Кюсю, но на последнем проживало около 65 млн. чел. т. е., Формоза могла принять еще достаточно большое количество переселенцев. Нельзя сказать, что японцы безвозвратно уезжали на Формозу, приблизительно в год, число японцев, прибывших на остров, колебалось от 13 до 20 тыс. чел. При этом около 14 тыс. каждый год возвращались в метрополию. Переселившиеся в основном занимались торговлей, ремеслами. К 1908 г. переселенческое движение усилилось, поскольку правительство стало целенаправленно подготавливать земли для своих граждан. Благодаря чему к 1920 г. на Формозе проживало около 178 тыс. японцев, что составляло 5% от всего населения острова [4, С. 51].

Большие планы по переселению граждан были у японского правительства в отношении Квантунской области и Кореи. Для того, чтобы отвлечь иммиграцию в США, Канаду, министр иностранных дел Японии Комура подчеркнул приоритетность вышеназванных территорий. Намерения начальства были подтверждены созданием в Корее Восточно-колонизационной компании для привлечения японских земледельцев. Если по отношению к Корее такие планы были осуществимы, то в отношении Манчжурии они вызывали большие сомнения у специалистов. Как оказалось, они были правы, конкурировать с китайцами в земледелии японцам было не под силу. К 1909 г. в Квантунской области проживало 413 тыс. китайцев и 32 тыс. японцев. Последние занимались, в большей степени, ремеслами, рыбной ловлей, торговлей. Тем временем в полосе отчуждения ЮМЖД, в этом же году, соотношение китайцев и японцев было следующим: 27 тыс. китайцев и 21 тыс. японцев [1, С. 50]. Но и здесь японцы не могли конкурировать с китайцами. Таким образом, Квантунская область не пригодна для массовой японской иммиграции. Она может только служить торговой площад-

кой, в которую необходимо вкладывать средства для последующего извлечения прибыли.

Более оптимистично дела обстояли в Корее. Плотность населения в которой в 2,5 раза меньше, чем на острове Хонсю, а также, количество доступных земель позволяло переселить в Корею около 460 тыс. чел. До русско-японской войны здесь проживало около 50 тыс. японцев, в 1913 г. их численность составила 266 тыс. чел., что дает ежегодный прирост 22 тыс. Поскольку страна полностью была подчинена Японии, многим корейцам пришлось иммигрировать из страны, в том числе и на русский Дальний Восток, тем самым освободив место для воплощения «японской мечты».

Особняком, среди японских колоний, стоит Южный Сахалин (Карафуто). Поскольку практически все русское население было вывезено, и у японцев появилась полная свобода действий, а также богатые природными ресурсами земли. Несмотря на преференции по отношению к переселенцам с 1906 г. по 1910 г. прибыло 1.153 семьи, из которых осталось 1.065 семей. Помимо них насчитывалось около 3.5 тыс. японских рыбаков. Все население Сахалина составило к 1910 г. 31 тыс. чел. Японцы тщательно исследовали земли новой колонии и пришли к выводу, что целесообразней будет переселить в нее еще 80 тыс. чел., которые должны были заняться возделыванием плодородных земель. И столько же рекомендовать поселить в черту города, где японцы могли бы заняться торговлей и ремеслом. Стоит отметить, что расчеты японских исследователей воплотились в жизнь. К 1920 г. японское население Южного Сахалина составило 200 тыс. чел. (98% всего населения).

Таким образом, став колониальной державой у Японии появилась возможность решить свои насущные проблемы. Отчасти это было сделано, колонии стали источником сырья и продовольствия для метрополии. Но привлечь туда японское население было достаточно не просто. Граждане страны восходящего Солнца, все же, предпочитали коренную часть Японии колониям. Это было связано, прежде всего, с условиями труда. В колониях они существенно отличались от условий в коренной Японии. Тем не менее, стоит отметить, что в 20-е гг. происходит резкое увеличение миграции японцев в колонии, что связано с беспрецедентным ростом населения. Так в 1920 г. в метрополии проживало 55 млн 473 тыс. чел., а в 1930 г. эта цифра составила 64 млн 450 тыс., как следствие стали насущными те же проблемы, что и в начале XX в. При том, что в колониях проживало гораздо больше японцев, а именно, в Корее

21 млн чел, Формоза – 4,5 млн, и 295 тыс.в Карафуто, японское правительство по-прежнему, отмечало нехватку продовольствия, перенаселенность коренной Японии, недостаток пахотных земель [2, С. 130]. К 1930 г. правительством страны вновь были введены меры по поощрению диет, среди граждан, объявлено о необходимости рекультивации земли, о поощрении внутренней миграции. Все это говорит о том, что правящая элита все еще видела перспективу в переселении японцев в колонии и возможность с помощью граждан если не окончательно решить, то ослабить гнет насущных проблем в метрополии.

Литература

1. *Китай* и Япония. Обзор периодической печати № 188. – Хабаровск, 1914. – 52 с.

2. *Relations* of Japan with Munchuria and Mongolia. Japan Gaimusho – Tokyo, 1932. – 250 p.

3. *Кузнецов С.Н.* Росиа-ни вататта нихондзин. Эдо, Мэйдзи, Тайсё, Сёва. (Японцы в России в эпохи Эдо, Мэйдзи, Тайсё и Сёва.) / С. Н. Кузнецов. – Токио, 2004.

4. *Молодяков В.Э.* История Японии. XX век / В. Э. Молодяков, Э. В., Молодякова, С.Б. Маркарьян. – М., 2007. – 528 с.

5. *The Japanese* Colonial Empire, 1895 – 1945. Ed. Ramon H. Myers, Mark R. Peattie – Princeton, 1987. – 560 p.

КРИТИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ч.С. ПИРСА В КАЧЕСТВЕ АНТИРЕАЛИСТА.
CRITICISN OF INTERPRETATION OF C.S. PIERCE AS AN ANTI-REALIST

Шалдяков Максим Николаевич
Shaldyakov Maxim Nikolaevich
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
shaldyakov@mail.ru

Сейчас в среде российских историков философии удивительно малое внимание уделяется такому направлению, как прагматизм. Более того, не наблюдается тенденции на восполнение этого пробела: историко-философские исследования прагматизма как направления не пользуются особой популярностью у молодых специалистов. Это можно объяснить недостатком информации о данном философском течении, предоставляемой в рамках курса истории философии студентам. В подобных условиях не стоит удивляться возникновению и закреплению ошибочных или, по крайней мере, спорных интерпретаций, классификаций и представлений, связанных с прагматизмом. Между тем,

адекватное понимание прагматической философии крайне ценно для изучения современной аналитической философии, а также американской культуры, на которую прагматизм оказал значительное влияние, кроме того, прагматизм как таковой представляется нам крайне интересным предметом историко-философских исследований.

Целью данной статьи является прояснение следующего историко-философского вопроса: куда с точки зрения фундаментальной онтоэпистемологической оппозиции «реализм/антиреализм» следует относить прагматизм как философское направление (в частности, позицию основателя прагматизма Чарльза Сандерса Пирса)? Традиционно прагматизм причисляют к антиреалистскому дискурсу в философии и методологии науки, теории познания и онтологии. Но если углубиться в изучение трудов самого Пирса, то подобное решение представленного выше вопроса покажется вовсе не таким очевидным.

Адекватным нашему исследованию видится краткое описание основных положений классиков философского прагматизма — Чарльза Сандерса Пирса, Уильяма Джеймса и Джона Дьюи. Начнём с указания на самые общие, характерные для всех этих философов, интенции. К таковым следует отнести в первую очередь понимание практики (в самом широком смысле этого слова) как фундаментальной составляющей человеческого бытия. При этом главным при определении ценности чего-либо является критерий полезности для практической деятельности, то есть что-либо полезно и хорошо настолько, насколько это помогает эффективно действовать и достигать целей. Такая позиция предполагает определённые эпистемологические следствия, заключающиеся в переосмыслении процесса познания, а также его результатов, то есть знания и истины, в свете их практического значения. Первый шаг в этом направлении был сделан именно Ч.С. Пирсом: основным предложенным им новшеством была интерпретация знания в качестве веры (уверенности, готовности действовать определённым образом). Процесс познания, по мнению Пирса, является последовательным движением от сомнения к полной уверенности — это не индивидуальный процесс, так как познающим субъектом выступает сообщество исследователей [1. С. 30-37]. Это сообщество неограниченно во времени и может принимать, проверять, бесконечно перепроверять и при необходимости отвергать различные положения. Истина трактуется как относительно устойчивое заключение, к которому пришло сообщество. Причём, если один и тот же класс явлений может быть объяснён с по-

мощью двух (число может быть большим) альтернативных теорий, и эти теории обладают одинаковой эвристической и прогностической силой, но сообщество исследователей предпочитает одну из них другой (например, в силу её простоты и удобства), истинной следует признать ту теорию, которая была выбрана сообществом исследователей.

Основным популяризатором идей Ч.С. Пирса был У. Джеймс, чья позиция в отношении «истины» была более радикальной, что выражается в окончательном отказе от корреспондентной теории. Взамен выдвигается новая концепция истины, ориентированная, прежде всего, на практическую деятельность: истинными признаются успешные, то есть полезные для достижения целей, идеи, теории и суждения. Успешность определяется в опыте, поэтому опыт получает важнейшую роль в концепции Уильяма Джеймса. Это выражается в принципе «радикального эмпиризма», состоящего в истолковании опыта как непрерывного, недифференцированного потока сознания, из которого волевым усилием познающего субъекта формируются отдельности, которым приписывается статус вещей или событий за счёт именования. Очевидно, что, придерживаясь такой позиции, уже невозможно говорить о независимой от сознания, или скорее психики, реальности, то есть Джеймс явно усилил психологизм изначально присущий прагматизму а также устранил те ограничения, которые ставились познавательному процессу при признании познающим субъектом сообщества исследователей. Таким образом, под сомнение ставится не только объективность, но интерсубъективность знания и истины (истин).

Джон Дьюи развивая идеи прагматизма выдвинул концепцию инструментализма. В инструментализме, как и следует из названия, научные теории, гипотезы и высказывания рассматриваются как инструменты, которые не открываются, а относительно свободно изобретаются учёными в ходе научной деятельности; происходит полный отказ от поиска каких либо метафизических оснований знания. Таким образом, концепция Дьюи также ориентирована прежде всего на практическую деятельность. Истина трактуется как знание полезное для эффективных действий по достижению цели в конкретной ситуации. Опыт понимается как цепь последовательно сменяющих друг друга ситуаций, по отношению к которым субъект опыта может высказывать оценочные суждения, реконструировать неизвестные элементы ситуации и действовать в соответствии с построенными таким образом теориями. Исследование представляет собой поэтапное продвижение от ситуации

затруднения к устойчивой ситуации, при которой имеет место уверенность [3. С. 942-951].

Приведённые выше примеры, как нам кажется, достаточны для ясной демонстрации наличия идейной целостности и преемственности в рамках прагматизма как философского направления, по крайней мере, на ранних этапах его развития. Но кроме этого те же примеры показывают и фундаментальные различия во взглядах основателя прагматизма и его последователей (причём это касается как классиков прагматизма У. Джеймса и Дж. Дьюи, так и более поздних его представителей, рассмотрение позиций которых не предусматривается в рамках данной статьи). Далее мы остановимся именно на этих различиях. Именно они, на наш взгляд, позволяют отнести Пирса к реалистам. Одна из самых важных отличительных черт его позиции — понимание научного метода в качестве средства установления истинных верований в отношении объективной реальности. Причём рассуждая о гипотезе, согласно которой существует внешняя реальность, Ч.С. Пирс утверждает, что в ней невозможно сомневаться. С его точки зрения, предположение существования внешней реальности является пресуппозицией любых наших суждений, размышлений и действий. А если мы утверждаем, что внешней реальности не существует, но при этом продолжаем действовать так, как будто она существует, то мы просто не верим в своё собственное утверждение. Таким образом, уже можно говорить о том, что в онтологическом аспекте Чарльз Сандерс Пирс является реалистом, при этом опорой его реализма является не метафизика, а практика, что, собственно говоря, соответствует основной интенции его философствования. Далее укажем также на представления основателя прагматизма относительно результатов научного исследования. Пирс считал, что верования неограниченного во времени сообщества исследователей будут постоянно стремиться к состоянию наибольшей эффективности для практики, причём эта эффективность обусловлена именно тем, что верования этого сообщества соответствуют реальности. То есть в эпистемологическом аспекте имеет место не только реализм, но оптимизм касательно возможностей человеческого разума в деле постижения реальности.

Кроме того, мы считаем необходимым ответить на возможное возражение, основанием которого может стать семиотическая позиция Ч.С. Пирса. Дело в том, что он понимал бытие как существование в качестве знака, то есть знаком является абсолютно всё: слова, изобра-

жения, научные теории, математические уравнения, предметы физического мира, мысли, образы, сами люди и т.д. Возникает вопрос: как подобные взгляды соотносятся с реалистической позицией? Как нам кажется, на этот вопрос можно дать достаточно простой ответ: в философии Пирса происходит онтологизация знака. Пользуясь терминологией Уиларда Куайна, мы можем сказать, что позиция рассматриваемого в данной статье мыслителя содержит «онтологические обязательства», заключающиеся в необходимости признать объективную реальность знаков; то есть под «знаком» Ч.С. Пирс понимает не только имена, но и любые объекты действительности. Таким образом, онтологизация знака не только не является отступлением от реализма, но представляет собой следование реализму в области семиотики.

Следует также указать на то, что Ч.С. Пирс в своих поздних работах излагает собственную версию космологии, которую можно назвать платонистической, что так же говорит реалистических взглядах. Но адекватный анализ его космологической позиции вышел бы за рамки данной статьи (это же можно сказать и о взглядах в отношении математических объектов, в частности континуумов). Впрочем, нам кажется, что приведённых нами аргументов уже достаточно для того, чтобы высветить существующую в области истории философии проблему.

Литература

1. *Мельвиль Ю.К.* Чарльз Пирс и прагматизм. М.: Издательство МГУ, 1968.

2. *Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения. М: Логос, 2000.

3. *Рассел Б.* История западной философии. Новосибирск: Новосибирского ун-та, 2001.

4. *Горский Д.П.* Операциональные определения и операционализм П. Бриджмена // Вопросы философии, 1971. № 6.

[1] 李明远，认知心理学与口译课，重庆：“四川外语学院学报”，1998.

[2] *Taylor-Boulandon V.* Conference interpreting: Principles and Practice, Adelaide: Crawford House Publishing, 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ 3
Афанасьева Е.Н. Лексика свадебного обряда в русском языке: история и этимология. The Russian Lexicon of wedding ritual: History and Etymology ... 3
Беккер Е.В., Жусуускене Т.С. Англицизмы как социальная проблема нового поколения. Anglicism as a social problem of new generation ... 8
Белова А.Н. Концептосфера «восточного» творческого наследия Гёте. Поэтический цикл «Chinesisch – deutsche Jahres- und Tageszeiten» («Китайско-немецкие времена года и дня»). Conceptosphere of Goethes «east» creative heritage. Poetic cycle «Chinesisch – deutsche Jahres- und Tageszeiten» («Sino-German Seasons and times of Day») ... 11
Богданов А.А. Образы фантастических существ в китайских пословицах и поговорках. Images of fantastic creatures in the Chinese proverbs and sayings ... 19
Васильева М.Е., Жукаускене Т.С. Сравнительный анализ русского и британского юмора. Comparative analysis of Russian and British humor ... 25
Власова Е.М., Тян Е.В. Семантика слова «любовь» при переводе с греческого на русский/ английский языки. Semantics of the word 'love' when translated from Greek into Russian / English ... 29
Воронков И.И. Буквенные слова в современном китайском языке Letter words in modern Chinese ... 33
Дядькина Н.А., Корнева Е.Д. Особенности фразеологии китайского языка. Specific features of Chinese phraseology ... 38
Зарубин А.Н. Chinglish: a cultural phenomenon. Чинглиш как культурный феномен 41
Игнатов А.А. Исследование проблемы «речевого портрета» в отечественной лингвистике. The study of the problem of speech portrait in Russian linguistics ... 48
Кан В. 大学生活 ... 56
Кандинская М.В. Конфликт как составляющая социально-культурного измерения интернет-форума. A conflict is a component of social and cultural Internet-forum dimension ... 58
Коренькова Е.О. Θῦμός у Гомера и в Новом Завете: проблемы семантики. Gomer's Θῦμός and in the New Testament: semantics problems ... 64
Крупенкова М.В. Синонимический ряд «народ» в англосаксонской поэме «Исход» Synonyms meaning "a people" in the Anglo – Saxon poem "Exodus" ... 69
Макарова Ю.И. Анализ употребления оценочной лексики на примере отрывка из рассказа «To kill a mocking bird». The analysis of the use of estimated lexicon on a fragment example from the novel «To kill a mocking bird» ... 73
Марущак С.С. Речевые стратегии и тактики в дискурсе семейного конфликта. Speech strategies and tactics in the family conflict discourse ... 77
Махнева Д.В. Анализ эволюционных изменений древней иероглифики в китайском языке The analysis of evolutionary changes of ancient hieroglyphic in Chinese ... 85
Михальцова И.В. Гендерные исследования. Понятие «гендерного стереотипа». Gender studies. The «Gender stereotype» definition ... 88
Набиуллина А.С. Концептуальная метафора «жизнь-борьба» в психологическом дискурсе Conceptual mataphor "life is a struggle" in psychological discourse ... 93

Нагорная Т.А. Развитие лексической составляющей немецкого языка, обусловленное распространением Библии в переводе М. Лютера. The development of the lexical component of the German language caused by the distribution of the Bible in M. Luther's translation 97

Паршина М.В. Функционирование фразеологизмов в произведении Артура Конана Дойла «Записки Шерлока Холмса». Functioning of phraseological units in the story-book of Doyle Arthur Conan "The casebook of Sherlock Holmes" 102

Пивоваров В.О. Знак как основа языковой коммуникации. Sigh as a basis for communication 108

Поляков Е.М. Представления об эволюции культуры и человеческого сознания в современной англо-американской философии: к вопросу о причинно-следственной связи. Ideas of evolution of culture and human consciousness in modern Anglo-American philosophy: to a question of relationship of cause and effect 112

Постернак И.С. Концептуальная метафора в текстах СМИ. Conceptual metaphor in mass media texts 120

Разова А.С. Лексико-грамматические особенности газетных и журнальных отзывов на книги. Lexical and grammatical characteristics of newspaper and magazine reviews on books 125

Рогалева О.К. Ономатопоэтическая лексика китайского языка. Onomatopoetick lexicon of Chinese 129

Сефип Л.А. Семантическая классификация английского сленга Semantic classification of english slang 135

Тарбастаева Н.Г. Проблема многозначности слов в современном английском языке. The problem of polysemy in english 142

Терентьева Е.Б. Способы передачи культурно значимой информации в англоязычных рекламных текстах финансовых услуг. Ways of culturally significant information communication in English Finance Services Advertisement Texts 148

Чубарь П.И. Интерпретация фотографии как медиа, через призму Востока. Interpretation of photography as a media through the prism of the East 152

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 157

Безносова Е.Д. Типология заданий по формированию социокультурной компетенции. Typology of tasks on formation of sociocultural competence 157

Булычова М.А. История возникновения и развития программированного метода обучения иностранным языкам. The history of the origin and development of the programmed method of teaching foreign languages 161

Врублевская М.В. Принципы отбора материала культурологического характера для учебного пособия по иностранному языку. Principles of selecting cultural content for foreign language text books 165

Дудникова Н.В Коммуникативно-интерактивная методика преподавания китайского языка. Communicative and interactive method of teaching Chinese 170

Желтикова А.А. Использование проектных технологий на занятиях по иностранному языку в вузе. Use of the project technologies on the foreign language lessons in higher education institution 174

Залайнов С.В. Специализация студентов, изучающих китайский язык по приоритетным отраслям сотрудничества России и Китая. Specialization of the students studying Chinese on priority branches of cooperation of Russia and China 178

Иванова Ю.А. Инновационные методы обучения иностранным языкам (метод проектов, использование Интернет - технологий). Innovative techniques of teaching foreign languages (project method, the use of the Internet – technologies) 182
Кащенко Н.В., Минакова Л.Ю. Когнитивные аспекты проектной деятельности при обучении иностранным языкам. Cognitive aspects of the project activity in teaching foreign languages 189
Кутузова Ю.Г. Аудиовизуальный метод обучения иностранным языкам. Audio-visual Method in Teaching Foreign Languages 194
Куликова Е.А. Прямой метод обучения иностранным языкам: актуальность его использования. The direct method of studying foreign languages: the urgency of its usage 198
Маркова А.Д. Функции ролевого общения при обучении иностранному языку. Functions of role communication in learning a foreign language 201
Макарова Н.П. Критерии построения лексических упражнений при обучении чтению. Criteria of compiling lexical exercises for teaching reading skills 204
Митчелл Л.А. «Storyline» как подход к обучению иностранному языку на физико-техническом факультете Томского госуниверситета. "Storyline" as an approach to teaching languages at the Faculty of Physics and Engineering, Tomsk State University 209
Михальцова И.В. Аудиолингвальный метод в преподавании иностранных языков. Audiolingual method in teaching foreign languages 211
Постернак И.С. Использование проблемного метода в обучении иностранному языку. The usage of problem method in teaching foreign language 215
Прочан Г.В. Интенсивное обучение иностранным языкам. Intensive teaching foreign languages 221
Ракова А.В. Повышение мотивации изучения английского языка. Improving motivation for learning English 226
Терехина Н.М. Реализация принципа наглядности при обучении иностранному языку. Use of visual methods for the foreign language teaching 231
Тихонова Е.В., Жукаускене Т.С. Обучение студентов фонетическому строю китайского языка как одному из аспектов речевой деятельности. Teaching students of a phonetic system of Chinese as one of the aspects of speech activity 235
Хертек А.О. Роль грамматических навыков в формировании коммуникативной компетенции у учащихся в школах Республики Тыва. Role of grammatical skills in formation of communicative competence at pupils at schools of the Republic of Tyva 238

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ВОСТОЧНЫХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ 246
Атаманова Е.А. Особенности перевода китайских мифологизмов. Peculiarities of translating Chinese mythologems 246
Золотарев С.В. Понятие и классификация реалий. Realia notion and classification 251
Азарова К.В. Особенности песенного перевода. Translation of lyrics and its special features 255
Иванникова А.Г. Особенности перевода деловых писем на китайском языке. Translation features of business letters in Chinese 259
Капитонова М.А. Культурная информация в аспекте межъязыковой симметрии в художественном переводе. Cultural Information in Literal Translation: Interlingual Aspect 265

Расимова Л.Б., Кибякова П.И. Особенности перевода чэнъюй с китайского языка на русский. The special features of chengyu translation from Chinese into Russian language 273

Кожа Д.Н. Проблемы машинного перевода китайского языка. The problems of translation in the Chinese language 275

Кузнецова Е.В. Культурная аккомодация в переводе. Cultural accommodation in translation 281

Лысцова Т.Н. Перевод иностранных названий брендов на китайский язык. Translation of foreign names of brands into Chinese 286

Маланханова А.Е. Особенности перевода фразеологизмов с китайского языка на русский. Features of phraseological units translation from Chinese language to Russian 290

Морозова И.В. Функциональная обусловленность достижения адекватности перевода служебного документа. The functional determination for the adequate translation of the official documents 295

Назаров Р.В., Дон Е.Ф. Способы достижения переводческой эквивалентности и адекватности при переводе военных документов. Ways to achieve the equivalence and adequacy of the translation of military documents 300

Николаева А.С. Корейская классическая поэзия сиджо как объект перевода. Korean classical poetry sidzho as an object of translation 307

Приворотская Т.В. Перевод с субтитрами (на материале фильма Цзинь Ма «Мулан», КНР, 2009 г.). Translation with subtitles (based on "Mulan" by Jin Ma, China, 2009) 313

Родионенко Т.О. Японская переводоведческая традиция. Japanese translation tradition 318

Самойкина Ю.А. Факторы, определяющие успешность работы синхронного переводчика. The factors defining success of work of the synchronous interpreter 322

Семенов Д.В., Дон Е.Ф. Проблемы перевода французской военной терминологии на русский язык. Problems of interpreting of French military terminology into Russian 326

Тагина Е.К. Лексические трудности перевода китайских неологизмов на русский язык. Lexical difficulties of translation of the Chinese neologisms into Russian 330

Тарова Ж.Б., Тихонова Е.В. «Особенности перевода китайских и русских пословиц и поговорок, отражающих отношения между мужчиной и женщиной». "Translation peculiarities of the Chinese and Russian proverbs and sayings, which reflect relationships between men and women" 334

Чернакова О.Н., Тихонова Е.В. Особенности перевода текстов китайской прессы. The peculiarities of Chinese press translation 338

Шевцов С.В. Семантические процессы во французской военной терминологии (диахронический аспект). Semantic processes in French military terminology (diachronic aspect) 342

Шиляев К.С. Метафора «эмоция – субъект внутреннего мира» в произведениях Дж. Лондона «The Call of the Wild» и «White Fang» и их переводах. «Emotion is subject» metaphor in «The Call of the Wild» and «White Fang» by Jack London and their translations 349

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ 358

Билибенко А.В. Болезнь в горизонте существования: экзистенциальная модель психического заболевания в теории Р.Д. Лэйнга. Disease in the horizon of existence: existential model of mental illness in the theory of R.D. Laing 358

Власова О.А. Карл Ясперс и Гейдельбергская клиника: традиция философской психиатрии Karl Jaspers and Heidelberg Clinic: Tradition of Philosophical Psychiatry 363

Григоренко П.И. Причины возникновения морально-этических проблем, связанных с развитием технологической базы общества. The causes of the moral and ethical problems associated with the development of he technological base of society 371

Журавлев М.Ю. Формализация архитектуры как средство решения задач категориального уровня. Architecture Formalization as a Solution to Categorical Level Relations 376

Иванов К.В. Периодизация истории Кореи в современной корейской историографии. Periodization of Korean history in the modern Korean historiography 381

Ковшов М.В. Научно-исследовательский проект кафедры библеистики Московской духовной академии (МДА) «Апостол Павел и его послания в свете данных современной библеистики». The research project of the Chair of Biblical Studies (Moscow Orthodox Theological Academy) «Saint Paul the Apostle and his epistles in the light of Modern Biblical Scholarship» 389

Котикова К.О. Наука и искусство в современном информационном обществе: этические проблемы «художественной науки» и «научного искусства». Science and art in the modern information society: ethical problems of «artistic science» and «scientific art» 399

Краковская М.С. Актуальные проблемы подготовки будущих педагогов-психологов к работе по совершенствованию взаимоотношений между старшими дошкольниками. Relevant problems of the future specialists in the sphere of pedagogic psychology preparation to work on the improvement of the children's relationships 404

Течинова А.М. Обзор научных трудов, посвященных категории падежа в тюркологии Review of scholarly works on case in Turkic Languages 412

Черепанова М.В. Кодекс ученого: от фрагментарной морали к целостной личности. Code of the scientist: from fragmentary morality to integrated personality 419

Филипповский В.А. Анализ высказываний о связях в работах А.А. Зиновьева. The analysis of statements about communications in works of Zinovyev A.A. 426

ВОСТОЧНЫЕ ТРАДИЦИИ В ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЕ: ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ 435

Андреенкова Д.А. Живопись эпохи сун. Sung epoch art 435

Вовченко В.И., Мадяр Е.Я. Либеральное течение в исламе в контексте развития современного мусульманского общества. The liberal movement of Islam in the context of contemporary Muslim societies 443

Волкова Е.В. Взаимосвязь культур Востока и Запада в работах Ю.Н.Рериха. Interconnection of east and west cultures in works by U. Roerich 449

Габрусенко К.А. Понятия 'бесконечное' и 'множество' в работах Б. Больцано. Notions of 'set' and 'infinity' in works of B. Bolzano 452

Дарханова В.В., Жукаускене Т.С. «Восточные традиции в западной культуре». «Eastern traditions in western culture» 459

Журавлев М.Ю. К вопросу об онтологическом статусе архитектуры. To the Issue of the Ontological Status of Architecture 466

Игна Я.Д. Даосизм: философия или религия? Taoism: philosophy or religion? 474

Калашникова В.Н. Использование параллельного корпуса текстов в решении проблем сопоставительной лингвистики (на материале Национального корпуса русского языка). Parallel Text Corpus Usage in Solving Problems in Comparative Linguistics (Based on the Material of the Russian National Corpus) 479

Ковшов М.В. Представления об образе и подобии бога в древних цивилизациях Ближнего Востока. The conception of image and likeness of god in ancient civilizations of Near East 484

Костина Т.Ю. Рерих – создатель тибетско-русско-английского словаря. Roerich - the creator of the Tibetan-Russian-English dictionary 488

Кошелюк Н.А. Традиции Востока в европейской культуре XIX столетия. The East in the European culture of the 19th century 492

Кузьмина М.С. «Цзун Цяо - учение предков»: Религиозность и специфика. Понимание религии в китайской культуре. "Zong jiao - the doctrine of ancestors": Religion and the specific. The understanding of religion in Chinese culture 496

Лазарева А.Г. Образ журавля в культуре Китая. The image of the crane in the culture of China 500

Матвеева В.В. Гаудия-вайшнавизм в России: немного о становлении и местной специфике. Gaudia-vaisnavism in Russia: several words about establishment and local specificity 504

Метелина К.О., Конева А.М. Идеальный человек и идеальное общество в философии конфуция. The ideal human and the ideal society in the philosophy of confucius 509

Миронов В.А. Понятие в европейской и древнекитайской языковых системах. Concept of the European and Old Chinese language systems 515

Москалева С.А. Сравнительный анализ речевых этикетов в русском, английском и китайском языках. Comparative analysis of verbal etiquette in Russian, English and Chinese languages 517

Путинцева А.А. Мусульманство в Китае: связь арабских традиций и китайской культуры. Chinese Muslims: Connection between Arabic Traditions and Chinese Culture 522

Рукавишникова И.С. Противоречивость существования человека. Contravariety of human existence 527

Рылькова А.В. Символика китайского национального театра. The Symbolism of Chinese national theatre 533

Синцова В.В. Культ предков и концепция «сяо» в древнем китае. Ancestor worship and concept "xiao" in ancient china 538

Софронов Т.Ю. Политика демилитаризации в Германии и Японии после второй мировой войны как попытка осуществления идеи «вечного мира». The policy of demilitarization in Germany and Japan after Second World War as the attempt of realization of «perpetual peace» idea 545

Суван-оол Е.С., Олурцова Ю.О. Китайские и русские фразеологизмы сквозь призму гендерных стереотипов 552

Торлопова Л.А. Особенности философствования Н. Бердяева и Л. Шестова на материале восприятия творчества Ф.М. Достоевского. Particular philosophy of N. Berdyaev and L. Shestov on the material perception of F. Dostoevsky 558

Фаменко В.М. Переселенческая политика японского правительства в отношении колоний, как способ решения проблем метрополии (первая треть XX в.). The Emigration resettlement of Japanese government towards to colonies as way of decision problems of mother country centre (first third of XX century) 562

Шалдяков М.Н. Критика интерпретации Ч.С. Пирса в качестве антиреалиста. Criticisn of interpretation of C.S. Pierce as an anti-realist 567

Научное издание

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА
В КУЛЬТУРАХ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Материалы Международной молодежной конференции
28-29 сентября 2012 года

Статьи опубликованы в авторской редакции

Подписано в печать
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. ; усл. печ. л. ; уч.-изд. л.
Тираж . Заказ

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск,
ул. Высоцкого, 28, стр. 1

